В.П. Белик

МОИ ДОРОГИ

В поисках редких птиц, или познание удивительной Природы России

Памяти
Родителей,
Учителей
и всех ушедших
друзей и коллег
посвящается…

Южный федеральный университет
Мензбировское орнитологическое общество
Союз охраны птиц России

В. П. Белик

МОИ ДОРОГИ

В поисках редких птиц, или познание удивительной Природы России

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

УДК 598.2-022.251(47+57)(075)
ББК 28.693.35(2)я7
Б43

Рецензент
кандидат биологических наук П. А. Тильба
Сочинский национальный парк

Научный редактор
к.б.н., доцент В. М. Музаев
КалмГУ, Элиста

Белик, В. П.
Б43 Мои дороги. В поисках редких птиц, или познание удивительной Природы России / В. П. Белик ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. – 594 с.

В книге кратко излагается биография автора, его научный путь, а также рассказывается о коллегах-орнитологах, о птицах и природе России, с которыми автор знакомился на протяжении своих многолетних исследований в разных регионах бывшего Советского Союза.

Книга рассчитана на зоологов, географов, преподавателей биологических дисциплин, студентов и школьников, изучающих родную природу, а также для всех тех, кому важна и дорога судьба природы России, кто еще не утратил интереса к жизни и к окружающей нас красоте.

ISBN 978-5-9275-3005-2

УДК 598.2-022.251(47+57)(075)
ББК 28.693.35(2)я7

© Белик В.П., 2018
© Южный федеральный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие ……...… 4
1. Истоки …….…… 6
2. Школа …….....… 25
3. Мои университеты …….....… 51
4. Первое «покорение» Кавказа …… 85
5. Путешествие по Средней Азии …….. 106
6. Первые научные экспедиции …… 123
7. Первые учителя …….. 154
8. Долгий путь в науку ……... 210
9. Осмысление пройденного пути …… 254
10. Вторая высота ……..... 293
11. Корифеи …….. 338
12. И вновь в университет ……... 378
13. За редкими птицами ……... 396
14. Познание Кавказа ……... 496
Эпилог …… 590

Как грустно и скучно выполнять роль винтика,
предначертанную тебе Всевышним,
особенно если он – всего лишь такой же, как и ты,
простой смертный Начальник.
Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни каждого человека, будь то министр или президент, инженер или ученый, рабочий или крестьянин, есть особый период взросления, когда формируется характер, закладывается багаж знаний и навыков, развивается мышление. Индивидуальный опыт этого развития, особенно если его носителем является неординарная личность, всегда привлекает наше внимание, имеет определенный познавательный интерес, а также практическое значение для последующих поколений – детей и внуков, учеников и последователей, коллег и друзей и просто знакомых, которые могут использовать этот опыт и накопленные в течение чужой жизни полезные знания в своей дальнейшей деятельности.

Но этот период взросления оказывается, как правило, малоизвестным, таинственным, криптическим для большинства людей, окружающих уже сформировавшегося человека. Родителей и родных, которые знали, помнили тот период, зачастую уже нет в живых, да и они далеко не всегда могут достаточно точно, интересно и познавательно осветить детство и юность своего дитяти. Сверстники редко знают все подробности биографии коллеги, если только не прошли весь жизненный путь рядом с ним. И только сам носитель этих знаний может более или менее субъективно поведать о пройденном им пути. А уж читателю остается лишь судить об объективности повествования, сравнивая чужой рассказ со своими воспоминаниями и впечатлениями или с другими историческими жизнеописаниями.

Однажды с просьбой рассказать о своей жизни, которая будто бы представляет интерес для многих коллег, ко мне обратился один очень хороший человек, молодой, толковый орнитолог, которого я не могу назвать своим учеником, но для его успешного профессионального роста приложил некоторые усилия. Я, конечно, отмахнулся тогда от этого предложения, мол, мне и рассказывать о чём-то интересном, по сути, нечего, да и некогда было заниматься беллетристикой: практически всё время уходило на экспедиции, дневники, отчеты, статьи, книги, конференции, основную преподавательскую работу и т.д. и т.п.

Но постепенно в портфеле стали накапливаться рукописные материалы: воспоминания об отце и доме, заметки об интересных людях, встречах, путешествиях, часть из которых фрагментами публиковалась в газетах, журналах и книгах. Наконец, случайный знакомый, с которым мы разговорились как-то о репрессированных в сталинский период родственниках, заинтересовавшись, специально попросил посмотреть мои записи о них.

И вот я вновь достал свои старые тетради, дневники…

Знаменательно, что в это же время, в начале 2014 года, я получил книгу воспоминаний «Судьба Вятича», присланную мне профессором Николаем Михайловичем Матвеевым, известным ботаником-экологом из Самары. Она-то и подтолкнула меня к дальнейшей, более интенсивной работе. Правда, я не счел уместным писать документальный «научный отчет» о своей жизни для родственников и сотрудников, как это в какой-то мере получилось у Н.М. Матвеева. Я хотел бы поделиться с читателями теми событиями, что остались в моей памяти, которые, как мне кажется, эмоционально показывают тот криптический период моего «роста», опыт которого может избавить других людей от случайных ошибок молодости, поможет быстрее выйти на прямую дорогу.

Зрелая же жизнь, моя публичная деятельность, известная коллегам по статьям, книгам, встречам на конференциях, защитам диссертаций, работе в различных Советах, Редколлегиях и т.п., я полагаю, уже не представляет особых тайн. Это плоды моего труда, выросшие на древе, которое взрастили Родители и Учителя и которое сейчас поливают ученики, друзья и коллеги, постоянно присылая мне свои статьи, материалы наблюдений, размышления и многочисленные вопросы.

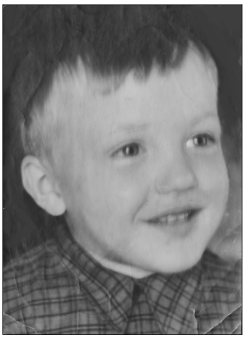
Хотелось бы здесь напомнить читателям также весьма актуальную сейчас мысль академика П.Л. Капицы, который, рассуждая как-то о судьбах ученых, говорил, что если дать им сразу все мыслимые и немыслимые условия для работы, посадить их, фигурально выражаясь, на теплую печь, то они могут там иногда так и просидеть всю жизнь, как Иванушка, или как дикие папуасы в джунглях, довольствуясь «благами», полученными почти что даром. Если же ученый сам карабкается вверх по ступенькам научного роста, по своей служебной лестнице, то он может сделать в науке намного больше и достичь значительно больших высот. Эта истина, впрочем, сплошь и рядом подтверждается на многочисленных примерах из нашего окружения, из нашей жизни…

05.10.2018 В.П. Белик

"В сей хижине убогой Стоит перед окном
Стол ветхий и треногой С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы И суеты мирской,
Висит полузаржавый Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные, Там жесткая постель –
Всё утвари простые, Всё рухлая скудель!
Скудель!.. *Но мне дороже,*
Чем бархатное ложе
И вазы богачей! ..."
(**К.Н. Батюшков**)

1. Истоки

Шостка, где мне выпало счастье родиться, расти, учиться в школе, обрести первых друзей, возникла несколько веков тому назад как небольшой посёлок, «слобода» при пороховом заводе, построенном среди глухих, потаённых лесов, песков и болот на левобережных террасах реки Десны. На наши детские вопросы, что означает непонятное слово Шостка, одни старики отвечали, что так назывался шестой приток Десны, чистые воды которого шли на промывку селитры, использовавшейся для производства пороха. Другие говорили, что сюда, на пороховой завод у берега лесной речушки, с Десны через густые дебри вела тайная тропа, обозначенная шестами.



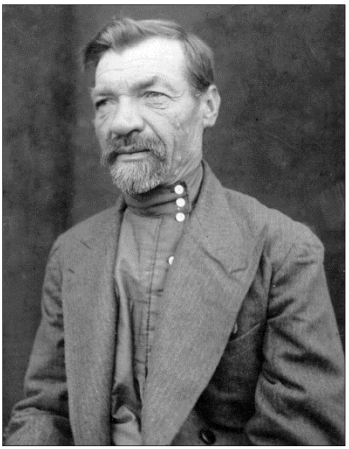
Пять лет – всё еще впереди… А это моя детская Ойкумена: огород, сосонник…

Так или иначе, с рекой Шосткой и с городком, расположенным на ней, связано всё мое детство и юность. Сюда я постоянно возвращался и позже – в годы учебы в университете, иногда в летние отпуска, или

просто проведать родителей. Лишь после похорон матери в феврале 2000 года пришлось распрощаться с нашим домом, и регулярные поездки в Шостку прекратились.

Предки по материнской линии издавна жили здесь же, неподалеку, в полесской деревне Мироновке, которую основали когда-то три украинских рода: Мироненко, Черкай и род моей матери Москаленко. Все эти три фамилии и сейчас значатся среди близких, дальних и совсем незнакомых родственников, постепенно расселившихся из Мироновки широко по всей нашей стране, по России и Украине.

Прадед, Иван Самойлович Москаленко, по рассказам родственников, на склоне своих лет занимался пасекой, жил летом на омшанике, заодно плёл лапти из лыка, которое драл с молодой липовой поросли, разраставшейся на пнях старых спиленных деревьев. Бабку свою, Пелагею Ивановну, я не застал в живых. Незадолго до моего рождения она погибла от удара молнии, когда несла домой железные ведра с водой на коромысле. А дед Федор Иванович умер от заработанного в уральской тайге туберкулеза вскоре после моего рождения. Но рассказы о нём, о его незавидной судьбе я слушал неоднократно, и, судя по словам рассказчиков, думаю, что дедов характер отчасти передался, наверное, и мне.



Дед Федор Иванович Москаленко.

Пелагея Ивановна на Урале. 01.05.1932.

Трудолюбивый, принципиальный, непьющий дед имел крепкое крестьянское подворье в селе. Он выписывал агрономические журналы, помогавшие ему в организации сложной деревенской работы, купил механическую молотилку, значительно сократившую потери зерна при обмолоте. И поэтому, не угодив каким-то властным тунеядцам-

завистникам, весной 1930 года был «раскулачен» и со всей семьей сослан в уральские леса, на станцию Выя к северу от Свердловска (Екатеринбурга), а затем по узкоколейке еще дальше в таёжную глушь – на станцию Ляля.

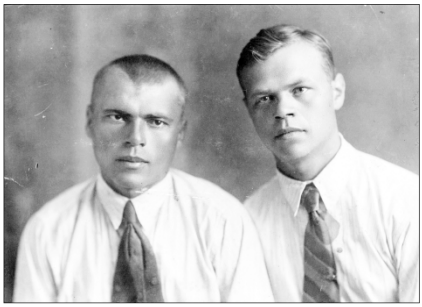
Там только благодаря крестьянской выносливости и сноровке он вместе с остальными ссыльными смог быстро срубить избушку в тайге и выжить в холода, дожить до лета. В Мироновке же остались лишь его старшие дочери Ульяна и Матрёна, вышедшие к тому времени замуж за Василия Черкая и Петра Мироненко и жившие отдельными семьями. Но вскоре в Шостку вернулась его младшая, еще несовершеннолетняя дочь Ирина – моя будущая мать, устроившаяся работать в городской швейной мастерской «Индпошив».

Ирина Федоровна Москаленко в девичестве

Через два года из ссылки тайком бежал и сын Степан, многочисленные таежные, дорожные, городские и деревенские приключения которого достойны отдельного повествования. По его рассказам, трех парней, вместе бежавших из тайги домой, в Шостку, выводил тайными тропами, минуя рудники и прииски со стражей, местный проводник, получивший за свою «работу» по 200 рублей с каждого. Беглецы шли около 250 км до Нижнего Тагила, однажды наткнулись на засаду, но смогли скрыться, отлежались в болоте и благополучно продолжили путь дальше.

В Нижнем Тагиле они переоделись в чистую, «цивильную» одежду, которую несли в котомках за плечами, на лацканы нацепили комсомольские значки, но вместо паспортов у них были лишь поддельные

справки с печатями, которые были вырезаны из резиновых галош еще в Ляле своим же умельцем – братом Прокопом. Дефицитные билеты на поезд до Москвы через Пермь парни доставали по одному, предварительно договорившись встретиться в Москве на Киевском вокзале. Однако добравшись до столицы и отыскав там Киевский вокзал, Степан сразу же понял, что уехавших раньше друзей найти на нём вряд ли удастся.



Братья – Степан (слева) и Прокоп, погибший в Отечественную войну

Переночевав с местной шпаной у костра на площади перед вокзалом, утром Степан встретил там вербовщика, пришедшего нанимать крепких мужиков чернорабочими. Помыкавшись так по разным стройкам в Москве, он устроился, наконец, землекопом на Истра-строе. Но осенью туда навезли «зэков», а всех вольнонаемных рабочих эвакуировали в Москву. Поиски же новой работы в нашей прекрасной столице долго не давали результатов, и поэтому Степан решил отправиться домой в Мироновку. Однако там, оповещенные какими-то местными добросовестными осведомителями, за ним вскоре нагрянули «чекисты». Но Степан смог обмануть их, отсиделся на огороде в старой клуне, заваленной снопами жита (ржи), потом вернулся на железнодорожный разъезд в лесу близ села Маково и со знакомым машинистом на попутном паровозе, под видом кочегара, опять уехал в Москву.

В столице, вплоть до призыва в Армию, он вновь скитался по социалистическим стройкам, периодически меняя места жительства, скрываясь от интересовавшихся его прошлым чекистов из НКВД и зарабатывая себе копейки на кров и хлеб насущный. Затем Степана, как крепкого спортсмена и примерного призывника, распределили было в бронетанковые войска, но уже на призывном пункте чекисты неожиданно вновь «рассекретили» его и отправили теперь в стройбат – на

Дальний Восток. Только через два года, уже по окончании службы, вышел Указ И.В. Сталина о реабилитации, распространявшейся на родственников осужденных «врагов народа». И Степана ради прощения оставили служить в Красной Армии еще на полгода. Но после демобилизации, когда он вернулся в Москву, дирекция автобазы, откуда Степан уходил в Армию, встретила его подарками, его поселили в общежитие, дали койку, матрас, и началась легальная московская жизнь – вплоть до начала Финской войны, которую ему тоже пришлось пройти на лыжах в снегах Карелии.

Дед же вернулся из Уральской ссылки домой лишь после Отечественной войны, но тяжелая болезнь уже не дала ему возможности трудиться и строить свою новую жизнь. Присматривала за ним до последних дней моя мать, с которой он жил в нашем небольшом доме на окраине Шостки. Через его дочь, малограмотную, но такую же трудолюбивую, справедливую, простую, гены деда достались тогда, вероятно, и мне.

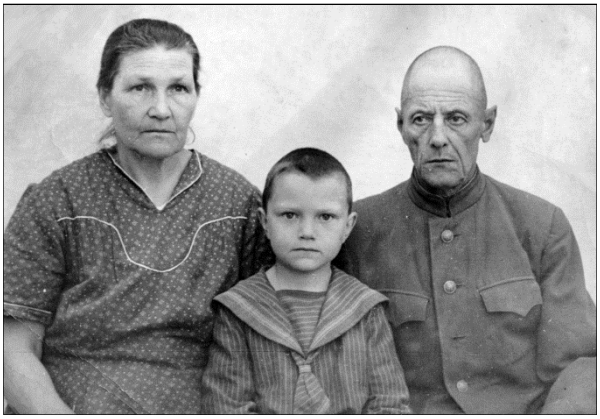
Отец Павел Васильевич
в саду в Шостке (1950-е годы).

Мать Ирина Федоровна
в саду в Шостке (1953 год).

А предки отца были из запорожцев, и попали они в Шостку случайно, по служивым делам. В Приднепровье, в Запорожской области, до сих пор сохранилось наше фамильное село Белики, откуда они вышли родом. Один из этих запорожских казаков, призванный на службу и направленный на охрану порохового завода, так и остался в Шостке, пустив там семейные корни. Мой прапрадед Макар Алексеевич служил

в XIX веке при заводе фейерверкером – младшим чином унтерофицерского звена в артиллерии. Его сын Иван был столяром-краснодеревщиком, и красивая, добротная мебель – гнутые венские стулья, шкафы, сделанные его руками, долго стояли в нашем старом доме. Самого Ивана Макаровича я не знал, но хорошо помню прабабку Елену Марковну, у которой из-за гангрены была ампутирована рука, укушенная ручной белкой. Елена Марковна уже не могла работать и поэтому подолгу сидела одна у окна в горнице в своем небольшом городском доме.

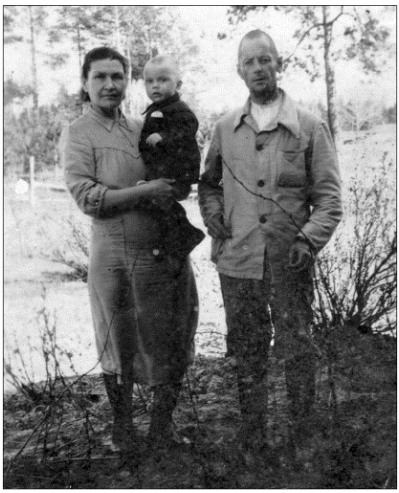
Мой дед по отцу Василий Иванович, сын столяра, стал профессиональным слесарем-лекальщиком высшего разряда, и поэтому его всегда с охотой брали на любые заводы. Но суровая обстановка послереволюционных лет заставляла его, как и моего дядьку Степана Федоровича в Москве, до самой Отечественной войны постоянно менять места работы, ездить по разным городам, уходя от пристального взгляда НКВД. В его «послужном» списке, кроме Шостки, – Ялта, Ленинград, Краматорск и др. В Крыму, в Ялте, в его семье летом 1923 года родился Павел Васильевич – мой отец, тоже долго кочевавший за дедом по стране (Книга памяти, 2008).



Дед Василий Иванович Белик и бабушка Елена Кузьминична
с внуком – моим двоюродным братом Володей Молодченко
в Таганроге

Великая Отечественная война застала семью отца на Донбассе, в Краматорске. Началась эвакуация тяжелой промышленности на Урал, и в сопровождение эшелона с заводским оборудованием был откомандирован Василий Иванович с сыном. Но доехать до Урала они не успели – судьба уготовала им дорогу в Сибирь. На одной из станций эшелон

попал под немецкую бомбежку, и чудом уцелевшие люди начали потом собирать на железнодорожных путях зерно из разбитых товарных вагонов, надеясь пополнить свои скудные съестные припасы. Однако по законам того грозного военного времени за это полагался трибунал. Кто и как доложил о том «преступлении» – не рассказывали. Да и вообще на разговоры о Сибири в семье было наложено табу, и узнал я об этом случае уже значительно позже, случайно.



Василий Иванович и Елена Кузьминична
в нашем саду в Шостке. 1950 г.

На Отечественную войну отец попал после реабилитации в 1942 году, а деда отправили на фронт немного позже. Отец дослужился в Армии до ефрейтора, получив много медалей: за взятие Кишинева, Бухареста, Будапешта, Праги, Вены, за другие победные военные операции Советских войск на Западном Фронте. Но ефрейтор тогда не дорожил этими реликвиями, медали достались мне в качестве послевоенных игрушек и постепенно разошлись в Шостке по рукам друзей.

Бог войны – артиллерия, в которой отец служил корректировщиком-наводчиком гаубичного дивизиона, – в какой-то мере был милостив к нему. После контузий и легких ранений на память остался лишь осколок снаряда, застрявший под кожей в кисти правой руки. Он инкапсулировался, зарос и не доставлял отцу особых неудобств, а мы в детстве иногда с интересом ощупывали пальцами этот его военный «трофей».

О своих военных баталиях отец рассказывать не любил. Возможно, гаубичная артиллерия не принимала участия в яростных схватках,

прикрывая войска с тыловых позиций; возможно, отцу просто было неинтересно вспоминать обо всех тяготах войны. Помню, лишь однажды, когда нам пришлось долго работать ночью на строительстве нашего дома в Шостке, он поведал, как в годы войны приходилось иногда засыпать от изнеможения прямо на ходу, шагая за пушкой с закрытыми глазами, ухватившись рукой за лафет орудия, которое буксировал по дороге тягач. Обычно же он вспоминал лишь различные курьёзные случаи встреч с захватчиками, с пленными. То же отражали и немногочисленные фотографии, привезенные отцом с войны: сбитый немецкий самолет, застрявший в окне на 3-м этаже разрушенного здания, вздыбленные после бомбежек мосты через широкий Дунай, разделявший Буду и Пешт в столице Венгрии…

Вернувшись после войны на Родину, отец приехал домой в Шостку и там встретил мою мать – Ирину Федоровну. В небольшом домике на окраине города, среди лесов у порохового завода, в рабочем посёлке «Капсюль» 5 октября 1948 года я и появился на свет. А через 5 лет у меня здесь появилась сестра Лена.

Наши Родители

Тяжелые, полуголодные послевоенные годы мало чего оставили в памяти, кроме очередей за хлебом, которые нам приходилось занимать в магазине и держать место для родителей до их прихода с работы или в пересмену. Часто нас брали в многочасовые очереди только для того, чтобы купить причитающийся каждому члену очереди лишний паек хлеба, пачку серых макарон или маргарина.

Хорошо помню также весенние «опуцки» – молодые, сочные побеги сосны, необычайно вкусные тогда для всех нас. И мы с друзьями ломали эти опуцки на деревьях у нашего дома, соревнуясь, кто добудет

самую длинную из них, самую толстую или сладкую. Помню также «калачики» – молодые, зеленые плоды просвирника на пустырях, которые вначале тоже были для нас дополнительным суррогатом хлеба, а потом долго оставались еще формой ребяческого развлечения.

В самодельной коляске на прогулке с мамой у нашего старого дома.

Мать со мной и Леной по дороге в Мироновку.

Мне – 5 лет.

Пора в школу.

Мне – уже 10 лет.

Мать работала тогда в опасном производстве на пороховом заводе, где нередко случались взрывы станков, уносившие жизни бывших крестьянок из окрестных сёл, приезжавших в город на заработки. Отец же унаследовал от деда умелые руки и светлую голову, и слыл мастером

по ремонту разбитых часов, фотоаппаратов, радиоприемников, велосипедов и прочей утвари, прошедшей через его руки еще в годы войны. И поэтому в нашем доме всё время собиралась разная рухлядь, которую приносили в починку соседи и знакомые.

Праздничное застолье в нашем старом доме.
Видны портреты вождей и родственников, вышивки, икона в Красном углу

Кроме того, со своим другом Николаем Гуленком в свободное время отец часто ездил на мотоцикле по окрестным сёлам, фотографируя веселых, румяных колхозниц, трактористов, их детишек и зарабатывая этим лишнюю копейку на жизнь и на строительство нового, рубленого дома, которое началось в 1959 году на месте ветхой избушки.

Позже старый отцовский «Зоркий», а затем и его «ФЭД» достались мне, и я много фотографировал во время своих походов и поездок, а потом по ночам вместе с друзьями подолгу сидел под красным фонарем, проявляя пленки и печатая фотографии. Особенно завораживал нас таинственный процесс олицетворения на фотобумаге под слоем воды давно виденных нами лиц людей, домов и гор, косуль, лосей, птиц и их гнезд…

По будням же отец отправлялся с утра на противоположную окраину города на фабрику кинопленки – в будущем знаменитую шосткинскую «Свему». Там в конструкторском бюро он помогал инженерам создавать машину для отливки сверхтонкой и особо прочной териленовой пленки, необходимой тогда для запускавшихся в Космос спутников, за что получил собственный Патент на изобретение. Одновременно он учился в вечерней Школе рабочей молодежи (ШРМ), зарабатывая диплом о среднем образовании, который не успел получить до войны. Позже отец пытался поступать еще и в Таганрогский радиотехнический институт, но срезался на одном из экзаменов. Помогая на этом испыта-

нии своему другу Владимиру Волошину решить его задачи по математике, он сам не успел подготовиться к ответу по собственному билету. На этом его «учёная карьера» тогда, к сожалению, и завершилась.

Но, не имея высшего образования, отец нёс в себе некий врожденный лёгкий интеллигентный шарм. Он знал и помнил серьезную музыку, любил русскую поэзию. В доме было много пластинок, книг. Приезжая с отцом в Москву, где жили наши родственники – дядька Степан Федорович Москаленко, всю послевоенную жизнь проработавший там водителем тяжелогрузных автомобилей, и дед Николай Иванович Белик, имевший звание подполковника и преподававший в каком-то военном училище, – мы вместе ходили в музеи, театры, на выставки, приобщаясь к большой культуре, к истории страны.

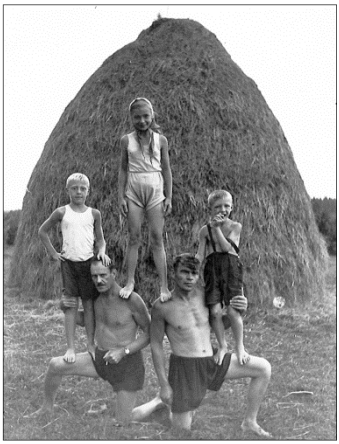
Дома у отца было много своих увлечений. Так, он долго разводил в саду цветы, соревнуясь с соседом, у кого из них вырастут красивее георгины, гладиолусы, флоксы. На столе у нас лежал том сочинений И.В. Мичурина, и отец, следуя его рекомендациям, часто экспериментировал в саду с грушами, яблонями и другими деревьями, выращивая разные сорта, выводя гибриды, проводя многочисленные опыты с перекрестными прививками. На грядках росли диковинные для тех мест и того времени арбузы и дыни. Больше никогда в жизни, кроме этих грядок, я не видел также желтой, сказочной пушкинской Репки, которую мы с удовольствием ели сырой, пекли и варили.

И еще об одном увлечении отца надо сказать. Это страсть к путешествиям, которая передалась к нему, вероятно, с генами деда. В детстве мы часто ходили с ним в лес – за грибами, за дичками яблонь и груш для сада, просто на прогулки с прирученной отцом бездомной овчаркой Акбаром. Потом стали ездить в лес на велосипедах, наконец, обзавелись мопедом. Иногда мы отправлялись на рыбалку, но это сидячее, пассивное, скучное занятие отец не очень любил. Не пришлось по душе оно потом и мне.

Небольшие походы случались летом, когда на родину в Шостку из Москвы в отпуск приезжали Степан Федорович, наш дядя Стёпа со своей дочерью Линой, а также Николай Иванович – дядя Коля с сыном Петром. Лина и Пётр были чуть старше меня, почти ровесники, и поэтому мы могли вместе вести свои игры и развлекаться. Вскоре после смерти в 1962 году своего отца, Пётр вместе с матерью переехал из большой коммуналки в Орликовом переулке на Садово-Спасской, где мы несколько раз останавливались с отцом при поездках в Москву, в новую квартиру по переулку Безбожному. Позже Пётр закончил химфак МГУ, работал в НИИ, а когда остался один без матери, женился на однокурснице Раисе, и вскоре связь с ним прервалась. Мои поиски Петра в

1990-е годы в России с помощью «Службы поиска», к сожалению, оказались безрезультатными, и его дальнейшая судьба мне неизвестна.

А Лина (Полина) закончила Московский авиационный институт, позже стала Леной, поскольку в семье тетки Матрёны Федоровны уже была одна Полина – двоюродная сестра Лины, и затем всю жизнь проработала в Москве в одном из НИИ. Бывая в Москве, я часто заезжал к Степану Федоровичу в его небольшой дом в Сокольниках, где, помню, впервые увидел телевизор с миниатюрным экраном, перед которым стояла огромная увеличительная линза с выпуклой передней стенкой, сделанная в форме заполненного водой «аквариума».

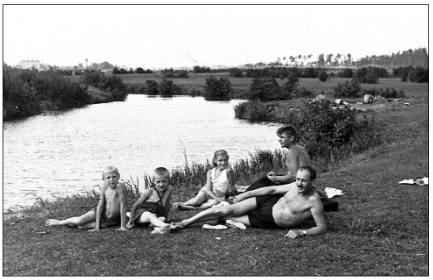


Пётр и его отец Николай Иванович, Лина и её отец Степан Федорович

Живя рядом с парком Сокольники, Степан Федорович регулярно посещал там различные отечественные и зарубежные выставки, устраивавшиеся в многочисленных павильонах, и старался не отставать от достижений науки и техники. Позже, в 1970-е годы, его семья переехала в Черемушки, где он прожил до 95 лет, сохранив великолепную память и разум, вплоть до 2005 года самостоятельно ведя все домашние дела, часто рассказывая мне при встречах о наших родственниках, о своей минувшей жизни, о побеге из уральской ссылки...

Однажды летом наши родители организовали нам ночной поход на реку Шостку за раками. С вечера по берегам речки мы выставили многочисленные раколовки и до полуночи ходили с фонариками проверять их, выбирая из сеток пучеглазых «десятиногих», затем варили раков в котелке на костре, а потом до утра спали, зарывшись в стог сена. А ветераны, изготовив для нас убежища в стогу, всю ночь сторожили

наш сон, сидя у костра и вспоминая за кружкой вина своих родных и близких, недавнюю войну, дела давно минувших дней…



На реке Шостка. Пётр, я, Лина, Степан Федорович и Николай Иванович.

Ночевка в стогу сена. Пётр, Лина и я.

Часто мы все вместе отправлялись также к родственникам в Мироновку. Там в большом старом саду на усадьбе тетки Ульяны Федоровны, на густой зеленой траве под огромными грушами и яблонями, расстилали нарядные половики-дорожки, сотканные из разноцветного тряпья на домашнем ткацком стенке, ставили большой медный самовар, и начиналась обильная деревенская трапеза с непременной горилкой (самогоном) и украинскими застольными песнями. А мы, утолив жажду, играли в прятки, укрываясь в амбарах, крольчатниках, на сеновалах, под снопами пшеницы, привезенными с поля на широкое подворье для обмолота. Бывало, лежишь под пыльной соломой, а сверху по тебе топчется водящий, так что трудно становится дышать, но нельзя даже пикнуть, чтобы не выдать себя преждевременно.

Сёстры Ирина и Ульяна и брат Степан в мироновском саду Ульяны.

В саду в Шостке с друзьями - соседями. В центре – мать с Леной.

Лина занималась в Москве большим теннисом и иногда привозила с собой мячи и ракетки, и тогда мы устраивали на улице спортивные со-

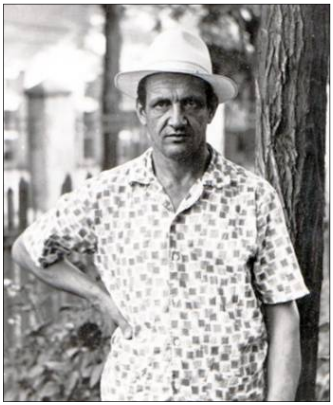
стязания по теннису. А дядя Стёпа делал нам, на зависть всем уличным мальчишкам, «элитные» рогатки – из толстой, мягкой, очень эластичной белой резины, использовавшейся тогда для автомобильных камер на его МАЗе в Москве. Степан Федорович почти до конца своей жизни ежегодно приезжал летом в Шостку, много времени уделяя помощи рано овдовевшим сёстрам – с уборкой огородов, ремонтом заборов, заготовкой дров на зиму, а в старости – просто проведать родственников, посидеть с друзьями-ровесниками за столом, «пропустить» по чарке душистой горилки.

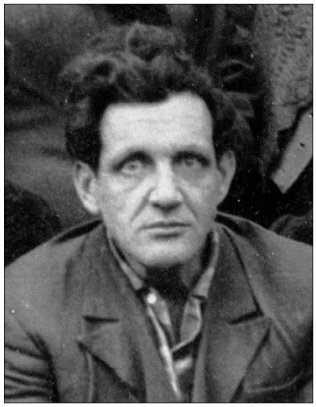
Родственники на весенних поминках на кладбище в с. Мироновке. Сзади рядом со мной братья Владик и Юра – мои школьные друзья

Почти каждое лето, на каникулах, мы ездили с отцом также на Юг, в Таганрог, где тогда жили его родители – отец и мать, а также сестра Мария и много других родственников. Теплое, неглубокое Азовское море, жаркое солнце, много южных фруктов и овощей, конечно же, привлекали нас на Юге больше всего. Но мне не менее интересно было ездить в поездах и из окна вагона знакомиться с природой различных областей нашей страны – с дубравами Харьковщины, старыми придонецкими борами, терриконами шахтерского Донбасса, бескрайними полями пшеницы, подсолнечника и кукурузы на степном Юге. И напоследок самое яркое, долгожданное дорожное впечатление – блеск Азовского моря на горизонте у станции Марцево, при подъезде к Таганрогу. Все эти картины, а также перестук вагонных колес начинали грезиться мне задолго в преддверии нашей каждой очередной поездки на Юг.

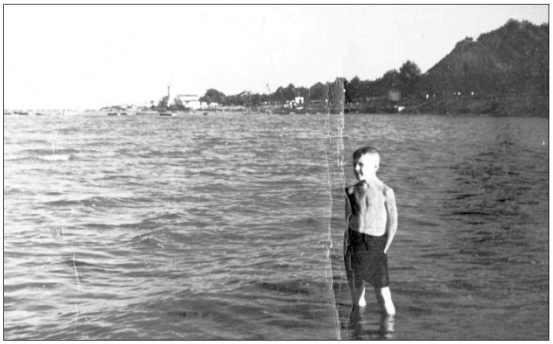
В Таганроге мы много времени проводили на море, где отец учил меня плавать. Я набирал в лёгкие воздух, задерживал дыхание и садился на дно, но подъемная сила выталкивала меня наверх, и я постепенно всплывал, как поплавок, на поверхность моря. Поверив в свою «непотопляемость», я начал учиться работать ногами. Отец держал меня за руки, а я, опустив голову в воду, что есть силы барабанил по воде задними

конечностями. Через год я уже самостоятельно, по-собачьи, впервые переплыл нашу небольшую речку Шостку, а потом, с ужасом обнаружив на другом берегу крутой обрыв и не достав ногами дна, вынужден был повернуть обратно к своему берегу.





Отец в Таганроге.
(1970-е – 1980-е годы)



Таганрог. Азовское море у Каменной лестницы. Вдали – Яхтклуб

Однако первый, трагический опыт плавания случился у меня еще за год до школы. На окраине нашего поселка был небольшой, старый, мелководный пруд – Винницкое озеро, на котором летом рыбаки ловили уклейку, а в мутной воде купалась, в основном, неоперившаяся ребятня. Мы пришли туда как-то с другом-соседом Лёнькой, и я сразу же полез в воду у берега. Но там вдруг почувствовал, что под ногами исчезло дно, и я, как поплавок, начал нырять вверх-вниз под воду. Вынырнув на се-

кунду в очередной раз, я заметил, что недалеко из воды торчат сухие ветки какого-то куста, я потянулся к ним, но не смог достать. Тогда я быстро забил по воде руками, стараясь подгрести поближе. Еще одна попытка достать ветку, еще один нырок под воду, и вот спасительный куст у меня в руках, а под ногами сразу же появилось надежное дно.

Лёнька, следивший за мной с берега, не поверил моим словам, подумал, что я подшутил над ним, и решил сам узнать, действительно ли там есть какая-то яма, о которой, кстати, не знали и взрослые. И вот через минуту мой друг тоже бултыхается в яме, но почему-то совсем не собирается хвататься за куст. Тогда, сломав ветку, я сам пытаюсь протянуть ему помощь. Однако после нескольких нырков голова Лёньки окончательно исчезла под водой, а я потрясённый, не в силах кричать и звать на помощь, остался на берегу один, у Лёнькиной майки и тапочек. Лишь через 5-10 минут, когда к берегу подошли старшие ребята, я смог вымолвить два слова о Лёньке.

Его быстро нашли и достали из озера, начали откачивать воду из легких, делать искусственное дыхание, и через некоторое время Лёнька стал подавать признаки жизни. Но затем приехала Скорая помощь, забрала его у ребят, увезла в больницу, и больше Лёньку мы уже не видели...

Дважды, летом 1959 и 1961 года, мы ездили с отцом из Таганрога дальше на Юг – на Кавказ, на Черное море, где отдыхали и знакомились с местной природой вместе с москвичами – Николаем Ивановичем и его сыном Петром в небольшой деревушке Фальшивый Геленджик, нынешнем городке Дивноморске, окруженном тогда обширными виноградниками, садами, лесистыми горами. Этот хуторок на берегу моря стал «Фальшивым» после того как в войну наши войска заманили туда в засаду вражеский флот, устроив ночью чуть в стороне от настоящего Геленджика богатую, «городскую» иллюминацию на склонах гор.

Наши таганрогские родственники. В центре – отец,
бабушка Елена Кузьминична и тетка Мария Васильевна с сыном Володей

В Фальшивом Геленджике мы жили в небольшом фанерном флигельке во дворе крестьянского дома на улице, протянувшейся вдоль тихого лесистого ручья, в 200 метрах от берега моря. В море там нас ждало немало разных сюрпризов, и мы с Петром целые дни проводили на галечном пляже в устье речушки Мезыбь или на скалистых берегах вдали от села, за «дикими» пляжами. Пётр со своим подводным ружьем иногда добывал в море лобанов и кефалей, а я с маской охотился с помощью столовой вилки на ядовитых морских ершей – скорпен, разыскивал на дне редкие тогда раковины рапан и другую «дичь». В горах у моря мы ловили черепах, искали на плантациях созревавший виноград, собирали по опушкам богатый урожай ежевики.

Особенно памятна для меня была наша первая поездка на Черное море – на большом белом теплоходе «Георгий Седов», ожидавшем нас на рейде далеко в море у Таганрога. К нему из Таганрогского порта мы доплыли на трофейной немецкой большой десантной барже (БДБ), а потом шли по Азовскому морю к Керченскому проливу и дальше через Новороссийск до Геленджика. Тогда я заметил в проливе первого живого дельфина, выпрыгнувшего из воды на заре, когда на теплоходе почти все еще спали, испытал нешуточный шторм, вызвавший морскую болезнь у многих пассажиров, впервые увидел горы, подернутые синей дымкой, которая в детском воображении воспринималась за дым извергавшихся где-то недалеко вулканов.

Все эти увлечения отца, конечно же, не были для меня пустым развлечением. Они впитывались в кровь, и вскоре я тоже «заболел» живой природой, путешествиями. Они стали для меня в какой-то мере образом жизни, профессией. Изучая растения и животных, я до сих пор много путешествую, познавая природу в ее живом, естественном окружении. Отец, может быть, сам того не желая, подтолкнул меня и к орнитологии. Однажды, еще в 4 классе, я нашел в лесу на земле под маленькой сосёнкой гнездо незнакомой серенькой птички с 5 яйцами. Когда мы пришли к нему вдвоём, отец определил птицу как «волосянку» и предложил попробовать собирать коллекцию яиц*. Он показал, как можно выдуть яйца, чтобы они могли долго храниться в коллекции, помог сделать коробки с ячейками для яиц разных калибров, и мое познание орнитологии началось. Оказалось к тому же, что в детстве и сам отец, и дед тоже собирали коллекции яиц, но у них с возрастом это увлечение прошло, у меня же оно переросло в профессиональное изучение орнитологии – науки о птицах.

* «Волосянка» – народное название обыкновенной овсянки, у которой скорлупу яиц покрывает узор из многочисленных тонких черных завитушек, похожих на волоски, а лоток гнезда обильно выстлан конским волосом.

Как я прочел позже в одной из библиотечных книг Н.Н. Плавильщикова о природе, заниматься коллекционированием – это значило «изучать». И вот, начав коллектирование яиц, я со временем погрузился в интереснейший мир знаний. Но, не имея в Шостке специальной зоологической литературы, я начал выписывать и систематизировать все встречавшиеся названия птиц, а потом и других животных из Большой Советской Энциклопедии, много пыльных томов которой стояло на самой верхней полке в школьной библиотеке. И после окончания занятий я часами сидел там на стремянке под потолком, листая эти тома. Так постепенно расширялся мой круг информации о природе, птицах, других животных.

Хотя интуиция нередко помогала мне определять незнакомых птиц и наугад. Например, уже в 3 классе я сразу же узнал впервые встреченного удода, о котором знал только из сказок В.В. Бианки. Потом я почти угадал зяблика, назвав его юрком – очень близким родственником зяблика. То же произошло и с коноплянкой, которая в дневниках долго фигурировала под именем чечётки – её весьма похожей родственницы. А за коноплянку мы долгое время по ошибке принимали зеленушку – другую небольшую вьюрковую птицу, похожую на коноплянку по голосу. Рассмотреть же окраску этих птиц без бинокля мы не могли, и лишь позже, приехав после школы в Таганрог, я узнал от местных птицеловов, что наша «коноплянка» – это на самом деле и есть неуловимая зеленушка, или по-местному – «милиционер». Мой рассказ об этой птичке под таким названием позже был напечатан и в одной из Ростовских газет.

Как-то школьные друзья принесли мне неизвестно где найденную, фантастически ценную для меня тогда книгу «Определитель птичьих гнезд» Алексея Васильевича Михеева. И я, отложив уроки, всю ночь сидел над ней, переписывал ее к себе в тетрадь, чтобы иметь летом под рукой свой собственный, научный определитель птиц. Потом в заводской библиотеке в Шостке я случайно обнаружил невесть как попавший туда последний, 6-й том капитальной, многотомной научной сводки «Птицы Советского Союза», написанной в начале 50-х годов большим коллективом известных отечественных ученых во главе с ведущим московским орнитологом из МГУ Георгием Петровичем Дементьевым. Я тоже начал, было, делать выписки из нее, но вскоре понял, что осилить этот солидный фолиант мне не удастся. Пришлось выменять его в библиотеке на пользовавшуюся бóльшим спросом читателей беллетристику, и с тех пор эта книга всегда лежит рядом с моим рабочим столом.

Заговорив о своих птицах, я отвлекся от начальной темы. Но нет, не забылся. Родители всегда, всё время в памяти, как живые. Хотя их уже давно нет рядом с нами.

Родительское рабоче-крестьянское начало матери, которая до последних своих дней оставалась в родном, построенном своими руками доме, категорически отказывалась покидать его, ехать в чужой город – в скворечник на 7 этаже ко мне в Ростов или к дочери в Курск, сама ухаживала за огородом, курами, другой домашней живностью, согнувшаяся к старости, но никогда не гнувшаяся на паперти за милостыней, – оно осталось в моей крови, в характере, в генах.

И интеллектуальное отцовское начало, прививше интерес и любовь к окружающему миру, к природе и людям, научившее познавать этот мир, помогшее найти свою дорогу в жизни – оно, как приобретенные признаки, тоже осталось во мне. И я всегда пользуюсь им в поисках путей анализа и синтеза полученных знаний.

Спасибо Вам, дорогие мои Родители, за Ваш труд, вложенный в меня, за то, что слепили меня по образу и подобию своему, за то, что оставили мне частички своей души …

"Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!"
(П.Д. Коган)

2. Школа

Наша русская средняя школа № 8 стояла в центре поселка «Капсюль», на небольшом холме над ручьем, на широкой, открытой песчаной площади против заводского клуба, и ее двухэтажное кирпичное здание было видно издалека. Сюда привели меня родители в сентябре 1955 года, здесь же завершился мой школьный курс наук, и весной 1966 года, по окончании 11 классов, прозвучал прощальный звонок.

Родная школа № 8 в городе Шостка

Хорошо помню всех наших педагогов, особенно свою первую учительницу Антонину Павловну Лободу, которая вела наш 1-В класс первые 4 года. После окончания школы я уехал из Шостки, и поэтому позже мы встречались редко. Но и Антонина Павловна запомнила меня, и как-то при мимолетной встрече на вокзале вспоминала, как отправляла классных дежурных на поиски вечно опаздывавшего на занятия ученика, «изучавшего» где-нибудь по дороге в школу шумную колонию грачей, гнездившихся в старом сосняке среди поселка, считавшего скворцов, заселявших скворечники во многих подворьях, или исследовавшего бойкую жизнь муравьев на обочине дороги.

4-В класс с первой учительницей – Антониной Павловной в центре.
Я выглядываю из-за плеча завуча, рядом со мной справа – Юрий Бо́чек,
ниже – Виктор Гуменный, еще ниже – Валерий Мудрак

Помню нашего доброго учителя биологии – Андрея Ефимовича Бондаренко, неплохо знавшего школьный курс естествознания и легко отличавшего тычинки от пестиков, сосну от ели, воробьев от ласточек. Андрей Ефимович хорошо относился также к ученикам, поддерживал наши интересы, неоднократно сопровождал нас на областные школьные конференции в город Сумы, куда мы ездили на автобусе или летали на «кукурузнике» АН-2 и делали там доклады о своих научных «исследованиях». Некоторые мои рассказы о жизни птиц в шосткинских лесах и в пойме Десны-красавицы, выбивавшиеся из общего русла натуралистических работ на пришкольных участках, в школьных лесничествах, на кроликофермах и т.п., вызывали оживление высокого ученого жюри, задававшего вопросы о кольцевании птиц, о тематике других исследований, о моих дальнейших планах.

Летом 1965 года, после 10-го класса, мы во главе с Андреем Ефимовичем совершили большое, незабываемое для всех нас, путешествие на Западную Украину – в гуцульские Карпаты, в Ужгород, Львов. Там я в одиночку и вместе со всем отрядом несколько раз «покорял» Говерлу и Петрос – высочайшие вершины Украины, чуть-чуть превышающие 2 тысячи метров над уровнем моря, на которых, помню, нашел тогда птенца-слётка очень редкой на Украине птицы – альпийской завирушки.

После первого одиночного восхождения на Петрос, возвращаясь вечером напрямик к лагерю, при спуске с горы вниз я сбился с тропы, заблудился в потёмках, заплутав среди непролазных сосновых стлаников, и вынужден был заночевать среди камней у вершины горы в легком спортивном трико. И поэтому всю ночь каждые полчаса мне приходилось вставать, прыгать, ворочать камни, чтобы хоть немного согреться и поднять повыше стенку, защищавшую от холодного, сырого ветра. А утром, чуть забрезжил рассвет, я спустился вниз, нашел хорошую обходную дорогу и побежал в наш палаточный лагерь, больше всего беспокоясь за учителей, которые, наверное, не спали всю ночь, переживая за пропавшего ученика. Каково же было мое разочарование, когда я, запыхавшись, добрался до палаток и услышал доносившихся из них богатырский храп. Как выяснилось потом, ночью лишь Юра Москаленко, мой близкий друг и троюродный брат, долго сидел в лагере, поддерживая костер в надежде, что я смогу сориентироваться на него в темноте, возвращаясь с Петроса.

На следующий день я еще раз поднялся на Петрос вместе со всей нашей школьной группой из 44 человек. Там среди каменного тура на самой вершине я нашел свою записную книжку с датой покорения «Каменной горы» – 30.06.1965 г., а потом катался на уцелевшем зимнем снегу, чуть было не разбившись на камнях, куда на большой скорости вылетел с крутого снежника. Начав тогда скользить в кедах по снежному склону, я уже не мог остановиться, ничем не мог затормозить движение; пытаясь задержаться руками, присел на снег, но всё было тщетно, скорость на плотном влажном снегу только увеличивалась. И вот у подножья снежника я по инерции соскользнул на валуны и потом еще метров пять с уханьем прыгал по их каменным спинам на «пятой точке».

А на Говерле, по которой когда-то проходила граница Польши и Австро-Венгрии, после фотосъемок на пограничных постаментах, нашу небольшую «разведгруппу» неожиданно накрыл густой туман – спустившаяся на полонину лохматая туча. И мне пришлось вновь наугад искать крутую, заросшую тропу, которая вела вниз, к невидимому в тумане еловому лесу, где остался наш очередной палаточный лагерь, где начинающих орнитологов ждали кедровки, снегири, клесты и другие незнакомые тогда для нас таежные обитатели.

Андрей Ефимович относился ко всем этим моим «внеплановым» походам спокойно, по-философски рассуждая, что они нужны для расширения кругозора, для приобретения опыта, для моих будущих исследований. И он оказался воистину прозорлив.

Хорошо помню также наши экскурсии по прекрасному, зеленому Львову, наш подъем на звонницу старого костёла, стоявшего недалеко

от туристической базы, где на пыльном чердаке мы с Юрием обнаружили большое количество погадок редкой совы-сипухи. Запомнилась экскурсия в один из Краеведческих музеев, устроенный в старинном каменном замке, где я впервые увидел большую коллекцию прекрасно сделанных чучел птиц, среди которых особенно привлекали внимание стоявшие правильными рядами многочисленные хищники – ястреба, канюки, различные орлы. Как я узнал значительно позже, эти поистине настоящие произведения искусства были изготовлены руками ужгородского орнитолога-любителя, русина Александра Грабаря, много лет изучавшего птиц Закарпатья ради собственного интереса.

Говерла – «снежная гора» (венгр.), «труднопроходимое возвышение» (румын.)

С другим нашим школьным природоведом – учителем географии Михаилом Трофимовичем Иванченко близких отношений в школе у нас не сложилось. И, несмотря на мою любовь к путешествиям, неплохое, как мне казалось, знание географии, мне в школьном дипломе поставили по этому предмету "4", оценив мои знания по географии на уровне знаний немецкого и украинского языков. Жили мы с Михаилом Трофимовичем, в общем, по соседству, нередко встречались, обсуждали вопросы садоводства и пчеловодства, которым увлекался Иванченко, в какой-то мере дружили, но особых симпатий к нему ни у кого из нас не было.

Вспоминая одноклассников, хотелось бы сказать несколько слов о таких же, как и я, увлеченных любителях природы – Валерии Мудраке и Юрии Бóчек, с которыми мы часто путешествовали вместе по нашим лесам, ходили за грибами, ездили на рыбалку на Десну. В моих дневниках сохранилось немало сведений о находках редких птиц, их гнезд и птенцов, которыми делились со мной Валера и Юра после своих самостоятельных походов. Оба они остались в Шостке, Валерий закончил позже инженерный институт и сделал успешную служебную карьеру

при нашем пороховом заводе, а Юрий учился в местном техникуме, но затем не совсем удачно женился и, к сожалению, начал уходить от нас.

В Шостке с Валерием Мудраком (1970-е годы)

В классе я долгие годы близко дружил также с нашими отличниками, с умницей Виктором Гуменным и с обаятельной Светланой Литвиновой, симпатии к которой не переросли в привязанность, наверное, только из-за моего скорого отъезда из Шостки. Но после школы я уговорил их обоих ехать со мной вместе в Москву – поступать в МГУ. Они, как и многие другие провинциалы-отличники, совсем не были уверены в своих силах, однако попытка «штурма» МГУ давала необходимый опыт для дальнейших испытаний, тем более что экзамены в Москве начинались на три недели раньше, чем в остальных вузах страны, и можно было еще раз успеть испытать себя в других местах в том же году.

Я как начинающий орнитолог ехал поступать на Биофак МГУ, Виктор – на Химфак, а Светлана – на Мехмат. Но наш 1966 год отличался от остальных лет тем, что тогда во всех школах страны одновременно проводили в жизнь сразу два выпуска – 10 и 11 классов. Поэтому конкурс в ВУЗы был двойной, и для отсева абитуриентов в них вводились дополнительные испытания. И я попал на эти грабли, узнав уже в Москве, что на Биофак ввели новый экзамен по математике, поставив его первым. Естественно, что без специальной подготовки пройти его сразу оказалось невозможно. Не прошли по конкурсу и мои друзья. Виктор, как и планировалось вначале, уехал из Москвы в Харьков, а Света поступила в Сумской педагогический институт, закончив там с отличием Мехмат и одновременно – Иняз, и затем всю жизнь проработала в своей родной 8-й школе в Шостке.

1966 год. Выпускники 11-В класса школы № 8 г. Шостки

Друзья-выпускники: Виктор Белик, Николай Черкай, Евгений Корниенко, Анатолий Халанский, Виктор Гуменный, Борис Грачев

Вернемся в нее и мы. Первые классы в ней для меня ничем особым не выделялись. Да и в старших классах я учился без особых проблем. Большинство предметов давалось сравнительно легко. Материал схватывал, как говорится, в основном на лету. Знания нередко позволя-

ли находить ответы на самые разные каверзные вопросы, и поэтому учителя относились ко мне с симпатией. Не стал я отличником, наверное, только потому, что не было досуга на зубрежку, на протирание штанов. А с появлением интереса к птицам всё больше времени и усилий приходилось уделять им. Кроме того, был еще дом, сад, огород. Необходимо было пилить и рубить дрова, топить печи, сажать и убирать картофель. Всё это, особенно в старших классах, лежало на мне.

Отличаясь неплохим здоровьем и физическими данными, в школьные годы я много занимался также спортом. Правда, времени на серьезные, регулярные занятия и тренировки не было, но велосипед и лыжи позволяли поддерживать спортивную форму, и практически ни одно соревнование не проходило без моего участия. Уже в 4 классе, осенью, я стал чемпионом школы по прыжкам в длину и высоту, о чем свидетельствуют мои первые почетные грамоты. Но первое спортивное «достижение» досталось мне еще раньше. Летом 1957 года я со своим двоюродным братом Володей Молодченко, приехавшим к нам летом в гости из Таганрога, устроил соревнования по прыжкам с деревянной лестницы, стоявшей в недостроенном, пустовавшем доме на нашей улице. Сначала по очереди мы прыгали с 1-й ступени, затем с 2-й, 3-й и так далее, пока не добрались до 7-й перекладины. Я первым прыгнул с нее вниз и затем встать с земли от боли в ноге уже не смог.

Отец отвез меня в больницу, где рентгенолог констатировал перелом большой или малой (сейчас уже точно не помню какой) берцовой кости голени. Наложили гипс, я около месяца ходил дома в гипсовом «сапоге» и так свыкся с этой ношей, что потом, когда мне сняли тяжелую гипсовую повязку, разрезав ее в больнице огромными жестяными ножницами, я совсем не почувствовал своей ноги и навзрыд просил доктора, чтобы мне «вернули мою ножку». Однако трещина в кости полностью затянулась, и позже я никогда не ощущал каких-либо последствий этого перелома.

А зимой 1961 года, перепрыгивая на улице через железный столбик, вкопанный у забора, я глубоко разорвал мышцу на бедре в паху. На рану наложили 6 швов, и я вновь около месяца провел дома «на больничном». На этот раз «призом» стала подаренная отцом «Лесная газета» В.В. Бианки, которую я без конца перечитывал во время вынужденного безделья, и которая позже стала для меня на долгие школьные годы настоящей настольной книгой – справочником о природе России.

В старших класса я регулярно участвовал в городских и областных соревнованиях по легкой атлетике, велоспорту, лыжам. Наш учитель физкультуры Андрей Степанович Митченко постоянно отправлял меня на них как для защиты чести школы, так и нашего порохового за-

вода «Капсюль», и всего города Шостки. Помню свою неожиданную победу на стайерской дистанции по бегу на 400 м на областных соревнованиях в городе Сумы. Хорошо помню также свой последний лыжный марафон на 20 км по заснеженному шосткинскому лесу. Тогда я почти два круга уверенно шел за взрослым парнем, перворазрядником, оставив далеко позади остальных лыжников, и вдруг, уже на последних километрах, на лыжной палке неожиданно сорвалось кольцо. Было жалко бросать его в лесу, да и труднее стало отталкиваться в глубоком снегу. Я приостановился, подобрал кольцо, а потом уже так и не смог набрать необходимую скорость, начало сводить от напряжения ноги.

В 11 классе на меня обратили внимание киевские тренеры, пригласили на республиканские тренировочные сборы нашего спортивного общества «Авангард». Но к тому времени мой выбор уже был сделан, и я без тени сомнений отказался от спортивной карьеры в пользу орнитологии, отправившись поступать в МГУ. Уже в студенческие годы меня еще несколько раз приглашали на соревнования по легкой атлетике. Неплохие результаты получались там также в пулевой стрельбе. Но дефицит времени, а также ухудшение зрения в связи с прогрессировавшей близорукостью, которая проявилась после моих ночных бдений над «Определителем птичьих гнезд» и «Птицами Советского Союза», заставили меня окончательно отказаться от состязательного спорта. Остался лишь научный туризм – большие, длительные походы с рюкзаком и без него по лесам, степям и горам нашей обширной страны.

Основные же впечатления школьных лет – это постепенное расширение собственной Ойкумены – в познании птиц, природы, окружавшего нас мира. О путешествиях с отцом на Юг и о памятной поездке в Карпаты я уже рассказывал. Но такие же путешествия по окрестным районам, в основном самостоятельно или с близкими друзьями, постоянно проводились и в Шостке, с каждым годом становясь всё дальше и шире.

Наш посёлок «Капсюль» располагался среди сосновых, дубовых и смешанных лесов, протянувшихся вдоль правого, северного берега реки Шостки на несколько десятков километров в длину и несколько километров в ширину. Из посёлка через старый бор в город вела прямая автодорога, выложенная гранитным булыжником, а за мостом через нашу речку начинался сам город. Однажды на реку у города был привезен землеснаряд, который за пару лет вырыл огромный котлован-озеро с островком посередине, где для отдыха горожан устроили пляж, поставили трамплины и высокую вышку для прыжков в воду.

Жидкая пульпа от землеснаряда сливалась по трубам на большой, обвалованный участок луга, где со временем образовались песчаные холмы и илистые, затопленные водой низины, привлекавшие массу раз-

личных куликов: чибисов, травников, поручейников, зуйков и др. И по пути на Озеро мы с друзьями часто забирались в это болото в поисках ярких, крикливых птиц и их гнезд.

К западу от города, близ устья р. Шостки, на песчаных аренных террасах Десны леса расширялись, но там преобладали уже светлые, молодые березняки с множеством сухих солнечных полян. А с другой стороны посёлка лесной массив сужавшейся лентой уходил далеко на восток, к границе с Россией. Чуть севернее в сторону Десны тянулась другая такая же небольшая, глухая речушка Ивотка, начинавшаяся в Курской области и с обеих сторон одетая густыми лесами. А между этими двумя речками, на широком, плоском водоразделе расстилались колхозные поля, ближе к Десне переходившие в бедные супеси, на которых крестьяне из Мироновки, Палеевки, Ямполя и других полесских сёл выращивали в основном картофель, свеклу, коноплю, рожь и другие нетребовательные полевые культуры.

Дальше на север, за посёлками Знобь-Новгородское и Середина-Буда, начинались знаменитые партизанские Брянские леса, где среди старых боров и болот до сих пор сохранились землянки Сидора Артемовича Ковпака. Однако добраться в эти леса в школьные годы мне так и не удалось даже на велосипеде. Отправившись однажды туда на разведку, я доехал лишь до их окраины, а затем пришлось целую ночь шагать назад пешком, ведя в руках сломавшийся велосипед.

К югу от Шостки, ближе к реке Сейм – крупному левому притоку Десны, наше Сумское Полесье, простиравшееся на послеледниковых супесчаных равнинах, переходило в черноземную Лесостепь, изрезанную балками и оврагами. Но сюда, в лесостепье, мы уже не заглядывали. Более притягательными для нас всё время оставались таежные дебри Брянщины. И на Сейм, петлявший по широкой долине в обрамлении многочисленных сёл, в которых гнездились многочисленные белые аисты, я мог периодически взирать только из окна поезда или из автобуса по дороге в Киев и в наш областной центр – город Сумы. Особенно памятными для всех нас, пассажиров рейсового автобуса, были остановки на крутом берегу Сейма в старинном городке Путивле – у старой брамы, на которой в 1186 году плакала по князю Игорю, попавшему в половецкий плен, его жена, княжна Ярославна.

В младших классах, закаляя характер, я несколько раз отправлялся сам в ночной лес – на поиски сов и других животных, о которых узнавал из «Лесной газеты». Распрощавшись после уличных игр с друзьями, расходившимися по домам спать, поздним вечером я уходил по тропинкам в глубь леса, начинавшегося сразу же за нашей улицей. Километр за километром, затаив дыхание, под шелест и шепот листвы,

я шагал по знакомой дороге, стараясь узнавать в темноте места, хорошо знакомые по дневным походам. К сожалению, ни сов, ни козодоев я тогда так и не нашел – то ли их там не было, то ли они смолкали поздним летом. Но с тех пор я могу спокойно оставаться один в самом темном лесу, не испытывая ни страха, ни беспокойства, хорошо зная многие звуки ночного леса.

Над Сеймом. Старый Путивль.
«В Путивлі на валу, на брамі Співає, плаче Ярославна,
Як та зозуленька кує, Словами жалю додає…»

Зимой в поисках птиц мы колесили по лесам на лыжах, а летом – на велосипедах или пешком. Ранней весной мы отправлялись в лес за березовым соком, возили его домой ведрами, запасали в бочках и бутылях на лето. Помню, как-то раз мы решили попробовать запасти его на лето в лесу, наполнили несколько бутылок, плотно закупорили их и зарыли в тайниках под мох, в землю. Каково же было наше блаженство, когда в июньскую жару мы доставали эти холодные, потные склянки и мелкими глотками смаковали чуть хмельной, сладковатый напиток! Такого вкуса больше не приходилось пробовать ни разу в жизни!

Чуть позже в лесу распускались наши подснежники – сон-трава или, по-научному, прострел, и мы отправлялись за ними. В мае, в день рождения матери, зацветали ландыши, запах которых и сейчас не дает мне покоя. Потом начинала поспевать земляника, которой раньше было очень много в наших лесах, и все отправлялись на ее сборы. Сначала мы собирали первые ягоды, нанизывая их, как бусы, на соломинки мятлика, затем наполняли кружки, наконец – бидоны. Местами в старых борах росла черника и брусника, но собирали ее только те, кто мог вовремя добраться туда на велосипедах. Клюквенники же были от нас далеко – только на верховых болотах в соседних Брянских лесах, и лишь некоторые знатоки ездили туда осенью за клюквой на автобусах или электричке. А я в школьные годы, несмотря на несколько попыток, так и не смог

добраться до Брянщины на своем велосипеде, и впервые попал в те края и увидел клюкву уже только после школы.

Кроме ягод, в лесах было много разных грибов. Летом волнами, или слоями шли сыроежки, маслята, лисички, моховики. Но особенно ценились белые грибы, росшие в дубовых и березовых лесах, и боровики, встречавшиеся местами в сосновых лесах-борах, а также рыжики и грузди. Рыжики росли даже в небольшом соснячке у самого нашего дома, и летом мы иногда состязались с ребятами, кто первый или кто больше найдет их там поутру. Узнав потом, что их можно есть сырыми, чуть только подсолив решетку, мы с удовольствием смаковали на привалах эти самые нежные и вкусные грибы нашего леса.

За белыми грибами приходилось ездить обычно довольно далеко – километров за десять, в Маковскую дубраву, и если опоздаешь – то останутся тебе там только пеньки от грибов. Нужно было еще особое умение искать скрытные грибы, прячущиеся среди опавшей листвы. Приходилось всё время держать перед глазами образ этого царя грибов, только тогда можно было сразу же заметить его, если он попадал в поле зрения. Отправлялись мы за грибами обычно на рассвете, ранним утром, чтобы к обеду вернуться домой и не опоздать еще на вторую смену в школу. И после этих походов иногда мы сидели-дремали на занятиях, а перед глазами всё время мерещились, грезились эти удивительные создания природы, выглядывавшие из травы или из-под лесного опада.

Позже из книг мы узнали, что в наших лесах растут еще очень своеобразные весенние, полуядовитые грибы – сморчки и строчки, которые можно есть после предварительного проваривания, в результате которого из грибной мякоти удалялась гельвеловая кислота*. В сосняках в апреле-мае мы часто встречали строчки с морщинистыми, коричневыми головками, искореженными глубокими неправильными бороздами. Сморчки же с ячеистыми коническими шляпками более характерны для влажных лиственных лесов и у нас были редки.

Привозя иногда домой из леса полные сумки строчков, вечером обычно я обнаруживал их на помойке, куда мать выбрасывала грибы по незнанию из-за боязни отравиться. Никакие объяснения, книжные аргументы и рекомендации не помогали, пока в дом не заехал как-то наш дальний родственник – известный грибник Михаил Кузьмич Ладоха. Лишь он смог убедить мать в безопасности строчков, и после этого мы

* Сейчас, правда, установлено, что в строчках содержится другой токсин – гиромитрин, но и он почти полностью удаляется из них при варке (http://www.hij.ru/read/articles/stories-about-animals-and-plants/1224/; http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BE%D0%BA).

уже каждую весну могли наслаждаться изысканным вкусом жарко́го из необычных весенних грибов.

Большинство же наших походов посвящалось поискам птиц и их гнезд в лесах по реке Шостке, по Ивотке, в пойме Десны и в других районах Сумского Полесья. Изучать птиц дома, в клетках, мне было неинтересно, да и жалко было смотреть на них в заточении. Причиной тому было несколько печальных случаев с моими домашними «пленниками». Однажды в детстве родители купили мне щегла в клетке, и он всю зиму весело щебетал в комнате, радовал нас своим щегольским нарядом и пением. А весной, по народной традиции, я решил выпустить его на свободу, и 21 марта, открыв окно, посадил щегла в струю свежего холодного воздуха. До сих пор помню, как не хотелось ему лететь на мороз, в снег – после домашнего тепла, уюта и обильного корма.

Позже волосяной петлёй на конце удочки я сам поймал желтого чижа, кормившегося в нашем саду на березе. Он тоже долго жил у нас дома, свободно летая по комнате и шелуша березовые сережки на ветках, которые я приносил ему из леса и подвешивал на стену. Вскоре я отловил также грача-подранка, лазившего на заснеженном огороде у помойки. У этой птицы неправильно срослось перебитое крыло, и она совсем не могла летать. Грач обычно сидел под темным столом в большой комнате и лишь изредка, когда никого не было в доме, выбирался оттуда за кормом.

Но вот однажды, вернувшись домой из школы, я обнаружил исчезновение нашего чижа. Куда он мог деться из закрытой комнаты – никто не мог понять. Лишь через несколько дней мы нашли под столом, где сидел грач, небольшую погадку с желтыми перышками чижа. Негодованию моему не было предела…

Как смог поймать маленького, юркого, здорового чижа наш грач-калека – так и осталось тайной. Но больше никаких птиц в доме я уже не заводил. Значительно лучше, интереснее было наблюдать за ними в природе, на воле.

Уже в 4 классе, в 1959 году, я стал собирать коллекцию яиц, однако первые коробки с ними в большинстве пропали во время начавшейся вскоре перестройки дома. На следующий год мы сделали большие застекленные ящики для яиц, а затем в марте 1962 года по рекомендациям школьных натуралистических справочников я начал вести свой первый «Дневник наблюдений над природой». Правда, сил на него хватило вначале лишь на первые полтора месяца. Через год весенний дневник я вёл уже до конца весны, но затем из-за школьных занятий, а также летних экзаменов и самих наших походов, приносивших к лету всё больше интересных наблюдений, его оформление затягива-

лось и, наконец, прерывалось. Только в старших классах я научился доводить дневники до конца, и эти школьные записи дали мне потом много ценных материалов для подготовки научных статей о птицах Сумского Полесья и для других работ.

Практически вместе со мной начали наблюдать птиц и вести собственные натуралистические дневники мои закадычные друзья – Владислав и Юра Москаленко, – жившие по соседству братья-погодки, поступившие в школу через 1 и 2 года после меня. Их отец – Михаил Арсентьевич – инженер, начальник одного из цехов на пороховом заводе, и мать – Варвара Сергеевна – учитель-филолог, имели больше возможностей для обучения и воспитания детей, и я, будучи их троюродным братом, стал фактически еще одним членом их семьи, получая там недостающие знания.

Семья Москаленко: Михаил Арсентьевич и Варвара Сергеевна с Владиславом (стоит слева) и Юрием (стоит справа). Сидят младшие братья-близнецы Миша и Саша

В этом доме тоже было много книг, на окнах стояли аквариумы с тропическими рыбками, по вечерам мы играли там в шахматы или смотрели диафильмы о природе и животных, которые находили в продаже сами или нам привозили взрослые. До сих пор помню замечательные снимки фотографа-анималиста Николая Николаевича Немнонова, украшавшие диафильм «В Тянь-Шаньских высях». Сейчас мы смотрим другие шедевры подобного творчества – профессиональные видеофильмы о неведомых животных и природе других континентов. Тогда же для нас, жителей Украинского Полесья, горы Тянь-Шаня были совсем другим миром, о котором мы могли только мечтать, и куда мне довелось впервые попасть лишь в студенческие годы.

С Владиком и Юрой мы уходили в лес обычно по воскресениям, а летом – чуть ли не каждый свободный день. Наши экскурсии часто продолжались до позднего вечера, а позже – и с ночевками под открытым небом. Я старался не беспокоить мать, и на рассвете, выбравшись через окно в сад, вызывал условным птичьим свистом друзей, и мы шли искать и проверять гнезда. Иногда под одеяло на диване я укладывал «куклу» из одежды и подушек, и мать, заглянув утром в детскую комнату и увидев сына, крепко «спящего» после ночных бдений над книгами, спокойно продолжала заниматься домашними делами, пока не приходили соседи и не интересовались, не вернулся ли из похода ее сын, а с ним – и его друзья, опаздывавшие в школу.

У нас троих были свои особые принципы и правила поведения в природе и в обществе. В лесу мы общались с помощью птичьих голосов, имитируя чечевицу, поползня, иволгу и других птиц, причем каждый сигнал имел своё особое значение, понятное только нам. Мы сами дали себе слово не сквернословить, не курить, не пить. Одноклассники удивлялись, как можно обходиться без всего этого в «цивильном» мире, а родители с удивлением спрашивали, почему мы, как все другие, «нормальные» школьники, не ходим в клуб, на танцы или в кино, не страшно ли нам «блукать» допоздна в лесу?

Владислав (слева) и Юрий (справа) в Шостке в студенческие годы

Хотя и у нас всех тоже была эта самая «нормальная» жизнь. Мы, как и все одноклассники, были приняты в Комсомол. В составе школьного драмкружка я участвовал в постановке спектаклей русских драматургов-классиков и выезжал в сельские клубы для их представлений. Я всегда живо интересовался международной политикой, жизнью нашей страны. Любимой была «Комсомолка», и особенно статьи В.М.

Пескова о его путешествиях по миру, о встречах с природой, с животными, а также с интересными людьми. Хорошо помню день 12 апреля 1961 года, когда с волнением слушал сообщение диктора радио о полете Гагарина в космос, выцарапал карандашом эту дату на голой, не оштукатуренной еще деревянной стене нашего нового дома, а потом побежал к соседям поделиться этой неожиданной и долгожданной радостью.

Тем не менее, я никогда не любил шумные случайные компании, «стадные» инстинкты были чужды мне изначально, и поэтому всякую чересчур жесткую заорганизованность в коллективах всегда воспринимал с трудом. Особенно сильное негативное впечатление остались у меня от пионерского лагеря, в который я попал на летних каникулах после 2 класса. Ежедневные построения, переклички, вечерний отбой с затемнением, обязательный послеобеденный «тихий час» в постели, хождение строем в столовую – всё это вызывало непонимание и неприязнь. Лишь однажды мне удалось убежать на день в окружавшие лагерь леса в поисках ягод и птиц, но это вызвало потом ряд строгих «оргвыводов» для меня и моих родителей.

Единственной лагерной отрадой была великолепная, окружавшая нас природа. Пионерлагерь располагался на берегу красавицы Десны в окрестностях села Пироговка. Десна здесь в широкой излучине подмывала высокую песчаную надпойменную террасу, которую покрывали обширные, старые сосновые боры с дубовыми и березовыми перелесками по окраинам. Здесь в ту пору, как я узнал значительно позже, в старых постройках воронов еще гнездились последние на Полесье соколы-сапсаны, в сосняках возле деснянских лугов целыми колониями устраивались белые аисты, еще обитали тетерева и много других редких птиц. Крутой обрыв террасы, увенчанный вековыми соснами, спускался прямо к берегу реки, и мы, купаясь, прыгали с него в воду или съезжали вниз по чистому, белому песку на «пятой точке».

Однажды наш отряд перевезли на лодках на правый берег Десны, где расстилались бескрайние сенокосные луга, вдали за которыми еле просматривался высокий, прорезанный балками коренной берег речной долины. Среди лугов было много озерков-стариц и понижений, заполненных с весны полой водой. И в одной из небольших луж мы обнаружили множество щурят, оставшихся там после весеннего паводка. Взмученная десятками ног вода потеряла естественную прозрачность, и перепуганные щурята носились по мелководью, натыкаясь на нас, и мы на ощупь, руками, смогли поймать 37 приличных «рыбин» по 20-30 см длиной, которых затем специально для нашего отряда зажарили в лагерной столовой.

Там же на сенокосе, среди валков подсыхавшей травы, мы нашли

два брошенных гнезда коростелей-дергачей, всё лето громко кричавших по ночам за рекой. Я взял из гнезда одно яйцо, чтобы показать отцу, и до возвращения домой спрятал его в сырой отдушине фундамента под нашим спальным корпусом. Но когда я достал яйцо в последний перед отъездом день, оказалось, что его скорлупа стала почему-то очень тонкой, мягкой, почти растворилась, и сохранить это яйцо мне не удалось.

Значительно интереснее были для меня сентябрьские выезды школьников в ближайшие сёла на уборку урожая. Обычно мы помогали колхозникам копать картофель. Каждому классу выделялась в поле делянка, и ребята лопатами выкапывали кусты с картошкой в отведенных им рядках, а девчата выбирали клубни из земли. Здесь нужно было показать и физическую силу, и выносливость, и умение работать лопатой, выворачивая из земли гроздья клубней, и сноровку при ловле мышей, временами выскакивавших из-под лопаты и вызывавших истошный визг у девчонок. А на обед мы располагались где-нибудь в тени деревьев на опушке леса, доставали свои домашние «сидоры» с вареной картошкой, яйцами, бутербродами с салом, и отдыхали в жаркий полдень.

Помню, однажды во время такого перерыва кто-то из наших ребят взобрался на березу, и там его ужалил в голову шершень, летавший вокруг кроны дерева в поисках добычи – гусениц, мух и других насекомых. У парня вскоре резко поднялась температура, развился сильный отёк, и его пришлось срочно эвакуировать в больницу. Мы же летом часто «воевали» с этими огромными осами, в отдельные годы резко увеличивавшими численность и занимавшими в лесу многие дупла, в которых гнездились клинтухи, сизоворонки, вертишейки, синицы и другие птицы. Найдя гнездо шершней, мы наматывали на конец длинной палки бумагу, тряпку или паклю, иногда поджигали ее и совали в дупло, а потом что есть силы мчались через густые кусты и в 50-100 метрах падали в густую траву, отбиваясь от преследовавших нас разъяренных насекомых, болезненные «укусы» которых нам были хорошо знакомы.

Расширяя познания окрестностей Шостки, мы придумывали новые названия, топонимы для своих чем-то памятных урочищ. Так, в дневниках, помимо общеизвестных для жителей нашего «Капсюля» Ямпольского шляха, Романькова леса, Дубняка, Чагара, Первого и Второго поля, Первого и Второго ельняка, появлялись Пустельжиный и Совиный лес, Воронова полоса, Осиновая вырубка, где мы когда-то нашли первую колонию обыкновенных пустельг, дупло совы-сплюшки (как выяснилось значительно позже – мохноногого сыча), многолетнее гнездовье ворона, дупло зеленого дятла и др. К концу школы мы помнили все тропинки в округе, знали почти все дупла, гнездовья хищников, колонии птиц, что облегчало нам их проверку и поиски редких ви-

дов. Возвращаясь иногда ночью домой, мы могли в полной темноте, уже интуитивно ориентироваться среди многочисленных полян, просек и тропинок, ведших по лесу к дому.

Но в первые годы, не зная еще всей местности и дорог, боясь заблудиться в лесах, мы особенно далеко от города не отходили. Однако летом 1962 года, проверяя найденные в лесу дупла, я случайно встретил взрослого парня, который, как и я, тоже интересовался гнездами птиц. При знакомстве оказалось, что он давно коллекционировал яйца, неплохо знал птиц и их образ жизни, а также все дороги в окрестных лесах. И парень повел меня на свою «экскурсию». Он показал, где и как лучше искать на земле, в траве очень скрытные гнезда пеночек, указал несколько неизвестных нам гнезд крупных хищников, рассказал о гнездовании ряда редких видов – филина, подорлика, которых мы сами доселе даже не встречали. Так мы добрались почти до села Маково, и лишь близившийся вечер заставил нас повернуть назад.

В Шостке мы расстались друзьями, но я постеснялся спросить у старшего парня его фамилию и адрес и потом надолго потерял его из виду. Мои последующие самостоятельные поиски этого орнитолога-любителя в городе результатов не дали, не состоялась больше и ожидавшаяся всё время повторная встреча с ним в лесах. И лишь через 26 лет, в 1988 году, на научной орнитологической конференции в Киеве, друзья-коллеги представили мне моего шосткинского земляка – Виктора Тихоновича Афанасьева, к огромной радости оказавшегося тем самым неожиданным «экскурсоводом» из детства.

Как выяснилось при этом, вскоре после нашей встречи в лесу Виктор Тихонович был призван в Армию и надолго уехал из Шостки. Вернувшись потом домой, он продолжил любительское коллектирование яиц, а после знакомства с киевскими орнитологами-профессионалами начал целенаправленные сборы гнезд и кладок птиц нашего Полесья, изучение их фауны, распространения, численности и экологии.

В последующие годы мы вместе с Виктором Тихоновичем совершили несколько больших походов по Сумскому Полесью, которые позволили мне познакомиться с новыми районами, найти там несколько новых и редких видов птиц, собрать важные дополнительные материалы по их фауне и распространению на северо-востоке Украины. Виктор Тихонович и сам оказался незаурядным любителем. Он хорошо знал всех птиц местной фауны, обладал отменной интуицией и удивительным даром поиска гнезд самых скрытных видов, таких как коростель, дупель, погоныши и др. В результате своих интенсивных многолетних исследований он собрал богатый, оригинальный материал, на основе которого написал книгу «Птицы Сумщины» (Киев, 1998).

К сожалению, из-за отсутствия авторитетных наставников, хороших определителей птиц и их гнезд, инструкций по сбору орнитологических материалов, а также собственного опыта научной обработки полученных данных, в работах В.Т. Афанасьева оказалось немало и сомнительных сведений, которые можно было отсеять только с участием самого автора. Что-то нам удалось сделать в ряде совместных с Виктором Тихоновичем научных стаей, но многое в его публикациях осталось «непросеянным».

Наши же собственные школьные наблюдения касались, в основном, мелких воробьиных птиц, доминирующих в лесных ландшафтах. Кроме них здесь были обычны также различные голуби и дятлы, кукушки, удоды, сизоворонки. Реже встречались нам гнезда хищных птиц – пустельг, ястребов, канюков, которые были фактически наперечет и регулярно контролировались нами во время походов. При поездках на Десну, в широкую луговую пойму на большом острове в районе села Погребки, мы попадали в шумный мир разнообразных куликов, чаек, уток, и эти экскурсии изобиловали находками их гнезд и колоний на зарастающих болотистых музгах и узких сенокосных гривах.

Рассказать здесь обо всех наших походах и находках нет никакой возможности. Хотелось бы остановиться лишь на некоторых, наиболее ярких для нас впечатлениях от встреч с пернатыми – как с редкими, так и с обычными их видами. В связи с этим вспоминаются, прежде всего, интересные хищники – осоед и чеглок, а также тетерев-косач и небольшая пеночка-теньковка.

* * *

Летом 1962 года в старом смешанном лесу за Вторым полем я случайно заметил небольшое гнездо какой-то неизвестной хищной птицы, устроенное в развилке ствола березы высоко в развесистой кроне. С трудом поднявшись по толстому, корявому, морщинистому пьедесталу дерева, исцарапавшись о жесткую кору, я долго еще полз потом по гладкому, выбеленному известкой стволу березы, пока добрался, наконец, до желанного гнезда. Там в лотке, выстланном зелеными березовыми листьями, оказались два оперявшихся птенца, а под ними лежал толстый слой помятых бумажных осиных сот.

Проследить за этим гнездом осоеда до конца я не смог в связи с отъездом на каникулы в Таганрог, а следующей весной оно оказалось брошено. Но в нескольких километрах оттуда мы нашли другое гнездо этой своеобразной птицы с кладкой из двух коричневых яиц, однако позже осоеды исчезли и там. Поэтому увидев как-то в Таганрогском краеведческом музее чучело осоеда, сделанное, возможно, еще до Октябрьской революции руками малоизвестного таганрогского офицера-

орнитолога М.М. Алфераки (Франкьен, Шергалин, 2010), я решил тогда по незнанию, что это современные варвары-охотники застрелили на пролёте «наших» необычных птиц, оставив наши леса без этих редчайших, красивых пернатых хищников.

Как выяснилось позже, осоеды не представляют особой редкости в лесной зоне. Изредка они гнездятся и в лесах на степном Юге, где мною было найдено несколько гнезд близ станицы Вёшенской и в низовьях Хопра. Интересно при этом отметить, что развивающемуся птенцу осоеда, по наблюдениям орнитологов, ежедневно нужно съедать всего лишь около 100 граммов корма, или примерно 1000 личинок ос (Галушин, 1980). При массе хищника в 700–800 г, этого кажется явно мало, учитывая, тем более что, например, такой же по размерам канюк-мышеед съедает за сутки в два раза больше свежего мяса. Поэтому можно полагать, очевидно, что личинки перепончатокрылых (ос, пчел, муравьев) представляют собой чрезвычайно питательный, концентрированный белковый корм, заменяющий мясо.

Вспоминаю, как однажды, уже летом 1982 года, забравшись без карт в обширный дубовый лес на древних среднедонских песках близ Вёшек, в старую Войсковую Дубраву в междуречье Хопра и Дона, я заплутал и целый день блуждал там по жаре, без воды и еды. В конце концов, выбившись из сил, я уже еле передвигал ноги, и вдруг на пути мне попалась забытая кем-то борть – улей на дереве. Пренебрегая отнюдь не виртуальными угрозами пчел-сторожей, я вытащил из-под крышки рамку с вощиной, но меда, на который так рассчитывал, в ней не оказалось: все соты были забиты личинками. С сожалением я уж решил было расстаться с рамкой, но голод пересилил и, представляя, как лакомятся подобной добычей осоеды, медведи и другие животные, всё же отважился попробовать личинку на вкус.

Непривычная пища сначала показалась неприятной, кисловатой, но вполне съедобной. Преодолевая отвращение, я прожевал ещё один кусочек вощины, высасывая беловатый водянистый сок из не состоявшихся насекомых. Теперь он напомнил мне уже прохладный молочный коктейль с лимонным сиропом. А затем, войдя во вкус, я «оприходовал» всех личинок и, ещё не успев закончить необычную трапезу, неожиданно почувствовал небывалый прилив сил и энергии. Тут же исчезли дневная усталость и жажда, и я, поднявшись вскоре с земли, бодро отправился на дальнейшие поиски дороги домой. Лишь далеко за полночь добрался я, наконец, до базы, однако чувствовал себя так, как будто и не было за плечами 20-часового похода.

Только после этого я смог полностью оценить, что же значат для осоеда те самые 100 граммов!

* * *

В школьные годы мы регулярно наблюдали за несколькими парами обыкновенных пустельг, которые ежегодно селились в старых вороньих гнездах в Пустельжином лесу за Вторым полем – в длинной делянке спелого березово-соснового леса, оставшегося среди вырубок и молодняков. Небольшой соколок, которого мы по неопытности тоже принимали за пустельгу, часто отмечался по крику также в соседнем квартале – на Вороновой полосе у многолетнего гнезда воронов, устроенного на высокой, старой сосне. Но однажды, при поездке в Москву, я раздобыл у букинистов 3-й выпуск научного сборника «Орнитология» за 1960 год и в статье Б.З. Голодушко прочёл, что в Беловежской пуще в Белоруссии в гнездах воронов после вылета их птенцов летом часто селятся чеглоки. Для нас же этот сокол до того времени оставался неизвестной, загадочной птицей.

Осоед. Фото А.С. Настаченко.

Чеглок. Фото Е.А. Брагина.

И вот, вернувшись из Москвы, мы с Владиславом и Юрой буквально на следующий же день срочно отправились на проверку гнезда воронов. И какова же была наша радость, когда в нем, чуть ли не в конце лета, действительно оказались птенцы чеглока! С тех пор этот соколок стал одним из наиболее интересных для меня видов птиц, и я не упускал случая, чтобы лишний раз понаблюдать за его гнездовой жизнью, а особенно за его своеобразным охотничьим поведением.

Чеглок – типичный сокол, берущий свою добычу почти исключительно на лету. Обычно он охотится на жаворонков, коньков, ласточек, стрижей, подолгу порхающих с пением или разыскивающих комаров в воздухе, а по вечерам чеглоки часто носятся невысоко над лугами, добывая летающих стрекоз или крупных жуков. Иногда соколки охотятся на мелких птиц парами, повышая эффективность своих атак.

Со школьных лет у меня перед глазами до сих пор стоит захватывающая дух картина смертельной «чехарды» пары чеглоков, наблюдавшаяся однажды в бинокль с вершины старой тригонометрической вышки. Высоко в небе над скошенным Мироновским полем два сокола настигли днём деревенскую ласточку-касатку, далеко улетевшую из своего села, и в воздухе замелькали силуэты этих трех птиц. При атаке одного из чеглоков – стремительном отвесном пикировании – касатка тоже начинала падать вниз, набирая скорость и в последний момент успевая увильнуть от удара хищника.

Промахнувшийся сокол по инерции уходил вниз, но в это время другой чеглок уже взмывал вверх и, не давая ласточке передохнуть, повторял атаку. Опять пикирование вниз, опять промах, но над ласточкой вновь зависал первый хищник. В конце концов, касатка оказалась прижата к земле, падать ей стало уже некуда, и она вынуждена была лететь в сторону, вверх. Вот тут-то, на излёте, чехарда и завершилась. Более быстрый чеглок в кабрировании, взмывая вверх, настиг жертву, мягко сошлись их тела, и мелькание силуэтов прекратилось.

В начале сентября 1991 года подобные охоты чеглоков на пролетных ласточек-береговушек мне пришлось неоднократно наблюдать в устье реки Самур на берегу Каспия в Дагестане. Соколки парами или даже тройками улетали далеко в море, иногда за полкилометра-километр от берега, поднимались на 300-500 метров вверх, выслеживая оттуда отбившихся от стаи одиночных береговушек, и начинали свою чехарду. Преследуемые ласточки сначала падали вниз, а затем над самыми волнами летели к берегу и при удаче спасались там, поскольку все чеглоки над землей сразу же прекращали свои атаки. Однажды пойманной ласточке удалось вырваться из когтей чеглока и, несмотря на повторные атаки сразу трех хищников, она благополучно долетела до берега.

На следующий день массовая миграция ласточек прекратилась, и чеглоки занялись аналогичной охотой на пролетных каменок. Теперь они выслеживали птиц, которые по пути из пустынь Казахстана пересекали Каспийское море и рано утром, уставшие, летели к берегу уже над самой водой. Удивительно, но и каменкам нередко удавалось спасаться от этих проворных хищников, долетая до кустов на песчаном пляже.

Характерную сцену охоты крупной самки чеглока мне пришлось наблюдать однажды в середине июня 1984 года в долине Западного Маныча у хутора Болотов, где пара соколов поселилась в старой лесополосе у канала. Там «полигоном» для чеглоков стала крупная колония из 30 пар степных тиркушек и 10-15 пар малых крачек, устроивших гнезда на обширном сыром солончаке среди лугов. Но как только чеглок появился близ колонии, все тиркушки и крачки в панике разлетелись со своих

гнезд в разные стороны и молча устремились вверх. Лишь несколько ходулочников с криком бесстрашно летали над колонией за хищником, пытаясь прогнать его от своих гнезд.

Чеглок после ряда неудачных атак на тиркушек улетел в сторону и стал набирать высоту, а затем долго ходил вдали под облаками, пытаясь вновь незаметно приблизиться к колонии. Но крачки и тиркушки, вернувшиеся через некоторое время к своим гнездам, зорко следили за хищником и всякий раз замечали его еще вдали, разлетаясь из колонии задолго до его приближения. Тем не менее, некоторые атаки чеглоков, по-видимому, всё же достигали цели, так как в колонии было найдено одно брошенное гнездо крачки, хозяева которого могли погибнуть в когтях хищника.

Однако в тот раз его охота на птиц оказалась безуспешной. Вскоре чеглок оставил свои попытки подкрасться к ним, спустился к земле и начал привычную ловлю в воздухе крылатых насекомых. А крачки и тиркушки продолжили в колонии свои тревожные семейные хлопоты: у первых в некоторых гнездах уже начался проклёв яиц, а у вторых большинство пар уже кормило птенцов.

Наконец, в июле 1996 года в Пензенской области мне удалось проследить любопытный случай клептопаразитизма чеглока. Днем ястреб-перепелятник, поймавший в лесу какую-то мелкую птицу, вылетел на большую песчаную поляну и начал набирать в термике высоту, чтобы отправиться затем к своему гнезду в экономном, планирующем полете. Но тут его заметил чеглок, который стремительно пронесся из леса наперерез ястребу. Тот сначала попытался ускорить свой подъем, но затем, настигаемый чеглоком, бросился в пикировании вниз, однако сокол тут же устремился за ним.

Следующим маневром ястребка стала устрашающая атака на чеглока сверху, но соколок увернулся и при этом схватил лапами добычу, которую держал ястреб. После этого, не выпуская жертву из лап, оба хищника, сложив крылья, с высоты 300-400 метров начали быстро падать вертикально вниз, пока не скрылись у земли за деревьями. Кто из них вышел победителем, у кого оказались крепче нервы – осталось неизвестно, но хищники могли там и разбиться вдвоем, на большой скорости врезавшись в землю. Во всяком случае, я их потом уже не видел.

* * *

Как-то в апреле 1965 года, на одной из своих весенних вылазок, ранним утром я выехал на велосипеде ко Второму полю, и здесь меня вдруг остановили необычные звуки, доносившееся через поле откуда-то из-за леса. В них слышалось не то тихое бормотание первого весеннего ручья под снегом, не то мелодичное голубиное воркование под чердач-

ной крышей. Но ни ручья, ни сизарей, я знал, там не могло быть. Однако то затухавший, то усиливавшийся нежный звон был столь явственным, казался столь близким, что меня прошиб нервный озноб, стало даже как-то не по себе от этого совершенно незнакомого мне в родных лесах удивительного пения. И бросив в кустах велосипед, я поспешил напрямик через мелколесье в сторону загадочного певца, боясь опоздать на его утренний сольный концерт.

Через полкилометра, когда в молодом сосняке стали различимы просветы вырубки, освещенной недавно взошедшим солнцем, оттуда послышались новые звуки. Они-то окончательно и подтвердили показавшуюся мне самому сначала совершенно невероятной догадку. Громкое чуфыканье могло принадлежать только токующим тетеревам!

Выглянув из-за последних кустов на вырубку, я вскоре действительно увидел большую чёрную птицу, медленно кружившуюся в траве среди пней. Пригнув к земле раздутую шею, на которой волнами играло рыхлое оперение, и подняв вверх лирообразный хвост, украшенный снизу белоснежной розеткой перьев, тетерев взахлёб бормотал, непрерывно издавая приглушенные булькающие звуки "буууул-был-был-был – буууул-был-был – буууул-был-был – …". Временами он взбирался на пень, затем с шумом взлетал вверх, издавая резкое, сердитое шипение "чуфф-фышш…", и опять падал на землю, чтобы продолжить там любовную серенаду.

Тетерев-косач.

Пеночка-теньковка.

Возбужденный своим неожиданным открытием – находкой в наших лесах тетеревов, причём сразу же на их токовище, потрясенный впечатляющим концертом косача, я бросился назад, за велосипедом, а затем – домой. Разбудив мирно спавших друзей, мы уже втроем, забыв о школе, вновь помчались в лес, на тетеревиный ток.

Однако солнце к тому времени поднялось уже высоко над де-

ревьями, тетерева разлетелись по окрестным лесам, и лишь один косач ещё продолжал тихо бормотать, сидя на вершине высокой сосны близ вырубки. Но удача в тот день не покинула нас. И в гриве старого бора, поднимавшегося среди окружавших вырубку сосновых молодняков, я неожиданно вспугнул из-под ног рыжеватую курицу, а под деревом, где она сидела, в небольшой лунке обнаружил 3 больших пёстрых яйца своеобразной охристой окраски.

Хотя птица тогда сразу показалась мне великоватой для самки тетерева, но для нас она затем надолго осталась именно тетеркой. И лишь много-много лет спустя, занявшись анализом проведенных в школьные годы орнитологических наблюдений, мне удалось установить, что это была, очевидно, не тетерка, а – судя по дневниковым описаниям и сохранившемуся фотоснимку сидевшей на гнезде самки – совсем неизвестная для нас глухарка. Судя же по мелковатым размерам её яиц, это могла быть даже вовсе уникальная птица – межняк, гибрид глухаря и тетерева.

Такие брачные союзы изредка встречаются в лесах, где оба эти вида птиц редки, и возможности для встреч партнеров по размножению у них ограничены. Поэтому самки глухарей вынуждены иногда спариваться с тетеревами, производя на свет так называемых межняков, обладающих промежуточными внешними признаками.

На следующий день уже спозаранку мы были на вырубке и с нетерпением ожидали рассвета в небольшом шалаше, устроенном на опушке из сосновых лап. А затем, волнуясь, перешептываясь, делясь впечатлениями, мы долго наблюдали за косачами, начавшими на восходе солнца свой весенний брачный концерт. В разгар тока на вырубке неожиданно вспыхнул захватывающий дух рыцарский турнир двух самцов, сошедшихся грудь в грудь среди сосновых пней наподобие домашних петухов, и в бинокль нам удалось разглядеть даже их пунцовые, налитые кровью брови. А на окраине вырубки, под сосёнками были замечены и курочки, собравшиеся на устроенное в их честь представление.

Но на этом наше знакомство с тетеревами тогда фактически и закончилось. В следующем году вырубка заросла мелколесьем, и косачи покинули её. В лесах лишь изредка встречались одиночные птицы. И только много лет спустя я вновь нашёл в Полесье пару небольших тетеревиных токов. Однако птиц на них было мало, токовали они на обширных полях или на открытых луговинах среди леса и подобраться к ним было трудно.

* * *

Пеночка-теньковка – маленькая лесная птица невзрачной буровато-зеленоватой окраски – изредка встречалась в глухих участках Шосткинских лесов, и находки ее гнезд, в отличие от более многочисленных

пеночек – веснички и особенно трещотки, – были у нас наперечет. Но однажды в 1964 году, уже в августе, мне удалось обнаружить весьма своеобразное гнездо теньковки, сделанное не на земле, как обычно у пеночек, а на побегах ежевики в полуметре от земли, в густых зарослях на поляне среди средневозрастных мертвопокровных сосняков.

Наблюдая за теньковкой, кормившей четырех небольших птенцов, я подобрался в примятом «туннеле» среди ежевики метра на полтора к гнезду, но пеночка вскоре привыкла ко мне и почти не обращала на меня внимания. На следующий день я повторил опыт и несколько часов следил за кормовым поведением теньковки, почти в упор разглядывая птицу и ее добычу. Затем, решив провести суточные наблюдения, чтобы выяснить особенности дневной активности пеночки, я пришел к гнезду поздно вечером, переночевал в лесу, а утром 12 августа с самого рассвета был уже у гнезда, вооружившись часами, карандашом и тетрадкой.

После завтрака к гнезду пришел Владислав, а потом – Юра, сменившие меня на дежурстве. А я побежал домой – поесть и умыться после холодной ночевки. И затем в течение всего дня мы лежали по очереди в ежевичнике и заносили в тетрадь все свои наблюдения над самоотверженной птахой, растившей потомство под пристальным взглядом юных орнитологов.

Как выяснилось, птенцов действительно кормила лишь одна самка, а самец всего 1-2 раза прилетал к гнезду, заглядывал в него и вновь улетал в кроны сосен. За 15 часов «работы», с 5:30' до 20:30', самка 203 раза принесла птенцам корм, среди которого, по моим расчетам, было около 90 зеленых гусениц, около 35 коричневых гусениц пядениц, примерно 220 каких-то мух и 360 мошек, которых птица ловила, в основном, в среднем ярусе соснового леса – среди голых, прогонистых стволов с редкими сухими сучьями.

* * *

Это была моя первая проба сил на экологическом поприще, которое планировалось продолжить в будущем. Но, потерпев в 1966 году провал в МГУ, в августе я принял решение расстаться с Шосткой, со своим детско-юношеским миром, чтобы быстрее встать на ноги, начать новую, самостоятельную жизнь и на следующий год, не отвлекаясь на посторонние дела, более основательно подготовиться к поступлению в Московский университет.

Получив приглашение из Таганрога, я организовал прощальный поход в Маковские леса – в наши излюбленные, наиболее интересные природные урочища. К вечеру мы с Владиславом и Юрой, остававшимися в Шостке, добрались до села Маково, послушали в роще среди лугов тихое, прощальное осеннее бормотание одиночного тетерева,

а затем близ опушки леса вырыли сверху в стогу «гнездо» и до полуночи, зарывшись в теплое, душистое сено, разговаривали, вспоминая свои приключения в лесах. Я делился также впечатлениями о поездках в Москву и Киев, об университетах, экзаменах, рассказывал о книгах по орнитологии, которые удалось приобрести летом в столичных магазинах.

Стояла тихая, безмолвная по осени, темная ночь. В зените на небе сверкали яркие, лучистые звезды. Нами постепенно овладевала дремота, и мы один за другим смолкли и незаметно уснули. А на рассвете, проснувшись, я обнаружил, что весь Маковской луг затянут густым белёсым туманом, над которым, как острова в море, поднимались макушки окружавших нас стогов, и темнел вдали лес. Затем из леса на луг вышел сохатый лось, и его голова, украшенная большими рогами, долго «плыла» по туманным волнам, скрываясь иногда во мгле, когда лось переходил канавы или наклонялся, чтобы пощипать траву. Я разбудил друзей, и мы долго любовались этой волшебной картиной.

А потом, когда я вновь открыл глаза, вдали на востоке над старым бором уже выглянуло солнце, туман исчез, и лось вспоминался как привидение. Спустившись со стога вниз, мы перекусили домашней снедью, отогрелись в солнечных лучах и потихоньку зашагали домой. Но после я всю жизнь вспоминал то утро и то необычное видение как свою путеводную нить.

Через год после этого из Шостки уехал Юрий Москаленко, поступивший в Киеве в инженерный институт. Затем он перешел на дипломатическую службу, значительную часть времени проводил за границей – в Ирландии, Италии, Греции, и мы лишь изредка встречались с ним в Москве, уже почти не вспоминая об «орнитологическом» детстве. Владислав же после окончания Шосткинского техникума и службы в Армии отчасти реализовал свою юношескую мечту. Он поступил на Биофак Киевского университета, но на 3 курсе, сагитировав многих своих друзей идти далее учиться на кафедру зоологии, сам был отлучен от нее, поскольку к моменту распределения студентов все места на кафедре оказались заняты. В итоге ему пришлось писать диплом по физиологии, а после окончания университета он вернулся в Шостку, унаследовал родительский дом и до пенсии проработал в родной 8-й школе – сначала учителем биологии, а затем директором, зарекомендовав себя неплохим организатором.

По материалам наших школьных дневников наблюдений над природой мы с В.М. Москаленко позже опубликовали несколько совместных статей о птицах Сумского Полесья, но затем интерес к орнитологии постепенно затух и у него. Верх взяло, очевидно, прагматичное родительское начало…

"Что такое костер? Я отвечу вам просто и прямо:
Без огня – это куча отжившего хлама.
То, что взгляду далось, было в сумерки взято.
На костре собралось всё, что жило когда-то..."
(**В.Д. Федоров**)

3. Мои университеты

Уже в школьные годы, в старших классах, я начал активно собирать природоведческую и орнитологическую литературу. На полках стояли книги А. Гумбольдта о путешествиях по Южной Америке, П.К. Козлова о Центральной Азии, многотомная серия «Охотничьих просторов», ряд первых выпусков московской «Орнитологии» под редакцией В.Ф. Ларионова. С определителями растений П.Ф. Маевского весной я собирал гербарий; замечательная книга Н.М. Верзилина «По следам Робинзона» давала некоторые навыки жизни в дикой природе; со «Спутником следопыта» мы тропили зимой в лесу зайцев, куниц, белок, искали лунки тетеревов и рябчиков в снегу. В книжном магазине в Шостке я обнаружил как-то «Визначник птахів УРСР» М.А. Воинственского и А.Б. Кистяковского (1962), который на многие годы стал для меня настоящей настольной книгой, по кратким описаниям которой я пытался даже делать рисунки луней, овсянок и других птиц для получения навыков их полевого опознавания.

Незабываемым было знакомство с автобиографической повестью «Шесть дней в лесах» известного русского эколога А.Н. Формозова. Его замусоленную до дыр книгу мне принесли однажды одноклассники, и потом я неоднократно перечитывал в ней яркие, живые описания охотничьих приключений двух юных зоологов в весенней нижегородской тайге, воспринимавшиеся мною тогда как явь. После этого и я стал организовывать дальние орнитологические выезды с ночевками в лесах, пока, правда, без ружья и без дичи, которой в те годы почти не было в окрестностях Шостки.

Ну а «Записки натуралиста», составленные замечательным московским орнитологом Евгением Павловичем Спангенбергом, окончательно определили мой выбор дальнейшего пути полевого исследователя-зоолога. К окончанию школы я уже не мыслил другой работы и в разговорах иногда даже уверенно говорил, что буду ученым-орнитологом, а втайне представлял себя в будущем известным профессором.

Знакомство со всей доступной мне тогда литературой определило в 11 классе и выбор Московского университета. К тому же я хорошо

знал величественное здание МГУ на Ленинских горах по неоднократным собственным поездкам в Москву. Там работали также Е.П. Спангенберг, Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков и другие известные мне по книгам орнитологи. Поэтому не приходилось даже задумываться о других вузах. И провал на вступительных экзаменах в МГУ вызвал шок, из которого я не мог выйти почти две недели, бесцельно слоняясь по Москве. Лишь в конце июля пришло осознание, что есть еще и другие университеты, в том числе в столице Украины – Киеве, где работал А.Б. Кистяковский – один из авторов «Визначника птахів УРСР». О нем как удивительном полевике я услышал отзывы уже позже, из уст его студента Владислава Москаленко, рассказывавшего мне о летних полевых практиках по зоологии, которые Александр Богданович проводил в Каневском заповеднике на Днепре.

Упаковав чемодан, я срочно отправился в Киев и в последний день сдал документы в КГУ. Но и там двойной конкурс 1966 года и высокий проходной порог, до которого не хватило полбалла, закрыли дорогу к дальнейшему обучению. А переходить на предлагавшееся там заочное отделение я не стал. Естественно, ни о каких связях и протекции тогда не было и речи. Везде я рассчитывал только на свои собственные силы, не пытаясь просить поддержки даже у родственников. И в Москве, и в Киеве пришлось устраиваться в многолюдных студенческих общежитиях, куда расселяли иногородних абитуриентов. И в памяти остались лишь их старые, темные корпуса на Стромынке в Москве и новые светлые здания на просторном поле у аэропорта «Жуляны» в Киеве.

Поздней, ненастной осенью 1966 года я переехал из Шостки на юг, в Приазовье. И после душистых сосновых лесов Полесья, ночёвок в стогах, весенних рулад дроздов и осенних грибных запахов, слякоть предзимья в пустынной степи произвела на меня тягостное впечатление. Даже ласковое море, так манившее к себе раньше, было сейчас неприветливым, блекло-серым. А унылые чёрные зяби в полях, редкие чёрные лесополосы и чёрные грачиные стаи, слетавшиеся по вечерам на ночевку в парк, вызывали откровенную неприязнь. Казалось – я никогда не смогу привыкнуть к этой земле, к этим краям…

Всю зиму я провел в городе, в заводской суматохе и карусели новых забот пытаясь забыть розовое детство. И даже мартовские ручьи, зашумевшие в трамвайных колеях на широких городских улицах, не особенно тронули мою душу. Но день за днём оживала природа. Во дворе на шестке запел скворец. На грядках пробилась зелень. Запахло весной.

И вот, не в силах больше сидеть дома, преодолевая страх и боязнь окончательного разочарования в степном Юге, я впервые за полгода выбрался, наконец, за город.

Густой утренний туман скрыл от меня хлам задворков и растаял, лишь когда я оставил далеко позади городскую окраину. Солнце быстро прогрело воздух. В лесополосе под ногами зашуршала подсохшая прошлогодняя листва. Выпорхнула из травы бабочка-лимонница и огоньком свечи заплясала над чёрной пашней. И там, над полем, раздалась вдруг первая песня жаворонка. Вскоре в небе зазвучал ещё один жаворонок, затем ещё и еще. В одиночку и стайками, одна за другой полетели птицы на север. До самого полудня было слышно их пение, и я, шагая по степи, вспоминал полесских жаворонков, летевших в такие же солнечные дни непрерывной чередой с юга. Может быть это и сейчас летели НАШИ, полесские птицы?

Днём лёт прекратился, жаворонки смолкли. Но под вечер я случайно вышел к полю с незапаханным прошлогодним жнивьем, где собрались, наверное, все те птицы, что пели над степью в течение дня. И представшую предо мной картину уже ни с какими полесскими воспоминаниями сравнивать оказалось невозможно! Там среди перелесков услышишь, бывало, одного, редко – двух жаворонков вместе. Иногда над вырубкой зазвучит еще мягкое, минорное пение лесного жаворонка – юлы. Здесь же мажорно звенел мощный хор из десятков различных птиц, висевших, трепетавших и порхавших в воздухе.

Высоко в поднебесье, чуть шевеля крыльями, захлебывались в громком пении большие степные жаворонки. Пониже журчали, трепеща в неподвижном воздухе, полевые. Невысоко над землей с короткими чирикающими трельками порхали малые жаворонками. А издали, с околицы хутора, доносились флейтовые переливы хохлатого жаворонка-посметюшки.

Я был ошеломлен силой и чистотой этой симфонии и долго стоял среди поля, боясь спугнуть проснувшиеся во мне чувства. Исчезла зимняя хандра и дневная усталость. Родной и близкой показалась мне степь.

И вдруг… Где-то вдали, на западе, послышались чистые и нежные звуки фанфар, как будто объявлявшие миру о выходе герольда. Оглянувшись, я заметил цепочку каких-то крупных птиц, летевших в мою сторону невысоко над землей. Однако хорошо разглядеть их против солнца нельзя было даже в бинокль, и я поспешил с поля к ближайшей лесополосе, где можно было бы укрыться и подождать приближающуюся стаю. Но не успел я дойти до деревьев, как птицы настигли меня и затрубили уже прямо над головой.

Взглянув вверх, я обмер. Метрах в сорока, выстроившись треугольником, на восток летели 13 белоснежных лебедей. Были хорошо видны их головы, клювы, чёрные лапки, прямоугольником прикрывавшие снизу хвост. Птицы спокойно, плавно гребли почти одними конца-

ми крыльев, казалось – плыли в неподвижной густой синеве. Резко выделяясь на фоне чистого неба, они выглядели необычайно изящными, гармоничными творениями великого маэстро – Природы.

Вскоре вновь раздалась их мелодичная перекличка. Освещённый лучом заходящего солнца, неожиданно блеснул белый изгиб крыла одной из птиц. И этот яркий отблеск уходящего дня – ещё один тогдашний подарок судьбы – запечатлелся в памяти на всю жизнь.

* * *

Работая на заводе в Таганроге, как-то весной я случайно увидел в областной газете объявление, что в ближайшее воскресение в Ростове, в местном университете, проводится «День открытых дверей». В выходной день электричка быстро довезла меня до Ростова, на центральной улице я вскоре нашел университет, а там – кафедру зоологии на третьем этаже. На кафедре меня «ждали» мои будущие учителя – молодой ассистент Борис Александрович Казаков и заведующий кафедрой Николай Сидорович Олейников.

После знакомства и непродолжительных расспросов Н.С. Олейников пригласил меня в небольшую экспедицию на Сладкий Лиман в Краснодарский край, где в солидном охотничьем хозяйстве орнитологи РГУ вели многолетние работы по привлечению диких уток в искусственные гнездовья среди тростниковых плавней. Николай Сидорович ехал туда на несколько дней со студентами для проверки заселяемости гнездовий, и помощь еще одного учётчика-орнитолога была для него как нельзя кстати.

Оформив на таганрогском заводе себе «отгулы», я и еще трое студентов-старшекурсников РГУ поздно вечером 19 мая 1967 года сели в Ростове на поезд, отправлявшийся в Новороссийск, а через несколько часов высадились на полустанке «Стародеревянковка» в низовьях реки Челбас. Добравшись пешком к утру до охотхозяйства, находившегося в 13 км от станции, мы разместились там в чистом, уютном домике, и пока не было Н.С. Олейникова, устроили себе небольшой отдых. А следующей ночью приехал заведующий кафедрой зоологии, и в воскресенье с утра мы с егерями занялись проверкой утиных гнездовий на лимане.

По двое с егерем в лодке мы в течение трех дней с утра до вечера толкали длинным шестом плоскодонки по протокам и плёсам, осматривая конусные укрытия из сухого тростника и записывая в дневники все параметры гнезд, которые диктовали нам егеря: вид утки, количество яиц, степень их насиженности и др. Общие результаты этих работ еще в 1966 году Н.С. Олейников опубликовал в отдельной книге, посвященной привлечению диких уток в искусственные гнездовья, а детальный научный анализ собранных в те годы обширных материалов по гнездо-

ванию массовых видов уток позже сделал Б.А. Казаков с коллегами в книге «Птицы Северного Кавказа» (2004).

Сладкий Лиман в 1967 году представлял обширное, довольно глубокое озеро, заросшее по краям широкой полосой мощных, густых, непроходимых тростников. В центре находились большие и малые плёсы с подводными зарослями различных водорослей, а к плёсам вели проложенные в тростниках узкие проходы для лодок, которые ежегодно прокашивались егерями. На плёсах всё лето держались сотенные и тысячные стаи крякв, красноголовых и красноносых нырков, чернушек (белоглазых нырков), лысух и чомг, гнезда которых размещались по окраинам тростников, а на плавающих водорослях среди плёсов гнездились разреженными колониями изящные белощекие крачки.

Сладкий лиман в 1967 г. Центральный плёс и усадьба охотхозяйства

Я впервые попал в такое необычайно богатое царство водоплавающих и околоводных пернатых, где за 4 дня было отмечено около 40 видов птиц. Причем многие из них были встречены мною впервые, например каравайка, серощёкая поганка, серый гусь, красноносый и белоглазый нырки, усатая синица, соловьиный сверчок и др. И мне было чрезвычайно интересно лазить в тростниках, высматривая гнезда уток, лысух, камышниц, волчков, разнообразных камышевок, усатых синиц и других птиц. Удивило лишь то, что этой важной работой вместе с Н.С. Олейниковым занимались не зоологи, а совсем случайные студенты. На Сладкий Лиман со мной приехали Борис Кузин – известный в будущем профессор, ученый-генетик, а также его друг Анатолий Босов и студентка-пятикурсница, с которой мне больше не пришлось встречаться, и сейчас я не знаю даже ее фамилии.

После этой результативной «вылазки» я решил теперь поступать в Ростовский университет, чтобы можно было продолжить потом рабо-

ту в богатых птицами угодьях Северного Кавказа. Приехавший летом на каникулах ко мне в Таганрог Владислав Москаленко, с которым мы совершили несколько интересных экскурсий в дельту Дона и на Беглицкую косу на северном берегу Азовского моря, тоже был поражен разнообразием и обилием местных птиц, что еще больше упрочило мое намерение продолжать обучение на Юге, в Ростове.

* * *

В августе на вступительные экзамены в РГУ я приезжал электричкой из Таганрога. В университете, почти не общаясь с другими, незнакомыми мне абитуриентами, я быстро, уверенно отвечал на билеты и сразу же уезжал обратно. Не знаю, была ли оказана мне какая-либо протекция со стороны Н.С. Олейникова, но химия и физика были сданы на «отлично», я был зачислен в РГУ, а 1 сентября весь наш 1 курс отправился на месяц на «трудовой семестр» – на уборку урожая в село Петровку на реке Тузлов недалеко к северо-западу от Ростова. Там я уже и знакомился со своими будущими однокурсниками.

Первокурсники: Т. Дудкина, К. Хаишбашьян, С. Дыбленко, Ж. Ляхницкая, А. Пахотова, А. Ковалев, И. Мацкевич, В. Иванченко

Каждое утро нас будил громогласный крик нашей руководительницы, разносившийся на весь недостроенный коровник, в котором мы жили: «Девочки, мальчики, подъем!» После завтрака, мы расходились на работу: кто на колхозный ток веять зерно, кто на комбайны в поле, кто на стройку. По вечерам мы пели песни Высоцкого под гитару Толика Ковалева, разрисовывали стены своего коровника, Володя Дехта с

друзьями придумали на ферме названия улицам: «крупная рогатая авеню», «мелкая рогатая авеню», «фантомас штрассе», «дворцовый переулок» и др. А затем романтики убегали ночевать на сеновал и смотрели там на падающие звезды.

В Петровке я сразу же нашел среди студентов такого же, как и я, увлеченного со школьных лет зоолога Вячеслава Данченко, и вместе с ним мы провели следующие пять студенческих лет, полные приключений, поездок, встреч и расставаний. Но Славик отличался от остальных студентов ярко выраженным индивидуализмом, обычно чурался праздных, разношерстных компаний и всегда выбирал свой особый жизненный путь, предпочитая одиночество, которое позволяло ему погружаться в самопознание и миросозерцание. Однажды Вячеслав, презрев абсолютно обязательное в наши студенческие времена участие в показных всеобщих выборах «народных» депутатов, в воскресный день уехал на экскурсию в пойму Дона и вернулся в Ростов только вечером. Тем самым он сорвал 100-процентную явку избирателей на нашем студенческом избирательном участке, вызвав бурю негодования партийных и советских органов разного уровня и чуть было не лишившись студенческого билета.

Вячеслав Данченко и Игорь Боянович. Июнь 1968 г.

Из-за своего отшельнического менталитета Вячеслав лишь изредка принимал участие и в наших совместных экскурсиях и экспедициях. Помню, однажды я выезжал с ним зимой на охоту в дельту Дона, где мне впервые удалось добыть лису; дважды мы ездили вдвоем в Донской и Ленинский лесхозы Ростовской области – в большие, старые ис-

кусственные лесные массивы, где я занимался изучением закономерностей формирования орнитофауны этих изолированных степных лесов, работая над своим дипломом на 5 курсе. Как-то вчетвером мы ездили в Луганскую область – в знаменитую Провальскую степь, находившуюся на границе с Ростовской областью неподалеку от отчего дома В.В. Данченко в посёлке Зверево Красносулинского района.

В середине декабря 1971 года, на 5 курсе, я со Славиком предпринял большую охотничью «экспедицию» в устье реки Сулак на Каспии. Дома мы не стали тревожить своих родных поездкой в далекий Дагестан, сказав, что уезжаем на несколько дней на охоту в дельту Дона. А там вскоре после нашего отъезда разразилась сильнейшая «низовка», вызванная длительным штормовым западным ветром. Низовка затопила все острова в дельте, и наше исчезновение привело к панике среди родных и друзей. Нас собирались уже искать в дельте на вертолетах, но, к счастью, вскоре мы сами вернулись домой целыми и невредимыми, даже не подозревая о прошедшем на Нижнем Дону шторме.

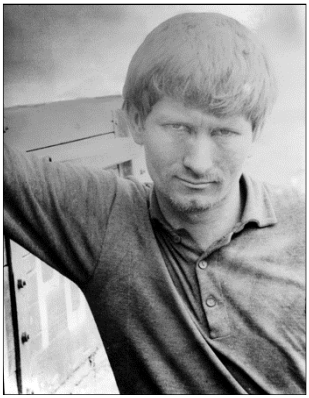
А на Сулаке нас ждали свои приключения. Прибыв туда поздно вечером, после длительных блужданий среди обширных приморских песчаных дюн, мы уже в полной темноте вынуждены были пробираться к берегу реки, и у одной из кошар в степи были атакованы сворой огромных, свирепых пастушьих псов. Они с лаем метались вокруг нас, а мы стояли спина к спине с ружьями наперевес, отбиваясь от злобных кавказских овчарок. Вышедший из кошары на их лай чабан долго не откликался, но, в конце концов, услышав наши крики, отозвал своих собак, и мы смогли продолжить путь дальше.

Добравшись до реки, стали устраиваться на ночлег, поставили палатку, развели костер, сварили в котелках кашу и чай. Но когда сели за ужин, оказалось, что чай получился крайне отвратительным горько-сладко-соленым. Столь же несъедобной была и каша, так что ложиться спать пришлось на пустой желудок. Как выяснилось утром, мы в темноте случайно вышли к широкой старице Сулака, отшнуровавшейся от главного русла реки и заполненной морскими водами, поэтому-то и чай из этого Сулака был горько-соленым. К тому же нам не повезло и с охотой. Ни уток, ни гусей, ни кабанов, ни хаусов, ожидавшихся нами в плавнях по заливам в устье Сулака, мы найти не смогли. Из-за непогоды, принесенной неожиданным циклоном, почти прекратился и пролет птиц на взморье. Так что «солоно похлебавши» каспийской воды, мы так и вынуждены были вскоре возвращаться восвояси.

В нашей 2-й группе среди студентов уже в Петровке сразу же особо выделился Игорь Мацкевич – смелый, решительный, грамотный, мастер на все руки, знавший машинные моторы, комбайны и остальную

технику, токарный станок и многие другие инструменты, любивший также различное оружие. Он отличался, правда, несколько вспыльчивым нравом, сочетавшимся с максимализмом, выходившим иногда за грани этикета. Эти черты характера, наверное, и привели Игоря в 1983 году к трагической гибели. В возрасте 33 лет, уверенно встав на ноги, начав руководство большим рыбхозом близ Ростова, однажды на открытии летней охоты на уток он получил заряд дроби в упор от своего «друга» – то ли случайно, то ли в ссоре – так никто и не узнал. А в Петровке, на 1 курсе, Игорь без колебаний брался за любую работу – грязную, вонючую, опасную, если больше никто не желал выполнять поручавшееся нам задание. Помню, он чистил после студентов «Авгиевы конюшни», перевозил колхозную пасеку со злыми пчелами…

Долгие студенческие годы, несмотря на временные размолвки, мы были вместе. Я часто бывал у Игоря в доме, знал о его планах и настроениях, был хорошо знаком с его родителями. Лишь в последнее время, когда у Игоря появилась серьезная, ответственная работа, когда он обзавелся новыми друзьями-охотниками, мы, к сожалению, стали встречаться реже, что тоже, возможно, повлияло на его судьбу.

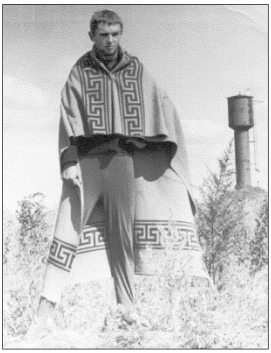


Игорь Мацкевич в нашей пыльной кумской экспедиции 1972 года

Сразу же полюбился всем однокурсникам также Анатолий Ковалёв – небольшой, скромный, со спокойным, уравновешенным характером, наш гитарист-песенник, знавший множество студенческих, туристских и дворовых песен того времени. Его гитара и песни у костра, на практиках и в колхозах всё время сопровождали нас первые два-три года университетской жизни, пока мы не «разбрелись» по своим кафедрам. Позже Анатолий Александрович защитил диссертацию, возглавил

хозяйственную часть РГУ и помогал, по мере возможностей, своим друзьям и однокурсникам в решении разных жизненных проблем.

Виктор Иванченко и Владимир Дехта. 1968 г.

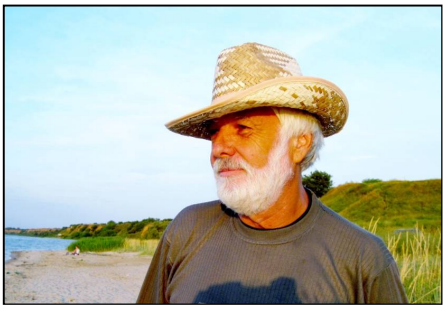


В. Дехта в Петровке. 1967 г.

Веселыми, умными юмористами, добрыми балагурами в Петровке прослыли два наших Володи – Дехта и Хлобыстов. Последний из них обладал великолепными знаниями и навыками, и после окончания университета его оставили в аспирантуре на кафедре биохимии. Там В.В. Хлобыстов несколько раз брался за свою диссертацию, но, к нашему всеобщему удивлению и разочарованию, так и не защитил ее. Но зато, умея красиво говорить, он добился значительных успехов на поприще руководителя разных рангов и направлений – от заместителя председателя Областного комитета охраны природы до заместителя директора Ботанического сада, заместителя директора Рыбхоза и даже заместителя директора Дома техники!

В.А. Дехта
09.12.1948 — 30.12.2014

А Володя Дехта в студенческие годы и к науке относился с легким юмором, но в конце концов подготовил в АзНИИРХе весьма интересную диссертацию по генетике моллюсков. Однако, обладая незаурядными познаниями и способностями, он был лишен честолюбия – важного двигателя прогресса, и в дальнейшем не особенно стремился к вершинам научной карьеры, но всегда оставался замечательным другом и человеком. Мы все годы общались, встречались, перезванивались с ним, и уход Володи из жизни в самом конце 2014 года для всех нас стал неожиданным и очень тяжелым!



Володя в родном селе Круглом на берегу Азовского моря (2008 – 2010)

Накануне он перенёс на ногах инфаркт, долго бюллетенил, но вроде бы выкарабкался, по-прежнему был весел, жизнерадостен. Однако уже осенью Володя, наверное, чувствовал свою судьбу, и очень переживал, что не удалось организовать последнюю встречу однокурсников, когда в Ростов из Заполярья приезжал на «побывку» Славик Данченко. Володю любили все друзья и коллеги. Такого доброго, умного, красивого балагура больше у нас не было и не будет.

* * *

Похоронили мы Володю 31 декабря в его родном селе Круглом на высоком, обрывистом берегу Азовского моря. Стояла тихая, солнечная, с морозчиком, погода. Всё было как будто для него. Он прожил легкую, интересную, хорошую жизнь среди родных и друзей. Лёгкой была и кончина.

* * *

В целом 2-я группа Биофака РГУ набора 1967 года была довольно крепкой, особенно выделяясь значительным количеством ребят, пришедших в тот год в биологию. На 1 курсе среди 75 человек было аж

14 парней, зачисленных в нашу группу. Правда, спортсмен Женя Соболев, поняв, что биология – не его стезя, очень быстро сам бросил учебу на Биофаке РГУ и ушел на службу в милицию. А застенчивый, замкнутый Володя Шкуратов на 2 курсе перешел на философский факультет, дослужившись там со временем до профессора. После 2 курса начал постепенно сдавать свои позиции в университете другой наш талант – Виктор Иванченко, вначале перейдя из-за академических задолженностей на вечернее отделение, потом – на заочное, после – в другой вуз с менее высокими требованиями к студентам и, наконец, оставшись без поддержки друзей, вовсе исчезнувший из нашей жизни. И вспоминая о нем, я до сих пор чувствую угрызения совести за то, что мы не пришли ему вовремя на помощь, не смогли подстраховать на первых порах падения, бросили его на произвол судьбы…

Из остальных 11 студентов-однокурсников 6 ребят – В.В. Данченко, И.В. Мацкевич, И.В. Боянович, В.А. Дехта, Ю.В. Пряхин вместе со мной пошли на кафедру зоологии – в орнитологию, ихтиологию, гидробиологию, энтомологию. Юрий Силаев закончил кафедру ботаники, Владимир Хлобыстов и Виктор Богатыренко – кафедру биохимии, Владимир Ковалевский защитил диссертацию на кафедре физиологии человека и животных, а Анатолий Ковалев закончил элитную межфакультетскую кафедру биофизики. Все мы, ростовчане, сейчас постоянно поддерживаем связь друг с другом, собираемся иногда вместе, отмечая свои юбилеи и достижения.

Встреча 01.10.2017, посвященная 50-летию поступления в РГУ. Справа – Натела Халиловна Ломадзе – наш преподаватель и руководитель летней полевой практики на Михайловском Перевале

Из Мурманского Ковдора в последние годы к нам в Ростов регулярно приезжает в гости наш Великий полярный исследователь Вячеслав Данченко, чуть было не оказавшийся на самом краю света – в заповеднике на острове Врангеля. Лишь наш известный ихтиолог Юрий Пряхин, почему-то и в студенческие годы чуравшийся нашего мужского коллектива, уехал в Краснодар и порвал связь с Alma mater. Давно ничего не слышно и о Юре Силаеве, который после окончания РГУ по рекомендации заведующего кафедрой ботаники профессора Георгия Матвеевича Зозулина уехал по распределению в Курский, Центрально-Черноземный заповедник, где свою научную карьеру начинал и сам профессор. Но там Ю. Силаев не поладил с руководством, вскоре ушел из заповедника и начал кочевую жизнь, вольно скитаясь по стране. Он побывал в Сибири, на Кавказе, в Крыму, занялся там «большой политикой» и постепенно всё реже появлялся в Ростове в кругу друзей, а затем и вовсе исчез из вида.

Общая встреча выпускников РГУ-ЮФУ на поляне у Физфака 28.05.2005. А.Пахотова, Л.Леванюк, В.Ковалевский, В.Пащенко, В.Хлобыстов, А.Ковалев, Ж.Ляхницкая, В.Белик, О.Коваленко

Из 60 девушек-однокурсниц в нашу мужскую компанию естественно вошла лишь Жанна Ляхницкая (Шишлова), любившая походы и путешествия, студенческие песни и спорт. Хорошо помню, как мы ездили однажды осенью с Жанной, Игорем Мацкевичем и Вячеславом Данченко с палатками в Провальскую степь на Донецком кряже в Луганской области, чтобы посмотреть там описанные в литературе интересные байрачные леса, каменистые степи, большие скалы по балкам и

местную орнитофауну. К сожалению, Провалье встретило нас тогда обложным осенним дождем, и мы, переночевав в палатках, на следующий день вынуждены были повернуть обратно. Позже Жанна закончила кафедру ботаники, а затем всю жизнь проработала научным сотрудником Ростовского ботанического сада РГУ, занимаясь флористикой и часто разъезжая в экспедициях по степному Придонью. Но, как и прежде, она всегда оставалась замечательным другом, товарищем, человеком.

Среди остальных девушек, учившихся в нашей 2-й группе, особо выделялась Татьяна Жильцова (Богатыренко), которая после РГУ закончила аспирантуру во Всесоюзном институте защиты растений (ВИЗР) в Ленинграде, а затем вместе с Виктором Богатыренко несколько десятилетий вела фундаментальные научные исследования в системе академических институтов в Черноголовке под Москвой. Целеустремленная Галина Настинова, приехавшая в Ростов по направлению из Калмыкии, позже вернулась в Элисту и со временем стала там ведущим профессором-ботаником в Калмыцком государственном университете. В Ростове осели, выбрав каждая свой особый биологический путь развития, Аня Абрамова (Ручкина-Калайдова), Таня Дудкина (Ткачева), Света Дыбленко (Попова), Аня Пахотова (Бокалова), Оля Едалова, Наташа Кулакова (Пономарева), а ее подруга Наташа Пронина (Томашевич) уехала из Ростова продолжать учебу в Киев, но затем вернулась домой на Кубань и сохранила связи с Ростовом.

Хорошо помню также всех наших обаятельных однокурсниц из 1-й и 3-й смежных групп. Среди них хотелось бы особо отметить двух ростовчанок Юлию Яковлевну Кожевникову (Мягкову) и Людмилу Сергеевну Леванюк (Ткаченко), которые вместе со мной заканчивали кафедру зоологии, специализируясь по орнитологии. Ю. Кожевникова в студенческие годы под руководством Б.А. Казакова изучала камышевок на Сладком Лимане в Краснодарском крае, а затем поступила в аспирантуру к Н.С. Олейникову и продолжила там же изучение гнездовой экологии уток (Кожевникова, 1975), а Л. Леванюк в студенчестве вместе с Н.С. Олейниковым в том же охотхозяйстве проводила исследования уток, а потом многие годы искала самостоятельные пути собственного развития и проведения научных исследований в Ростовской области.

На 5 курсе, в мае 1972 года, мы с Людмилой и Юлией совершили большую, организованную Н.С. Олейниковым экспедиционную поездку по Восточному Предкавказью, в которой приняли участие также наш Игорь Мацкевич и аспирант Владимир Григорьевич Позняк, занимавшийся изучением ихтиофауны бассейна реки Кумы. Ихтиологи – В. Позняк и И. Мацкевич – ловили рыбу, в том числе и для экспедиционного стола, а орнитологи изучали фауну птиц долины Кумы, начиная от села

Владимировки в Ставропольском крае и почти до устья, добраться до которого нам помешала тогда железная дорога, построенная в Великую Отечественную войну по пустыне из Кизляра в Астрахань.

Упомяну здесь еще одну нашу однокурсницу – Валентину Федяеву. Трудолюбивая отличница, обладавшая великолепной памятью и эрудицией, большим багажом разнообразных знаний, она под руководством профессора Г.М. Зозулина успешно закончила аспирантуру по кафедре ботаники и позже вместе с Георгием Матвеевичем продолжила активные флористические исследования в Ростовской области, впервые составив полный определитель растений Нижнего Дона (Зозулин, Федяева, 1984-1985). В последние, 2000-е годы, в тяжелый период кардинальной ломки, перестройки РГУ – ЮФУ, Валентина Васильевна возглавила кафедру ботаники, пытаясь сохранить научный потенциал, накопленный несколькими поколениями крупнейших ботаников Ростова – И.В. Новопокровским, Г.М. Зозулиным, Г.Д. Пашковым и другими учеными, а также ведущее направление деятельности этой кафедры.

Наконец, ростовчанка Ира Брандт (Соболева), еще одна наша обаятельная отличница, закончив кафедру физиологии, осталась там у профессора А.Б. Когана в аспирантуре и затем всю жизнь отдала родной Alma mater, совмещая преподавание на кафедре с научной работой, спортом, воспитанием сына, а затем еще и с детской гиппотерапией на Ростовском ипподроме.

Из студентов-старшекурсников, с которыми приходилось много общаться в годы учебы в РГУ, наибольший след в памяти оставили Юрий Андреевич Песенко и Александр Иванович Кафанов.

Юрий Андреевич Песенко
18.10.1944 — 23.09.2007

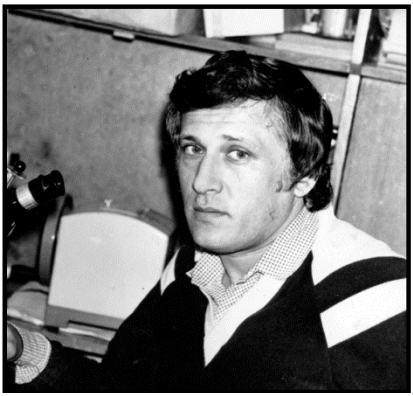
Юра Песенко, поступивший в РГУ уже после службы в Армии, всегда выглядел старше и солиднее своих сокурсников, а тем более нас, тогда только начинавших учебу. Он был очень серьезным, деловым, организованным студентом, интенсивно вёл научные исследования и регулярно выступал на студенческих конференциях и заседаниях нашего Научного общества кафедры (НОК) с докладами о результатах своих работ. Идеальной организацией отличалась и работа самого НОКа, председателем которого был Ю. Песенко.

Юра занимался изучением фауны и экологии диких пчел степного Придонья. Летом в цветущих степях и лугах он собирал большие коллекции, а зимой определял добытых насекомых, обсчитывал их численность и уже в студенческие годы пытался проводить анализ фаунистического разнообразия пчел с помощью математических методов. Позже Ю.А. Песенко стал в России одним из признанных лидеров в применении вариационной статистики при эколого-фаунистических исследованиях, а его монография на эту тему оказалась важнейшим справочником и руководством для проведения других подобных работ (Песенко Ю.А., 1982**.** Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях**.** – М.: Наука. – 287 с.).

Защитив в 1969 году дипломную работу на тему «Фауна и экология пчелиных семейства Halictidae (Hymenoptera, Apoidea) Нижнего Дона», Юра уехал в Ленинград, где поступил в аспирантуру в Зоологическом институте АН СССР. Позже он подготовил там докторскую диссертацию и затем до конца жизни работал в Санкт-Петербурге научным сотрудником ЗИН РАН, углубляя познание своей излюбленной группы насекомых – пчелиных. В ленинградский период его жизни мы дважды встречались с Юрием Андреевичем в стенах ЗИНа. Летом 1973 года, по пути из Даурии в Шостку, я побывал в Ленинграде, в ЗИНе, где случайно увидел Юру в коридорах этого большого академического заведения. Он был по-прежнему загружен своими исследованиями, но встретились мы по-дружески, и в ходе разговора я вновь, как и в РГУ, ощутил его моральную поддержку, услышал наставления по продолжению фаунистических исследований на Дону. А затем, приехав в декабре 1975 года в ЗИН для обработки орнитологических сборов по своей диссертационной работе, мы вновь беседовали с Ю.А. Песенко на эти же темы.

Саша Кафанов, учившийся годом раньше меня, выглядел полным антиподом худощавому, рыжему Юрию Песенко. Это был очень живой, энергичный, общительный парень, который вырвался на волю, вероятно, из «объятий» строгой интеллигентной семьи, жившей в г. Орджоникидзе (Владикавказе), и стремительно познававший в Ростове новый университетский мир. Казалось, наука не особенно интересовала Кафа-

нова; иногда даже удивляла его некоторая фривольность в обращении с научными материалами. Но в действительности он с первых курсов начал интенсивные самостоятельные исследования фауны, систематики и экологии моллюсков Северного Кавказа. При знакомстве с этими его работами поражала эрудиция Кафанова, разнообразие его интересов, умение находить неординарные пути решения разных проблем.



Александр Иванович Кафанов
21.10.1947 — 26.04.2007

Запомнилась одна полукриминальная история, связанная с публикацией материалов А.И. Кафанова о моллюсках Азовского моря. Саша собрал в разных районах по его побережью большую коллекцию раковин сердцевидки *Cardium edule* – массового морского моллюска, створки которого слагают все большие косы этого моря. Вместе с геохимиками был проведен анализ минералогического состава раковин, и оказалось, что в некоторых районах моря в них наблюдается повышенное содержание радиоактивных изотопов. Результаты исследований были опубликованы в солидном журнале, вызвав пристальный интерес американских специалистов, а вслед за ними – и сотрудников спецслужб СССР.

Пропуск таких материалов в печать в те времена всеобщей шпиономании был серьезным «проколом» секретных отделов, занимавшихся фильтрацией подобных сведений. Кто понес наказание за это – не знаю. Но Саша продолжал учебу, а в 1971 году, закончив РГУ, навсегда уехал из Ростова на Дальний Восток, где занялся изучением моллюсков Пацифики, достигнув на этом поприще широкого международного признания. В 1977 г. в Ленинграде он защитил кандидатскую диссертацию «Двустворчатые моллюски-кардииды фауны СССР», а в 80-е годы – докторскую диссертацию «Двустворчатые моллюски и фау-

нистическая биогеография северной Пацифики». В 1994 г. по его инициативе во Владивостоке было создано Дальневосточное малакологическое общество, которое он возглавлял до своей смерти.

В память об А.И. Кафанове у меня остался посвященный птицам 6-й том фундаментального «Руководства по зоологии», написанного Г.П. Дементьевым (1940). Саша подарил его мне в обмен на такой же солидный 2-й том «Руководства», содержавшего сведения о моллюсках, который случайно оказался в моей библиотеке.

* * *

Осенью 1967 года, приступив после «трудового семестра» к занятиям, я снял себе комнату в частном доме в районе Нахичевани у одинокой старушки, и началось постижение азов высшей школы. День я проводил в университете на лекциях, затем шел в Читальный зал нашей замечательной университетской Библиотеки на улице Пушкинской, а вечером продолжал чтение конспектов, учебников и других книг дома.

Наша Библиотека с высокими, светлыми просторными залами, располагавшаяся на удивительно красивом, чистом, засаженном разнообразными деревьями Пушкинском бульваре, была для многих наших студентов, особенно иногородних, живших в общежитии или на квартирах, не просто «Читалкой», но вторым Домом. Здесь мы встречались с друзьями, обсуждали последние новости, готовились к занятиям и экзаменам, писали курсовые и дипломные работы, разрабатывали планы летних походов и путешествий, дергали за косы девчонок, а потом вечером шли провожать их домой.

В университетской Библиотеке хранилось очень много новой и старой биологической литературы, в том числе по орнитологии, посвященной птицам самых разных областей Советского Союза. И я с 1 курса штудировал и конспектировал здесь книги, сборники трудов и журналы, выбирая из них сначала сведения о птицах родного Полесья, затем Южной Украины и степного Придонья и, наконец, Кавказа, Средней Азии и других регионов. Особенно много времени пришлось провести в Библиотеке, работая с литературой, при подготовке кандидатской диссертации по орнитофауне искусственных лесов степного Предкавказья (1985), а также потом при работе над докторской диссертацией по птицам степного Придонья (1998). Я и позже регулярно наведывался в Библиотеку, знакомясь с новыми поступлениями, с последними журналами, пока этот Храм знаний не закрыло в 2013 году новое, слишком экономное руководство нашего университета, ставшего из государственного федеральным, из РГУ превратившегося в ЮФУ.

В конце 1 курса, весной, мне первому из всех наших студентов, не знаю, правда, за какие заслуги, выделили место в общежитии РГУ на

улице Турмалиновской. Симпатичная студентка-старшекурсница, профорг нашего факультета, улыбку которой я несколько раз встречал в коридорах университета, пригласила меня как-то в деканат, и там мне выдали ордер в общежитие.

После занятий в РГУ: И. Боянович, В. Петлин, В. Белик

Поселили меня там тоже в не совсем обычную, интернациональную комнату № 117, в которой жили три иностранца-старшекурсника, которых до этого я совершенно не знал: вальяжный кубинец Хуан Ильянос, носивший на руке тяжелый золотой браслет, гитарист Бен – араб из Алжира и негр Питер Мзрай из Уганды. Те встретили меня, первокурсника, не очень дружелюбно, но жили мы мирно, и никаких эксцессов между нами ни разу не было. Тем более что я приходил в общежитие в основном лишь ночевать, а выходные дни проводил или на экскурсиях за городом, или уезжал в Таганрог к родственникам.

Разговаривали соседи между собой, как правило, на незнакомом мне иностранном языке, французском или испанском, и почти всегда переходили на него, как только я появлялся в комнате. Очевидно, они видели во мне официального соглядатая, секретного осведомителя, которые в те времена действительно были среди студентов, и поэтому не доверяли мне своих «секретов». Особенно уверились они в этом после одного любопытного случая.

Вечером как-то я лежал на койке и читал книгу. Мои соседи тоже были заняты каждый своим делом. И вдруг в тишине комнаты прозву-

чал вопрос Хуана, который я совершенно машинально воспринял по-своему: «Который час?». Я тут же взглянул на свои часы и ответил: «Полвосьмого». Все три иностранца от изумления открыли рты и даже вскочили со своих коек! Оказывается, вопрос был задан по-испански и адресовался кому-то из них! А я, значит, знал этот язык и «подслушивал» их разговоры, не признаваясь в этом!

Честно говоря, с иностранными языками у меня всегда были проблемы. В школе, в университете и на кандидатском экзамене в аспирантуре я получал по-немецки лишь «хорошо», хотя знал этот язык в лучшем случае на «удовлетворительно» с плюсом. Мне больше по душе была строгая, стройная логика суждений и заключений, где нужно было, прежде всего, думать, связывая случайные факты в логические цепочки. Интересно было анализировать различные материалы, медленно вытаскивая из глубин памяти весь свой багаж разнородных знаний. Часто приходилось синтезировать какие-то идеи, придумывать гипотезы для объяснения неясных явлений. Но вот механически запоминать разную абракадабру из чужих букв, особенно 3-4-коренные немецкие слова (например, из того, что попроще: Gilbsteinschmätzer, Wermutregenpfeifer, Eisenbahndamm, Gesellschaftsordnung, Rundfunkteilnehmer) было довольно сложно. Очевидно, не хватало свободной оперативной памяти, а логика в большинстве случаев оказывалась здесь бессильной.

Когда же возникали хоть какие-то ассоциативные связи, было проще, и я, например, легко запомнил значение слова «grau=серый», поскольку grau наглядно ассоциировалось с серым гравием. До сих пор помню слово «dunkel=темный», потому что Дунькой обычно называли Евдокию лишь темные, неграмотные люди…

Сейчас, когда в наш повседневный обиход стремительно вошел английский язык, осилить, запомнить его мне самому оказалось сложно. Я изучил грамматику и худо-бедно правил порой безграмотные английские резюме статей, иногда приходивших в редакцию журнала. С трудом, но понимал английские тексты, однако заговорить по-английски так и не смог.

После окончания 1 курса мы расстались в общежитии с моими добрыми соседями-иностранцами, и больше я их практически не встречал. А на 2 курсе меня поселили в 129 комнату вместе с двумя первокурсниками – Виталием Петлиным и Александром Заниным, а также с Александром Фомичевым, который учился на 4 курсе. Все они сыграли значительную роль в моей дальнейшей жизни и заслуживают хотя бы нескольких слов в их адрес.

Александр Иванович Фомичев – красавец-мужчина, любимец студенток, яркий блондин с пронзительными голубыми глазами, с окла-

дистой рыжей бородой и большим коком на голове, много лет носивший узкие брюки-дудочки, модные в его годы. Великолепный организатор, он любил устраивать вечерние посиделки в нашей комнате, украшенной различными поделками из дерева и чучелами животных его работы. Иногда он читал в полумраке обольщенным студенткам свои декадентские рассказы об охотнике, которого убил в лесу смертельно раненый дикий кабан, или малоизвестные, душещипательные стихи Шандора Петёфи об обреченном на казнь молодом венгерском графе, с особо звучавшей в устах Фомичева трагически-патетической концовкой: «О ложь святая! Так могла солгать лишь мать, полна боязни, чтоб сын не дрогнул перед казнью!».

Вместе с тем Александр серьезно занимался энтомологией, собирал коллекции насекомых, вёл научные исследования, в студенческие годы уже имел публикации с их результатами. После университета, работая в Ростовском краеведческом музее и в НИИ биологии РГУ, он неоднократно организовывал экспедиции на Цимлу, Чир, в Калмыкию и другие районы Южной России, в которых принимали участие многие студенты и школьники-натуралисты Ростова. Помню рассказы Вячеслава Данченко, который побывал как-то с Фомичевым на Цимлянских песках и привез оттуда много интересных сведений о птицах, в том числе чучело редчайшего у нас кулика-сороки, как оказалось, гнездившегося тогда на побережье Цимлянского водохранилища.

А.И. Фомичёв
11.01.1947 — 20.08.2008

Закончив РГУ в 1970 году, А.И. Фомичев уже через 5 лет, без помощи аспирантуры, успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную анализу фауны жужелиц всего Северного Кавказа и Нижнего Дона. Но затем, не всегда умея, вероятно, ладить с окружавшими его людьми, он вынужден был покинуть Ростов. После Ростова был Калмыцкий университет, затем Криворожский педагогический институт. Но после неудачной защиты докторской диссертации А.И. Фомичев вернулся, наконец, в свой родной город Борисоглебск в Воронежской области, на свою вторую родину.

Там, на берегах Хопра, в Борисоглебском педагогическом институте Александр Иванович основал биологическое отделение, позже получившее статус факультета. В институте он вновь окружил себя такой же, как и раньше, увлеченной молодежью, и продолжил научные исследования, организовав оригинальный проект по изучению лесных и луговых биоценозов, который вели сотрудники и студенты пединститута на стационаре, созданном А.И. Фомичевым на своей даче в лесистой пойме Хопра.

Но его интересы не ограничивались профессиональной деятельностью. Он писал стихи, увлекался резьбой по дереву, в последние годы занимался ювелирным делом, используя при этом филигрань, гравирование, химическое оксидирование, ковку. Здесь в Борисоглебске, среди родных, друзей и коллег, рядом с любимым Хопром, 20 августа 2008 года Александр Иванович и нашел своё упокоение.

Другой мой сосед по общежитию, первокурсник А. Занин, был целеустремленным студентом, популярным среди своих сокурсников гитаристом, позже сделавшим удачную научную карьеру в Крыму. Помимо университета и общежития, однажды я встретился с Заниным также в Подмосковье, где в феврале 1969 года путешествовал с туристами из Ростовского пединститута на лыжах. Занин приехал к нам тогда в гости в школу-интернат в Звенигороде, где мы остановились на очередную «холодную» ночевку, а потом устроил пожар, задремав на кровати с сигаретой в руках. И мне пришлось затем целую ночь заметать эти следы его «дружеского визита».

Виталий Петлин поступил в РГУ, приехав в Ростов из приморского города Сочи. Имея, вероятно, каких-то покровителей, он все годы относился к занятиям довольно легкомысленно. Тем не менее, побывав однажды в академическом отпуске, затем два года отслужив еще в Армии, он всё же получил диплом о высшем образовании и уехал работать домой в Сочи. Виталий был очень добрым, щедрым и надежным другом. Он любил шутки, умел развлекать студенческую публику своими фокусами и ужимками. Он был также неплохим зоологом, любил наши

охотничьи походы, очень метко стрелял, в том числе из рогатки, регулярно добывая в городе этим оружием голубей на студенческое пропитание, а также зимовавших на городских улицах многочисленных скворцов для научной коллекции.

Вот с этого-то всё и началось. После зимних каникул первыми в общежитие прибыли первокурсники, у которых раньше начинались занятия. Затем из Таганрога приехал я. Общежитие было еще полупустое, буфет не работал, и в один из дней проголодавшийся В. Петлин предложил поохотиться на грачей для вечернего шулюма. Достали ружье, и Виталий пару раз выстрелил из окна в одинокого грача, бродившего в поисках съестного по заснеженному двору общежития. Но кто-то из соседей, возмущенный выстрелами за стеной, позвонил в милицию. Пока приехал участковый милиционер, Петлин успел спрятать ружье на чердаке, но потом Занин всё же «раскололся» и сдал его участковому.

Я же, как хозяин ружья, не сумевший вовремя одернуть первокурсников, принял всю ответственность – и за стрельбу, и за грача – на себя. Естественно, что о стрельбе в общежитии скоро стало известно ректору РГУ профессору Ю.А. Жданову. От него, наверное, здорово досталось нашему декану доценту П.А. Садименко, который запомнил меня и тот злополучный день на всю жизнь. На 5 курсе он категорически отказался подписать мне характеристику для поступления в аспирантуру и фактически отправил на два года «в ссылку» – в Забайкалье, на службу в Армию.

Когда после каникул из Борисоглебска, из дома, в Ростов приехал Александр Фомичев, он устроил в нашей комнате показательный «суд чести», на который пригласил партгрупорга, пятикурсницу Татьяну Саврасову и других наших студентов. Меня, как наиболее пострадавшего, лишившегося к тому же ружья, на этом суде оправдали, Виталию Петлину вынесли выговор за стрельбу в общежитии, а Занина попросили выселиться из комнаты.

После этого вечернего заседания, познакомившись, я стал встречаться по вечерам с Татьяной, летом пригласил ее в большое путешествие по Средней Азии, а осенью 1969 года в городе Грозном, куда Татьяна была направлена по распределению из РГУ микробиологом на Ацетобутиловый завод (АБЗ), мы поженились. На нашу скромную свадьбу из Ростова приехали Вячеслав Данченко и Виталий Петлин, а из Киева прилетел студент Института инженеров гражданской авиации, наш спутник по среднеазиатскому походу, друг детства Юрий Москаленко.

Вообще же весь 2 курс, особенно 1969 год, был для меня необычайно сложным, богатым на путешествия, приключения, приятные и не очень добрые события, падения, синяки и шишки. И благо, что он так

счастливо закончился. А начался он с непредвиденной поездки в Москву, в МГУ, куда я отправился под Новый год на спор с В. Данченко. Побывав с Петром Беликом, учившимся тогда на Химфаке МГУ, в главном, высотном корпусе университета на Ленинских горах, прокатившись там на скоростном лифте, запасшись свежей газетой «Московский университет» в доказательство новогодней встречи с МГУ, я прошел потом еще на Биофак, располагавшийся в отдельном здании, насквозь пропахшем формалином, а под вечер направился в студенческое общежитие, находившееся неподалеку.

Я надеялся увидеть там знакомых абитуриентов, с которыми поступал в МГУ в 1966 году, но они, к сожалению, разъехались на Новый год по домам. Остававшиеся в общежитии студентки Биофака тоже собирались к кому-то из своих однокурсников-москвичей встречать Новогодний вечер. И уже на улице, усаживая их в такси, с трудом пойманное мною на заснеженном проспекте, я неожиданно получил приглашение поехать туда вместе с ними.

Девчонок заинтриговала, вероятно, моя наспех придуманная для них «легенда», будто бы я был сыном белоэмигрантов, вернувшимся учиться в Советский Союз. И потом мне пришлось всю Новогоднюю ночь играть эту роль в незнакомом доме, среди совершенно незнакомых студентов-москвичей, собравшихся в своём узком, дружеском кругу. Но судя по всему, эта необычная роль удалась, поскольку уже за полночь я случайно услышал шепот двух студенток, наблюдавших, как я неумело танцую знаменитую тогда «Летку-Еньку», и заключивших поэтому, будто бы я и в самом деле недавно приехал из зарубежья.

К сожалению, ни имен, ни лиц тех биофаковцев вспомнить сейчас я уже не могу…

Вернувшись в Ростов из Москвы, я получил от В. Данченко проспоренную им бутылку «Столичной», перелил ее в банальный графин для воды и поставил на стол в общежитии в ожидании своих соседей по комнате. Сам я любил дегустировать лишь хорошие, душистые вина, и хотя в доброй компании мог выпить сколько угодно и более крепких напитков, в общем же всегда относился к спиртному довольно спокойно, если не сказать равнодушно. Поэтому тогда мне более интересно было увидеть реакцию наших студентов на появление дефицитного напитка.

Первыми в общежитии вечером появились проголодавшиеся первокурсники с кефиром, сразу же усевшиеся за обеденный стол. Вскоре бутылка кефира опустела, и ребята тут же плеснули в нее из графина, чтобы прополоскать посуду перед ее возвращением в буфет. Только после этого я успел предупредить их, что же за жидкость находилась в графине.

Добру не пропадать! Петлин с Заниным сразу же нашли у соседей воронку, достали чистую промокашку из тетради и уселись фильтровать мутную жидкость, долго наблюдая, как капала в стакан настоящая водка, разбавленная кефиром.

После этого насыщенного приключениями Нового года у меня была неудачная зимняя сессия на 2 курсе РГУ, потом стрельба В. Петлина в общежитии, мой лыжный поход по Подмосковью, весенняя экспедиция по Предкавказью, незабываемая летняя практика на Кавказе, наконец, поход по Тянь-Шаню и свадьба в Грозном.

Лишь осенью на 3 курсе, когда почти все наши иногородние однокурсники собрались в общежитии на улице Турмалиновской, моя жизнь вошла в спокойное русло. Нарушали ее только периодические поездки в Грозный к Татьяне, тоже не обходившиеся без приключений. Но наша комната опустела: женился и переехал на частную квартиру А. Фомичев; ушел в академический «декретный» отпуск В. Петлин; остался лишь В. Данченко, который, начитавшись зоологических трактатов, решил осваивать волчий образ жизни. Он ложился на полчаса поспать, затем вставал, читал полчаса учебники, готовился к занятиям или экзаменам, потом опять ложился на полчаса на кровать, и так в течение всего дня.

Эффект от подобного постижения знаний был тогда, по правде говоря, не очень высоким. Но к пенсии Вячеслав посолиднел, вырос в непревзойденного философа-любителя, который, лежа на диване, постоянно «открывал» давно известные законы мироздания и всё время удивлялся, что они уже известны и в точности совпадают с его новыми представлениями.

Вячеслав со временем приобрел также особое чувство юмора, начал писать стихи и нередко удивлял нас своими рифмами. А в 2007 году он даже выпустил небольшую книгу стихов «Зоология для ботаников» с рифмованными описаниями многочисленных птиц и зверей. Иногда он присылал мне различные стихотворные пожелания, а также руководства к лекциям по Биогеографии и пр. Запомнились, например, его стихи про ареалы: «Любое население стремится к расселению, и расселяется туда, где жизнь без лишнего труда. А где всё запрещается, конечно, сокращается. Его становится там мало. Так создаются ареалы».

После одной из наших встреч в Ростове, В. Данченко прислал ее художественное описание в виде Протокола одного симпозиума. Позже при наших встречах автор неоднократно декламировал его на мелодию известной одесской песни. Привожу здесь этот «Протокол» в качестве иллюстрации незаурядных талантов Вячеслава.

Пр**о́**токол[1] одного симпозиума[2] 10-11-10[3]

Присутствовали:

В. Белик, И. Боянович, В. Данченко,
В. Дехта, А. Ковалев, В. Ковалевский

Как на Днепровском города Ростова
Компания собралась как-то снова.
Там был красавец и философ Дехта Вова
И гость Ростова – Слава с север**о́**в[4].

Еще там были Боянович с Ковалевым.
И их приход событием был клёвым!
И Ковалевский с опытом был новым[5],
Но, слава богу, что он был здоров.

Они пришли вальяжною походкой,
Неся с собой коньяк и пиво с водкой.
И мысль у них была простой и четкой:
Не соблюдать на алкоголь запрет![6]

(Они входили легкою походкой.
Вносили сумки с коньяком и водкой.
И установка их была короткой –
Не соблюдать на алкоголь запрет!)

Встречал их Белик, как хозяин и светило,
Но водка ему всё же не претила.
А вся компания, что Витю посетила,
Имела честь смотреть его портрет[7].

Потом все веселились, кто как может.
Чтоб не забылся день, который прожит[8].
И за здоровье дружно пили тоже[9]
Чтобы всегда на всё хватало сил.

Когда же кончились и выпивка, и речи,
А весь Ростов окутал теплый вечер,
Настал финал. И в завершенье встречи
Их увезло маршрутное такси.

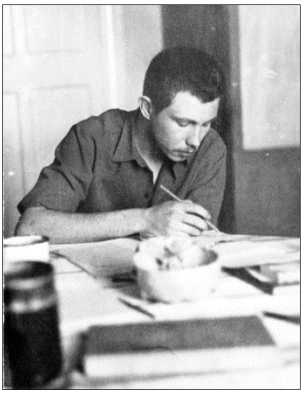
Уже давно включил водитель стартер.
Теперь у каждого по жизни свой фарватер.
Но вспоминать мы будем Alma mater
И Турмалиновскую, что давала кров[10].

Вот так вот это кончилось событье.
Ему необходимо дать развитье!
Так, несмотря на легкое подпитье,
Решили все, и Слава с север**о́**в!

Так пожелаем всем, чтоб пили, ели.
Чтоб веселились, чтобы песни пели.
И не скупились чтоб на добром слове
В столице Дона – городе Ростове![11]

30.05.2011. Писарь **Слава Ссеверов**

Примечания.
1 – Документ является по содержанию протоколом.
2 – Термин использован в первоначальном смысле.
3 – Номер Протокола.
4 – Характерное для севера ударение (Мурма́н, юга́, севера́ и т.п.).
5 – Жаль, что, сообщая об опытах, В.Ковалевский пренебрег иллюстративным материалом.
6, 8, 9 – набор лозунгов и тостов для дальнейших симпозиумов – чтоб не напрягаться.
7 – Речь о презентации В.Беликом его новой книги с портретом автора.
10 – Речь об общежитии.
11 – Мнение составителя протокола для резолюции по протоколу.
(В скобках – писарем предложено удалить из текста про́токола).



Будущий Писарь Слава с северо́в за подготовкой к экзамену.
Симпозиум в Ростове: В.Ковалевский, В.Дехта, А.Ковалев, В.Белик, В.Данченко

* * *

На 1 курсе, в первом семестре, мой особый интерес вызвала анатомия человека, которую вела заместитель декана Галина Алексеевна Балашевич. И я, сидя в первом ряду, тщательно конспектировал ее лекции, цветными карандашами рисовал в тетради схемы кровеносной и нервной системы, строение скелета и других систем органов. Всё это очень пригодилось мне много лет спустя, когда я сам начал вести в университете занятия по зоологии позвоночных, и мне приходилось периодически доставать из памяти многие русские и латинские названия органов и частей животных, а также другие знания, оставшиеся после анатомии. А пока я первым отвечал на вопросы Галины Алексеевны, сам задавал много вопросов, привлекая внимание лектора.

Лекции по зоологии беспозвоночных были менее интересны. Отчасти потому, что многое из того, что на них рассказывали, я знал из книг и учебников, да и сам лектор доцент Александр Владимирович Пономаренко тогда не особенно блистал ораторским мастерством.

Но вот на лабораторных занятиях, которые вела гидробиолог Татьяна Григорьевна Шевченко, всё, что прежде я только слышал, теперь можно было проверить своими руками. Как гласила поговорка, «Пока хохол руками не пощупает, глазам не поверит». И я с интересом наблюдал за живыми амебами и инфузориями под микроскопом, за охотой гидры в аквариуме, сажал себе на руку пиявок, чтобы посмотреть, как они «пропиливают» кожу, добираясь до капилляров, проверял анестезирующее действие укусов клещей, препарировал червей, разбираясь в строении, целомических, первичноротых и вторичноротых животных.

Столь же интересны были и лабораторные по зоологии позвоночных на 2 курсе, когда мы на живых или консервированных материалах вместе с Нателой Халиловной Ломадзе изучали строение ланцетника, асцидий, акул; в поисках желчного пузыря, слепого кишечника, гонад, почек и других внутренних органов вскрывали судаков, лягушек, голубей. Около сотни косточек из черепа судака, которые были самостоятельно разобраны, промыты, наклеены на картонку и во всех деталях зарисованы в тетради в натуральную величину и с максимальной точностью, я помнил много-много лет, и не только по-русски, но и полатыни. И потом, уже преподавая зоологию в университете, я показывал студентам эти рисунки, рассказывая об уровне тех требований, которые когда-то предъявлялись к нам в вузе.

Мудренее для нас была ботаника с огромным разнообразием растений, прежде всего низших – водорослей, каждый тип из которых имел свои особые циклы развития, своё оригинальное строение и другие особенности, запомнить которые с первого раза не всегда получалось. Лекции по ботанике читали нам в течение 2 лет несколько преподавателей, специализировавшихся на изучении низших растений (О.Н. Мороз), высших растений (Г.Д. Пашков), анатомии и морфологии растений (Т.И. Абрамова и Д.К. Дугуян). Позже мне приходилось нередко общаться с доброжелательной Тамарой Ивановной Абрамовой, занимавшейся изучением и охраной меловой флоры Нижнего Дона, и я до сих пор благодарен ей за различные ботанические консультации.

Из других лекторов с первого курса запомнился Юрий Павлович Денисов, который три семестра читал нам «Историю Коммунистической партии Советского Союза» (КПСС). Молодой доцент медленно ходил по аудитории, заложив одну руку за спину, а другую – за лацкан пиджака, и размеренным тоном диктовал нам под запись свои лекции, обильно приправляя их цитатами из «Капитала», «Анти-Дюринга», «Апрельских тезисов» и других произведений наших известных классиков марксизма-ленинизма.

Особый след в моей памяти Юрий Павлович оставил в первую

зимнюю сессию. Намереваясь на каникулах поехать пораньше домой, в Шостку, где я не был больше года, чтобы продолжить там наблюдения за зимующими птицами на «новом», научном уровне, я получил в деканате разрешение на досрочную сдачу экзаменов, и первые три из них сдал на «отлично» за три дня, а затем через пару дней пришел к Ю.П. Денисову. На все вопросы экзаменационного билета по «Истории КПСС» тоже были даны исчерпывающие ответы, и Юрий Павлович хотел, было, поставить в зачетку очередную «пятерку», но тут случайно обратил внимание, что предыдущий экзамен я сдал всего два дня назад.

История КПСС: Ю.П. Денисов. Сидят: Ю. Силаев, В. Дехта, В. Белик, В. Хлобыстов (стоит), В. Ковалевский, И. Мацкевич

Вердикт был вынесен однозначный: за один день выучить «Историю КПСС» невозможно! И вопреки существующим нормам, о которых я тогда, конечно, еще не слышал, Денисов начал задавать мне всё новые, не связанные с билетом вопросы, отвечать на которые сразу, без обдумывания, было не так-то просто. Так с единственной оценкой «хорошо» мне и пришлось уехать на каникулы.

В следующую летнюю сессию история почти повторилась, правда на другом предмете и несколько по другому сценарию. Я вновь сдал все экзамены на «отлично». Осталась высшая математика, к которой я готовился особенно тщательно, памятуя свой провал на вступительных экзаменах в МГУ. Не раз, и не два пролистав учебники (к экзаменам

готовился обычно по ним, не доверяя конспектам!), я держал в памяти практически весь материал. Не стал разбирать только формулы Эйлера, которые, как я проверил, в распечатанную для нас программу по математике не были включены. И вот беру билет, а в нём эти самые злосчастные формулы! Готовясь к ответу, я вспомнил 2 из них и смог самостоятельно их доказать. Но при ответе профессору Семену Ефимовичу Белозёрову, бывшему ректору РГУ, выяснилось, что надо знать не две, а все четыре формулы знаменитого швейцарского математика!...

После этого я решил, что экзамены – это лотерея: как повезет! И жестоко поплатился за это в следующую зимнюю сессию. На 2 курсе мы сдавали органическую химию – один из самых сложных для нас предметов, который на Биофаке вёл строгий, принципиальный Георгий Александрович Корольченко. Он был близким другом нашего орнитолога Бориса Александровича Казакова, страстным охотником и любителем природы, организовавшим в РГУ студенческую дружину охраны природы. Но на экзаменах спуска нашим студентам не давал, особенно если замечал у кого-то шпаргалки.

Я готовился к экзамену достаточно серьезно, а в последнюю ночь просидел над учебниками до самого утра, без конца перелистывая и «фотографируя» в памяти его страницы. А утром, придя на химфак, встретил в коридоре соседа по общежитию А. Занина, который начал рассказывать «свежие» анекдоты. И после 10 минут беспредметной болтовни у меня улетучилась из памяти почти вся органика.

Пересдавал я экзамен весной, случайно встретив Г.А. Корольченко в Читальном зале нашей библиотеки, располагавшейся рядом с химфаком. Вручив мне билет и оставив готовиться к ответу, он занялся своими делами, но потом, вместо того, чтобы проверять мои знания химических формул и уравнений, незабвенный Георгий Александрович начал сам рассказывать мне о своих последних охотничьих приключениях, с помощью оказавшегося в его кармане манка стал вслух показывать, как следует подманивать на охоте диких кряковых селезней. В общем, экзамен был мне зачтен, но стипендии в 4-м семестре я лишился. Да этот семестр, кроме органики, оказался для меня провальным и по ряду других субъективных причин. Особенно тяжким проступком стала стрельба в общежитии, из-за которой я чуть было не лишился даже студенческого билета. И лишь благодаря поддержке однокурсников, взявших меня «на поруки», я остался в университете. Однако отношения с руководством факультета были испорчены, а декан до окончания учебы не желал со мною даже здороваться.

Первый же курс мы заканчивали на полевой практике по ботанике и зоологии в станице Каргинской в верховьях реки Чир на севере

Ростовской области, где М.А. Шолохов писал свой знаменитый «Тихий Дон». Там мы около месяца – с 15 июня по 11 июля – жили в местной сельской школе, ежедневно экскурсируя в окрестностях, собирая растения и различных беспозвоночных, а затем определяя их в классах и оформляя гербарии и коллекции насекомых. Иногда мы уходили в самостоятельные походы по байрачным лесам и долине Чира вместе с Вячеславом Данченко, собрав в результате небольшие, но достаточно интересные материалы для себя и по орнитологии.

А после окончания практики, вернувшись в Ростов, мы втроем с В. Данченко и В. Хлобыстовым решили съездить еще на несколько дней к Черному морю, посмотреть там природу Кавказа, чтобы можно было воочию сравнить ее с нашими степными ландшафтами. Маршрут поездки предложил В. Хлобыстов, бывавший раньше на море с родителями и знавший туда дорогу. И вот мы в Новороссийске. Оттуда по берегу Цемесской бухты добрались почти до самой Кабардинки, где на берегу лежало выброшенное недавно в сильный шторм греческое судно «Barbarino», и там среди можжевеловых редколесий на склоне балки близ береговых обрывов устроили привал.

День у моря прошел замечательно, если не считать небольших кактусов – дикой опунции, самостоятельно расселившейся в траве по склонам гор среди можжевельников и исподтишка вонзавшей свои острые, тонкие, ломкие иглы в ладони и голые пятки ног, вызывая потом жгучую боль. Но вечером неожиданно заболел В. Хлобыстов, а затем и В. Данченко, отравившиеся жареной рыбой, купленной нами в Новороссийске на обед. Особенно страдал Володя, до посинения измученный рвотой и сильным ознобом. Только у меня не было никакого расстройства, и лишь через 3-4 дня, когда я уже вернулся в Ростов, проявились признаки отравления, и затем протухшая рыба еще долго «булькала» в желудке, пока я не прополоскал его глауберовой солью. С тех пор уже и мой желудок, который раньше, как говорится, мог переваривать даже гвозди, стал давать сбои при встречах с несвежими рыбными продуктами.

В Кабардинке мы всю ночь синхронно крутились на легкой подстилке, разостланной под кроной высокого можжевельника. Я переворачивался на правый бок, и друзья следом прижимались ко мне справа и слева, чтобы хоть немного согреться. Затем, когда у меня начинал болеть на камнях один бок, я поворачивался на другой, и за мной в унисон переворачивались ребята. Дождавшись утра, мы отправились в Новороссийск, где посадили Володю на ближайший Ростовский поезд домой лечиться, а сами решили посмотреть еще знаменитое горное озеро Абрау.

На берегу Черного моря у Кабардинки. 1968 г.

Добравшись до поселка Абрау-Дюрсо, мы, по предложению Вячеслава – «знатока и ценителя» виноградных вин, взяли в кафе на дегустацию бокал знаменитого местного каберне, затем переправились на противоположный берег бирюзового озера Абрау, где доели последнюю банку консервированной черноморской кильки из наших продовольственных запасов, и начали карабкаться по мелколесью через невысокую горную гряду дальше – к реке Дюрсо.

Практически безлюдное тогда устье небольшой горной речушки Дюрсо. Красивые, высокие скалистые берега, обрывающиеся прямо в море. Теплая, чистейшая вода у скал. И постоянное ощущение чувства голода. В поисках съестного мы начали собирать на подводных скалах небольших мидий и дробить их зубами, в результате чего были навсегда поломаны мои и так непрочные жевательные приборы. Под камнями у берега я нашел небольшую, мягкую фиолетовую актинию, но она оказалась настолько горькой, что потом с трудом удалось прополоскать рот. На утёсах над водой были гнезда ласточек-воронков с птенцами, но есть их сырыми, как мидий, было невозможно…

Как мы добирались обратно, до Новороссийска, – не помню. Зайцами, без билетов, доехали в пригородном поезде до станции Тимашевской, а дальше пришлось пересаживаться на товарный состав – «бочкарь», который возил нефть в Новороссийск. Так, на тормозной площадке пустого бочкаря, мы и катили с ветерком до Батайска, а там долго искали мыло у стрелочников на товарной станции, чтобы отмыть свой черноморско-нефтяной «загар».

Скалы в устье реки Дюрсо в настоящее время

Тем не менее, поездка оказалась для нас очень интересной, и мы с В. Данченко договорились встретиться через две недели, чтобы продолжить изучение Кавказа, тем более что нам объявили, будто бы занятия в университете после длительной летней практики начнутся лишь с середины сентября. Я собрал и просмотрел в библиотеке карты с возможными маршрутами по Кавказу, что-то из карт нашел в книжном магазине, потом съездил домой в Шостку, а когда вернулся в Ростов, то В. Данченко на месте не обнаружил. Решив, что он еще не вернулся к условленному дню из дома, я оставил ему в общежитии письмо с графиком маршрута и местом встречи у «Barbarino» и 20 августа отправился в Новороссийск, а затем к Кабардинке. Прождав там Вячеслава еще день, я выехал в Геленджик, оттуда в Туапсе и дальше в сторону Сочи.

На этот раз я был более подготовлен к путешествию. Со мной было мое первое ружье – Тулка 16-го калибра, которую мне подарила мать специально для экспедиционных работ, рюкзак, тоже сшитый матушкой из брезента по выкройкам в журнале еще к моему школьному Карпатскому походу. В рюкзаке помещалось одеяло и одежда, армейская алюминиевая фляга и миска, запас консервов и других продуктов. К большому сожалению, не было фотоаппарата, на который я рассчитывал у В. Данченко. Но при удаче можно было и без него объехать весь Кавказ!...

А Вячеслав, как оказалось, несколькими днями раньше самостоятельно отправился к Черному морю, но не через Новороссийск, а через Карачаево-Черкесию, «древним шелковым путем». Он посетил Тебердинский заповедник, познакомившись там с дремучими горными пих-

тарниками, затем через Клухорский перевал пробрался в Абхазию, по Военно-Сухумской дороге достиг побережья моря и там у него в результате регулярной дегустации абхазских вин вскоре закончились валютно-сырьевые ресурсы. В целях их пополнения Славик был вынужден устроиться где-то в деревенских пригородах Сухуми на прополку цитрусовых плантаций и, заработав немного денег, в начале сентября уехал домой, в Ростов.

У меня же сохранился дневник первого Кавказского путешествия, из которого можно узнать, что за 23 дня, с 20 августа по 11 сентября 1968 года, я познакомился с природой и людьми Абхазии, Грузии, Азербайджана, Дагестана, Карачаево-Черкесии, проделав за это время примерно 4,5 тыс. км, в том числе более 3,5 тыс. км по железной дороге, около 150 км пешком с рюкзаком по горам, степям и пустыням, а остальные – на автобусах и попутном автотранспорте. За время экспедиции было сделано около 50 выстрелов и привезено в университет 17 шкурок птиц, в том числе зеленая щурка, альпийская завирушка, желтоголовая трясогузка, горная овсянка, оляпка и другие редкие виды, добытые в разных районах Кавказа.

"Мне рюкзак запыленный – вечный спутник в пути.
Мне тропой незнакомой завтра в горы идти.
Вам, товарищи-други, оставляю уют.
Знаю, будет мне туго. Нестерпимее тут".
(Т.М. Трофимчук, Астрахань)

4. Первое «покорение» Кавказа

Здесь я хочу привести выдержки из своего полевого дневника, чтобы показать некоторые социально-политические и экономические условия в нашей стране в те далекие времена, а также наши студенческие возможности для путешествий по Союзу, для знакомства с его людьми, природой и животным миром. Несмотря на определенные трудности, на недостаток средств, мы могли тогда свободно ездить по Кавказу, по Средней Азии, по Украине, всецело надеясь на взаимопомощь людей, не боясь ни за свою безопасность, ни за другие непредвиденные последствия столь рискованных, длительных путешествий.

Сейчас же даже при всём желании совершить такую поездку по Кавказу нынешние студенты вряд ли смогут, и поэтому увидеть всё то, что довелось тогда мне, для многих стало значительно сложнее и дороже. На Кавказе возникло несколько государств со своими кордонами, пограничным режимом, визовым контролем; исчезли из обихода дешевые общие вагоны, в которых можно было ездить «зайцами» на третьих, багажных полках; нет сейчас даже товарных вагонов с тормозными площадками, на которых мы могли путешествовать без билетов в летнее время.

Кавказ я осваивал дважды: в 1968 году после 1 курса РГУ, а потом уже в недавнее время, с начала XXI века, когда стал специально заниматься изучением орнитофауны этого региона и за 15 лет объехал, а больше обошел пешком почти все районы Северного Кавказа от Тамани до Самура в Дагестане на границе с Азербайджаном. Особенно тщательно пришлось обследовать ущелья Скалистого хребта на Центральном Кавказе, между Кубанью и Тереком, местами лишенные всяких дорог, труднопроходимые, где зачастую практически не ступала нога орнитолога. Но об этом – позже. А сейчас мое первое самостоятельное студенческое путешествие по Кавказу. Дневник с его описанием никто не читал, и мало кто знает обо всех моих приключениях. Поэтому я постарался оставить здесь прежний стиль изложения, лишь слегка подправив текст, убрав повторы, неточности, излишнюю лирику, а также описания растительности и фауны, занимающие в дневнике значительное

место. Впрочем, те, кому этот рассказ не особенно интересен, могут вовсе пропустить данную главу.

Итак, приехав утром 21 августа 1968 года в Новороссийск, я закупил необходимые продукты в дорогу и отправился на восток, к «Barbarino». Там я целый день прождал Вячеслава Данченко в случайной компании вологодско-ростовских студентов-туристов, переночевал в их палатке на берегу моря, а к вечеру 22 августа добрался до Геленджика. Там же пришлось коротать ночь уже прямо в парке у морского порта, как и 10 лет назад, когда мы впервые приехали сюда с отцом в детстве. Вечером я долго сидел в порту, слушая грохот прибоя, а рано утром 23 августа, перекусив крупными черными ягодами тутовника-шелковицы, усыпавшими эстрадную площадку в парке, я двинулся в сторону Туапсе.

По пути за городом я нашел ежевику и виноград, попробовал кизил, который во множестве рос в лесу вдоль дороги. Километрах в четырех с автотрассы вправо свернула дорога к Дивноморску, прежнему Фальшивому Геленджику, где мы отдыхали в далеком уже детстве. Вскоре я пересек реку Адербу, а затем за небольшой деревушкой дорога свернула в горы к Михайловскому Перевалу, где студенты-биологи 2 курса РГУ проходят еще одну летнюю полевую практику по зоологии и ботанике, и куда я сам попаду через год. Но здесь возле меня неожиданно остановился «Москвич», и шофер спросил дорогу к селу Кринице. Мы нашли ее на моей карте и дальше поехали вместе. Однако у речки Пшады за Михайловским Перевалом нам пришлось расстаться: водитель свернул направо к морю, а я к реке. На берегу Пшады держался выводок ярких, субтропических зимородков, ловивших в заводях рыбу, а на старых деревьях кормился средний пестрый дятел, которого прежде я ни разу в жизни не видел.

Добыв и отпрепарировав дятла, я зашагал по трассе дальше, и следующую деревню Пшаду, протянувшуюся на несколько километров вдоль дороги, пришлось пересекать днем, по страшной жаре. Персики, виноград, медовые груши, яблоки и другие дары кавказского лета, лежащие там всё время в мисках и тазиках у дороги по всему селу, только усиливали чувство жажды.

За селом я остановил мотоциклиста, подвезшего меня до Джубги. Затем моим извозчиком недолго побыл местный водовоз, наконец, на попутной «Волге» я доехал до Туапсе, где сразу же отправился на вокзал и электричкой выехал в сторону Сочи. Но ночевать еще раз в городе не хотелось, и поздно вечером я сошел с поезда на полустанке «Аше», в устье одноименной горной речки, намереваясь остановиться где-нибудь в лесу у воды.

Здесь же из электрички высыпала гурьба ребят, которые, как оказалось, выехали на выходные дни из Туапсе за город на отдых. Они здесь уже бывали, знали здешние места и пригласили меня с собой. В 5 км от моря, миновав спавший черкесский аул, мы остановились в расширении долины у излучины реки, развели костер, поставили палатку, повесили два гамака из рыбацких сетей, помылись в холодной воде и легли спать.

В горах жутко завывали шакалы, за рекой в лесу кричала неясыть, звенела на перекате речка. Двое ребят, устроившихся в гамаках, взяли моё ружьё и решили караулить шакалов, которые часто приходят на бивуаки по ночам воровать съестное. И под утро все мы проснулись от истошного крика «охотников». Оказалось, они в гамаках вскоре заснули в обнимку с ружьем, а пришедший «в гости» шакал задел кого-то из них, и тот с перепугу поднял крик.

24.08.1968. С утра ребята ловили рыбу в реке, а я ходил в поисках «дичи» по долине и в лесу. Днем мы прыгали со скалы в омут, в котором я оставил свой первый талисман – клык волка, висевший на шее, когда, нырнув, зацепился грудью за камни на дне реки. Затем мы сварили на костре уху и компот из ежевики, а к вечеру сделали молочную кашу из козьего молока. Здесь среди густых ежевичников и куртин облепихи паслось стадо черкесских коз из аула, и мы сами смогли надоить у них миску молока. Кто-то из ребят держал козу за рога, другой кормил ее хлебом с солью, третий поддерживал миску, а я, знакомый с козами еще по Шостке, умело мял козье вымя.

Вечером я решил подняться на лесистую вершину за рекой, посмотреть горный лес. Сначала шёл по заросшей фундуком широкой сухой щели. Потом на дне резко сузившегося и круто взметнувшегося вверх ущелья появилась вода. Здесь в густом старом лиственном лесу стояли полумрак и осторожная предвечерняя тишина. Вскоре показался водопад около 10 метров высотой, падавший в ручей со скалы, которая обросла толстым панцирем из кальцита, а сверху – слоем влажных лишайников и мхов. Затем скалы одна выше другой пошли по ручью, и путь дальше вверх стал невозможен. По известняковому карнизу одной из скал я поднялся на гребень горы, попробовал, было, идти по нему дальше, но солнце к этому времени скрылось за горой, начало быстро темнеть, и пришлось поворачивать назад.

Я шел вниз, всё время цепляясь за лианы, спотыкаясь и совсем не замечая многочисленных колючек, поскольку приходилось думать лишь о том, как бы не оступиться и не свалиться в пропасть, к ручью, по которому поднимался наверх. Вдобавок вскоре совсем стемнело. Но через некоторое время я случайно обнаружил тропинку, шедшую по гребню

горы. В темноте я то терял ее, то вновь находил, интуитивно определяя повороты, а ноги подсказывали верный путь: на тропе под ногами ощущался твердый грунт, а при ее потере начинала шуршать мягкая сухая листва. Уже в самом низу тропинка исчезла окончательно, и дальше пришлось идти напрямик. И тут я чуть было не сорвался со скалы. Лишь густые стебли лиан, в которые попала моя нога, помогли мне удержаться на краю обрыва.

Но вот, наконец, долина, наша речка Аше. Я присел, чтобы разуться, и только тут почувствовал, как дрожат ноги. Рубашка и шорты были мокрые от пота, как будто я окунулся в воду. За речкой – бивуак, в котором ребята сидели уже в тревожном ожидании. Но мое появление успокоило лагерь, и все стали готовиться ко сну. А я еще долго сидел у костра с «командиром» отряда и хлебал горячий, душистый, незабываемый напиток из ежевики, переживая свои последние приключения…

25.08.1968. Спали в 2-местной палатке вшестером. Было тесновато, пришлось ложиться поперек палатки, и нам двоим, что оказались подлиннее, некуда было девать свои ноги, упиравшиеся в стену брезентовой «хижины». Встали мы поэтому поздно, когда все остальные были уже на ногах.

После сборов лагеря, днем отправились в обратный путь к морю. Там распрощались, и я сел на электричку в Сочи. Не буду описывать здесь дорогу, так как этот курортный район сейчас многим хорошо знаком. В Сочи я сдал рюкзак в камеру хранения и отправился смотреть город. Наибольшее впечатление оставила здесь Платановая аллея, расположенная недалеко от морского порта. Прекрасен был и Сочинский ботанический сад – как верхний участок, который смотрелся великолепным парковым ансамблем: с пальмами, розариями, беседками, прячущимися среди зелени лиан, так и нижний участок – с соснами, елями и лебедиными озерами, который выглядел более диким, естественным уголком природы, по сравнению с верхним участком.

Вечером я побывал еще в многолюдном приморском парке «Ривьера», а на ночевку отправился в порт, где у причала на швартовых стоял громадный, двухтрубный «Адмирал Нахимов» – наше самое большое пассажирское судно на Черном море.

26.08.1968. Днем выехал на электричке в Сухуми и к вечеру был уже там. По дороге у Гагр, на Бзыбском хребте, впервые увидел субальпийские луговые вершины гор, к которым предстоял мой дальнейший путь. Запомнились также многочисленные длинные туннели перед Нижним Афоном, и бодрый, с характерным акцентом, голос машиниста электропоезда, объявивший по радио, что наш поезд приближается к столице солнечной Абхазии – прекрасному городу-курорту Сухуми.

27.08.1968. Сухуми* – город магнолий, олеандров и пальм. Везде зелень. Но почти не слышно родной, русской речи, и поэтому психологически чувствую себя не очень комфортно. Я посетил в Сухуми дендрарий, оказавшийся значительно меньше Сочинского ботанического сада. Но здесь была богатая коллекция водных тропических растений: лотосы, папирусы, удивительная Виктория регия и другие амазонские кувшинки. Очень интересен был также обезьяний питомник, где можно было подолгу бродить среди больших вольер, наблюдая практически за естественными повадками их многочисленных, многодетных обитателей. Украшал же питомник единственный в мире бронзовый памятник павиану «Мурею» – самому известному вожаку-долгожителю из его племени.

Мурей в Сухумском обезьяньем питомнике

После полудня выехал из Сухуми в сторону Клухорского перевала. Тремя автобусами я кое-как добрался до деревни Мерхеули, оттуда около 10 км шел пешком по горным дорогам, а затем вновь на автобусе доехал до села Цебельда. Там пересел на попутную машину и к вечеру был у села Латы, где на 59-м километре Военно-Сухумской дороги, в лесу на островке посреди Кодори, разбил свой первый собственный лагерь в лесу.

За Мерхеули, где закончилась пыльная деревенская улица, пошли зеленые лесистые склоны гор, местами со скалами с одной стороны дороги и пропастями с другой, где в глубине билась среди камней не-

* Абхазские топонимы везде здесь даны по картам советских времен – в грузинской транскрипции. Сейчас же все они переименованы в соответствии с традициями абхазского языка. Тогда в Абхазии было много грузин и мингрелов, живших в основном в городах. Абхазцы населяли преимущественно побережье Черного моря. Здесь же местами встречались армянские сёла, а в высокогорьях обитали сваны. Но в мои студенческие годы все народы Абхазии, входившей тогда в состав Грузинской ССР, по тогдашним традициям, именовались у нас грузинами. Как и все жители СССР были тогда для иностранцев «русскими».

большая речушка. На одном из крутых поворотов стояла часовенка с двумя фотографиями погибших абхазцев, а внизу среди реки лежали остатки разбившейся машины. По обочинам рос дикий инжир и кусты колючего, опутанного к тому же плетями ежевики гранатника с поспевавшими плодами и необычными ярко-алыми цветками. Часто попадались обустроенные, бившие из скал роднички с чистой и необычайно холодной водой. Везде по камням шмыгали осторожные скальные ящерицы, местами у дороги порхали горные овсянки.

Всё было мне интересно, шагалось легко, и почти не ощущалась тяжесть рюкзака, висевшего за плечами. Только южное солнце обжигало спину. Но с началом подъема на перевал к Цебельде стало нестерпимо жарко. Однако тут меня догнал «ПАЗик», остановившийся, чтобы остудить мотор, и моя фляга с холодной родниковой водой оказалась как нельзя кстати.

Часовенка над обрывом

Ветка гранатового дерева

В Цебельде мне посоветовали добираться дальше к Клухорскому перевалу всё же на попутках, так как идти туда пешком было далеко и долго. И вот мы вдвоем с абхазцем, ехавшим со мной в автобусе, забираемся в кузов грузовика. Сразу же за Цебельдой начался длинный, крутой, с извилистым серпантином спуск в долину реки Амткел – притока Кодори. Но перед мостом через Амткел наша машина неожиданно сломалась, и пришлось пересаживаться на следующий грузовик, который вывез нас в долину Кодори и стал подниматься по ней вверх.

Вскоре мы миновали Багадские скалы, нависшие огромными отвесными утесами на 200-300 метров над рекой. Когда-то по ним тянулся прорубленный в известняке узкий карниз для пешеходов и лошадей, а потом там были сделаны два автомобильных туннеля, открывшие дорогу на перевалы и для машин. Дальше, в расширявшемся кое-где ущелье, пошли небольшие хутора, отдельные хижины и пасеки села Латы. Здесь

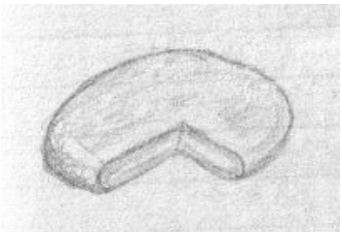
возделывали, в основном, огороды с табаком, часто встречались посевы кукурузы, местами росли сады и почти везде заборы и деревья были увиты одичавшим темным виноградом.

Распрощавшись в Латах с водителем и попутчиком-абхазцем, я нашел лесистый остров вдали от дороги, перебрался на него по камням, запасся сушняком для костра, нарезал веток и сделал из них матрас, а после стал готовить на костре гранатовый компот в армейской фляжке. Поужинав, я положил рюкзак под голову и забрался под теплое одеяло.

28.08.1968. На пружинящем матрасе, среди леса у монотонно шумевшей реки, на свежем воздухе спалось так хорошо, что из-под одеяла я выбрался лишь, когда солнце выглянуло из-за гор, осветило остров и прогрело воздух. Потом я еще долго бегал по острову, охотясь на оляпок и каких-то уток. Тут я нашел огромное дерево грецкого ореха, увешанное плодами, и, собрав горсть, очистил их от кожуры и решил попробовать поджарить в костре. Влажные, не дозревшие еще ядра орехов пропарились среди горячих углей и приобрели неожиданно приятный запах и вкус.

После завтрака я собрал рюкзак и покинул приютивший меня остров, легко перейдя почти исчезнувшую за ночь протоку. Выбравшись на дорогу, я потихоньку потопал мимо хуторов вверх по ущелью Кодори на север. Хутора выглядели безжизненными, и лишь рычавшие за заборами псы, свободно бродившие по дорогам гуси, да полудикие свиньи, убегавшие от меня в кусты, свидетельствовали о признаках жизни. Эти свиньи больше напоминали диких кабанов, имея высокое и плоское, как доска, туловище, весьма приличные клыки и густую гриву щетины, дыбом стоявшей на загривках. Только окраска выдавала их домашнее происхождение, да у многих на шеи были надеты треугольные «корсеты», связанные из толстых прутьев, которые не позволяли зверью лазить через дыры в заборах на кукурузные огороды. Заборы хуторов по-прежнему были увиты одичавшим виноградом с массой созревавших гроздей. И я весь день питался его ягодами, пригоршнями поглощая их на ходу.

Домашний кабан в «корсете»



Ажарский каравай-хачапури

Борта узкого ущелья одевал спускавшийся к самой реке широколиственный лес с примесью съедобного каштана, увешанного страшно колючими плодами-ёжиками, и с густым подлеском из самшита, покрытого мхами и лишайниками. Лишь у села Чхалта, близ устья реки Ацгара, начинавшейся на Марухском перевале, ущелье расширялось, а выше Ацгары вдоль Кодори шла типичная троговая долина со следами деятельности древнего ледника. В долине появились луга, а с гребней хребтов почти к реке спустились одиночные старые пихты.

Сюда, в Чхалту, я добрался лишь к вечеру, когда магазины и столовая уже не работали, и пополнить запасы провианта было негде. Но добрая уборщица столовой впустила меня через черный ход на кухню и налила полную тарелку щей, щедро приправленных обжигавшим рот перцем. Поблагодарив старую абхазку, я пошел дальше, а потом за селом, у места слияния Кодори и Ацгары, долго сидел на камне, выбирая по карте дальнейший путь, и решившись наконец, направился, как и планировал вначале, в верховья Кодори к Клухорскому перевалу.

Через полчаса показались первые хутора Квемо-Ажары, и я спустился к реке, в ольшанике у воды нашел место для ночлега, опять сделал матрас из веток и охапки сена, над костром вскипятил чай, а потом, пока он остывал в реке, сам забрался в ледяную воду обмыть дневной пот и дорожную пыль.

29.08.1968. Встал опять поздно, когда взошедшее солнце согрело воздух. Наскоро позавтракав, я быстро собрался и тронулся в путь. Но в Ажарах пришлось надолго задержаться, ожидая, пока в магазин привезут хлеб. Однако он так и не появился, и я был вынужден идти дальше, в надежде достать его где-нибудь в другом селе.

Встретив затем по дороге абхазца, в разговоре с ним я случайно обмолвился, что не смог купить в магазине хлеба. И он тут же вынес мне из дома два теплых ажарских каравая домашней выпечки. Они были сделаны в виде толстых, трехслойных блинов, начиненных внутри сыром, по вкусу напоминавшим что-то среднее между голландским и плавленым. И вечером, за ужином, я с удовольствием смаковал этот пахучий, вкусный дорожный бутерброд. Нечто подобное под названием «хачапури» сейчас пекут в кафе по всему Абхазскому побережью Черного моря для приезжих отдыхающих.

В самом конце деревни меня подобрала попутная машина, на которой удалось проехать вверх еще около 3 км. А дальше я шел уже вместе с попутчиками-проводниками – тремя мальчишками, ехавшими со мной в машине. Они отправлялись куда-то в горы к родителям, пасшим на альпийских лугах домашний скот.

Еще в Латах, когда я ночевал на островке, далеко впереди мне

впервые открылись снежные вершины Главного Кавказского хребта, окутанные вечерней дымкой. Было впечатление, что попал в затемненный кинотеатр: небо – экран, и прямо от меня на этот экран убегал луч света – прямое ущелье Кодори, проецируя вдали удивительные горные пейзажи. И весь следующий день я с нетерпением стремился к этим заснеженным горам. А у Чхалты открылась уже широкая панорама с сизыми пиками, пирамидами и куполами гор, уходившими далеко на запад вдоль реки Ацгара. Вид этих стремительных горных вершин и потянул меня, было, вчера вечером в долину Ацгары, в сторону Марухского перевала. Сегодня же с самого утра я уже любовался сверкающими под солнцем снежниками и суровыми гранитными скалами вдали в верховьях Кодори.

На вершинах окрестных гор леса уже не было, а впереди видны лишь обширные альпийские луга и скалистые гребни. Лес рос только по долинам рек и на нижних склонах ущелий. А выше устья Ацгары уже и в долине Кодори пестрели лишь небольшие рощи и кустарники среди лугов.

По тропинке у подножия огромной горы, высившейся над Кодори с севера, мы напрямик пересекли ее широкую троговую долину, по мосту перешли на левый берег и мимо села Гвандра стали подниматься вверх по ущелью реки Клыч, стекающей с Клухорского перевала. Здесь началось царство беркутов, и я весь день следил за этими величественными, могучими птицами, паривших в разных местах над склонами гор.

За Гвандрой мы опять попали на машинную дорогу, ведущую к Южному приюту, но здесь вскоре ребята свернули в боковое ущелье, вверх к своей летовке на альпийских пастбищах. До перевала же, по их словам, оставалось всего около 5 км. Однако, обогнув отрог горы за этим ущельем, я вскоре оказался в старом, мрачном пихтовом лесу. Скрылись позади последние абхазские дома. Стало неуютно, тем не менее, я надеялся сегодня достичь перевала и спуститься вниз – в Карачаево-Черкесию. Но не тут-то было…

В лесу я сбился с дороги, свернув на тропу, и лишь через километр, когда тропинка исчезла, понял свою ошибку и долго лазил в сумраке зарослей, пока не выбрался на наезженную дорогу. Вскоре ее перегородил ручей, катившийся сверху по огромным камням, забившим узкое боковое ущелье. Захотелось посмотреть его истоки, и я полез вверх, пока не уперся в 10-метровую скалу, с которой ручей падал водопадом. Дальше пути не было. Но зато отсюда открывался чудесный вид на ущелье реки Клыч, заросшее пихтовым лесом. Далеко на противоположном склоне тоненькой ниточкой со скалы падал другой водопад. Пролетев около 100 метров по воздуху, он исчезал за деревьями, беспомощно разбиваясь на каменистой осыпи.

Спустившись на дорогу, я пошел через густой, заросший кустарниками лес дальше. В одиночку и группами у дороги стояли громадные деревья с растрескавшимися, прогнившими стволами. Почти до земли спускались их корявые, узловатые ветви-руки. И эти пихты, свечами поднимавшиеся высоко в небо, почудились мне тогда почему-то тощими, убогими нищими, просящими милостыню у дороги.

Неожиданно склон стал положе, исчезли деревья, и открылся спуск к реке. Это оказался лавинный конус выноса, заваленный глыбами камней и заросший огромными зелеными бурьянами. Среди камней я с удивлением обнаружил поспевшую землянику с непередаваемым вкусом и запахом. Но собирать ее было некогда. Стало темнеть, а Южного приюта всё еще не было видно. Нужно было искать место для ночлега, тем более, что ночевка рядом с первыми встреченными по дороге снежниками предполагалась холодной.

Вскоре я нашел на луговине подходящую полянку. Из развалившегося пастушьего балагана, обнаруженного метрах в ста, я принес охапку драни и выложил ею себе ложе, прикрыв его сверху ветками, так что получилась неплохая постель. Рядом запылал костер, и после ужина, соорудив подобие нодьи, я лёг спать. А в это время снизу, со стороны Черного моря, в ущелье полз туман. Он обволакивал вершины, затягивал небо и постепенно спускался всё ниже и ниже ко мне. Но я уже спал…

30.08.1968. С утра над горами висит густой туман. Сыро, дрябло. Собирается дождь. Встал я опять поздно, но к его началу всё же успел перебраться в небольшой грот под скалой, где когда-то стоял балаган. Позавтракав, сел за препарирование птиц, добытых в предыдущий день.

Снаружи несколько раз начинался и быстро заканчивался дождь, а в гроте было сухо и душно. Закончив работу, я вышел в дальнейший путь. За поворотом дороги, чуть выше места ночлега, находился огромный снежный мост, перекрывавший ручей. Поток вырывался из темного снежного грота и сразу же попадал в щель, из которой прыгал вниз уже грохочущим водопадом. Всё время стоял глухой шум. Пахло весной.

Дальше дорога пошла по невысокому мелколиственному лесу, прикрывавшему ее сверху в виде туннеля. Но на противоположном склоне ущелья, обращенном к югу, еще рос хвойный лес, спускавшийся к самой реке. И там за рекой среди деревьев вскоре показалось несколько деревянных домиков с высокими, островерхими крышами. Это и был Южный приют «Клухори» на Военно-Сухумской дороге, до которого я не дошел вчера всего 1 км.

Возле Приюта машинная дорога закончилась, и дальше через старый, заросший обвал шла уже лишь чуть заметная тропа. Но затем, за завалом, опять пошла широкая дорога, правда, уже покрытая камня-

ми, местами засыпанная небольшими обвалами или размытая водой.

Днем погода испортилась окончательно. Снизу из-за поворота ущелья выполз клок тумана, и постепенно темно-серая туча окутала всё ущелье, быстро поднимаясь вверх и догоняя меня. Я спрятался под огромной глыбой, нависшей над дорогой, переждал дождь, но вслед за первой тучей в ущелье уже вползала следующая.

Мое внимание привлекла показавшаяся впереди какая-то избушка с сараем и загоном для скота. Сейчас она пустовала, и я решил переждать непогоду здесь. Было приятно сбросить с плеч рюкзак, присесть на широкие, сухие нары и, вытянув ноги, отдыхать после дождя, наблюдая за выводком крапивников, всё время лазивших в щелях среди бревен, в изгороди из веток, в густой траве вокруг избушки.

Через час, как только чуть приутих моросивший дождь, я решил двигаться дальше. Но дорога стала грязной, скользкой, идти стало трудно. Временами приходилось с трудом преодолевать крутые снежники, перегородившие дорогу. Здесь я встретил первых туристов, шедших из Теберды к Черному морю. Мужчина спускался по снежнику с мальчишкой лет семи, а наверху у рюкзаков стояла, закутавшись в плащ, молодая женщина, которая подвернула на камнях ногу и теперь нуждалась в постоянной поддержке мужа. А дождь всё сеял и сеял мельчайшие капли на одежду, на траву, на скалы…

Километрах в двух выше ущелье повернуло на север, исчезла древесная растительность, и лишь высокая трава скрывала камни, усеявшие выположенное дно долины. Здесь среди камней росло множество пышных черничных кустов, усеянных темными ягодами, и я, долго охотясь за певшей горихвосткой-чернушкой, вдоволь наелся сочной, вкусной черники. Но прыгая по камням, я однажды поскользнулся на мокром граните и чуть было не сломал ногу, отделавшись, к счастью, только ушибами. Здесь у ручья находилось также несколько пастушьих балаганов, сделанных из камней. Они жалко ютились у огромных валунов, а когда стойбище покинуло несколько всадников, направившихся вниз к аулам, балаганы будто бы и вовсе осиротели.

Дождь постепенно стих, разогнало туман, и открылся вид на окрестные склоны. Но день кончался, и на горы опускалась ночь. Поэтому не стану повторять здесь все свои описания величественной картины ущелья, поднимавшегося с юга к Клухорскому перевалу. Никакими словами эти впечатления не передать. Всё это нужно увидеть только своими глазами!

Километрах в трех от первых балаганов стояли еще две таких же постройки. Рядом в загонах две девушки доили коров и коз, собиравшихся сюда на ночь. Узнав, что я иду на перевал, они сказали, что уже

поздно, и до темноты я не успею преодолеть его. Пришлось проситься к ним на ночлег, и через полчаса, раздевшись, я сушил промокшую одежду у очага, горевшего посреди балагана. Потом сели ужинать. Больше всего мне понравился здесь молодой сыр, поджаренный на сковороде небольшими ломтиками, и я долго смаковал его своеобразный вкус и запах.

Только мы поужинали, как снаружи залаяла собака, и через несколько минут из темноты внутрь балагана вошел старик-абхазец. Он ездил домой в аул, оставив стадо под присмотром двух девушек и мальчишки, и сегодня вечером они ждали его возвращения. Балаган сразу же ожил. Забегали девушки. Мальчишка принес откуда-то ощипанную, добытую вероятно им, горную индейку-улара и что-то долго рассказывал старику на своем языке.

Поужинав и согревшись, старик поднялся и позвал меня с собой. Мы выбрались наружу и пошли в другой балаган. Там, в мягкой постели, под теплым одеялом, я и провел очередную тревожную ночь.

31.08.1968. Встал утром довольно рано, но хозяева к тому времени уже давно были на ногах. Серое утро, пасмурно, но дождя нет. Спустившись к реке, умылся талой водой, быстро собрал рюкзак и распрощался с гостеприимными абхазскими пастухами.

По тропинке, протоптанной туристами, начался медленный подъем на перевал. Всё здесь в альпийском высокогорье было для меня ново, и в поисках птиц я с интересом лазил среди камней, по осыпям, снежным мостам, перекинувшимся через ручьи. Несмотря на конец лета, еще довольно часто встречались цветы, к сожалению, тогда неизвестные мне. На противоположном склоне из бокового ущелья выползал голубоватый язык ледника.

Над ущельем всё время кружились два ворона. На ручье, на высоте 2700 м над уровнем моря, неожиданно вспугнул оляпку. Но чем она могла кормиться здесь в ледяной воде – осталось неясно. Однако позже еще две одиночные оляпки были встречены даже на Клухорском озере под самым перевалом. На альпийских лугах держалась масса горных коньков. По скалам перелетали многочисленные стайки маленьких, симпатичных корольковых вьюрков, докармливавших своих слётков. Много было здесь также эффектных альпийских завирушек, тоже кормивших оперившихся слётков.

На дороге среди камней и травы часто встречались характерные «колбаски» помёта кавказского тетерева, обитающего в высокогорье на субальпийских лугах, где в конце лета птицы собирают урожай черники. Я был знаком с этим видом по хранившемуся на кафедре зоологии РГУ чучелу тетерки, которую однажды нашли погибшей на камнях у Клухорского озера, что и позволило мне определить следы пребывания

тетерева в верховьях реки Клыч в Абхазии.

Перед самым перевалом дорогу перегородил большой, крутой снежник, траверсировать который в кедах было опасно, так как можно было поскользнуться и разбиться потом на камнях, как это случилось со мной однажды в Карпатах. Поэтому пришлось лезть с рюкзаком и ружьем по бергшрунду метров 25 вверх, обходить снежник, а затем опять спускаться на тропу.

Устав, я решил здесь отдохнуть и заодно отпрепарировать добытых птиц. Тучи к этому времени рассеялись, над горами сияло солнце, жгло спину, но долго сидеть на камнях без теплой куртки было холодно. А далеко внизу по тропе то и дело проходили пестрые группы туристов-пижамников, иногда – в босоножках, с гитарами наперевес спешивших к теплому морю. Им, при хорошей погоде, отводился всего один день на пеший переход от Северного до Южного приюта, где их опять ждали машины, увозившие затем отдыхающих вниз, в Сухуми.

А время уже шло к вечеру. Закончив работу, я собрал рюкзак и через полчаса был на перевале через Главный Кавказский хребет – на высоте 2781 м над уровнем моря, на 109-м километре Военно-Сухумской дороги и в 15, а не в 5 км от Гвандры! Абхазцы называют перевал Клыхура, что значит «узкий, тесный проход», а в карачаевском языке его название связывают с племенем колхов, обитателей Колхиды, которые использовали перевал для связи с Северным Кавказом, т.е. Колх-ор – путь колхов.

Вокруг на камнях много обелисков, поставленных в память о героических защитниках ледовых перевалов в годы Великой Отечественной войны. И повсюду – облака: над головой, сбоку, под ногами. А впереди внизу – чудесное озеро с зеркальной гладью, в которой отражается небо и окружающие озеро черные, безжизненные зубчатые скалы. На перевале туристы: фотографируются, обедают, делают мороженое в снегу. Сейчас же здесь прошла Государственная граница Российской Федерации, и путь сюда для большинства из нас закрыт.

Еле заметная крутая тропа вела с перевала прямо вниз, к озеру, а полуразрушенная Военная дорога, семилетнее строительство которой закончилось лишь в 1896 году, поворачивала вправо и по вырубленным в скалах карнизам, в обход озера, постепенно спускалась к седловине на его противоположной стороне. Отправившись по тропе, вскоре я вновь попал на большой снежник. Экономя время, решил идти через него наискосок, выдавливая ногами во влажном фирне глубокие ямки, чтобы не поскользнуться на очень крутом склоне. Добравшись до озера, я обнаружил там еще одно маленькое, яркое, как бы светящееся перламутром озерцо, на дне которого белел, вероятно, не растаявший за лето зимний лёд.

На северной окраине озера берет начало небольшая, мелкая речушка, которая через несколько десятков метров срывается со скального уступа и падает на камни глубоко внизу. А за речкой – вновь Военно-Сухумская дорога, очень круто спускающаяся многочисленными серпантинами в долину реки Клухор. Там зеленеют пышные луга, за ними курчавятся по лощинам небольшие березки, погнутые зимними лавинами. А далеко внизу за деревьями мелькнули и строения Северного приюта.

Клухорское озеро. Вид из снежного грота
http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000056/st023.shtml

Трудный, очень крутой спуск по тропе, срезавшей петли серпантина автодороги, отнял много сил. Я спешил, почти бежал к Приюту, но силы оставляли меня. Пришлось сделать еще одну остановку, где на входе в Тебердинский заповедник я разобрал и зачехлил ружье и первый раз за день позавтракал и пообедал банкой сгущенки. А через полчаса был уже на Северном приюте. Там меня покормили жирным борщом с хлебом, после чего я отправился на попутке в Теберду.

И вот по сторонам дороги замелькали деревья, небольшие озера, мосты через ручьи. Вскоре мы выехали к реке Теберде, где по узкому, крутому ущелью, замыкавшемуся на юге красивым пиком Ине, шла отличная автодорога из Домбая вниз к поселку Теберда и дальше к Карачаевску и Черкесску. В Теберду приехали, когда уже начало темнеть, и я сразу же отправился спать в палатку на Турбазе.

На этой Тебердинской турбазе и закончилась наиболее интересная, горная часть моего Кавказского путешествия. Но впереди меня ждал еще Каспий, степи Азербайджана, Тбилиси…

1.09.1968. Переночевав в пустой палатке, сильно намерзшись за ночь, я рано покинул Турбазу, побродил по поселку, осмотрел зверинец в Тебердинском заповеднике, а днем на рейсовом автобусе уехал в Черкесск. Там сел на пригородный поезд до Невинномысска, а вечером продолжил путешествие на поезде Невинномысск – Минеральные Воды, где на большом вокзале устроился на очередную ночевку.

2.09.1968. Проснулся рано. Вышел на улицу. А там – осень. Понедельник, начало занятий в школах и вузах. Мимо вокзала идут первоклашки с цветами. А у нас в РГУ продолжаются каникулы, и можно продолжить свой поход дальше.

Сажусь на поезд до Махачкалы и целый день качусь по широким Предкавказским степям. Вечером, уже в темноте, приближаемся к Махачкале, и я выхожу на последней перед городом станции Шамхал, чтобы завтра пройти по Дагестанским степям, посмотреть там Каспий.

Ночь, луны нет, страшная темнота, огни поселка слепят глаза, и я буквально на ощупь выбираюсь за околицу и иду в сторону от железной дороги. Наконец, «цивилизация» позади. Недалеко слышен шум реки, я сворачиваю туда и над обрывом, среди густых, высоких сорняков, устраиваюсь на ночлег.

Сняв рюкзак и постелив постель, отправляюсь знакомиться с окрестностями. Недалеко нашел виноградник и на его окраине вдоволь, пригоршнями ем сладкие ягоды. Вернувшись на бивуак, долго лежу под одеялом, смотрю на звезды, слушаю, как плюхаются в воду комья глины с подмываемого рекой обрыва. Темно, тихо, и я незаметно засыпаю.

3.09.1968. Утром меня разбудил местный джигит – сторож виноградника. Он приехал на лошади узнать, не видел ли я здесь «мужчину с мешком». А потом начал приценяться к моему ружью, спросил, нет ли у меня пистолета.

Когда бесстрашный джигит уехал, я тоже собрался в дорогу и медленно пошел по степи вдоль реки в сторону моря. Мне нужно было перебраться через эту реку, бежавшую с гор к Каспию, чтобы потом я мог свернуть на юг, к Махачкале. Но место для переправы найти трудно. Возле Шамхала река текла в широкой долине с отвесными, обрывистыми бортами, а ниже несла свои мутные воды по исключительно ровному узкому каньону шириной около 25 и глубиной до 5 метров.

Наконец, я нашел неглубокий перекат и вброд перебрался на правый берег. А дальше опять бескрайняя степь. Жара. Липкий пот под тяжелым рюкзаком. Но потом недалеко показалась бахча, и я долго сижу, отдыхаю, поглощая сочную мякоть арбузов и дынь.

Однако нужно идти дальше. Шагаю по степи, пока не встретилась широкая, залитая водой открытая низина с массой всевозможных куликов, безрезультатная охота на которых отняла около 2 часов. Далеко на востоке за низиной виднеются деревья, протянувшиеся длинной полосой по всему горизонту. Я решил, что это лесополоса, вдоль которой по дороге иногда проходят машины. Но лесополоса была очень плотной и широкой, и я долго не могу сообразить, что же там растет.

И вот лес уже рядом. Я вижу невысокие деревья и кустарники,

растущие на песчаных буграх. Однако почему песок только здесь? И почему такая длинная полоса? Я еще долго бреду по рыхлому песку среди барханов. Но вот они расступаются, и я оказываюсь на берегу… седого Каспия!

Предо мной – широкий безлюдный, чистый песчаный пляж. Ветер несет с моря влажный прохладный воздух и водяную пыль. На берег накатываются морские валы, разбиваются, поднимая тучки легких, серебристых брызг, окатывают шипучей пеной белый, зернистый песок и убегают назад. И так – до бесконечности, вправо и влево, с утра до вечера…

Как здорово! Какие классные пляжи! Их бы поближе к Ростову…

От Махачкалы до Баку волны катятся на боку,
И вздымаясь, бегут валы от Баку до Махачкалы...

На песке у воды – масса серебристой рыбы. Многие еще живые, бьются, подпрыгивают, сверкая чешуей. Это была рыба, зараженная ремнецом – лигулой, или, как ее называют на Азовском море у Таганрога – «глистявка». Она не может погружаться вглубь и плавает только у поверхности. Поэтому-то шторм и выбросил всю эту больную воблу на берег.

Я сбрасываю рюкзак, раздеваюсь и иду в море. Ныряя, пробиваюсь против встречных волн подальше от берега. Чистое песчаное дно полого уходит вниз. Вот его уже не достать. Как хорошо! Но пора уже возвращаться, и я начинаю грести к берегу. Однако он как будто не приближается. Пробую достать дно ногами, а его всё нет и нет. Я уже устал, становится страшновато. И тут, спустившись с очередной высокой волны вниз, вдруг стаю на твердое дно. Быстро иду к берегу, шатаясь, выхожу на песок и падаю возле самой воды…

Уже садится солнце. Пора подумать и о ночлеге. Я собираю кизяки для костра, под кустом среди барханов стелю постель с подветренной стороны и принимаюсь за приготовление ужина. Выбрав на берегу живых «глистявок» покрупнее, потрошу их, тщательно вымываю в мо-

ре, а потом жарю на костре, положив рыбешек на дощечку прямо в огонь. Рыба не жарится, а печется в водяных парах. Только что вынутая из огня, она такая аппетитная, что я облизываю пальцы. После того, как дощечка сгорела, кладу рыбу уже на плоские лепешки высохшего коровьего навоза и тоже ставлю в огонь. Пережарив всю приготовленную «добычу», уже в темноте сажусь за ужин. Как вкусно после почти двухнедельного путешествия впроголодь! Впервые за всё это время я наелся, как говорится, «до отвала». Жареная рыба даже осталась. И я, сытый и отдохнувший, ложусь под кустом спать.

4.09.1968. Опять утро. Над морем взошло солнце. Я долго собираюсь, снимаю шкурки с добытых вчера птиц. Доедаю оставшуюся с вечера рыбу, остывшую и уже безвкусную. Потом еще раз осматриваю окружающие кустарники на барханах в поисках птиц и, наконец, направляюсь к Махачкале. Иду по берегу. На песке по-прежнему блестят, бьются тысячи выброшенных штормом рыбешек, образовавших сплошную, метровую полосу вдоль морского заплеска. Много уже мертвых, начавших разлагаться крупных судаков. Через каждые 100-200 метров лежат огромные выпотрошенные осетры. Некоторые еще совершенно целые. Изредка попадаются останки мертвых каспийских тюленей.

Шумит море, ветер несет водяную пыль, которая, высыхая на лице, образует соленую корочку, стягивающую кожу. Город, смутно виднеющийся в дымке на мысу, приближается очень медленно. Опять усталость давит на плечи. Хочется пить, а пресной воды давно нет.

Во второй половине дня на берегу моря стали попадаться постройки, и я свернул в барханы. Но и здесь везде видны человеческие следы. Исчезли заросли тамарикса, который сменили посадки акации, а затем пошли сады. Тогда я вышел на дорогу в степи вдоль песков, и вскоре был на окраине Махачкалы. Здесь сел на автобус, пересек город, и вот опять вокзал. А вечером я устроился на Бакинский поезд и сразу же лег спать.

5.09.1968. Сегодня я планировал сойти с поезда еще раз на берегу Каспия возле гор, но утром проснулся, когда поезд уже подходил к Баку. Мы долго ехали среди многочисленных заводов, серых, грязных зданий. Наконец, большой, шумный вокзал.

Полдня знакомился с городом. Его центр оказался довольно красивым. Очень понравилась широкая набережная, прекрасно оформленная, превращенная в традиционное место отдыха горожан. Побывал там на Девичьей Башне – Гыз-галасы, с которой открывается замечательный вид на город, набережную, море. Баку на западной окраине поднимается на невысокие, зеленеющие сопки, над которыми высится колоссальная фигура С.М. Кирова, запечатленного в камне. Но времени на поход к нему в гости уже не было.

Под вечер сел на поезд, идущий в сторону Еревана. Я собирался доехать до реки Куры, посмотреть там пойменные тугаи вдоль реки, а затем пешком пересечь Муганскую степь на север до Тбилисской железнодорожной ветки и там продолжить путь в Грузию.

К станции Али-Байрамлы, стоящей на Куре, мы подъезжали ночью. Было темно, ничего не видно, и я по ошибке выскочил из поезда на маленьком разъезде в степи перед Али-Байрамлы. Хорошо, что вскоре за пассажирским поездом туда с разъезда отправлялся одинокий паровоз, и машинист согласился подвезти меня до станции. Я влез в будку, дали зеленый свет, и мы поехали. Внутри будки, у топки, было тепло, но здесь я мешал кочегару, бросавшему уголь в огонь, поэтому пришлось отойти к окну и стоять там, всматриваясь вперед в темноту ночи.

В легкой рубашке на сквознячке было прохладно, тело пронизывал ночной ветерок, и пока мы доехали до Али-Байрамлы, я изрядно продрог. Зато как приятно было слушать давно забытое пыхтенье паровоза, которое можно услышать сейчас лишь в исторических фильмах! Но вот, наконец, и долгожданная станция с небольшим вокзалом, где в маленьком зале ожидания и был уготован мне очередной ночной приют.

6.09.1968. Утром на вокзале меня разбудила «моя милиция», чрезмерно обеспокоенная безопасностью единственного пассажира и его багажа. Было еще рано, на улице стояла прохлада, и выходить туда не хотелось. Но забросив за плечи рюкзак, трогаюсь в путь. Иду через поселок на запад, где должна быть Кура. Народа на улицах еще мало, но у «Чайханы» толпится люд. Сюда, перед началом трудовой смены, зашли выпись чаю местные рабочие. Захожу и я в это экзотическое заведение. В пиалах – чай, сахар – кусочками на столе, сколько кому нужно. Ребятишки продают хлеб – большие, круглые, тонкие лепешки – свежие, еще горячие и необычайно вкусные.

Поселок пустынный, серый, зелени очень мало. Только в садах растут небольшие деревца граната. Вот где, оказывается, разводят у нас этот заморский фрукт! На окраине поселка спокойно катит свои во́ды широкая, полноводная река, через которую переброшен ажурный железнодорожный мост. Далеко на север тянется равнинная Муганская степь, покрытая кустами тамарикса. Вдали зеленеют островки леса – вероятно тугаи, куда я так стремился попасть. А примерно в 30 км к северу от поселка, судя по карте, Тбилисская железнодорожная ветка, до которой надо успеть дойти за день.

По узкой дороге ухожу от поселка всё дальше. Остались позади бурьяны и грязь околицы, буровые скважины нефтеразработок, овцы, пасущиеся среди сорняков. Разнообразие птиц невелико, но встречена пара крупных орлов, судя по характерной поперечнополосатой окраске

– змееядов. И множество великолепных, экзотических зеленых щурок, летающих вокруг. А ближе к лесу в густых зарослях тамарикса появились своеобразные рыжие славки, или, как их называют сейчас, тугайные соловьи.

Лес встречает сумраком и прохладой. Травы под густыми деревьями нет, шелестит только сухая листва, усыпавшая илистую, растрескавшуюся почву. Лишь на полянах – заросли высокотравья. Иду вдоль Куры, высматривая на отмелях куликов. Сначала по берегу тянется невысокий обрыв, из которого торчат корни подмываемых рекой деревьев, но постепенно обрыв повышается и становится всё круче. Наконец, дорогу перегородило упавшее с обрыва огромное дерево. Дальше пути нет, а возвращаться назад далеко, и я решаюсь подниматься наверх. Однако обрыв встречает меня колючками кустарников, свисающими вниз плетями ежевики, и подниматься по нему с рюкзаком и ружьем тяжеловато. Цепляясь за корни, за стебли, медленно ползу вверх, а колючки тянут вниз. Но вот, наконец, исцарапавшись, изодрав одежду, запыхавшись, наглотавшись пыли и еле держась на ногах, я наверху. А там – колючие кустарники еще гуще, сплошной стеной стоит крапива, с листвы при малейшем движении поднимаются тучи едкой пыли. И куда идти?

Долго пробиваюсь через заросли приречного тугая, выхожу на небольшую поляну. Стало светлее, но глотка забита пылью. Я сел отдышаться и перекусить, выпил немного воды, а потом из-за этих нескольких глотков весь день мучился от жажды и под вечер вынужден был пить даже грязную воду уже прямо из озера.

Немного отдохнув, пожевав ежевики, я выбрался на опушку тугая и решил идти теперь через степь на север. Вскоре среди тамариксов наткнулся на полноводный арык, а на заболоченной низине возле него обнаружил кулика-ходулочника, которого прежде тоже ни разу не встречал. Долго иду вдоль канала, наблюдая за крупными сазанами, всплывающими к поверхности, за черепахами, плюхающимися впереди меня в воду. Глубокая, чистая – до черноты – вода в канале манит искупаться. Но приходится спешить, нужно сегодня дойти до железной дороги, пора уже завершать это затянувшееся путешествие: заканчивается отведенное время, продукты, деньги, всё больше сказывается усталость…

За каналом – обширная низина, заросшая тростником, местами видны широкие плёсы, илистые отмели. Везде масса разнообразных цапель, уток, чаек, ходулочников и других куликов. Обойдя болото по дамбе, продолжаю путь через степь на север, где вдали показались холмистые склоны возвышенности, вероятно – левый борт долины Куры, где должна быть долгожданная железная дорога.

Пересекаю сухой степной участок, а за ним вновь блестит широ-

кий озерный плёс, но вместо тростника у берегов там заросли тамарикса, небольшие обрывы, размываемые волнобоем, илистые косы. И здесь тоже масса цапель, чаек, куликов. Я останавливаюсь у озера, обедаю, охочусь за куликами. А солнце, перевалив за полдень, быстро скатывается вниз. Вечереет.

У подножия склона долины замечаю железную дорогу. До нее уже недалеко. А к западу, в 5-6 км, виден довольно большой поселок. И я покидаю последний привал, иду напрямик по пыльной степи, поросшей низкой травой. К железной дороге подошел, когда уже стало темнеть. Недалеко видно несколько кошар. Иду туда, в надежде достать воды, но кошары давно заброшены. Тогда оставляю в одной из них рюкзак, беру фляжку и отправляюсь в поселок.

Быстро стемнело, и в поселке вскоре стал гаснуть свет в окнах. Пришлось долго искать еще не уснувший дом. Наконец, увидел открытую дверь, подошел, попросил воды. Однако на вопрос – немое молчание: не все жители понимают русский язык. Пришлось ждать переводчика. В конце концов, мне выносят холодную воду, и я долго пью ее, промывая глотку. Наливаю воду во фляжку и отправляюсь назад. Но пить хочется еще сильнее.

Сначала отпиваю из фляжки маленькие глотки, надеясь донести капли драгоценной влаги до бивуака, оставить ее на завтра. Но потом, не вытерпев, осушаю сразу всю флягу и вновь остаюсь без воды. Правда, жара уже спала, и теперь можно потерпеть до утра.

Устраиваться спать среди ночи в сухой, голой степи не хотелось. Пришлось ложиться на пыльной соломе – в пустом сарае на заброшенной кошаре. Но сон в этот раз не заставил себя ждать…

7.09.1968. С утра до полудня провел на кошаре под палящим солнцем, без воды и еды, занимаясь препарированием вчерашних птиц. Сидел до боли в голове и пояснице, и только когда закончил всю работу, стал собираться в путь.

Вчера вечером я планировал осмотреть с утра еще степные склоны и овраги на бортах долины, но сейчас было уже не до них. Нужно было пройти еще несколько километров до поселка! Едва бреду вдоль железной дороги, от усталости уже почти ничего не замечая. Запомнилась лишь встреча с домовым сычом, сидевшим в нише под железнодорожным виадуком у поселка. Прищуренным глазом сыч долго следил за мной, но потом не выдержал и улетел в степь.

Вот, наконец, и вокзал. Колонка с водой. Много-много воды… Затем сижу, жду поезда. Местные ребятишки предлагают купить у них айву. Я никогда не ел этих фруктов и, соблазнившись, отдаю мальчишке 10 копеек за необычное азербайджанское «яблоко». Признаться, такой

мягкой и сочной, душистой и вкусной айвы позже я больше никогда не встречал. Похожую, крупную желтую и сладкую айву я пробовал много-много лет спустя в посёлке Вилково в дельте Дуная, в саду у моего друга, орнитолога из Дунайского заповедника Михаила Ерофеевича Жмуда. Но всё равно по мягкости и сочности та первая, азербайджанская айва осталась ни с чем не сравнима.

Начало темнеть. Над станцией замелькали многочисленные летучие мыши. А вскоре подошел и мой поезд.

8.09.1968. Доехать до Тбилиси «зайцем» не удалось. Высадили на какой-то станции. Но там я сел на товарняк и спокойно ехал почти до самой столицы Грузии. Оставив товарняк на одной из последних перед городом станций, я дождался пригородного поезда и во второй половине дня был в Тбилиси.

Вышел посмотреть город. В этот воскресный день у грузин был какой-то праздник. Все гуляли, за столиками кафе в парках на берегу той же реки Куры пили вино. Вечером над городом устроили торжественный салют. А я остался без гроша в кармане. Было грустно, и в душе пенилось совсем не праздничное настроение…

9.09.1968. Тяжелая ночь на вокзале. Утром пошел дождь. И я решил поскорее покинуть неприветливый город. На электричке доехал до станции Хашури, а оттуда на товарняке отправился дальше. Ехать здесь на тормозной площадке было замечательно. Полная свобода, чистый воздух, хорошая видимость. Несколько раз за день насквозь промокал под дождем, а потом вновь высыхал на солнце.

Едем через горы, на которых повсюду видны многочисленные старинные замки, венчающие сопки, как короны. В жуткой темноте – не видно даже своих рук – проезжаем по туннелям, время от времени проносимся по грохочущим мостам над несущимися внизу бурными реками.

Ночью прибыли в Самтредиа. Товарняк дальше не идет. Но здесь к Тбилисской железной дороге подходит Аджарская ветка, и можно будет сесть на Батумский поезд. И я устраиваюсь на вокзале в его ожидании.

11.09.1968. Вчера рано утром в Самтредиа сел на поезд Батуми – Ростов и сразу же как бы провалился в небытие. Сколько я проспал – не помню. Не видел ни Сухуми, ни Сочи, ни Туапсе. Очнулся лишь сегодня утром перед Ростовом. Еще два часа – и вот я в Таганроге, дома…

На следующий день еду в университет, узнать о занятиях, расписании. А там, как оказалось, уже вторую неделю, с 2 сентября, кипит жизнь: идут лекции, лабораторные, практические. А я надеялся до их начала съездить еще куда-нибудь. Очень хотелось побывать в Москве, в МГУ…

"Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал".
(**В.С. Высоцкий**)

5. Путешествие по Средней Азии

После интереснейшего путешествия по Кавказу в 1968 году, возникло острое желание расширить собственную Ойкумену. И летом следующего года, после окончания 2 курса, я организовал другую, еще более дальнюю поездку, теперь – по Средней Азии. Не надеясь уже на участие Вячеслава Данченко, который вновь планировал самостоятельное путешествие в уральскую тайгу, на реку Вишеру, я пригласил в совместный поход своего друга детства – Юру Москаленко, заканчивавшего 1 курс Киевского института инженеров гражданской авиации. Он всю зиму тренировался в Киеве в секции альпинизма и мог оказаться хорошим помощником в сложном переходе по незнакомым горам. Юрий с интересом принял мое предложение пройтись по Тянь-Шаню, тем более что в конце августа его ожидал еще альплагерь на Кавказе, и в результате он мог воочию сравнить эти две большие горные страны.

Еще одним спутником стала Татьяна Саврасова, которая закончила биофак РГУ и по распределению должна была в августе прибыть на работу в город Грозный в Чечено-Ингушетию. Планировалось также участие моего друга-однокурсника Игоря Мацкевича, но он, к сожалению, по разным причинам не смог поехать с нами, однако позже вместе с сокурсником Виктором Иванченко тоже отправился в самостоятельный поход по Средней Азии. В августе друзья добрались через Баку до Красноводска в Туркмении, немного побродили там по пустынному побережью Каспия, купаясь, а также распугивая и расстреливая из ружья страшных, невиданных змей на прибрежных скалах. Когда же у них закончились продукты и деньги, они были вынуждены продать что-то из своего походного снаряжения, и повернули обратно в Ростов.

Мы же готовились к походу более основательно. Правда, у нас тоже был острый дефицит денег, тем более что я в течение семестра не получал стипендии. Поэтому по-прежнему приходилось во многом рассчитывать на удачу. Зимой я читал книги о природе и птицах Средней Азии, собрал необходимые карты, узнал пути через перевалы, детально продумал собственный маршрут путешествия, полностью выполнить который нам, к сожалению, не удалось, прежде всего, из-за недостатка времени.

В родной шосткинской школе я взял напрокат единственную имевшуюся там небольшую палатку совершенно фантастической кон-

струкции. Это был кусок брезента, который растягивался по периметру вокруг шеста высотой около полутора метров. Спать в этом шалаше приходилось фактически на земле, свернувшись калачиком вокруг центрального кола. Но мы были застрахованы теперь на случай возможного дождя. Во время летней практики, будучи проездом в городе Туапсе, я случайно увидел в спортивном магазине свою мечту – «Абалаковский» рюкзак, сконструированный известными братьями-альпинистами Евгением и Виталием Абалаковыми и считавшийся тогда лучшим рюкзаком в России. С нами были теперь также котелки для приготовления еды, и Татьяна Саврасова, знакомая с тайнами кулинарного искусства, обеспечивала нам в походе более качественное питание.

Вновь за плечами было ружье, теперь правда кафедральное, с которым я охотился на птиц в экспедиции по Восточному Предкавказью в мае 1969 года, а затем на полевой практике на Кавказе в июне-июле того же года. Хотя постоянно снабжать нашу группу дичью с помощью ружья мне не удалось, тем более что путешествие наше получилось больше туристическим – по столицам и старинным городам Средней Азии, но в горах Тянь-Шаня я собрал для РГУ небольшую коллекцию шкурок птиц, в том числе добыл трехпалого дятла, черную ворону, бурую оляпку, нарядного соловья-красношейку, горных вьюрков и некоторые другие виды.

Я взял также свой фотоаппарат, так что на память о Средней Азии у нас осталось много снимков. Но вот свободного времени на дневник в походе, в котором приходилось думать теперь за троих и по мере возможности обеспечивать интересы трех разных личностей, уже почти не оставалось, и поэтому восстанавливать хронику того путешествия сейчас приходится в основном по памяти и фотографиям. Печатая эти фотографии осенью, наблюдая, как в кювете постепенно возникали из туманной жидкости вершины и ущелья Тянь-Шаня, я как бы еще раз наяву проходил все эти маршруты, в который раз вспоминая наши летние приключения.

* * *

В середине июля 1969 года, когда мы закончили полевую практику по ботанике и зоологии на Михайловском Перевале за Геленджиком и переехали для продолжения «морской» практики в Новороссийск, я отпросился у ее руководителя, нашего орнитолога Нателы Халиловны Ломадзе, пообещав привезти в РГУ из Средней Азии новые сборы птиц, а для ботаников – лишайники из лесов Тянь-Шаня и водоросли из Аральского моря и горного озера Иссык-Куль. Досрочно вернувшись с Кавказа в Ростов, я сразу же отправился в Шостку, затем вместе с Ю. Москаленко мы приехали домой к Т. Саврасовой в город Сердобск

Пензенской области и уже оттуда через Ртищево, затем через Саратов и Уральск 29 июля 1969 года направились в Среднюю Азию.

За Волгой вдоль железной дороги и среди полей еще тянулись редкие лесополосы, а за рекой Урал мы долго ехали по безлюдным пустыням Казахстана, где однажды из окна вагона удалось заметить даже убегавшую за дальние увалы антилопу-сайгу. Сидевший с нами в купе украинский парень, привыкший к тесноте сёл и полей на Украине, с печалью смотрел за окно и всё время повторял: «Скилькы зэмли гуляе…», подразумевая, что земля здесь не используется в сельском хозяйстве, не дает плодов, урожая, дохода. Но он не подозревал, не знал, наверное, что обширные безводные глинистые пустыни непригодны ни для земледелия, ни для животноводства, и только там, где есть пресная вода, появляется и жизнь!

Утром приехали в Аральск, где планировалась наша первая остановка для очного знакомства с пустынями и Аральским морем. Вышли с рюкзаками на дощатый перрон, где «пустыня» неожиданно приветствовала нас непривычным даже для нашего Ростовского степного лета холодом, низкой сплошной облачностью и мелким моросящим дождем.

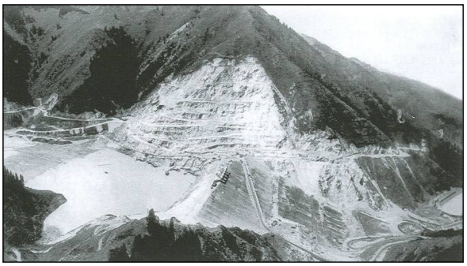
Вот тебе, бабушка, и пустыня… Желания гулять и купаться в Аральском море под дождем ни у кого не было, сколько ждать улучшения погоды мы не знали, и терять здесь время впустую не хотелось. Поэтому посмотрев на ржавые суда, стоявшие у причала, мы дождались следующего поезда в сторону Ташкента, вновь забрались в вагон и направились из Казахстана уже в Среднюю Азию. Оставив безбилетника Юрия с рюкзаками в одном из общих вагонов, мы вдвоем с Татьяной едем туда в отдельном купе полупустого мягкого вагона как пассажиры, случайно отставшие от своего поезда. А вечером «догоняем» в Ташкенте свои рюкзаки и ищем на вокзале укромное местечко для ночевки.

Следующий день в Ташкенте обрадовал нас солнцем и летним зноем. Бродя по городу, попали на огромный, многолюдный и многоголосый рынок, сплошь заваленный горами арбузов, дынь, овощей, фруктов, винограда и других даров среднеазиатского лета. Это видение богатого ташкентского рынка навсегда осталось в памяти как первое впечатление о Средней Азии.

Из Ташкента поездом отправляемся в Алма-Ату, в переводе с казахского – «дед яблок», который встретил нас на следующий день зеленью садов и скверов, журчанием арыков на городских улицах, бело-голубыми вершинами Заилийского хребта в мареве над городом. После прогулки по Алма-Ате, съездили в горы, вверх по долине реки Малой Алматинки, памятной тогда для многих жителей СССР недавним страшным селем, хлынувшим с гор на Алма-Ату, залившим окраины

города и вызвавшим многочисленные разрушения и жертвы среди населения. После того селя ущелье Алматинки в урочище Медео было перегорожено огромной дамбой, защитившей город от слепой стихии.

Но летом 1973 года, уже после нашего путешествия, там случился еще более грозный сель, чуть не закончившийся для Алма-Аты катастрофой. И лишь благодаря этой плотине и самоотверженному героизму строителей, несколько дней и ночей спасавших плотину от разрушения грязекаменным потоком, переполнившим запруду, удалось отстоять прекрасный город и жизни сотен людей.



Селевое озеро в «ловушке» в 1973 году. https://sites.google.com/site/semirechje/alma-ata/alma-ata-medeo-sel-1973-g

Стадион «Медео», вид с плотины. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BE#mediaviewer/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Medeu-_4.jpg

Доехав до Медео, мы поднялись на плотину по бесконечной каменной лестнице, насчитывавшей более 600 ступеней, посмотрели сверху на строившийся спортивный комплекс с высокогорным катком «Медео», прошлись по дамбе, любуясь лесистыми ущельями и заснеженными гребнями гор Тянь-Шаня, видневшимися вдали на юге. Где-то там в то время начинал интереснейшие, фундаментальные исследования экологии горных птиц тогда еще практически не известный мне А.Ф. Ковшарь, которому через 40 с лишним лет было суждено возглавить и возродить оказавшееся в кризисе международное Мензбировское орнитологическое общество. И моя встреча и знакомство с Анатолием Федоровичем состоялись лишь много-много лет спустя…

К вечеру же мы вернулись в Алма-Ату. Но поскольку тупиковый железнодорожный вокзал на ночь здесь до утра закрывали, пришлось отправиться за город в аэропорт, где вместе с многочисленными пассажирами, ожидавшими свои авиарейсы, мы устроились в уголке на ночевку, постелив для приличия прямо на полу свежие газеты.

На следующий день с утра выходим в горы на перевал Алматы через Заилийский хребет. По долине Большой Алматинки выехали

в пригороды столицы Казахстана, затем долго поднимались вверх по дороге до старинного бальнеологического курорта Алма-Арасан и неподалеку от него разбили свой первый лагерь в горах, приноравливаясь у вечернего костра к походной жизни, опробуя нашу оригинальную палатку и котелки для еды. На второй день по нахоженной туристской тропе вдоль реки Проходной, левого притока Алматинки, прошли еще немного вверх, но идти с непривычки с тяжелыми рюкзаками, набитыми 10-дневным запасом провианта, было тяжеловато, особенно Татьяне. Поэтому на третий день, добравшись до верхней границы еловых лесов, где мы нашли пустовавший балаган лесорубов, устроили днёвку для отдыха и акклиматизации.

Второй лагерь среди ельников на р. Проходная, Заилийский Алатау.

Лагерь среди арчевников в устье реки Северная Орто-Койсу, Кунгей-Алатау.

Здесь нас окружали огромные тянь-шаньские ели, в одиночку и группами стоявшие на склонах среди высокотравных субальпийских лугов и малинников. По утрам, когда склоны еще покрывал редеющий туман, лучи солнца, поднимавшегося из-за гор, пробивались через ели яркими, сияющими в белесой кисее золотистыми веерами. Ельники на рассвете были полны различных, незнакомых мне птиц, порхавших и перекликавшихся в густых кронах деревьев, среди кустарников и на курумниках по полянам, и я долго бродил с ружьем по росистой траве близ лагеря, наблюдая и скрадывая пернатых.

Во время одной из утренних прогулок я заглянул также в ближайшее боковое ущелье и там на большой каменной осыпи у подножия северного склона случайно заметил череп тэка (сибирского горного козла) с огромными, закрученными рогами, погибшего, вероятно, в зимней лавине. С этим бесценным трофеем я и вернулся в лагерь. У Юрия от зависти чуть не капали слезы. Я понимал его чувства, и мне было искренне жаль друга. Но разузнав о месте находки, он быстро отправился

туда, и каково же было наше удивление и радость, когда через полчаса Юра тоже пришел к палатке с точно таким же черепом тэка!

Паритет был восстановлен. Мы водрузили эти тяжелые рога на свои рюкзаки, упрятав черепа внутрь, и потом почти месяц носили их на своих плечах, вызывая удивление и зависть у знатоков и охотников. Но однажды в Киргизии они оказали нам большую подмогу в преодолении обширного «безжизненного» пространства в горных степях по долине реки Сусамыр. Мы попали к Сусамыру на попутных тяжелых грузовиках-трубовозах, направляясь из города Фрунзе (Бишкека) в город Ош, а затем на развилке дороги в степной долине остались одни в ожидании следующей попутной машины. Но, как оказалось, здесь незадолго до нашего приезда началась эпизоотия ящура среди домашнего скота, и дороги для случайного автотранспорта были перекрыты блокпостами с солдатами. Поэтому машин почти не было, и мы до вечера простояли в их ожидании под солнцем, где негде было даже спрятаться в тень.

На ночь пришлось проситься к киргизским чабанам в юрту, поскольку ни поставить палатку, ни разжечь костер мы не могли из-за отсутствия деревьев. На следующий день с утра вновь долго стоим на обочине дороги, пока, наконец, возле нас не останавливаются два тяжелых мотоцикла с колясками – «Уралы», на которых охотинспекторы из города Фрунзе проводили проверку своих угодий. У меня потребовали охотничий билет (разрешений милиции на хранение и ношение охотничьего оружия, будь-то своего или чужого, в те времена еще не требовалось!), а также проверили черепа наших тэков, не добыты ли они в горах без лицензий.

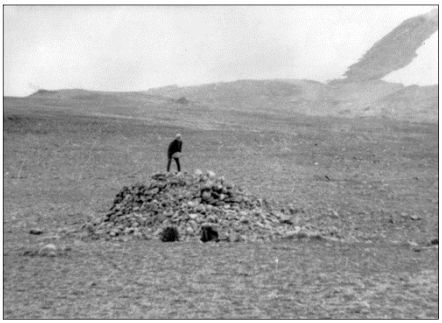
Удостоверившись, что мы не браконьеры, а студенты-зоологи из далекого Ростова, они согласились подвезти нас в попутном направлении. И с этими безвестными для нас киргизскими инспекторами мы ехали потом на мотоциклах почти весь день, около 300 км до города Оша, увидев по пути мощный, грозный Нарын, бившийся в теснине об отвесные скалы, посмотрев строительство грандиозной Токтогульской ГЭС в глубоком каньоне на том же Нарыне. К сожалению, дорога эта, как и вообще все пути при быстрых переездах на автотранспорте, запомнилась мне мало.

Вернувшись из путешествия в Ростов, я подарил рога тэка нашему заядлому охотнику Игорю Мацкевичу в память о его несостоявшейся экспедиции Среднюю Азию, и они потом долго, до его гибели, украшали кабинет в новом доме Игоря на улице Гастелло. А Юра оставил своего тэка в Шостке, где рога до сих пор висят на стене в гостиной Владислава Москаленко.

На четвертый день похода уже под вечер мы достигли сравни-

тельно пологого перевала Алматы (3599 м над уровнем моря) через Заилийский хребет. Здесь нас накрыло плотное облако с холодным дождем и зарядом снега, и вдруг через эту белую тучу мимо нас низко пронесся огромный рыжий бородач, встреченный мною впервые в жизни. Перевалив на южную сторону хребта и немного спустившись вниз, мы вскоре оказались под тучей. Дождь стих, но на высокогорном пастбище джайляу в мокрой одежде на ветру было холодно, и мы поспешили вниз к большой одинокой юрте, видневшейся вдали. Хозяева юрты – семья пожилых казахов, пасших летом на джайляу скот, прикочевавший из знойной степи, – гостеприимно приютили на ночь замерзавших, голодных студентов-путешественников. Нас обогрели в юрте, накормили, и мы в благодарность за это достали из своих запасников в рюкзаках флакончик с нашим дефицитным «лекарством».

Верховья реки Проходной. Вид на перевал Алматы.
http://velotyanshan.narod.ru/photo/2004-07-10/imagepages/image16.htm



Тур на перевале Алматы (3619 м н.у.м.). Граница Казахстана и Киргизии.

Казахская юрта среди джайляу на хребте Заилийский Алатау.

С разрешения хозяев мы остались в юрте еще на день, чтобы отдохнуть и просушиться после снежного перевала. И следующим днем казахи накрыли у очага в своей круглой юрте низенький стол и пригласили нас на обед. Сначала пили чай, но не зная, что по казахским обычаям, напившись, надо было переворачивать пиалы вверх дном, мы ставили их на стол, и хозяйка из-за спины без устали наполняла нам эти чашки, внимательно следя, чтобы они всё время были с чаем. А после чая на стол поставили большой таз с горячим, еще дымящимся варёным мясом барашка. Но наши желудки к тому времени были уже переполнены чаем, и нам оставалось лишь ради приличия отщипнуть по кусочку баранины и попробовать ее вкус, еще раз поблагодарив хозяев за необычайно вкусный обед и за их гостеприимство.

После обеда, пользуясь возможностью, мы с Юрой ради тренировки и для знакомства с горами, сбегали налегке на соседнюю вершину, высота которой, судя по картам, составляла 4006 м над уровнем моря! Но гора, довольно крутая внизу, на плоской вершине была покрыта россыпями щебня и обширными полями неглубокого снега и не представляла никаких проблем для подъема на такую высоту даже для неподготовленных туристов, что разительно контрастировало с Кавказом, где альпийские вершины четырехтысячников уже практически недоступны для дилетантов.

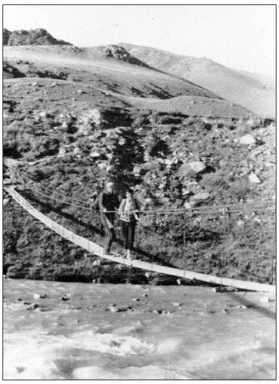
Вершина 4006 м н.у.м. на хребте Заилийский Алатау

Распрощавшись следующим утром с гостеприимными казахскими чабанами, мы начали спуск вниз и днем достигли разделявшей Заилийский и Кунгей-Алатау широкой продольной долины реки Чонг-Кемин. Долина была покрыта горными степями, и мы долго шли вдоль реки под палящим солнцем в поисках переправы, показанной на картах. Лишь к вечеру перебрались на левый берег Чонг-Кемина, нашли боковое ущелье, по которому тропа шла дальше на перевал Кок-Айрык через Кунгей-Алатау, и в его устье остановились еще на одну днёвку.

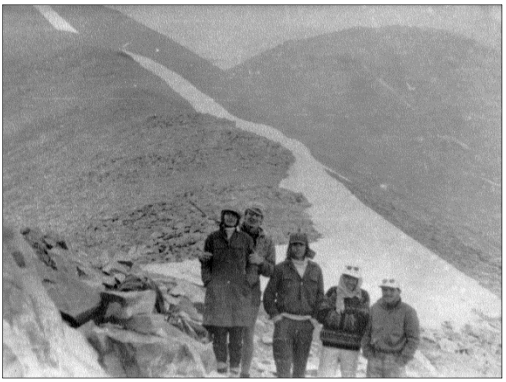
Здесь в ущелье вновь появились ельники, а также корявые арчев-

ники. На степных участках в долине среди камней было много тяньшаньских сурков, но охота на них с моим дробовиком оказалась малоэффективной, поскольку подранки всегда успевали скрыться в глубоких норах под камнями. Лишь появление местного чабана-киргиза позволило нам попробовать эту дичь. Чабан с помощью своей мелкокалиберной винтовки вскоре подстрелил и привез нам крупного, жирного зверька, шкурку которого я снял для коллекции в РГУ, а мясо мы сварили и, несмотря на его специфичный, непривычный запах, с аппетитом съели. Чабан метко «снял» для нас также местную черную ворону, прилетевшую к лагерю и сторожко дежурившую неподалеку на вершинах елей. В горной степи появились стайки клушиц, по ручью были нередки обыкновенные и бурые оляпки, однажды мне удалось увидеть даже таинственную синюю птицу!

Долина реки Чонг-Кемин
http://barrier.marshruty.ru/Travels/Travel.aspx?Page=6&TravelID=7ba0624b-752a-473e-9c4c-0203fa6645b5



Мост через Чонг-Кемин, 1969 г.



Перевал Кок-Айрык (3890 м н.у.м.), Кунгей-Алатау. Татьяна, я, Юра и питерцы.

Отдохнув здесь, начали подъем на Кунгей-Алатау, через 10 км с большим трудом преодолели следующий, засыпанный снежниками перевал Кок-Айрык (3890 м над уровнем моря), оказавшийся лишь чуть ниже вершины, на которую мы поднимались с Юрием на Заилийском хребте, после чего начали спуск к Иссык-Кулю. Вечером, почти достигнув выхода из ущелья в озерную котловину, остановились на ночевку у ручья в широкой долине, где стояли две юрты киргизских чабанов. В одну из них пустили на ночь нашу компанию, а в другую – двух ребят-питерцев, тоже шедших из Алма-Аты и догнавших нас в долине Чонг-Кемина. Но небогатая, многодетная семья, жившая в нашей юрте, не особенно привечала любопытных туристов, и мы с киргизами общались здесь мало, лишь сфотографировавшись с ними утром на прощание.

Переночевав в юрте, продолжили спуск по ущелью, вскоре вышли на плоскую, освоенную земледельцами равнину в озерной котловине Иссык-Куля и еще долго шли по ней под палящим солнцем, пока не достигли, наконец, берега озера на окраине поселка Чон-Сары-Ой близ Чолпон-Аты. В общем, на переход от Алма-Аты до Иссык-Куля мы затратили 10 дней, тогда как тренированные спортсмены ходили иногда из Казахстана купаться на Иссык по проторенной тропе всего за два дня! Но мы не интересовались сейчас спортивными достижениями. Главным для нас было знакомство с новым, неизвестным ранее миром, природой, людьми Средней Азии.

Перевал Кок-Айрык с севера. Перевал Кок-Айрык с юга.
Фото Т. Скородумовой, 20.07.2011
http://barrier.marshruty.ru/Travels/Travel.aspx?Page=6&TravelID=7ba0624b-752a-473e-9c4c-0203fa6645b5

В последующие годы через два перевала между Алма-Атой и Иссык-Кулем проложили автодорогу, а на перевале Кок-Айрык меж двух скал поставили триумфальные железные ворота со знаменательной надписью о большом значении этого пути. Но после того как по Заилийскому хребту прошла государственная граница между Казахстаном и Киргизией, дорогу забросили. Ну а вода, снег и осыпи быстро сделали свое дело.

Лагерь на Иссык-Куле
у пос. Чон-Сары-Ой.

Прощание у Иссык-Куля:
питерцы Боря и Шурик, я, Таня и Юра.

Накупавшись в Иссык-Куле, мы отбыли на попутке в село Рыбачье на западной окраине озера, а затем по долине реки Чу, отделявшей Кунгей-Алатау от Киргизского хребта, проехали в столицу Киргизии – город Фрунзе (нынешний Бишкек). Переночевав, выспавшись там еще раз в аэропорту на газетках, на следующий день отправились далее через Киргизский хребет в сторону города Ош. По знаменитому памирскому тракту Хорог – Ош, через перевал Кызыл-Арт на Заалайском хребте, я надеялся попасть еще и на Памир, чтобы увидеть там высокогорные пустыни с тибетскими саджами, а также озеро Каракуль, где гнездились эндемичные бароголовые чайки, и хотя бы издали взглянуть на один из высочайших семитысячников СССР – пик Ленина.

В кузове грузовика вверх на Соленый перевал Тюз-Ашу на Киргизском хребте

Однако из-за недостатка времени мы были вынуждены отказаться от памирского похода. Нам нужно было возвращаться в Европу, где Татьяну Саврасову – «пропавшую» выпускницу – в городе Грозном уже искала милиция, а Юра Москаленко торопился попасть на свою смену в альплагерь на Кавказе. Поэтому из Оша мы повернули на северо-запад, на

попутном грузовике быстро доехали до Андижана, вновь оказавшись в Узбекистане, и там впервые досыта наелись, купив в чайхане по огромной пиале настоящего, необычайно вкусного, душистого узбекского плова.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D0%BA_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0#mediaviewer/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Stamp_of_Kyrgyzstan_233a.jpg

http://www.climbingclub.ru/pamir/lenin_peak/

Из Андижана уже на поезде отправились через Ферганскую долину в Самарканд, который особенно запомнился нам многочисленными величественными памятниками старины. И мы долго бродили по городу, любуясь прекрасными старинными мечетями, минаретами и медресе на Регистане, мавзолеем Шахи-Зинда, обсерваторией Улугбека, древними развалинами, связанными с именем Тамерлана – Хромого Тимура.

Регистан, медресе Шир-Дор. Подставка для Корана у мечети Биби-Ханым.

Здесь у нас практически закончились еще и деньги. На последние копейки я отправил домой телеграмму с просьбой прислать денежный перевод в Ашхабад, на Главпочтамт до востребования, и мы отправились туда уже на товарняке, на платформе с распиленными досками, в тени которых могли прятаться от обжигающего солнца, и целый день с ветерком катили через пустыню Каракумы.

Стояли жара и зной. На станциях местные жители стаканами и кружками продавали мутную, дефицитную пресную воду. На одном из полустанков, где остановился наш товарняк, я купил за несколько копеек большой арбуз, но когда мы разрезали его на своей платформе, он оказался кормовым – белым и совсем безвкусным. Его можно было есть только лишь для того, чтобы пополнить запасы влаги в организме.

С комфортом на товарняке через Ворота Тамерлана…

Перед Ашхабадом, в приграничных с Ираном районах, пересели на поезд и долго ехали под охраной пограничников, стоявших в открытых тамбурах с оружием, чтобы, не дай бог, пассажиры не убежали через знойный, пустынный, безлюдный Копетдаг за границу… За бортом вагона была такая жара, что обжигало руку, высунутую в окно на ходу поезда!

В Ашхабаде, оставившем очень приятное впечатление широкими, просторными улицами, легкими, ажурными белыми домами, фонтанами на солнечных площадях, я быстро нашел Главпочтамт, получил по переводу 25 рублей и отправился на вокзал, где меня остались ждать Татьяна и Юра.

Сохранившиеся проездные билеты…

Из Ашхабада мы уехали в Красноводск (ныне Туркменбаши), где взяли самые дорогие за всё путешествие билеты по 2 рубля 50 копеек на паром до Баку – на палубе, IV классом. В результате из присланной мне суммы осталось чуть больше половины. Но Баку был уже на нашем берегу, на знакомом Кавказе, и до финиша оставалось чуть-чуть…

Ночное плавание на пароме через Каспий тоже почти не осталось в памяти. Могу привести здесь лишь любопытные воспоминания Алексея Ефимовича Моисеева, известного профессора-энтомолога из Ростовского пединститута, который в свои студенческие времена, в далеком 1936 году, тоже плыл на этом пароме, возвращаясь в Ростов из Средней Азии, где проходил преддипломную практику.

* * *

«Красноводск невзрачный городишко, разбросанный на прибрежных холмах. Кругом пустыня. Море рядом, но воды в городе нет. Питьевую воду привозят. Однако Красноводск важный порт. В этом его значение. Морской паром, забирающий одновременно тысячу пассажиров, стоял наготове у причала порта. До Баку поперек моря 280 километров. Утро ясное, тихое, море спокойное. С высокого борта парома через прозрачную и спокойную воду видно морское дно. Пассажиры разместились в помещениях под палубой и в трюме. Немногие остались на палубе среди закрепленных лебедок и разного оборудования. Я расположился на палубе у борта с тем, чтобы любоваться морем. Даже пожалел, что море спокойное, и поездка не доставит острых ощущений.

Паром отошел в одиннадцать часов дня. Рядом со мной у борта стояли мужчина и женщина примерно тридцатилетнего возраста, любовались морем. Судя по интонации голоса и поведению мужчины, это были не муж и жена. Сначала паром шел спокойно, затем к концу дня усилился ветер, поднялась волна. Началась качка. Ветер срывал пену с гребня волн. Матросы, обслуживавшие паром, забегали по палубе, спешно убирая висящие на реях похожие на паруса какие-то большие полотна. Пассажирам они предложили спуститься в трюм. Ветер усиливался. С берега сообщили: шторм семь баллов. Волны величиной с двухэтажный дом ударяли в нос и несколько в бок судна. Волна каспийская особенная, крутая. Паром то поднимался носом на волну, то падал в глубокую межволновую яму. Через борт волны не перекидывались, только обдавали палубу прохладными брызгами. На палубе людей осталось мало, ушли в трюм. Началась морская болезнь – рвота.

- Смотрите не на ближние волны, а вдаль. Это избавляет от рвоты, – говорил мне и женщине стоящий рядом мужчина. Но вскоре у него самого началась рвота, и он куда-то исчез. Немного позднее, почувствовав неладное, ушла и женщина. Я не уходил в вонючий трюм, стоял

у борта и старался смотреть вдаль. Но настала и моя очередь. Сдерживать рвоту стало не в силах. На противоположной стороне палубы, ближе к носу парома встроена раковина умывальника и краник с водой. К нему я и направился. Идти было невозможно, бросало из стороны в сторону. Цепляясь, то за один, то за другой закрепленный на палубе предмет, с трудом добрался до умывальника, а потом и обратно к месту, где лежала моя сумка. Палуба и все, что было на ней, имели неприглядный вид, были испачканы людьми. Рвота не проходила, приступы ее чередовались один за другим. В желудке, кажется, давно уже ничего не осталось, а его всё выворачивало наизнанку. Терпеть не было мочи.

Спасение пришло неожиданно: я лег на палубу головой к борту, под голову положил сумку и закрыл глаза. Позывы к рвоте прекратились. Открою глаза – болезнь начиналась снова. Уже стемнело, волны продолжали обрызгивать палубу, но холодно от брызг не было. Лежа с закрытыми глазами, я уснул и проснулся перед рассветом, когда море успокоилось. Проснулись люди и в трюме. Некоторые из них недосчитались своих вещей, воры не дремали. Моя сумка, в которой лежала тысяча рублей, заработанных за лето, видимо никому не приглянулась, да и вид студента, спящего на голой палубе, без всякой подстилки, вряд ли мог заинтересовать вора. Паром опоздал прибытием в Баку на четыре часа. Поезда не ходили – на суше был ливень с грозой, размыло пути. В Ростов я приехал утром, а в Новошахтинск электричкой вечером того же дня» (Моисеев А.Е., 2004. О Времени и о себе.- Ростов-на-Дону: http://www.moiseev.su/history/index.htm).

* * *

Мы же прибыли в Баку 27 августа. В знакомом мне по 1968 году городе я провел друзей по красивейшей приморской набережной, мы еще раз поднялись вместе на башню Гыз-галасы, осмотрев город сверху. Потом мы распрощались с Юрием, уехавшим в альплагерь в Грузию, и сами тоже направились в город Грозный. Путь до Грозного оказался для нас полон новых неожиданных приключений, но это уже совсем другая тема для разговора.

Приехав в Грозный, мы в последний раз разбили свою палатку в сквере на большой площади перед «Белым Домом», и рано утром нас разбудили там тяжелые шаги первых прохожих, спешивших в сапогах по асфальтовой дорожке куда-то на работу. На Ацетобутиловом заводе (АБЗ) близ реки Сунжи на западной окраине города, где на производстве срочно требовался грамотный микробиолог, Татьяну уже давно ждали. Ей сразу же выделили отдельную комнату в семейном общежитии. Затем мы сходили в ЗАГС, и только после этого 31 августа я отправился в Ростов готовиться к началу нового учебного года.

Башня Гыз-Галасы в Баку в разные времена…

Художник А. Боголюбов, 1874 г.

* * *

В конце августа в Ростов вернулся из тайги и Вячеслав Данченко. Он почти месяц провел в одиночку в таежной глуши на реке Вишере, кормя там многочисленных голодных комаров. По его рассказам, питался он почти одними грибами и ягодами, поскольку многочисленные рябчики, отъедавшиеся в это время в основном на черничниках, имели синее, очень кислое, неприятное на вкус мясо, и были непригодны в пищу. В связи с этими воспоминаниями Славика тогда мне вспомнился также интересный рассказ Э. Сетона-Томпсона о североамериканских индейцах, которые в прошлом по вкусу мяса своих таежных птиц, как по календарю, определяли месяцы, времена года.

Однажды в июле 1990 года мне тоже довелось побывать в тех северных краях, на реке Вычегде, и я прекрасно представляю себе условия многодневного пешего похода с тяжелым рюкзаком по заболоченной тайге. Оставшись на ночь в лесу без палатки, я вынужден был бежать тогда несколько километров к спасительной тригонометрической вышке, поднимавшейся высоко над лесом, которую приметил еще днем у дороги. Только взобравшись на ее верхнюю площадку, я скрылся от комаров, и там, привязавшись к опоре, смог поспать пару часов, а затем

долго наблюдал сверху незабываемый туманный рассвет и восход солнца над тайгой.

Славик, отощавший на грибной диете, к концу своего путешествия уже едва бродил по тайге. Наконец он выбрался к заброшенной деревушке на берегу реки, разобрал там старый бревенчатый дом, связал из бревен плот и уже на нем отправился дальше вниз по течению Вишеры. Спасшись посреди реки от злых комаров, он разделся и обессиленный лежал на плоту, отдавшись течению и молча созерцая проплывавшие мимо берега. А в редких жилых селениях, встречавшихся у реки, встревоженные жители выходили к Вишере и созерцали неподвижно лежавшее на плоту голое тело человека, вслух рассуждая, жив он или мертв. Когда их разговоры достигали ушей Вячеслава, он нехотя поднимал руку и ответствовал им, что, мол, еще живой…

* * *

В последующие годы мне довелось еще несколько раз побывать в Средней Азии. В 1988 и 1989 годах я трижды поднимался к Медео, где на обширных галечниках выше дамбы в котловине селеловушки, заполненной катастрофическим селем 1973 года, мы нашли гнездовья редчайшего эндемика центральноазиатских высокогорий – кулика-серпоклюва. Однажды я прошел из Медео мимо урочища Чимбулак по проложенной в ущелье дороге до селезащитной плотины Мынжилкы – почти до верховий Малой Алматинки, сильно обгорев без рубашки под высокогорным ультрафиолетом, хотя солнце тогда весь день пряталось в низких, плотных облаках.

Однажды осенью я побывал также в предгорьях Киргизского хребта – на реке Талас у города Джамбула, который в прошлом и сейчас вновь называют по имени этой реки Тараз («весы»). В том же году пришлось работать в низовьях реки Чу в пустыне Муюнкум, или Мойынкум (в переводе с казахского – в «песках верблюжьей шеи»). Еще два весенних сезона я провел в дельте реки Или среди пустынь Прибалхашья.

Все эти строго регламентированные научные поездки дали много интересных, важных материалов по орнитофауне Казахстана. Но наиболее яркие, богатые и разнообразные, ни с чем не сравнимые впечатления о Средней Азии оставила, конечно же, та наша давняя студенческая поездка. На основе таких впечатлений позже нередко закладываются и будущие научные интересы начинающих исследователей. Возможно поэтому вся моя дальнейшая орнитологическая деятельность и была связана в основном с изучением птиц Юга Палеарктики – гор Кавказа и Средней Азии, степей и пустынь России и Казахстана…

"Люди идут по свету.
Им вроде немного надо.
Была бы прочна палатка
Да был бы не скучен путь!"
(И. Сидоров)

6. Первые научные экспедиции

Важную роль в моем развитии как профессионального орнитолога сыграли две научные экспедиции кафедры зоологии РГУ, в которых я участвовал, будучи студентом 2 и 5 курса, в 1969 и 1972 гг. Обе они были организованы заведующим кафедрой доцентом Н.С. Олейниковым, причем первая из них была сугубо орнитологическая, с участием ассистента Б.А. Казакова, активно собиравшего в тот период материалы для своей кандидатской диссертации по птицам Предкавказья. В ходе этой поездки он планировал получить новые данные для сравнительного анализа орнитофауны западной и восточной половины этого большого региона. Кроме того, в экспедиции приняла участие орнитолог Надежда Круглова (Ирисова), заканчивавшая в 1969 году 5 курс РГУ и позже уехавшая по распределению на Алтай, в Алтайский заповедник.

А вторую экспедицию, как я уже говорил ранее, Н.С. Олейников запланировал для сбора ихтиологических материалов аспирантом В.Г. Позняком, закончившим РГУ в 1971 году. В этой экспедиции, кроме самого аспиранта и его руководителя, участвовали еще 4 пятикурсника-зоолога: В. Белик, И. Мацкевич, Ю. Кожевникова и Л. Леванюк. К сожалению, по личным причинам отказался от экспедиции В. Данченко, что заметно снизило эффективность наших орнитологических исследований. Зимой он совершенно неожиданно для всех нас женился на студентке 2 курса Лене Бойченко, и поэтому двухнедельная поездка стала для него невозможна.

В первую экспедицию я готовился заранее, но попал в нее фактически уже лишь в самый последний момент. В деканате мне поставили условие, что разрешение на поездку получу только после ликвидации «хвостов». И вот в начале мая 1969 года, уже после отъезда экспедиционной группы из Ростова, я отчитался по органической химии у Г.А. Корольченко, сдал все текущие зачеты и 5 мая выехал в Ставрополь, где мы заранее договорились встретиться на квартире зоолога Ставропольского противочумного института П.Ф. Емельянова, который был соискателем у Н.С. Олейникова, занимаясь изучением грызунов как носителей чумы в Нахичевани в Закавказье.

Экспедиция же, отправившаяся в путь 1 мая, провела несколько дней в пойме Кубани в Новомихайловском и Барсуковском лесничествах между городом Кропоткиным и Невинномысском, где Б.А. Казаков коллектировал дендрофильных птиц для выяснения их подвидового статуса в Западном Предкавказье. Затем 5 мая экспедиционная группа приехала в Ставрополь, остановившись в большом нагорном Татарском лесу у села Татарка на склоне Ставропольского плато, а 6 мая в ее состав вошел и я.

Мое появление в палаточном лагере в лесу, куда мы приехали днем из Ставрополя вместе с Н.С. Олейниковым, чуть было не закончилось трагически. Б.А. Казаков, встречая нас у палаток, обратил внимание Николая Сидоровича на певшую неподалеку зеленушку, сказав, что желательно было бы добыть ее для коллекции. Н.С. Олейников тут же достал своё ружье-безкурковку и со словами: «Ну-ка попробуй, подстрели эту птичку!» – протянул его мне. И буквально в момент передачи ружья из рук в руки грянул грохот выстрела. Сноп дроби, рванувший из ствола, пробил крышу хозяйственной палатки, в которой кашеварила у кастрюль Надя Круглова. Счастье, что она в тот момент наклонилась, и заряд пронесся буквально над ее головой.

В связи с этим происшествием вспомнили экспедицию И.Б. Волчанецкого в 1958 году по Западному Кавказу, в которой тоже произошел похожий случай, закончившийся, к несчастью, трагически. Студента Харьковского университета, принимавшего участие в той поездке и случайно погибшего от самопроизвольного ружейного выстрела, пришлось везти домой, в Харьков. Экспедиция же продолжила тогда работу в горах…

* * *

Мы простояли в лесу у села Татарка еще два дня. Я интенсивно экскурсировал в окрестностях, изучая фауну, распространение и численность пернатых и добывая из кафедрального дробовика в основном мелких воробьиных птиц для последующего таксономического анализа. Потом вместе с Борисом Александровичем мы садились препарировать их, снимали шкурки и набивали тушки. Помогала нам заниматься таксидермией также Надя, иногда брался за скальпель и Николай Сидорович.

Раньше, еще в школе, я уже пробовал делать чучела птиц и зверей. Пользуясь руководствами и рисунками в справочниках и охотничьих журналах, я изготовил тогда неплохое чучело большого тушканчика, пойманного друзьями в окрестностях Шостки в середине 1960-х годов. Тушканчик этот простоял в моей комнате в шосткинском доме фактически до начала XXI века, когда пришлось расставаться с родными пенатами. А чучело кота, которое я оставил в школьном кабинете биологии для просушки, на следующий день пожилая уборщица чуть было не смахнула со стула веником, выгоняя непрошенного «зверя» из комнаты.

На чердаке нашего дома долго пылилось также чучело злополучного грача-подранка.

Уже на 1 курсе, зимой, я собрал в Шостке для РГУ небольшую коллекцию тушек мелких лесных птиц – пищух и разных северных синиц, а чучело нарядной синички-гренадерки украсило мой книжный шкаф в шосткинском доме. Немного поднаторел я в изготовлении тушек птиц также во время своей прошлогодней поездки по Кавказу. Но в экспедиции приходилось учиться работать быстро и тщательно, препарируя иногда серийный материал под пристальным взглядом профессионала Б.А. Казакова.

Тушки постепенно получались всё лучше, хотя изъяны оставались, и этот мой особенный «почерк», получавшийся в результате не совсем удачной заправки головы птиц в бандаж, был заметен иногда и в дальнейшем. Хотя позже даже сам Лео Суренович Степанян, крупнейший московский орнитолог-систематик, всю жизнь коллектировавший птиц, как-то отметил мое мастерство в изготовлении тушек.

Лес у села Татарки был в то время сравнительно молодым, светлым, тем более в начале мая, когда еще только начинали вегетировать многие широколиственные деревья. Лишь в балках у ручьев поднимались густые, более спелые древостои. А вокруг леса, у хуторов на склонах возвышенности, тогда преобладала сухая, сбитая домашним скотом степь, к настоящему времени сменившаяся там во многих местах высокотравными лугами.

Весна на высоком Ставропольском плато заметно запаздывала даже по сравнению с Ростовом. Но по кустарниковым опушкам через каждые 100-200 метров азартно пели необычные для нас южные соловьи, мешая спать по ночам. Однако с зимовки сюда еще не вернулись жулан и чернолобый сорокопут, садовая и черноголовая овсянки, сизоворонка, сплюшка и ряд других птиц. Тем не менее, нам удалось обнаружить здесь несколько редких или неизвестных прежде для этого района видов: вертишейку, зеленого дятла, обыкновенного сверчка, славку-завирушку, ополовника и др. Бросилась в глаза также очень низкая численность птиц-дуплогнездников, среди которых не оказалось клинтуха, неясыти, многих дятлов, мухоловок, синиц, поползней и пищух, характерных для лесов Кавказа. На Ставропольском плато не были найдены тогда и другие лесные птицы (лесная завирушка, желтобрюхая пеночка, дрозд-деряба, снегирь и др.), условия для обитания которых там, казалось бы, были вполне пригодны. Лишь в последние десятилетия некоторые из перечисленных видов начали заселять Ставропольские леса, проникая туда, очевидно, с Кавказа в ходе естественного расселения.

Из Ставрополя 8 мая мы переехали к городу Георгиевску, где

остановились в лесистой пойме Подкумка у села Лысогорка. Здесь весна была уже в полном разгаре. С юга прилетели даже самые поздние птицы: чеглок, коростель, сплюшка, сизоворонка, жулан, чернолобый сорокопут, садовая и черноголовая овсянки. Однако здесь оказалось еще меньше дуплогнездников, отсутствовали вертишейка, зеленый дятел и лазоревка, встреченные у Ставрополя, совершенно выпал из фауны весьма обычный в более западных районах лесной конек. Возможно, леса на Подкумке из-за аридизации климата и упрощения лесных экосистем имели более бедную, чем на Кавказе, кормовую базу для требовательных лесных, неморальных видов птиц, что начало сказываться уже на Ставропольском плато и еще резче проявилось в более засушливых восточных районах Ставрополья?

В то же время ландшафты на Подкумке были значительно разнообразнее и интереснее, чем на Ставропольском плато. В глубокой корытообразной долине зеленели старые пойменные леса, недалеко за лесом начинались луговые пастбища, бурная река несла мутные воды, отлагая небольшие илистые косы в излучинах, среди лугов были нередки заросшие старицы и небольшие понижения с водой. С высокой террасы, фактически с коренного берега долины Подкумка, открывался вид далеко на юг, где по утрам над горизонтом поднимался в небо заснеженный двуглавый купол потухшего вулкана Эльбруса. А среди степи на юго-западе тянулась цепь несостоявшихся вулканов – лакколитов Минераловодской группы, которые вспучились над равниной под давлением магмы в подземных жерлах. Наиболее крупный из них – Бештау – однажды, по-видимому, всё же взорвался, оставив кальдеру с туфом, окруженную пятью скалистыми, зубчатыми вершинами. Отсюда произошло и его тюркское название Беш-Тау, т.е. «Пять гор». Хотя местные легенды рассказывают о Бештау и других соседних лакколитах совсем другие, красивые лирические истории, связывая их с жизнью древних племен Кавказа.

* * *

«В давние времена, когда на месте горных цепей Кавказа простирались плодородные равнины, здесь жили легендарные богатыри-нарты. Предводителем у них был могучий князь Эльбрус. Имел он сына, бесстрашного джигита и воина Бештау. Понимал он язык зверей, и всегда в походах по лесам и долинам его сопровождали ловкая, бесшумная Змея, выносливый Верблюд, силач Бык, свирепый Лев.

Однажды увидел Бештау красавицу Машуку в соседнем селении, и вспыхнула между ними пламенная любовь. Пришел он к отцу, попросил разрешение на свадьбу. Три дня и три ночи гуляли на ней нарты. Но все мрачнее и мрачнее становился Эльбрус, в сердце которого закралась

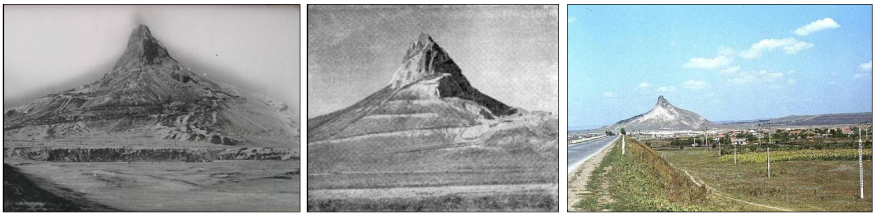
запоздалая, испепеляющая любовь к юной Машуке. И задумал он черное дело. Позвал Эльбрус сына и велел ему отправляться в дальний набег на свирепое племя эмегенов, пожирателей людей.

Не посмел ослушаться отца Бештау, собрал своих молодых джигитов и ушел в дальние земли. Долго он не возвращался, и Эльбрус распространил слух о гибели Бештау и силой заставил Машуку стать его женой. Надел он ей массивное золотое кольцо на палец, заточил в своей сакле.

Но не погиб Бештау, и однажды поздним вечером с богатой добычей вернулся с товарищами в родное селение. Первыми встретили его Змея, Лев, Верблюд и Бык, рассказали ему о коварстве отца. Прокрался Бештау к сакле, где находилась Машука, увидел ее плачущей и тоскующей. И решили они бежать в дальние края. Глухой ночью в сопровождении верных друзей отправились они на север, где простирались глухие леса. По дороге Машука сбросила ненавистное обручальное кольцо.

Наутро Эльбрус обнаружил отсутствие Машуки, собрал своих воинов и кинулся в погоню за беглецами. И вот здесь, где сейчас высятся горы-вулканы, разгорелась битва между отцами и детьми. Храбро бились молодые джигиты, помогали им Лев, Бык, Змея и Верблюд. Но сила была на стороне зрелых воинов.

Погибли друзья Бештау, и сошлись один на один отец с сыном. Поднял Бештау свой меч и разрубил Эльбрусу голову на две части. Но богатырь собрал все силы, сбил железный шлем с головы Бештау и рассек сына на пять частей. Упал замертво джигит. Плачущая Машука склонилась над ним, выхватила из-за пояса любимого кинжал и вонзила себе в сердце, а потом отбросила его в сторону. Темным провалом осталась в ее груди смертельная рана, откуда кровь выбивается целебными ключами, приносящими людям здоровье, счастье и любовь…

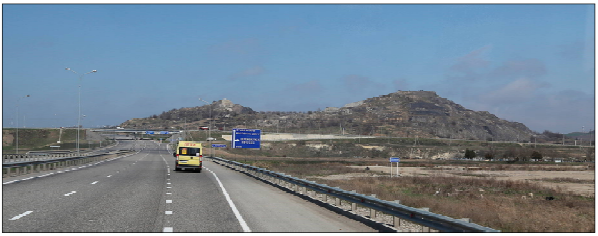


Вид горы Кинжал у Минеральных Вод в прежние времена

Дрогнула земля от такого чудовищного поединка, окаменели от ужаса старые нарты, превратились в снежные горы Кавказа во главе с двуглавым Эльбрусом. А здесь, на севере, появились горы-вулканы, в которых еще продолжает биться горячая кровь молодых джигитов.

Вокруг Бештау находятся его верные спутники Лев, Верблюд, Бык, Змеевая, особняком стоит гора Кинжал*, а по дороге к Эльбрусу высится Гора-Кольцо».

Гора Кинжал в нынешнем виде. Вдали – гора Верблюд.
http://www.okavkaze.ru/forum/viewtopic.php?t=834



Вид на «Кинжал» с автотрассы. https://www.drive2.ru/b/470419179070030239/

* * *

Подкумок оставил нам на память встречи с редчайшим тогда змееядом, с певшими на лугах обыкновенными сверчками и с белоусой славкой, которой раньше я никогда не видел. Но 10 мая пришлось отправляться дальше – вниз по Куме. И следующая остановка была запланирована у села Величаевского на востоке Ставропольского края, где начинались обширные Кумские плавни. В прошлом они служили массовым рассадником страшной, прожорливой азиатской саранчи, и в начале XX века с ней интенсивно боролись здесь, распыляя над плавнями с

* Гора Кинжал в прошлом имела живописную скальную вершину, напоминавшую лезвие кинжала. Находилась она к северо-западу от города Минеральные Воды, возле села Канглы, рядом с автотрассой «Кавказ» – у развилки дороги на Георгиевск. В середине XX века верхняя часть горы была взорвана при разработке строительного камня, а также для того, чтобы убрать помеху самолетам во время их посадки в аэропорт. А другая Гора-Кольцо, образовавшаяся в результате эолового выветривания желтых песчаников, расположена у подножия высокой скальной куэсты хребта Боргустан в окрестностях города Кисловодска.

самолетов чрезвычайно ядовитую «парижскую зелень» и другие пестициды. Саранчу тогда удалось уничтожить, но с нею погибло, наверное, и множество водоплавающих и околоводных птиц. Однако на них тогда никто не обращал особого внимания (Белик, 1997*).

Леса по Куме в районе Величаевки уже исчезли, и лагерь пришлось разбивать прямо на солончаковом лугу недалеко от заросшего болота. Но, по интригующим рассказам пастухов, здесь в плавнях еще водились дикие кабаны и сохранились даже фазаны. Поэтому, как только были поставлены палатки, я сразу же отправился на разведку в тростниковые джунгли. Вскоре на песчаном островке среди плавней, заросшем высоким разнотравьем, я действительно вспугнул пару – самца и самку – фазанов, возможно последних во всем Предкавказье, а недалеко в песке нашел и их порхалище с линными перышками фазанки.

В зарослях тростника вокруг меня время от времени раздавалось очень своеобразное пение – необычайно громкие, отрывистые посвисты, вроде «чуть-кипит, чуть-кипит, чуть-кипит», принадлежавшие, как оказалось, широкохвостке – маленькой, рыжеватой птице, похожей на камышевку и соловья одновременно. На окраине острова я нашел небольшую лодку, оставленную местными рыбаками, и дальше по протокам и плёсам отправился на этом утлом челне, знакомясь с плавнями и их птичьим населением.

В целом Кумские плавни по комплексу населявших их водных и околоводных птиц – уток, цапель, крачек, камышевок и других видов – во много напомнили мне Сладкий Лиман в Восточном Приазовье, где я впервые побывал с Н.С. Олейниковым в мае 1967 года. Но местами по открытым, засоленным берегам здесь было довольно много гнездившихся куликов, в том числе луговых и степных тиркушек, ходулочников, травников, чибисов, тревожившихся или токовавших над колониями; у воды в массе держались пролетные северные виды куликов. Появились здесь отсутствовавшие в Приазовье черноголовые чеканы, а также пустынные «земляные» утки – пеганка и огарь. Впервые была встречена даже пара диких серых гусей, пролетевших над болотом. Кроме того, на солончаках близ плавней пели пустынные серые жаворонки, а в Величаевке были обнаружены практически исчезнувшие в Предкавказье степные пустельги, гнездившиеся, вероятно, под крышами деревенских домов.

Пробираясь по узким протокам среди тростников, я вспомнил о диких кабанах, которые, как нам рассказывали, могут нападать в зарослях

---

* Белик В.П., 1997. Некоторые последствия использования пестицидов для степных птиц Восточной Европы // Беркут, т.6, вып.1-2.- С.70-82.

на охотников. Достав из сумки старый спортивный мелкокалиберный пистолет, которым еще в Ростове меня снабдил в дорогу для защиты от кабанов Игорь Мацкевич, я решил проверить его работу и при перезарядке произвел еще один нечаянный выстрел. К счастью, пуля, пробив мышцы на указательном пальце левой руки и лишь чуть задев кость, ушла в воду.

Забинтовав рану и навсегда распрощавшись со злополучным «маузером», я еще долго путешествовал в тот день по плавням, стреляя из дробовика уток и других птиц. Вернувшись вечером в лагерь, попросил Надю Круглову продезинфицировать рану марганцовкой и перебинтовать палец. Затем Надя целую неделю тайком от всех следила в своей палатке за его заживлением, а я потом еще долго снимал с него лохмотья кожи, обожженной сверхкрепким раствором Надиного марганца.

Как стало ясно уже впоследствии, это был мой последний «незапланированный» выстрел. После него я еще полмесяца охотился в экспедиции, летом почти месяц стрелял птиц на полевой практике 2 курса на Кавказе, затем путешествовал с ружьем по Средней Азии. В последующие годы мне пришлось много работать, коллектируя птиц на Северном Кавказе, на Дону, в Забайкалье, на Украине. Но я навсегда категорически отказался от использования чужого оружия, надеясь только на свою «Тулку», и старался избегать коллективных выездов на охоту, когда увеличивается риск несчастных случаев.

Для современных молодых читателей хочу сказать еще несколько слов о нашей летней охоте на птиц, чтобы нас не сочли сейчас браконьерами. Как известно, добыча животных в научных целях, согласно Закону, может проводиться в оговоренных районах на разные виды в течение всего года по специальным разрешениям. Ранее такие разрешения выдавали Областные государственные охотничьи инспекции в ответ на обоснованные письменные обращения научных учреждений. И мы, естественно, перед экспедициями всегда предварительно получали такие разрешения, отчитываясь затем собранными коллекциями.

Завершив работу у Величаевки, мы отправились дальше вниз по Куме. Дорога шла теперь по Калмыкии – по солончаковым долинам, среди однообразных массивов бугристых песков с курящимися кое-где барханами, по озерным котловинам. Мы ехали, пользуясь начерченной от руки старой картосхемой, по которой лишь Николай Сидорович мог найти нужное нам направление. Поэтому часто блуждали без указателей и ориентиров, не зная, где, на какую из многочисленных безлюдных грунтовых дорог, расходившихся в разных направлениях по степи, нам нужно свернуть. Приходилось искать чабанов или ждать встречные машины, расспрашивая у местных жителей о необходимом нам пути, пока,

наконец, мы не выехали к Светлому Ерику – к обширной озерной системе среди песков, связанной узкими протоками с Кумой.

Путешествовали мы по Куме на университетском грузовике – бортовом ГАЗоне, в кузове которого были поставлены скамейки и небольшая самодельная будка из фанеры для защиты пассажиров от ветра и непредвиденного дождя. Но от пыли она нас не спасала. Наоборот, будка являлась очень эффективным пылесосом, всасывавшим внутрь кузова клубы пыли, остававшиеся позади машины на степных грунтовых дорогах, абсолютно преобладавших в те времена на просторах Предкавказья. И после длительных перегонов по степям или пустыням Ставрополья и Калмыкии в кузове на всех наших вещах собирался толстый слой лёссовой пыли, а наши руки и лица становились черными, как у негров. Поэтому я часто ехал стоя, держась за крышу будки. Меня обдувало встречным ветром, пыль приходилось глотать только при появлении редких встречных машин, зато я мог наблюдать на ходу все окрестности и учитывать редких птиц.

Водителем нашего «вездехода» был немолодой, немного хромавший парень Костя из хутора Недвиговки (Танаиса), где он работал на машине в учебно-опытном хозяйстве РГУ. Проживая фактически в дельте Дона, Костя был заядлым рыбаком и охотником, и его рыболовные навыки оказались нам очень кстати на Куме, где на разливах в мае нерестилось много крупных сазанов. Костя изготовил самодельное подобие «остроги» и на стоянках у Кумы, пока мы гонялись за своими птицами в песках, ходил по мелководьям степных разливов и бил острогой зазевавшихся сазанов среди затопленных цветущих тамариксов. Поэтому здесь на завтрак и ужин мы регулярно и вдоволь получали разнообразные рыбные блюда, чаще всего – сытную жареную сазанью икру, а домой в Ростов привезли целую бочку рыбы свежего посола.

На Светлом Ерике мы остановились на ночь сначала у небольшой протоки с мостиком на западной окраине разливов, а затем на их восточной стороне. Вокруг озер, заросших по берегам непролазными тростниковыми крепями, простирались пустынные пески, поросшие редкими тамариксами и наполненные своей особенной, неизвестной мне жизнью. Здесь мы впервые встретили степного орла, степного канюка-курганника, степного журавля-красавку, необычайно ярких зеленых щурок, знакомых мне по Азербайджану. В тамариксах у озера появились нередкие уже белоусые славки. Дальше к востоку от Светлого Ерика был найден необычный ночной кулик авдотка, обитающий в пустынях или среди разбитых песков, отмечены также филин и козодой, державшиеся среди кустарников в песках. На Светлом Ерике нами впервые встречены колпица и несколько больших бакланов, а Б.А. Казаков

наблюдал, по-видимому, даже орлана-долгохвоста. Ниже по Куме на засоленных озерных разливах появились также морские зуйки и шилоклювки.

Добравшись по Куме до станции Артезиан близ устья реки, обследовав по пути ряд озерных котловин и весенних разливов Кумы в прилежащих песках, экспедиционный отряд повернул назад. В Калмыкии мы еще раз остановились затем на Состинских озерах – наиболее крупной озерной системе в низовьях Восточного Маныча, после чего переехали в Ставропольский край на соленое озеро Маныч-Гудило. Здесь мы расположились в охотхозяйстве «Мадык» на южном берегу озера, и два дня обследовали на катере с егерями его удаленные, изолированные острова с огромными колониями птиц.

Наиболее фантастическое впечатление произвели на нас очень плотные колонии чаек и крачек (хохотуньи, черноголового хохотуна и морского голубка, чайконосой, речной и малой крачек), насчитывавшие многие сотни гнезд, которые располагались чуть ли не вплотную друг к другу. В одной из колоний я нашел также недавно погибшую черноголовую чайку, впервые проникшую из Черноморского заповедника на Маныч, а недалеко обнаружил, по-видимому, и ее брошенное гнездо с кладкой.

Здесь же на голых островах находились большие колонии колпиц и брошенное почему-то гнездовье кудрявых пеликанов со своеобразными высокими постройками из грубых сухих стеблей лебеды, покрывавшей острова. По низменным берегам и солончакам гнездились шилоклювки, морские зуйки, травники и тиркушки, держались большие стаи турухтанов и других пролетных куликов, а плёсы Маныч-Гудила были сплошь покрыты огромными стаями куликов-плавунчиков, отъедавшихся на комарах-звонцах.

Комаров же здесь было столь много, что нельзя было открыть рот. Вечерняя уха на костре получилась с густым наваром из толкунцов, а наутро вся полынная степь близ озера была покрыта буквально сугробами из насекомых, закончивших свою земную жизнь, сложивших крылья под кустиками полыни и высохших за ночь, превратившись в легкие серые снежинки.

Здесь на Мадыке закончилась и моя первая научная экспедиция. После завершения работ на островах, меня отвезли в село Дивное, а оттуда я уехал в Ставрополь и дальше в Ростов сдавать очередные зачеты и экзамены в РГУ и готовиться к летней практике по зоологии позвоночных на Кавказе. А экспедиционная группа переехала неподалеку в Калмыцкий государственный заказник, который в скором будущем станет важным, известным птичьим заповедником на Маныче, и еще

несколько дней обследовала там Чекалдинские острова с еще более крупными и разнообразными колониями околоводных птиц, чем на Мадыке.

Здесь в то время экологию чаек и крачек изучала аспирант Н.С. Олейникова Ирина Михайловна Языкова, которая после защиты диссертации всю свою жизнь отдала обучению студентов-биологов в родном Ростовском университете. Осмотрев с нею ряд островов, на которых гнездились розовые и кудрявые пеликаны, колпицы, цапли, различные утки, чайки и кулики, наши орнитологи вскоре тоже вернулись в Ростов, привезя с собой большие сборы птиц, а также гнезд с кладками в научную коллекцию РГУ.

* * *

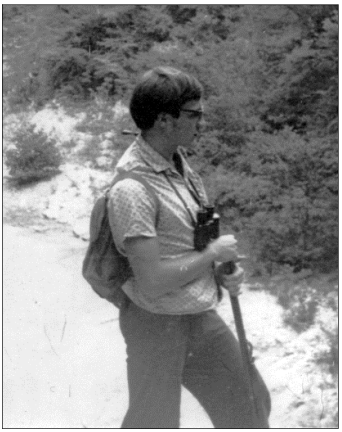
Через месяц, завершив летнюю экзаменационную сессию, наш 2 курс выехал на полевую практику по зоологии и ботанике на Кавказ – в село Михайловский Перевал Геленджикского района Краснодарского края. Там студенты РГУ в течение последних 9 лет ежегодно собирали гербарии, вели наблюдения за позвоночными животными, учились препарировать их, определять в природе по голосам и повадкам. Как оказалось позже, наш выезд туда – с 20 июня по 15 июля 1969 года – стал последним в истории биофака РГУ…

Для меня эта практика была, по сути, еще одной научной экспедицией, но работавшей теперь стационарно – на постоянной базе, размещавшейся в местной деревенской школе. Я был освобожден от занятий по зоологии, поскольку уже довольно хорошо сам знал большинство птиц, умел их препарировать и делать коллекционные тушки. Все же остальные студенты должны были пройти этот курс наук и для получения зачета изготовить по две тушки птиц.

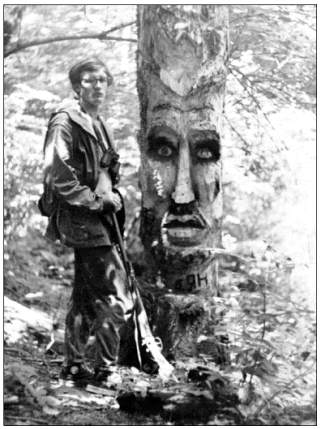
Мне вместе с лаборантом кафедры зоологии Вячеславом Царевским, первоклассным охотником и таксидермистом, было поручено добывать местных птиц для учебных занятий. Заодно Б.А. Казаков снабдил меня списком видов, в основном мелких воробьиных, которые представляли особый интерес для научной коллекции. И я с раннего утра, пока остальные студенты еще отдыхали после вечерне-ночного культурного досуга, уходил с ружьем за птицами – в леса или на речку Догуаб, протекавшую мимо Михайловского Перевала и впадавшую в нескольких километрах ниже села в реку Пшаду. Там я выслеживал и стрелял обычных, массовых птиц (соек, дроздов, синиц, славок, зябликов и другие виды) для работы студентов. Однако большинство сделанных ими неказистых тушек обычно шло в учебную коллекцию. Поэтому попадавшиеся «ценные» виды я садился препарировать сам, чтобы их можно было включить потом в основной коллекционный фонд кафедры зоологии РГУ, насчитывавший к тому времени, благодаря усилиям нескольких

поколений ученых и студентов, около 5 тысяч экземпляров птиц.

Доставив материал для обработки в класс, я часто отправлялся затем в горы на поиски редких, интересных животных. Иногда мы экскурсировали вместе с Вячеславом Данченко, особенно если планировались дальние походы в лесистые щели (Плисецкую, Ольховую и др.) с красивыми водопадами и высокими известняковыми скалами в прижимах, или на Лысые горы (Тхаб, Отрез, Молдаванка), видневшимися далеко на севере, на гребне Главного Кавказского хребта. Там, как и на горе Облего за рекой Пшадой, где в прошлом веке работали известные зоологи И.И. Пузанов и И.Б. Волчанецкий, на высоте 700-900 м над уровнем моря простирались обширные, изобиловавшие клубникой сенокосы, которые внешне напоминали субальпийские луга Западного Кавказа, но не имели среди птиц никаких высокогорных видов. Поэтому-то они и были названы орнитологами «псевдоальпикой».



Выслеживание птиц в лесу у реки.



Встреча в горах с «идолом».

Однажды мы встретили на Отрезе змееяда, обычного в сухих горах у Новороссийска, а В. Данченко видел там даже певшего степного жаворонка, который тоже проникал сюда с Новороссийского участка. Это свидетельствовало, очевидно, о существенном влиянии аридных факторов на формирование подобных горных ландшафтов.

А очень крутой северный склон хребта за Лысыми горами, спускавшийся под углом 45-60° в верховья Пшады, был покрыт старыми, дремучими буковыми лесами, изобиловавшими буреломом и валежником. Мы забрались туда однажды с Вячеславом, решив посмотреть там «неведомые» земли. Кабанья тропа, на которой мы встретили выводок

поросят со свиньей, через некоторое время вывела нас на поляну с грандиозными каменными останцами, поднимавшимися над лесом и напоминавшими исполинов с острова Пасхи. Мощный, до 10 метров в толщину, пласт плотного серого песчаника торчал на склоне вертикальной зубчатой стеной в 10-30 м высотой, образуя своеобразный «Монастырь» с идолами, вырезанными из древесных пней на заброшенной туристической стоянке у подножия скал.

Спустившись к вечеру через глухой лес к ручью на днище ущелья за хребтом, мы оказались в поселке лесозаготовителей Папай, где на лесоповале в горах работали заключенные, отбывавшие здесь своё наказание. Возвращаться назад в нашу школу на Михайловском Перевале через хребет не могло быть и речи из-за недостатка времени и сил, и мы отправились вниз по ручью длинной кружной дорогой, в обход хребта. И лишь благодаря случайному попутному автотранспорту уже глубокой ночью мы смогли выбраться в низовья Пшады, а затем по автотрассе вернулись на базу практики.

Попав сюда через 40 лет, в июле 2010 года, я обнаружил на месте поселка лишь каменные развалины, заросшие кустарниками, мелколесьем, ежевикой и бурьянистым высокотравьем. Правда, разбитые дороги в ущелье остались, но ездили по ним в основном приезжие туристы на местных джипах, осматривая водопады, дольмены, ягодные поляны…

В лесах у Михайловского Перевала была весьма богатая кавказская фауна птиц. Здесь мы нашли желну и снегирей, обычны были малая мухоловка и московка из таежных птиц, а также желтобрюхая пеночка и крапивник. Изредка отмечались гаички, несколько раз были встречены даже зеленые пересмешки, одну из которых мне удалось добыть в коллекцию РГУ, подтвердив ее гнездование на Западном Кавказе.

Интересна оказалась также фауна горных ручьев и рек. На галечнике у Догуаба однажды я нашел гнездо малого зуйка, настолько замаскированное среди голых, пестрых камней, что студенты не могли заметить его, стоя всего в двух шагах от кладки яиц. Недалеко на галечниках держались также перевозчики. В глинистых береговых обрывах в низовьях Догуаба и Пшады свои норы рыли зимородки, а по ручьям в скалистых щелях регулярно встречались оляпки и горные трясогузки.

По собранным на Михайловском Перевале материалам Борис Александрович Казаков позже подготовил статью о птицах горных рек и морского побережья Северо-Западного Кавказа, которая стала моей первой научной публикацией (Казаков, Белик, 1971[*]).

[*] Казаков Б.А., Белик В.П., 1971. К орнитофауне горных рек и морского побережья Северо-Западного Кавказа // 50-летие Новороссийской биостанции: Материалы науч. конф.- Новороссийск.- С.87-89.

* * *

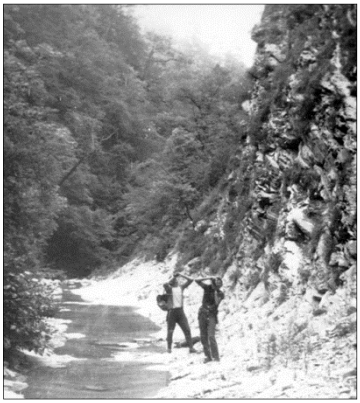
Вспоминая практику на Михайловском Перевале, хотелось бы сказать несколько слов также о нашей студенческой жизни на Кавказе.

Село Михайловский Перевал известно тем, что в этих краях в 1837 году проходил службу М.Ю. Лермонтов, участвовавший в боях с местными черкесскими племенами во время Кавказской войны. Тогда же здесь возник и посёлок, названный Михайловским Перевалом. Правда, не в память о Михаиле Юрьевиче, а в честь Михаила Николаевича – великого князя, наместника Кавказа.

Сбор на практику по ботанике в школе села Михайловский Перевал.

Утренний выход на сбор низших растений.

На ботанической экскурсии. Ах зачем эта ночь так была коротка…



Орнитологическая экскурсия в Плисецкой щели.

Село расположено в благодатной продольной долине реки Догуаб, отделенной от Черного моря лесистым Михайловским хребтом высотой около 700-800 м н.у.м., который является продолжением хребта Маркотх,

тянущегося вдоль моря от Новороссийска до Геленджика. Над селом одиноко, как Фудзияма, возвышается гора Тхачегочук (761 м), в переводе с адыгейского – «вершина бога Тха», высшего, солнечного бога в местном пантеоне небожителей. На Кавказе в честь этого бога называли и старейшин в каждом племени, которые избирались в ходе состязания наиболее достойных мудрецов – Тхамата (нынешний Тамада) – «посланник бога Тха».

Тхачегочук овеян древними легендами местных горцев – зикхов, или адыгов, населявших Западный Кавказ еще до появления здесь грековахейцев, приплывших сюда на поиски золотого руна. Вот одна из них.

* * *

Грозный и неукротимый бог северного ветра Борей, летая над землей, облюбовал себе место на Западном Кавказе. Он поселился на живописной горе, которую люди называли Тхачегочук, что означает «гора богов». С тех пор здесь не стало покоя. Проснется Борей, замашет могучими крыльями, и в цветущих горных долинах деревья склоняются до земли, на море вздымаются волны, готовые поглотить и лодки рыбаков, и корабли отважных мореплавателей. По небу бегут черные тучи, обрушивая на землю то ливень, то губительный град.

– Бора идет! – в ужасе кричали люди и прятались в свои жилища. Особенно много бед причиняли забавы Борея соседней долине. Никто не селился в ней, и Борей гордился этим.

Но однажды в долине все-таки появилась одинокая хижина горца. Если верить людской молве, на поселении рядом с самим Бореем настояла дочь старика. Наделенная умом мудреца, знающая целебные травы Кавказа, она ничего не боялась и убедила отца жить здесь. Однако непрошеное соседство человека задело самолюбие строптивого Борея.

– Ну, берегитесь, несчастные! – воскликнул Борей. – Я вымету вас из долины – следов не останется! Я проучу вас!

И вот над вершиной Тхачегочука показалась потемневшая от гнева голова Борея. Косматая борода его упала к подножию. Взмахнув крыльями, он обрушил всю свою силу на одинокую хижину. Борей несся по долине, то взмывая вверх, то снова падая с высоты, то бешено крутясь волчком. Уцелевшие от прежних его забав деревья были вырваны с корнем, небо заволокли черные клубящиеся тучи, в долине сделалось темно, как в сумерки. Сквозь свист и грохот, от которого дрожали горы, Борей расслышал проклятия старого горца.

– Бранишься? Хорошо! – ликовал Борей. – Сейчас не то будет...

Но случайно он задел вершину соседней горы Тхаб своим крылом и повредил его. Со стоном рухнул Борей в долину рядом с хижиной горца. Старик вышел из своей полуразрушенной хижины и, увидев

поверженного Борея, закричал:

– Допрыгался, злодей! Я тебе сейчас...

Но неожиданно его остановила дочь.

– Отец, – сказала она, – страх и озлобление, видно, помутили тебе рассудок. Бить лежачего? Остановись! Пусть седины на твоей голове не покроются вечным позором. Оставь раненого Борея мне.

Слова дочери образумили старика.

– Ладно, поступай с ним, как хочешь.

– Спасибо, отец.

Девушка подошла к Борею и внимательно осмотрела поврежденное крыло. Промыв рану ключевой водой из ближайшего родника, она собрала в соседней долине, меньше пострадавшей от ветра, целебную траву, приготовила из нее отвар. Каждый день она обильно смачивала им больное крыло, кормила Борея. Бог бурного северного ветра оказался невероятно прожорлив, и добрая девушка и ее отец лишились всех запасов еды. Через три дня и три ночи Борей выздоровел и мог свободно взлететь на гору Тхачегочук, но не спешил, смиренно сидел у полуразрушенной им хижины и все спрашивал, чем он может отблагодарить ту, которая спасла его, если не от гибели, то от немощного и жалкого существования.

– Мне от тебя ничего не нужно, – отвечала девушка. – Единственное, о чем попрошу, будь впредь добрее и дай нам вырастить и собрать хороший урожай, чтобы восстановить иссякшие запасы пищи.

– У меня есть отважные сыновья, и я сочту за великое счастье породниться с тобой и назвать тебя своей дочерью, – предложил Борей.

– Нет, – отвергла предложение девушка. – Я земное существо и предпочитаю земные радости и страдания.

Борей улетел. С тех пор он никогда не тревожил долину с одинокой хижиной. И раскинулись здесь дивные леса. На полянах зазеленели травы, зацвели цветы. Со временем рядом с хижиной старого горца появились и другие жилища. Так родилось новое селение. Как и долину, люди назвали его Пшада, что значит «долина безветрия» (http://www.liveinternet.ru/community/4470091/post231523106/).

* * *

Другая легенда – традиционная для Кавказа история о красавице Инсурен, в которую влюбился старый хан Курбан Кале:

Однажды днём Курбан Кале,
Любуясь прелестью долин,
Увидел с горной высоты
Пастушку дивной красоты.

Стройна, как серна, и легка,
Она пленила старика.
Самим Аллахом этот дар
Как будто послан, думал хан.
И слугам приказал идти,
К нему горянку привести.
«Женою стань мне, Инсурен,
Любимою, на зависть всем,
Не будет у тебя печали».
Горянка хану отвечала:
«Ты счастья не найдешь со мной,
Не буду верной я женой.
Твоих морщин густая сеть
Страшней мне, чем любая смерть».

Дерзкие слова девушки оскорбили хана: «Раз не хочешь жить со мной, то узнаешь, что такое смерть. Мы еще встретимся с тобой в стране теней!» И он повелел заточить девушку в гробницу, чтобы после собственной кончины владеть ею в загробном мире. Слуги хана схватили Инсурен и повлекли к дольмену, приготовленному для упокоения богача, где и замуровали в могильнике. Однако ночью пришел ее возлюбленный со своими кунаками и освободил невесту. Вместе бежали они прочь, подальше от владений злодея. Но хан узнал о побеге и выслал погоню.

http://www.liveinternet.ru/community/4470091/post231523106/

Беглецы, устав в пути, остановились на горе Тхачегочук, а Инсурен спустилась к роднику, чтобы набрать воды для своих спасителей. Когда кувшин был уже почти наполнен, чёрный ворон принес страшную весть. Между ее любимым и слугами хана произошла битва, ее жених смертельно ранен. Душа девушки была переполнена страданиями, как кувшин водой, силы покинули ее, сердцем она почувствовала, что

больше не увидит любимого. Она побледнела и окаменела на месте. А из опрокинувшегося кувшина и по сей день льется вода…

Эта вода вытекает из грота у подножия Тхачегочука рядом с Михайловским Перевалом. И сюда до сих пор приезжают молодожены испить священной воды, крепко связывающей брачные узы (http://akvatoriya.com/interesnoe/111-legenda-ob-insuren).

По выходным воскресным дням, отдыхая от занятий, мы несколько раз ездили из Михайловского Перевала на Черное море, к селу Криница в устье Пшады, где купались и загорали на широких галечных пляжах. Однажды приехали туда в шторм около 3-4 баллов, и лезть в море рискнули лишь некоторые наиболее сильные пловцы. На берег с юго-запада шли внушительные валы, пробиться через которые в открытое море, ныряя, в общем-то было несложно. Но выбраться потом из воды на сушу не позволяли мощные волны отката, сбивавшие с ног и тащившие по гальке назад, вглубь.

Проявляя героизм, штормовое Черное море решил испытать и наш будущий ихтиолог, физически слабый Юра Пряхин. Забравшись в воду, он долго качался на высоких волнах вдали от берега, затем, наконец, повернул назад, но не тут-то было… Метров сто валы волокли его вдоль берега, однако устоять в них и выйти из моря у него никак не хватало сил. В конце концов, стоя почти по пояс в воде, с трудом удерживаясь на крутом галечном дне, мне удалось всё же дотянуться до его протянутой руки и буквально выдернуть из очередной волны на сушу. А потом посиневший и позеленевший Юра еще долго приходил в себя, лежа ничком под горячим солнцем у штормившего моря.

Однажды мы решили идти к морю пешком через горы, чтобы выйти в виноградную долину у села Прасковеевка и дальше по дороге к посёлку Джанхот, где у моря на склонах гор находился знаменитый Джанхотский реликтовый бор из пицундской сосны. Вывести нас туда по старой, плохонькой карте взялся наш наиболее опытный турист Толик Ковалёв. И вот в очередное воскресение, ранним утром мы вышли из села, миновали священную гору Тхачегочук и углубились в лесистое ущелье, а затем начали подъем вверх на горный перевал, за которым, как нам говорили, уже видно Черное море.

Постепенно дорога в лесу вместе с ручьем «иссякли», стало жарко, утомительный подъем по бездорожью отнимал много сил, и многие уже отчаялись попасть в этот день на море. Но худощавый, жилистый Анатолий неутомимо вёл нас вперед и вверх, а там… Ведь это наши горы!

Вскоре впереди среди деревьев открылась широкая долина, затем мы обнаружили на ней тропу и, оживившись, начали быстрый спуск к желанному морю. Несколько смущало нас только то, что с перевала мы

так и не увидели морских далей. Но вот за очередным поворотом послышался шум моторов, затем появились и сами автомобили, катившие по дороге. А чуть дальше показались крайние дворы … нашего Михайловского Перевала!

Но день не пропал даром! Выйдя к автотрассе на нижней окраине села, мы дождались попуток и уже известной дорогой всё же добрались до Черного моря – в знакомую нам Криницу. И там, наконец, Анатолий смог реабилитировать себя за досадный походный промах своей звонкой семиструнной гитарой, аккомпанируя нашему дружному, многоголосому хору и исполняя известные только ему туристские песни.

Иногда по вечерам мы выпускали в школьной спальне собранных в лесу многочисленных светлячков. Насекомые вскоре начинали летать по темной комнате, мигая голубоватыми фонариками, выписывая замысловатые зигзаги и оставляя в воздухе свои неоновые автографы. И мы молча, подолгу следили за этими их необычными феерическими пируэтами. А наши тепличные ростовские сокурсники, привыкшие дома ложиться спать по строгому распорядку дня, долго ворочались под одеялами, не в силах уснуть при свете светлячков. Иногда мы еще и подшучивали над ними: клали днем под простыню на их кровати длинную нитку с узелками, и когда наши «одуванчики» начинали засыпать, тайком тянули нитку из угла, вызывая зуд и неприятные ощущения на коже. Ребята вставали, искали в постели каких-то насекомых, отряхивали простыни и опять ложились спасть, а через некоторое время всё повторялось сначала.

На поляне у Лысых гор однажды мы нашли одинокую пасеку, и Славик Данченко, решив попробовать дикого мёда, попытался забраться в один из ульев. Но пчелы весьма негостеприимно встретили непрошенного гостя, и их «подарки» оставались у Славика до вечера: один заплывший глаз долго не открывался, а рот не мог закрыться, поскольку в нем не вмещался язык, распухший после поцелуя пчелы. И добытый в бою с пчелами мед пришлось есть другим студентам.

На лесных полянах, которые нередко встречались на склонах гор среди сухих дубняков с примесью скумпии и держидерева, местами росло много огонь-травы – иначе ясенца, листьями похожего на ясень, – той самой знаменитой Неопалимой Купины, которая, по библейским легендам, предстала Моисею, пасшему овец в пустыне близ горы Синай, горящим, но не сгоравшим терновым кустом. Когда Моисей подошёл к кусту, чтобы посмотреть, «отчего куст горит огнём, но не сгорает» (Исх. 3:2), к нему из горящего куста воззвал Бог Яхве, призвавший Моисея вывести народ Израилев из Египетского рабства в Землю Обетованную.

Прикосновение к огонь-траве вызывает на теле очень сильные

ожоги, значительно более опасные, чем крапива. Однажды наши студенты, поднимавшиеся на гору Тхачегочук, днём на лесной поляне устроили привал, и один из ребят, В. Хлобыстов, даже разделся и прилег в траву. И с тех пор у него на туловище на всю жизнь остались темные шрамы на месте болезненных, долго не заживавших ожогов этой красивой, но предательски опасной Неопалимой Купины.

* * *

После этого небольшого лирического отступления о нашей студенческой практике, продолжу рассказ о своих первых научных экспедициях. Вторая экспедиция кафедры зоологии РГУ выехала из Ростова в самом конце апреля 1972 года сразу в полном составе. Утром у дома Н.С. Олейникова, располагавшегося по соседству с РГУ, мы все вместе дождались из учебного хозяйства в Недвиговке обещанную машину – тот же ГАЗон с будкой в кузове, загрузили в него лагерное оборудование, резиновую лодку, палатки, спальники, рюкзаки, ружья, и в 8:45' выехали в сторону Ставрополя.

Однако на этот раз нам достался молодой, малоопытный водитель, который не смог подготовить свой автомобиль к длительной, трудной поездке, и уже в первый день на автотрассе он всю дорогу пускал за собой шлейф голубого, едкого дыма. Поэтому нам приходилось периодически останавливаться, всё время доливать в картер дефицитное масло, с помощью Игоря Мацкевича копаться в двигателе, и уже лишь поздней ночью мы добрались, наконец, до Ставрополя. И только через 5 дней, в селе Урожайном на Куме, 3 мая, уже после майских праздников, мы смогли найти мастерскую и немного починить нашу машину.

Экспедицию, как и положено, возглавлял зав. кафедрой зоологии Н.С. Олейников, восседавший в кабине за капитана и штурмана. А мы впятером расселись в кузове на скамейках. Но Игорь, отличавшийся удивительной способностью быстро засыпать в пути в любом положении, вскоре устроился на жестких рюкзаках и мешках с палатками и, несмотря на ухабы и тряску, задремал. Приехав ночью в Ставрополь, мы с Игорем вдвоем остались сторожить машину, растянувшись в спальниках в кузове грузовика, а остальной экипаж провел последнюю ночь в цивилизованной обстановке на квартире П.Ф. Емельянова.

На следующий день мы планировали доехать до Кумы, но из-за постоянных задержек в пути ночевать пришлось в гледичиевой лесополосе близ села Бурлацкого, в долине реки Мокрой Буйволы. И утром 1-го мая, проснувшись на рассвете, я успел до завтрака провести свою первую экскурсию по этой полезащитной лесополосе. Здесь бросилась в глаза очень низкая численность птиц, в том числе полевых и степных жаворонков. Лишь малые жаворонки интенсивно токовали над

окрестными полями. Да в самой лесополосе было очень много сорок: на 700 метров я насчитал 9 их гнезд с кладками, одно строившееся и еще у одного свежего гнезда птиц не было видно, но возможно они скрылись незамеченными. Со столь высокой плотностью сороки гнездились в те годы по лесополосам и во многих других районах Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского края, обеспечивая своих «квартирантов» – кобчиков и пустельг – бесплатным жильем. Сейчас же врановых птиц в степных лесонасаждениях Предкавказья почти не осталось, и лишь в полупустынях на востоке Ставрополья и Ростовской области они еще довольно обычны.

Днем 1 мая мы добрались, наконец, до Кумы и в старом галерейном лесу из осокорей и серебристых тополей у села Владимировки остановились на днёвку. Здесь находился последний лесной остров в пойме Кумы, уже у границ полупустынной зоны, и изучение фауны и экологии дендрофильных птиц, обитавших там в весьма жестких климатических условиях, представляло важное теоретическое и практическое значение.

В 1972 году мы обнаружили у Владимировки очень много хищных птиц: на 3 км русла реки гнездилось не менее 14 пар коршунов, 2-3 пары орлов-карликов, 1 пара канюков, по 3 пары чеглоков и обыкновенных пустельг. Поразила огромная численность грачей, которые тоже нашли здесь весьма благоприятные гнездовые условия рядом с пустынными степями – своими оптимальнейшими кормовыми стациями. Возле 6 крупных грачевников держалось также много кобчиков, но они еще не приступали к размножению, ожидая, когда грачата освободят свои гнезда. Но в целом разнообразие птиц у Владимировки было значительно ниже, чем на Ставропольском плато и на Подкумке у Георгиевска в 1969 году.

В данном случае наблюдалась, вероятно, та же тенденция исчезновения требовательных лесных видов по мере аридизации климата, что была отмечена мною ранее. Как влиял климат на этих птиц, однозначно ответить пока сложно. Для зерноядных вьюрковых птиц важное значение могло иметь существенное сокращение числа доступных летом пресных водопоев; для дроздов – исчезновение в сухой почве их основных кормовых объектов дождевых червей; для мелких насекомоядных птиц – уменьшение численности дендрофильных насекомых-филлофагов и пауков (Белик, 2009*). Однако все эти предположения пока так и не получили в Предкавказье эмпирического подтверждения из-за недостатка

* Белик В.П., 2009. Птицы искусственных лесов степного Предкавказья: Состав и формирование орнитофауны в засушливых условиях.- Кривой Рог: Минерал.- 216 с.

исследователей и соответствующего финансирования.

Приехав в этот же лесной массив в мае 2013 года, я учел на 1 км русла реки всего 1 пару коршунов, 1-2 пары орлов-карликов и 2 пары ястребов-тювиков. По опросным данным, здесь загнездился, по-видимому, также ястреб-тетеревятник. В то же время грачевники в лесу исчезли, редки стали сороки и вороны. Но в 2013 году было отмечено заселение пойменных лесов по Куме целым рядом новых мезофильных видов птиц. Я нашел там фазанов, вяхирей, кольчатую горлицу, кроме обитавшего ранее большого пестрого дятла были отмечены еще желна, зеленый, сирийский и средний дятлы, а также черный дрозд и широкохвостка, что объяснялось, возможно, недавним увлажнением климата и улучшением кормовой базы для многих лесных птиц. Однако в степи, почти лишившейся домашнего скота, наоборот, произошли негативные изменения трофических условий для лесостепных видов – коршунов, канюков, кобчиков и других хищников. Прежде всего, в степях почти исчезли суслики, кроме того, хищникам труднее стало разыскивать и добывать корм среди высокотравья.

Закончив работы в лесу у Владимировки, мы переехали в плавни к селу Величаевке, где останавливались в 1969 году. Но деревянная плоскодонка там сгнила, а на надувной резиновой лодке плавать среди тростников оказалось невозможно, и мы были вынуждены отравиться дальше вниз по Куме. Однако там в последние годы был прорыт глубокий канал вдоль реки, и всю воду пустили по нему напрямик в Каспий, осушив остальные плавневые массивы, а также часть озерных систем вдоль Кумы. Но Светлый Ерик, к счастью, остался с водой.

Блуждая по дорогам среди бугристых песков, по-местному – бурунов, мы совершенно случайно выехали к месту нашей прошлой стоянки на Светлом Ерике у мостика через ручей, и здесь организовали следующую днёвку. Ихтиологи впервые наловили в озерах множество карасей и линей, и теперь к шурпе из пернатой дичи добавилась уха и жареная рыба. Особенно прекрасны были на сковороде огромные, как лапти, золотистые караси.

Плавая на лодке по озеру, на одном из островков мы всё же нашли след диких кабанов – логово в виде кучи сухого тростника, сложенного среди тамариксов, в котором нынешней весной, вероятно, опоросилась свинья. Так что наши страхи из-за кабанов в минувшей экспедиции были, возможно, не напрасны?

После Светлого Ерика экспедиция выехала в сторону Кумской МЖС, где мы переправились через канал на правый берег, надеясь дальше достичь самой Кумы, но вскоре оказались у небольшой озерной системы, как оказалось потом – у Лопасских озер в Дагестане. Здесь

тоже было много рыбы, ихтиологи быстро принялись за работу, и к вечернему столу у нас опять была наваристая уха. А после ужина я решил проплыть на лодке по озеру, послушать там ночные звуки плавней.

Выплыв к тростниковому островку, я уткнулся в берег и лег на дно лодки, долго всматриваясь в далёкое, тёмное, изрешеченное множеством крупных звезд небо, пока не задремал. Очнувшись, не мог сразу сообразить, что нахожусь среди озера. И куда плыть в этой кромешной тьме? Постепенно сориентировавшись по звездам, я вскоре нашел лагерь, выдававший себя храпом, выбрался на берег и тоже залез в свой спальник.

На следующий день, пока ихтиологи обрабатывали богатый улов, я полдня провел на экскурсии в окружавших озеро песках, которые подарили мне уникальную находку. Я уже дважды рассказывал о ней (Белик, 1984, 2003). Но повторюсь здесь еще раз.

* * *

Первая встреча с журавлями-красавками произошла у меня в полупустынях Калмыкии ещё в 1969 году. Только начинался май: время свежей зелени, пёстрого степного разноцветья и птичьего пения. Наша экспедиционная машина катила по пыльным дорогам Прикумья. Позади остались пойменные леса среднего течения, обширные тростниковые плавни низовий. Дальше Кума терялась среди озёр и разливов в степях и песках Прикаспийской низины.

Наш очередной палаточный лагерь был разбит вечером на берегу Светлого Ерика. Дрожащий звон голодных комаров, костер с ухой, мерцающее звездное небо и, наконец, заполночная тишина остывающей весенней степи… А утром нас разбудили в палатке двусложные песни-дуэты журавлей – громкое, слегка хрипловатое «крррру – крррыы, крррру – крррыы, …».

Чуть только занялась заря, раздался первый трубный клич далёкой пары журавлей-красавок. А вскоре закричали и другие птицы, державшиеся в обширных котловинах среди бугристых песков поближе к лагерю.

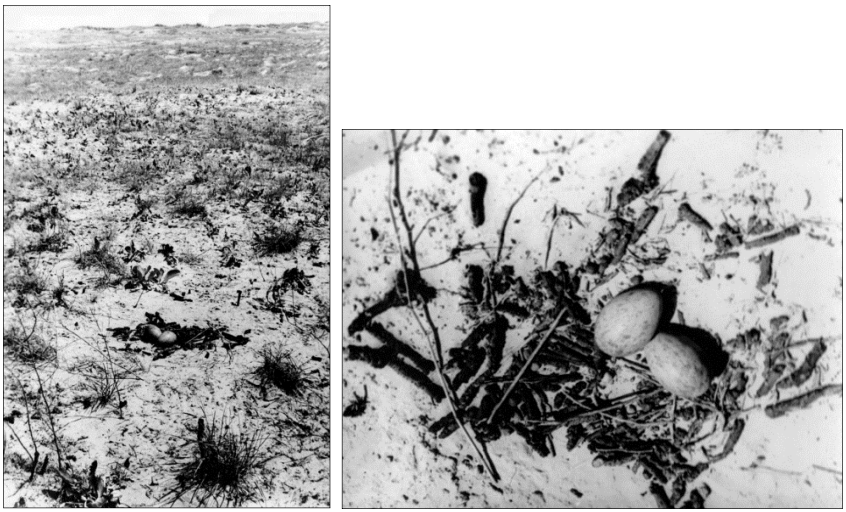
Через три года мы вновь были в этих же местах на Куме, обследуя озера в ее долине. Как и прежде, цвел у воды нежно-розовый тамарикс, трубили по утрам в степи журавли. Дуэтная перекличка одной из пар красавок донеслась сначала откуда-то из-за дальних холмов на востоке. Затем птицы поднялись там в небо и, покружившись на фоне утренней зари, улетели куда-то по своим делам. В ближайшей падине закричал и вскоре смолк ещё один журавль. А днём, возвращаясь после экскурсии в экспедиционный лагерь, я заглянул из-за песчаной гряды в ту самую котловину и сразу же увидел там красавку, пасшуюся среди

чахлой пустынной растительности.

Зоркая птица тоже разглядела меня. Раздался короткий тревожный сигнал, и тут же рядом с первой птицей появилась вторая. Вместе, не спеша, они зашагали в сторону, делая вид, будто не замечают человека.

Значит, где-то здесь находится их гнездо!

В памяти тотчас всплыл неоднократно читанный рассказ замечательного нашего натуралиста-орнитолога, писателя Е.П. Спангенберга о его приключениях при поисках своего первого гнезда журавля-красавки*. Проведя не один полевой сезон в степях, много лет занимаясь изучением жизни птиц, он смог найти, наконец, кладку яиц красавки лишь после того, как поклялся никогда больше не разорять гнёзд этих птиц, даже ради сбора научных коллекций. И я тоже дал себе слово, что если удастся сейчас отыскать гнездо журавлей, то больше никогда не буду беспокоить этих удивительных птиц. И… о, удача! Через 30–40 метров я увидел их гнездо.



Моё первое гнездо журавля-красавки. Кума, 1972 г.

Два крупных зеленовато-пятнистых яйца лежали прямо на голой плешине земли среди кустиков полыни, чабреца, цмина, редких стебельков пустынной осочки. Вокруг яиц журавли выложили в кружок собранные поблизости сухие стебли трав, катышки бараньего помёта,

* Спангенберг Е.П., 1973. Птицы, зайцы, лисицы и прочие… – М.: Детская литература. – 191 с.

кусочки толстых чёрных корневищ какого-то растения, устроив своего рода заборчик, вероятно, чтобы яйца не раскатились в стороны во время сильных весенних ветров.

С тех пор мне неоднократно приходилось встречать степных журавлей-красавок – на Дону и Маныче, в Калмыкии и Дагестане, в Заволжье, в степях Казахстана и Забайкалья. Но нигде они не были многочисленны. Хотя, кажется, ещё совсем недавно красавки являлись фоновым видом целинных пастбищ на обширных просторах степной зоны. И не счесть, сколько с тех пор осталось здесь разных «Журавок» – сёл, хуторов, балок…

* * *

Дополню этот рассказ еще одним интересным наблюдением, проведенным в Калмыцких пустынях, но значительно позже, в 2003 году. Загадочная «выстилка» вокруг гнезд красавок, сделанная из редких камешков, катышков заячьего и овечьего помета или кусочков сухих растений, служит, как оказалось, отнюдь не для маскировки яиц, не для их камуфляжа и не для защиты от ветров, как считалось ранее, а для предохранения от дождей, после которых яйца могут заляпаться в грязи или крепко прилипнуть к мокрой глине и пропасть, что иногда случается в гнездах куликов на солончаках. Перед сильным ливнем красавки сгребают всю эту выстилку под яйца и таким образом создают небольшую прослойку между ними и липкой землей.

Это удалось установить мне лишь однажды, случайно оказавшись после дождя возле гнезда красавок. Поэтому очень важно было бы провести еще и непосредственные наблюдения за поведением птиц перед дождем, чтобы дополнительно подтвердить эту особенность их этологии.

* * *

Обследовав Лопасские озера, днем мы отправились дальше, к вечеру нашли мост через канал, и на левом берегу бывшей Кумы в сумерках выехали к Андра-Атинским озерам в Калмыкии, у первого из которых сразу же остановились на ночевку. Но озерцо это, как оказалось, обмелело, рыбы в нем было мало, и на следующий день мы переехали к соседнему, более глубокому и широкому озеру. Вечером, уже в полной темноте, я прошел там по бурунам близ лагеря, однако ничего интересного встретить не удалось. Но зато на следующее утро я впервые осмотрел поблизости единственное за две Кумские экспедиции жилое гнездо канюка-курганника, показанное нам местными чабанами.

Очень крупная, многолетняя, частично обвалившаяся на землю постройка канюков размещалась на большом, развесистом кусте тамарикса среди бурунов. В гнезде находились 4 белых с коричневатыми мазками насиженных яйца. Эту ценную находку необходимо было взять

в коллекцию, но мне не хотелось компрометировать приезжих ученых-зоологов, разоряющих гнезда редких птиц, в отличие от простых калмыцких пастухов. И я решился на подлог.

Взяв кладку из 4 яиц в гнезде болотного луня, найденном в этот же день недалеко от лагеря, я подложил ее курганникам, дав им возможность продолжать насиживание и выкармливание приемных птенцов на виду у чабанов. Болотные же луни были весьма обычны на всех озерных системах по Куме, гнездясь в 200-400 м друг от друга, и потеря одной кладки вряд ли сказалась на их местной популяции. Хотелось бы также отметить, что их название оправдывалось здесь лишь частично, поскольку болотные луни только гнездились в тростниках, а охотились почти исключительно среди песков в окрестных пустынях.

Как и в первую экспедицию, мы доехали вниз по Куме до станции Артезиан, где путь на дальше восток нам преградила Астраханская железная дорога. Остановившись на ночевку недалеко в песках, поздно вечером мы устроили празднование «лже-дня рождения» нашего водителя Бори. Ради такого случая Н.С. Олейников попросил Володю Позняка достать из его НЗ бутыль с кристально чистой фиксирующей жидкостью для рыб, а потом, когда высокое начальство удалилось в опочивальню, Игорь Мацкевич начал демонстрировать нам свои способности йоги, бегая босиком по раскаленным углям угасавшего костра.

Отметив на следующий день командировочные удостоверения в Артезиане, мы повернули обратно – к Состинским озерам. Там сделали еще одну остановку на ночь. Ихтиологи быстро поставили сети, а я поздним вечером отправился на поиски авдотки, которую во время своей прогулки встретили неподалеку от лагеря Л. Леванюк и Ю. Кожевникова. Но над стемневшей степью висела глубокая тишина, навевавшая дремоту, авдотки молчали, и я, несолоно хлебавши, вынужден был возвращаться к своей палатке, чтобы успеть выспаться к завтрашней утренней экскурсии.

Поутру, совершив короткую прогулку в окрестностях лагеря, я до полудня снимал шкурки с полдюжины добытых мелких птиц. К этому времени обработку пойманной рыбы закончили и ихтиологи, после чего мы, собрав лагерь, отправились дальше – на Чограйское водохранилище, созданное в 1969 году на Восточном Маныче. Для детального изучения его ихтиофауны там была устроена еще одна дневка. А я отправился на обширнейшие пухлые солончаки в долине Маныча под плотиной водохранилища на поиски каспийских зуйков. Там была обнаружена огромная колония морских зуйков и тиркушек, гнездилось много «солончаковых» серых жаворонков, но ни одного каспийского зуйка найти мне не удалось. Зато в неглубокой норе, вырытой на маленьком

курганчике среди сырых солончаков, оказался выводок из 5 двухнедельных лисят необычной бурой окраски.

Я забрал щенков из норы, чтобы обезопасить птичью колонию от опасных хищников, и один из этих лисят прижился в доме Юли Кожевниковой. Он стал совсем ручным, вырос в красивого рыжего лисовина, ездил в машине на прогулки, выглядывая, как собака, из окна автомобиля, побывал даже на Черном море. Несколько раз лис терялся в большом городе, но благодаря соседям, знавшим его, он вскоре вновь возвращался домой.

С Чограйского водохранилища через калмыцкие поселки Зунду и Кевюды, а затем через село Дивное отправились в заказник «Маныч-Гудило» в Яшалтинском районе Калмыкии, куда я не смог попасть в 1969 году. Ехали медленно, блуждая по безлюдным степным дорогам, несколько раз останавливались, ремонтируя машину и клянча у встречных водителей бензин, но к вечеру всё же добрались до заказника.

Звонцы облепили машину так, что ими можно было писать…

Вечерняя уха с комарами на Маныче в 1969 году.

Здесь, как и в 1969 году на Мадыке, нам на костре вновь приготовили суп с густым наваром из комаров, а также плов с костлявой комарятиной, который не желал лезть в трезвую глотку. Затем желавшие

отправились на усадьбу заказника спать в чистых постелях, а я с шофером поставил палатку и забрался в свой спальник. Накрапывавший, было, с вечера дождь вскоре прекратился, и на свежем воздухе спалось очень хорошо.

Наутро мы с Н.С. Олейниковым проверили искусственные гнездовья для диких уток на ближнем острове, потом с катера издали посмотрели на колонии пеликанов, колпиц, серых цапель и чаек и, вернувшись на базу, сразу же выехали в Ростов, прибыв туда на следующий день16 мая.

Всего, таким образом, за полмесяца экспедиционных будней мы прошли по степным просторам Предкавказья и Калмыкии около 2,5 тыс. км. При этом, не считая ихтиологических материалов, были добыты 54 птицы, а в Ростов привезено 40 коллекционных тушек. Благодаря знанию ландшафтов, природных условий и фауны Прикумья, полученному еще в первой экспедиции, в этот раз мне удалось собрать значительно больше сведений по экологии птиц, особенно редких видов, чему способствовал и график работ с регулярными днёвками, дававшими возможность шире экскурсировать на стоянках.

На экспедиционном маршруте я получил наглядное представление о зональных сменах растительности, своими глазами увидев несколько биогеографических рубежей. У поселка Черноземельска в Калмыкии проходила четкая граница песчаных пустынь и глинистых полупустынь, затем у поселка Зунда появились чахлые лесополосы вдоль дороги, а в травостое заметно увеличилось участие злаков, и полупустыни сменились сухими степями, наконец, к западу от реки Калаус росли уже здоровые лесополосы, а в полях были видны мощные, хорошие посевы на черноземах.

Но самое главное – это приобретенный опыт предварительной обработки собранных материалов, который постепенно формировался у меня также во время предыдущих учебных, курсовых и дипломных практик. Так, если в первой экспедиции мы совместно с Б.А. Казаковым фиксировали свои наблюдения в дневниках очень кратко, по памяти, зачастую на ходу автомобиля, а полевые записные книжки долго оставались необработанными, в результате чего некоторые детали стерлись из памяти, то сейчас я подробно описывал весь путь, рисовал картосхемы стоянок и своих дневных маршрутов, по каждому району работ сразу же сделал полный обзор орнитофауны с более или менее подробными аннотациями по всем видам. Впоследствии всё это значительно облегчило мне работу с экспедиционными дневниками.

Позже, уже после смерти Н.С. Олейникова, наши небольшие материалы по птицам окрестностей Ставрополя, Георгиевска и Владимировки

на Куме, собранные во время двух Кумских экспедиций, были обработаны мною и опубликованы в соавторстве с Н.С. Олейниковым и Б.А. Казаковым (Казаков, Белик, 1996; Белик, Олейников, 1996), став определенными вехами в системе мониторинга орнитофауны Предкавказья, очень динамично изменявшейся в конце XX – начале XXI века. Эти материалы пригодились и мне при подготовке кандидатской диссертации, воочию показав состояние источников заселения молодых искусственных лесов степного Предкавказья птицами во второй половине XX века.

Позже я обработал и опубликовал также дневниковые материалы Б.А. Казакова о птицах лесистой поймы Кубани, которые были собраны им на двух стоянках в 1969 году в районе Армавира и Невинномысска, до моего подключения к работе первой экспедиции (Казаков, 2016).

Обширные же сведения о птицах Кумских плавней и окружающих их песчаных пустынь пока так и остаются лишь в наших дневниках. Правда, в последние годы орнитофауна этого района привлекла пристальное внимание ставропольских специалистов, а также коллег из Элисты, Махачкалы и Москвы, активно публикующих свои материалы. Но наш фаунистический срез конца 60-х – начала 70-х годов тоже может представлять интерес для мониторинга фауны, поскольку и здесь в последующем началась её довольно масштабная трансформация, вызванная разнообразными антропогенными и климатическими воздействиями.

* * *

О нашей экспедиции в 1972 году на Куму позже вкратце вспоминала также Юлия Кожевникова (Мягкова). Ее впечатления об этой поездке несколько отличались от моих, поэтому могут представлять, наверное, определенный интерес для читателей.

«На пятом курсе, примерно, месяца за три до защиты дипломных работ, Николай Сидорович Олейников объявил, что состоится экспедиция по Калмыкии с целью изучения запасов рыбы в озёрах Сарпинской системы. В экспедиции могут принять участие студенты, которые закончат написание дипломных работ на месяц раньше. Разумеется, наши работы были готовы.

В последних числах апреля мы собрались во дворе дома Н.С. Олейникова и стали ждать машину. Состав экспедиции был следующим: Н.С. Олейников – около 70 лет, аспирант В. Позняк (собственно ради которого и была организована экспедиция) – возраст около 25 лет, четверо студентов 5-го курса (я, Люда Леванюк-Ткаченко, Виктор Белик,

Игорь Мацкевич) и шофёр Борис Попов, думаю, что его возраст мало чем отличался от нашего.

Грузовик ломался практически каждый день и постоянно требовал ремонта. Шофёр машину знал плохо. Нас выручило то, что один студент, Игорь Мацкевич, член экспедиции, разбирался в машинах. Ежедневная картина – Игорь, точнее нижняя часть Игоря, выглядывает из-под машины или из-под капота. Если бы не Игорь, экспедиция, вероятно, свернула бы свою работу в один из первых же дней.

Ежедневно мы ночевали на новом месте, делали контрольные уловы, определяли видовой состав, состояние рыб и прочее. С собой у нас был явный избыток вещей: палатки, раскладушки, спальники, надувные матрасы. Всё это ежедневно надо было вытащить из кузова машины, а утром снова упаковать и крепко привязать, ведь передвигались мы по просёлочным дорогам. Да уложить таким образом, чтобы в кузове осталось место для нас. В кабине шофёр и Николай Сидорович. А в кузове, кроме горы вещей, нас должно было поместиться пятеро. На второй и третий день мы перестали отвязывать и вытаскивать раскладушки, а вскоре и надувать ежедневно матрасы. Вещей в принципе должно было бы быть в три раза меньше.

Фото Ю. Кожевниковой

В первый же день экспедиции возник конфликт: оказалось, что наши мальчики предполагали, что меня и подругу взяли поварами, что мы должны сидеть в лагере и готовить завтрак, обед и ужин. Мы взбунтовались: первый день готовила я, второй день Люда Леванюк (Ткаченко), а на третий день мы забрали бинокли и ушли из лагеря наблюдать за птицами.

Возвратившись к вечеру, увидели, как Николай Сидорович разводит костёр и готовит еду. Игорь сказал: «Если бы я мог предположить… Да, если бы дома мне не подали еду, да я лежал бы на диване и плевался в потолок, а все бы бегали вокруг меня… и уговаривали поесть,

а тут… и т.д.». Но Николай Сидорович не сказал ничего. Если бы он сделал мне замечание, просто бы сказал, то, разумеется, я бы подчинилась. Но вероятно он решил, что мы правы, что не должно быть дискриминации по половому признаку. Далее все готовили по очереди.

Особенно мне запомнилось дежурство на Чографском водохранилище. Количество комаров и мошек было запредельным. Дышать можно было, только прикрывая нос и рот рукой или платком. Сварив на костре суп, я более или менее выловила ложкой комаров, плававших на поверхности. Хуже было с кашей, которую в процессе варки пришлось неоднократно помешивать. Дифференцировать: кашу отдельно – комаров отдельно было явно невозможно. Поэтому я и Люда ели суп, а наши мальчики, включая Николая Сидоровича, с аппетитом съели и кашу, несмотря на хруст, который раздавался из-за наличия в каше комаров».

"Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдет судьбы".
(Г.Р. Державин)

7. Первые учителя

К большому сожалению, истинных учителей в прямом значении этого слова у меня в зоологии, в нашей орнитологии не было. Не было кумиров, которым я бы поклонялся, следовал их зову. Никто не учил меня определять птиц, делать чучела, вести дневники, обрабатывать собранные материалы. Большую часть профессиональных знаний и навыков мне приходилось приобретать из литературы – книг, справочников, статей, а также учиться на собственном опыте.

Но поступив в 1967 году в Ростовский университет, я встретил там на кафедре зоологии несколько человек, которые во многом определили мою дальнейшую судьбу, помогли определиться с собственным научным направлением, словом и делом многие годы помогали мне в последующей работе.

Однако, к великому сожалению, река времени постепенно уносит в небытие многие минувшие события, факты, лица. И сейчас, начав работать над этими воспоминаниями, я сам столкнулся с тем, что какая-то часть истории уже забыта, не оставила следов своих даже в памяти ближайших спутников, живших рядом с безвременно ушедшими…

Поэтому мне хотелось бы сказать здесь хотя бы несколько слов о тех людях, которые были рядом со мной в годы учебы в университете. Чтобы о них могли вспомнить потом и другие!

Первым среди моих ростовских учителей оказался молодой ассистент Борис Александрович Казаков, которого я и встретил первым на кафедре зоологии, приехав туда из Таганрога 14 мая 1967 года на «День открытых дверей». Позже Борис Александрович стал и моим руководителем при подготовке дипломной работы, посвященной птицам искусственных лесонасаждений степного Придонья: «К вопросу о составе, путях и источниках формирования фауны птиц лесонасаждений юга Ростовской области» (1972). В годы учебы в университете мы постоянно

встречались с Борисом Александровичем на кафедре; работая над дипломом, я неоднократно бывал также у него дома – в квартире на проспекте Стачки, 182, а в последующие годы – в особняке на улице Портовой, куда семья Казаковых переехала в 1980 году.

Первый же свой профессиональный орнитологический экзамен я сдавал Б.А. Казакову осенью 1967 года, когда однажды он взял меня с собой на экскурсию в окрестности села Кулешовки близ Азова. Там на озере Лебяжьем в пойме Дона, а также на прилежащих лугах и полях он регулярно проводил свои фаунистические исследования. У меня еще не было своего ружья, и поэтому я выполнял тогда в основном роль загонщика, нагоняя на Бориса Александровича пролетных вальдшнепов, останавливавшихся в полезащитных лесополосах на дневной отдых, а также ушастых сов, стайка которых была вспугнута в зарослях. Их прекрасные фотографии, сделанные тогда Б.А. Казаковым, до сих пор хранятся в моем архиве. Заодно я демонстрировал свои знания птиц, легко узнавая по голосу и повадкам всех знакомых мне лесных обитателей, летевших на юг из средней полосы, из родного Полесья: различных дроздов, зарянок, чижей, вьюрков, лесных завирушек и др.

Никаких замечаний ко мне со стороны Бориса Александровича я тогда не услышал, а позже, в мае 1969 года, мы с ним уже на равных коллектировали птиц в экспедиции по Ставрополью и Калмыкии. После 3 курса, по совету Б.А. Казакова, я начал изучение орнитофауны лесонасаждений Ростовской области, отправившись сначала в Ленинский лесхоз на юге Азовского района, где преддипломную практику 10 лет назад проходил и сам Казаков. Он квартировал там тогда вместе со своей женой-однокурсницей Татьяной Геннадьевной в доме одинокой, простой крестьянки – тетки Вари. К ней же приехал летом 1970 года и я со своей Татьяной, устроившись в палатке среди заросшего спорышом зеленого двора. Затем я отправился собирать птиц в леса на реке Миус в Матвеево-Курганском районе в северо-восточном Приазовье, а после 4 курса работал в молодых лесопосадках в Сальском, Пролетарском и Орловском районах на юго-востоке Ростовской области.

Собранную мною за два года коллекцию из 173 экземпляров птиц, часть из которых была представлена видовыми серями до 10-20 экземпляров, я начал определять потом до подвидов с помощью Б.А. Казакова на кафедре зоологии РГУ, где хранились большие сборы, уже обработанные им в Зоологическом музее МГУ в Москве и в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде. Борис Александрович имел хорошее зрение, улавливая незначительные отличия в оттенках окраски разных подвидов, различая тонкие цветовые переливы на блёстках их оперения. И мы вдвоем с Б.А. Казаковым с интересом выясняли особен-

ности распространения кавказских и европейских форм в Предкавказье по большим сериям политипических видов птиц, собранным на юге России. Особенно интересным для нас оказался обыкновенный скворец, много разных подвидов которого гнездилось, зимовало и мигрировало по Предкавказью.

Позже Б.А. Казаков опубликовал статью с изложением своих взглядов на систематику скворцов Предкавказья, а я пытался найти закономерности распространения их подвидов на просторах Евразии. Но мои рукописи получались громоздкими, витиеватыми, с длинными, сложными предложениями, суть которых трудно было разобрать с первого раза. И Борис Александрович настойчиво объяснял мне, что нужно писать четко, ясно, более короткими, простыми фразами, чтобы они были понятны любому читателю.

Только к концу 5 курса я немного освоил премудрости работы с научными текстами и свой диплом писал фактически уже на одном дыхании, тем более что нас поджимало еще и время предстоящей защиты. Борису Александровичу я показал тогда лишь один видовой очерк из дипломной работы, получил у него «добро» и потом принес ему уже готовую рукопись, которую даже такой дотошный и требовательный рецензент как доцент В.С. Петров оценил на «отлично». Немалая заслуга в этом успехе принадлежала, несомненно, и моему учителю – руководителю Б.А. Казакову.

На старших курсах Борис Александрович начал постепенно вводить меня в круг своих знакомых-орнитологов. По его рекомендации летом 1970 г. я побывал в Краснодаре, где познакомился с Владимиром Станиславовичем Очаповским – широко известным кубанским орнитологом. Это был моложавый, но несколько грузноватый мужчина, дружелюбно, с приятной улыбкой, встретивший меня на пороге своей квартиры. Он пригласил меня в просторный кабинет с книжными шкафами у стен и с огромным столом посредине. Весь стол был завален книгами, бумагами и многочисленными банками и склянками с законсервированными желудками птиц и их содержимым, определением которого занимался Владимир Станиславович. Среди всего этого «богатства» едва заметно выделялась пишущая машинка с заправленной в нее бумагой.

Кроме того, я съездил в Славянск-на-Кубани, где встретился с известным местным краеведом – журналистом Николаем Леонтьевичем Заболотным, хорошо знавшим всех кубанских птиц и природу дельты Кубани, собиравшим коллекцию птичьих яиц и кладок, помогавшим ростовским студентам и аспирантам в их научных исследованиях. Вместе с Николаем Леонтьевичем мы побывали в 1970 г. в лесу у реки Протоки, а также в искусственном лесном массиве среди рисовых чеков, где

позже я обнаружил большую смешанную колонию голенастых птиц.

Борис Александрович много рассказывал также о московском орнитологе Лео Суреновиче Степаняне и о его работах по систематизации орнитофауны СССР, а также о Леониде Александровиче Портенко из Ленинграда, которые помогали Б.А. Казакову в обработке больших, многолетних сборов кавказских птиц и в описании новых местных подвидов. Борис Александрович надеялся, что и мне удастся съездить в Ленинград, в Зоологический институт к Л.А. Портенко для обработки своей коллекции, собранной в 1970-1971 гг. при подготовке дипломной работы. Но, к сожалению, времени и средств на эту поездку найти мне тогда не удалось, что в какой-то мере и предопределило мою дальнейшую судьбу.

Более подробный рассказ о Борисе Александровиче, а также яркие, эмоциональные воспоминания о нем его последней ученицы Марины Васильевны Сиденко с ее разрешения приведены ниже. А здесь я хотел бы сказать еще несколько слов и о других преподавателях РГУ, с которыми мне довелось много общаться и работать.

* * *

В мае 1967 года вместе с Б.А. Казаковым я познакомился на кафедре зоологии также с ее заведующим – доцентом Николаем Сидоровичем Олейниковым. Именно он, пригласив меня в экспедицию на Сладкий Лиман в Краснодарский край, определил тем самым и мою будущую Alma mater.

В то время Н.С. Олейникову было уже 65 лет, но он по-прежнему вел активную организационную и научную работу. На кафедре у Н.С. Олейникова училось и работало несколько аспирантов и соискателей: Г.П. Лукина, защитившая диссертацию по рептилиям Западного Предкавказья; Н.Х. Ломадзе, изучавшая экологию и хозяйственное значение веслоногих и голенастых птиц в плавнях Восточного Приазовья; И.М. Языкова, занимавшаяся чайковыми птицами на островах озера Маныч-Гудило. В Ставрополе, в Противочумной системе Кавказа, работал териолог П.Ф. Емельянов, изучавший под руководством Н.С. Олейникова грызунов Закавказья. Позже в аспирантуру поступили ихтиолог В.Г. Позняк и орнитолог Ю.Я. Кожевникова. Соискателем готовил кандидатскую диссертацию о птицах Западного Предкавказья также ассистент Б.А. Казаков.

Сам Н.С. Олейников в 60-70-е годы, в годы моей учебы в университете, занимался изучением водоплавающих и околоводных птиц Предкавказья, разрабатывал методы увеличения промысловых ресурсов охотничьей дичи с помощью искусственных гнездовий. Он регулярно ездил для установки и обследования этих гнезд в охотхозяйства Ростов-

ской области и Краснодарского края – в Восточное Приазовье и на Маныч. Кроме того, Н.С. Олейников организовал несколько комплексных эколого-фаунистических экспедиций по Предкавказью, в двух из которых участие принял и я, получив при этом мощный импульс для продолжения научных исследований.

Пройдя сложный жизненный путь в послереволюционные и предвоенные годы в Средней Азии, где Николай Сидорович родился в 1902 году, отшагав затем с 1941 по 1946 год по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны, майор Н.С. Олейников приобрел достаточно жесткий, требовательный, «командирский» характер. Поэтому, возглавив в 1957 году кафедру зоологии РГУ, он пытался и в «ученой» среде диктовать свою волю, что вызывало подспудную напряженность среди преподавательского состава кафедры. Тем не менее, получив в 1972 году запланированное для кафедры зоологии место в аспирантуре, Николай Сидорович не смог убедить вышестоящее руководство в целесообразности продолжения моей учебы в университете. В результате мне пришлось идти на два года служить в Армию, а в аспирантуру к Н.С. Олейникову поступила наша однокурсница Ю.Я. Кожевникова (Мягкова), сделавшая в итоге неплохую работу по водоплавающим птицам Приазовья.

Но в 1974 году Н.С. Олейников, при поддержке Б.А. Казакова, вновь добился места в аспирантуру по кафедре зоологии, правда, теперь в заочную. И я, вернувшись из Даурской «ссылки» в Ростов, смог продолжить свои прерванные исследования. Правда, вначале Н.С. Олейников обсуждал с Б.А. Казаковым другую диссертационную тему для моей работы – птицы рисовых полей Предкавказья, которой в свое время занимались студенты-выпускники Казакова – В.В. Данченко и Е.А. Брагин. И я начал готовиться к этому новому направлению исследований: набросал план и структуру предстоящей диссертационной работы, в библиотеке выяснял географию рисосеяния на юге России, уточнял основные вопросы, представлявшие интерес для данной диссертации и др.

Однако осенью 1974 года Н.С. Олейников неожиданно ушел на пенсию, а руководство новоиспеченным аспирантом поручили доценту В.С. Петрову. Он долго занимался изучением птиц искусственных степных лесов и предложил эту тему мне, тем более хорошо зная о моих студенческих исследованиях в лесонасаждениях юга Ростовской области, поскольку сам рецензировал мою дипломную работу.

Биографический очерк и личные воспоминания о Николае Сидоровиче Олейникове, специально подготовленные по моей просьбе одним из его последних учеников, известным ихтиологом В.Г. Позняком, с его разрешения тоже приводятся ниже.

* * *

Владимир Степанович Петров, в отличие от Н.С. Олейникова, обладал мягким, приятным, доброжелательным характером, при встречах излучал обычно легкую, обаятельную улыбку, но в глубине души тоже был достаточно жестким и несговорчивым исследователем. Однако эта черта его характера проявлялась редко и вообще не афишировалась.

Непререкаемым авторитетом, кумиром для него до конца жизни был его учитель, профессор Харьковского университета, известный орнитолог Илья Борисович Волчанецкий, о котором В.С. Петров в свободное время мог неоднократно рассказывать часами. Однако сам Владимир Степанович занялся орнитологией в Харькове, по-видимому, в какой-то мере случайно, только в студенческие годы – по рекомендации И.Б. Волчанецкого. И орнитологическая наука была для него, как мне представляется сейчас, лишь обычной, простой работой, но вовсе не увлечением, не любимым занятием. По крайней мере, разговоры о своих текущих научных исследованиях во время наших встреч в годы учебы в аспирантуре он заводил весьма редко.

В.С. Петров много помогал мне с поисками старой специальной литературы, предоставил некоторые свои неопубликованные данные о птицах искусственных лесонасаждений Ростовской области, познакомил с И.Б. Волчанецким, но разрабатывать программу диссертационной работы, планировать географию исследований, обрабатывать собранные материалы мне всё время приходилось фактически самому. Владимир Степанович почти не интересовался даже конкретными фаунистическими результатами моих самостоятельных поездок по Ростовской области, Краснодарскому и Ставропольскому краю и Калмыкии.

Проверка рукописи кандидатской диссертации, которую я завершил в начале 1981 года и положил на стол В.С. Петрову 12 февраля, в день рождения моей дочери, продолжалась более полугода. Каждую неделю я приходил к Владимиру Степановичу домой, где получал очередную главу или какой-то раздел диссертации с пометками на полях и подробными комментариями к ним на отдельных листочках, исписанных очень аккуратным мелким почерком. Но поскольку рукопись была распечатана мной на портативной пишущей машинке «Москва» лишь в одном экземпляре и всё время оставалась у руководителя, то работать над замечаниями по отдельным разделам, не имея под руками всего текста, тоже требовавшего параллельной корректировки, было трудно, зачастую невозможно. И лишь осенью, получив последние проверенные главы диссертации, я занялся ее доработкой.

К сожалению, некоторые мои новые идеи и терминология, предлагавшаяся в работе, не всегда находили поддержку у руководителя. В.С. Петров в этих случаях часто руководствовался своим простым

принципом: зачем изобретать велосипед, если есть телега. Если имеются 2-3 гипотезы, зачем разрабатывать новую, проще сослаться на уже известную. Иногда заключения руководителя озадачивали меня и вовсе, например: я не знаю, как должно быть правильно, но в диссертации написано неправильно!

Большую часть замечаний В.С. Петрова по диссертации я исправил, но некоторые принципиальные положения решил оставить в собственной трактовке, не видя в этом особого криминала. Однако когда в начале 1982 года, после переделки, я представил свою диссертацию на заседании кафедры зоологии РГУ, В.С. Петров неожиданно для всех выступил с резким заявлением, что диссертант не учел его замечаний, и диссертация требует доработки. А через некоторое время, при личной встрече, он предложил мне поискать другого руководителя, после чего мне ничего не оставалось делать, как идти с этим вопросом к нашему единственному тогда «профессору» В.А. Миноранскому.

Позже, в автореферате кандидатской диссертации, я всё же оставил имя В.С. Петрова в качестве своего соруководителя, учитывая его вклад в проделанную работу, а также из уважения к нему и к его многолетним исследованиям орнитофауны степных лесонасаждений. И после успешной защиты диссертации в начале 1986 года в Киевском Институте зоологии АН УССР, где работали некоторые друзья и однокурсники В.С. Петрова, доброжелательные отношения между нами восстановились и продолжались до последних дней жизни Владимира Степановича.

* * *

В.А. Минoранский, наш знаменитый ростовский «Аристотель», тоже прошел непростой путь в науке. Справедливости ради следует сказать, что зоология для него представляла, в общем-то, фактически единственное занятие, весь смысл его жизни, и он практически всё свободное время отдавал ей – и в студенческие годы, и позже, и в последнее время, публикуя множество специальных статей и книг о насекомых, птицах, зверях и других животных. А обвинения, нередко звучавшие в его адрес от сотрудников кафедры зоологии, иногда казались мне излишними наговорами завистников. Поэтому-то, изначально исповедуя презумпцию порядочности всех окружающих, я рискнул обратиться к нему по поводу своей кандидатской диссертации, и в 1982 году с благодарностью принял помощь В.А. Минoранского в подготовке этой работы.

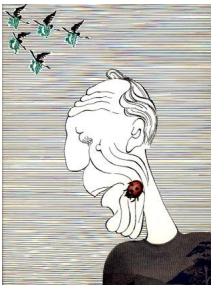
Обладая значительным опытом редакторской деятельности, много занимаясь составлением и рецензированием диссертаций, В.А. буквально в течение двух недель просмотрел все 150 страниц моей рукописи, подправил в тексте отдельные «угловатые» места, убрал излишние повторы, а также акцентировал мое внимание на более корректном

изложении узловых моментов диссертации, важных с точки зрения публичной защиты.

Занимаясь в то время в основном энтомологией, В.А. не особенно вникал в суть теоретических рассуждений орнитолога. Спорить было не о чем. Я еще раз переработал диссертацию, еще раз показал ее В.А. Миноранскому, после чего мог уже спокойно ехать в Киев на «смотрины» к Михаилу Анатольевичу Воинственскому – в то время крупнейшему знатоку орнитофауны Восточно-Европейских степей.

Но позже, когда я познакомился с новыми, появившимися в 1990-е годы орнитологическими публикациями В.А., касавшимися уже хорошо известной мне тематики исследований, стало ясно, что он действительно не гнушался ни плагиатом, ни халтурой, ни фальсификациями, и с тех пор я был вынужден полностью прервать с ним всякое сотрудничество. Стали понятны мне и те слова о нем, которые я слышал прежде.

https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/addpages/Andrey_Ukrainsky_Library/Specialists_files/Minoranskij-charge.jpg



Об этом говорить не очень-то приятно и не совсем прилично, но справедливости ради, чтобы расставить все точки над «i», объяснить наши принципиальные расхождения во взглядах и предупредить несведущих коллег о качестве научной продукции В.А., я вынужден вкратце раскрыть историю его «роста», которую мне поведали коллеги. Еще во время учебы в университете проявился откровенный эгоизм В.А., который уже тогда привел его к самоизоляции в студенческом коллективе. Так, занимаясь под руководством доцента В.С. Петрова изучением птиц озера Маныч-Гудило, В.А. собрал в Заманычье также коллекцию мелких млекопитающих, но, по словам Б.А. Казакова, категорически отказался поделиться этими материалами со своим сокурсником А.В. Сурвилло, который писал дипломную работу по фауне грызунов Ростовской области.

Позже В.А. самостоятельно опубликовал сведения о пеликанах на озере Маныч-Гудило, частично полученные в разговорах с сотрудниками кафедры зоологии. В 1971 г. в журнале «Природа» была напечатана статья В.А. о поведении осы-пелопея, которая практически полностью, без каких-либо изменений, повторяла студенческий отчет А.И. Фомичева с его оригинальными рисунками и фотографиями. Выявленные случаи плагиата послужили поводом для исключения В.А. с кафедры зоологии и его перевода на работу в другое подразделение РГУ.

Защитив в университете в 1961 г. диплом по орнитологии, В.А. тут же оставил птиц и занялся насекомыми, поскольку в это время пред-

ставилась спекулятивная возможность поступить в аспирантуру к известному энтомологу Н.Н. Архангельскому. А в 1990-е годы, когда в России началось интенсивное формирование сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и Рамсарских водно-болотных угодий (ВБУ), когда появились гранты и финансирование на проведение орнитофаунистических исследований по программе Ключевых орнитологических территорий России (КОТР), В.А. вновь переметнулся в орнитологию, зачастую шокируя специалистов своими многочисленными новыми «находками» птиц и другими открытиями в Ростовской области.

Не всё было складно, по-видимому, и с его работой по энтомологии, поскольку материалы кандидатской диссертации В.А., например, были опротестованы известным ростовским специалистом профессором А.Е. Моисеевым, и свою диссертацию В.А. защитил лишь со второй попытки в 1967 г., через 3 года после окончания аспирантуры и подальше от глаз сведущих оппонентов – в Сельскохозяйственной академии УССР. Тайком от многих готовилась и в 1974 г. защищалась в той же Академии также и докторская диссертация «Вредные насекомые свекловичных полей Нижнего Дона и степной зоны Северного Кавказа».

Когда после отставки Н.С. Олейникова в 1974 г., В.А. вскоре вернулся на кафедру зоологии, а в 2000 г. и возглавил ее после ухода профессора А.В. Пономаренко на пенсию, научная атмосфера здесь стала меняться, и грамотные, принципиальные специалисты начали постепенно покидать кафедру. Поэтому, например, в «Красной книге Ростовской области», изданной в 2004 г., В.А. Миноранскому пришлось самому писать практически обо всех животных: о червях и насекомых, земноводных и рептилиях, птицах и млекопитающих, заявив тогда о себе как о классическом эрудите, знающем всё и обо всём. При этом некоторые видовые очерки беззастенчиво переписывались им в «Красную книгу» из чужих публикаций.

* * *

В университетские годы у меня был еще один неординарный, «заочный» учитель, с которым мне пришлось познакомиться, однако, лишь много лет спустя, в 1984 году, через 12 лет после окончания университета. Впервые же я узнал о нем в конце 1960-х годов на биофаке РГУ. Там на кафедре зоологии мне приходилось иногда слышать разные небылицы о нем, постоянно сталкиваться со сделанными им еще в студенческие годы чучелами животных, в том числе, как выяснилось позже, – достаточно уникальных, например зеленых дятлов, позже исчезнувших в Ростовской области. Перед моими глазами на больших стендах всё время стояли сделанные им фотографии птиц: луговой лунь у гнезда в густых зарослях высокотравья, самец стрепета в великолепном

брачном наряде, летящий над широкой степью, и др. Затем его черно-белые и цветные фотоснимки животных стали появляться в журналах.

Первая же попытка моего личного знакомства с этим необычным учителем – Борисом Алексеевичем Нечаевым – оказалась безуспешной. В мае 1977 года, с рекомендательным письмом от В.С. Петрова, хорошо знавшего Б.А. Нечаева, я приехал на лесной кордон в низовьях Северского Донца, когда хозяина не было дома: по служебным делам он надолго отбыл в Москву, где на Всесоюзной Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) представлял свои охотоведческие успехи.

Меня встретила супруга Бориса Алексеевича – бывшая студентка РГУ, которая приехала когда-то к Нечаеву для сбора материалов к своей дипломной работе по зоологии, да так и осталась с ним в лесу. Светлана Евгеньевна тоже работала в охотхозяйстве, которым руководил Нечаев, и с ее разрешения я устроился на егерском кордоне у хутора Огиб, спрятавшегося за песками на берегу Донца возле самого леса. Там, коллектируя мелких птиц, я провел несколько дней в длительных походах с ружьем по глухим лесным тропам, а также по обширным окрестным пескам в поисках авдоток и стрепетов.

Много позже я был вынужден обратиться к Борису Алексеевичу с письмом, в котором просил помочь в иллюстрациях цветными слайдами своих статей о донских птицах в журнале «Природа», и после этого нам удалось познакомиться заочно. А вскоре Нечаев сам появился на пороге моего дома. Открыв как-то входную дверь по звонку, увидел широко улыбавшегося незнакомца, стоявшего на пороге в защитной форме, в фуражке с зеленым околышем: «Вы хотели видеть Нечаева? Знакомьтесь, он самый и есть!».

* * *

Пользуясь возможностью, хочу сказать здесь несколько слов еще об одном Человеке из РГУ, который не был ни моим учителем, ни даже близким знакомым, но оставил во мне и во всех наших студентах неизгладимый след на долгие годы. Это наш Ректор – Юрий Андреевич Жданов, который руководил Ростовским университетом более 30 лет и вывел его тогда в число крупнейших вузов страны.

Мне приходилось изредка видеть Ректора в коридорах РГУ – на улице Энгельса, 105, где мы учились рядом с ректоратом, только на разных этажах. Иногда я слушал выступления Ю.А. Жданова на собраниях, митингах, других встречах и всегда поражался его удивительной памятью, четким, ясным языком, последовательной, логичной речью.

Уже после окончания университета, встречаясь временами с Евгением Петровичем Гуськовым, который в наши студенческие времена работал ассистентом кафедры генетики и вёл у нас семинарские занятия

по дарвинизму, до этого же ездил в экспедиции и под руководством В.Э. Мартино занимался герпетологией, а позже стал известным профессором, директором НИИ биологии РГУ, я неоднократно слушал его рассказы о Юрии Андреевиче. Еще со студенческих лет Е.П. Гуськов был близко знаком с Ю.А. Ждановым, знал его семью, бывал у него дома. По словам Гуськова, то было особое время, или, как он его называл, – «Юрский период», когда Юрий Андреевич интенсивно развивал инфраструктуру РГУ, строил новые университетские корпуса, создавал новые НИИ, научные школы…

Интеллигентность, образованность и разносторонность личности Ю.А. Жданова, формировавшейся с детства в семье известного государственного и партийного деятеля СССР, осталась в нашем Ректоре до конца его жизни. И ушел Юрий Андреевич от нас в декабре 2006 года, сразу же вслед за ликвидацией его детища – РГУ, трансформированного по решению сверху в гибридный, двуликий ЮФУ.

Юрий Андреевич оставил богатое творческое наследие, и не только как химик-органик, которым он был по специальности, но и как философ, как искусствовед, литератор. Для меня очень памятной и поучительной оказалась его небольшая книга лирических воспоминаний о встречах с природой, в которой высказывались глубокие философские взгляды автора на жизнь, на человека. Она учила меня жить и понимать окружающий мир не только как красивую стереоскопическую фотографию, но как остросюжетный динамичный процесс – процесс борьбы единства и противоположностей…

Борис Александрович Казаков*

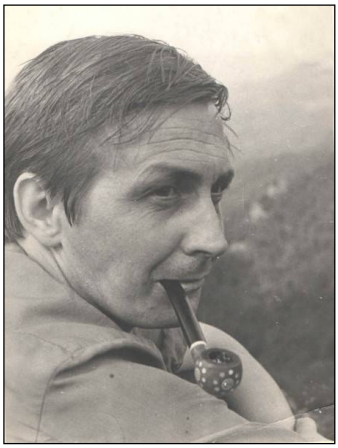
(21 апреля 1938 – 17 сентября 2006)

Борис Александрович Казаков был общепризнанным лидером орнитологов Северного Кавказа, посвятившим всю свою жизнь изучению и охране птиц этого края. Несмотря на тяжелую болезнь, сковавшую его в 1998 году, все последние годы своей жизни он активно занимался подготовкой фундаментальной сводки «Птицы Северного Кавказа», отдавая все силы изданию этого труда, первый том которого увидел свет в 2004 году, незадолго до кончины Бориса Александровича.

Родился Б.А. Казаков 21 апреля 1938 года в г. Ростове-на-Дону.

* Опубликовано с изменениями: Ломадзе Н.Х., Белик В.П., 2006. Борис Александрович Казаков (21.04.1938 – 17.09.2006) // Стрепет, т.4., вып.2.- С.100-105; Ломадзе Н.Х., Белик В.П., 2006. Памяти Бориса Александровича Казакова: 21.04.1938 – 17.09.2006 // Орнитология, вып.33.- С.245-248.

Его мама А.Б. Демьяненко с бабушкой и двумя детьми-погодками в годы Отечественной войны остались в Ростове в своём одноэтажном доме. Здесь семья перенесла и голод, и прифронтовые бомбежки. Босоногое и голодное послевоенное детство тоже прошло в Ростове. Рядом были уличные друзья, тихий Дон, удочка, рогатка. С этого, наверное, и началось его познание Окружающей Среды. Следует заметить, что Борис Александрович до самых последних дней так и остался заядлым рыболовом и охотником, и еще незадолго до своей кончины активно готовился к открытию осенней охоты на водоплавающих птиц.



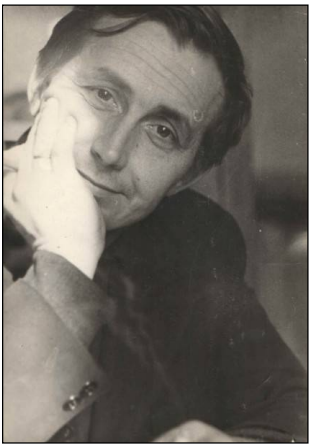


Фото из семейного архива Евгении Борисовны Казаковой

Интерес к птицам проявился у него в 4-5 классах: сосед-голубятник, птичий рынок, ловля синиц с другом-однокашником Жоркой Мешковским, ставшим впоследствии летчиком. В это время судьба послала Б.А. Казакову первого настоящего Учителя. Им оказался увлеченный изучением птиц первокурсник биофака Ростовского университета В.С. Очаповский, которого в семью Казаковых привел квартировавший у них другой студент-биофаковец. Владимир Станиславович впервые познакомил школьника с биолого-почвенным факультетом, с учебной практикой по беспозвоночным, со своей научной работой.

С тех пор Б.А. Казаков стал регулярно ходить на заседания научного кружка кафедры зоологии РГУ. В.С. Очаповский был хорошим учителем и за 5 лет общения привил Б.А. Казакову интерес к изучению фауны, научил добывать птиц, собирать научную коллекцию, вести полевой дневник, пользоваться научной литературой, сумел передать многое из своих теоретических познаний. Он и позже, до конца своих дней,

по воспоминаниям Бориса Александровича, оставался его Учителем.

В 1955 г. Б.А. Казаков закончил школу, но затем почти год проработал на Ростсельмаше и лишь в 1956 г., со второй попытки, стал студентом биолого-почвенного факультета Ростовского университета. С первых дней обучения в РГУ его опекал Владимир Эммануилович Мартино, работавший тогда лаборантом кафедры зоологии. Для Казакова он стал особым Учителем: искренним, внимательным, добрым и порядочным человеком, известным всему ученому миру зоологом, прекрасным знатоком фауны Балкан. Будучи профессором Белградского университета, в РГУ он основал новое научное направление кафедры зоологии.

Выпуск кафедры зоологии РГУ 1961 года. Сидят: Н.Х. Ломадзе, В.С. Петров, В.Э. Мартино, Н.С. Олейников, Т.И. Крицкая и студентка. Стоят в центре Б. Казаков, справа от него Т. Казакова, между ними В. Миноранский, крайний справа А. Сурвилло

Общение с В.Э. Мартино помогло Б.А. Казакову стать настоящим натуралистом, обладающим широким кругозором, не ограниченным рамками узкой специализации. Владимир Эммануилович первым научил обобщать собранные факты, оформлять их в научные сообщения, привил вкус к тщательному коллектированию. Специальным орнитологическим исследованиям Б.А. Казаков учился у доцентов Н.С. Олейникова и В.С. Петрова. Первый стал его официальным научным руководителем, второй учил своей работой, примером.

В 1961 г. Б.А. Казаков получил диплом об окончании университета и вместе с женой и маленькой дочкой Алёной уехал на Маныч, в станицу

Пролетарскую: молодые учителя – Казаковы по распределению попали на работу в местную школу-интернат. Здесь Б.А. Казаков продолжал активно заниматься орнитологией: коллектировал птиц, проводил наблюдения в природе, опубликовал несколько фаунистических сообщений. Биолог Казаков, работая сельским учителем, стал чутким и внимательным педагогом. Эта педагогическая практика позволила Борису Александровичу легко перейти в ВУЗ, стать блестящим университетским преподавателем. В 1965 г. он был принят по конкурсу ассистентом на кафедру зоологии РГУ, где и проработал всю свою дальнейшую жизнь.

Первые существенные научные результаты были получены Б.А. Казаковым еще во время его преддипломной студенческой практики, которую он проходил в Ленинском (Атаманском) лесхозе – в большом, старом искусственном лесу на юге Азовского района Ростовской области. Коллектируя там птиц, студент Казаков впервые установил, что некоторые виды кавказской лесной фауны расселились на север за 200 км от исконных мест обитания. Анализ этого расселения стал в последующем одной из тем его диссертационного исследования, позже – темой моей дипломной работы, выполнявшейся под руководством Б.А. Казакова, а затем и моей кандидатской диссертации. Свою кандидатскую диссертацию «Птицы Западного Предкавказья» Борис Александрович блестяще защитил в январе 1975 г. на заседании Ученого совета биолого-почвенного факультета РГУ. Позже Б.А. Казаков начал активную подготовку докторской диссертации об орнитофауне всего Северного Кавказа, но тяжелая болезнь прервала эту интересную и важную работу.

При изучении географической изменчивости птиц Б.А. Казаковым было установлено, что в Предкавказье происходит встречное расселение конспецифичных подвидов европейской и кавказской фаун. Зоны пространственного контакта, сформировавшиеся между такими подвидами, стали рассматриваться специалистами-орнитологами как своеобразные естественные полигоны, позволяющие оценивать различные особенности микроэволюционных процессов в популяциях птиц.

Результатом тщательных исследований внутривидовой изменчивости у птиц стало описание двух новых для науки подвидов камышевок: *Locustella luscinioides sarmatica* Kazakov, 1973, и *Lusciniola melanopogon albiventris* Kazakov, 1974. Кроме того, Б.А. Казаковым был определен таксономический статус предкавказских популяций белоусой славки, обыкновенного скворца, полевого воробья и некоторых других видов птиц. Позже на кафедре зоологии РГУ под руководством Б.А. Казакова были продолжены работы по изучению внутривидовой изменчивости политипических видов птиц, хотя ранее подобные исследования, требующие специальной подготовки, считались исключительной

прерогативой зоологов из академических институтов.

Основным научным направлением в исследованиях Б.А. Казакова всегда оставалась фаунистика. При этом он внимательно изучал влияние хозяйственной деятельности человека на пространственное распределение птиц Нижнего Дона и Северного Кавказа. В последние десятилетия его особое внимание привлекли водные и околоводные птицы. Совместно с коллегами по кафедре зоологии РГУ (Н.С. Олейников, Н.Х. Ломадзе, В.С. Петров), своими выпускниками (В.П. Белик, С.В. Данченко, А.Д. Липкович, Е.А. Брагин) и орнитологами Северного Кавказа (П.А. Тильба, А.Н. Хохлов, Ю.В. Пишванов, Ю.Е. Комаров) он опубликовал ряд фундаментальных работ по гусеобразным, ржанкообразным, поганкообразным, аистообразным и другим птицам, сведения из которых широко использовались затем при подготовке сводок по орнитофауне России. Борис Александрович собрал большие оригинальные материалы по редким видам животных для «Красной книги России», многие свои наблюдения над животными он обобщил в книгах «Ресурсы живой фауны» (1982) и «Берегите, их осталось мало» (1983).

Будучи ведущим специалистом по птицам Северного Кавказа, Б.А. Казаков в 1980-е годы стал одним из организаторов и первым главой Северо-Кавказского отделения Всесоюзного (позже Мензбировского) орнитологического общества, которое позволило объединить усилия всех орнитологов этого интересного и малоизученного тогда региона. Он начал работу над коллективной монографией «Птицы Северного Кавказа» (в 2004 году опубликован 1-й том, основным автором которого был Б.А. Казаков), принял участие в организации периодического издания «Кавказский орнитологический вестник» (отв. редактор А.Н. Хохлов).

Б.А. Казаков был широко эрудированным биологом-натуралистом. Он прекрасно ориентировался в разных группах животных. При его участии обсуждались и планировались разнообразные научные исследования. Он был необычайно требователен к себе, что хорошо видно по его публикациям, отличающимся тщательным и скрупулезным анализом материала. По мнению коллег, отсутствие в его работах поверхностных суждений и выводов делает их надежным источником сведений о фауне Северного Кавказа. Всего им было опубликовано более 200 научных работ.

Интересы Б.А. Казакова не ограничивались фундаментальными исследованиями. Он активно сотрудничал с Управлением охотничьего хозяйства Ростовской области и с охотничьими хозяйствами региона, долго и основательно изучал ресурсы гусеобразных и их естественное воспроизводство. Совместно с Н.С. Олейниковым, а позже с Н.Х. Ломадзе он более 30 лет проработал в Сладко-Лиманском охотхозяйстве (Краснодарский край) и более 20 лет – на Манычском участке Ростов-

ского госохотхозяйства. Исследования на этих стационарах, проводившиеся с привлечением сотрудников и студентов кафедры зоологии РГУ, позволили получить богатейший материал по гнездовой жизни гусеобразных и пастушковых, разработать и внедрить в производство комплексные мероприятия, направленные на увеличение поголовья охотничье-промысловых видов птиц.

Научно-исследовательская и педагогическая работа составляла для Б.А. Казакова единое целое. Обладая широкой эрудицией, он даже в традиционных описаниях морфологии животных учил студентов видеть результаты увлекательных исследований. Многие студенты биофака, независимо от дальнейшей специализации, на летней учебной практике по зоологии проводили под руководством Б.А. Казакова свои первые серьёзные научные исследования. Результаты многих работ, выполненных совместно со студентами, регулярно публиковались Б.А. Казаковым в научной печати. В итоге подобных «учебно-исследовательских» работ осуществлялось планомерное накопление сведений о животном мире Северного Кавказа. А материалы о птицах, собиравшиеся с 1961 г., использовались затем для подготовки видовых очерков в сводках «Ресурсы живой фауны» и «Птицы Северного Кавказа», а также для проведения дальнейших мониторинговых исследований.

К своим ученикам-зоологам Б.А. Казаков всегда относился, как к равным коллегам. Он не боялся предлагать им серьёзные и достаточно сложные научно-исследовательские темы, связанные с изучением неизвестных особенностей отдельных видов или эколого-фаунистических группировок. Педагог Казаков предоставлял студентам уникальную возможность почувствовать себя первооткрывателями, что в свою очередь способствовало формированию из них увлеченных исследователей.

Сам Б.А. Казаков еще со студенческой скамьи, помимо птиц, увлекался рукокрылыми. Он постоянно приобщал к этим исследованиям и студентов. Вместе с ними Б.А. Казаков стал лучшим знатоком фауны рукокрылых Северного Кавказа. Под его руководством и при непосредственном участии на кафедре зоологии РГУ была создана уникальная коллекция рукокрылых региона. Кроме летучих мышей, Б.А. Казакова интересовали и копытные Ростовской обл., заселившие эту территорию в 70-е - 80-е годы, а также сурок-байбак, реакклиматизацией которого занимались охотоведы. Б.А. Казаков организовал серию специальных исследований, посвященных изучению этих животных. Помощниками в выполнении данных работ тоже являлись студенты, многие из которых стали потом отличными охотоведами-практиками.

Много сил и внимания Б.А. Казаков отдавал популяризации науки и пропаганде идей охраны природы. Он выступал с лекциями на радио,

публиковал популярные заметки в газетах, регулярно встречался с охотоведами и егерями. Б.А. Казаков, совместно с коллегами, занимался экологическим воспитанием студентов и школьников, регулярно организуя поездки в природу, связанные с работами по учетам и мечению животных, по созданию условий для их размножения. По предложению Б.А. Казакова были созданы стационары для проведения экологических исследований – Ленинский лесхоз (Азовский район Ростовской обл.), база практики «Белая Речка» в пос. Никель (Майкопский район Адыгеи), Северное лесничество Кавказского биосферного заповедника (Гузерипль – Абаго) и другие районы, где постепенно накапливались сведения для последующего ведения мониторинговых работ.

Борис Александрович известен также как прекрасный фотохудожник. Его фотоработы показывали тайны природы и красоту окружающего нас мира. Вместе со студентами биолого-почвенного факультета он организовал фотоклуб «БИОС», и некоторые члены этого клуба стали впоследствии профессиональными фотомастерами.

Б.А. Казакову удалось подготовить немало высококлассных специалистов-зоологов. Многие из его выпускников получили подготовку, достаточную для работы в разных областях биологии, стали научными сотрудниками заповедников, научно-исследовательских институтов, охотничьих хозяйств, успешно работают в ВУЗах и в школе.

В аудиториях университета, во время проведения полевых практик и экспедиционных выездов студенты и коллеги, окружавшие Б.А. Казакова, получали от него не только профессиональное общение, но и мощный импульс доброты, участия, человеколюбия. Уважение к личности, любовь к природе, порядочность в научных исследованиях – главные качества Б.А. Казакова, которые он стремился развивать и в своих учениках.

Из воспоминаний о Борисе Александровиче Казакове

Сиденко Марина Васильевна
http://marisidenko.livejournal.com/19297.html

«*Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду,*
– Что ленты от Ваших венков!
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков»
(Марина Цветаева)

21 апреля в доме моего научного руководителя – Бориса Александровича Казакова всегда был праздник, день его рождения. Живя

в Ростове-на-Дону, в этот день я каждый год приходила в его гостеприимный дом на улице Портовой и погружалась в атмосферу спокойствия, любви, заботы и внимания. С тех пор прошло уже более 10 лет. Жизнь изменилась, многое стало другим, продан дом на Портовой, но и сейчас, закрыв глаза, я вижу этот дом с великолепным садом – частичкой Западного Кавказа, где в это время уже цвели различные первоцветы и тюльпаны всяких разнообразных сортов, дом с кошками, собаками, курочками и доброжелательными домочадцами. Вот сейчас к калитке подойдёт Борис Александрович и с обаятельнейшей улыбкой скажет: «Тата, к нам Мариша с булочками пришла!»…

Знаю, что не всем удаётся сохранять хорошие отношения со своими научными руководителями. Мне повезло, у меня был золотой научный руководитель. Б.А. Казаков для меня был больше, чем руководитель. Мой папа умер рано, вскоре после того, как я закончила школу, и от Бориса Александровича я получала отеческое внимание, тепло и заботу, которых мне не хватало по жизни. Пожалуй, он был мне как второй отец. Сегодня очень хочется написать о нём. Я не буду писать о его научных достижениях. Они хорошо описаны его коллегами и первыми учениками. Мне хочется написать о нём как о Человеке.

Борис Александрович Казаков один из лучших орнитологов Северного Кавказа, общепризнанный лидер. Он коренной Ростовчанин, в своё время закончил Ростовский государственный университет. В начале 1975 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Птицы Западного Предкавказья» и большую часть своей жизни проработал в родном Ростовском государственном университете. Мне посчастливилось писать под его руководством курсовые, дипломную работу, а позже и выполнять диссертационное исследование. Борис Александрович подготовил немало высококлассных специалистов – зоологов. Волею судьбы я стала его последней ученицей.

В студенческой среде Борис Александрович был человеком-легендой. На первых курсах моей учёбы в университете, когда встал вопрос выбора научного руководителя, друзья старшекурсники в один голос заявили: «Конечно же, иди к Казакову!». Однажды я набралась храбрости и после занятий подошла к нему, сказала о своём желании проходить обучение под его руководством, показала свои полевые дневники по птицам Ростова, которые вела с детства. Борис Александрович внимательно выслушал меня и посоветовал продолжать наблюдения за городскими птицами. Оказалось, что орнитофауна моего родного города на тот момент была совершенно не изучена и не описана. Так определилась тема для дальнейших исследований на многие годы, которая позже оформилась в виде диссертационной работы по фауне

птиц Ростова-на-Дону.

Борис Александрович был человеком добрейшей души. Помню, как выпускники вечернего факультета биолого-почвенного факультета Ростовского государственного университета рассказывали о том, что он очень заботливо относился к студентам-вечерникам. И если видел, что кто-либо из студентов на лекции начинал засыпать – в перерыве отводил его в лаборантскую и поил чаем с пирогами. Кстати, Борис Александрович великолепно готовил еду и делал это с наслаждением, нередко угощая меня своими кулинарными творениями. Рецепты, записанные с его слов, я храню до сих пор.

К студентам Борис Александрович относился с уважением и каждого, включая своих учеников, меня в том числе, называл на Вы, даже при том, что я была вхожа в его дом. Иногда, правда, он забывался, и проскальзывало Ты, но это бывало очень редко, видимо, в нём был своеобразный моральный кодекс, который не позволял относиться к студентам иначе.

Борис Александрович много внимания уделял популяризации науки. Меня он учил писать просто. По его мнению, писать, даже на серьёзные научные темы, нужно настолько просто, чтобы любой читающий мог понять: о чём идёт речь. Если предстояло устное выступление, он снова советовал: «Говорите просто и доступно, Вам могут задать какие угодно вопросы, не смейтесь над самыми дурацкими вопросами, спокойно отвечайте, разъясняйте. Не бойтесь публичных выступлений, делая доклад, смотрите на меня. Я Вам помогу». В научных исследованиях не терпел поспешности и непродуманности. Бориса Александровича часто приглашали на детские конференции при городском Дворце творчества детей и молодёжи, он никогда не отказывал организаторам. Несколько раз мне довелось вместе с ним быть в составе жюри научных конференций ДАН ЮИ (Донской Академии наук юных исследователей). В жюри не было человека добрее и внимательнее Казакова. Он очень серьёзно и внимательно вслушивался в каждую, представленную детьми работу, проявлял к ребятам живой интерес и участие, задавал вопросы, подсказывал, как правильнее провести исследование, на что обратить внимание и т.д.

Борис Александрович был страстный охотник. Однажды в университете я у него прямо спросила: «Борис Александрович, смотрю на Вас и не понимаю, как Вы, такой мягкий и добрый человек, можете быть охотником? На что получила ответ: «Вы не понимаете, Марина, мужчина, он по природе своей охотник – добытчик». Позже, когда Борис Александрович уже тяжело болел и всё же выбирался на охоту, интересуясь его жизнью, я как-то в очередной раз спросила: «Как дела?

Как охота?» И получила ответ: «А Вы знаете, стало жалко стрелять, убивать. Чаще просто сижу в лодке с ружьём». Важно, что, будучи охотником, Борис Александрович вёл большую просветительскую работу среди охотников. Он и его коллега Н.Х. Ломадзе организовывали специальные занятия с охотниками в охотхозяйствах. Учили охотников распознавать птиц, рассказывали о необходимости охраны редких видов и их местообитаний. Как не хватает подобной деятельности учёных сейчас, на фоне растущей армии охотников!

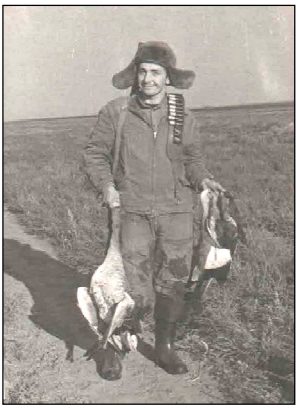


Фото из семейного архива Евгении Борисовны Казаковой

В доме Казаковых я всегда чувствовала себя желанным гостем. Как-то так случилось, что я видела не очень много счастливых семей, но семья Бориса Александровича, его отношение к единственной супруге Татьяне Геннадьевне, с которой они поженились, ещё будучи студентами, и прожили долгую жизнь, для меня эталон внутрисемейных отношений. В семье все, включая детей и внуков, называли его – Боренька, что тоже достаточно показательно. Я смотрела на них всех, Казаковых, и тихо радовалась. Радовалась тому, что есть такие дома, такие семьи, такие родители. Рецепт семейного счастья я нашла в одном из писем Бориса Александровича. Приведу его здесь: «Любить и терпеть, терпеть и любить. Так и годы пролетают».

Когда я уехала работать в 2002 году в «Смоленское Поозерье», Борис Александрович уже был тяжело болен. И всё же находил в себе силы писать мне письма, когда руки не слушались – надиктовывал их Татьяне Геннадьевне. Эти письма, книги с его подписями, хранящие тепло его рук, – самое дорогое, что осталось у меня от Учителя. В тяжёлые минуты я достаю их и перечитываю. Его голос, добрейшая улыбка,

спокойная речь, всё это оживает в моей памяти, и я как бы мысленно беседую с Учителем.

Николай Сидорович Олейников*

(20 мая 1902 – 28 мая 1990)

Николай Сидорович Олейников – известный российский зоолог, более полувека проработавший на юге России, в городе Ростове-на-Дону, где с 1957 по 1972 г. возглавлял кафедру зоологии Ростовского государственного университета – РГУ. В 1938 году он начал здесь свою научную работу как ихтиолог, затем в 1950-е годы некоторое время занимался териологией, но более известен среди коллег как орнитолог, последние десятилетия своей жизни посвятивший изучению фауны и экологии птиц Предкавказья и обогащению водно-болотных охотничьих угодий водоплавающей дичью.

Жизненный путь Н.С. Олейникова был весьма извилист и в какой-то мере противоречив. Сам он не оставил после себя каких-либо воспоминаний, кроме служебной автобиографии, сохранившейся в университетских архивах. И судить о нем, о его жизни и деятельности приходится сейчас, через 25 лет после его кончины, по отрывочным сведениям в вузовских справочниках, в упомянутой автобиографии, в других архивных документах и в памяти сослуживцев.

* Опубликовано с изменениями: Позняк В.Г., Белик В.П., Конева В.А., 2015. Николай Сидорович Олейников: к 25-летию со дня кончины // Стрепет, т.13, вып.1.- С.156-163; Позняк В.Г., Белик В.П., Конева В.А., 2015. Памяти Николая Сидоровича Олейникова // Selevinia, т.23.- С.241-245.

Родился Николай Сидорович 20 мая (7 мая ст.ст.) 1902 г. в селе Высоком (ныне с. Шакпак-баба) Ванновского района на юге Казахстана в семье крестьянина-середняка. Его предки приехали в Южный Казахстан из Украины в 70-е годы XIX века, после вхождения этой части бывшего Кокандского ханства в состав Российской империи. В тот период в Среднюю Азию и Казахстан шло массовое переселение крестьян из центральных районов России и Украины. Достаточно сказать, что, по данным за 1906 г., то есть уже после рождения Н.С. Олейникова, в Чимкентском уезде насчитывалось 18 крестьянских посёлков с населением 8062 человека. Одним из таких поселений было родное село Н.С. Олейникова, расположенное в предгорьях Западного Тянь-Шаня рядом с известным Чокпакским перевалом, где полвека назад был организован крупный стационар по изучению сезонных миграций птиц, и в 10 км от не менее известного заповедника Аксу-Джабаглы. По тогдашним меркам это было достаточно крупное село, о чем свидетельствует наличие в нем семилетней школы, в которой учился юный Николай.

Судя по тому, что Высокинскую семилетку он закончил только в 1922 г., то есть в возрасте 20 лет, в школу он пошел довольно поздно (или же были перерывы в учебе). В его автобиографии этот факт не комментируется, но можно предполагать, что учился он хорошо, потому что уже через год после окончания школы, в сентябре 1923 г., Олейников, не имея специального педагогического образования, прошел экспертизу при Чимкентском ГубОНО на звание школьного учителя и был направлен на работу в Высокинскую начальную школу. Судя по устным рассказам Николая Сидоровича, учащиеся в этой школе были разновозрастными, в школу ходили нерегулярно, ибо им приходилось активно помогать своим родителям в ведении домашнего хозяйства. Учителя тоже были плохо обеспечены. Зачастую старшие школьники объезжали на подводе дома родителей, чтобы получить натуральную оплату продуктами за обучение их детей.

Село Высокое (Шакпак-баба) в настоящее время. Фото А.Ф. Ковшаря

В мае 1924 г. Николай Сидорович был призван в ряды Красной Армии и вплоть до сентября 1925 г. проходил службу в артиллерийском полку в г. Ашхабаде. На тот момент уровень его образования считался столь высоким, что его назначили преподавателем полковой школы Ликбеза и, по совместительству, председателем комиссии связи полка. После демобилизации он вернулся в родное село и вновь был назначен учителем Высокинской начальной школы, где проработал два года (1925-1927). Работая в с. Высоком, он избирался членом сельского совета, волостного исполкома, секретарем комсомольской организации. Позднее он с удовлетворением вспоминал, что в эти годы по его инициативе было создано потребительское общество, позволявшее помогать малообеспеченным семьям продуктами и предметами первой необходимости.

Желая продолжить свое профессиональное образование, в августе 1927 г. Н.С. Олейников переехал в г. Ашхабад, где устроился работать учителем-воспитателем в приемник-коллектор трудновоспитуемых детей, а затем осенью 1929 г. поступил без отрыва от производства в Ашхабадский вечерний педтехникум, который закончил в январе 1931 г. В том же году он выдержал экзамены на вечернее отделение естественного факультета Туркменского пединститута. Всё это время Николай Сидорович не прекращал работать, последовательно возглавляя различ-

ные учебно-воспитательные заведения: детский дом, интернат, школьный дом отдыха и другие. В 1932 г. Николай Сидорович перешел на работу в Туркменский пединститут, продолжая учиться на вечернем отделении этого вуза. Ему доверили там интересную и ответственную работу – заведование кабинетом зоологии.

Можно сказать, что с этого момента вся дальнейшая жизнь Николая Сидоровича оказалась связана с биологией и прежде всего – с зоологией. В 1934 г. Олейников закончил пединститут и за отличную учебу был премирован часами, а в ноябре того же года был переведен на должность научного сотрудника биологического музея имени Дарвина при Туркменском пединституте, в создании которого принимал непосредственное участие. В эти годы Николай Сидорович вместе с М.К. Лаптевым и другими ашхабадскими зоологами неоднократно принимал участие в экспедициях по Копетдагу и Каракумам, собирая различных животных для музея и проводя их учеты в научных целях. О своих приключениях, которые нередко случались при этом в природе, Олейников иногда рассказывал студентам на лекциях по зоологии, а также во время наших экспедиций по Предкавказью.

Одно из наиболее ярких происшествий, о котором часто повествовал зоолог, была его случайная встреча со смертельно ядовитой коброй на обрыве в Копетдаге. Однажды Николай Сидорович вскарабкался там на крутой обрыв, чтобы проверить замеченную снизу гнездовую нору какой-то редкой птицы. В один из моментов уступ, на котором он стоял, расширяя ножом нору, неожиданно стал рушиться под ногами, и Николай Сидорович едва успел схватиться рукой за толстый корень кок-сагыза, торчавший рядом из обрыва.

Продолжая работать у норы, зоолог вскоре почувствовал, что этот корень ослаб и стал предательски лезть из обрыва. И тут, присмотревшись к нему, Николай Сидорович неожиданно понял, что держится за голову кобры. Сначала она крепко упиралась, сидя в узкой норе щурки, но постепенно ее мышцы расслабились, и змея стала медленно вылазить наружу. Что делать – было неясно. Отпустить змею – значит свалиться вниз и сломать себе шею или ноги. И зоолог продолжал, что было сил, сжимать шею рептилии, пока поблизости не показались местные пастухи с отарой овец. Николай Сидорович стал звать их на помощь, крича на ломаном туркменском языке, что поймал и держит кобру. Но те в испуге бросились бежать в экспедиционный лагерь, где передали начальнику, М.К. Лаптеву, что кобра поймала и держит на обрыве молодого уруса. К счастью, всё закончилось тогда благополучно: молодой участник экспедиции Н.П. Пономарёв взобрался на обрыв, вытащил кобру, и после этого товарищи вместе спустились вниз.

Эта история с коброй имела не менее интригующее продолжение, о котором позже рассказала мне Натела Халиловна Ломадзе, неоднократно слышавшая ее от своего учителя Н.С. Олейникова во время совместных поездок, экспедиций и встреч. Зоологи в тот день поймали в пустыне еще несколько кобр для своей коллекции и мешочек с ними подвесили вечером в палатке над входом. А ночью в лагере, стоявшем в балке у родника, случился переполох: вопли, крики, выстрелы…

Как оказалось, начальник экспедиции, известный зоолог М.К. Лаптев надеялся добыть ночью у водопоя пустынную рысь – каракала, о котором ему рассказали пограничники. Но ишаки, носившие днем экспедиционные вьюки, ночью забрались в лагерь, съели хлеб, а затем начали реветь у ручья. Когда переполох унялся, Н.С. Олейников вернулся к себе в палатку, положил рядом с собой ружье и задремал. Через некоторое время он почувствовал, что замерзла нога, прикоснувшаяся к стальному стволу ружья. Он отодвинул его к стенке палатки, однако вскоре нога опять стала мерзнуть от холодной стали. Когда же он, наконец, поднял одеяло, то рядом с собой обнаружил кобру, искавшую теплое укрытие в остывшей за ночь пустыне.

Когда сосед, молча лежавший у противоположной стенки, услышал о кобре, то тут же пулей вылетел из палатки; затем из нее осторожно выбрался и Николай Сидорович. Как выяснилось потом, мешочек со змеями во время ночного переполоха был случайно сброшен в темноте на землю, кобры выползли из него и забрались под одеяло, к теплому телу человека. К счастью, эти благородные рептилии не стали проявлять агрессии и сдались на милость незадачливым зоологам.

В июне 1935 г. Туркменский пединститут дал Н.С. Олейникову рекомендацию в аспирантуру и направил его в Воронежский университет, где после успешных конкурсных экзаменов он стал аспирантом кафедры зоологии позвоночных. В то время кафедру возглавлял профессор Я.П. Щелкановцев, который и стал научным руководителем Николая Сидоровича. Поскольку о судьбе ученых, попавших в 1930-е годы под жернова сталинских репрессий, а Щелкановцев оказался одним из них, известно не так много, следует сказать несколько слов и об этом человеке.

Яков Павлович Щелкановцев был крупным отечественным зоологом широкого профиля, выросшим в образованной, культурной среде известной династии черниговских купцов. В 1895 г. он закончил Московский университет и был оставлен там для дальнейшей научной подготовки в области зоологии, сравнительной анатомии животных и гистотехники. Позже, с 1908 г. и вплоть до Первой Мировой войны, он работал в Варшавском университете, заведуя там зоологическим каби-

нетом. Этот университет, эвакуированный в связи с начавшейся войной в Россию, стал, как известно, основой Донского (Ростовского) университета, и Щелкановцев до 1924 г. работал в Ростове-на-Дону, периодически, с 1919 по 1924 г., возглавляя физико-математический факультет Донского университета.

Позже волею судьбы Я.П. Щелкановцев оказался в Воронеже, где заведовал кафедрой защиты растений в Сельхозинституте, а позже руководил по совместительству в Воронежском университете также кафедрой зоологии и сравнительной анатомии, созданной ранее И.И. Шмальгаузеном. Там, в 1935 году, и состоялась судьбоносная встреча Щелкановцева с Н.С. Олейниковым. Научные интересы Якова Павловича лежали в основном в области сельскохозяйственной энтомологии, но он, как отмечено выше, был широко эрудированным ученым. Об этом свидетельствует, в частности, публикация в 1911 г. очень содержательного «Краткого курса зоологии» объемом около 400 страниц, который был адресован преимущественно студентам-медикам, но выдержал впоследствии еще три издания (1913, 1917, 1924).

В 1936 году Я.П. Щелкановцева вновь пригласили на работу в Ростовский университет, и он принял это приглашение, возглавив потом созданную в университете в 1937 году кафедру зоологии беспозвоночных. Вслед за Щелкановцевым в августе 1936 года в аспирантуру Ростовского университета перевелся по собственному желанию и Николай Сидорович Олейников. Тематика диссертационной работы Н.С. Олейникова, которой руководил Щелкановцев, осталась нам неизвестной, но скорее всего, что он, как и руководитель, занимался вначале какими-то вопросами энтомологии. Однако в 1938 г., в год завершения Н.С. Олейниковым аспирантуры, Щелкановцев по наговору был арестован и умер в заключении, а на его место в Ростовский университет приехал из Баку гидробиолог профессор Стефан Яковлевич Вейсиг, принявший кафедру зоологии беспозвоночных. Возможно, под его руководством Н.С. Олейников и завершал свою диссертацию. По всей видимости, произошла и смена темы работы, в результате чего Н.С. Олейников еще 2 года дорабатывал ее и лишь 16 мая 1940 г. защитил на Ученом совете РГУ.

Его кандидатская диссертация была посвящена изучению биологии большеротого черного окуня *Micropterus salmoides*, акклиматизированного в некоторых водоемах Юга России, в частности в озерах Абрау и Лиманчик на Черноморском побережье Кавказа под Новороссийском. Этого окуня случайно обнаружили там в 1936 г. сотрудники Новороссийской биостанции, а в 1937 г. вместе с ними его начал изучать Н.С. Олейников (1938). С этим уроженцем Северный Америки в предвоенные годы связывались надежды на пополнение фауны промысловых

рыб во внутренних водоемах СССР. И хотя эти цели в полной мере не оправдались, данный вид рыбы вошел в состав ихтиофауны нашей страны, а пионером его изучения в новых водоемах стал Н.С. Олейников.

В 1939 году Новороссийскую биостанцию РГУ повторно возглавил известный ученый, гидробиолог Владимир Алексеевич Водяницкий, близко знакомый с профессором С.Я. Вейсигом. Очевидно, профессор Водяницкий оказал существенную помощь в организации ихтиологических исследований Н.С. Олейникова в Лиманчике и на Абрау, а затем вместе с ихтиологом С.М. Малятским выступил официальным оппонентом на защите диссертации. Еще до ее защиты, будучи аспирантом, Олейников стал ассистентом кафедры зоологии позвоночных и проработал в этой должности вплоть до призыва в Красную Армию в октябре 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны.

Война и служба в армии растянулись для Н.С. Олейникова почти на 5 лет. В конце войны он прошел через Румынию, Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Австрию и, начав воинский путь с адъютанта, в марте 1946 года демобилизовался в звании майора интендантской службы. За годы Великой Отечественной войны Николай Сидорович был награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией». После демобилизации Н.С. Олейников, обогащенный жизненным опытом, вернулся в Ростов, где был зачислен сперва старшим преподавателем, а после утверждения ВАКом в ученом звании доцента (09.02.1947) – доцентом кафедры зоологии позвоночных. В 1951-1952 гг. он был по совместительству также заместителем и исполняющим обязанности директора Биоинститута при РГУ. В 1953 г. за безупречную работу Олейникова наградили орденом «Знак Почета», а в 1954 г., будучи участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), он получил медаль за научные достижения в области животноводства.

Следует отметить, что в довоенные и в первые послевоенные десятилетия в Ростовском университете вместо нынешней единой кафедры зоологии существовало несколько кафедр зоологического профиля. Были, к примеру, кафедры зоологии беспозвоночных, гидробиологии, энтомологии, зоологии позвоночных. Эти кафедры создавались под конкретных ученых и после их ухода из университета объединялись или ликвидировались.

В 1957 г. доцент Н. С. Олейников был избран заведующим кафедрой зоологии позвоночных, а после ее слияния с кафедрой зоологии беспозвоночных в 1963 г. возглавил единую кафедру зоологии и руководил ею вплоть до 1972 г., когда ему на смену пришел доцент, а впоследствии профессор Александр Владимирович Пономаренко, зани-

мавшийся сельскохозяйственной энтомологией. Оставив заведование, Николай Сидорович еще 2 года продолжал работать на кафедре доцентом, осуществляя, помимо учебных занятий, руководство дипломными работами и кандидатскими диссертациями своих учеников.

Выпуск кафедры зоологии 1958 г.
Слева сидит Л.Г. Курдова, рядом В.С. Петров и Н.С. Олейников

Научная работа Н.С. Олейникова отличалась значительным разнообразием. Начав в предвоенные годы с ихтиологических исследований, после Великой Отечественной войны он опубликовал еще 5 работ, посвященных ихтиофауне и биологии рыб Черноморского побережья Кавказа, но затем постепенно отошел от их изучения. В 1946-1953 гг., когда кафедрой зоологии позвоночных руководил известный териолог, профессор Юрий Михайлович Ралль, в РГУ широко развернулись разносторонние исследования грызунов, и Николай Сидорович занялся изучением еще одного американского вселенца – нутрии. В 50-60-е годы из-под пера Н.С. Олейникова вышло около 10 публикаций, посвященных проблемам акклиматизации и разведения этого пушного зверька на юге России. За работы в области нутриеводства в 1954 г. он был даже награжден медалью ВСХВ, о чем упоминалось выше.

С середины 1950-х годов основные интересы Н.С. Олейникова постепенно переносятся на изучение пернатых, среди которых его особым вниманием всегда пользовались водные и околоводные птицы. Их познание представляло важное значение не только в теоретическом, но и в прикладном аспекте, особенно в плане воздействия разных ихтиофа-

гов на рыбные запасы Южной России, а также в решении вопросов сохранения и обогащения ресурсов охотничьей орнитофауны.

После перехода Ю.М. Ралля в Ставропольский противочумный институт, кафедру зоологии позвоночных РГУ возглавил ихтиолог профессор А.Н. Пробатов, и Николай Сидорович переключился сначала на изучение птиц-ихтофагов. В 1953 г. была опубликована его первая фундаментальная работа о рыбоядных птицах Манычских водохранилищ. Позже на Маныче, а также в Восточном Приазовье он вместе со своими сотрудниками, аспирантами и студентами продолжил активные сборы материалов по экологии и хозяйственному значению веслоногих, цапель, чаек, поганок и других ихтиофагов, изучению которых посвящено около 10 публикаций Н.С. Олейникова.

С 1955 г. Н.С. Олейников начал заниматься также разработкой и практическим внедрением методов увеличения численности водоплавающих птиц (в основном утиных) путем изготовления для них особых искусственных гнездовий. Широкомасштабные работы в этом направлении проводились на различных водоемах Предкавказья, в том числе на Маныче и особенно активно – в Сладко-Лиманском охотничьем хозяйстве, расположенном в низовьях реки Челбас в Восточном Приазовье в Краснодарском крае. К работам по данной тематике, помимо штатных сотрудников охотничьих хозяйств, привлекались специализировавшиеся на кафедре студенты и аспиранты, охотники и просто любители природы, заинтересованные в сохранении природных ресурсов родного края. Итогом этих работ стала монография Н.С. Олейникова «Искусственные гнездовья для диких уток», опубликованная в 1966 г., в которой он обобщил многолетние материалы собственных исследований по этой проблеме.

В своей учебной деятельности Н.С. Олейников уделял много внимания как студентам, так и аспирантам. Под его руководством было подготовлено свыше 50 дипломных работ и 7 кандидатских диссертаций о птицах, рыбах, рептилиях и млекопитающих: Г.П. Лукиной (1966), И.М. Языковой (1970), Н.Х. Ломадзе (1973), Б.А. Казаковым (1974), В.Г. Позняком (1975), Ю.Я. Кожевниковой (Мягковой) (1975), ставропольским териологом П.Ф. Емельяновым (1971).

Даже на заключительном этапе своей научной и педагогической деятельности Николай Сидорович сохранял высокую мобильность, выезжая в экспедиции и на научные конференции разного ранга. В конце апреля 1972 г. он организовал двухнедельную комплексную экспедицию со своим аспирантом и студентами-старшекурсниками на автомобиле в низовья реки Кумы, в полупустыни Калмыкии и Дагестана. А в мае 1972 г., когда в университете предполагалось отметить 70-летний

юбилей Н.С. Олейникова, торжества были перенесены на осень в связи с тем, что юбиляр в это время принимал участие в Международном конгрессе охотоведов в Будапеште. Поэтому юбилейное мероприятие состоялось в сентябре, в начале следующего учебного года, в очень теплой обстановке на Биостанции РГУ в селе Недвиговка на окраине дельты Дона, куда приехало поздравить Николая Сидоровича около 70 друзей и коллег.

Примечательно, что почтить юбиляра из Средней Азии прибыл также один из первых учеников Николая Сидоровича, которого он учил еще в начальной школе, а тот позже спасал Н.С. Олейникова из «объятий» кобры в пустыне. Несмотря на то, что этот ученик, Николай Павлович Пономарёв, лишь немного уступавший Николаю Сидоровичу в возрасте, был инвалидом, потерявшим ногу во время Великой Отечественной Войны, он откликнулся на приглашение и совершил столь дальний путь, чтобы поздравить своего учителя. Нужно было видеть, как был растроган юбиляр!

Уже завершив работу на кафедре зоологии РГУ, распрощавшись в 1974 году с Ростовским университетом, Николай Сидорович принял в 1976 г. приглашение Ректората недавно созданного Калмыцкого университета и в течение 1976/77 учебного года исполнял обязанности заведующего кафедрой зоологии этого вуза, делясь своим богатым педагогическим и организационным опытом со своими молодыми коллегами. А затем, вернувшись в Ростов, Николай Сидорович увлекся общественной деятельностью, занимаясь в свои последние годы организацией встреч и общения ветеранов своей фронтовой дивизии.

О моем учителе Николае Сидоровиче Олейникове и отчасти о себе

Позняк Владимир Григорьевич

В 2015 году исполнилось двадцать пять лет со дня смерти Николая Сидоровича Олейникова. Будучи одним из его последних учеников, я часто вспоминаю о нём, и сейчас хотел бы поделиться этими воспоминаниями с коллегами, рассказать о своем общении с Николаем Сидоровичем на заключительном отрезке его жизни.

Подобно другим студентам биофака РГУ, обучавшимся в 1960-е годы, мне довелось слушать его общий курс «Зоология позвоночных» и спецкурс «Сравнительная анатомии позвоночных». В конце 5-го курса, незадолго до распределения, решением кафедры зоологии, которую возглавлял Николай Сидорович, меня рекомендовали в целевую аспирантуру, предполагая, что в случае ее успешного завершения я останусь на

ней работать. Честно признаться, я тогда считал, да и сейчас считаю, что среди моих сокурсников по кафедре были и более достойные кандидаты на это престижное и в тот момент единственное место. О сильном составе нашего выпуска говорит тот факт, что примерно из полутора десятков выпускников кафедры зоологии 1971 года свыше половины со временем стали кандидатами и докторами наук, а одна из наших сокурсниц – Таня Моисеенко (в девичестве Вивтоненко) стала даже членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

Владимир Григорьевич Позняк

Но это было позже, а на тот момент я, получив рекомендацию в аспирантуру, был приглашен на беседу к Николаю Сидоровичу. Он сообщил мне, что будет официальным руководителем моей будущей диссертации, и других вариантов нет и быть не может. Пикантность ситуации состояла в том, что Н.С. Олейников в последние годы и даже десятилетия занимался в основном орнитологическими исследованиями. Студенты, аспиранты и соискатели, работавшие под его руководством, изучали птиц. А я в университете специализировался по ихтиологии под руководством другого преподавателя, закончив, к тому же, еще до вуза рыбопромышленный техникум.

Естественно, что, получив рекомендацию в аспирантуру, я полагал, что продолжу ихтиологические исследования. Понимая это, Николай Сидорович поставил меня перед непростым выбором, о чем сразу же честно сказал. Либо я должен сменить свою специализацию и переключиться на птиц, и тогда он сможет оказать мне полноценную помощь и руководство, либо, если я все же решу продолжать заниматься рыбами, мне придется работать в основном самостоятельно, поскольку он недостаточно хорошо знает современную ихтиологическую литературу и соответствующие методики. Правда, Николай Сидорович заверил меня, что в случае моего решения остаться в лоне ихтиологии, он постарается познакомить меня с квалифицированными ростовскими ихтиологами, которые отчасти компенсируют то, что не сможет дать он сам, а со своей стороны обещал максимальную поддержку по всем остальным вопросам.

К моему решению не менять специализацию Николай Сидорович отнесся с пониманием и, надо сказать, что в течение всех лет обучения в

аспирантуре я ощущал с его стороны максимальное понимание и поддержку. Уже в последние месяцы моей учебы на биофаке мы с ним посетили его друга – старейшего ростовского ихтиолога Сергея Константиновича Троицкого, принявшего живейшее участие в моей дальнейшей судьбе и ставшего, по сути дела, моим вторым научным руководителем. С его помощью была определена и тема моей будущей диссертации, посвященной изучению ихтиофауны водоемов бассейна реки Кумы.

Да и сам Николай Сидорович сделал для меня очень много, окружив прямо-таки отеческой заботой. Он потеснился в своем кабинете, выделив место для моего рабочего стола. Мне был передан в эксплуатацию один из трех кафедральных тяжелых мотоциклов с коляской, который в последующие годы обеспечил мобильность при экспедиционных сборах материала в труднодоступных районах Ставропольского края, Калмыкии и Дагестана. Николай Сидорович научил меня серьезно и скрупулезно относиться к прочитанной научной информации, поручая для тренировки писать отзывы на авторефераты диссертаций, а затем устраивая их критический разбор. То же было и при написании моих первых статей, от которых после правки Николая Сидоровича мало что оставалось. Характерно, что, когда я написал свою первую научную статью и, учитывая какой вклад внес в нее мой руководитель, поставил его своим соавтором, он заставил меня убрать свою фамилию, сказав, что для меня лучше, если я буду единственным автором и, рассмеявшись, добавил, что орнитолог не может быть соавтором ихтиологических работ. Я до сих пор сожалею, что у меня нет с ним ни одной совместной публикации.

На первом этапе сбора материалов для моей диссертации Николай Сидорович оказал просто неоценимую помощь, организовав весной 1972 года экспедиционный выезд на грузовой машине с фанерной будкой в кузове в низовья реки Кумы. Можно сказать, что эта экспедиция была организована специально «под меня», хотя в ее составе, помимо самого Николая Сидоровича, принимало участие еще несколько специализировавшихся на кафедре зоологии студентов-орнитологов, на время превратившихся в ихтиологов и активно помогавшие мне в сборе и обработке материала. Сам руководитель, несмотря на преклонный возраст, ему было уже почти 70 лет, демонстрировал поразительную экспедиционную выучку и выносливость: вставал утром раньше всех, разводил костер и начинал готовить завтрак, а затем будил остальных членов экспедиции. А после завтрака он совершал в окрестностях еще и орнитологические экскурсии с ружьем и биноклем.

Удивительно, но в архивах Николая Сидоровича отыскалась тетрадка с материалами обработки рыб, добытых в экспедиции, проведенной

в низовьях реки Кумы десятью годами раньше – в 1962 году. Эти данные в свое время не были опубликованы и как будто ждали того часа, когда появится молодой профессиональный ихтиолог, которому Н.С. Олейников передаст их для сравнения с новым материалом.

Еще один штрих, характеризующий методику его наставничества, заключался в тех подходах, с помощью которых он исподволь готовил своих питомцев к защите диссертации. Поскольку на Ученом совете биофака РГУ проходили защиты многих диссертаций по зоологии, он рекомендовал своим подопечным, в том числе и мне, чуть ли не в обязательном порядке присутствовать на публичных защитах диссертаций в Ученом совете, обращая внимание на процедуру защиты, характер задаваемых вопросов, умение отвечать на них и т.д. Уже тогда я познакомился со многими соискателями, и добрые отношения с некоторыми из них, возникшие в те далекие времена, сохраняются до сих пор.

Хотелось бы рассказать еще об одном эпизоде, случившимся в конце обучения в аспирантуре, буквально за месяц до ее окончания. Выйдя на финишную прямую, когда надо было нести руководителю окончательный вариант рукописи диссертации, а потом представлять ее в Совет, я вдруг обнаружил, что никак не могу завершить ее. Возникло прямо-таки паническое ощущение собственной бездарности и неверие в свои силы. Я долго откладывал последний визит, а потом пошел, наконец, «сдаваться», решив бросить аспирантуру, хотя большая часть работы была уже написана.

Выслушав, Николай Сидорович не стал меня ругать, а поделился своим воспоминанием о том, как пережил подобный кризис еще 1930-е годы, когда он учился в аспирантуре Воронежского университета. Он тоже решил оставить аспирантуру, написал заявление и понес его ректору, а тот, взяв у него бумагу, вместо отчисления, предложил съездить в студенческий лагерь отдыха, сказав, что подпишет заявление после его возвращения. Отдохнув в лагере, Н.С. Олейников решил остаться в аспирантуре, которую позже успешно закончил и защитил диссертацию в 1940 г., уже после перевода в Ростовский университет.

Рассказав эту историю, Николай Сидорович заключил, что я, видимо, переутомился, и предложил мне на время забыть о диссертации и съездить отдохнуть к родителям на Кубань. После этого разговора у меня как будто гора с плеч свалилась. Я почувствовал такой прилив сил, что, забыв об усталости, вернулся на квартиру, которую мы снимали с женой, и за пару недель завершил написание диссертации и вовремя представил ее в Совет. Даже поездка к родителям не понадобилась. Николай Сидорович смог «включить» мои внутренние резервы, о чем я по сей день вспоминаю с благодарностью.

Когда, по окончанию аспирантуры, мне предложили работу в Калмыцком университете, Николай Сидорович первоначально отнесся к этому отрицательно, но позже согласился всё же с моими доводами о целесообразности переезда. По иронии судьбы, ему самому довелось последний год своей трудовой карьеры провести в Элисте, возглавляя кафедру зоологии Калмыцкого университета, куда он был приглашен не без моего участия. Вернувшись в Ростов, к тому времени Николаю Сидоровичу исполнилось 75 лет, он уже не занимался педагогической деятельностью, сосредоточив свои силы и внимание на работе с ветеранами дивизии, в которой служил во время Великой Отечественной Войны. И эта работа приносила ему большое удовлетворение.

Бывая в Ростове в командировках, я обычно останавливался в его гостеприимном доме, проводя свободные часы в беседах с хозяином. А ему было, что рассказать о своей богатой событиями жизни. Но это уже совсем другая история.

Post scriptum. Мой друг Владимир Григорьевич Позняк скончался, к великому сожалению, 18.05.2018 после тяжелой болезни в г. Тихорецке, так и не увидев этой книги с его воспоминаниями. Мир праху твоему, дорогой Володя…

Владимир Степанович Петров*

(31 марта 1915 – 21 апреля 1991)

Владимир Степанович Петров хорошо известен орнитологам Южной России и Украины, где он родился и проработал всю свою жизнь. Птицы этих регионов всегда были для Владимира Степановича основным объектом исследований, хотя судьба самого исследователя оказалась значительно переменчивее, под стать времени, в котором он жил (Тараненко, 1999; Белик, Конева, 2004, 2015).

Родился Владимир Степанович 31 марта 1915 года в крестьянской семье в с. Белое Славяносербского уезда Екатеринославской губернии (теперь Лутугинский район Луганской обл.). Закончив в 1931 году семилетнюю школу в г. Ворошиловске (позже – Коммунарске, ныне вновь получившем прежнее имя Алчевск), он начал свою трудовую биографию, одновременно готовясь к сдаче экзаменов в вуз. Но первая

* Опубликовано с изменениями: Белик В.П., Конева В.А., 2004. Владимир Степанович Петров // Стрепет, т.2, вып.2.- С.111-114; Белик В.П., Конева В.А., 2015. К столетию со дня рождения Владимира Степановича Петрова (31 марта 1915 – 21 апреля 1991) // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1116.- С.833-837.

попытка оказалась неудачной: химический факультет Ворошиловградского Института общественного питания, куда В.С. Петров поступил в ноябре 1932 г., через полгода оказался упразднен.

Однако в сентябре 1934 г. Владимир Степанович вновь поступает на учебу – теперь на биофак Харьковского университета, где последующая встреча с И.Б. Волчанецким и определила всю его дальнейшую жизнь. Химия была оставлена, и началось увлечение орнитологией, которой активно занимался Илья Борисович Волчанецкий, с 1935 г. возглавивший кафедру зоологии позвоночных ХГУ.

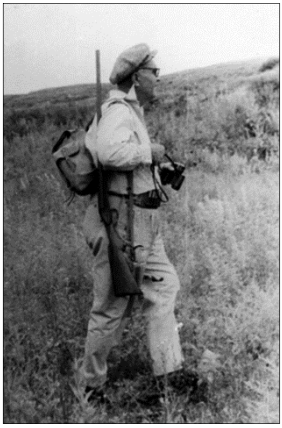
И.Б. Волчанецкий и В.С. Петров

Дружба двух этих людей, разделенных возрастом в 20 лет, существенными различиями в характерах и значительными расстояниями, продолжалась до конца дней Ильи Борисовича. Что связывало их – осталось не совсем ясно. Возможно – их высшей пробы интеллигентность

и порядочность, преданность ученика учителю…

После окончания биофака, в 1939 г. В.С. Петров поступает к И.Б. Волчанецкому в аспирантуру, избрав темой своей диссертации исследование способов привлечения насекомоядных птиц в искусственные степные леса южной Украины. Два года были отданы первенцу степного лесоразведения, расположенному на юге Донецкой области, – Велико-Анадольскому лесничеству, где Владимир Степанович изучал заселяемость искусственных гнездовий синицами, их экологию и хозяйственное значение. Но 22 июня 1941 года неожиданно грянула война…

В.С. Петров в Велико-Анадоле. 28.04.1941.

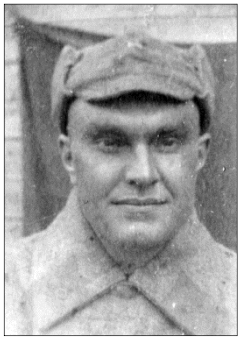


На экскурсии у Ростова. Июнь 1955 г.

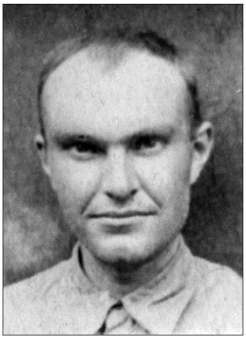
В.С. Петров почти не рассказывал о ней. Иногда он вспоминал лишь первый день войны, когда молодым аспирантом, вернувшись в Харьков после очередной поездки в лесхоз, рано утром зашел перекусить в небольшую рабочую столовую на окраине города. По гнетущей атмосфере, стоявшей в столовой, он сразу же понял, что случилось что-то неладное. Несколько раз Владимир Степанович возвращался в воспоминаниях также к тяжелейшим дням боев на Сталинградском фронте, где он служил в медсанбате.

Войну старший лейтенант В.С. Петров закончил 9 мая 1945 года в г. Буков, на территории Германии. После демобилизации в августе 1946 года, он вернулся ассистентом в свой Харьковский университет, но затем начался длительный период его бесконечных переездов из города в город, которые были вызваны, как писал В.С. Петров в 1955 году в своей автобиографии, «упразднением и сокращением факультетов есте-

ствознания». Лишь в Запорожском пединституте он задержался на 3 года (1947-1950 гг.), но этого хватило, чтобы собрать весьма интересный материал, ставший основой для новой диссертации, посвященной теперь орнитофауне Конских плавней Днепра.



Сталинград. 26.03.1942.



Сталинград. май 1942 г.

После этого Владимир Степанович работал в Артемовском учительском институте, в 1952 г. был переведен в Славянский учительский институт, а в 1954 г. – в Осипенковский (Бердянский) пединститут. Несмотря на все тяготы неустроенной кочевой жизни, В.С. Петров в 1953 г. представил в Совет Харьковского университета свою кандидатскую диссертацию на тему: «Птицы Конских плавней и их значение для заселения искусственных лесонасаждений», которая была успешно защищена 7 мая 1954 г.

В этот период, в середине 1950-х годов, в Ростове – в Ростовском университете (РГУ) и Ростовском пединституте (РГПИ) – собралось несколько молодых, позже ставших известными выпускников Харьковского университета: зоолог М.А. Бескровный, ботаник Г.М. Зозулин, биохимик З.Г. Броновицкая. Они-то и пригласили сюда В.С. Петрова, только что защитившего свою кандидатскую диссертацию. И в 1955 году состоялось его последнее переселение – в Ростов, где затем он 28 лет проработал доцентом на кафедре зоологии РГУ.

В Ростове В.С. Петров продолжал разрабатывать тему по орнитофауне искусственных степных лесонасаждений, которой занимался также и его руководитель И.Б. Волчанецкий. Пока позволяло здоровье, Владимир Степанович много ездил по степному Придонью, изучая птиц полезащитных лесополос, искусственных лесных массивов и источников их заселения в пойменных лесах Нижнего и Среднего Дона. Он собирал орнитологические коллекции, изучал питание птиц, но, к сожалению,

оригинальные материалы публиковал мало. Отчасти это было связано с организационными проблемами того периода, а также с большой загруженностью в учебном процессе на кафедре зоологии РГУ, но в основном – с необычайной требовательностью В.С. Петрова к качеству своей научной продукции. Владимир Степанович с великой дотошностью, пунктуальностью и щепетильностью собирал необходимые для работы сведения, подбирал специальную литературу. И в результате весь процесс растягивался порой на месяцы и годы.

Г.Р. Матухин и В.С. Петров в гостях у В.Э. Мартино. Ростов, 1961 г.

Кроме того, в отличие от своего учителя – И.Б. Волчанецкого, с которым Владимир Степанович все эти годы поддерживал тесные дружеские узы и который всё время пытался сподвигнуть своего незаурядного ученика на солидные научные обобщения докторского уровня, В.С. Петров был весьма осторожен в выводах, гипотезах, открытиях, новой терминологии и т.п. Несмотря на это, в начале 1980-х годов в содружестве с большим коллективом зоологов Южной России В.С. Петров принял участие в создании замечательной сводки по фауне наземных позвоночных всего Северного Кавказа (Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1982.- 320 с.), а затем – коллективной монографии о редких видах животных бассейна Дона (Берегите: их осталось мало: Редкие и исчезающие животные Донского бассейна, требующие охраны.- Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1983.- 128 с.).

Северный Кавказ, кроме Нижнего Дона, был в эти годы постоянно в сфере внимания В.С. Петрова. Познакомившись с его фауной в 1954 г. во время большой комплексной экспедиции И.Б. Волчанецкого

по Предкавказью, позже, в 1956-1960 гг., Владимир Степанович неоднократно посещал Кавказ вместе со студентами, как преподаватель на летних полевых практиках по зоологии.

Итогом этих исследований стала небольшая, но насыщенная фактами работа по птицам района оз. Абрау под Новороссийском, которая была написана В.С. Петровым совместно со своей первой ученицей – Л.Г. Курдовой, работавшей затем доцентом и зав. кафедрой зоологи Донского сельскохозяйственного института в посёлке Персиановка близ Новочеркасска. Собранные на Абрау и в других районах Кавказа материалы Владимира Степановича позже вошли в большую обзорную работу И.Б. Волчанецкого, И.И. Пузанова и В.С. Петрова (1962) по птицам Северо-Западного Кавказа, которая до сих пор является основной фаунистической сводкой по этому региону.

Следует сказать, что учеников и последователей, кроме Л.Г. Курдовой, у Владимира Степановича было немного. Среди них можно назвать еще Д.К. Дрягину, которая после университета все годы проработала в Ростовском зоопарке, а также С.И. Смолинова, долго учительствовавшего в Каневе на Украине. В то же время В.А. Миноранский, работавший в студенческие годы под руководством В.С. Петрова и подготовивший вместе с ним ряд интересных публикаций по орнитофауне озера Маныч-Гудило, позже перешел в энтомологию и полностью разорвал связи со своим учителем.

Н.А. Баско и В.С. Петров.
1988 год

Дело, возможно, в том, что высокая требовательность, строгость и принципиальность В.С. Петрова останавливали многих студентов на пороге выбора ими руководителя своих будущих научных исследований. Да и работал Владимир Степанович, в основном, со студентами вечернего и заочного отделений РГУ, которые «высокой» наукой инте-

ресовались меньше, чем студенты стационара, уходившие, как правило, к другим преподавателям. Кроме того, обладая великолепной памятью и эрудицией, свои лекции по зоологии, орнитологии, зоогеографии В.С. Петров читал на удивление суховато и не умел увлечь аудиторию. И лишь в личном общении, перед друзьями, обычно раскрывалось всё его обаяние. Неудивительно поэтому, что у него было немного близких друзей – как в Ростове, так и в других городах. Но со всеми из них он регулярно встречался, постоянно вел переписку, и всегда было приятно получать его трогательные поздравительные открытки, исписанные мелким, изумительно четким бисерным почерком.

Очень теплая обстановка была и в его уютной, заставленной книжными шкафами и полками квартире в переулке Соборном (Подбельском) в центре Ростова. Супруга В.С. Петрова Нина Алексеевна Баско обязательно потчевала гостей вкусным обедом, а потом Владимир Степанович мог часами вспоминать, рассказывая о своем учителе И.Б. Волчанецком и о его уникальной, подготовленной в годы Отечественной войны докторской диссертации, посвященной закономерностям изменчивости наряда дятлов мировой фауны, с многочисленными цветными рисунками этих птиц, искусно выполненными автором. Владимир Степанович часто вспоминал также об орнитологах-однокашниках, «разлетевшихся» из Харьковского университета, из-под крыла Волчанецкого, по всему Советскому Союзу, об экспедициях по Кавказу, о босоногом детстве и т.д.

Хотелось, чтобы и о Владимире Степановиче знали и помнили нынешние и будущие орнитологи, интересующиеся птицами Украины и Северного Кавказа.

Из воспоминаний о Владимире Степановиче Петрове

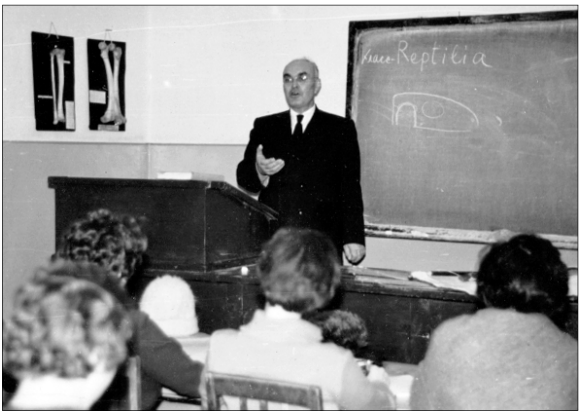
Курдова Людмила Георгиевна

Я училась на третьем курсе биофака РГУ. Пора было определяться с темой будущей дипломной работы. Изучать биологию различных видов рыб, чем занимались все мои сокурсницы, не хотелось. Меня интересовали птицы, но орнитолога, как мне сказали, на кафедре не было. Честно говоря, я скисла – птицы уж очень меня интересовали.

Но вот однажды меня пригласили к заведующему кафедрой по поводу дипломной работы. Оказывается, на кафедру был принят новый сотрудник, и – мне повезло – он был специалистом по изучению птиц! Открываю дверь 310-й аудитории, а там – экзамен! Должники сдают зоогеографию. Но картина, которая предстала перед моими глазами,

честное слово, была достойна кисти Врубеля!

Перед географической картой стояла маленькая худенькая студентка и тоненьким, дрожащим от волнения голоском сообщала об обитателях, населяющих птичьи базары. Преподаватель слушал ее почему-то стоя. По сравнению с этой миниатюрной девочкой он казался огромным. С каким-то свирепым видом он смотрел на нее и курил. Дым от папиросы шел изо рта, носа и, как мне показалось, из ушей! «Мефистофель» – первое, что пришло мне в голову. Содрогнулась и не позавидовала отвечавшей студентке.



«Мефистофель». 29.11.1963

Пройдя в следующую комнату к заведующему кафедрой, я присела на стул в ожидании моего будущего наставника.

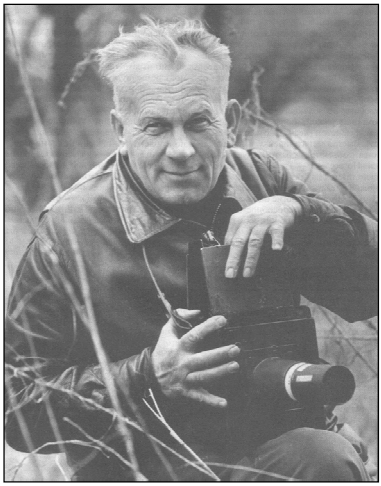
– «Вот ваш руководитель». – Обернувшись, я ахнула и не позавидовала теперь сама себе. Передо мной стоял тот самый «Мефистофель». Правда, дым из ушей и носа уже не валил. Представился как-то церемонно: Петров Владимир Степанович. Руку пожал бережно, и ладонь была теплой, а когда я встретилась взглядом с его карими смеющимися глазами, страх пропал.

Птичек с помощью Владимира Степановича «выучила» (не всех, конечно!), дипломную работу защитила. Университет закончила, но со своим Учителем не рассталась. Мы с ним долгие годы оставались самыми добрыми друзьями. Владимир Степанович был в курсе всех моих дел, служебных и семейных, и до конца своих дней оставался главным советником по многим вопросам.

Как же неверно бывает первое впечатление о человеке!

ОХОТОВЕД*

О Борисе Алексеевиче Нечаеве, о его работе, жизни, успехах в разведении охотничьих животных в 70-80-е годы мы слышали нередко. О нем писала «Комсомолка», журнал «Охота и охотничье хозяйство», альманах «Охотничьи просторы» (1980), его Ковчег на Донце показывало Центральное телевидение. Есть даже книга об Охотоведе, о его работе в опытно-показательном охотхозяйстве (В. Шубина, «Станица золотого фазана», М., 1988). Своим богатым опытом охотоведа на страницах газет, журналов и книг неоднократно делился также и сам Нечаев. Но ростовская пресса вспоминала о нём весьма редко. Отчасти это было и понятно: нет пророка в своем отечестве… К тому же принципиальность, решительность и бескомпромиссность охотоведа для некоторых удельных князьков была тогда как кость поперек горла.



Борис Алексеевич Нечаев
(22.03.1922 — 28.04.1989)
Фото В.М. Пескова

Б.А. Нечаев слыл не только виртуозным фотографом-анималистом, широко известным в нашей стране и далеко за ее пределами, но и опытным, грамотным охотоведом, показывавшим чудеса искусства в разведении различных животных в своих охотничьих угодьях. Он был также

* Опубликовано с изменениями: Белик В., 1990. Охотовед // Молот, газ.- Ростов н/Д., № 117, 22.05.1990.- С.3.

мужественным защитником донской природы, до конца дней своих стоявшим на страже диких зверей и птиц. Это был обаятельный оптимист, жизнелюб, необычайной души человек, до последнего дня веривший в возможность земного счастья. И всё это гармонично сочеталось в нём с необычайной практичностью, смекалкой и деловой хваткой.

С детства, зарабатывая на хлеб для семьи, Нечаев начал делать на продажу чучела животных. Соседям во дворах он сооружал из старых вёдер и прочей рухляди печи для приготовления пищи. Первый автомобиль в свое Нижнекундрюченское охотхозяйство на Северском Донце Нечаев получил от начальника на спор, доказав, что сможет быстро развести там и отловить на продажу зайцев.

Получив в детстве не совсем благозвучную фамилию отчима, Борис Алексеевич в студенческие годы нашел возможность вернуть себе прежнее имя. Женившись на однокурснице, он взял ее исконно русскую фамилию, которая была идентична с фамилией родного отца, и таким образом восстановил «генетическую справедливость». Позже у Нечаева было еще несколько попутчиц, но обычно через пару лет жизни в лесу они ставили обычный для женщин ультиматум: «Боря, или я, или зайцы», как он рассказывал своему другу в «Ковчеге на Донце» (Песков, 1979). Лишь Светлана Евгеньевна Савостьян, родившая Нечаеву сразу двух наследников-близнецов, до конца своей короткой жизни оставалась его верным спутником, преданным помощником сначала на Маныче, а затем на р. Кундрючьей.

Б.А. Нечаев с женой Светланой Евгеньевной у ловчей сети с фазанами

Нечаеву же в конце жизни волею жестокой судьбы пришлось оставить родной погост на Донце и перебраться с подросшими сыновьями Вадимом и Игорем в Воронежскую область, сначала в город Бобров,

а затем в низовья речки Девицы, на берега Верхнего Дона. Там он приступил к работе в местном заказнике, а для сыновей, поступивших в соседнее охотхозяйство, вскоре начал обустраивать дом неподалеку, в селе Солдатское в низовьях красивой речки Потудань. И оттуда до последних дней жизни Бориса Алексеевича ко мне в Ростов продолжали приходить его письма, полные надежд и душевной боли.

Вот одно из писем, отпечатанное, как обычно, на пишущей машинке 15 декабря 1988 года.

«Большому другу Природы самый большой НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ !!!!

Три лесных гоминоида сердечно поздравляют Вас и Ваших близких с НОВЫМ ГОДОМ !!!!

Желаем Вам всем здоровья! Счастья! Долгих лет жизни на благо охраны нашей несчастной Природы!!! …

Старший гоминоид купил гоминоиду Вадиму дом за 3150 рублей. Дом этот построен в 1958 году под железной крышей. Его площадь 80 кв. метров. … Старший гоминоид еще думает к дому летом приделать веранду площадью 33 кв. метра. Тогда весь хлам и архив гоминоидов в этот дом должен влезть. Два года дом стоял пустой, и в нем на чердаке поселилась каменная куница, чем очень радует гоминоидов. Дом стоит на высоком песчаном берегу речки. В ней сомы, налимы, щуки, окуни, голавли, но больше всего карасей и сазанчиков. А совсем рядом лес сосновый, березовый и ольховый. Зайцы сидят возле дома. …

Старший гоминоид болеет сердцем – у него СТЕНОКАРДИЯ НАПРЯЖЕНИЯ. Таблетки пить боится, а так кой-когда нитроглицерин глотает. …».

А вот это его последнее известие – от 16 февраля 1989 года: «… Плёнок достал свежих 90 шт. Это почти на два года хватит! НЕМЕЦКИЕ, широкие ОРВОХРОМ. Это целое состояние. Но здоровье-сердце барахлит, и сильно. … Из-за него и сижу дома». Не стало Нечаева 28 апреля 1989 года, в 6 часов утра, в результате сердечного приступа. И сыновья не поспели к нему в Девицу со своей помощью…

Л.Л. Семаго, В.М. Песков и Б.А. Нечаев с сыном Игорем на реке Потудани. Рядом с В.М. Песковым – его друг детства М.Е. Дебликов, во втором ряду – корреспондент журнала «Смена» Л. Плешаков

Началась же эта трагическая страница жизни Б.А. Нечаева в Кундрючке весной 1986 года, когда в отместку за задержание на браконьерской охоте местного прокурора милиция нашла пустячный повод для проведения обыска в доме Нечаева. И десяток изъятых у браконьеров незарегистрированных ружей, хранившихся с осени в закрытой кладовке, послужили основанием для ареста Нечаева. Лишь поддержка В.М. Пескова, который встал на защиту известного охотоведа, специально приехав для этого из Москвы к секретарю Обкома КПСС в Ростов, вскоре позволила освободить Бориса Алексеевича, но с непременным условием – навсегда покинуть Ростовскую область.

И знаменитый Ковчег на Донце без Б.А. Нечаева сразу же, на глазах стал хиреть. Специально приехав в мае 1994 года в охотхозяйство, я не увидел в Нижнекундрюченских лесах и песках уже ни оленей, ни лосей, ни кабанов. За 4 полных экскурсионных дня удалось встретить лишь пару косуль. Значительно меньше стало на Донце также фазанов и

зайцев. Если в 1979 году Василий Михайлович Песков с Нечаевым насчитали здесь 47 зайцев всего за один час, то в 1994 году, в самый «урожайный» день, я встретил в охотхозяйстве только 6 длинноухих. Зато лисиц и ястребов заметно прибавилось, и тетеревятники охотились на стрепетов теперь уже прямо в песках!

Познакомившись в 1984 году с Борисом Алексеевичем, я затем неоднократно бывал у него в гостях, в Нижнекундрюченском охотхозяйстве, встречая там в 1985-1986 гг. самый теплый прием радушного хозяина. Совместные разговоры, впечатления и воспоминания, просмотр и обсуждение обширной фототеки, изучение необычайно богатой фактическими данными картотеки наблюдений за животными, которую Нечаев начал вести еще в заказнике на Маныче, растягивались, как правило, далеко за полночь. Мы долго переписывались, я довольно близко узнал Бориса Алексеевича, но меня до сих пор не покидает удивление: откуда бралось столько энергии, бодрости и оптимизма у этого немолодого уже человека, бескорыстно отстаивавшего интересы «братьев наших меньших», постоянно находившегося в напряженной борьбе с окружавшим его миром хапуг. Нечаева неоднократно пытались выжить с работы, поджигали его дома, стреляли в спину, устраивали провокации, наконец, сажали в тюрьму. В результате было серьезно подорвано здоровье, но сломить его дух так никто и не смог.

Раскрывая этот свой секрет, Борис Алексеевич поделился как-то внутренним жизненным кредо. Ко всему происходившему он относился стоически: всё, что случалось с ним в жизни, воспринимал как лучший вариант того возможного, что судьба могла еще угораздить. Так, жена ушла к другому – еще неизвестно, кому повело… Живой вернулся домой после опасной поездки – праздник. Промазал браконьер, стрелявший ночью в освещенное окно, – счастье без меры. Как позже писала Валерия Шубина, в трудные минуты жизни даже смерть от руки браконьера представлялась Охотоведу постоянным, приятным отдыхом без скандалов и нервотрепки…

Подобное мировосприятие открывало Охотоведу постоянную радость больших и малых «удач», вызывало массу восклицательных знаков в письмах, позволяло до времени избегать разрушающих организм длительных стрессов. Это был настоящий стоик, мужественно переносивший все превратности судьбы, невозмутимо и непоколебимо шедший по своей жизненной дороге, свободный от низменных страстей и волнений. Древняя эллинская философия – на просторах России?

Памятным выглядит эпизод из жизни Нечаева, который мне пришлось наблюдать в середине марта 1985 года, в свою самую первую поездку в станицу Нижнекундрюченскую. Борис Алексеевич недавно

похоронил свою жену, долго болевшую астмой. Оба сына-близнеца служили в Армии. И охотовед одиноко жил в большом доме, построенном им на отшибе, у самого леса в стороне от станицы. В доме располагалось несколько жилых и рабочих комнат, отдельная гостиница для приезжих и контора Охотхозяйства на первом этаже. Казачки приносили Нечаеву из станицы молоко и яйца кур, в магазине были закуплены про запас большие ящики с конфетами и пряниками. Яичница на сале, молоко или чай с пряниками – это был обычный, повседневный рацион бобыля. Гостям на стол выставлялись на выбор также более крепкие напитки, но сам Нечаев их не употреблял.

После полуночных бдений, проведенных с Нечаевым над фотоальбомами, утром я вышел во двор, когда уже совсем рассвело. Возле вольеры с дикой свиньей Машкой, пришедшей в охоту, крутился молодой вольный кабанчик, прибежавший из соседнего леса на ее запах. Увидев людей, он лишь немного отошел в сторону, но убегать не собирался. Видно было, что Машка пришлась неопытному кавалеру явно по нраву.

Нечаев захлопотал у загона, перегоняя Машку в соседний вольер. Затем он широко открыл ворота опустевшей Машкиной кельи, посыпал туда длинную дорожку из зерна кукурузы и пошел широким кругом загонять кабанчика со стороны леса. А я встал в тайник за воротами. Но подгонять кабана не пришлось. Как только мы скрылись из виду, он тут же направился к вольере, с чавканьем подбирая с земли душистые кукурузные зерна. И лишь только зверь зашел в загон, я тут же захлопнул ворота. После этого Нечаев открыл загородку к Машке, и кавалер, почуяв свою желанную рядом, бросился за ней в погоню. Машка же, что есть духу, понеслась от него по кругу вдоль изгороди вольеры. Дикий кабан мчался, не отставая, из его пасти вскоре начала лохмотьями падать пена, но брачный турнир кабанов не ослабевал, погоня не прекращалась. Через четверть часа монотонное зрелище стало надоедать, да и нужно было собираться в лес за птицами. Нечаев тоже пошел домой заниматься своими делами.

Тихий, теплый, туманный день; последние сувои быстро оседавшего снега среди песчаных кучугур; большие лужи на песчаных дорогах; шум ручьев, сбегавших с песков в Донец. Бродить по лесу и в песках по бездорожью и весенней распутице было трудно, и вскоре после полудня я вернулся на кордон. Нечаев дописывал письмо сыновьям в Армию с рассказом об орнитологе, приехавшем в гости и рискнувшем забраться в гнездо ворона на опоре высоковольтной ЛЭП, а также с назидательной историей «Васьки», который из-за любви потерял голову и ради Машки лишился свободы. И только он заклеил конверт, как

в дверь постучали. Из станицы пришел мальчишка с кринкой молока и принёс неожиданное известие: Машкина вольера во дворе опустела!

Мы с Нечаевым не сразу поверили его словам. Что могло случиться? Как выяснилось вскоре, во время бесконечной погони кто-то из влюбленных налетел по инерции на ограду вольера и повалил ее. В результате Васька с Машкой получили свободу и ушли в лес. Лишь летом привыкшая к людям Машка привела к станице выводок из 6 полосатых поросят, как говорили егеря – в «рябчиках», но возвращаться назад в загон она всё же не захотела…

Нечаев расстроился вначале из-за этого побега, но быстро пришел в себя: «Вот что, оказывается, может сделать сильная, горячая любовь! Даже тесные застенки не в силах удержать ее!» И эпистолярное послание в Армию с не менее назидательными выводами Борис Алексеевич дописывал уже прямо на конверте запечатанного письма!

В другой раз я приехал к Нечаеву в самом начале мая. В притеррасном ольшанике – заболоченном ольсе, тянувшемся в сотне метров от его дома, всю ночь гремели песни соловьев. Утром по опушкам леса нежно вызванивали овсянки; в небе над песчаными полянами кружились лесные жаворонки, периодически изливавшие свои мелодичные, но несколько меланхоличные песенки-стаккато; вдали над заболоченной луговиной без устали пикировали бекасы со своеобразным блеянием. А по вечерам над утихшим лесом долго неслись громкие рулады многочисленных дроздов.

Б.А. Нечаев готовился к очередному фотоохотничьему сезону. Мы съездили с ним к гнезду орлана-белохвоста, найденному в урочище Огиб. На старом тополе в сотне метров от гнезда орлана егеря соорудили для фотоохотника настоящую «дачу», подняв на дерево даже старый диван, на котором можно было удобно отдыхать после фотосъемки. Такой же домик-укрытие когда-то был устроен также у гнезда тювика, поселившегося прямо во дворе кордона на берегу Северского Донца в Огиби, где мне пришлось останавливаться в 1977 году. Именно там Б.А. Нечаев и Л.Л. Семаго и фотографировали известную сейчас всем орнитологам семью тювиков на гнезде. Но к моему повторному приезду в Огиб от того домика на деревьях остались только отдельные стропилы.

Перед моим выходом в лес на поиски птиц Нечаев дал задание: требовалось найти гнезда неясыти, ремеза и варакушки – виды, которых необходимо было сфотографировать для фотоальбома. От предложенного мне ружья, помню, я отказался, сославшись на его излишнюю тяжесть в долгом походе по заболоченным лесам и бугристым пескам, но вечером пожалел об этом. Укрывшись тогда среди редких кустиков и молодой поросли сосенок, я долго наблюдал в песчаной степи за токо-

вавшим недалеко стрепетом. И вдруг прямо передо мной, на расстоянии верного выстрела, медленно прошел матерый бирюк, возвращавшийся к логову после дневной охоты. А я мог лишь разглядывать его в бинокль, считая хвосты с полдюжины ящериц, свисавшие из его пасти.

Но поход мой оказался чрезвычайно удачным в орнитологическом плане. Во-первых, был найден целый ряд редких видов: первое на Нижнем Дону гнездо чирка-свистунка, гнезда бекасов, токовавшие большие подорлики, вальдшнепы, обыкновенные погоныши. В сырых ольшаниках пели дрозды-белобровики, на луговине загнездились желтоголовые трясогузки, встречены редкие на Дону обыкновенные сверчки. Кроме того, еще утром в заболоченном ольсе недалеко от дома Нечаева я нашел строившееся гнездо варакушки, которое фотограф позже смог снять на плёнку. Немного дальше, в кроне ивы у мочажины на окраине луга, было найдено гнездо ремеза, но оно, правда, оказалось не очень удобно для фотосъемки. И наконец, удалось проверить дупло с гнездом неясыти, найденное еще на предыдущей экскурсии. Однако повторно добраться до этого замечательного дупла – уже вместе с Нечаевым – мы не смогли из-за поломки его автомобиля. И это гнездо тоже осталось не увековечено на фотоплёнке.

Дупло же неясыти с большим, аккуратным овальным летком было сделано невысоко над землей в толстой старой иве у самой дороги среди глухого пойменного леса. И когда кто-нибудь шел по тропе, неясыть, услышав шаги, взбиралась из глубины дупла наверх, садилась, прищурив глаза, в летке и закрывала его темное пятно своим телом, сливавшимся по цвету с древесной корой так, что заметить дупло, даже зная его, было не очень-то просто. Когда же опасность удалялась, самка спускалась вниз, в глубину дупла на кладку, и черное округлое отверстие летка вновь ярко выделялось на сером фоне ствола ивы, издали привлекая к себе внимание. Я несколько раз проделывал этот эксперимент с неясытью, и она всё время почти в точности повторяла своё поведение.

Рассказывая о жизни Б.А. Нечаева, следует сказать, что уже с детства, увидев первую книгу с фотографиями животных, он стал мечтать о собственной карьере фотографа-анималиста. Но для этого прежде нужно было узнать и развести разных животных, и вот этот логичный путь привёл донского мечтателя из г. Новочеркасска на биофак Ростовского университета. Перед этим же был кружок юных натуралистов в Новочеркасском Доме пионеров, где работой юннатов руководила Ксения Евгеньевна Сапрыкина, а старостой избрали Нечаева. Дома же был ручной волк, коллекции насекомых и птичьих яиц, первый выход с ружьем на охоту в 12 лет. Увлечение природой юного Нечаева поддерживали и родители-учителя: отец, преподававший физику и математику,

и мать – учитель музыки и рисования.

Природоохранная же работа Бориса Алексеевича началась в 1952 году с должности орнитолога, заместителя директора по научной части в Черноморском заповеднике, куда он попал после окончания Ростовского университета. Однако в 1953 году Б.А. Нечаев перевёлся оттуда в Азово-Сивашский заповедник, поменявшись по его просьбе местами с известным в будущем украинским орнитологом Татьяной Борисовной Ардамацкой, недавно приехавшей на Сиваш по распределению из университета. И уже затем с заповедного Бирючьего Острова, расположенного в Присивашье на Украине, Нечаев вернулся на родину, в Ростовскую область.

Б.А. Нечаев
– выпускник Ростовского государственного университета –
исполняющий обязанности заместителя директора
Черноморского заповедника по научной части

Здесь в 1958 году он приступил к работе охотоведом – руководителем только что созданного Манычского заказника, который позже стал одним из богатейших участков Ростовского гослесоохотничьего хозяйства (ГЛОХ), успех которого был заложен, прежде всего, Нечаевым. Именно там были получены первые успехи в разведении зайцев, ондатры, уток, гусей и других животных.

Тогда же Нечаев получил первую благодарность Главного Управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров России, а также был представлен к участию на ВДНХ в Москве. Но вскоре Нечаев задержал на браконьерстве своего непосредственного ростовского начальника, известного впоследствии охотничьего функционера, и … Маныч пришлось оставить…

Позже, в 1967 году, Б.А. Нечаев возглавил Нижнекундрюченское охотхозяйство, которому отдал 20 лет своей жизни и с которым были связаны все его впечатляющие достижения, широкая известность и личная драма. Приступив к строительству хозяйства на реке Кундрючке фактически с нуля, уже через несколько лет Нечаев смог отлавливать у себя зайцев-русаков для расселения в другие области. А вскоре русакам и завезенным с Кавказа фазанам в охотхозяйстве стало столь тесно, что их начали каждый год тысячами развозить отсюда и в другие регионы. Леса, луга и пески по Северскому Донцу заполнили также пятнистые олени, лоси, барсуки, куропатки. И всё это – при минимальных затратах на их охрану и воспроизводство.

Особое значение работ Нечаева, помимо разведения охотничьей дичи, состоит в создании условий для обитания редких и исчезающих видов животных. Благодаря богатой кормовой базе, появившейся на Донце, здесь стало ежегодно зимовать до 20 орланов, а в начале 80-х годов две пары этих птиц даже загнездились в пойменных лесах. Здесь постоянно зимует также несколько беркутов – птиц особенно редких на Нижнем Дону. В марте 1985 года только за две непродолжительные экскурсии я нашел в песках до 10 зайцев, съеденных орланами и беркутами. Обычными в лесах и песках стали филины, и весной в любом из урочищ за вечер можно было услышать уханье 1-2 птиц. Нередка в старых лесах неясыть, гнездится несколько пар орлов-карликов, в степных балках появились утки-огари, а на небольшом пойменном озере в 1983 году впервые загнездилась пара лебедей-шипунов.

Обширные песчаные пустоши, окружающие станицу Нижнекундрюченскую, по ночам оживляли своими звонкими криками таинственные ночные кулики-авдотки. Среди песчаных степей в значительном числе сохранился самый ценный вид местной фауны – стрепет. Правда, интенсивное лесоразведение, проводившееся в последние десятилетия на песках без учета интересов охотничьего хозяйства, значительно сокра-

тило площадь местообитаний этих исчезающих у нас реликтовых птиц.

Следует отметить, что для охраны подобных богатейших фаунистических комплексов в других областях нередко создаются специальные заказники, заповедники, национальные парки. Исчезающие виды иногда специально разводятся в неволе. За рубежом для пернатых хищников зимой часто выкладывается специальная подкормка. У Нечаева же никаких особых «льгот» ни для обычных, ни для редких видов не было. Здесь в хозяйстве в осенне-зимний сезон регулярно проводились интенсивные охоты, огромную продукцию получали в виде сотен и тысяч зайцев и фазанов, ежегодно отлавливавшихся для продажи. Здесь отлавливали для расселения также диких кроликов, которых Нечаев развёл вокруг своих кордонов в многочисленных норах-колониях. Кроме того, коллективом охотхозяйства велись также различные побочные промыслы: плетение корзин, заготовка веников и пр.

Каких-то особых секретов своего успеха у Б.А. Нечаева не было, и он широко делился приобретенным опытом со всеми желающими. Основными слагаемыми его достижений являлась бескомпромиссная борьба с пернатыми, четвероногими и двуногими хищниками, а также дисциплина и строгий порядок в рабочем коллективе хозяйства. И, конечно же, любовь к природе и к своей работе. А еще, как любил повторять Борис Алексеевич, необходим комплексный подход к биотехнии, т.е. использование для улучшения среды обитания животных всех имеющихся средств и обязательно для всех обитателей того или иного биоценоза. Именно поэтому в охотхозяйстве Б.А. Нечаева и уживались зайцы и орланы, дикие кролики и филины, куропатки и тетеревятники.

Всё очень просто! И если бы опыт Нечаева нашел более широкое применение на Дону, нам не пришлось бы беспокоиться сейчас за судьбу животных, за судьбу нашей природы, всё интенсивнее осваиваемой и преобразуемой человеком.

Девиз Нечаева: природа и человек могут и должны существовать совместно!

ВСТРЕЧИ С ПРИРОДОЙ И ЧЕЛОВЕКОМ

Юрий Андреевич Жданов

(20 августа 1919 – 19 декабря 2006)

Еще в пору студенческой юности мое внимание как-то привлекла появившаяся однажды на прилавке университетского киоска миниатюрная книжечка с хорошо известным всем нам, студентам, именем на

обложке*. Этот маленький, строгий сборник поэтических миниатюр, этюдов о природе, навсегда врезался в мою память. И позже, по долгу службы или по собственной воле путешествуя по просторам нашей Родины, я часто вспоминал милые сердцу картинки родной природы, панорамы величественного Кавказа, с любовью написанные автором.

Стихи о родной природе, звучавшие со страниц книги, по глубине и своей свежести можно было сравнить разве что с есенинской лирикой. И это первое, юношеское восприятие «Встреч с природой» так и зафиксировала память.

Но вот через несколько лет я вновь раскрыл эту книжечку, повторно изданную в 1976 году Ростовским издательством. И знакомая до мелочей поэтическая лирика неожиданно предстала совершенно незнакомым, раскрывшимся с новой стороны философским эпосом. Автор-мыслитель рассказывает нам не только о звездах, не только о камнях и травах, об их красоте и совершенстве, но, главное, он делится своими мыслями о человеке, также являющемся неотъемлемой частицей природы. Через мировозренческую призму отдельного человека – ученого, философа, натуралиста – мы по-новому начинаем смотреть на окружающий нас мир и по-новому осознаем своё положение в нем. Задумываясь об отношении человека к природе, мы ставим и пытаемся разрешить наиболее назревшие проблемы рационального природополь-

* Ю.А. Жданов. Встречи с природой: Очерки.- Ростов н/Д.: Ростиздат, 1969 г.- 62 с.; Ю.А. Жданов. Встречи с природой: Этюды.- Ростов н/Д.: Книжное издательство, 1976 г.- 111 с.

зования – наболевшей темы современного человеческого общества.

Разум и природа – основная идея и тема автора книжечки. И символична поэтому гравюра на обложке, выполненная (как и все остальные великолепные гравюры, украшающие сборник) художником А.Е. Глуховцевым: мозг человека, преисполненный мыслями о природе.

Еще более глубокой по содержанию оказалась в книге аллегория, прослеживающаяся почти в каждой философской миниатюре. В лирических пейзажах природы, в отдельных эпизодах из жизни автора – в наиболее характерных деталях этих картинок, как бы вырезанных точными, резкими гравюрными штрихами, угадываются встречи с конкретными людьми, наделенными самыми разнообразными характерами – то крепкими, непроницаемыми для многих «булыжниками!» с прекрасным сердцем, то радужными, изменчивыми «хамелеонами», то отрицательными кристаллами с их сияющими гранями пустоты. И вновь автор помогает нам правильно оценить этих людей, их поступки, высказывая личное отношение к ним в виде почти афористичных рефлексий в конце миниатюр.

Автор этих этюдов – Юрий Андреевич Жданов – был широко известным, крупным ученым-химиком, членом-корреспондентом Российской Академии наук, руководителем Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Более 30 лет, с 1957 по 1988 год, Ю.А. Жданов являлся ректором Ростовского университета, который стал в тот период одним из крупнейших вузов России. Тонкий знаток и ценитель природы, он находил время не только для большой научной и организационной работы, но и для путешествий, для встреч с людьми, с многочисленными читателями… Искреннее спасибо ему за это!

* * *

Публикуя когда-то мою заметку о Ю.А. Жданове, Ростовская газета «Комсомолец» (№ 98 от 23.05.1978) обратилась к Юрию Андреевичу Жданову с просьбой дать в газету новые, еще незнакомые читателям миниатюры о природе. И Юрий Андреевич откликнулся на эту просьбу. В газете были опубликованы четыре небольшие, изящные новеллы Ю.А. Жданова, которые хотелось бы повторить, процитировать здесь еще раз.

Источник красоты

Дама была хотя и не слишком молода, но достаточно хороша собой. Спортивный костюм еще не казался на ней чрезмерно смелым, но особенно привлекательным было обрамленное светлыми волосами лицо с нежной розоватой кожей природной блондинки. Видимо, она тщательно избегала палящего южного солнца, используя богатый арсенал питающих, освежающих и осветляющих кремов. Дама не без оснований

надеялась на успех в кругу быстро меняющегося санаторного общества.

С зеленой курортной сумкой, надев нефритовое ожерелье и браслет, дама уехала на Мацесту, чтобы не только принять целебную ванну, но и омыть лицо струями из источника красоты. Он изливал свои серные воды в широкую мраморную чашу, эти струи делали кожу чистой, бархатной и нежной.

Дама вернулась с Мацесты мулаткой: ее лицо и шея приобрели грязно-коричневый цвет, рядом с которым странно контрастировали наивно розовые уши и плечи. Кто же мог подумать, что сера источника красоты соединится со ртутью, неизбежно включенной в состав отбеливающего крема, образовав в тканях темный, прочный, несмываемый осадок сульфида. Ни мыло, ни лимон, ни щетки здесь ничего поделать не могли. Бурые пятна неровными островами сползали с лица дамы весь месяц. Об эти острова разбились все надежды: дама рыдала под хохот легкомысленных отдыхающих.

Видно, источник красоты, рожденный в чистой глубине гор, не терпит искусственных притираний: они несовместимы.

Шторм

Шторм ревел над Цихис-Цзири, гнул прибрежные сосны, бросая на берег крутые торопливые валы. Плоские белесые линзы облаков арктического фронта застыли над горами, знойно-холодное солнце беспощадно сияло сквозь водяную пыль. Ветер срывал соленые брызги, они неслись с неумолкающим шелестом, обгоняя волны, жадные языки пены накатывались на галечные навалы.

И вот прежде унылая и однообразная серая галька оживала, становилась влажной, нарядной и пестрой. Вспыхивали лучезарные кварцы, розовые сердолики, зеленые и коричневые яшмы, прихотливые узорчатые сланцы, базальты с разноцветными миндалевидными включениями. Даже хмурые тяжелые граниты загорались радужными расцветками при соприкосновении с буйной стихией волн.

Но волны, шипя, откатывались к морю, ветер досуха стремительно вылизывал камни, и они вновь становились блеклыми, бесцветными и одинаковыми. Неужели нужен вечный шторм, чтобы они всегда были яркими, нарядными и непохожими?

Эффект высоты

Тропа на Когутай-баши шла сперва по сосновому лесу вдоль бурного Баксана, который поражал своей стремительностью и мощью. Над рекой в лучах утреннего солнца таяли последние струи тумана. А в лесу, покрытые седой росой, блестели листья и ягоды земляники, розовые

цветы шиповника, белые бутоны жасмина. В трилистниках клевера искрились бриллиантовые капли.

Потом мы отошли от Баксана, поднимаясь по течению Юсеньги к ее истокам, к ледникам и моренам центрального хребта. Соседние отроги долго закрывали горизонт, и лишь взойдя на предвершинный гребень Когутая, мы смогли окинуть взором гигантскую панораму: грандиозный и гордый Донгузорун, грозную и стройную Ушбу, неустроенную и мрачную Шхельду. Вдали за хребтом угадывались глубокие долины Сванетии. А наш Баксан превратился в светлую ленту, пересеченную неподвижными, застывшими волнами: даже невозможно было определить, в какую сторону он течет.

Бескрайние дали, ширь необъятная открываются сверху, ничего не скажешь. Но где вы, капли свежей росы, запах земляники и белые бутоны жасмина?

Черная дыра

Звезды тоже стареют и, по мнению ученых, могут сжаться в ничтожные по размерам, но чудовищно плотные комки материи, которые берут в гравитационный плен всё: даже беспечный лучик стремительного света. Так могут возникнуть «черные дыры» – хищные мертвые звезды, поглощающие метеориты, космическую пыль, атомы и ионы, протоны и электроны, мезоны и гипероны. Всё втягивается в черный водоворот, из которого не может вырваться ничто, даже лучик света.

Всё это, однако, лишь теория. Трудно найти в небе черную дыру. Быть может, лишь рентгеновские всплески в созвездии Лебедя косвенно свидетельствуют в пользу их существования.

Но так ли уж нужны мощные телескопы для обнаружения этих космических фантомов? Разве не бывает, что на какой-то миг весь поток впечатлений, лиц, встреч, книг, знаний, песен, цветов и ароматов оседает где-то в глубинах души и не рождает вовсе ни отклика, ни действия, ни чувства. И как трудно сбросить это наваждение.

"Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай коня,
дай счастливому денег... И не забудь про меня".
(**Б.Ш. Окуджава**)

8. Долгий путь в науку

Птицами я начал интересоваться довольно рано. Уже в 7 классе, с 1962 года, я стал специально собирать сведения об их фауне и численности, гнездовании и миграциях в Сумском Полесье, занося свои наблюдения в особые дневники и несколько раз выступая с сообщениями об этой работе на школьных конференциях. Активные занятия орнитологией продолжились затем в Ростовском университете. На каникулах же я по-прежнему регулярно ездил в Шостку, много экскурсировал там в лесах, и мое первое публичное выступление с научным сообщением было посвящено именно птицам Полесья.

В докладе «Птицы, зимующие в Шосткинском районе Сумской области УССР», сделанном 25.04.1968 на «XXI научно-теоретической конференции студентов РГУ», я рассказал слушателям о своих многолетних наблюдениях, проводившихся за зимней орнитофауной на Украине. Помню, при обсуждении результатов конференции этот доклад первокурсника был особо отмечен профессором А.А. Кричевской, хотя ничего существенного в познание орнитофауны Полесья, конечно же, внести тогда он не мог.

С 1966 года, после переезда в Таганрог, я стал изучать орнитофауну также в Приазовье и на Дону. Интересные сведения о птицах Южной России собирались в различных экспедициях и на учебных практиках. И первая моя научная публикация была посвящена орнитофауне Северо-Западного Кавказа, где я работал на полевой практике после 2 курса (Казаков, Белик, 1971).

Но настоящие, целенаправленные научные исследования начались после 3 курса, когда я, по рекомендации Б.А. Казакова, летом 1970 года приступил к сборам и подготовке материалов для своей дипломной работы о птицах лесонасаждений юга Ростовской области, которая была успешно защищена в 1972 году. Рукопись объемом 111 машинописных страниц, не считая небольшого приложения, с эколого-фаунистическим обзором всех птиц, отмеченных мною в лесонасаждениях 5 районов, с детальным, всесторонним анализом лесной орнитофауны обследованных районов, с библиографическим аппаратом из 128 наименований,

заслужила отличную оценку Государственной экзаменационной комиссии. Среди наших студентов тогда ни у кого не было сомнения, что я продолжу эти свои занятия в аспирантуре.

Однако путь в настоящую науку начался для меня со «ссылки» в Забайкалье, в Даурию, во глубину Сибирских руд, где я провел 2 года офицером, командиром мотострелкового взвода Гвардейского полка БМП, охраняя на тревожной тогда китайской границе мирный труд нашей страны.

Весной 1972 года в РГУ, на наш факультет, пришла разнарядка из военкомата на трех выпускников-офицеров, которых потребовала Родина-мать на ратный труд. И жребий пал на первых по алфавиту: Белик, Данченко, Дехта. Мои друзья-однокурсники уехали служить вдвоем в одну часть в Чехословакии, а мне хотелось забраться тогда куда-нибудь подальше на восток, где можно было бы познакомиться с неизвестной природой, с новыми видами птиц. И получив в военкомате направление, с удивлением, радостью и тревогой прочёл: ЗабВО – «Забудь вернуться обратно», в переводе с военного жаргона. Не знаю, но быть может, меня отправили туда специально? Ведь командовал тогда войсками Забайкальского военного округа, как я узнал позже, мой однофамилец, а может быть, кто знает, и какой-то дальний-дальний родственник – генерал армии Петр Алексеевич Белик.

А до этого были три года еженедельных занятий на военной кафедре РГУ, где мы, переодевшись в военную форму, штудировали уставы и наставления по стрелковому делу, по организации обороны, наступления и разведки, учились стрелять из АК, РПК, ПМ, а также разбирать и собирать их на скорость. Летом 1971 года, после 4 курса, нас отправили на двухмесячные военные сборы в учебную дивизию в горы под Орджоникидзе (Владикавказ), где я ухитрялся регулярно ходить по выходным дням еще и на экскурсии, вплоть до Крестового перевала, наблюдать там за птицами, писать дневники. В итоге мы получили на военной кафедре первое офицерское звание, а через год уже лейтенантами были призваны на службу.

31 июля 1972 года, после положенного отпуска-каникул, проведенных в Шостке, на родине, я отправился в Читу, в ЗабВО. К удивлению, на поезде, в котором я ехал, в одном вагоне и в одном купе случайно собрались сразу три офицера-однокурсника – с биофака, геофака и химфака РГУ. Ехали пять дней, пересекли почти пол-Союза, коротая время в основном за преферансом. В Слюдянке успели сбегать также на берег Байкала, попробовали там знаменитого омуля, ополоснули ноги в священном море. Спать ложились обычно в 12 ночи по Московскому времени, и когда подъезжали к Чите, там в полночь уже всходило солнце…

Утром 6 августа Чита встретила нас пронзительными криками многочисленных белопоясничных стрижей, целые стаи которых носились возле домов, под мостами, над городом. В то же время городских ласточек – воронков – здесь практически нигде не было видно.

Разыскав в городе штаб ЗабВО, сдав там свои направления, остались ждать дальнейшей судьбы. И здесь я вновь загадал – неплохо было бы попасть в Даурские степи, чтобы можно было воочию сравнить их с Донскими степями, самому познакомиться с этим интереснейшим, но очень слабо изученным орнитологами краем, где проходил стык трех крупных фаунистических комплексов: таежного сибирского, пустынного монгольского и субтропического китайского, где можно было увидеть животных, не встречающихся больше нигде в России.

И вот вскоре нам выдают дальнейшие предписания: одному – в Борзю, другому – в Харанор, а мне – на станцию Даурия Забайкальского района Читинской области – в 382-й Гвардейский Порт-Артурский мотострелковый полк. Ну, вот и сбылась моя тайная «мечта» орнитолога-неудачника ... https://www.youtube.com/watch?v=7a-LeqPfegk

Чуть позже, бродя по Чите в ожидании вечернего поезда в посёлок Забайкальск, стоящий на китайской границе, я нашел букинистический магазин и в нем, к удивлению, обнаружил бесценный для себя раритет – книгу В.Н. Шнитникова «Птицы Семиречья», 1949 года издания, купленную неким В. Мурзиным в 1964 г. в Москве и сданную в букинист в 1970 г. в Забайкалье. Однако денег на ее покупку – 4 р. 80 к. – у меня уже не осталось. Пришлось занимать их у земляка, офицера-геолога Юрия Артюхина. Но расставшись с ним в Борзе, в соседнем с Даурией районе, за 2 года службы я больше так ни разу и не встретил его, и этот долг висит на мне до сих пор. Любопытно, однако, что судьба распорядилась соединить мои интересы в изучении птиц Южной Палеарктики – степного Придонья, Кавказа, Средней Азии и степной Даурии – именно в Чите!

Однако политическая обстановка здесь, на востоке СССР, в те годы была очень сложной, и поэтому выкраивать время на дальнейшее изучение птиц приходилось с трудом. Две недавние вооруженные стычки на границе с Китаем унесли жизни многих советских солдат. И наша дивизия, стоявшая в первом эшелоне обороны у самой границы, призвана была первой вступить в бой с противником. Ежедневно шли тренировки, каждую неделю на полигоне проводились боевые стрельбы, раз в полгода, летом и зимой, среди сопок Даурии проходили многодневные войсковые или дивизионные учения. А в перерывах между ними мы рыли окопы и капониры, строили ДОТы на «нейтральной полосе» – на каменистых склонах левого берега долины Аргуни, против провинци-

ального китайского городка Маньчжурия, уже в ту пору удивлявшего нас своими многочисленными неоновыми огнями реклам, сиявшими по вечерам вдали на юге, за широкой, заболоченной поймой реки.

Старый дот на стыке границ трех государств…

Мирные армейские будни были достаточно напряженными. Постоянная военно-политическая подготовка перемежалась с внутренними, гарнизонными и кухонными нарядами, с патрулированием поездов, с караулами. Отлучаться из гарнизона можно было только с уведомления командира. Иногда бессонные ночи в нарядах и караулах приводили к перегрузке и даже нервным срывам. А однажды ночью домой к нам прибежал солдатик-посыльный – худенький, тщедушный якут с тяжелым ручным пулеметом за плечами и, постучавшись в дверь, дрожащим голосом вымолвил: «Товарищ лейтенант, боевая тревога!» и тут же побежал дальше, к другим лейтенантам и капитанам.

Обычно «тревоги» объявлялись перед учениями, и офицеры знали о времени таких плановых тревог, заранее готовили свои «тревожные чемоданы». А тут внезапно, глубокой ночью! Всё походило на неожиданное начало боевых действий. И когда мы собрались в казарме, бледный комбат майор Пыж, которому оставался всего месяц до отставки и прощания с Даурией, то ли от напряжения, то ли от страха еле шевелил губами.

К счастью, всё обошлось тогда более прозаично, хотя тоже трагически. В одной из частей гарнизона доведенный до отчаяния молодой солдат расстрелял своих обидчиков – издевавшихся над ним старослужащих, «дембелей», забрал оружие и ушел в сопки. И в поисках дезертира мы, вооружившись автоматами, целый день колесили по степи на своих бронированных БМПэшках и БТРах. Помню, на этом маршруте

я впервые в Даурии встретил болотную сову, и наш самый меткий стрелок-бурят, бывший охотник, подстрелил ее из своего автомата для моей коллекции, чуть только повредив крыло, так что из совы получилась вполне приличная тушка.

Таких происшествий, будничных, опасных и трагических, за два года службы в Даурии было немало. Обо всех не рассказать. Упомяну еще лишь несколько характерных эпизодов, показывающих, насколько непростым был тогда наш ратный труд на китайской границе.

Однажды на учениях с боевой стрельбой наша БМП, шедшая по левому флангу, обогнав остальные подразделения, вырвалась на полигоне далеко вперед, поскольку у нас отключалась радиосвязь, и получать команды по рации мы не могли. Наблюдать же из машины за правым флангом не позволяла башня с пушкой. И когда я остановил БМП, чтобы подняться на броню и осмотреться, солдаты из десантного отсека без команды, по усвоенному ими правилу, сразу же после остановки машины открыли свои люки и начали десантироваться. А сзади, выстроившись в цепь, на нас уже «наступали» остальные наши отделения, взводы и роты, обстреливая из автоматов и пулеметов мишени, стоявшие перед нами. Вокруг посвистывали и визжали после рикошетов пули; солдаты, почуяв неладное, тут же попадали носом в землю, а мне, их командиру, негоже было проявлять свой страх, и пришлось стоять у БМП в полный рост, пока нас не нагнала наступавшая лава.

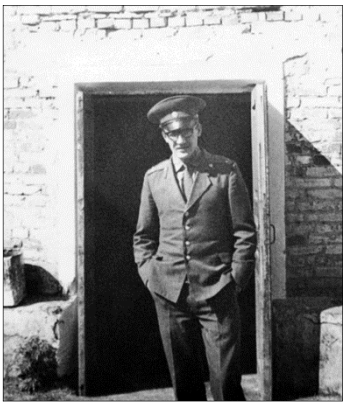
В другой раз на войсковых учениях, когда мы отправились на север, к берегам Онона, во время атаки «противника» наша БМП, несшаяся на предельной скорости вниз по склону сопки, неожиданно рухнула в овраг, скрытый от глаз зарослями кустарника. Хорошо, что я сразу же вместе с сидением провалился при ударе в открытый люк. В тот же миг со стопора сорвало и развернуло на пол-оборота башню с пушкой, которая могла снести мне голову, а на броню рухнул подброшенный по инерции вверх огромный гусеничный каток, у которого от сильного, резкого удара сломался толстый чугунный балансир. Не знаю, что почувствовали в тот миг солдаты, закупоренные в десантном отсеке, но всё обошлось благополучно, и даже БМП не потеряла своей скорости, сразу же продолжив прерванную атаку.

Как-то на учения выехали лютой зимой, в 40-градусные морозы. С собой взяли большие армейские палатки, в которые вмещалась на ночь вповалку почти вся рота, а также самодельные печки, которые среди солдат назывались «Полярисами» – в честь американских ракет, стоявших тогда на вооружении США. Печка представляла собой толстую, длинную чугунную трубу, поднимавшуюся над палаткой, в которую по специальному патрубку кружкой заливали на дно солярку. Когда солярка

разгоралась, вся труба делалась малиново-красной и от мощной тяги начинала гудеть, как ракета, а вокруг становилось нестерпимо жарко. Но ночью, когда дежурный солдатик с кружкой у трубы засыпал, уставший и разморенный жарой, солярка быстро выгорала, «Полярис» тут же остывал, и в палатку через брезент вскоре вновь врывался колючий мороз.

Проснувшись тогда утром, я никого не мог узнать: все лица от липкой, мазутной копоти стали черными, как у негров. А выйдя из палатки в степь, в свете занимавшегося зимнего дня увидел на заснеженной равнине ровную цепочку следов какого-то солдатика, которые уходили далеко за сопку, за горизонт, как будто в никуда и навсегда… И при виде этих терявшихся где-то следов душу охватило щемящее чувство жалости к обреченной человеческой жизни, появляющейся на земле на миг, чтобы потом опять уйти в небытие…

А мы порой так бездумно и бессмысленно прожигаем ее – на подготовку к войне, на ссоры, на никчемные тусовки, выпивки…



У подъезда нашего дома. Офицеры «двухгодичники» А.Кац, А.Голец, В.Белик.

Наш командир роты лейтенант Алексеев – невысокий, грубоватый офицер с короткой, ребяческой стрижкой и небольшим животиком – чем-то напоминал Наполеончика. Не прошедший всех курсов военного училища он, то ли из зависти, то ли из-за чувства собственной неполноценности, крайне пренебрежительно относился ко всем таким же, как и я, офицерам-двухгодичникам, которых часто направляли тогда на службу в Армию после вузов. По мере возможности он старался ущемлять наши интересы, что особенно наглядно проявлялось при комплектовании взводов рядовым составом, которое проводилось исключительно по усмотрению ротного командира. И из молодого пополнения,

приходившего в Армию два раза в год, лучшие солдаты – крепкие, сильные, имевшие среднее образование – отправлялись обычно во взводы кадровых офицеров – лейтенантов Коблова и Крюкова, начавших службу одновременно со мной после окончания военных училищ. Мне же ротный оставлял в основном наиболее хилых, щуплых деревенских ребят, якутов и бурят, иногда даже плохо говоривших по-русски.

Тем не менее, благодаря терпению и постоянной учебе, доброжелательному отношению и моральной поддержке, эти парни в большинстве постепенно «выпрямлялись» и через полгода-год нередко выходили в лидеры. И на должности старшины роты, ротных механика-водителя и оператора-наводчика каждые полгода командиру роты приходилось отбирать, как правило, солдат из моего взвода, что раздражало Алексеева, по-видимому, еще больше. Но изменить эти армейские порядки, отменить жесткую субординацию в Армии никто из офицеров тогда не мог.

* * *

Станция Даурия, куда я попал на службу, находится на стыке границ России, Китая и Монголии, спрятавшись в широкой пади – долинообразном понижении среди голых, невысоких сопок, грядами протянувшихся из края в край с востока на запад. Сопки пустынны, покрыты низкой сухой травой, а в низинах расположены обширные сырые солончаки, в которых не раз тонули танки. В глубоких падях кое-где встречаются также открытые соленые озера с топкими, илистыми берегами, а местами среди долин поднимаются, как тростники, заросли чия – своеобразного степного злака с очень густыми, плотными дерновинами, высотой более метра. В некоторых лощинах за счет родников сформировались пресные болота, поросшие настоящим тростником и рогозом.

Степные Даурские пади. Город Борзя. Фото Игоря Лазарева

Редкие тополя и другие деревья росли только в гарнизонном поселке, в скверах, да в молодых лесополосах вдоль железной дороги,

проходящей по холмам с каменистыми, незасоленными почвами. Кроме тополей там было много своеобразной местной яблони – ягодной, или сибирской, с очень мелкими, но вкусными кисловатыми красными плодами, остававшимися на деревцах почти всю зиму. За железной дорогой, в небольшом посёлке местных старожилов, «семёновцев», как их называли в Даурии, стояли тогда серые, грязные, покосившиеся хибары, по улицам носилась пыль, повсюду валялись ржавые консервные банки, а также обрывки газет, которыми зимой «питались», пережевывая и переваривая на молоко, местные коровы.

В середине августа, когда я приехал в Даурию, здесь стояли тихие, теплые, солнечные дни с холодными ночами, как у нас в октябрьские дни бабьего лета. Над станцией, как и в Чите, с криком летали белопоясничные стрижи, среди которых была замечена также пара черных стрижей, проникших сюда из Европы. Степь была заполнена бесчисленными стаями различных жаворонков – монгольских, малых, солончаковых, рогатых, полевых. На столбах у дорог целыми днями караулили мышей мохноногие курганники. По берегам озер кормилась масса всевозможных пролетных куликов, а в лесополосах начали собираться пролетные таежные птицы: различные мухоловки, пеночки, синицы, множество разных овсянок (белошапочных, красноухих, желтобровых, седоголовых, рыжих, полярных, камышовых, дубровников, крошек, ремезов), которые, сменяя друг друга, летели через Даурию до глубокой осени.

С наступлением зимы жизнь в степи замирала. Траву постепенно заносило сухим, сыпучим снегом, который сдувало с дорог и голых солончаков. Устанавливавшийся с осени Сибирский антициклон быстро вымораживал всю Даурию. Сиявшее днем низкое солнце совершенно не грело, и морозы нередко доходили до 30-40°С. Но при полном штиле и высокой сухости воздуха они переносились сравнительно легко, если только не отморозишь где-нибудь на улице, забывшись, голое ухо или нос. Вообще же значительно более мягкие зимы в Ростове казались иногда намного суровее, поскольку там, в ветровом коридоре между Сибирским антициклоном и Черноморским циклоном, между Каспием и Кубанью, зимой почти всегда дуют ветры и держится довольно высокая влажность воздуха. А жесткость погоды, как уверяют метеорологи, определяется произведением трех этих параметров: температуры, влажности и силы ветра.

В морозы, при отсутствии ветра, над даурской котловиной постепенно собиралось неподвижное, полупрозрачное облако дымного смога из многочисленных печных труб и котельных, топившихся углем. Этот смог особенно бросался в глаза издали, в солнечный день, при подъезде к Даурии. Снег на станции и в ее окрестностях со временем темнел от

сажи. Но в жилых комнатах, несмотря на горевшие целыми днями печи, зимой по углам нередко заводился толстый слой инея, хотя кирпичные стены в еще дореволюционных двухэтажных домах офицерского состава (ДОСах) достигали почти метровой толщины.

В степи зимой лишь изредка можно было встретить стайки монгольских и рогатых жаворонков, в основном белогорлых, а также небольшие группки и одиночных полярных пуночек и подорожников. В падях, среди пустырей и полей, на столбах всё время сидели одиночные зимняки и мохноногие курганники, занимавшие большие, обособленные охотничьи участки. В поселке, кроме воробьев, зимой постоянно кормились чечетки, серые снегири, дубоносы, желтые и серые большие синицы, пухляки, иногда встречались каменные воробьи, дербники. В лесополосах к ним добавлялись прилетавшие на зиму бородатые куропатки, голубые сороки, красноухие овсянки, урагусы; в одиночку, случайно, там появлялись также белые лазоревки, ополовники, сибирская завирушка, ворон, мохноногий сыч.

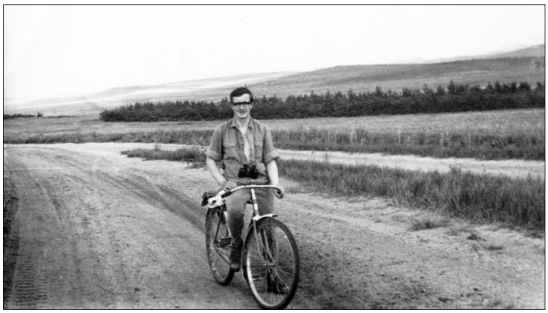
Зимний смог. Фото Игоря Лазарева

Тем не менее, несмотря на морозы и унылый вид зимней степи, я с интересом экскурсировал в окрестностях Даурии, продолжая знакомиться с местными ландшафтами и населявшими их птицами. С собой обычно было ружье, и я мог добывать незнакомых птиц для их определения и коллектирования. Иногда мы ездили на машинах с разведкой на восток вплоть до Краснокаменска и Среднеаргунска, но там было, в общем, всё то же, только выше и круче поднимались местами степные сопки. А весной, когда потеплело, я купил велосипед и в выходные дни стал предпринимать более дальние поездки, в том числе иногда за

десятки километров на север, к Нерчинскому хребту, где по луговым днищам ущелий уже текли ручьи, появлялись скалы на склонах и гребнях гор, рощицы из лиственницы, небольшие березняки, а также тальники в лощинах.

У северной границы Даурских степей

О приближении весны известили, как и у нас на Дону, большие синицы, потихоньку запевшие в скверах посёлка 30 января. Чуть позже начали токовать воробьи, а 25 февраля открыли весенний сезон зимовавшие в степи монгольские и рогатые жаворонки. Самые нетерпеливые из них стали покидать зимние стаи и занимать гнездовые участки, с криком летая над ними. К началу марта территориальные птицы, певшие и охранявшие свои гнездовые участки, были уже нередки, и на рассвете в степи можно было услышать их многоголосый хор, стихавший вскоре после восхода солнца.



На летней экскурсии у станции Даурия.
Вдали видна лесополоса вдоль железной дороги

В марте поднявшееся повыше солнце начало жечь снег, и вскоре в степи он почти полностью испарился, не оставив почве влаги. Лишь по лесополосам и на крутых северных склонах сопок сугробы лежали

еще до апреля. В высохшей степи запахло едкой пылью, скопившейся на траве за зиму; над голыми солёными соровыми низинами ветер поднимал кисею белой пудры, а в конце марта на сопках заполыхали степные пожары.

Пожар в Даурской степи

По ночам длинные ожерелья оранжевых огоньков, мерцавших по склонам сопок, были видны за многие километры со всех сторон Даурии, и зарево пожаров иногда ярко играло на затянутом тучами ночном небе. А днем издали бросались в глаза большие черные поля, появлявшиеся на степных склонах. При ветре пожары быстро наступали широким фронтом, а в штиль огонь медленно расползался во все стороны, оставляя островки сухой травы. Пламя то гасло, то вновь вспыхивало с новой силой, подбираясь к очередному кустику ковыля. Никто эти пожары не тушил, и лишь вокруг кошар делали широкую опашку, защищая стога сена и строения от огня.

Через неделю-другую прогревшаяся на солнце черная земля пустила молодую зелень степных злаков, и пожарища стали быстро покрываться свежей травой, обеспечивая калорийным кормом овец, зайцев, сусликов и остальных вегетарианцев. А невыгоревшие участки пятнами бурели в степи до самого лета, давая приют гнездам жаворонков, коньков и других птиц.

В конце апреля на гарях распустились куртинки первых «подснежников»: пушистые лиловые венчики сон-травы чуть приподнимались над черной землей и сияли в солнечных лучах каким-то волшебным огнем. По мере роста трав вытягивались также и ножки сон-травы, со временем превращавшейся в пушистые головки соплодий. Вскоре за сон-травой зажелтели на гарях цветы приземистой лапчатки, а к середине мая появились степные ирисы.

Погода в апреле была весьма неустойчивой, часто дули штормовые ветры, стихающие, как говорили старожилы, только в мае, после вскрытия Байкала. Эти бури поднимали тучи пыли, застилавшей даже ближайшие сопки. Отдельные очень теплые дни, когда на пустырях и в степи, предвещая начало пролета насекомоядных птиц, появлялись многочисленные пауки, мухи, бабочки и другие насекомые, периодически чередовались с метелями. Так, толстый слой рыхлого свежего снега засыпал Даурские степи 6 мая 1973 года, а в 1974 году снег порошил еще позже – 22 мая. Вскоре после прохождения циклонических фронтов и потепления такой снег начинал быстро, на глазах таять, орошая землю свежей, живой водой, и степь на глазах оживала.

К концу мая в скверах Даурии распустилась первая листва на тополях и березках, сразу же изменив облик посёлка. Но «весна» продолжалась еще почти весь июнь, пока через Даурские степи на север летело множество перелетных сибирских птиц: пятнистые и таежные сверчки, бурые и корольковые пеночки, таловки и зарнички, малые мухоловки и мухоловки-касатки, синие соловьи и соловьи-красношейки, сибирские и оливковые дрозды, рыжие и седоголовые овсянки. И только к концу июня наступило жаркое, знойное, настоящее степное лето.

Саранки http://os1.i.ua/3/1/1517604_e7fba03.jpg

К этому времени в луговых степях у подножия Нерчинского хребта начали отцветать многочисленные лилии, крупные, пышущие зноем желтые цветы которых поднимались высоко над травостоем, следя за солнцем. А на смену им зацветали красные саранки – нежные, прекрасные застенчивые растения с поникающими цветками и с сильным, резким запахом.

Май и июнь – самое интересное время года для орнитологических исследований в степной Даурии. В это время на дневных экскурсиях отмечается иногда до 50-70 видов птиц – кампофилов, лимнофилов, дендрофилов. Однажды на учениях в конце мая 1974 годы я на два дня попал в удивительный Цасучейский сосновый бор, раскинувшийся на песчаных террасах у реки Онон к северу от Торейских озер. Там состоялось мое близкое знакомство с амурскими кобчиками, занявшими старое сорочье гнездо, с даурскими галками, заселившими скалу над рекой, с малым и серым скворцами, гнездившимися в дуплах старых ягодных яблонь у воды. А в конце июня, незадолго перед нашим прощанием с Даурией, я отправился с палаткой в леси-

стую пойму Онона у станции Оловянная, где мне удалось найти гнездовья голубых сорок, седоголовых и красноухих овсянок и ряда других птиц, отсутствовавших в степях южнее.

Цасучейский бор на реке Онон в Даурской степи

В целом за два года был собран большой материал, охватывавший все аспекты орнитофауны Даурии – гнездовой, миграционный, зимний. Я планировал обработать его затем в Ростове. Но как обычно, свободного времени на эту работу там уже не осталось. В Ростове сразу же пришлось заняться подготовкой к экзаменам в аспирантуру, затем готовиться на новом уровне к предстоящим исследованиям птиц искусственных степных лесов, к продолжению моей прежней студенческой работы. Параллельно нужно было осваивать новую науку – геоботанику, с которой оказалась связана в тот период моя основная производственная деятельность. Кроме того, мне крайне не хватало ряда старых публикаций о птицах Забайкалья – работ Г. Радде, В. Тачановского, Б. Штегмана и др., которые отсутствовали в библиотеках Ростова.

В первые годы по возвращению в Ростов я подготовил лишь несколько публикаций по наиболее интересным даурским материалам. Так, в 1973 году мне пришлось наблюдать в Даурии мощную инвазию пустынной птицы – саджи, залетевшей к нам из Монголии и пытавшейся гнездиться в даурских степях, и все мои сведения об этом необычном явлении были изложены в «Орнитологии», в специальной заметке, замеченной тогда даже В.Е. Флинтом. Кроме того, в отдельной статье, в которую, к сожалению, вкрались типографские «купюры», были собраны мои данные о встречах наиболее редких видов птиц Даурии, представляющие определенное значение для фаунистов. Наконец, была подготовлена большая статья о биологии монгольского жаворонка – одного из наименее изученных жаворонков нашей страны, заходящего в Россию самым краем своего ареала только в Даурии и Туве.

Монгольские жаворонки. Фото О.А. Горошко

К сожалению, мне не удалось обобщить уже частично обработанные материалы по другим жаворонкам, особенно по представителям рода *Calandrella*, различавшимся в Даурии не только по своей морфологии и окраске, но и по экологии, поведению, голосу, предпочитаемым местообитаниям. Какое-то время, вернувшись в Европу, я еще лелеял некоторые надежды на повторную поездку в Даурию, чтобы провести там целенаправленные коллекционные сборы жаворонков для выяснения их таксономического статуса. Особенно подогревал эти планы мой киевский друг, известный орнитолог Михаил Игоревич Головушкин, возглавивший тогда только что созданный заповедник на Торейских озерах в Даурии, на границе с Монголией. Он неоднократно приглашал меня к себе, но из-за отсутствия свободного времени и необходимых средств возможность еще одной встречи с весенней Даурской степью с каждым годом становилась всё более призрачной.

Коллектируя в Даурии жаворонков, мне удалось познакомиться с Л.С. Степаняном, которому я, по рекомендации Б.А. Казакова, отправил собранные в Забайкалье тушки этих птиц. В ответ Лео Суренович прислал мне свою недавнюю публикацию о солончаковом жаворонке (Stepanyan, 1967), ответы на мои вопросы и некоторые свои наставления по дальнейшему изучению взаимоотношений этих птиц. С тех пор мы стали переписываться, а после моего возвращения из Даурии, когда зимой 1975 года Л.С. Степанян приехал в Ростов оппонировать кандидатскую диссертацию Бориса Александровича Казакова, нам удалось встретиться уже лично.

Я показал тогда Л.С. Степаняну свои остальные сборы птиц, привезенные из Забайкалья, в том числе ряд редких фаунистических находок, вызвавших его искренний интерес. И как сейчас, помню январскую оттепель, тающий снег, и стаи обыкновенных чаек, «встречавших» Лео

Сурeновича на парапетах набережной реки Темернички против Ростовского вокзала, куда мы с Б.А. Казаковым отправились проводить гостя после успешной защиты диссертации. А позже я периодически встречался с Лео Сурeновичем в Москве – в Зоомузее МГУ, в его доме на Фрунзенской набережной, а в последние годы его жизни – на «Каширской», обсуждая там разные орнитологические проблемы. Л.С. Степанян стал тогда моим официальным научным консультантом и дал «добро» на защиту докторской диссертации о птицах степного Придонья, состоявшуюся в 1999 году в Москве в ИПЭЭ РАН.

В те первые после Даурии годы я успел отправить в печать еще несколько небольших заметок о редких видах даурских птиц: дрофе, журавле-красавке, скалистом голубе, филине. Были обработаны, но не опубликованы также интересные материалы о массовых осенних миграциях сибирских овсянок, кроме небольшой заметки, освещавшей это явление в краткой тезисной форме. И после этого все даурские дневники пришлось надолго «сдать в архив».

* * *

6 июля 1974 годы закончилась наша необычная «ссылка» в край необозримых ковыльных степей и голубых сопок, алых саранок и желтых лилий, в край декабристов и семёновцев, урановых рудников и вымерших тарбаганов… Два года пролетели там как один миг, как сон – то благостный, розовый, то временами поистине кошмарный.

И вот в последний раз блеснуло на память Шварциевское озеро у поселка, скрылись за перевалом солдатские казармы, уплыл за вагонное окно «шарик» радиолокатора на гребне Кличкинского хребта, принятый мною в первую встречу в августе 72-го за огромный стог сена, который тащила на телеге старая кляча.

Будто бы нарочно испортилась погода. К вечеру разразилась гроза, прошел ливень, и мы чуть было не опоздали из-за него к поезду. Провожало нас хмурое, угрюмое небо. Над тускло-зеленой степью, с проседью прошлогодних сухих трав, бежали низкие, рваные лохмотья свинцовых облаков. Вдаль уходили сгорбившиеся безжизненные сопки, а над горизонтом стояла синеватая грозовая туча, скрывшая дальние вершины за темной вуалью дождя. И лишь кое-где на небе выделялись просветы, подсвеченные розовыми лучами заходящего солнца.

Прощай Даурия – край многочисленных находок и невосполнимых потерь!

…Но в 1990-е годы Даурию «разоружили», все воинские части разбросали по России, военный городок пришел в запустение и стал разрушаться. И сейчас там в степной солончаковой пади от него остались лишь многочисленные развалины.

* * *

Пользуясь возможностью, которую Родина предоставляла своим офицерам – бесплатной поездкой в отпуск в любой конец нашей огромной страны, после завершения службы в Даурии мы решили съездить на Дальний Восток, в Приморье, чтобы посмотреть природу и птиц еще и в этом удивительном крае. Тем более что другой такой возможности, мы были уверены, у нас больше не будет.

Заранее списавшись с В. Данченко, мы договорились о встрече с ним во Владивостоке, куда он тоже собирался прибыть после окончания службы в Чехословакии. Вечером 10 июля мы приехали во Владивосток, затем три дня бродили по городу, с трех сторон окруженному Японским морем, знакомились там с местными прибрежными птицами, ловили морских ежей и звезд, ползавших по дну у скалистого берега. А вечером 13 июля на вокзале неожиданно встретились, наконец, с Вячеславом, который только что прибыл из Европы и планировал остаться в Приморье на работу в одном из заповедников.

Вопреки моим первоначальным планам совершить совместную поездку на большую таежную реку Бикин, впадающую в Уссури, один из главных притоков Амура, Вячеслав уговорил нас ехать в полузаброшенную деревушку Синанча, переименованную тогда в свете китайских событий в село Черемшаны, которое располагалась на восточных склонах хребта Сихотэ-Алинь в долине небольшой речки Черемуховой (Синанчи, или Иодзыхе). Там, по его словам, можно было еще раз побывать на Японском море, познакомиться с гольцами и темнохвойной тайгой на гребне хребта, а также с располагавшимся неподалеку Сихотэ-Алинским заповедником. По сведениям Вячеслава, полученным в поезде от кого-то из местных жителей, там находились будто бы самые интересные в Приморье места, самая красивая природа.

Позже Вячеслав уже сам побывал в Сихотэ-Алинском заповеднике на берегу Японского моря, после чего переехал всё же на западные склоны Сихотэ-Алиня в более привлекательный Супутинский заповедник, переименованный в 1974 году в Уссурийский, и несколько лет занимался там изучением питания амурских тигров, тропя зверей по снегу и забирая остатки их трапез себе на пропитание.

Сейчас же мы взяли билеты на поезд Владивосток – Новочугуевка, доставивший нас на следующий день в таежные дебри Сихотэ-Алиня, оттуда добрались до рудничного поселка Дальнегорска (Тетюхэ), затем на автобусе пересекли небольшой перевал, а от деревни Черемшаны своим ходом спустились вниз по реке Черемуховой в ее среднее течение и там в лесу близ устья ключа Кедрового разбили свой лагерь.

Здесь вновь всё было для меня новое, необычное. Вокруг, в пойме

реки и на склонах сопок, росли невиданные раньше деревья, кустарники и лианы, в лесах летали, кричали и пели многочисленные незнакомые мне птицы. И я всё время проводил на экскурсиях по реке, по небольшим ключам в боковых падях или в горах, знакомясь с местной природой и птицами.

Правда, наши надежды на «тайгу» здесь не совсем оправдались. Сравнительно невысокие горы с редкими выходами скал над рекой были покрыты в основном молодыми, сухими вторичными дубняками. Лишь местами среди них встречались небольшие кедрачи с корейским кедром, родственным кедру сибирскому и дающим осенью такие же вкусные орешки. Выше по склонам гор дубовые леса постепенно сменялись более влаголюбивыми березняками, а ближе к перевалу через Сихотэ-Алинь появлялся даже болотный багульник.

Значительно более старые и густые леса росли по долине реки Черемуховой. Здесь у воды преобладали тополевники, куртинами поднимались высокие стройные кроны чозении – ивы-кореянки, нередки были вязовники. Среди лиственных деревьев местами росли также кедры и пихты, образуя в узких боковых падях, защищенных от холодных морских ветров, характерные для Приморья древние, третичные смешанные леса. Местами у ручьев разрастались темные ельники. В низовьях реки виднелись вдали лиственничники.

А под пологом смешанных лесов буйствовал густой подрост и кустарниковый подлесок: жимолость, чубушник, смородина, колючий элеутерококк, но особо выделялась среди кустарников необычайно колючая аралия, называемая в народе шип-деревом, или чертовым деревом. Она часто драпировала опушки и поляны, и пройти там через ее заросли было практически невозможно. Вокруг деревьев и кустарников повсюду вились лианы: на опушках было много дикого винограда, нередко встречалась актинидия – родственница знакомого сейчас многим из нас киви, а также целебный лимонник с приятной, душистой корой, используемой для заварки чая.

Среди птиц наше внимание привлекали, прежде всего, тропические виды: малый перепелятник, хохлатый осоед, певший по вечерам большой козодой, иглохвостый стриж, китайская иволга, лесной каменный дрозд, личинкоед, белоглазка, которые нередко встречались в лесах у нашего лагеря. Здесь же было много и таежных сибирских птиц: различных пеночек, дроздов, овсянок. Но особенно эффектно выглядели среди них синяя мухоловка и синий соловей со своей необычайной, бархатистой окраской оперения.

К сожалению, мы не смогли найти на Синанче мандаринку, рыбного филина, широкорота, райскую мухоловку и некоторых других эк-

зотических птиц, более характерных для старых, влажных лесов в долинах крупных рек на западном склоне Сихотэ-Алине, куда я планировал первоначальную поездку. Но и среди тех 63 видов, что мы отметили в долине реки Черемуховой, около 30 было новыми, практически не встречавшимися мне прежде, хотя часть из таежных птиц, гнездившихся в Приморье, изредка появлялась на миграциях и в Даурии.

Нашим поискам и наблюдениям птиц сильно докучало огромное количество гнуса, особенно по вечерам, да множество клещей, которые все были, по нашим представлениям, энцефалитными. Однажды, забравшись в джунгли высоко на склонах гор, я вынужден был затем долго выбираться на дорогу по кабаньим тропам, где на четвереньках, а где ползком продираясь сквозь густые, колючие кустарники. И когда я вернулся к вечеру в лагерь, на мне нашли 43 клеща. Предупреждая заражение энцефалитом, я пытался затем прижигать места их укусов раскаленным в костре кончиком лезвия ножа, совершенно не чувствуя при этом боли, настолько эффективным оказалось анестезирующее действие особого секрета желез у этих неприятных членистоногих.

Спасаясь от комаров, по вечерам мы долго сидели у костра, а на ночь прятались в палатку, опрыскивая ее снаружи – по углам и вдоль застежек – дихлофосом, аэрозольный баллончик которого нам подарили опытные местные туристы. А наш друг В. Данченко был без палатки, в нашу же забираться не желал, и ночи коротал, сидя в дыму у костра. А затем днем я находил его иногда спящим где-нибудь на солнцепеке среди открытого галечника у реки, где не было вечно голодных комаров.

В тайге у реки мы ежедневно вспугивали большие выводки рябчиков. Но Славик категорически отказывался расчехлять свое ружье и стрелять этих птиц себе на пропитание, предпочитая ходить впроголодь, питаясь жидким вермишелевым супом из популярных тогда магазинных пакетиков. Иногда мы варили также уху из форели, ленков, пеструшек, которых ловили в реке ребятишки из деревни Черемшаны. Небольшие красивые пеструшки оказались туводной, или жилой формой тихоокеанского лосося – симы, и во время ее нереста, когда сима́ поднимается весной из Японского моря в реки, мечущих икру крупных самок окружают маленькие самцы пеструшки и своими молоками оплодотворяют часть их икринок.

Через неделю, чуть окунувшись в таежный мир Приморья, уставшие, голодные, измученные гнусом, мы повернули домой. Пешком добрались до деревни Черемшаны, располагавшейся в 10-15 км от нашего лагеря, оттуда вечерним автобусом выехали в Дальнегорск, а затем, расставшись с Вячеславом, остававшимся работать в Приморье, отправились дальше на запад, в Европу, поближе к своей науке.

* * *

Ростов встретил нас в знойном августе 1974 г. сложными житейскими хлопотами. Необходимо было срочно искать жилье, устраиваться на работу, готовиться к предстоящим экзаменам в аспирантуру, думать о будущих исследованиях. Правда, в первое время у нас на карманные расходы были небольшие армейские сбережения: месячное войсковое жалование лейтенанта, командира взвода составляло тогда около 250 рублей. Кроме того, в Даурии мы были частично обеспечены казенным обмундированием и провиантом, два года у нас не было почти никаких транспортных расходов, поскольку ездили мы там только на армейских машинах или БМП, а дорогу в отпуск и обратно нам оплачивало государство. Поэтому-то, прилетев из Даурии в 1973 г. в Ленинград, в нашу северную столицу в положенный очередной отпуск, вначале я даже забыл, что в городском транспорте нужно было приобретать за проезд трамвайные билеты.

Но устраиваться после Армии лаборантом на 70 руб. в университет, как мне предлагали на кафедре зоологии, для нас было нереально. Нам предстояло самим зарабатывать средства не только на еду и одежду, но и на оплату частной квартиры, которую мы вынуждены были несколько лет снимать в городе, на регулярные экспедиционные и научные поездки, на книги, а также на содержание и воспитание сына, вернувшегося в Ростов из Шостки, где он два года провел в лесу вместе с бабушкой и её козами.

Решив первую проблему с жильем, я с помощью друзей-однокурсников нашел временную, хорошо оплаченную тогда работу – «шабашку» в совхозе «Декоративные культуры», и затем вплотную засел за учебники. А после успешной сдачи экзаменов в аспирантуру в октябре неожиданно получил приглашение на службу в институт Южгипрозем, где работали многие друзья и однокурсники. Мне сразу же предложили «повышенный» оклад в 110 руб., но в геоботаническом отделе, куда я был принят, нужно было осваивать совершенно новую для себя работу. Здесь-то как нельзя кстати оказались и определители растений, которыми я запасся еще в школьные годы, и мои школьные и университетские опыты по сбору гербариев.

Неожиданные перемены произошли в октябре и в университете. Наш зав. кафедрой зоологии Н.С. Олейников, который должен был стать моим научным руководителем в аспирантуре, был почему-то спешно уволен на пенсию, а меня «поручили» доценту В.С. Петрову. Мне было не совсем приятно оказаться тогда свидетелем перепалки двух почтенных доцентов на эту тему, возникшей на заседании кафедры. Но с другой стороны вместе с В.С. Петровым я мог продолжить

начатые еще в студенческие годы интересные и перспективные исследования птиц степных лесонасаждений, тогда как Н.С. Олейников предлагал мне начать совершенно новую «водно-болотную» тематику, связанную с изучением птиц рисовых полей Нижнего Дона и Предкавказья.

Определившись, наконец, с руководителем и темой будущей диссертации, я занялся более углубленным изучением литературы, и всю зиму по выходным дням интенсивно работал в университетской библиотеке на Пушкинской, конспектируя многочисленные статьи о птицах искусственных лесонасаждений Южной России, Украины, Казахстана, Сибири и других регионов СССР, а также географическую литературу и публикации по «лесной» тематике.

Вначале мы планировали программу-минимум – обследование орнитофауны искусственных лесов юга Ростовской обл., в которых в своё время работал и сам В.С. Петров: Ленинского, Манычского, Донского и Сальского лесхозов и еще нескольких молодых лесных массивов, заложенных в послевоенные годы на юго-востоке Ростовской области. Но через два года, достаточно детально изучив летнюю орнитофауну этих лесов, часть из которых была знакома мне еще по студенческим поездкам, встал вопрос о расширении географии исследований, чтобы можно было провести сравнительный анализ особенностей формирования фауны в разных природно-климатических условиях.

К тому времени выяснилось, что несколько старых лесных массивов, орнитофауна которых до того времени оставалась, к удивлению, совершенно неизвестной, были созданы в конце XIX – начале XX веков не только на юге Ростовской обл., но и в Краснодарском крае, на Ставрополье и в Калмыкии: Челбасское и Новопокровское лесничества в Приазовье, Медвежинская лесная дача в Ипатовском районе на севере Ставропольского края, Годжурское лесничество на Ергенях.

К сожалению, я ничего не знал тогда о Тингутинском лесничестве на юге Волгоградской обл., сравнительно недалеко от Годжура, и поэтому не смог обследовать в те годы этот интереснейший лес, созданный на незасоленных песчаных почвах в глубокой, разветвленной и обводненной балке на севере Ергеней. Именно этот достаточно большой лесной массив связывал искусственные лесонасаждения Калмыкии с естественными байрачными и пойменными лесами Поволжья и мог служить проводником дендрофильной фауны на юг, в полупустыни Прикаспия. Впервые мне удалось посетить Тингуту лишь в 2012 г., и я сразу же нашел там несколько новых, редких видов птиц.

Летом же 1975 г., получив месячный неоплачиваемый академический отпуск, полагавшийся аспирантам-заочникам для проведения различных исследований, запасшись в университете рекомендательными

письмами и разрешением Облгосохотинспекции на добычу птиц для сбора коллекции в научных целях, я отправился в свою первую экспедицию в Манычский лесхоз. Созданный в 1886 г. на площади 1842 га, он располагался в верховьях Хомутецкой балки на плоском степном водоразделе между Западным Манычем и Приазовской низменностью, недалеко от пос. Весёлого, у Веселовского водохранилища.

В «нагрузку» В.С. Петров снабдил меня двумя студентами-помощниками. Один из них, Виталий Петлин, был моим давним другом по студенческому общежитию, который после возвращения из Армии восстановился в университете и продолжил учебу на 3 курсе, а с Николаем Репенко я познакомился незадолго до отъезда на полевые работы. У студентов по учебному графику полагалась летняя практика и сбор материала для курсовых работ, и мне поручалось использовать этих помощников в своих исследованиях и обеспечить выполнение их курсовых. Но ни плана работ, ни их тем, как я понял, у студентов не было. Мне же предстояло интенсивное, максимально полное и быстрое фаунистическое обследование довольно обширного лесхоза и его степных окрестностей, проведение утренних маршрутных учетов птиц, сбор коллекционных тушек ряда политипических видов для выяснения их подвидового статуса, изучение экологии птиц и др.

Николай оказался грамотным, умным и весьма добросовестным помощником, проводившим вместе со мной, а затем и самостоятельно маршрутные учеты птиц, изучавшим гнездовую экологию и питание лесных видов. Несмотря на свою тяжелую болезнь – диабет, который обязывал его строго следить за собственной диетой, регулярно колоть инсулин, он неоднократно выходил с нами на длительные экскурсии и никогда не жаловался на своё самочувствие. После окончания университета он поступил работать охотоведом в Ростовское гослесоохотхозяйство (ГЛОХ), но, к большому сожалению, эта работа оказалась несовместима с его здоровьем, и Николай рано ушел из жизни.

А Виталий – неунывающий, всегда жизнерадостный здоровяк, давно привыкший к дальним походам, по-прежнему оставался великолепным стрелком, обеспечивавшим нас в экспедиции диетическим питанием. Но наука, как и раньше, интересовала его мало, и он, например, так и не усвоил, какие же виды птиц и для чего нам нужно было коллектировать в Манычском лесхозе.

Устроились мы в хуторе Верхний Хомутец на кордоне Ростовского ГЛОХ, у опушки лесного массива на самом краю деревушки. На рассвете нас будил там громкий хор соловьев, гремевший в лесу у балки, позже запевали иволги, славки, садовые овсянки, начинали токовать многочисленные обыкновенные горлицы. У прудов по балке кукарекали

фазаны. Лес наводняла масса сорок и соек, выводки которых с криком летали по просекам. По ночам во дворе монотонно, как метроном, «клюкала» сова-сплюшка, загнездившаяся в полуразвалившемся скворечнике на вершине белой акации, а из леса доносился тоскливый, многоголосый свист десятков слётков ушастых сов. В полях вокруг леса в том году размножилось огромное количество обыкновенных полёвок, буквально выстригавших посевы, и грызуны привлекли сюда массу сов, численность которых достигала 8 пар на 100 га леса.

Каждое утро мы отправлялись на экскурсии по лесу, по окрестным лесополосам, на дальние степные балки, спускавшиеся к Манычу. Проведя с утра учеты и картирование гнездовых участков на постоянном маршруте, я начинал выслеживать самцов зябликов, зеленушек, щеглов, славок и других птиц, а вечером писал дневники, препарировал дневную добычу и набивал коллекционные тушки. Дендрофильных видов птиц в очень засушливом 1975 году в лесу было немного, их скрадывание отнимало немало времени и сил, и каждая добытая в коллекцию птица была буквально на вес золота.

Через две недели, завершив работы в Манычском лесхозе, мы с Н. Репенко переехали в Донской лесхоз, находившийся на водораздельных увалах Донецкого кряжа близ р. Кундрючьей, в сотне километров к северу от Ростова. Это был еще более старый и обширный искусственный лесной массив, созданный в 1878 г. на площади 2642 га, с несколькими кварталами у балок, где среди порослевых послевоенных молодняков сохранились небольшие приспевающие дубравы самых первых посадок.

Остановились мы на кордоне лесника в верховьях балки Большая Журавка и продолжили регулярные утренние учеты птиц, ежедневное коллектирование мелких воробьиных, изучение гнездовой экологии пернатых. Здесь были, в общем-то, те же птицы, что и в Манычском лесхозе. Но многие из них оказались представлены европейскими подвидами, заселявшими искусственные леса степного Придонья с севера. Появились здесь и некоторые северные виды, отсутствовавшие на юге: обыкновенная овсянка, коноплянка и др. Зато южных птиц, особенно серых славок, в более старом и густом лесу стало заметно меньше. Но по-прежнему преобладали сороки и сойки, численность которых достигала 38-44 пар на 100 га леса.

Этот лесной массив оказался во всех отношениях весьма интересным и удобным стационаром, и я продолжал периодически выезжать сюда на 1-2-дневные экскурсии, особенно регулярные в 1976-1978 гг., для мониторинга его орнитофауны. Фауна и население птиц в Донском лесхозе в последующие годы на моих глазах довольно быстро менялись.

Сначала там поселилось несколько пар ястребов-тетеревятников, и буквально сразу же вокруг их гнездовых участков резко сократилась численность сорок, а потом они исчезли в лесу практически полностью, единичными парами встречаясь сейчас лишь в садах окрестных посёлков. Но взамен лесной массив стали заселять мелкие воробьиные птицы: дрозды, мухоловки, пеночки, пищухи, а также неясыти, вертишейки, разные дятлы и другие виды, что было обусловлено старением лесонасаждений, глобальным увлажнением климата в последние десятилетия, а также, возможно, исчезновением врановых птиц.

Летом 1976 г. я отправился на юго-восток Ростовской обл., где предстояло обследовать старое Сальское лесничество в междуречье Сала и Дона, близ Цимлянского водохранилища, а также три молодых лесных массива в Пролетарском и Орловском районах. В Сальскую лесную дачу я вновь приехал с двумя «помощниками» – племянниками-школьниками младших классов. Они быстро освоились в посёлке лесничества – хуторе Мокросоленом и целыми днями играли в компании местных ребятишек-сверстников, загорая, купаясь в пруду, разыскивая мне ужей, ежей и слепышей на выгонах и не особенно отвлекая меня от работы.

Но однажды пришлось привлечь к «исследованиям» и ребятишек. За лесом, в 4-5 км от посёлка, я обнаружил нескольких стрепетов, постоянно токовавших на небольшом люцерновом поле. Рядом в степной балке удалось вспугнуть и самку, строившую гнездо под куртиной ковыля. Но потревоженная птица бросила гнездо, а мне было очень важно подтвердить гнездование стрепетов находкой их кладки или птенцов. В их поисках я решил «прочесать» люцерновое поле с помощью своих юных натуралистов. Разбудив их на рассвете, захватив длинную верёвку для траления поля, мы вышли в путь. Однако когда наша экспедиция добралась через лес к стрепетиному полю, оказалось, что комбайн скосил за утро всю люцерну на сено, и стрепеты исчезли. Несолоно хлебавши, я отправил ребят домой досматривать сны, а сам отправился на р. Сал – искать там своих стрепетов.

Цимлянский район, где располагалась Сальская лесная дача, был тогда совершенно незнаком мне, и я много экскурсировал, обследуя, кроме лесного массива, также степные равнины от долины р. Сал до южного побережья Цимлянского водохранилища. Очень интересным оказалось и само лесничество, созданное на солонцовых почвах в сухой степи. Поэтому значительную площадь среди его насаждений занимали остепнённые поляны, покрытые ковылем и типчаком, а также редины и чахлые усыхавшие древостои. И лишь по неглубоким, узким потяжинам с лугово-каштановыми почвами, редкой сетью расползавшимся из балок по

плоским плакорам, росли крепкие, здоровые средневозрастные дубняки.

В чрезвычайно мозаичном лесу было много грачевников, повсюду гнездились многочисленные коршуны и чеглоки, выселившиеся сюда, вероятно, из Донской поймы при заполнении Цимлянского водохранилища. Нередки были здесь также куропатки, по-прежнему было очень много сорок, но более мезофильные сойки проникли в эти засушливые районы только недавно и еще значительно уступали в численности сорокам. Однако абсолютно доминировали в перелесках, изобиловавших кустарниковыми опушками с терном, караганой, спиреей и бобовником, очень характерные для подобных биотопов серые славки – в среднем более 100 пар на 100 га леса.

К концу работы нашей трехнедельной экспедиции в Сальском лесничестве мои помощники Вова и Леша Саврасовы загорели до черноты, обросли «цыпками» на немытых ногах, но здоровые и веселые вернулись в Ростов. А я уехал затем еще на три недели в Заманычье, где предстояло обследование сразу трех молодых, послевоенных лесничеств. В организации этих работ, как и в 1971 г., мне очень помогла моя дальняя родственница из Шостки – Вера Павловна Шевченко, получившая после окончания лесотехнического вуза назначение в Пролетарский лесхоз и долгие годы работавшая там лесничим.

Лесные массивы в Пролетарском и Орловском районах были значительно менее интересны как в ландшафтном, так и в фаунистическом отношении. Но здесь я повторно нашел новый для Ростовской области вид – южного соловья. Впервые я обнаружил его в 1971 г. в лесонасаждениях совхоза «Гигант» Сальского района во время преддипломной практики. Я очень долго, ползком скрадывал тогда осторожную птицу, певшую в густых зарослях мелколесья, пока не добыл ее для подтверждения определения. И в 1976 г. ситуация повторялась. Несколько южных соловьев пели в густых, сухих насаждениях Ворошиловского лесничества среди многочисленных обыкновенных соловьев, и мне вновь очень долго пришлось выслеживать скрытных птиц, пока удалось добыть одного соловья, совершенно необходимого для точного определения ввиду его большого сходства с обыкновенным соловьем.

При этом, как выяснилось позже при сравнении коллекционных сборов в музеях Ленинграда и Харькова, соловьи из совхоза «Гигант» и Ворошиловского лесничества различались между собой по окраске и принадлежали к разным популяциям – западнокавказской (*L. m. megarhynchos*) и центральнокавказской (*L. m. africana*), т.е. они самостоятельно расселялись на север, в искусственные степные лесонасаждения, из разных районов Кавказа.

В следующем 1977 г., в конце мая, я отправился в Краснодар, где в

Управлении лесного хозяйства получил рекомендательные письма в Новопокровское, Челбасское и Крыловское лесничества, а в Охотинспекции обзавелся разрешением на добычу птиц в научных целях и заодно получил задание на проведение инвентаризации диких копытных в этих лесах.

Крыловское лесничество, находящееся в Павловском районе, оказалось небольшим молодым лесным массивом, отчасти напоминавшим леса юго-восточных районов Ростовской области. Но здесь лесопосадки были более здоровые и густые, чему способствовал более влажный климат и менее засоленные почвы Приазовья. К тому же вдоль леса текла полноводная речка Грузская, и в одном из лесных кварталов обосновалась даже колония цапель.

А Новопокровское и Челбасское лесничества, особенно последнее, поразили меня своими обширными спелыми дубравами, свежей зеленью и прохладой у рек. В целом эти изолированные лесопосадки уже во многом напоминали естественные леса Прикубанья – «круглики», практически полностью вырубленные в прошлые столетия, при освоении Кубанских степей. Здесь еще больше было голенастых птиц, а в старых кварталах удалось обнаружить даже гнездовья канюков, осоедов, орлов-карликов. Позже выяснилось, что в этих двух лесных массивах в 1973 г., в студенческие годы, работал также молодой краснодарский орнитолог А.М. Пекло, и мы решили опубликовать с ним совместный обзор орнитофауны Челбасского и Новопокровского лесничеств, прежде совершенно неизвестных орнитологам (Белик, Пекло, 1989).

Завершив работу в степных лесах Краснодарского края, я отправился в пойму Кубани у г. Кропоткин, чтобы самому непосредственно познакомиться с фауной возможного источника заселения искусственных лесопосадок птицами. Как выяснилось при этом, не все обитатели пойменных лесов решаются на переселение в плакорные насаждения, несмотря на, казалось бы, подходящие условия в степных лесах, а также на достаточную численность и значительные популяционные резервы этих птиц в пойме. Иногда им требуется весьма много времени, чтобы сломать динамические стереотипы, преодолеть консервативную стадию эволюции и начать экспансию в новые районы с не совсем привычными условиями.

Аналогичные исследования были проведены мною также в мае 1977 г. в пойменных лесах низовий Северского Донца у станицы Нижнекундрюченской. И там наблюдалась та же картина: ряд обычных лесных видов в те годы совершенно не встречался на гнездовье в соседнем Донском лесхозе (седой и малый дятлы, лесной конек, пеночка-теньковка, зеленая пересмешка, мухоловка-белошейка, малая мухоловка, обыкновенная овсянка и др.), и лишь значительно позже некоторые

из них стали появляться в старом степном лесу.

В конце июня я распрощался с Краснодарским краем и переехал в Ленинский лесхоз на юге Азовского района, где работал еще в 1970 и 1971 гг. в студенческий период. В хорошо знакомом мне лесхозе я провел почти две недели, занимаясь в основном коллектированием птиц, необходимых мне для таксономического анализа. В изучении орнитофауны этого лесхоза мне помогали недавние выпускники РГУ – зоологи В.В. Сидельников и А.Д. Липкович, устроившиеся охотоведами в Ростовское ГЛОХ. А недалеко, в хуторе Цыганки на окраине лесхоза, поселился также друг А.Д. Липковича – В.Д. Казьмин, дипломированный филолог, который забросил свою гуманитарную науку, поступил на работу в охотхозяйство егерем, купил себе небольшой старый домик в хуторе и решил посвятить будущую жизнь зоологии. В дальнейшем он действительно стал известным териологом, кандидатом биологических наук, изучавшим зубров в Северной Осетии, затем овцебыков на острове Врангеля в Ледовитом океане, а сейчас работающим с дикими лошадьми в Ростовском заповеднике на Маныче.

Меня же определили на этот раз с жильем в гостиницу ГЛОХа – в здание бывшего пионерлагеря, стоявшее на широкой поляне близ реки Мокрой Чумбурки. В комнатах в июле было душно даже ночью, и я работал по вечерам, препарируя птиц и оформляя дневники, обычно на открытой веранде. Здесь же, постелив на пол спальник и выключив свет, я располагался и на ночь. Однако вскоре я обратил внимание, что по утрам на спальнике и на полу подо мной стали появляться небольшие темные, кровяные пятна, но откуда они брались – сначала я даже не мог предположить.

Здесь же на веранде под потолком располагалась большая колония городских ласточек – воронков. И в конце своей работы я решил достать одно из их гнезд для коллекции в РГУ. Поднявшись по лестнице под потолок, я аккуратно отделил от стены пустое гнездо воронка, а когда снял его вниз, заметил, что в узеньких щелях между комочками засохшей грязи копошатся какие-то насекомые. Спрятав гнездо в полиэтиленовый пакет, я плеснул в него эфира и вскоре вытряхнул из гнезда с полдюжины … постельных клопов.

Как выяснилось потом, голодные насекомые, оставшиеся в опустевших гнездах, стали выбираться по ночам на потолок, доползали, ориентируясь на теплые потоки воздуха или на запах, до середины веранды и падали сверху прямо на мой спальник. Не все, правда, возвращались потом назад, домой, но это были уже их проблемы…

В 1978 г., в последний год аспирантуры, мне предстояло обследовать еще лесные массивы Калмыкии и Ставрополья. Практически

всей необходимой информацией о лесхозах Калмыкии меня заранее снабдил В.Г. Позняк, перебравшийся из Ростова работать в Калмыцкий университет, а вот на Ставрополье мне пришлось ехать в значительной мере наугад. Там я обследовал старое Степное лесничество в Ипатовском районе и молодые насаждения у пос. Арзгир, входившие в состав широкого «зеленого кольца» вокруг районного центра, среди сухих степей на востоке Ставрополья в Приманычье.

В Калмыкии же очень интересным оказалось Годжурское лесничество, известное прежде еще как Аршань-Зельмень, которое располагалось на восточных склонах Ергеней в глубокой балке с небольшой речушкой по днищу. Оно было основано в середине XIX в., но к 1978 г. там сохранилась лишь небольшая часть старых лесопосадок, созданных по днищу балки с более обильным увлажнением и с более рыхлыми супесчаными почвами. А на плакорных водоразделах с глинистыми светло-каштановыми почвами и солонцами почти все насаждения погибали, не доживая обычно до 20-летнего возраста. Здесь в окрестной целинной степи сохранились большие колонии сусликов и над Годжуром всё время летали степные орлы, встречались канюки-курганники, а также журавли-красавки и другие полупустынные птицы. Но типичных дендрофилов в лесу было очень мало.

Немногим богаче было более густое и обширное Обиленское лесничество в верховьях реки Кара-Сал на западных склонах Ергеней, созданное в середине XX в. Здесь рядом с лесом протекала довольно полноводная речка, и поэтому в насаждениях гнездились серые цапли, было много пустельг и кобчиков, а поблизости держались курганники и красавки. В лесничестве были найдены на гнездовье также черные коршуны, вяхири, ушастые совы, сплюшки, иволги, ястребиные славки и славки-завирушки, активно пел также одиночный зяблик.

* * *

На этом мои полевые исследования по диссертационной тематике, в общем-то, и завершились. Но предстояло еще много работы по обобщению собранного материала. И прежде всего, нужно было разобраться с коллекциями птиц, определить подвидовой, таксономический статус всех добытых дендрофильных видов.

Я начал заниматься этими вопросами еще в 1975 г., отправившись в декабре в Зоологический музей МГУ в Москву со своими первыми студенческими и аспирантскими коллекциями. К тому времени я был уже лично знаком с Лео Суреновичем Степаняном, приезжавшим в начале года в Ростов оппонировать кандидатскую диссертацию Б.А. Казакова, и в Москве Лео Суренович много помогал мне в организации моей работы. Он представил меня сотрудникам Зоомузея, где в орнито-

логическом отделе работали только что закончившие московские вузы П.С. Томкович и В.Г. Бабенко, показал мне хоры над просторным экспозиционным залом Зоомузея, на которых вдоль стен у окон стояли тогда большие столы и предоставлялись рабочие места московским и приезжим орнитологам. И здесь, приходя по своим делам, анализируя в то время внутривидовую систематику воробьиных птиц СССР, Лео Суренович консультировал и меня, проверял заодно мои определения подвидов у предкавказских птиц.

Иногда мы вместе обсуждали специфику отдельных популяций тех или иных видов, которые исследовал в данный момент Л.С. Степанян. А когда я собрался ехать в Ленинград, в Зоологический институт, он специально поручил мне посмотреть там в коллекции и сравнить с тянь-шаньскими птицами близкий центральноазиатский вид горихвостки *Phoenicurus alaschanicus*, который отсутствовал в Московских хранилищах, и попытаться субъективно оценить его таксономический статус.

Загадочные горихвостки.
http://www.arkive.org/ala-shan-redstart/phoenicurus-alaschanicus/image-G45827.html
http://birds-altay.ru/2012/06/krasnospinnaya-gorixvostka/

Позже Лео Суренович всё время очень настойчиво убеждал меня быстрее завершать затянувшуюся кандидатскую диссертацию, подчеркивая, что она является для ученого всего лишь своего рода Золотым ключиком к воротам в Науку, позволяющим ему заниматься затем уже серьезными научными исследованиями. Он советовал мне не придавать особого значения различным мелочам в диссертации, поскольку, мол, этот «кирпич» практически никто, кроме оппонентов, не читает. Но тут я не мог согласиться с уважаемым мэтром, стараясь всё делать тщательно и досконально, что потом очень пригодилось в дальнейшей работе.

В последующие годы я еще несколько раз приезжал в Москву со своими коллекциями и всегда встречал там самое благожелательное

отношение к своей работе. Но еще более важен был для меня дух, атмосфера Зоомузея, где еще совсем недавно работали Г.П. Дементьев, Е.П. Спангенберг, А.М. Судиловская. К сожалению, никого из них я уже не застал в живых. Им на смену пришло следующее поколение орнитологов.

Кроме Л.С. Степаняна, в Зоомузее регулярно бывал А.А. Кищинский, который с первой встречи поразил меня своей широчайшей эрудицией, четкой, быстрой логикой суждений, энергичной аргументацией и умением отстаивать свои взгляды по самым различным вопросам. Позже, знакомясь с многочисленными статьями и книгами Александра Александровича, я удивлялся его работоспособности и разносторонности, и мне до сих пор бесконечно жаль, что он так рано ушел от нас, не успев сделать всего того, на что был способен…

В Зоомузее подолгу работал тогда приезжавший из Крыма талантливый орнитолог-художник Юлий Витальевич Костин, готовивший по чучелам и тушкам птиц из музейных коллекций цветные иллюстрации для задуманной московскими орнитологами новой сводки «Птицы СССР» (1982 и др.). Это был очень живой, веселый, общительный и обаятельный ученый, но судьба, к сожалению, тоже очень рано, преждевременно отняла его у всех нас…

Помню свою первую встречу в Зоомузее с В.Е. Флинтом. Он узнал меня, хотя до этого лично мы не были знакомы, остановил и вручил мне оттиск с моими заметками, недавно опубликованными в «Орнитологии». Позже мы периодически встречались с Владимиром Евгеньевичем на различных конференциях и совещаниях, в 1994 г. много времени проводили вместе в отеле и на улицах Вены, куда были приглашены на XXI Международный орнитологический конгресс, в последующие годы он неоднократно приглашал меня к себе домой на рюмку чая, а в 1999 г., несмотря на занятость и усталость, с удовольствием согласился оппонировать мою докторскую диссертацию. Владимир Евгеньевич дожил до 80 лет, но до сих пор кажется, что он ушел от нас очень рано! До самых последних лет он был полон новых идей и планов…

Монументальная фигура В.Е. Флинта всегда выглядела антиподом Степаняну. Лео Суренович был, в моем представлении, камерным виртуозом, не любившим шумихи и излишних «помощников», привыкшим тщательно обыгрывать каждую деталь своего научного произведения, изредка, но очень подробно, с комментариями и отступлениями, рассказывавшим в узком кругу своим близким собеседникам о приключениях в Средней Азии или Вьетнаме, где ему приходилось много работать. А Владимир Евгеньевич был типичным публичным лидером, уверенно чувствовавшим себя в любом обществе и в любой обстановке, умевшим убедительно выступать перед слушателями с трибуны и за

дружеским застольем, привлекать к себе внимание как своим обликом, так и выразительной речью.

Но почему-то не очень часто общаясь между собой в столице, каждый из этих крупных, по своему талантливых орнитологов находил какой-то интерес и во встречах со мной. Это могло объясняться, как мне кажется, тем, что я всегда внимательно выслушивал их, вникая в смысл речей собеседников, но обычно оставался при собственном мнении, давая им в свою очередь какую-то пищу для размышлений. По этому поводу Лео Суренович даже заметил как-то после моей защиты в ИПЭЭ РАН в 1999 г., что диссертант, мол, быстро усваивает идеи всех оппонентов, «мотает себе на ус», но всё делает, как правило, по-своему, как считает нужным. Пожалуй, наиболее ярко это проявилось в моих орнитогеографических воззрениях, кардинально разошедшихся с позицией Лео Сурeновича, который исповедовал и развивал типологические взгляды Б.К. Штегмана (1938) и отрицал значимость детального зоогеографического районирования Палеарктики в представлениях А.П. Кузякина (1962) и других авторов.

В Зоомузее МГУ я впервые встретился также с В.М. Галушиным, с которым впоследствии мне пришлось много работать вместе по организации исследований хищных птиц Северной Евразии. В конце 1979 г., после небольшого рабочего совещания в Волгограде, на обратном пути в Ростов я специально сделал «крюк» и заехал в Москву с добытым на Дону молодым ястребом-тювиком, чтобы показать его Владимиру Михайловичу, обрадовать его, убедить, что тювик еще не вымер, что «хоронить» его в Красных книгах еще рано.

Предыдущим летом я совершенно неожиданно обнаружил тювиков в пойменных лесах Нижнего Дона, причем сразу в значительном числе, довольно подробно познакомился при этом с их образом жизни и поведением, этологией, а главное – понял, где и как их искать, как отличать от очень похожего ястреба-перепелятника. В последующие годы сбор материалов по тювику был продолжен в соседних районах Нижнего Дона, на Среднем Дону, на Хопре и в Поволжье. Собранные сведения стали основой для обстоятельной статьи об этом виде, опубликованной в Трудах Всесоюзного орнитологического общества (Белик, 1986*) и позволившей затем моим коллегам найти тювика также и в других районах его ареала, где он скрывался прежде под личиной перепелятника.

А в 1979 г., когда я прибыл с тушкой слётка тювика в Зоомузей, знакомые позвонили оттуда Владимиру Михайловичу, и он вскоре

* Белик В.П., 1986. Европейский тювик на Дону // Актуальные проблемы орнитологии.- М.: Наука.- С.128-143.

приехал на «смотрины», после чего мы долго обсуждали неожиданную находку. Но Владимир Михайлович, как истинный ученый, вначале проявил скепсис по поводу определения добытой мною птицы, поскольку она разительно отличалась своим обликом от других известных ястребов. Достаточно сказать, например, что даже академик Н.П. Дубинин, занимавшийся во время своей научной опалы изучением птиц Нижнего Урала, ошибочно приял добытого им в 1950-е годы молодого тювика за дербника! И сейчас В.М. Галушин решил прежде удостовериться, проверить, действительно ли моя птица является тювиком, обратившись для этого за консультацией к известному эксперту – Л.С. Степаняну.

В.М. Галушин на кафедре зоологии МПГУ

Следует сказать, что от ошибок в науке не застрахован никто – как с определением птиц, так и с трактовкой их распространения, экологии, этологии и пр. Поэтому требовательность экспертов относительно необходимости подтверждения любых публично представляемых материалов – это обязательное условие для любой науки, позволяющее избегать скоропалительных, необдуманных и ошибочных решений, выводов и публикаций, вносящих порой в науку разную сумятицу.

Как говорится, лучше семь раз отмерить, чем один раз отрезать!

Во время моего пребывания в Москве в Зоомузей изредка заходил также Е.Н. Панов, рассказывавший о своих наблюдениях за брачным поведением каменок и сорокопутов, но которого я больше знал тогда по его великолепной книге «Птицы Южного Приморья» (1973).

Несколько раз я видел в музее почтенного, но еще достаточно энергичного, невысокого сухощавого К.А. Воробьева – автора фундаментальных сводок «Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии» (1923), «Материалы к орнитологической фауне дельты Волги» (1936), «Птицы Уссурийского края» (1954) и «Птицы Якутии» (1963), а также обаятельного коллекционера птичьих гнезд, долговязого орнитолога-любителя В.В. Леоновича.

Однажды мне показали там Александра Александровича Кузнецова – известного альпиниста-писателя, ставшего известным орнитологом и создавшего ценную серию иллюстрированных полевых определителей птиц, который тогда уже редко бывал в Зоомузее. Он сидел обычно в отдельном большом кабинете, не совсем удачно, на мой взгляд, редактируя там «Орнитологию» – классический, широко известный ежегодник МГУ.

* * *

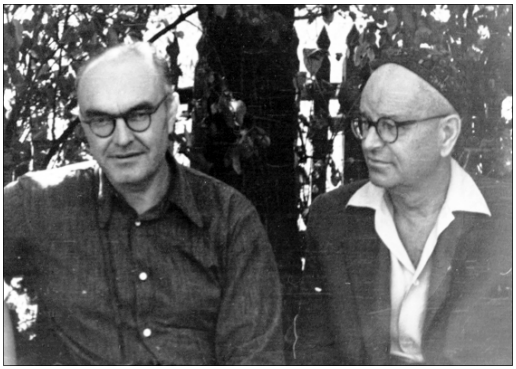
Поездки в зоологические музеи Ленинграда, Киева и Харькова были для меня менее эмоциональными, но весьма важными как в плане обработки и анализа собранных материалов, так и для знакомства и общения с известными орнитологами.

В Ленинграде, приехав в декабре 1975 г. в Зоологический институт (ЗИН), я был вынужден провести несколько дней в ожидании, пока мои сборы проходили инсектицидную обработку, чтобы из них в хранилища института не могли случайно проникнуть кожееды и моли – беспощадные вредители зоологических коллекций. Свободное время я проводил в основном в большой библиотеке института, где знакомился с редкими, малодоступными изданиями. Однажды удалось побывать также на заседании Орнитологического отдела ЗИН, на котором с докладом выступал его руководитель – Константин Алексеевич Юдин. Однажды я заглянул в недавно опустевший кабинет Елизаветы Владимировны Козловой – непревзойденного знатока орнитофауны степей и пустынь Центральной Азии, пожалуй, единственного кумира, которому я мог поклониться.

С Ирэной Анатольевной Нейфельдт я уже встречался прежде, консультируясь как-то по поводу моей находки залетного серого чибиса в Даурии. Переписывался я с ней и позже, но ее суровая сдержанность и аскетизм не давали поводов для расширения диалога. Более тесные контакты установились с В.М. Лоскотом, который был близко знаком с Б.А. Казаковым. Но и Владимир Михайлович, став позже руководителем Орнитологического отдела, не отличался особой общительностью. Поэтому, быть может, сотрудничество с Питером развивалось сравнительно медленно.

В Харьков я приехал в январе 1978 г. с рекомендательным пись-

мом к И.Б. Волчанецкому, которым снабдил меня его ближайший ученик и мой руководитель В.С. Петров. Илья Борисович пригласил меня в свою просторную квартиру, в которой он проживал с моложавой супругой, и мы долго обсуждали результаты моей диссертационной работы, проблемы разработки экологической классификации птиц, другие вопросы.



И.Б. Волчанецкий и В.С. Петров в Приокско-Террасном заповеднике. 24.08.1959

По моей просьбе Илья Борисович показал мне также свою известную докторскую диссертацию, посвященную изучению закономерностей географической изменчивости наряда дятлов, которая была подготовлена в годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Средней Азии и напечатана им на механической пишущей машинке на серой, оберточной бумаге. Она содержала большое количество цветных акварельных рисунков всех дятлов мировой фауны и в то время являлась, по-видимому, первой, возможно единственной подобной работой глобального плана, выполненной в пределах СССР. Было бы очень интересно опубликовать ее у нас, о чем я говорил впоследствии как-то с Л.С. Степаняном в Москве, но, увы, диссертация И.Б. Волчанецкого до сих пор так и остается в Харьковских архивах мало известной для остальных коллег.

Илья Борисович оставил после себя богатое научное наследие. Но его оценка и ретроспективный анализ с современных позиций далеко не однозначны. Наряду с интереснейшими, фундаментальными работами, выполненными, прежде всего, в первые годы научной деятельности в Алатыре и Саратове, у И.Б. Волчанецкого есть и ряд поверхностных работ, которые трудно использовать в настоящее время. Но общий вклад Ильи Борисовича в развитие отечественной орнитологии, конечно

же, весьма велик. Особенно это касается его очерков о славках и жаворонках в сводке «Птицы Советского Союза» (1954), которые, очевидно, еще долго будут служить ориентирами при изучении этих групп птиц в Северной Евразии. Не менее важна роль И.Б. Волчанецкого также в подготовке большой плеяды орнитологов СССР – его учеников и последователей: А.Ф. Ковшаря, И.А. Кривицкого, А.С. Лисецкого, Ю.В. Шибаева, В.М. Гусева, В.Л. Шевченко, А.И. Дулицкого и др.

Хотелось бы сказать несколько слов и о музыкальных способностях Ильи Борисовича. Обладая великолепным слухом, он хорошо знал пение всех наших птиц и на полевых практиках по зоологии часто «переводил» его на «русский язык» для лучшего запоминания студентами, вроде "неси-неси-неси-сено–не трясиии" (обыкновенная овсянка), "чуть-чуть-чуть-три-рубля не выиграл" (черноголовая овсянка), "вичи-речи-ричи-чучи" (серая славка) и т.д.

В связи с этим вспоминается эпизод, связанный со встречей в 1996 г. в г. Уральске с В.Л. Шевченко – одним из известных учеников Ильи Борисовича, который после окончания Харьковского университета уехал в Казахстан и несколько десятилетий проработал в степях и пустынях в Противочумной системе, но не смог забыть придуманных И.Б. Волчанецким скороговорок. Однако обладая слабым слухом, Валентин Леонидович плохо разбирался в пении воробьиных птиц и определял их в основном только визуально или с помощью «двуствольного определителя». Поэтому-то он и попросил меня при нашей встрече помочь вспомнить, кого же это так образно имитировал его Учитель:

«Федька-Федька-Федька
Феньку-Феньку-Феньку
Уговорил, уговорил, уговорил,
Прижал к пеньку… фик-фик-фик-фик,
Фрррррррр…. Скандал…!»

Ответ, конечно же, был однозначным, поскольку не узнать в этих звуках пения соловья было невозможно…

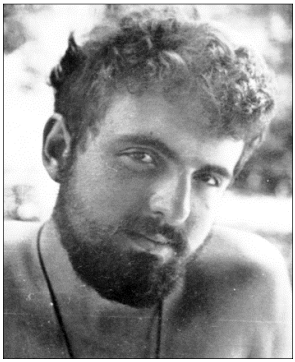
После визита к И.Б. Волчанецкому, я отправился в Музей природы Харьковского университета, которым руководил в те годы Лев Васильевич Корабельников, известный полярник, китобоец, изучавший трубконосых птиц в Антарктике. Конечно же, мои зеленушки, скворцы и славки его интересовали мало, и я работал в Музее в основном один. Но сразу же обратил внимание на чуть заметную буровато-охристую вуаль, покрывшую оперение многих птиц, хранившихся в Музее, так что определять по ним подвиды не всегда было возможно.

Как выяснилось значительно позже, уже при капитальном ремонте здания Музея, в комнатах хранилища под полами когда-то давным-

давно был налит слой жидкой ртути для борьбы с молью и кожеедами, портившими научные коллекции. Возможно, именно ее пары и повлияли на окраску оперения птиц? А как реагировали на эту ртуть лёгкие нескольких поколений сотрудников Музея – осталось неизвестно.

* * *

В Институт зоологии АН УССР я приехал уже после 7-й Всесоюзной орнитологической конференции, состоявшейся в сентябре 1977 г. на Украине в Черкассах. Поэтому в Киеве я сразу же встретил много знакомых, друзей и коллег. А в Черкассах я впервые попал на большой орнитологический форум. Мы приехали туда вместе с Б.А. Казаковым и Н.Х. Ломадзе. Помню теплый сентябрь в Ростове и холодную, промозглую осень со срывавшимся снегом на Украине. Пришлось даже идти с Нателой Халиловной в магазин покупать теплую куртку, чтобы не замерзнуть и не остаться на берегах Днепра навсегда. Но на заседаниях конференции, в ее кулуарах и в гостинице, где мы жили, было жарко.



А.М. Пекло в 1973 и 2011 гг.

Именно там я впервые встретился и близко познакомился с П.А. Тильбой и А.М. Пекло, вместе закончившими в 1975 г. Кубанский университет в Краснодаре. Именно рядом с этими друзьями я прошел затем значительную часть своего орнитологического жизненного пути. Саша Пекло – эрудированный, очень грамотный, умелый орнитолог, весьма энергичный, веселый и заводной бородач со своей гитарой и песнями много лет был душой любого коллектива. Уже в Черкассах он увлек нас своей новой идеей – писать под руководством Б.А. Казакова и А.А. Винокурова монографию «Птицы Западного Предкавказья». Именно он первым начал собирать и готовить для нее материалы. И с тех пор у меня дома лежит папка с бланковками карт Предкавказья, подготовлен-

ными тогда Сашей.

В Киев я приехал из Харькова в 1978 г., когда А.М. Пекло учился в аспирантуре у Н.Н. Щербака в Зоологическом музее, работал над диссертацией о мухоловках фауны СССР, заодно курировал коллекции орнитологического отдела. Он помог мне с обустройством рабочего места, и я вновь уже в который раз начал просматривать свои серийные сборы политипических видов, сравнивая их с кавказскими, крымскими и украинскими птицами, хранившимися в Киеве.

Здесь же в Институте зоологии работал М.И. Головушкин – великолепный полевик и виртуоз в орнитологической таксидермии, а также Маша Осипова, вместе с которой Головушкин изучал птиц Даурии и занимался организацией там нового заповедника на Торейских озерах. И мы в свободное время много внимания уделяли обсуждению этой тематики. Здесь же трудился Н.Л. Клестов, интересовавшийся птицами Полесья и неоднократно бывавший на Сумщине, нашедший там моего «экскурсовода» из детства – В.Т. Афанасьева. Сюда же из Черкасс иногда приезжал и знаменитый украинский «дятловед» И.С. Митяй, с которым позже мы спали вместе под красным «революционным» одеялом на кухне у А.М. Пекло. Завершив изучение дятлов, Митяй увлекся затем познанием философских проблем «Золотого вурфа», а позже переквалифицировался в «яйцеведа» и вот уже многие годы шокирует всех коллег-орнитологов своими сложнейшими математическими формулами и диаграммами различных яиц.

В Институте зоологии я познакомился и с М.И. Воинственским – автором того самого «Визначника птахів», который показал мне пути познания птиц в детстве. Михаил Анатольевич являлся крупнейшим специалистом по орнитофауне Европейских степей, и именно он стал потом моим ведущим оппонентом, дал объективную оценку моей кандидатской работе.

Здесь же в Институте зоологии А.М. Пекло познакомил меня с Аллой Семеновной Уманской, известным палеорнитологом, работавшим под руководством М.А. Воинственского над изучением ископаемой четвертичной фауны Украины. Позже Алла Семеновна, с помощью эталонной коллекции костей птиц, находившейся в ее ведении, согласилась помочь мне с определением небольших сборов птичьих костных остатков, собранных мною под гнездами орланов-белохвостов, начавших заселять Нижний Дон в 1979 г.

Весь этот коллектив орнитологов Института зоологии АН УССР будет потом «защищать», поддерживать и, наконец, поздравлять меня в 1986 г. после моей успешной защиты. Но прежде нужно было решить еще одну очень важную задачу.

* * *

Я всегда старался избегать публикации «голых» фаунистических материалов, без какого-либо их анализа, обобщений или собственной интерпретации. Полностью согласен с И.П. Павловым, что факты – это воздух для ученого. Но порой их публикуется сейчас так много, да к тому же они весьма часто настолько сырые, что рассчитывать на их «переваривание» только какими-то безвестными гениями-мыслителями нам вряд ли приходится. Всегда необходима хотя бы предварительная систематизация собранных материалов, проводимая самими исследователями.

Но для обобщения собранных фактов и материалов обязательно требуются определенные «измерительные инструменты» и специфичные методы анализа. В частности, для эколого-фаунистических исследований нужны, помимо таксономических классификаций, также различные экологические, фаунистические и зоогеографические системы. Однако опыт работы с соответствующими системами, имевшимися в распоряжении фаунистов в 70-80-е годы, свидетельствовал, что они были далеки от требовавшейся точности или являлись весьма эклектичными и поэтому не позволяли проводить качественное и количественное сравнение фауны и населения птиц отдельных лесных массивов.

Необходим был поиск новых подходящих систем, и мне пришлось заняться этой важной работой. Уже в своей студенческой дипломной работе я наметил предварительную схему экологической классификации животных, более детально обосновал ее в кандидатской диссертации, а позже опубликовал в виде отдельного небольшого сообщения (Белик, 1992[*]). Сейчас это экологическое деление на дендрофилов, лимнофилов, кампофилов, склерофилов и гидрофилов очень широко используется в орнитологии для анализа фауны, и многие авторы уже даже не задумываются о том, где же лежат его истоки.

Более долгой и сложной была разработка фауногенетической классификации. В 50-60-е годы у нас в стране была очень широко принята типологическая концепция деления палеарктической орнитофауны, разработанная гениальным Борисом Карловичем Штегманом (1936, 1938 и др.). Но позже она стала постепенно выходить из употребления, поскольку ее использование для анализа региональных, а тем более небольших локальных фаун, как в моем случае, давала незначительные результаты. Необходима была ее более дробная детализация на фауногенетической основе.

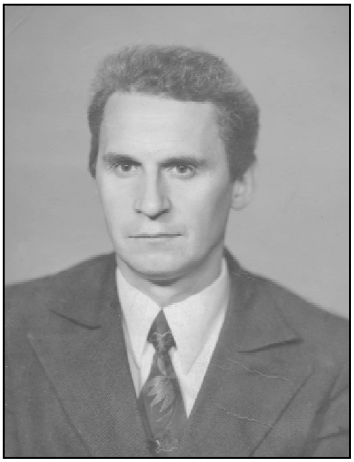
[*] Белик В.П., 1992. Биотопическое распределение и экологическая классификация животных // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского.- Смоленск.- С.13-16.

Удачным, на мой взгляд, мог стать синтез типов фауны Б.К. Штегмана, связанных генезисом с отдельными подобластями Палеарктики, и фаунистических комплексов Г.В. Никольского (1947), как зонально-ландшафтных группировок животных. Очень важную роль в моих поисках этого синтеза сыграл зав. кафедрой ботаники РГУ Г.М. Зозулин, который в своё время разработал и обосновал систему геоэлементов для эколого-географического анализа флоры в фитогеографических и геоботанических исследованиях (Зозулин, 1970, 1976 и др.). Я хорошо знал Георгия Матвеевича еще со студенческих лет; с ним близко дружил также В.С. Петров, поскольку оба они были воспитанниками харьковской университетской школы. И поэтому наши встречи и дискуссии с Г.М. Зозулиным по поводу фауногенетической структуры западнопалеарктической орнитофауны позволили мне наметить достаточно стройную схему ее деления, которую можно было использовать в зоогеографических исследованиях как чувствительный инструмент для сравнительного анализа фауны самых различных регионов.

Большое значение для развития моих зоогеографических воззрений имела и работа в геоботаническом отделе института Южгипрозем, где я смог освоить ряд специфичных методов, которые можно было распространить также на фаунистические и зоогеографические исследования. Я близко познакомился при этом с обширной литературой по физической географии, почвоведению, лесоведению, фитогеографии и типологии растительности Палеарктики, что вкупе составило фундаментальную базу для типологического деления фауны и последующего проведения зоогеографического районирования Придонья, Кавказа и Палеарктики в целом.

Коллектив геоботанического отдела института Южгипрозем

На летних геоботанических работах в разных районах Ростовской, Волгоградской и Саратовской обл., проводившихся под руководством нашего очень квалифицированного начальника геоботанической партии Виктора Иннокентьевича Мокриевича, я на собственном опыте познавал закономерности формирования зональной и интразональной растительности, которая в значительной мере определяет распространение животных, в том числе птиц. Ежегодно в летне-осенний период мы проводили в поле по несколько месяцев, занимаясь картированием и анализом распределения естественной растительности степной, лесостепной и полупустынной зон. Попутно я имел возможность изучать и орнитофауну новых обследовавшихся районов, для чего регулярно выкраивал в графике работ до трети полевого времени.



Виктор Иннокентьевич Мокриевич

В связи с тем, что необходимо было одновременно выполнять и геоботанические, и орнитологические планы, работать всё время приходилось напряженно, как говорится – «от зари до зари». Такой график стал тогда привычен для меня, особенно во время полевых исследований, и поддерживается до сих пор, что позволяет мне продуктивно трудиться над многочисленными статьями и книгами, над выполнением многих других задач.

Правда, в первые годы, когда я выезжал весной также в орнитологические экспедиции по степным лесам Предкавказья, геоботанические работы в Волгоградской области начинались обычно лишь в конце лета. Но позже мне удалось подробно изучить также летнюю орнитофауну поймы всего Нижнего Дона от Цимлянска до Ростова (1978-1981 гг.), долины Среднего Дона в районе станицы Вешенской (1982 г.) и своеобразной долины р. Чир в Обливском районе на северо-востоке Ростовской области (1983 г.). Затем я близко познакомился с фауной чрезвычайно интересных ландшафтов высокого Предволжья на юге Саратовской области (1984 г.) и с птицами долины Хопра в Балашовском районе того же региона (1985 г.), а также детально обследовал долину Западного Маныча в Орловском районе Ростовской области (1986 г.).

Итогом этих работ явилась серия фаунистических публикаций о птицах Хопра, Среднего Дона, Доно-Донецкого займища, Маныч-Гудила

и других районов (Белик, 2002, 2004, 2005; Белик и др., 2001). Но самое главное, к защите кандидатской диссертации я подготовил детальное обоснование фауногенетического деления орнитофауны Западной Палеарктики, с помощью которого мне удалось провести сравнительный анализ фауны и населения птиц обследованных мною степных лесов. Мое деление отличалось от широкой системы геоэлементов Г.М. Зозулина тем, что имело строгую вертикальную структуру, включая в качестве соподчиненных таксонов типы фауны, фаунистические комплексы и эколого-фаунистические группировки. Оригинальной была и терминология фаунистических комплексов, для обозначения которых использовались, по возможности, понятные, адекватные названия (Белик, 1992*).

Позже я продолжил разработку своей фауногенетической концепции на всю Палеарктику, использовав затем полученную классификацию в докторской диссертации для анализа орнитофауны степного Придонья (Белик, 1998, 2000**). А окончательный облик эта типологическая система приобрела к началу XXI в. К сожалению, на Международной орнитологической конференции в 2006 г. в Ставрополе, где я представлял собственное видение фауногенетической структуры палеарктической фауны, на презентацию которой собрались почти все орнитологи-фаунисты, мое выступление оказалось в какой-то мере скомкано из-за непредвиденного сбоя регламента, а также плохой работы устаревшей компьютерной техники. Однако основные положения моей системы были вскоре опубликованы в «Зоологическом журнале» (Белик, 2006***) и начали постепенно осваиваться другими орнитологами.

Следует заметить, что предложенное типологическое деление палеарктической орнитофауны рассматривалось мною отнюдь не как самоцель, а исключительно в качестве удобного «измерительного инструмента», необходимого для анализа и сравнения региональных фаун. Позже значение этого «инструмента» было наглядно показано еще раз на примере орнитогеографического районирования Кавказа (Белик, 2013****).

---

* Белик В.П., 1992. Фауногенетическая структура и связи западнопалеарктической орнитофауны // Кавказский орнитологический вестник, вып.3.- Ставрополь.- С.19-52.

** Белик В.П., 2000. Птицы степного Придонья: Формирование фауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны.- Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- 376 с.

*** Белик В.П., 2006. Фауногенетическая структура авифауны Палеарктики // Зоол. журн., т.85, № 3.- С.298-316.

**** Белик В.П., 2013. Орнитогеографические связи и районирование Большого Кавказа (новые подходы в анализе фауны) // Стрепет, т.11, вып.1.- С.5-88.

* * *

В 1979-1980 гг., после завершения полевых исследований, всё свободное время я интенсивно работал над рукописью, и к началу 1981 г. в основном завершил подготовку кандидатской диссертацией, представив ее на проверку руководителю. Просмотр отдельных глав и разделов машинописи, как уже упоминалось выше, затянулся почти на целый год. После этого, выправив диссертацию в соответствии с замечаниями В.С. Петрова, в начале 1982 г. я доложил ее на заседании кафедры зоологии РГУ. К сожалению, мои собственные взгляды и представления по отдельным вопросам, которые детально аргументировались и отстаивались в диссертации, не нашли поддержки «шефа», и вскоре он предложил мне поискать нового руководителя.

После долгих колебаний я обратился, наконец, к профессору В.А. Миноранскому, с его помощью довольно быстро выправил многие угловатости своего сложного текста, не особенно переделывая концептуальные положения, а затем, получив рекомендацию кафедры зоологии к защите, в феврале 1985 г. по совету А.М. Пекло вновь отправился в Киев, чтобы окончательно определиться там с защитой. Диссертацию приняли в Отделе теплокровных позвоночных Института зоологии имени И.И. Шмальгаузена АН УССР; зав. отделом В.И. Крыжановский передал ее на рецензию своим сотрудникам и на 18 февраля назначил предзащиту. До нее оставалась неделя, и я решил съездить передохнуть в Шостку, проведать там родительский дом, посмотреть зимний полесский лес.

На совместном заседании Отдела теплокровных позвоночных, Отдела систематики позвоночных, Отдела популяционной экологии наземных позвоночных и Лаборатории охраны природы Института зоологии, на которое собралось 20 человек, в том числе 7 кандидатов наук, я кратко доложил содержание диссертации и ее основные выводы, проиллюстрировав важнейшие положения выполненной работы на полутора десятках таблиц, диаграмм и рисунков, сделанных в Ростове моим другом В.М. Сторожевым. Как обычно происходит на внутренних защитах, здесь было много самых различных вопросов, замечаний и полезных рекомендаций. После моего доклада выступил к.б.н. А.М. Пекло, хорошо знавший мою работу. Его рекомендацию принять диссертацию к защите поддержали также к.б.н. Н.Л. Клестов, М.И. Головушкин и М.А. Осипова.

Предложили оппонентов: известного орнитолога, д.б.н. Л.А. Смогоржевского из Киевского университета и к.б.н. В.И. Таращука из Педагогического института, который в 1950-е годы специально занимался изучением птиц искусственных степных лесонасаждений Украины,

а также ведущую организацию – Институт зоологии АН Молдавии. Но затем уже в Диссертационном совете, при планировании предстоящей защиты, было принято решение назначить первым оппонентом профессора М.А. Воинственского, работавшего здесь же в Институте зоологии, а ведущим учреждением рекомендовать головной Зоологический институт АН СССР в Ленинграде, что в случае его положительного заключения давало Диссертационному совету дополнительные гарантии при рассмотрении в ВАК СССР принятых Советом решений. Саму защиту я попросил поставить на конец 1985 г., чтобы можно было успеть спокойно доработать диссертацию в соответствии с высказанными замечаниями и рекомендациями. Ученый секретарь Диссертационного совета В.В. Золотов изложил мне формальные требования по оформлению диссертации и автореферата, и после этого я отправился домой готовить окончательный вариант своего «кирпича».

В декабре 1985 г. я привез готовую диссертацию в Киев, в Институт зоологии АН УССР, разослал автореферат, а затем встретился с М.А. Воинственским. Из-за своей болезни Михаил Анатольевич принял меня дома, лёжа в постели. Тем не менее, мы довольно долго беседовали, обсуждая содержание диссертации. Михаил Анатольевич живо интересовался моей работой, ее основными результатами, выводами и рекомендациями. Вспомнили мы в разговоре также об экспедиции М.А. Воинственского в дельту Дона, где им в 1951 г. впервые в Ростовской области была добыта загадочная вертлявая камышевка, поговорили о его давней, еще довоенной находке колониального поселения вертлявых камышевок на Десне в Полесье. Михаил Анатольевич посетовал на свой возраст, на больную ногу, из-за которой пришлось оставить орнитологические экспедиции и переключиться на спокойную фотоохоту, а также на актуальную популяризацию орнитологических знаний среди населения. Помню еще, Михаил Анатольевич рекомендовал мне тогда делать всё обдуманно, спокойно, никогда не торопиться, чтобы не вызывать стрессов, нервных срывов и сердечных приступов из-за возможных опозданий…

Побывав после этого в Ленинграде, я передал второй экземпляр диссертации Р.Л. Потапову, который представлял тогда руководство Зоологического института, и выехал в Ростов готовиться к предстоящей защите.

За неделю до официальной защиты я вновь отправился в Киев. Символичной была встреча в купе поезда Кисловодск – Киев с известным киевским орнитологом Валерией Антоновной Мельничук, возвращавшейся домой из санатория. Больше таких случайных встреч со своими коллегами в поездах у меня ни разу не было! Я хорошо знал В.А. Мельничук по многочисленным публикациям, обычно совместным

с А.Б. Кистяковским, которые были посвящены в основном птицам Днепровских водохранилищ. Раза два я видел Валерию Антоновну издали на конференциях и в поезде сразу же узнал эту миниатюрную, очень симпатичную орнитологиню. Мы познакомились, и в дороге она подробно консультировала меня, как вести себя на защите, как отвечать на вопросы и т.п.

А в Киеве Михаил Игоревич Головушкин по-дружески предложил мне на предстоящие дни свободную квартиру кого-то из своих родственников или знакомых, и я смог сам спокойно работать там по вечерам, готовясь к «судному дню», а после защиты диссертации еще несколько дней занимался там оформлением необходимой сопроводительной документации.

Последний шаг на моем долгом пути в большую науку был сделан 25 февраля 1986 г. После своего доклада на заседании Диссертационного совета Института зоологии имени И.И. Шмальгаузена АН УССР, я ответил еще на 18 вопросов из зала. Затем зачитали официальный отзыв Зоологического института АН СССР, подписанный О.Л. Скарлато, И.С. Даревским и В.М. Лоскотом, в котором содержалось несколько замечаний на мои досадные промахи в использовании литературных источников, и, наконец, перечислили 14 отзывов на автореферат диссертации, поступивших из разных концов СССР, в том числе от директора Института зоологии АН Туркмении А.О. Ташлиева, д.б.н. Л.А. Смогоржевского, д.б.н. С.Н. Варшавского, от Л.С. Степаняна, П.С. Томковича, В.Л. Булахова, П.А. Тильбы, С.В. Винтера, В.И. Стригунова, А.В. Абуладзе и других коллег. После этого выступили официальные оппоненты М.А. Воинственский и В.И. Таращук, тоже давшие положительную оценку представленной работы.

В обсуждении диссертации приняли участие орнитологи Юрий Васильевич Мищенко, Александр Михайлович Пекло и др. И при голосовании Диссертационный совет подавляющим большинством голосов принял решение о присуждении мне ученой степени кандидата биологических наук по специальности «зоология». В урне оказался один черный шар, но кто мог бросить его – осталось неизвестно, так как никаких выступлений против не было. Саша Пекло высказал тогда даже предположение, что черный шар иногда бросают в урну свои же сторонники, чтобы придать значимость защите, показать дискуссионную борьбу соискателя с оппонентами…

Но не исключено, что кто-то из принципиальных энтомологов старшего поколения, членов Диссертационного совета Института зоологии, вспомнил моего официального руководителя – В.А. Миноранского и его прежние защиты в Киеве?

В связи с борьбой за «трезвый» образ жизни, проводившейся в те годы в СССР, всякие дружеские встречи после защиты диссертаций были тогда у нас запрещены. И для того, чтобы отметить столь значимое в своей жизни событие, я смог пригласить на мою частную квартиру только самых близких друзей из Института зоологии. На наш «мальчишечник» собралось более 10 человек. В магазинах тогда было мало приличных продуктов, различной закуски, но много недорогого вина, и дружеские тосты, разговоры, шум продолжались всю ночь, и друзья расходились по домам уже на рассвете, когда за окнами раздалось пение черных дроздов, недавно поселившихся в киевских дворах.

А через 20 с лишним лет мне удалось выполнить одно из пожеланий коллег, выступавших на моей защите. С помощью Юрия Валерьевича Милобога в г. Кривой Рог на Украине в 2009 г. была издана книга «Птицы искусственных лесов степного Предкавказья», в основу которой легла моя кандидатская диссертация.

"Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех".
(**Б.Л. Пастернак**)

9. Осмысление пройденного пути

В 1986 году я переступил, наконец, порог пантеона науки. Я познакомился со многими известными и почитаемыми коллегами. Мои исследования тоже стали известны другим орнитологам. Собственно в этом, наверное, и состоит суть научного познания, когда маленькие или большие личные открытия доселе неизвестных явлений и фактов становятся достоянием широкой общественности. И эти научные знания может использовать уже не только их открыватель, не только его близкие друзья или родственники, но и любые заинтересованные в знаниях люди. Личный же опыт, нередко очень обширный и даже уникальный, приобретенный в ходе многолетней жизни среди природы, длительной работы с животными, регулярной охоты и т.д., если он не становится известен другим людям, то в конце концов он исчезает в небытие вслед за уходом его носителей, и поэтому такие знания нельзя называть научными.

Таким образом, путь в науку лежит через публикации, через публичную презентацию появляющихся новых сведений, новых материалов, открытий и т.п. И любой ученый объективно заинтересован в том, чтобы коллеги читали, смотрели, цитировали и использовали его материалы в последующей работе, в других исследованиях.

На этом, собственно, лежит и путь к признанию ученого другими специалистами. Но признание отнюдь не всегда связано с защитами диссертаций, с публикациями статей и книг, с продвижением по служебной лестнице. Так, очень часто широкую известность получают не ученые, не первооткрыватели, а «ретрансляторы» – грамотные популяризаторы знаний, которые умеют ярко переводить на доступный язык обывателя то, что не всегда могут сказать сами ученые. Тем более что порой они не имеют на это ни времени, ни желания, ни умения.

Иногда лавры первооткрывателей достаются не исследователям, а аналитикам, поскольку эти два разных вида научной деятельности не всегда могут удачно сочетаться в одном лице. Есть немало прекрасных специалистов, в том числе зоологов, орнитологов, которые с помощью удивительной интуиции или богатого опыта добывают массу новых,

важных, интереснейших фактов. Но если публикацией только этих фактов и ограничивается их наука, то и их известность тоже ограничивается сравнительно узким кругом заинтересованных лиц. С другой стороны, нередко встречаются крупные «кабинетные» ученые, которые занимаются в основном анализом фактов, собранных другими коллегами, и в результате их научные обобщения пользуются значительно большей значимостью и, соответственно, популярностью. Собственно, наука начинается там, где кончается сбор фактов, и начинается их анализ и обобщение. Поэтому каждому ученому необходимо развивать как своё умение открывать научные факты, так и свои способности к их анализу.

Но еще более важно для ученого умение синтезировать, генерировать новые обобщения, новые идеи и гипотезы, которые открывают тропинки, указывают пути к дальнейшему познанию неведомого. И если талант полевого исследователя, аналитика и генератора идей объединяются вместе, в одном лице, тогда появляются предпосылки для его быстрого научного роста и широкого признания.

Авторитет ученого слагается также из его умения просеивать факты через сито верификации, из его способности отсеивать зерна от плевел. Здесь можно различать несколько типов исследователей. Одни сразу же отбрасывают сомнительные, неподтвержденные факты, при этом выплескивая иногда из корыта с водой и немощного дитяти. Другие, наоборот, решительно снимают все возникающие вопросы, иногда бессознательно уводя науку по ложному пути.

Но есть также «ученые», которые сознательно публикуют всякую ересь, наивно полагая, что никто никогда не сможет проверить их данные. Их принцип: Не пойман – не вор! Это болезненное явление особенно опасно в описательных науках, где не всегда есть возможность повторить наблюдение, проконтролировать его. Поскольку же птицы не оставляют следов в воздухе, поди, проверь сейчас, действительно ли на Маныче летом 1997 г. наблюдали синьгу, а в 1999 г. туда залетали толстоклювые зуйки (Минoранский и др., 2006)! Действительно ли на Среднем Дону кто-то находил гнездовья крохалей или дупелей (Минoранский, Демина, 2002). Но на бумаге таких следов осталось немало.

Подобные фальсификаторы – наиболее опасная когорта околонаучных деятелей, критика и опровержение которых – весьма трудное, а иногда просто неблагодарное занятие. Мне пришлось несколько раз рецензировать, разбирать их работы, поэтому я хорошо знаю, что представляет собой такое «удовольствие».

В своей практике, в отдельных публикациях, я старался по мере необходимости высказывать сомнения там, где они имелись в моих данных, чтобы показать возможные пробелы, на которые следует обра-

тить внимание в дальнейшем. Такие нерешенные, спорные моменты впоследствии могли быть подтверждены новыми исследованиями, и при этом оставалась известной история вопроса. Иногда же ошибочные предположения опровергались, тупиковые пути познания однозначно закрывались, но в этом случае не нужно было извиняться за свои ошибки.

Вообще же отношение к ошибкам, особенно к собственным, – весьма чувствительный оселок, на котором проверяется рейтинг ученого. Известно, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Поэтому неосознанные ошибки могут быть у любого активно работающего исследователя. Несколько таких досадных «проколов» было, естественно, и у меня. Не всегда, правда, есть повод публично исправить их, извиниться за свои ошибки, но я считаю, что это – обязанность каждого уважающего себя ученого.

С досадой вспоминаю сейчас свою небольшую заметку о своеобразном токовании стрепета, которую я подготовил вскоре после возвращения из экспедиции на Средний Дон под незабываемым впечатлением многочисленных встреч с этими интереснейшими птицами на Донских песках. Заметка была вскоре опубликована (Белик, 1985), но хорошо, что Валерий Николаевич Мосейкин, занимавшийся тогда детальными исследованиями экологии стрепета в Заволжье, через некоторое время по-дружески исправил мою непростительную ошибку, допущенную в неоправданной спешке.

Очень долго колебался я также в определении обыкновенного канюка, найденного на гнездовании в Новопокровском лесничестве на Кубани, но в конце концов склонился к мнению, что это был курганник (Белик, Пекло, 1989). Лишь позже, когда удалось близко познакомиться с настоящими курганниками в природе – в Калмыкии, в Средней Азии и Казахстане, я понял, что допустил ошибку. Впоследствии эта ошибка была исправлена, хотя публично и не озвучена, в переписке с Р.А. Мнацекановым, который готовил тогда Красную книгу Краснодарского края (2007). Статья же о курганнике на юге России, специально подготовленная в те годы к печати совместно с киевским орнитологом Ю.В. Мищенко, к счастью не была опубликована по организационным причинам, и теперь мне не приходится оправдываться за ошибки своей неопытной молодости.

В чем-то сходный случай произошел с «находкой» гнездовий индийского сокола-лаггара в Дагестане, статья о котором, написанная одним из лучших знатоков хищных птиц СССР, была помещена в солидном научном журнале (Гусев, Штегман, 1959). Но позже выяснилось, что Борис Карлович ошибся, однако опубликованные им сведения никем публично не были дезавуированы. И в 1982 г. при подготовке свод-

ки по фауне Северного Кавказа В.С. Петрову пришлось специально обращаться по этому поводу в Зоологический институт, поскольку ни Б.К. Штегмана, ни автора находки Вадима Матвеевича Гусева, трагически погибшего в Закавказье, с нами уже не было. В полученных из Ленинграда двух письмах В.М. Лоскота сообщалось, что Штегман признал свою ошибку, и это было косвенно отражено в его «Кратком определителе птиц СССР» (Иванов, Штегман, 1964), в котором отсутствовали сведения о гнездовании лаггара в Дагестане.

Не менее важно также критическое отношение к чужим ошибкам, как и лояльное отношение к чужой критике. Некоторые наши орнитологи часто без тени сомнения цитируют любые опубликованные данные, практически не задумываясь о том, что не всё напечатанное коллегами является несомненной истиной. Я уже говорил о случайных, неосознанных ошибках. Кроме того, в истории орнитологии известны фальсификаторы, которые в погоне за лаврами славы не гнушались самой примитивной подделкой данных. И поэтому нужно стараться всегда критически подходить к анализу чужих данных, уметь распознавать, обращать внимание читателей, что же реально, что возможно, а что маловероятно среди массы опубликованной информации.

С другой стороны, я знаю непогрешимых «небожителей», которые воспринимают любую критику в свой адрес как кровную обиду, и всех оппонентов сразу же зачисляют в списки личных врагов. Малоизвестный, но весьма поучительный случай имел место также в давней истории нашей региональной российской орнитологии. И мне хотелось бы высказать здесь свои замечания о некоторых наших корифеях-оппонентах.

В 1871 г. был опубликован крупный, ставший классическим зоогеографический труд М.Н. Богданова о птицах и зверях Поволжья. Не вдаваясь здесь в оценку этой важной, но несколько странной, а в грамматическом отношении даже безобразной работы, скажу только, что в ней автор совершенно беспардонно присвоил себе большую студенческую работу своего товарища, сокурсника В.Е. Яковлева (1860, 1861, 1862) о млекопитающих Саратовской губернии (см.: Семенов-Тян-Шанский, 1910). В следующем 1872 году малоизвестный тогда зоолог В.Е. Яковлев опубликовал не менее ценную работу с результатами многолетних наблюдений над птицами Нижней Волги. Тем самым он надеялся дополнить некоторые пробелы и явные пропуски М.Н. Богданова, который летом 1870 г. провел в низовьях Волги целый месяц, но кроме информации, полученной в результате «интервьюирования» таксидермистов-профессионалов В.И. Рикбейля в Сарепте, а также Э.Д. Пельцама и г. Генкеля (К.Х. Генке) в Астрахани, не привел практически

никаких оригинальных сведений о птицах этого региона. В дельте Волги в течение июня он не смог увидеть даже таких банальных птиц, как болотный лунь и ласточка-береговушка.

На солидную публикацию В.Е. Яковлева вскоре последовала необычайно гневная критическая рецензия Богданова, читая которую временами становится даже неловко за нашего Корифея. Правда, В.Е. Яковлева косвенно поддержал тогда Н.А. Северцов, поместивший там же в Бюллетене МОИП, в дополнение к статье Богданова, свои очень мягкие, доброжелательные комментарии. В том же 1874 году Богданову ответил и сам В.Е. Яковлев, опубликовавший в журнале большую язвительную статью, в которой очень корректно, иногда с тонкой иронией прошелся по всем обвинениям оппонента, на конкретных фактах показав их необоснованность, амбициозность, а иногда и явную нелепость.

Несколько позже, будучи уже известной Петербургской знаменитостью, Богданов, случайно приехав в Тифлис, сделал там по просьбе местного научного сообщества не менее скандальный доклад с анализом результатов многолетних исследований Г.И. Радде на Кавказе. По заключению Богданова, книга «Птицы Кавказа», 1884 года издания, «солидная по объему, но бедная данными, … мало подвинула наши сведения о кавказских птицах» (Богданов, 1885, с.96, 98).

На самом деле, монография Г.И. Радде объемом более 450 страниц большого формата содержала во много раз больше таксономических, экологических и зоогеографических сведений о птицах Кавказа, чем тощая сводка М. Богданова (1879), заключавшая менее 200 страниц, значительную часть которых занимали обширные повидовые перечни использованных источников, тогда как конкретные, оригинальные данные автора в его книге тоже практически отсутствовали. Любопытно также, что завирушка *Prunella ocularis* (Radde, 1884), первоописание которой язвительно раскритиковал Богданов, в действительности оказалась самостоятельным, очень интересным эндемичным видом, а вот 4 кавказских вида синиц, дятла и канюка, описанные в 1879 г. Богдановым, позже все ушли в подвиды или синонимы.

Там же, в Тифлисе, Богданов, наоборот, очень лестно отозвался о работах начинающего исследователя фауны Кавказа К.Н. Россикова, «размазня» которого, типичные «Reuseerinnerungen», по выражению самого Богданова, по большей части не позволяет составить целостного представления ни о фаунистических, ни о зоогеографических результатах его многочисленных путешествий по Кавказу. Зато сам Россиков неоднократно с большим пиететом отзывался о Богданове и его работах. Что-то наподобие петуха и кукушки в басне И.А. Крылова.

Есть еще одна очень оригинальная группа фальсификаторов – не-

компетентные или нечистоплотные редакторы. Обычно ответственный редактор, «причесывая» чужие тексты, старается улучшать их, чтобы они были более грамотными и понятными для читателей, чтобы не снижали имидж издания, не компрометировали их авторов и имя редактора. Но бывают случаи, когда честолюбивый издатель, своего рода «директор» издания, вешает на себя ярлык Редактора, публикуя, однако, всё «в авторской редакции». Тогда, спрашивается, в чём тут роль Редактора?

Но это еще полбеды. Приходилось встречаться также с редакторами, которые сознательно портили чужие тексты, чтобы дискредитировать их авторов. А однажды известный редактор втихомолку, не знаю уж – случайно или нарочно, заменил в очерке о степной пустельге ее фотографию, оставив имя автора прежнего снимка, но дав чужое фото обыкновенной пустельги. Останься эта «подделка» незамеченной, она могла бы полностью дискредитировать и автора фотографии, а тем более автора очерка, не знающих, мол, чем различаются эти два действительно похожих, но совершенно разных вида, о которых рассказывалось в очерке.

* * *

Что-то мы опять весьма далеко уклонились в сторону высоких теорий научного познания и признания. Пора бы возвращаться уже и на нашу грешную Землю…

Мои первые научные публикации появились еще в 1970-е годы, сначала в соавторстве с Б.А. Казаковым, Н.С. Олейниковым, В.С. Петровым и другими старшими коллегами, а затем и самостоятельные – о птицах Даурии, Сумского Полесья, Северного Кавказа. Но собственного опыта работы над научными статьями тогда было недостаточно, и предложения типа: «Напишите что-нибудь для конференции» иногда ставили меня в тупик: о чем лучше писать, что именно сообщать и как правильно всё изложить, сам я толком еще не знал. А позже, когда даурская и полесская тематики стали постепенно уходить на задний план, писать новые статьи по теме диссертационной работы самостоятельно, без участия руководителя, я считал не совсем этичным, тем более что перед глазами были и примеры весьма ревнивого отношения некоторых университетских шефов к своим слишком независимым ученикам.

Но В.С. Петров, занятый, возможно, какими-то своими проблемами и не очень интересовавшийся результатами моих исследований, не проявлял особой инициативы в подготовке статей, а иногда и вовсе отказывался даже от формального соучастия в работе над публикациями. Поэтому научные статьи в годы учебы в аспирантуре у меня выходили редко. Но в это время я начал понемногу писать научно-популярные заметки о природе и птицах в ростовские газеты, а затем и в журнал «Природа» в Москву, тем более что гонорары за их публикацию прино-

сили тогда хоть и небольшой, однако реальный доход в семейный бюджет.

Работалось над этими заметками сравнительно легко. Часто я занимался ими в перерывах между основными делами, а также в различных поездках: в электричках, на вокзалах и станциях при ожидании своих рейсов. А после того как в 1981 г. рукопись кандидатской диссертации была сдана В.С. Петрову на проверку, я решил оформить все свои заметки о редких видах птиц в виде сборника книжного формата. Дописав недостающие очерки, сгруппировав их в четыре тематических раздела (Аборигены степей; В Донском займище; Реликты Тетиса; По буеракам), сочинив предисловие и послесловие, я отнес папку с машинописью в Ростовское книжное издательство. К моему удивлению, рукопись встретили там с интересом. Правка редактора оказалась минимальной. Художник по моим эскизам сделал заставки ко всем видам птиц, нарисовал простенькие пейзажные миниатюры к их основным местообитаниям, выделенным на Дону. И в 1984 году моя первая научно-популярная книжка «Живите, птицы», рассказывающая о редких «краснокнижных» видах Ростовской области, вышла из печати. Правда, название ей придумали уже в издательстве, сочтя моё оригинальное наименование не совсем удачным.

Чуть раньше, в 1983 году, в Ростовском книжном издательстве вышла также еще одна небольшая книга с моим участием: «Берегите: их осталось мало», тоже посвященная редким видам животных Донского бассейна, но более научная, чем популярная. Написанные для нее три очерка о скопе, орлане-белохвосте и тювике изобиловали свежими, оригинальными материалами, собранными мною во время орнитолого-геоботанических экспедиций по Нижнему и Среднему Дону в предыдущие годы.

Следует также сказать, что начало 1980-х годов в СССР стало периодом интенсивного расширения фаунистических исследований многочисленной молодежью, приходившей на смену ветеранам во всех регионах. Одновременно началась консолидация наших орнитологов в специализированные рабочие группы и общества, а также значительное увеличение числа различных встреч, совещаний, семинаров и конференций, посвященных изучению и охране птиц нашей страны.

В 1982 г. орнитологи Тебердинского заповедника В.М. Поливанов и Н.Н. Поливанова создали Северокавказскую орнитологическую группу, призванную объединить усилия специалистов и любителей Северного Кавказа в изучении фауны, экологии и миграций птиц этого большого, уникального региона. Чуть раньше украинские орнитологи во главе с А.И. Корзюковым, Т.Б. Ардамацкой, А.И. Кошелевым и И.И. Черничко организовали Азово-Черноморскую орнитологическую рабо-

чую группу со штаб-квартирой в Мелитополе. По инициативе В.Е. Флинта, А.А. Кищинского, В.М. Константинова и других ведущих орнитологов, было создано несколько Всесоюзных тематических групп: по изучению журавлей (РГЖ), куликов (РГК), водоплавающих (РГГ), врановых птиц.

В феврале 1983 г. в Москве на I совещании по экологии и охране хищных птиц мы учредили Рабочую группу по соколообразным (РГС, позже – РГСС, а ныне – РГХП) во главе с В.М. Галушиным. Правда, глава РГС по уважительной причине отсутствовал на совещании, поскольку незадолго до этого, в 1982 г., решением ЮНЕСКО наш Владимир Михайлович был откомандирован в грозный Афганистан для создания и организации там работы Кабульского пединститута. Итогом же состоявшегося в Москве объединения стало формирование своеобразного братства молодых «раптологов» из разных регионов СССР, поддерживающих дружеские и рабочие связи до сих пор: А.В. Абуладзе из Грузии, Е.А. Брагина из Казахстана, В.В. Ветрова из Украины, В.В. Ивановского из Белоруссии, А.В. Давыгоры, А.В. Кузнецова, В.В. Рябцева, П.А. Тильбы, А.И. Шепеля из России.

А сразу же вслед за этим совещанием по хищным птицам, в большом актовом зале еще недостроенного Палеонтологического института АН СССР 19 февраля 1983 года собралось более 200 орнитологов, съехавшихся из 13 республик Советского Союза. Они провели учредительное собрание, на котором было создано Всесоюзное орнитологическое общество во главе с преемником Г.П. Дементьева, первым Президентом ВОО – В.Д. Ильичевым. С тех пор именно этот день 19 февраля неофициально считается у нас Днем Орнитолога.

Летом 1981 г. в Кишиневе в Молдавии собралась 8 Всесоюзная орнитологическая конференция, на которую, к сожалению, никто из ростовских орнитологов по досадному недоразумению не попал. Хотя наши материалы были приняты и опубликованы в материалах этой конференции, но мы почему-то не получили официальных приглашений и не смогли поехать в Кишинев. Из-за этого же мы остались в неведении и относительно планов по подготовке намечавшегося на лето 1982 г. в Москве XVIII Международного орнитологического конгресса. Лишь в 1986 г. я вновь смог принять участие в работе IX Всесоюзной орнитологической конференции и I Съезда Всесоюзного орнитологического общества в Ленинграде. А до этого в Москве в 1984 г. была еще одна встреча-семинар по изучению водоплавающих птиц, где продолжилось мое знакомство и общение с орнитологической молодежью из разных регионов СССР.

С этого времени по мере возможности я старался уже не пропус-

кать таких встреч, на которых осуществлялась не только презентация результатов собственных исследований, но происходили и очень полезные дискуссии, обмен мнениями, информацией, опытом. Одновременно велось обсуждение и планирование дальнейших совместных исследований. Особенно плодотворным оказалось наше сотрудничество с Виталием Ветровым, который, будучи еще студентом, в 1983 г. приехал из Луганска в Москву на совещание по хищным птицам. С тех пор мы провели немало совместных экспедиций в поисках хищных птиц по Северскому Донцу, по Дону, Северному Кавказу, Поволжью. Нами было подготовлено и опубликовано много совместных статей о птицах этих регионов, и среди них хотелось бы особо выделить большую монографическую работу о тювике в Северной Евразии (Белик, Ветров, 1998, 1999*).

На XI Орнитологической конференции. Казань, 2001 г.

На V Международной конференции по хищным птицам. Иваново, 2008 г.

Наиболее часто, практически ежегодно, а иногда и чаще, мы встречались на конференциях Северокавказской орнитологической группы, проводившихся в Теберде, Ставрополе, Сочи, Кисловодске и других городах Северного Кавказа. Итогом всех этих встреч являлись сборники материалов или расширенные тезисы докладов с массой интересных публикаций, содержавших уникальную информацию о фауне, распространении, численности, экологии северокавказских птиц. А в 1991 г. очень энергичный, пробивной Александр Николаевич Хохлов смог организовать в Ставрополе издание регионального орнитологического ежегодника «Кавказский орнитологический вестник», ставшего на многие годы важной копилкой разнообразных сведений о птицах Се-

* Белик В.П., Ветров В.В., 1998. Европейский тювик на территории СНГ. Сообщение 1: Распространение и численность // Бранта: Сб. науч. трудов Азово-Черноморской орнитол. станции, № 1.- Мелитополь. - С.24-36. Белик В.П., Ветров В.В., 1999. Европейский тювик на территории СНГ. Сообщение 2: Биология и перспективы охраны // Бранта: Сб. науч. трудов Азово-Черноморской орнитол. станции, № 2.- Мелитополь-Симферополь. - С.7-25.

верного Кавказа и Южной России.

Здесь же на одном из совещаний Б.А. Казаков предложил идею подготовки многотомной коллективной сводки «Птицы Северного Кавказа». В сборе материалов для нее приняли участие практически все орнитологи Южной России, присылавшие Борису Александровичу выписки из своих дневников, неопубликованные статьи и обобщения и другие сведения. Б.А. Казаков вместе с Н.Х. Ломадзе смогли довольно быстро обработать всю собранную информацию и подготовить рукопись 1-го тома этой сводки, посвященного 7 отрядам птиц (Гагары, Поганки, Трубконосые, Веслоногие, Голенастые, Фламинго, Гусеобразные). Толстая рукопись книги, получившей положительные рецензии ряда авторитетных московских орнитологов, была сдана в 1991 г. в издательство Ростовского университета. Но вскоре в нашей стране грянула Перестройка… И после этого ни у орнитологов, ни у издателей не осталось практически никаких средств: ни на продолжение исследований, ни на обработку материалов, ни на их публикацию.

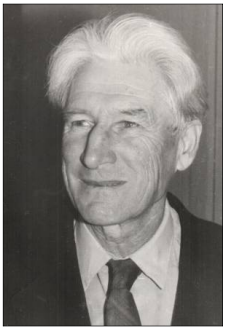
На XII Международной орнитологической конференции Северной Евразии вместе с А.Н. Хохловым и Т.Б. Ардамацкой. Ставрополь, 2006 г.

К слову сказать, для кого-то, быть может, покажется любопытным небольшой штрих из «биографии» этой книги, который сейчас можно воспринимать как горький юмор, но тогда, после нескольких лет ожидания, попытка Б.А. Казакова забрать в издательстве неопубликованную рукопись встретила там жесткое требование возместить все расходы на ее редподготовку – исчерканные красным и синим карандашом машинописные странички авторского оригинала.

К счастью, рукопись удалось всё же спасти. Но ее мытарства на этом не закончились. Она побывала в Ставрополе, затем еще раз в Ростове, потом – в Москве. Везде кто-то обещал чем-то помочь. Однако социально-экономическая нестабильность в стране раз за разом под-

ставляла нашему изданию очередную подножку. Поэтому постепенно почти все соавторы поставили на своей книге «крест». И лишь Б.А. Казаков не сдавался. Он по мере возможностей переделывал и дополнял отдельные видовые очерки, набирал текст на компьютере, периодически тормошил коллег… И даже тяжелая болезнь, на несколько лет приковавшая его к постели, не смогла сломить нашего лидера.

Но в 2002 г., как и 20 лет назад, судьба кавказской орнитологии в какой-то мере вновь оказалась в руках Тебердинского заповедника. Здесь были найдены первые средства на издание многострадальной рукописи, позволившие активно заняться ее подготовкой к печати. Тем самым наши тебердинцы – Владимир Михайлович и Надежда Никитична Поливановы – фактически спланировали и заложили краеугольный камень в свод наших знаний о птицах Южной России.



В.М. и Н.Н. Поливановы

Затем руку поддержки протянул добровольный, бескорыстный помощник Владимир Николаевич Гуров – бывший студент Б.А. Казакова, и, наконец, большой вклад в сбор средств на публикацию книги внесли наша Alma mater – Ростовский государственный университет,

а также Ростовский государственный педагогический университет.

Мне же досталось уже лишь редактирование, макетирование и стандартизация видовых очерков, а также дополнение книги примечаниями, комментариями, новыми видами и важнейшими новыми материалами, полученными после окончания работы над рукописью (Казаков, Ломадзе, Белик, Хохлов, Тильба, Пишванов, Прилуцкая, Комаров, Поливанов, Емтыль, Бичерев, Олейников, Заболотный, Кукиш, Мягкова, Точиев, Гизатулин, Витович, Динкевич, 2004).

С момента создания и все годы очень активную деятельность вела также Азово-Черноморская орнитологическая рабочая группа (АзЧОРГ), попеременно проводившая ежегодные интересные совещания то в Мелитополе, то в Донецке, Запорожье, Одессе, Симферополе, Бердянске, Вилкове на Дунае, на Кривой косе у Новоазовска и в других местах. Я старался не пропускать и эти встречи, проходившие обычно под руководством Иосифа Ивановича Черничко – талантливого орнитолога и организатора, директора созданной в Мелитополе Азово-Черноморской Орнитологической станции. Поэтому все встречи АзЧОРГ всегда носили очень конструктивный, творческий характер: заслушивались научные сообщения-отчеты из всех регионов Южной Украины, затем звучали тематические доклады и, наконец, обсуждались планы на предстоящий год.

Но долгое время все дискуссии были практически бесплодными, поскольку заканчивались лишь разговорами, и никаких публикаций после себя не оставляли, о чем я неоднократно говорил на встречах, критикуя эту самую организованную, самую деловую Орнитологическую группу. Правда, Мелитопольская Орнитологическая станция, финансировавшаяся из Киева, вела довольно обширные научные и прикладные исследования, и ее сотрудники периодически самостоятельно публиковали свои материалы в различных изданиях. Но в конце концов, все научные дискуссии на совещаниях и строгая организация кооперативных полевых работ дали прекрасные результаты в виде сборника «Колониальные гидрофильные птицы юга Украины» (1988) и сводки «Численность и размещение гнездящихся околоводных птиц в водно-болотных угодьях Азово-Черноморского побережья Украины» (2000). А в 1998 г. на базе Орнитологической станции начал выходить также высокопрофессиональный орнитологический ежегодник «Бранта», накопивший за последние годы обширные научные материалы о птицах Южной Украины, а также Российского Приазовья и Причерноморья и других регионов.

Значительно позже, уже после последней, исторической X Всесоюзной орнитологической конференции, состоявшейся в 1991 г. в Витебске в Белоруссии, была создана еще одна межрегиональная орнито-

логическая группа – по изучению птиц бассейна Северского Донца, в которой под руководством И.А. Кривицкого и Л.И. Тараненко объединились орнитологи Луганской, Донецкой и Харьковской областей, а также «примкнувшие» к ним ростовчане и куряне из России. Ежегодные встречи этой группы, проводившиеся обычно осенью в Донецкой, Харьковской или Луганской области, часто – на полевых стационарах, среди природы, тоже были очень интересны и плодотворны, и я старался регулярно посещать также и эти собрания, постоянно выступая и публикуя в сборниках конференций свои материалы.

Встреча в Харькове. С.П. Литвиненко, В.В. Ветров, Т.Б. Ардамацкая, В.П. Белик.

Конференция на Северском Донце в Донецкой обл. В.В. Ветров и В.П. Белик

Игорь Александрович Кривицкий (07.09.1935 – 20.05.2008)

Душой этой дружной орнитологической группы все годы, вплоть до своей безвременной кончины в 2008 г., был замечательный орнитолог из Харькова, ученик И.Б. Волчанецкого, Игорь Александрович Кривиц-

кий. Это был очень энергичный, целеустремленный, разносторонний, веселый жизнелюб, прошедший сложный жизненный путь через Великую Отечественную войну, через многочисленные экспедиции студенческих лет, через Казахстанскую Целину, и к концу жизни создавший в Харькове свою небольшую, но сплоченную школу.

Л.И. Тараненко (слева), И.А. Кривицкий и Иветта Кривицкая на Донецкой биостанции.

Л.И. Тараненко

А правой рукой И.А. Кривицкого, волевым ученым секретарем, «комиссаром» Рабочей группы по птицам Северского Донца, всё время оставался Леонид Иванович Тараненко, выходец из Ростовского университета, где он начал свою научную карьеру, проработавший затем несколько лет в Забайкалье, в Средней Азии и Африканской Гвинее и, наконец, перекочевавший из Ростова в Донецк и надолго осевший там в университете.

На лекции по орнитологии в РГУ. Ассистент Н.Х. Ломадзе, доцент В.С. Петров и студенты Е. Гуськов, А. Гершенович, Л. Тараненко, В. Харченко, В. Заренко

Сейчас, в феврале 2015 года, когда пишутся эти строки, на Донбассе идет жестокая гражданская война, развязанная фашиствующей киевской хунтой. По телевизору ежедневно сообщают об артиллерийских обстрелах Донецка, о разрушениях и гибели многочисленных мирных жителей. И сердце сжимается от тревоги за судьбу украинцев, родственников, земляков, коллег и друзей, особенно за Леонида Ивановича, оставшегося в прифронтовом городе.

* * *

Волна подъема, бурного развития орнитологии в нашей стране, пришедшаяся на 1980-е годы, позволила и мне успешно преодолеть свой первый кандидатский барьер. Но к концу 80-х в СССР наметились признаки спада. В нашем Южгипроземе в 1987 г. тоже сложилась напряженная, конфликтная ситуация, и мне пришлось, скрепя сердце, сменить место работы. Переводом я был зачислен в Ростовский противочумный институт (РПЧИ), в лабораторию зоологии, которой руководил Михаил Габриэльевич Протопопян, знакомый мне еще по РГУ, где он учился на год раньше меня. А Южгипрозем через несколько лет, с началом «Перестройки», сразу же рухнул, и многие его сотрудники, мои бывшие коллеги, так и не смогли найти потом себе места в жизни.

Рабочая обстановка в РПЧИ тоже была весьма своеобразной, но здесь у меня появилось значительно больше времени, которое можно было использовать на сугубо научную работу. При этом представилась возможность значительно расширить географию своих экспедиций. В лаборатории зоологии, где я работал, велись два основных направления исследований: эпизоотология туляремии на Дону, которой занимался в основном В.Г. Налётов, защитивший в 1991 г. кандидатскую диссертации по этой тематике, а также изучение резистентности блох большой песчанки к ДДТ, с помощью которого продолжали обрабатывать колонии этого грызуна в пустынях Казахстана и Средней Азии для профилактики чумы. Это была тема будущей докторской диссертации М.Г. Протопопяна, и мы ежегодно по несколько раз выезжали в непродолжительные экспедиции в пустыни Казахстана, где вели наблюдения за песчанками, собирали их блох и ставили несложные эксперименты по выяснению их чувствительности к инсектицидам.

Благодаря этим поездкам мне удалось познакомиться с природными ландшафтами и фауной низовий р. Урал, собрать интереснейшие материалы по птицам в пустынях Урало-Эмбинского междуречья и Прибалхашья, в Тау-Кумах, Муюнкумах, в дельте р. Или и на р. Чу. Попутно я смог еще несколько раз побывать также в горах Тянь-Шаня. Работали мы обычно группами по 2-4 человека, основная работа отнимала сравнительно немного времени, и в свободные дни я широко экс-

курсировал вокруг стационаров, изучая местную фауну и экологию птиц.

Базировались мы обычно на противочумных станциях, которые имелись во всех областных центрах, или в их летних эпидотрядах, где сотрудники ПЧС вели мониторинг численности грызунов – носителей чумы, их блох – переносчиков чумы, а также эпизоотийной обстановки на обширных контролировавшихся территориях. Лишь однажды в 1987 г. М.Г. Протопопян решил организовать собственный палаточный лагерь в дельте р. Урал близ г. Гурьева (ныне – г. Атырау). Но огромные тучи комаров, поднимавшихся там по вечерам из плавней, не давали нам ни работать, ни отдыхать.

Однажды, задержавшись как-то на экскурсии до позднего вечера, мне пришлось потом несколько километров бегом бежать до самого лагеря, отмахиваясь от комаров веткой ивы. Только дым костра, репелленты да марлевый полог ночью над кроватью спасали от кровопийц. Вокруг полога собирались тучи голодных комаров, и звон их крыльев сливался в непрерывный гул, как будто где-то вдали летел реактивный самолет. Но стоило во сне случайно прикоснуться голой рукой к стенке марлевого полога, как он краснел от крови. Рассказывали, что однажды подвыпившего «исследователя», никак не желавшего укладываться спать под пологом, коллеги оставили в палатке под кроватью, а утром не могли его узнать, так он распух от укусов комаров.

Каждая поездка в малоизвестные для меня пустыни Казахстана оставляла массу впечатлений и светлых воспоминаний, приносила множество интереснейших орнитологических находок, наблюдений, новых материалов.

* * *

В мае 1987 года Гурьев предстал перед нами захудалым провинциальным городком с абсолютным преобладанием казахского населения. Казалось, что лишь на Противочумной станции работали русские специалисты – врачи и зоологи. В новой, административной части города на левом берегу Урала были относительно чистые современные кварталы из 2-3-этажных зданий, с небольшим количеством зелени, а в старом городе на правом берегу реки, рядом с ПЧС, преобладали ветхие одноэтажные казахские мазанки, часто – с архаичными, плоскими глиняными крышами. Здесь совершенно не было зелени, повсюду – пыль и грязь. Поэтому необычным оазисом выглядел довольно большой парк на территории ПЧС, в котором росли в основном вязы, было много лоха и единичные деревья других пород, существовавшие за счет обильного орошения.

Через весь город нёс свои мутные, кофейные весенние воды Урал, обрамленный невысокими глинистыми, местами обрывистыми

берегами. Берега были практически лишены деревьев и тростников. Лишь кое-где встречались куртины лоха (джиды) и тамарикса (джингила). Но зато здесь в те годы водилось еще очень много осетровых рыб, и паюсную икру можно было найти в любом доме. Ели ее буквально ложками, а свежевыпотрошенную севрюгу рыбаки-браконьеры продавали на берегу реки за бесценок. Однажды в эпидотряде у пос. Махамбет выше по Уралу меня угостили даже незабываемой свежей ухой из шипа – сейчас практически исчезнувшего крупного, необычайно вкусного представителя осетровых рыб.

В дельте Урала у Гурьева уже в первую поездку в мае-июне 1987 г. за три недели работ я смог близко познакомиться с желчными овсянками, южными и бледными бормотушками, пустынными каменками. На болотах удалось найти несколько колоний белохвостой пигалицы, недавно проникшей сюда из Средней Азии. На невысоких пойменных гривах в земляных норах гнездились яркие зеленые щурки, знакомые мне еще по студенческим экспедициям на Куму и в Закавказье. На мелководном взморье я впервые увидел фламинго, небольшие стайки которого кормились и перелетали в заливе, а рядом на отмелях отдыхало несколько очень плотных стай розовых пеликанов общей численностью около 500 особей.

Через дельту Урала на север шел выраженный пролет разнообразных куликов, а в последующие поездки мне удалось проследить здесь также массовые миграции водоплавающих птиц. После окончания работ в Гурьеве, я несколько раз предпринимал специальные поездки вверх по Уралу, чтобы познакомиться с ландшафтами и с птичьей жизнью речной долины, постепенно покрывавшейся к северу пойменными лесами. Однажды удалось добраться даже до огромного соленого озера Индер и подняться там на Индерские горы – огромный соляной купол, изборожденный сверху многочисленными карстовыми воронками, со скалистыми обнажениями красивого кристаллического гипса, с глубокими ультрамариновыми озерками на дне гипсовых карьеров, с широким окоемом белого соленого озера, терявшегося в полуденной дымке вдали на юге.

Не менее интересен был наш стационар в пос. Искинский в Урало-Эмбинском междуречье в 60 км к востоку от Гурьева. Крошечный поселок нефтяников, добывавших среди пустыни очень ценную лёгкую нефть, которую во время Великой Отечественной войны, как говорили старожилы, без перегонки сразу же отправляли на фронт и заливали в баки танков, тоже выглядел необычным оазисом среди безбрежных глинистых пустынь. Сюда через пустыню был проведен водовод, и в пыльном, грязном поселке зазеленел заложенный в 40-е годы настоящий

чудо-сад из абрикосов, яблонь, вязов и туранг, с отдельными грядками помидоров и огурцов среди редких деревьев и с густой живой изгородью по периметру.

Осенью в саду собирались большие скопления мелких пролетных пернатых, на которых охотились пролетные же перепелятники. И в укромных местах парка они оставляли множество ощипов добытых птиц. Обнаружив там эти кучки перьев, я стал регулярно собирать их, чтобы выяснить спектры питания ястребов, а также определить по ощипам фауну пролетных птиц, среди которых, как оказалось потом, встречались очень редкие залетные виды из таежных лесов Сибири.

Рядом с Искине находился огромный сор, вытянутый на много километров с востока на запад. Дно его покрывал толстый, плотный слой соли, выдерживавший тяжесть автомобиля, и когда сор летом пересыхал, многие местные машины, сокращая путь, ездили через него напрямик к железнодорожной станции Искине, а также на автотрассу к Гурьеву. А с весны сор заливала вода, которую волнением гоняло из края в край этого озера. Иногда сильный восточный ветер поднимал воду на озере у поселка до колена и выше и, напротив, при западном ветре бывало, что сор здесь почти полностью обсыхал.

Колония больших песчанок.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B5%D1%81%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B0#mediaviewer/File:Rhombomys_opimus_colony.jpg

Плоские же плакоры между сорами на многие километры к северу и югу от поселка покрывала тусклая, сизовато-серая пустыня, поросшая низкими, редкими кустиками сухой, жесткой солянки – биюргуна. Осенью этот биюргун заготовляли на корм верблюдам, сгребая его в кучи тяжелыми тракторными граблями. Разнообразили серую биюргуновую пустыню редкие городки-колонии больших песчанок – довольно крупных, подвижных дневных грызунов, с характерными посвистами

шнырявших среди многочисленных входных нор. Песчанки тоже заготавливали на зиму корм – веточки биюргуна, хранившиеся в больших подземных камерах-кладовых. Рыхлая, удобренная песчанками почва в колониях, слегка промытая редкими летними дождями, давала приют различным рудеральным растениям, и городки песчанок выделялись на сером пустынном фоне своей более пышной зеленью. А среди бурьянистой зелени и в заброшенных норах грызунов днем скрывались сотни и тысячи комаров, которых приносило в пустыню ветром со взморья, с заболоченного северного берега Каспия. И знойная пустыня, как и дельта Урала, по вечерам тоже звенела от туч кровопийц.

В закрытых комнатах на базе эпидотряда летом в жару спать было невозможно. Сухость и жара здесь были такими, что почки практически не работали, поскольку вся выпитая за день вода испарялась через кожу. Но по ночам приходилось неоднократно вставать и смачивать простыни водой, чтобы хоть немного освежить тело. Поэтому спали обычно на улице, в саду, на кроватях под продуваемыми марлевыми пологами, под гул голодных комаров.

Днем же, в свободное от работы время, я путешествовал в окрестностях Искине, изучая гнездование степных орлов на опорах высоковольтных ЛЭП, разыскивая редких джеков и гнезда пустынных славок по сарсазанникам на окраинах соров, наблюдая за каспийскими зуйками, обитавшими на биюргуновых плакорах, за рогатыми жаворонками, встречавшимися как на сорах, так и на плакорах, за пустынными сорокопутами, а также за пустынными каменками, заселявшими сухие обрывистые саи и заброшенные казахские могильники-мазары. А осенью с сотрудниками эпидотряда опытными охотниками М. Левченко и А. Ширяевым мы как-то поехали на каспийское взморье. Каспий в те годы быстро поднимал свой уровень, постепенно заливая плоские низменные пустыни на северном берегу. И открытые мелководья с редкими, небольшими куртинами тростника и погибшего, вымокшего тамарикса тянулись здесь вдоль берега на многие километры в глубь моря.

Ранним утром 18 октября 1987 г., в прохладную ветреную погоду, преодолев на станционном вездеходе ГАЗ-66 три десятка километров по своеобразной приморской пустыне, мы добрались до берега, облачились в ботфорты и направились пешком далеко в море. Первое шокирующее, поразившее меня впечатление – сотни и тысячи мертвых чирков и других уток, прибитых ветром к берегу и почти сплошной каймой покрывавших мелководья – как когда-то в далеком 1968 году на берегу Каспия у Махачкалы лежала вобла-глистявка…

По моим учетам, на каждые 10 метров берега приходилось до 70-90 мертвых птиц, в основном чирков-свистунков. Предполагали, что это

были последствия эпизоотии ботулизма среди водоплавающих птиц, охватившей в конце лета весь Северный Каспий. Но точного ответа на причины массовой гибели уток я в литературе так и не встретил. По сведениям местных зоологов, похожая эпизоотия наблюдалась здесь же и в 1983 году, когда погибло, по оценке специалистов из Москвы, более 600 тысяч птиц.

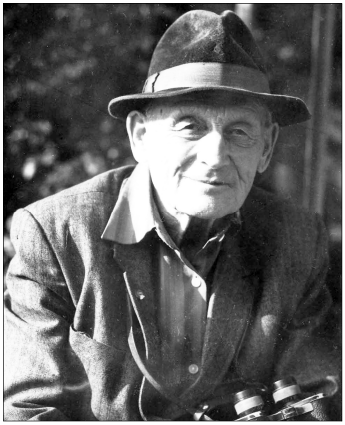
Утки в сильный ветер носились невысоко над морем, но при их стрельбе нужно было уметь учитывать упреждение на скорость и поправки на ветер. Однако охотники из ПЧС, спрятавшись в куртинах тростника, всё утро стреляли по стайкам налетавших птиц и днем возвращались к берегу, ведя на куканах уже по 10-20 добытых уток, змеившихся за ними вереницей по поверхности воды. Потом в эпидотряде вся эта добыча складывалась обычно на кухне в большую ванну, и врачи и санитарки принимались за ее обработку: ощипывали, потрошили, консервировали, запасая диетические продукты впрок для всего эпидотряда.

* * *

В Гурьеве и Искине мы неоднократно встречались с Сергеем Николаевичем Варшавским – известным зоологом из Саратовского Противочумного института «Микроб», регулярно приезжавшим сюда в командировки для проведения консультаций и продолжения собственных научных исследований, как правило, вместе со своим неизменным спутником, помощником и другом Михаилом Николаевичем Шиловым – соавтором его многочисленных публикаций о степных грызунах и птицах.

Появившись как-то осенью в Искине, Варшавский сразу же отправился в парк на поиски ощипов птиц, оставленных ястребами, но почти все они к тому времени оказались уже собраны мною. Как выяснилось, Сергей Николаевич в Гурьеве и Искине давно изучал питание пролетных перепелятников, собирая остатки добытых ими птиц. Дома у него хранился целый сундук с пакетиками, в которых находились их ощипы. Но, к сожалению, постоянная загруженность работой и преждевременная кончина не позволили ему завершить эти интересные исследования.

Я слышал о С.Н. Варшавском еще со студенческих лет. В 1931 г. он поступил на работу сезонным наблюдателем Северо-Кавказского института защиты растений в Ростове и уже в 1932 г. опубликовал свою первую, довольно большую статью об осеннем пролете птиц в окрестностях Ростова, которую неоднократно цитировали Б.А. Казаков и другие наши орнитологи. С 1932 г. С.Н. Варшавский начал работу в Противочумной системе, занимаясь изучением грызунов и птиц в восточных районах Ростовской обл., в Сальских степях и на Ергенях.



Сергей Николаевич Варшавский
с неизменным биноклем

Позже, по собранным в те годы материалам, он подготовил несколько очень важных работ об изменениях фауны и численности птиц и других животных на юге России в середине XX века. Но во время Великой Отечественной войны Сергей Николаевич вместе со своей супругой Клавдией Тихоновной Крыловой по не зависящим от них обстоятельствам оказались на временно оккупированной врагами территории. Здесь они были задержаны немцами и отправлены на работы в Германию, где случайно встретились с генетиком Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским – известным всем «Зубром», благодаря покровительству которого Варшавским удалось выжить в плену и после войны вернуться на Родину. Но чтобы не «мозолить» глаза сотрудникам спецслужб в Центре, Сергей Николаевич сразу же согласился на предложение отправиться в самую глушь – в Казахстан, в пустыни Приаралья, где и продолжил работу в Противочумной системе.

* * *

Незаурядный талант исследователя, целеустремленность, огромная работоспособность и преданность науке, которой Сергей Николаевич посвятил фактически всю свою жизнь, позволили ему уже в 1947 г. защитить кандидатскую диссертацию, а к 1965 году подготовить докторскую диссертацию по совокупности опубликованных работ на тему «Ландшафты и фаунистические комплексы наземных позвоночных Северного Приаралья в связи с их значением в природной очаговости чумы». В 1960 г. С.Н. Варшавский был переведен в Саратов в Противочумный институт «Микроб» и до конца жизни занимался там вместе с

М.Н. Шиловым выяснением нерешенных до сих пор сложных вопросов чумных эпизоотий, а также изучением грызунов, хищных птиц и многих других обитателей пустынно-степного пояса Евразии и гор Кавказа.

В 1984 г., проводя летом геоботанические исследования в Саратовской обл., я несколько раз бывал у Сергея Николаевича на его рабочем месте в институте «Микроб», а также у него дома. Всё убранство небольшой скромной квартиры, тесно заставленной книжными шкафами и полками с книгами, составляли кровать, обеденный и письменный столы, а также сундуки с погадками хищных птиц, ощипами, черепами и костными остатками грызунов, использовавшимися в качестве сравнительного материала при определении питания, трофики хищников.

Все экспедиционные поездки С.Н. Варшавского сопровождались маршрутными учетами грызунов и птиц, выяснением особенностей и закономерностей их биотопического распределения, изучением различных экологических связей, поисками таинственных механизмов циркуляции чумы. Во время появления Варшавского и Шилова в Гурьеве, в изоляторе на ПЧС, где мы обычно останавливались, сразу же начинались разговоры, споры, дружеские шутки, чтение стихов. Лишь после смерти Клавдии Тихоновны, своей верной спутницы жизни, Варшавский постарел, а последовавшая затем трагическая гибель лучшего друга Шилова, с которым Сергей Николаевич почти не расставался со времени встречи на Араломорской противочумной станции, в 1995 году окончательно подкосила Ученого.

* * *

Пожалуй, наиболее важными и интересными экспедициями в Казахстан были для меня две летние поездки в 1988 и 1989 гг. в Прибалхашье, в дельту р. Или. Мы добирались туда через Алма-Ату и Талды-Курган или Баканас, а затем уже на самолете АН-2, обслуживавшем местную ПЧС, летели далее в глубь пустынь. Работа проводилась в эпидотряде, базировавшемся в крошечном ауле Акдала, что по-казахски значило «белая, солончаковая равнина», которая простиралась вдоль берега небольшой речки Топар – самого крайнего, левого рукава Или в 25-30 км от его устья. В ходе самостоятельных экскурсий и рекогносцировочных поездок с местными зоологами я смог познакомиться тогда как с обширной дельтой, так и с бескрайними барханами песчаной пустыни Тау-Кумы, с различными ашиками и солончаками, с призрачными лесами из белого и черного саксаула. Однажды удалось полдня провести также у подножия невысоких пустынных Чу-Илийских гор, окаймляющих Тау-Кумы с запада.

Не смог я увидеть лишь самого Балхаша, сильно усохшего и далеко ушедшего в те годы от берега. Отправившись как-то вниз по Топару

к этому озеру, вечером я еле смог вернуться в Акдалу. Не имея тогда хороших карт и современных GPS, мне пришлось долго блуждать среди плавневых озер и прилегающих к ним с юга песков, прежде чем я выбрался, наконец, к обширной солончаково-такырной низине, лежавшей на месте высохшего залива Балхаша – оз. Алаколь. Но дальше идти ни времени, ни сил уже не было. К тому же закончился запас воды в рюкзаке, и домой я уже едва брёл. Из-за жары, чрезмерной сухости воздуха и довольно сильного восточного ветра, из организма быстро испарялась дефицитная влага, кровь густела, а язык распухал и прилипал к нёбу, не давая возможности нормально дышать. Вдобавок, возвращаясь назад, я сбился с пути и забрался в бугристые пески, откуда пришлось долго выбираться напрямик по азимуту, пока не показались вдали вершины высоких пирамидальных тополей в нашем ауле.

Как известно, запоминаются обычно самые острые первые или последние впечатления. Расскажу поэтому немного о том, какой увидел я майскую пустыню во время своей первой и последней поездки в Тау-Кумы. В переводе с казахского Тау-Кумы – горы песка. Это большой песчаный массив площадью около 150×50 км, протянувшийся вдоль левого берега полноводной летом реки Или, которая у пос. Баканас достигает более 1 км в ширину. С противоположной, западной стороны песков тянется глинистая, заросшая полынью степь Джусандала, раскинувшаяся у подножия Чу-Илийских гор, с многочисленными сухими саями-узяками, спускающимися с хребта. Некоторые из саев прорезают Тау-Кумы, и там вдоль них на более влажной почве встречаются старые туранговые рощи.

Тау-Кумы представляют собой бугристо-грядовые пески, где гряды высотой 20-30 м, тянущиеся с северо-запада на юго-восток, разделены длинными долинообразными понижениями-ашиками. Местами на грядах поднимаются голые барханы значительно большей высоты. По днищам ашиков иногда встречаются глинистые почвы с солончаками и даже сорами. Северо-восточные склоны гряд более крутые и нередко зарастают белосаксаульниками, а у их подножий, где выклинивается влага, аккумулируемая песками, изредка появляются даже узкие туранговые рощицы. По глинистым ашикам кое-где растут более густые черносаксаульники, которые особенно широко распространены вдоль песков на окраине Джусандалы, формируя там иногда настоящие леса. Центральная же, наиболее высокая и безводная часть Тау-Кумов почти лишена древесной растительности.

Река Или в дельте разбивается на множество проток, часть из которых теряется в песках среди озерных разливов, наполняющихся только летом во время таяния снегов в горах Тянь-Шаня. Поэтому заросли

макрофитов на многих озерах развиты слабо. Вдоль проток часто встречаются густые джидовые тугаи из невысокого лоха, перевитые лианами и труднопроходимые. Влажные котловины в песках вдоль рек зарастают чингилём – очень густым и колючим кустарником. В конце мая начинается цветение чингиля, и западины с его густыми кустами окрашиваются в чрезвычайно красивый розовый цвет. А позже на кустах начинают развиваться вздутые, пузыревидные бобы.

Выше чингиля на склонах долины разрастается тамарикс, окаймляющий также соровые котловины и широко распространенный по песчаным ашикам. Между кустами тамарикса почву густо покрывает невысокий, серый кустарник терескен, формирующий сплошной ковер на низких уровнях песчаных шлейфов. Выше, на барханах, терескен изреживается, и там почва довольно плотно зарастает в основном однолетниками и эфемероидами. Среди них весной особо выделяются яркие маки и высокие эремурусы. На барханах обычна песчаная осочка, редкие тоненькие стебельки которой, увенчанные гроздьями вздутых коричневых плодов и связанные между собой длинными подземными корневищами, тянутся по пескам в разных направлениях.

Поэтому пески здесь довольно плотные и развеваются ветром обычно лишь вдоль разбитых дорог или на голых участках по гребням барханов. Но в глинистых пустынях, а особенно на сухих сорах у Балхаша, ветер может поднимать в воздух тучи соли, и там постоянно видны огромные смерчи, вздымающие пыль высоко в небо.

В песчаных пустынях очень разнообразна также фауна. В 1988 г. я дважды видел в Прибалхашье одиночных джейранов и однажды – самку сайги. Сайгаки в большом количестве прикочевывали в те годы в Тау-Кумы на зимовку, и остатки погибших зимой животных встречались там на всех экскурсиях. Обычен в песках толай – совсем маленький и очень доверчивый пустынный заяц. Многочисленны здесь большие песчанки, служащие различным хищникам основой кормовой базы, часто встречались следы тушканчиков, однажды в ауле был найден ушастый ёж.

Для песков очень характерны различные рептилии. Много здесь юрких ящурок и круглоголовок; обычны агамы, часто забирающиеся на сухие кусты тамарикса и даже на деревья до 5 м высотой, где на ветерке спасаются от жары. У агам горло и брюхо окрашены в разные яркие, сигнальные цвета, и они способны быстро, как хамелеоны, менять свою окраску. Среди глиняных развалин в ауле однажды я нашел скрытных серых геккончиков. Несколько раз в песках встречались гремучие змеи – щитомордники, причем двух морф – серой и рыжей. Крупного рыжего щитомордника я принял сначала за кусок ржавой изогнутой проволоки

и хотел, было, поднять его с земли, но усомнился, откуда, мол, здесь в безлюдной пустыне могло взяться железо? И лишь когда «проволока» ожила, я понял свою оплошность.

Весьма обычны были в пустыне черепахи, при этом наиболее часто встречались крупные, старые «Тортилы» весом до 1,5-2 кг и с диаметром панциря до 20 см. Численность черепах достигала 0,5-1 особь на 1 га, и на экскурсиях приходилось встречать до 10-15 особей за день. На ночь черепахи прятались в различные укрытия, иногда сами зарывались в песок, а утром выходили на кормежку лишь когда воздух хорошо прогревался после антициклональной ночной прохлады. Днем, в жару, старые черепахи тоже прятались в тени, а после вечерней кормежки примерно в 19 часов уходили на ночевку. Питались черепахи самыми различными зелеными растениями, но явно предпочитали сочные, мясистые цветочные побеги высоких эремурусов.

По глинистым ашикам держалось множество медведок, характерное пение которых начиналось по вечерам на заходе солнца. Там же обитали какие-то сверчки, начинавшие петь в сумерках после захода солнца, и их громкие звенящие трели неслись изо всех кустов, но выслеживать их там было очень сложно. В начале июня днем начали пробовать голос певчие цикады. Но других массовых насекомых, в том числе прямокрылых, в пустыне было в общем немного. Однако их заменяли многочисленные клещи. Однажды у гнезда орла-могильника, под которым валялось множество выклеванных панцирей черепах, я обнаружил сотни этих неприятных членистоногих, собравшихся сюда, возможно, на запах высохшего черепашьего мяса. Я начал, было, собирать их из панцирей в пробирки для последующих вирусологических исследований, но вскоре клещи набросились на меня, сначала в одиночку, а затем группами, наконец, колоннами и сплошными шеренгами штурмуя мои ноги. Пришлось сдаться и ретироваться…

Позже оказалось, что клещи нередко встречаются и вдали от орлиных гнезд. Присев как-то на вершине бархана на отдых, я вскоре заметил нескольких клещей, бежавших ко мне с разных сторон. Длинные, паучьи лапы характерной полосатой расцветки изобличали в них специфичных пастбищных клещей рода *Hyalomma* – весьма опасных переносчиков ряда арбовирусных инфекций. Эти же лапы помогали им находить и догонять своих жертв – теплокровных животных от ежа и зайца, до верблюда и человека, у которых они сосут кровь для того, чтобы оставить затем потомство. Эти клещи часто нападают и на птиц, кормящихся на земле в степи: куриных, врановых, дроздовых и др.

Очень разнообразна в песчаных пустынях южного типа и птичья жизнь. Подробный очерк орнитофауны Тау-Кумов можно найти в сводке

Н.Н. Березовикова со соавторами (1999). Есть и моя небольшая заметка о редких видах, встреченных в Прибалхашье в 1988-1989 гг. (Белик, 2001). Здесь же отмечу лишь появление большого количества эндемичных, туранских видов, а также южных форм, отсутствующих в знакомом мне европейском Прикаспии, в том числе в наших песчаных пустынях. В Прибалхашье я впервые встретил чернобрюхого рябка, малую горлицу, белокрылого дятла, двупятнистого жаворонка, рыжехвостого жулана, майну, бухарскую синицу, буланого вьюрка, индийского и саксаульного воробьев и др. Очень интересными и важными для выяснения специфических отличий от близкого вида – европейского тювика оказались проведенные в дельте реки Или наблюдения над размножением, питанием и поведением южного тювика-шикры (Белик, 2012*).

Степная агама.
Фото М.В. Пестова

Но в Прибалхашье проникают также и некоторые северные, сибирские виды: на озерах наблюдались чернозобые гагары, в лесах у проток повсеместно гнездились черные вороны, нередко встречались белые лазоревки и др. Обычны здесь оказались орлы-могильники и канюки-курганники, в песках найдены даже гнездовья беркута. Лишь саксаульная сойка, которая встречалась в слабо заросших песках у пос. Баканас, в районе Акдалы отсутствовала, и увидеть её мне не удалось.

* * *

Еще одна моя дальняя поездка с РПЧИ состоялась в 1989 г. после катастрофического, трагического Спитакского землетрясения, случившегося днем 7 декабря 1988 г. в Армении и, по официальным данным, унесшего жизни более 25 тысяч человек. Для контроля санитарно-

* Белик В.П., 2012. К биологии туркестанского тювика в Прибалхашье // Наземные позвоночные животные аридных экосистем: Мат-лы международн. конф. "Наземные позвоночные животные аридных экосистем", посвященной памяти Н.А. Зарудного.- Ташкент.- С.75-80.

эпидемиологической обстановки в почти полностью разрушенных городах в зоне землетрясения на северо-западе Армении, все Противочумные институты – Ростовский, Саратовский, Ставропольский, Волгоградский – отправили туда свои специальные противоэпидемические бригады – СПЭБы, в штат которых, кроме врачей, входил также один зоолог. И мне пришлось целый месяц, с 10 февраля по 11 марта, провести в Ленинакане, нынешнем г. Гюмри, дежуря там в свою смену с нашим ростовским СПЭБом.

Загрузив полный «грузовик» – АН-12 – специальным оборудованием, материалами, реактивами, продуктами, одеждой и прочей необходимой утварью, мы вылетели из Ростова и через полтора часа, миновав величественный Эльбрус, приземлились в Армении. Нас встретила широкая, заснеженная Ширакская долина, простиравшаяся далеко на северо-запад от сиявшей под солнцем двуглавой вулканической вершины Арагаца (Алагеза – «пегой седловины»).

Ужасы Ленинаканской трагедии…

Разместились мы в уцелевшем двухэтажном здании районной Санэпидстанции близ окраины города. Ее толстые туфовые стены прорезали длинные кривые трещины, постройка была в аварийном состоянии, но других подходящих помещений для работы и жизни СПЭБа в Ленинакане практически не осталось. Большой город лежал в жутких руинах. Почти все крупнопанельные дома в нем рассыпались до основания. К середине февраля в центре Ленинакана расчистили только узкие проезды вдоль основных улиц, и местами разбор завалов и поиски погибших продолжались круглосуточно.

Приехавшие со всей страны спасатели, строители, водители жили в больших палаточных лагерях возле города. Оставшиеся в живых жители Ленинакана ютились в гаражах, в сараях или таких же больших,

армейских палатках во дворах, возле которых дымились костры, возле костров в морозы грелись люди, лишившиеся крова, готовилась пища. На крутом спуске близ Эпидстанции, в небольшом кафетерии на просторном, солнечном бульваре волонтеры-кришнаиты из Индии устроили бесплатную столовую, все дни угощали желающих своей вегетарианской кухней – вкусными овощными рагу, гороховым супом и др., и раздавали на память «Бхагавадгиту» и другие знаменитые произведения индуистской философии и буддийской религии.

А мы прислушивались по ночам к лаю бездомной шотландской овчарки – колли, прижившейся в нашем СПЭБе, которая предупреждала нас громким лаем о новых подземных толчках, заставляя выбегать на улицу во тьму иногда чуть ли не в исподнем. Некоторые небольшие толчки можно было заметить в комнатах и днем – по звону посуды, но в целом сейсмическая активность Спитакского очага к весне заметно снизилась.

Врачи-эпидемиологи и зоолог в заснеженном поле у Ленинакана

Срочной работы для зоолога в Ленинакане не оказалось. Серые крысы практически полностью покинули город, лишившись водопоев. Поэтому я отправился к зоологам местного противочумного отряда и вместе с ними начал заниматься обследованием окрестностей города, ведя мониторинг численности мышевидных грызунов в полях и контролируя их зараженность туляремией и другими особо опасными инфекциями. Мы расставляли в скирдах соломы или среди развалин стандартные давилки Геро с приманкой из хлебных корок, а затем на следующий день собирали небогатый «урожай» и отвозили его в лабораторию на анализы. После этих поездок я уходил еще на собственные маршруты по степи или в невысокие, сухие окрестные горы, практически лишенные древесной растительности, знакомясь на неторопливых экскурсиях с местной орнитофауной.

Вскоре стало складываться ощущение, что мое присутствие

в зоогруппе почему-то смущало армянских коллег, и в одно прекрасное утро они действительно «забыли» заехать за мной. Пришлось отправиться в поля самостоятельно. И в тот же день на луговине недалеко от Ленинакана я нашел плотную колонию полёвок, а в ней – их гнездо из сухой травы с парой мертвых грызунов внутри. Их передали в Ставропольский СПЭБ, специализировавшийся на изучении туляремии, и вскоре стало известно, что из погибших полевок выделен совершенно новый штамм этой особо опасной инфекции. Местные зоологи вновь приехали ко мне с просьбой показать очаг, где при раскопке нор они быстро обнаружили сразу несколько гнезд с погибшими больными грызунами, которых армянские специалисты безуспешно искали у себя всю зиму.

В конце февраля начало теплеть, повеяло весной. Друзья-зоологи вновь забыли обо мне, и я решил заняться более широким обследованием ландшафтов и фауны Армянского нагорья в окрестностях Ленинакана. Всё время манил к себе Арагац – «Трон бога Солнца Ара», действительно напоминавший высокое кресло в поднебесье на юге. Там обитали каспийские улары, а также пестрые завирушки, которых впервые описал Г.И. Радде, другие эндемики Закавказья. Но путь туда, как я понимал, глядя на обширные заснеженные предгорья, по которым мы колесили с местными зоологами на машине, был далёк и непрост, хотя гора и казалась совсем рядом с Ленинаканом. Поэтому я начал свои экскурсии с наезженной дороги в Спитак и Кировакан (в прошлом – Караклис, а ныне – г. Ванадзор), которая пересекала невысокий сухой хребет Джуджур и шла дальше на восток по скалистому ущелью вдоль небольшой горной речушки Памбак, бежавшей между Памбакским и Базумским хребтами.

В Памбакском ущелье начали чаще встречаться кустарники, затем появились рощицы и ивняки вдоль речки, а у Кировакана на северных склонах Памбакского хребта раскинулись даже приличные массивы буковых лесов, выше которых на покатых вершинах простирались субальпийские луга. В последние дни командировки в Армению я предпринял также большую рекогносцировочную экскурсию на попутках и маршрутных автобусах к озеру Севан. Из Кировакана автодорога через высокий лесистый хребет привела меня в г. Дилижан, расположенный в глубоком, красивом горном ущелье, а оттуда еще через один перевал я спустился в котловину к Севану. Но здесь, к сожалению, горы и озеро окутал густейший туман, вокруг совершенно ничего не было видно, и мне пришлось сразу же отправляться дальше – по ущелью р. Раздан к Еревану. А там днем вскоре вновь выглянуло солнце, и тихий весенний воздух начал быстро прогреваться и просыхать.

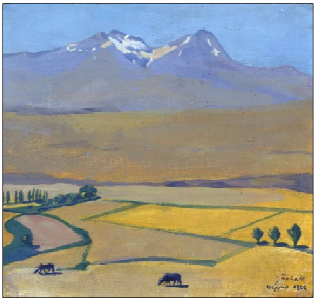
Русская крепость Гюмри, принимавшая участие в турецкой войне 1877-1878 гг.

В Кировакане, находившемся сравнительно недалеко от Спитака, разрушений было совсем немного, город окружали красивые горы, по ущельям росли леса и бежали весенние ручьи. И я решил вывезти туда наш СПЭБ в выходной день на 8 Марта. Наша автобусная поездка к Кировакану показалась, правда, для некоторых коллег-врачей, не привыкших к дальним дорогам, несколько затяжной и утомительной. Но зато потом у костра с шашлыками все наши СПЭБовцы смогли немного расслабиться, побродить днем в весеннем лесу возле ручья, передохнуть и немного забыться после удручающих руин Ленинакана и голой, сухой Ширакской долины.

Небольшой же посёлок Спитак, лежавший у дороги в верховьях Памбакского ущелья, в отличие от Кировакана был разрушен землетрясением до основания. От домов там остались лишь торчавшие вверх обломки стен. Очевидно, здесь, в эпицентре подземного толчка мощностью более 11 баллов, произошел сильный вертикальный сброс земной коры, и все крыши и горизонтальные перекрытия рухнули вниз под собственной тяжестью. А в Ленинакане происходили, по-видимому, резкие горизонтальные рывки, что вызвало разрушение стен домов с последующим обрушением кровли. Широкие свежие трещины, сдвиги и сбросы горных пород, вызванные землетрясением, можно было наблюдать во многих местах по скалистым ущельям в окрестностях Спитака и Ленинакана.

Горы здесь были сложены в основном из сравнительно мягкого пористого туфа различных оттенков – серых, коричневых, фиолетовых, а также из темных базальтов. Они образовались из жидкой застывшей лавы, растекавшейся по склонам и долинам из действовавших в прошлом вулканов, таких как Арарат и Арагац. Туф легко размывался реками, образуя крутые, отвесные скалы и каньоны, где в обнажениях были хорошо видны толстые горизонтальные лавовые слои, накапливавшиеся в течение многих тысячелетий в ходе периодических извержений.

http://www.hayweb.ru/faq-armenia/geo/1680-znaete-li-vy-chto-aragac-samaya-vysokaya-gora-v-armenii.html



М.С. Сарьян. Гора Арагац летом. Холст, масло. 1922.

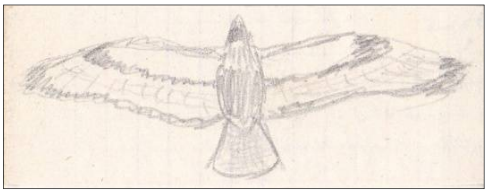
В повсеместных скалах среди сухих гор было множество ниш, полостей, щелей, представлявших удобные места для гнездования различных птиц-склерофилов. К сожалению, многие из них еще не вернулись с зимовки, но в ущельях близ Ленинакана уже на первых экскурсиях я встретил и близко познакомился с довольно многочисленными оседлыми скалистыми поползнями, начинавшими новый брачный сезон и на все лады свистевшими у своих гнезд. Здесь же держались стенолазы, нередко встречались стайки каменных воробьев, однажды наблюдался снежный воробей. В туфовых скалах близ с. Ацик в окрестностях Ленинакана удалось найти гнездовой участок пары филинов, а 9 марта, перед самым отъездом из Армении, там же впервые в Закавказье была встречена пара ястребиных орлов, занявших, по-видимому, прошлогоднее гнездо филина в просторной нише на невысокой скале.

Обе птицы, судя по резко диморфной окраске оперения, были молодыми, неполовозрелыми, но уже начали строительство гнезда из сухих прутьев кустарника, росшего на степных склонах гор (Белик, 1990*). К сожалению, проконтролировать это гнездовье повторно не удалось, поскольку моя первая и пока последняя поездка в Армению через два дня заканчивалась. Посетивший же по моей просьбе указанный район А.В. Абуладзе ястребиных орлов там больше не встретил. Но затем ему всё же удалось найти их в соседних районах Грузии, подтвердив, таким образом, гнездование этого вида в Закавказье (Абуладзе, 2008).

Обнаружив в Армении редчайших орлов, я обратил также внима-

* Белик В.П., 1990. Ястребиный орел в Закавказье // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.10-11.

ние на полное отсутствие здесь хищных птиц-некрофагов, хотя пищи для них, тем более после разрушительного землетрясения, на обширных горных пастбищах было вполне достаточно. За весь месяц я ни разу не видел в небе ни грифов, ни сипов. Может быть, правда, они отъедались на трупах нередко встречавшихся погибших домашних животных и поэтому не летали?



Позже, в 1995 году, когда только начинался проект по растровому картированию ареалов птиц в Армении, который финансировал состоятельный любитель птиц армянин-эмигрант из Америки, я получил приглашение поработать волонтером для проведения полевых фаунистических исследований в Закавказье. Весной организаторы проекта несколько раз звонили мне из Еревана в Ростов. Очень велик был соблазн еще раз попасть в Армению, к тому же летом, в гнездовой сезон, когда можно было шире и ближе познакомиться с природой этого региона и его фауной. Причем я знал уже все методы планировавшихся работ, сам организовал к тому времени аналогичные исследования в Ростовской области, результаты которых были использованы затем при составлении Европейского атласа гнездящихся птиц (1997). Но очередной зигзаг в моей жизни и ряд других проблем не позволили мне принять это приглашение. И я до сих пор с глубоким сожалением вспоминаю тот год, ту упущенную возможность еще раз побывать в удивительной, прекрасной стране – Армении.

Здесь мне хотелось бы поделиться еще некоторыми своими личными впечатлениями об армянской культуре и самом народе, населяющем Армению. С армянами я был хорошо знаком по Ростову, где еще со времен Екатерины Великой существовала большая армянская диаспора, где находились посёлки и даже целые армянские районы – Нахичевань, Чалтырь и др. М.Г. Протопопян, наш зав. лаб. в РПЧИ, тоже был коренным ростовским армянином из нашей Нахичевани. Армяне были также среди знакомых и друзей в Краснодарском крае и в других регионах. И все представители этой нации в нашем представлении воспринимались обычно или высокоинтеллигентными, или весьма предприимчивыми людьми. Но в Армении я был поражен также их трудолюбием.

Дома́ в посёлках и сёлах, приютившихся в ущельях и на склонах

гор, отличались опрятностью и ухоженностью. Из-за недостатка пахотных угодий, на сухом Армянском нагорье возделывались все даже самые маленькие клочки пригодной земли на склонах гор. С них при вспашке ежегодно убирались все камни и камешки, складывавшиеся в виде длинных валов или куч по окраинам обработанных «полянок». А от рек и ручьев к этим терраскам прокладывали в каменистом грунте многокилометровые, петлявшие по склонам гор канавы для полива огородов и садов.

Несмотря на тяжкий труд, на страшную трагедию, случившуюся в Армении в 1988 г., люди везде здесь были очень приветливы и дружелюбны. Как-то в Ереване совершенно незнакомая, случайно встреченная на улице молодая интеллигентная пара пригласила нас посидеть в кафе, побеседовать за чашечкой кофе. Удивила их непосредственность восприятия окружающего мира. Уже только одно женское имя – Аревик – Солнышко – говорило о многом!

Но суровый быт, кровавые межэтнические и межконфессиональные конфликты, геноцид армян в 1915 году, вероятно, закалили характеры жителей Армении. И очевидно, как вековечный отпечаток судьбы, выглядели тяжелые лица многих армян и их своеобразная религиозная культура. Навсегда остались в памяти мрачный облик Католикоса всех армян Вазгена I, а также темные, массивные, угловатые храмы, особенно в Эчмиадзине, куда нас однажды возили на экскурсию.

Постоянным напоминанием об Армении и армянском храме до сих пор служит мне небольшое распятие, которое я как-то нашел в небольшой рухнувшей при землетрясении церквушке в одном из безлюдных ущелий в горах близ Ленинакана. Собрав обломки, я склеил их, и с тех пор этот крест всё время стоит в углу близ моего письменного стола, одновременно напоминая также о бренности нашей земной жизни.

Правда, набожность была чужда мне с детства, со школы. А став биологом, я тем более не мог воспринимать всерьез многие религиозные мифы. Но религия, как часть культуры различных народов, взрастившая и воспитавшая нравы и обычаи многих их поколений, всегда была интересна мне как психологический феномен. И отношение к ней должно быть одинаково почтительным, как и к другим проявлениям национальных культур.

* * *

Помимо дальних поездок, зоологи РПЧИ регулярно совершали также экспедиции по Ростовской области, связанные в основном с мониторингом туляремии. Выезды в поле проводились в разные районы и в течение всего года, особенно во время вспышек численности мышевидных грызунов и эпидемиологических осложнений. Поэтому особого

планирования этих работ, кроме исследований в дельте Дона, которые курировал В.Г. Налётов, в РПЧИ не было, и мы часто выезжали в командировки как на пожар, «по вызову».

Тем не менее, благодаря этим поездкам я мог продолжать попутное знакомство с ландшафтами и фауной отдельных районов обширной Ростовской области, где прежде бывать не приходилось или которые были исследованы недостаточно. Однажды в мае 1990 г. мы около недели простояли палаточным лагерем среди водоемов в дельте Дона, и именно там, с утра до вечера наблюдая, слушая, учитывая разнообразных камышевок, я смог досконально разобраться с этими сложными для определения видами, научился определять их в природе по голосу, поведению, местообитаниям. А в начале июня того же года мы около 10 дней работали в Семикаракорском районе на Нижнем Дону, где лагеря устраивались в пойменных лесах с гнездовьями тювиков. И я смог там впервые провести очень интересные, продолжительные наблюдения за поведением этих птиц у гнезда с кладкой.

В другой раз, во время зимней поездки в 1992 г. в Обливский район, мне удалось впервые найти типичное гнездо орла-могильника, сделанное на вершине старой сосны в песках у поймы реки Чир. И именно с того времени началось мое детальное знакомство с карагушом и длительные специальные исследования этого вида в различных регионах России (Белик, 1999*).

Но такие случайные поездки были обычно малопродуктивны, отнимали много времени на организацию и реализацию «коллективного быта», на беспрерывные переезды с места на место. Как-то зимой, в декабре 1989 г., пришлось ехать даже в г. Амвросиевку, в Донецкую область Украины, где тоже вспыхнула туляремия. И мы были вынуждены целую неделю кататься там по полям, с помощью давилок Геро учитывая мышевидных грызунов и собирая материалы для бактериологических анализов. А в августе 1991 г. на берегу Дона выше станицы Старочеркасской нами был устроен большой палаточный лагерь только для того, чтобы туда через неделю смогли вывезти на теплоходную прогулку и угостить шашлыком знакомого «заморского» доктора, приехавшего в Ростовский противочумный институт по обмену опытом.

Поэтому, чтобы иметь возможность заниматься своими орнитологическими исследованиями на регулярной основе, в 1988 г. я предложил собственную тематику работ, связанную с изучением роли птиц в

* Белик В.П., 1999. Современное состояние популяций орла-могильника в бассейне Дона // Королевский орел: Распространение, состояние популяций и перспективы охраны орла-могильника (*Aquila heliaca*) в России: Сборн. науч. трудов. Серия: Редкие виды птиц, вып.1.- М.: Союз охраны птиц России.- С.13-24.

циркуляции особо опасных инфекций (ООИ). И после утверждения этой темы на Ученом совете РПЧИ я стал планировать самостоятельные экспедиции по Ростовской области с целью выяснения фауны и населения птиц и их участия в диссеминации ООИ в малоизвестных для меня районах. Особый интерес в этом плане представляли исследования крымской геморрагической лихорадки (КГЛ) – очень опасной природно-очаговой инфекции, интенсивная вспышка которой наблюдалась в центральных районах Ростовской области в 1960-е годы. Тогда для ее изучения и разработки методов профилактики и лечения многочисленных заболевших людей, смертность которых достигала 60-70%, в Ростове был создан даже специальный научно-исследовательский институт микробиологии и паразитологии. Но через несколько лет, в 1969 г., циркуляция КГЛ на Дону практически полностью прекратилась так же внезапно, как и началась.

В те годы работами известного ростовского зоолога Николая Борисовича Бирули и его коллег было выяснено, что основным переносчиком КГЛ явился знакомый нам по Прибалхашью пастбищный клещ *Hyalomma*, а основными прокормителями его личиночных стадий стали массовые, размножившиеся в полезащитных лесополосах врановые птицы (грачи, вороны, сороки), а также зайцы, ежи и другие мелкие млекопитающие. Особенно сильная вспышка численности наблюдалась тогда у грача, постепенно заселявшего лесонасаждения всей Ростовской области. С его распространением иногда и связывалось возникновение мощного очага КГЛ на Дону.

Для изучения же обилия клещей в природе шутники-паразитологи придумали тогда даже своеобразную единицу их учета «еже-час», т.е. количество клещей, собранных ежом за час его прогулки по лесу (http://www.nat-geo.ru/article/337-ezhe-chas/). Но в действительности для учета численности взрослых клещей *Hyalomma* в естественных ландшафтах, где они держатся на травянистых пастбищах, в те годы использовали обычно шустрых, симпатичных студенток, приходивших в институты на практику. Они располагались среди степи на больших белых простынях с пинцетами и пробирками в руках, и в течение всего дня собирали паразитов, сбегавшихся на простынь на запах вкусной приманки.

Мои же исследования в 70-80-е годы показали, что численность врановых птиц в искусственных степных лесонасаждениях продолжала нарастать, но поиски клещей на добывавшихся для анализа грачах результатов не давали. Зато на опушках и полянах среди лесов в различных районах Ростовской области весной во множестве встречались другие клещи – *Dermacentor marginatus* с мраморным рисунком на спине,

которые в одиночку и большими группами неподвижно сидели на вершинах сухих стеблей злаков или каких-нибудь бурьянов, поджидая проходящих мимо собак, коров, диких копытных, людей. Уцепившись за их шерсть или одежду, клещи затем переползали в укромные места и там впивались в кожу. Но этот вид клещей, как оказалось, был малоопасен как переносчик КГЛ, а *Hyalomma plumbeum* в Ростовской области я тогда не встречал.

Лишь в последние десятилетия эти пастбищные клещи вновь появились в засушливых степях на юго-востоке Ростовской области, и там опять стали отмечаться случаи заболеваний КГЛ. Исчезновение же *Hyalomma plumbeum* в 1969 году было связано, по всей видимости, с необычайно суровой зимой того года. Жестокие морозы при почти полном отсутствии снега держались всю зиму, и почва в степи промерзла на глубину до 2 м и более. А в феврале начались сильнейшие пыльные бури, продолжавшиеся почти весь месяц, и лесополосы в полях, где в подстилке зимовали клещи, были занесены толстым слоем черноземной пыли, похоронившей там многих членистоногих, рептилий и других животных.

Организовав свои орнитологические исследования в РПЧИ, в 1989 г. я дважды, в апреле и июне, выезжал на Средний Дон, в станицу Вёшенскую, где собрал очень богатые материалы по фауне и численности птиц поймы и левобережных песчаных террас Дона. Кроме того, впервые была детально исследована орнитофауна Миллеровского района на севере области, где мы работали вместе с В. Ветровым, специально приезжавшим туда из Луганска для продолжения изучения хищных птиц бассейна Северского Донца – темы его кандидатской диссертации, которую он начал, будучи аспирантом Института зоологии АН Украины. Именно по хищным птицам тогда нами и были собраны наиболее обширные, самые интересные материалы.

В 1990 г., в апреле и июне, мне впервые удалось побывать на крайнем юго-востоке Ростовской области – в Ремонтненском, Заветинском и Дубовском районах, где были обследованы Ергени на границе с Калмыкией, Сальские степи, долина реки Сал и самые засушливые территории долины Маныча на юге Ремонтненского района. Там я смог близко познакомиться со степными журавлями-красавками, заметно увеличившими свою численность после глубоких депрессий в 50-е и 70-е годы, когда в результате проведения дератизационных работ при борьбе с сусликами-носителями чумы в целинных степях остротоксичными пестицидами было вытравлено много различных диких животных. Теперь же красавки вновь стали обычны на целинных пастбищах, начали гнездиться на полях, и в апреле мне удалось найти сразу 8 их гнезд

с кладками. В Дубовском районе оказались нередки стрепеты. А на границе с Калмыкией тогда были найдены последние уцелевшие в Ростовской области гнездовья степных орлов и канюков-курганников.

В апреле и июле 1991 г. я еще раз побывал в Обливском районе, где в сосновых лесах на песках у реки Чир обнаружил гнездовья змееядов, за которыми удалось провести интересные наблюдения. Там же были собраны новые материалы по тювику, прослежено активное расселение тетеревятников в искусственные лесонасаждения засушливых районов, где эти ястреба начали разгонять колонии грачей. Вместе с грачами на Чирских песках исчезли стрепеты, обычные там еще в 70-80-е годы, почти не осталось там и авдоток. Во время этих поездок были бегло обследованы лесонасаждения выше по Чиру, в Советском и Боковском районах, а также старые искусственные боры по р. Калитве, где зимой незадолго до этого мне удалось обнаружить мохноногих сычей.

Тогда я специально приезжал в Городищенское лесничество на Калитве в поисках этих таежных сов, которые были случайно найдены там 25 лет тому назад. Но отсутствие каких-либо других сведений о распространении этих сугубо лесных птиц на степном Юге всё время порождало скепсис к опубликованным данным, и я решил сам проверить возможность их гнездования в старых сосняках на песках. Мы собирались туда вместе с В. Ветровым, но семейные обстоятельства не позволили ему выехать из Луганска в Каменск, и поэтому, прождав его полдня в условленном месте на автостанции, я решился на самостоятельный поход. Добравшись к вечеру до Калитвы, мне пришлось еще долго шагать по заснеженной степи к лесничеству. Лишь около полуночи я вышел на обрывистый берег Калитвы среди бора и сразу же услышал вдали характерные крики 2-3 сычей, активно токовавших в зимнем лесу за луговой излучиной реки.

Ночевать пришлось в пустом фанерном домике летнего пионерлагеря на берегу реки. Хорошо хоть, что там оказались койки с матрасами, но я всю ночь вынужден был периодически греться, прикладываясь к фляжке с холодным спиртом. Солнечное морозное утро в предвесеннем лесу запомнилось громкими барабанными трелями дятлов и звонкими криками тетеревятников, занявших уже гнездовые участки. Днем же солнце прогрело воздух, тальники на опушках у реки покрылись белыми пушистыми барашками, затеплились проталины на песчаных холмах. Но в бору лежал толстый слой чистого, нетронутого снега глубиной до 15 см. А следующей ночью мороз вновь стоял такой, что под сапогами на дороге в лесу звонко хрустел утоптанный машинами снег.

Почти прямо в зените ярко светила полная луна, бросавшая на голубоватый снег короткие, четкие тени. А я с самого вечера медленно

шагал по прямой длинной просеке среди старого бора в ожидании сычей. Один километр в одну сторону – до опушки леса, где виднелся небольшой посёлок лесничества, затем один километр назад до лагеря. И вновь к посёлку, и обратно. Шагая так, я вырабатывал мышечную энергию и согревал тело, боролся с дремотой и ждал сычей, боясь прозевать начало их токования. И вот 22 февраля 1991 г. в 22:30' в сосняке вновь раздался своеобразный, специфичный крик мохноного сыча. Ему отозвались с разных сторон еще две или три птицы.

Вдали за рекой, на овражистых склонах коренника долины Калитвы, периодически «ухали» с разных сторон три филина. Очень далеко внизу по реке, где начинались старые пойменные леса, изредка подавала голос обыкновенная неясыть. Сычи же, покричав этой ночью совсем недолго, постепенно смолкли, а я к полуночи опять отправился на холодную ночевку в заброшенный лагерь.

Поиски же гнездовий этих интересных таежных птиц на Нижнем и Среднем Дону так и не дали результатов, хотя в апреле 1991 г. я вновь отметил токование сыча на прежнем месте в Городищенском лесничестве. Ни разу больше не встречался мохноногий сыч и в других районах Ростовской области, где кое-где имелись старые боры на песчаных террасах рек. Лишь однажды 3 августа 2001 г. я еще раз слышал его крик на Верхнем Дону, в Воронежской области, в старом бору ниже устья реки Икорец. Практически безрезультатными оказались мои поиски этих птиц и на Кавказе, но анализ разрозненных опубликованных данных и случайных находок моих знакомых и коллег позволили мне сейчас достаточно полно выяснить особенности экологии сыча в южных горах.

В апреле и июне 1992 г. я выезжал в две экспедиции в Тацинский район, где был детально обследован Качалинский заказник с небольшим массивом аренных дубняков на песчаной террасе р. Быстрой и каменистые степи в низовьях этой реки. В июне 1993 г. удалось впервые побывать в Морозовском и Милютинском районах, где меня поразил большой старый искусственный бор на песках у слободы Селивановской в верховьях р. Березовой. В мае 1994 г. я еще раз съездил на Нижнекундрюченские, а затем на Цимлянские пески, где впервые на Дону нашел клещей *Hyalomma plumbeum*, нападавших на домашний скот.

* * *

Помимо интенсивных полевых исследований, в РПЧИ я продолжал активную теоретическую подготовку. В нашей лаборатории находилась прекрасная научная библиотека, укомплектованная как казенными книгами, так и поступлениями из домашних собраний нескольких поколений зоологов, работавших в прошлом в РПЧИ. И я всё свободное время отдавал изучению и конспектированию богатой териологической

и зоогеографической литературы, многочисленных трудов различных противочумных институтов и станций, других специализированных сборников, отсутствовавших в публичных библиотеках. И это пополнение багажа знаний совершенно новой информацией очень пригодилось мне в дальнейшей работе.

Так, в ходе библиотечных «раскопок» мне удалось собрать массу интереснейших, малоизвестных сведений об использовании в нашей стране различных пестицидов для борьбы с грызунами, а также насекомыми-вредителями. Анализ полученных материалов наглядно показал, насколько пагубными были последствия применения некоторых ядохимикатов для степных и околоводных птиц. В ряде специальных публикаций мне удалось показать связь между вымиранием, исчезновением отдельных видов птиц на степном Юге и проводившимися здесь массовыми истребительными кампаниями против сусликов, мышевидных грызунов, саранчи и других насекомых. В наибольшей мере от них пострадали журавли, дрофы, некоторые хищные птицы, розовые скворцы, а также многие водоплавающие и околоводные пернатые (Белик, 1997 и др.). Лишь с прекращением использования парижской зелени, с ограничением широкого применения фосфида цинка и ДДТ в 1970 году, численность этих птиц начала у нас вновь восстанавливаться.

* * *

Перманентное осмысление всех материалов, собранных в 70-80-е годы, особенно после защиты кандидатской диссертации, в период работы в РПЧИ, однозначно выдвигало требование двигаться дальше, не останавливаться на пройденном рубеже. Но в каком направлении идти – нужно было еще определиться. Нужна была опора, толчок, авторитетный квалифицированный совет. И такую опору я нашел в 1991 году.

К тому времени я составил рабочий план докторской диссертации, в которой хотел провести всесторонний эколого-географический и зоогеографический анализ современной орнитофауны степного Придонья, выяснить историю ее формирования и перспективы дальнейшего развития, наметить пути рационального использования и охраны птиц этого региона. А в качестве прикладного аспекта планировал показать роль пернатых в циркуляции некоторых зоонозных инфекций в Ростовской области. Всё же оставались сомнения – не слишком ли узок круг проблем, не слишком ли тесен регион Придонья для обобщений такого уровня?

С этими мыслями я и подошел к 1990-м годам – периоду нестабильности, развала, страшного лихолетья в нашей стране, о котором мы тогда, правда, еще не думали и даже не предполагали о нём, и только сейчас стали в полной мере осознавать всё то, что произошло у нас в годы приснопамятной горбачевской «перестройки».

"Мгновенно слово. Короток век.
Где ж умещается человек?
Как, и когда, и в какой глуши
распускаются розы его души?
Как умудряется он успеть
своё промолчать и своё пропеть,
по планете просеменить,
гнев на милость переменить?
Как умудряется он, чудак,
на ярмарке поцелуев и драк,
в славословии и пальбе
выбрать только любовь себе?*"*
(**Б.Ш. Окуджава**)

10. Вторая высота

Осенью 1991 года в городе Витебске, в Белоруссии, планировалось проведение юбилейной, 10-й Всесоюзной орнитологической конференции, на которую съезжались практически все наши действующие орнитологи. Должен сказать, что усилиями витебских орнитологов – заведующего кафедрой зоологии Витебского пединститута А.М. Дорофеева, ставшего к тому времени Председателем государственного комитета Белоруссии по экологии, моего друга В.В. Ивановского и других белорусских коллег – эта конференция прошла на очень высоком научном и организационном уровне, и многим ее участникам запомнилась на всю жизнь. Чего стоил только дружеский ужин, организованный хозяевами конференции после ее окончания в загородной правительственной резиденции – среди старого бора, на берегу чистого лесного озера.

Большой мужской коллектив ветеранов и зрелых орнитологов восседал за одним длинным столом в просторном пиршественном зале. Над лесом в чистом сентябрьском небе сияла луна. Лес погрузился в полуночную тишину. И лишь в охолонувшем озере плескались после парной в жаркой бане молодые любители острых ощущений… А потом мы поехали в Березинский заповедник, где я впервые увидел настоящие верховые болота, о которых много раз рассказывал В.В. Ивановский, – с мшарами, клюквой, росянкой и другими северными экзотами.

В автобусе по дороге в заповедник я оказался рядом с Анвером Кеюшевичем Рустамовым – одним из наших патриархов, известнейшим учеником Г.П. Дементьева, всю жизнь занимавшимся изучением фауны Туркмении, где в годы Великой Отечественной войны работал в эвакуа-

ции и сам Георгий Петрович – признанный глава советской орнитологии в 40-60-е годы XX века. Я хорошо знал А.К. Рустамова по его многочисленным фундаментальным публикациям, по орнитологическим сводкам, посвященным птицам Туркмении, по вузовским учебникам. Неоднократно видел его на орнитологических конференциях – в Президиумах, во главе различных рабочих органов, тамадой на торжественных застольях. Но общаться с ним прежде не приходилось. Тем более что его строгий вид и суровый нрав, проявлявшийся на научных симпозиумах под его руководством, где он решительно пресекал любых докладчиков, забывавших о регламенте, не способствовали простому сближению.

Здесь же, в свободной обстановке, Анвер Кеюшевич оказался очень простым и общительным, и мы долго беседовали и о моей работе, и о птицах пустынь и гор Туркмении, которые тогда очень интересовали меня в связи с выяснением фауногенеза птиц Палеарктики, и об успехах его сына – молодого орнитолога, недавно защитившего кандидатскую диссертацию. И каковы же были моё удивление и радость, когда через некоторое время в Ростов пришла посылка с книгой Эльдара Анверовича с его дарственной надписью (Рустамов Э.А., 1988. Население птиц Теджено-Мургабского междуречья и прилегающих пустынь.- Ашхабад: Ылым.- 212 с.).

Помимо двух докладов о современном состоянии орнитофауны Нижнего Дона и проблемах ее охраны, на конференцию в Витебск я вёз также большую корзину сочных южных груш-дуль, бывших для Володи Ивановского вещественным напоминанием о его детских и юношеских годах, проведенных на нашем солнечном Юге. В портфеле лежал и тот самый план диссертации. И в кулуарах конференции я встретился с Президентом Всесоюзного орнитологического общества В.Д. Ильичевым, иногда скромно стоявшим в одиночестве где-нибудь в зале, и попросил посмотреть мой план. Затем я показал его также В.Е. Флинту.

Оба Корифея одобрили мои намётки, не сделав никаких существенных замечаний. На вопрос относительно небольших размеров нашего региона они возразили, что эта проблема может быть с лихвой компенсирована глубиной проработки и уровнем обобщений собранных материалов. Таким образом, зеленый свет для предстоящей работы над диссертацией с анализом орнитофауны Ростовской области был получен!

Здесь же в Витебске состоялась еще одна встреча, оказавшая очень важное влияние на дальнейшую работу над диссертацией. На орнитологическую конференцию профессором Е.Е. Сыроечковским был приглашен секретарь ЕОАС (Комитет Европейского орнитологического атласа) Йохан Бекхейс, который руководил проектом по сбору материа-

лов для коллективного Атласа гнездящихся птиц Европы. Он приехал в Витебск для установления новых контактов и поиска помощников-координаторов из России и других регионов СССР. Голландец выступил перед всеми участниками конференции с сообщением о проекте Европейского Атласа, о его ближайших планах и методах, и предложил всем желающим из Европейских регионов присоединиться к этой совместной работе.

К тому времени я уже знал методику картирования ареалов для подобных Атласов, а также хорошо представлял для себя все возможные позитивные результаты этой работы, имея в качестве образца трехъязычный «Атлас гнездящихся птиц Латвии» (Приедниекс и др., 1989). Но картографической основы для аналогичной обработки данных, собранных по Ростовской области, у меня тогда не было. Поэтому на первых порах я был вынужден ориентироваться на систематизацию всех своих материалов по административным районам, осознавая, однако, что в дальнейшем это может существенно затруднить их обработку.

Знакомство с Й. Бекхейсом, установление прямых контактов и получение картографических материалов и бланков по всей Европе сразу же дало дополнительный толчок к организации дальнейших, более системных исследований. Выявив пробелы на орнитогеографической карте Ростовской области, я несколько последующих лет вёл активные фаунистические работы в остававшихся необследованными квадратах растровой сетки UTM 50×50 км. Для этого использовались как плановые экспедиции нашего РПЧИ, так и многочисленные 2-3-дневные самостоятельные поездки в различные районы Ростовской области в весенне-летний период. Я привлек к этим исследованиям также В.В. Ветрова, изучавшего хищных птиц бассейна Северского Донца, но хорошо знавшего и остальных пернатых. Кроме того, к работам по Европейскому орнитологическому атласу был подключен П.А. Тильба, который систематизировал свои материалы по ряду квадратов на Западном Кавказе. В соседней Воронежской области аналогичные работы после 1991 года начал также А.Д. Нумеров, и мы могли координировать с ним свои исследования на границах наших областей.

В итоге к 1997 году, когда был опубликован весьма солидный Атлас гнездящихся птиц Европы (The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London: T. & A.D. Poyser. - 903 p. Eds.: W.J.M. Hagemeijer & M.J. Blair), я смог собрать материалы уже по 54 квадратам – практически по всей Ростовской области. В ходе обработки собранных данных мне удалось найти также простой алгоритм для расчета примерной численности каждого вида на территории Ростовской области и таким образом определить их общий запас в Придо-

нье. К тому же систематизация материалов по распространению всех видов птиц на территории степного Придонья позволила провести достаточно обоснованное орнитогеографическое районирование этого региона.

Собранные материалы по картографированию орнитофауны и зоогеографическому районированию Ростовской области легли в дальнейшем в строгую канву докторской диссертации, тем самым углубив проработку региональных фаунистических данных и повысив уровень их обобщений (Белик, 1998*).

* * *

Памятная, блестящая конференция в Витебске завершалась интересным докладом В.Е. Флинта с подробным обзором истории всех наших Всесоюзных орнитологических конференций. Я в шутку предложил тогда Владимиру Евгеньевичу остановиться в докладе на середине, чтобы можно было продолжить его на следующей, очередной встрече, чтобы был повод для продолжения нашей истории. Но следующая наша встреча состоялась лишь через 10 лет – уже на XI Международной орнитологической конференции, и собрались на нее в Казани уже далеко не все…

В 1991 году в Витебске у всех на слуху был ГКЧП, начинавшийся распад СССР, образование ССГ-СНГ. Многие из нас, правда, еще лелеяли надежду, что последнее станет продолжением первого, некоторые коллеги даже строили планы предстоящей работы над Красной книгой СНГ. Но уже тогда подспудно чувствовалось, что простым разменом большой, общей коммунальной квартиры дело это не закончится, что могут быть ссоры, драки и даже войны. Хотя весь цинизм современной сюрреалистичной картины тогда, наверное, еще никто не мог представить себе даже в кошмарном сне.

Однако уже в 1991 г. грянула многолетняя война в Карабахе, в 1992 г. начались жестокие боевые действия в Абхазии и Приднестровье. А в 2014 г. совершенно неожиданно для многих вспыхнула гражданская война на Донбассе. Хотя, регулярно бывая на Родине, в Украине, я иногда замечал, как эту страну кто-то уже давно, исподволь начал готовить к фашистскому перевороту, к нынешней кровавой бойне, регулярно проповедуя в телеэфире преимущества оружия Вермахта, немецкий Орднунг, героизируя Бандеру и пр.

Неспокойно было и в России, особенно на Кавказе, где в 1994 году тоже началась долгая, страшная Чеченская война. Очевидно, что всё

---

* Белик В.П., 1998. Формирование авифауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны птиц в степной части бассейна реки Дон.- Автореф. дисс. … докт. биол. наук.- М.- 80 с.

это было кому-то выгодно, кто-то зарабатывал себе на крови сомнительный политический капитал и грязные деньги. Благо, однако, что нашлись люди, обретшие силу и разум, которые смогли остановить Россию, сползавшую в хаос, от дальнейшего распада и междоусобицы.

В результате раскола СССР научные контакты между орнитологами различных регионов в 1990-е годы значительно ослабли – сначала по политическим, а затем и по экономическим причинам, поскольку глубокий кризис, охвативший хозяйство всех стран СНГ, привел к обнищанию населения, к резкому сокращению финансирования научных исследований, ликвидации многих учреждений. Малообеспеченные пенсионеры с трудом выживали; интеллигенты сажали огороды в пригородах; более предприимчивые рабочие строили себе дачные домики, приходящие сейчас в запустение и упадок, по мере старения их хозяев. Но тогда они давали всем картошку, огурцы, виноград, надежду на жизнь…

* * *

Однако в это же время начали быстро развиваться международные научные связи. Благодаря финансовой помощи зарубежных грантов и спонсоров, орнитологи России получили возможность для поездок на международные конгрессы, конференции и совещания. При поддержке Международного союза охраны птиц (ICBP, International Council for Bird Preservation), позже – BirdLife International, в России в 1993 году был создан Союз охраны птиц России (СОПР), начавший ряд крупных совместных и самостоятельных проектов, и на его конференции к нам регулярно приезжала из Нидерландов Иоганна Винкельман, курировавшая работу СОПРа – тогда официального партнера BirdLife International. Много профессиональных орнитологов и любителей из дальнего зарубежья стало приезжать в Россию и другие страны СНГ также для проведения научных исследований и наблюдений птиц.

Так, в июле 1993 года два представителя BirdLife International, Грэм Такер из Англии и Ганс-Питер Коллар из Австрии, занимавшиеся тогда разработкой Плана действий по сохранению степных птиц и их местообитаний в Европе, приехали в Россию для знакомства с нашими степями и населявшими их птицами. По рекомендации В.М. Галушина, сначала они отправились в Воронеж, а потом в Саратов к В.Н. Мосейкину, который провез их по целинным степям Заволжья. И позже Г. Такер с гордостью, причмокивая языком, рассказывал нам, как ему удалось заметить в Заволжье пролетевшую за окном автомобиля кречетку, находившуюся тогда в Европе на грани исчезновения.

Неожиданный звонок В.М. Галушина из Москвы заставил и меня заняться срочной организацией встречи с зарубежными любителями птиц. Я пригласил на совещание в Ростов ряд своих коллег, в том числе

В.М. Музаева из Элисты, В.В. Ветрова из Луганска, Ю.И. Вергелеса из Харькова, который владел к тому же разговорным английским языком и много помогал нам в общении. Благодаря поддержке проректора РГУ А.А. Ковалева, моего однокурсника, для иностранцев выделили свободную комнату в уютном общежитии Института повышения квалификации учителей (ИПК) на Пушкинском бульваре, рядом с Библиотекой РГУ. Бывший лётчик Михаил Иванович Таранцев, отвечавший тогда в Областном комитете по экологии за охрану животных, помог арендовать вертолет для «экспедиции» на озеро Маныч-Гудило, где нас должен был встретить будущий директор будущего заповедника «Ростовский», а тогда – руководитель Орловского района А.В. Чекин.

После совещания в РГУ, на котором гости долго рассказывали нам о своих планах, а мы – о степях России и Украины, Г. Такер и Г.-П. Коллар совершили вечернюю прогулку по Ростову и отправились отдыхать в ИПК, а мы – ко мне домой продолжать свои дискуссии о степных птицах. На следующее утро, 25.07.1993 г., когда я пришел в ИПК, иностранцы с красными от бессонницы глазами стояли на столе посреди своей комнаты и тыкали пальцем в потолок, где сидел одинокий, заблудившийся комар: «Mosquito! Mosquito! …».

В маленький вертолет, летевший на Маныч, вмещались только четыре пассажира: Такер, Коллар, я и наш переводчик Юра Вергелес. М.И. Таранцев проводил нас только до аэропорта, а остальные мои друзья вынуждены были остаться досыпать у меня дома. Вертолет же, как я сейчас понимаю, отправлялся во внеплановый рейс, и чтобы не светиться на экранах радаров, несся на юго-восток буквально над самой землей, лишь «перепрыгивая» через полезащитные лесополосы.

Вскоре пролетели Веселовское водохранилище с многочисленными стаями серых гусей, с редкими лебедями и с белыми цаплями, скользившими над водой в разных направлениях. А вот и Гудило, где я проводил свои исследования в 1986-1987 гг. Приземлились у самого берега Маныча против острова Заливной, на котором находились колонии колпиц, бакланов и чаек. Гостеприимный А.В. Чекин уже ждал нас там с командой егерей. На костре жарились шашлыки, рядом стоял ящик с коньяком, на илистый берег соленого озера самосвал привез из ближайшего карьера на Сало-Манычской гряде большую кучу белого песка, чтобы можно было зайти в воду и ополоснуть ноги.

Всё делалось без режиссуры, экспромтом, и менять программу «торжественной встречи» на ходу было трудно. Тем не менее, до приема первой порции коньяка и начала спортивной стрельбы егерей по мишеням, мы успели посмотреть пеликанов, колпиц, огарей, стаи серых журавлей и журавлей-красавок, местных жаворонков и пролетных

куликов. Слетали мы также на остров Водный – в ядро будущего степного резервата среди Маныч-Гудила, где держался большой табун мустангов – нынешний бренд заповедника «Ростовский».

Показать же всю красоту нашей степи в конце июля, когда многие растения уже отцвели, а птицы закончили гнездовой период, нам было нелегко. Но судя по всему, гости остались довольны визитом в Ростов и на наш Маныч. Поэтому вскоре последовало приглашение на ответную встречу – в Испанию, где на 26 сентября был запланирован недельный «воркшоп» европейских экспертов из Англии, Австрии, Франции, Испании, Венгрии и России для «мозгового штурма» и завершения работы над Планом действий по сохранению степных птиц Европы.

* * *

Мои недельные хлопоты по оформлению визы в Испанию благополучно завершились лишь в самый последний перед вылетом день, да и то только благодаря помощи Юрия Москаленко, лично знакомого с итальянским консулом, а того – с испанским. П.С. Томкович в Зоомузее МГУ любезно помог мне с валютой на авиабилет в Испанию. А поскольку самолеты из Москвы в Мадрид летали не ежедневно, мы с В.М. Галушиным вынуждены были отправиться туда 24 сентября, в пятницу, и прибыли на место за два дня до начала совещания. Хозяева встретили нас в аэропорту, отвезли в маленький городок Soto del Real в 30 км к северу от Мадрида, у южного подножия невысокого, но довольно крутого лесистого хребта Сьерра-де-Гвадаррама на Центральной Кордильере, и оставили там на ночь в уютном двухэтажном отеле, предоставив следующий субботний день для самостоятельной диетической «акклиматизации».

Конец рабочей недели в Испании – традиционный вечер корриды. Поэтому, включив в отеле телевизор, мы сразу же попали на прямую трансляцию со стадиона-колизея «Torodos», расположенного на полпути между Мадридом и нашим Soto del Real. В.М. Галушин, уже знакомый с этим кровавым зрелищем, брезгливо отвернулся и улегся с дневником в постель. Для меня же коррида была новым, совершенно необычным шоу, о котором раньше приходилось только читать, и я до полуночи не отрывался от экрана телевизора, стараясь разобраться в правилах и тонкостях этого национального испанского развлечения. Но когда один из быков оказался победителем в схватке с матадором, поднял того на рога, Владимир Михайлович тоже встрепенулся, вскочил с кровати и чуть было не зааплодировал герою.

Как признавался мне впоследствии В.М. Галушин – телец по солнечному календарю, родившийся 9 мая, он, естественно, не мог спокойно смотреть на избиение быков, переживал, болел только «за своих» и,

конечно же, всегда был горд и рад их победам!

Коррида, как ее описывал в одном из своих очерков В.М. Песков, проходила на круглой арене среди высокого амфитеатра с многочисленными зрителями, бурно приветствовавшими своих любимцев-тореро. Выпуская на арену из клетки очередную жертву – невысокого, черного, длиннорогого быка, его сразу же провоцировали на бой, вонзая в загривок сверху, с недоступной для него террасы, острые железные пики. А на арене несколько тореадоров тут же начинали дразнить быка, долго размахивая перед ним плащами и мгновенно прячась за барьеры при приближении зверя. Тот горячился, бегал, прыгал, крутился по арене, но постепенно слабел и переставал реагировать на забияк. После этого уставшего быка принимались «травить» длинными пиками два всадника на «бронированных» лошадях-тяжеловесах. Бык бросался на лошадей, пытался поднять их на рога, но прочные латы, свисавшие почти до земли, защищали их от травм, а свалить огромные, тяжелые туши с ног – не хватало сил.

Затем на арену выходил пикадор с короткими шпагами, украшенными флажками, и трижды всаживал сразу по два таких кинжала в загривок быка, подбегая к его рогам спереди. Взбешенный, истекающий кровью зверь пытался отмахиваться от мучителя длинными рогами, но силы покидали уставшее животное, и его активность всё более снижалась. И лишь после этого на арене появлялся убийца быков – матадор с красным плащом и шпагой. Он подходил вплотную к быку, махал плащом перед его носом и заставлял быка раз за разом бросаться на тряпку, свисавшую под рукой, не обращая внимания на человека-мучителя. Тореро же элегантно уворачивался от яростных атак и, в конце концов, убивал уставшего, измученного быка ударом шпаги сверху в холку, вгоняя стилет в тело животного обычно по самую рукоятку.

Тореадоры во время схватки выглядели чрезвычайно напряженными, кричали, пыжились, настраивая себя на борьбу с сильным, опасным зверем. Их одежда постепенно покрывалась пóтом. Но в целом они находились в значительно более выгодных условиях, чем быки, и на их рога попадали в основном, очевидно, лишь по собственной беспечности. Наш матадор-неудачник, уверовавший в свою победу, в конце корриды опустился посреди арены на колено, воздев руки кверху и в очередной раз срывая овации публики. А изможденный, уже почти не двигавшийся бык замер в боевой позе всего в 3-4 метрах сбоку. И в этот миг в его мозгу блеснуло, вероятно, какое-то озарение: бык внезапно бросился на мучителя, поддел его сзади под ребро и долго крутил в воздухе над головой. Потом как бы нехотя стряхнул матадора с рогов на землю и принялся топтать его тяжелыми копытами.

Каждый отдельный спектакль корриды продолжался около 15 минут, а всего за два часа представления на арене было убито до десятка быков. Всё это «священнодействие» сопровождалось громкими своеобразными звуковыми сигналами, отмерявшими время выхода тореадоров, пикадоров, матадоров, а также шумом и криками возбужденной публики.

* * *

Утром следующего дня, позавтракав в ресторанчике нашего отеля, мы с В.М. Галушиным отправились в город знакомиться с памятниками его истории и культуры, а также с окрестной природой. Небольшой городок был очень уютный и чистый, украшенный многочисленными кедрами, акациями и туями. Вдоль узких, извилистых улочек тянулись 1-2-этажные дома с садами, виноградниками и зелеными газонами во дворах. Сверху, со стороны Сьерры, городок пересекали глубокие каменистые тальвеги сухих ручьев, одетых в крепкие бетонные бордюры, с перекинутыми через промоины каменными мостиками. А на окраине городка поднималась тяжелая, кубической формы старинная каменная церковь – Travesia Ignasia – с почти плоской черепичной крышей, рядом с которой вздымалась такая же массивная колокольня. На красной крыше церкви громоздилось более десятка больших и маленьких гнезд белых аистов, к этому времени уже покинувших свою колонию. Судя по цветной открытке с видом этой церквушки, которая попалась мне в газетном киоске, аисты здесь процветали, и их численность за последние годы увеличилась в несколько раз. Но сейчас вместо аистов на церкви хозяйничали многочисленные одноцветные скворцы, резко отличавшиеся от наших обыкновенных скворцов своим своеобразным пением – с флейтовыми переливами, напоминавшими рулады черных дроздов. Гнездились местные скворцы, как и наши птицы, вероятно, под крышами домов и в нишах громоздких аистиных гнезд, собравшись здесь осенью для абортивного пения.

Внутри церквушки было непривычно сумрачно. Едва угадывались черный высокий иконостас, деревянное распятие в натуральную величину, несколько темных рисунков на евангельские мотивы, украшавших стены. А посредине стояли длинные лавки, на которых сидели немногочисленные богомольные прихожане. Большая часть жителей городка в дневные часы прятались где-то по домам, улицы были пустынны, и лишь к вечеру публика собиралась в небольших ресторанчиках, барах и кафе, где испанцы смотрели телевизоры, обсуждали новости, пили пиво, коку, легкие розовые вина «Don Mengo» или «Don Huan». К субботнему вечеру ожила и древняя церковь на окраине городка, в которую приехала многолюдная свадебная процессия. А после венчания, на выходе из церкви, вся свита густо посыпала молодоженов

рисом, бобами и чечевицей.

За церковью начинались околицы, занятые своеобразными пастбищами. Высохшие за лето, вытоптанные до самой земли выпасы были разделены невысокими, извилистыми каменными заборами на небольшие участки площадью от 2-5 до 10-30 и более гектаров, на которых паслись те же низкорослые черные быки, а также коровы и высокорослые, как телята, овцы. Пастбища были покрыты искусственными редколесьями из длиннолистного ясеня, ветви которого оказались сплошь обрублены на корм домашнему скоту. Невысокие деревья сформировали поэтому очень плотные шаровидные кроны из молодых побегов, в тени которых прятался от солнца скот, а в почве сберегалась дефицитная влага, позволявшая чуть зеленеть траве. На каменистых увалах из голой земли повсеместно пробивались необычайно красочные куртины нежных, сиреневых безвременников. Среди камней часто разрастались также высокие безлистные кусты ретамы (*Retama spherocarpa*) из семейства бобовых, нередко встречались шиповники, непоедаемые колючки кузиний, синеголовников и др.

Стоял тихий, теплый, солнечный день. Уставший после прогулки В.М. Галушин направился в отель отдыхать, экономить недополученные калории, а я решил познакомиться еще с окрестными ландшафтами и местными птицами и вдоль ручья стал взбираться вверх, на хребет. По мере удаления от городка и подъема на склоны Сьерры зелени вокруг становилось всё больше. Среди ясеневых посадок появились редколесья из раскидистых деревьев дуба круглолистного с примесью кустарниковых и древовидных можжевельников, еще выше пошли довольно густые леса из дуба пиренейского, а за ними, у гребня Кордильеры, – сосняки. Среди дубовых редколесий изредка встречались выводки красных куропаток, в сухих дубняках я обнаружил редких здесь голубых сорок, а на густых можжевельниках кормились коротконалые пищухи. Как и в городке, здесь часто отмечались стайки канареечных вьюрков, были замечены также сапсан, атаковавший певшего лесного жаворонка, пара черных грифов и до десятка белоголовых сипов, гнездившихся на скалистом гребне хребта.

Огороженные частные владения, охватывавшие как пастбища, так и леса, по мере подъема вверх и удаления от городка, становились, очевидно, всё дешевле и быстро расширялись. Но каменные заборы с приметными издали предупреждающими табличками «Soto privado de Casa» здесь постепенно разваливались от ветхости. Их складывали из поколения в поколение за счет камней, убиравшихся с пастбищ, но в последние годы пастбищное скотоводство в горах приходило, вероятно, в упадок, и люди появлялись там всё реже. Однако гулять, останавли-

ваться в этих лесах можно было лишь на дорогах общего пользования. Горожанам, выезжавшим в выходные дни из дома на отдых, и в самом деле приходилось парковаться только где-нибудь на обочинах дорог. Они доставали шезлонги и зонтики и сидели там в тени, читая газеты или книги, играли в бадминтон или загорали на солнце.

В частных владениях, достигавших порой огромной величины, отдыхать разрешалось лишь за деньги. В пригородах Мадрида мы посетили однажды охотничье ранчо площадью около 1000 га, которое по всему периметру было огорожено высокой каменной стеной с колючей проволокой наверху. Здесь в редколесьях из дуба круглолистного, покрывавших каменистые, изрезанные оврагами сухие холмы, обитали лани, везде виднелись многочисленные следы диких кроликов, нередки были красные куропатки. Здесь же гнездились две пары местных экзотов – испанских орлов-могильников, ради которых мы сюда и приехали. Но наблюдать за орлами нам пришлось издали, тайком взобравшись на каменную стену…

В этом плане очень показателен еще один случай. На той же экскурсии близ Мадрида, организованной для участников «воркшопа», мы знакомились со степными местообитаниями испанских дроф, стрепетов, рябков. На латеритовых фермерских полях с чахлыми посевами пшеницы и подсолнечника, расположенных среди многочисленных дорог в окрестностях Гвадалахары, обитала значительная популяция дроф – около 300 особей, т.е. почти столько же, как и во всей Ростовской области. И наша остановка возле одной из дрофиных стай на грунтовой дороге среди полей, чуть в стороне от автотрассы, сразу же привлекла внимание полиции. Подъехавшие через несколько минут полицейские потребовали предъявить документы, разрешавшие наше пребывание среди частных сельскохозяйственных владений.

Следует заметить, что Испания тогда вкладывала в охрану своих дроф большие средства. Европейский Союз выделял этой стране более 300 миллионов долларов в год на программу по сохранению дрофы, а испанским фермерам выплачивали по 100 долларов за каждый гектар полей, на которых благополучно гнездились эти птицы. Дрофы привыкли здесь к близости людей и спокойно кормились выводками и стайками до 8-13 птиц на жнивье, пашнях и залежах до самого полудня. К тому же дрофа в Испании вела оседлый образ жизни и не страдала, как у нас, от суровых зим. Дрофы не разбивались там на проводах ЛЭП, которых почти не было видно в полях, и их гнезда не разорялись врановыми птицами, поскольку грачи в Испании отсутствовали, а другие виды встречались среди полей редко. Неудивительно поэтому, что дроф на Пиренеях было больше, чем в огромной России, и эти птицы являлись

своего рода национальной гордостью испанцев.

Попадая же в лес, горожане-испанцы были совершенно безразличны к дарам своей природы. Каменные заборы вокруг частных владений в лесах, берега ручьев и лесные опушки были повсеместно увиты густыми ежевичниками, на их плетях висели огромные грозди необычайно сладких и сочных ягод. Но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь собирал здесь эти крупные, вкусные, обильные плоды! Всё для потребностей желудка принято было покупать только в гастрономах. Для меня же в субботний день, когда нас оставили без обеда, нетронутая испанская ежевика оказалась очень кстати и смогла отчасти заменить пропущенный ланч.

* * *

Университетский научный центр имени Фернандо Гонсалеса, недавно погибшего известного испанского орнитолога, поразил нас своей чистотой, простором зеленых газонов, опрятными живыми изгородями и обилием компьютерной техники, стоявшей на столах в кабинетах у каждого сотрудника. В те годы о ней мы не могли еще даже мечтать. Лишь в 1995 году, перейдя на работу в Ростовский государственный педагогический университет (РГПУ), я получил доступ к персональному компьютеру и начал постепенно осваивать новые технологии, благо, что рядом оказался очень грамотный и необычайно доброжелательный педагог – зав. каф. ботаники и зоологии Михаил Викторович Ханин, знакомый мне еще по студенческой юности.

На работе же самого «воркшопа», на который нас собрали в Испании, я подробно останавливаться не хочу. Все подобные «мозговые штурмы», как этот, так и остальные, проводившиеся в последующие годы под руководством европейских менеджеров, – по дрофам в 1994 г. в Венгрии, по тонкоклювому кроншнепу в 1998 г. в Греции, по степному луню, степной тиркушке и кречетке в 2002 г. в Москве – были, в общем, схожи друг с другом.

В большинстве это были длительные, зачастую бесплодные дискуссии по поводу терминологии, классификации местообитаний, лимитирующих факторов и т.п. Причем удивляла слабая теоретическая подготовка некоторых менеджеров, деливших все степи, например, лишь на два типа: первичные, т.е. натуральные, и вторичные «dry-second-grassland», связанные с выпасом домашнего скота, без которого в Испании и Франции открытые сухие земли постепенно зарастали кустарниками – той же ретамой и др.

В связи с этим мне с помощью В.М. Галушина, помогавшего в переводе, пришлось даже прочесть в Испании лекцию о специфике растительности в различных почвенно-климатических подзонах степной

зоны, о зональных и азональных вариантах степей, об их пастбищной дигрессии, о демутации залежей. Как мы поняли тогда, для многих участников степного «воркшопа» всё это было настоящим откровением. На другом «воркшопе» в Москве, помню, посвященном степной тиркушке, для того чтобы сократить очередную пустопорожнюю дискуссию, я с помощью Е.А. Лебедевой, координатора нашего СОПРа, быстро разработал стандартный бланк для экспертной оценки влияния разных лимитирующих факторов. Его заполнил каждый из 15 участников встречи, и мы сразу же смогли увидеть числовые, количественные значения всех угроз для этого вида – как в целом, так и по отдельности, так и по каждому из участков ареала – от Украины до Казахстана (Белик, 2004*).

* * *

Кроме поездки в Испанию на «воркшоп» по степным птицам, в 1990-е годы, когда начался интенсивный международный научный обмен, мне удалось побывать еще на ряде зарубежных конференций и семинаров. О каждой из этих поездок можно долго рассказывать во всех любопытных подробностях, но ради экономии времени я ограничусь только некоторыми особо «острыми» воспоминаниями и общими оценками.

Наиболее яркие впечатления оставила, конечно же, вторая – апрельская – поездка в 1995 году в Испанию. Туда в г. Бадахос (провинция Экстремадура), расположенный у Португальской границы, из России и стран СНГ на конференцию по хищным птицам отправились на гранты РФФИ сразу около 10 человек во главе с В.М. Галушиным. Была в разгаре весна, пора цветения растений, прилета и гнездования птиц. Поэтому там для орнитологов было что наблюдать и обсуждать после экскурсий.

Бадахос, Испания. Фото А.В. Давыгоры

* Белик В.П., 2004. Степная тиркушка: распространение, экология, лимитирующие факторы // Стрепет, т.2, вып.2.- С.68-98.

Тем более что Пиренеи в орнитологическом отношении являются, на мой взгляд, самым интересным регионом Европы. Здесь, во-первых, в наибольшей мере представлены уникальные ландшафты Средиземноморья – ксерофитные каменистые леса, кустарники и пустоши на склонах многочисленных невысоких хребтов, населенные очень своеобразной орнитофауной, выделенной в свое время Б.К. Штегманом в особый Средиземноморский тип фауны.

Кроме того, значительную площадь Испании занимают сухие степи и пустыни с массой травоядных животных, прежде всего домашних копытных, а также грызунов, рептилий, насекомых, которые привлекают множество разнообразных хищных птиц, начиная от мелких степных пустельг и заканчивая различными орлами и огромными грифами-некрофагами, иберийские популяции которых сравнимы по численности с общеевропейскими. Много там также и степных птиц-кампофилов, знакомых нам по России: дроф, стрепетов, рябков, жаворонков, о чем упоминалось выше. Наконец, Пиренеи являются своеобразным мостом между Европой и Африкой и оттуда через Гибралтар и Геркулесовы столпы в Испанию проникает довольно много специфичных южных и африканских птиц. Только там можно увидеть, например, *Elanus caeruleus*, *Turnix silvatica*, *Clamator glandarius*, *Galerida theklae*, *Cisticola juncidis*, *Oenanthe leucura* и другие экзотические виды.

Мы провели в Бадахосе около недели, в свободные часы по утрам и вечерам регулярно экскурсируя в окрестностях города – у реки Гвадианы или на развалинах древней крепости на холмах за рекой. Там вместе с В.В. Ветровым и А.В. Давыгорой мы вели мониторинг большой колонии египетских цапель, строивших гнезда на деревьях на островке под мостом прямо среди города, как у нас устраиваются местами грачевники, разыскивали в кустарниках своеобразных средиземноморских славок, наблюдали за токовавшими у реки славками-портнихами (цистиколями), ловили среди развалин осторожных гекконов. Однажды, заблудившись, оказались, того не ведая, в Португалии…

Помимо походов в окрестностях Бадахоса, нас дважды вывозили на большие экскурсии в заповедники и национальные парки Испании. Но вольных наследников Чингисхана, привыкших к просторам Евразии, по-прежнему угнетала всё та же жесткая регламентация и заорганизованность подобных походов. В заповедник «Сьерра-Гранда», помню, мы долго ехали по пыльным дорогам в кавалькаде из полутора десятков тракторов с прицепленными к ним тележками, в кузовах которых на тюках соломы восседали профессора и доктора-орнитологи с биноклями и подзорными трубами, наблюдая за орлами, летавшими высоко над окрестными хребтами. Затем орнитологов выгрузили из тележек и по

узкой тропинке, в колонну по одному, повели дальше через огороженные колючей проволокой заповедные редколесья. Ни слушать гида, рассказывавшего что-то о заповеднике в десятке метров впереди, ни разглядывать птиц в зарослях было невозможно, поскольку нас всё время подгоняли и следили, чтобы никто не отклонился ни на шаг в сторону от тропинки. А закончилось всё банальным обедом в ресторане на большой лесной поляне.

На экскурсии в заповеднике Испании. Фото А.В. Давыгоры

Хорошо, что мы с Виталием Ветровым догадались тогда «заблудиться» в редколесьях из пробкового дуба, и пока остальные «раптологи» ждали в очереди положенный нам обед, мы еще долго искали гнезда голубых сорок, следили за необычными местными хохлатыми жаворонками, обитавшими среди редколесий, знакомились с эффектными красноголовыми сорокопутами, недавно вернувшимися с зимовки. А после этой экскурсии мы долго переживали за Лео Суреновича Степаняна, который отправился на нее без шляпы и обгорел за день на ярком весеннем солнце. И его голова несколько дней потом ярко «светилась», как у испанских сорокопутов.

Следующая наша экскурсия в национальный парк «Монфрагуе» оказалась значительно более результативной. Большая часть российских коллег, увлеченных А.Г. Сорокиным, В.В. Ивановским и А.В. Абуладзе, уехали в тот день за черными грифами в лесистые горы, но практически ничего там, кроме вина на холодном, заснеженном перевале, не увидели из-за налетевшего с Атлантики циклона. Я же решил, что более интересна будет поездка в сухое горное ущелье на реке Тахо, и мы вдвоем с В. Ветровым, с которым много путешествовали в последнее десятилетие также по Северскому Донцу в России, провели замечательный день,

посмотрев много новых ландшафтов и редких птиц. Орнитологический отчет об этой поездке в Испанию позже был опубликован, и с нашими наблюдениями за птицами можно более подробно познакомиться в специальной статье (Белик, 2012*).

Помимо орнитофауны, в Испании было очень много также интересных исторических и культурных памятников, которые тоже заслуживают особого внимания. Но это уже тема отдельного, специального разговора, и я ее здесь не касаюсь.

* * *

Средиземноморские ландшафты и их фауна давно привлекали мое пристальное внимание своей историей, генезисом и зоогеографическими связями. Поэтому я с большой надеждой отправлялся в 1998 году в другую южную страну – в Грецию. Но приземлившись в полдень 18 ноября в Афинах, наша небольшая российская делегация, приглашенная на «воркшоп» по тонкоклювому кроншнепу, получила возможность познакомиться в первый день лишь с историей Древней Греции – с величественным Акрополем, возвышавшимся над городом на вершине высокого холма, с Парфеноном, с развалинами громадного храма Зевса, с некоторыми музеями. Всё это с детства, со школы было у нас на слуху, поэтому оставить эти памятники без внимания было бы для нас кощунством. На память же об Афине и ее мудром сыче мы оставили себе по кусочку белого мрамора, который каждую неделю специально привозили машинами на площадь перед развалинами, чтобы туристы могли удовлетворять свою генетическую потребность в сувенирах, не разрушая сами храмы.

Афины. Акрополь и храм Зевса

* Белик В.П., 2012. Путевые заметки о птицах Испании – 1995 // Стрепет, т.10, вып.2.- С.53-66.

Тогда мы не спустились даже к теплому Эгейскому морю, надеясь покупаться в нем на обратном пути. Но на следующий день на Грецию обрушился мощный атлантический циклон с дождями, сильным ветром и резким похолоданием. И две поездки в дельту Эвроса (Марицы, по-болгарски) на поиски тонкоклювого кроншнепа не оставили из-за непогоды особых впечатлений. Мы увидели там лишь турецкие пограничные вышки, стоявшие вдали за рекой, да стаю розовых фламинго, прилетевших на зимовку из Турции и безучастно толпившихся на холодном ветру посредине открытого соленого озера.

Две короткие самостоятельные экскурсии в окрестностях г. Александрополиса на северо-востоке Греции, где проходил наш «воркшоп», позволили посмотреть также оливковые рощи, вернее – плантации, которых мы не видели в Испании. Эти рощи представляли собою обычные промышленные сады с широкими, распаханными междурядьями, и никаких рефугиумов для специфичных птиц классической «страны маслин» в них, очевидно же, не было. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов, начиналась их уборка, но спелые оливки оказались чрезвычайно горькими и без предварительной обработки совершенно не годились к употреблению.

На каменистых склонах холмов в Греции, как и в Испании, выпасались стада высокорослых, длинноногих овец и вредных коз, которые когда-то, по выражению Сократа, съели Элладу. В дельте Эвроса охотники и защитники природы культурно «делили» между собой мигрирующих и зимующих там птиц, периодически меняя границы заповедников и охотничьих угодий. Охотники несколько лет стреляли дичь на своих озерах, заодно приводя в порядок дороги к ним, каналы и шлюзы, расчищая водоемы, затем отдавали эти угодья под охрану, а сами начинали охоту и свой охотничий менеджмент на соседних заповедных землях, где к тому времени начинали концентрироваться охранявшиеся птицы. И всё там было как будто мирно: зимовали краснозобые казарки и редкие гуси-пискульки, до поры до времени регулярно останавливались на миграциях тонкоклювые кроншнепы. Теперь, правда, их на Земле не осталось… Говорят, вымерли…

Непривычным для нас оказалось почти полное отсутствие на субтропических побережьях Греции кедров и пальм, часто украшающих Черноморское побережье Кавказа и Крыма. Зато в ресторанах было очень много различных даров моря. Мы неоднократно пробовали в разном виде блюда из осьминогов, кальмаров, мидий, огромных креветок, разнообразных рыб, а также какие-то морские салаты, постоянно запивая всё это легкими сухими винами, которые в древнегреческих традициях обильно разбавляли водой. В таком виде эти вина, как выяснилось,

хорошо утоляли жажду, и подобные напитки из вин позже я иногда употреблял летом в жару у себя дома, в России.

В Греции мне довелось познакомиться с известным польским орнитологом Еугениушем Новаком, который активно собирал тогда материалы по тонкоклювому кроншнепу, надеясь найти его гнездовья в Сибири и сохранить этот вид от вымирания. Благодаря любезности Еугениуша я смог получить там монографию А. Греттона (Gretton, 1991) о современных поисках исчезавшего тонкоклювого кроншнепа, а также ксерокопии практически недоступных для нас в тот период трех статей В.Е. Ушакова (1912, 1916, 1925) из старых охотничьих журналов, в которых было описано единственное гнездовье тонкоклювого кроншнепа, найденное в начале XX века в Западной Сибири.

* * *

В небольшой курортный городок Бюзум на берегу Северного моря в Германии на ежегодную научную конференцию в октябре 1994 года собралось около 160 известных «куликологов» из 16 стран мира, в том числе 10 моих коллег из России и Украины во главе с П.С. Томковичем. Побережье Северного моря, по которому мы ходили, ездили и плавали в течение 7 дней, осталось в памяти, прежде всего, огромными скоплениями различных видов пролетных куликов, летевших из наших северных тундр на зимовку в теплые страны Европы и Африки, а также стаями черных и белощеких казарок, щипавших траву вместе с домашними гусями – порой на самих околицах хуторов, не обращая внимания на людей.

Эти казарки, пересекая границу Германии, в которой законы об охране природы блюлись неукоснительно, сразу же теряли осторожность перед человеком, которого в безлюдной северной тундре облетали за полкилометра, избегая его предательских выстрелов. Поэтому было весьма удивительно наблюдать на пастбищах, в нескольких метрах от дорог, этих обычно очень осторожных птиц, которые быстро усвоили политическую географию и юридические законы Европы. Симпатичные белощекие казарки кормились в основном на материке, на лугах польдеров, тогда как черные казарки в отливы улетали далеко в море – в поисках водорослей на отмелях, а во время приливов собирались на вечнозеленых лугах низменных морских островов.

Кулики же охотились, запасая необходимые энергетические ресурсы для дальнейшей миграции на юг, на обширнейших морских отмелях – ваттфледах, добывая там во время отливов морских червей – пескожилов и нереисов, а также выковыривали из грунта моллюсков, а во время приливов собирались на маленьких островах в огромные, необычайно плотные стаи и в течение 5-6 часов пережидали временные на-

воднения. На островках плечом к плечу сидели обычно сотни и тысячи куликов-сорок, малых веретенников, больших кроншнепов, различных песочников, тулесов и других птиц. А когда островки тоже уходили под воду, кулики дружно снимались и улетали куда-то далеко на польдеры.

На одной из экскурсий наша орнитологиня Е.А. Лебедева провела любопытный эксперимент, предложив всем участникам конференции самостоятельно подсчитать куликов-сорок, собравшихся в прилив на одном из небольших островков. В стае, как оказалось, было около 2700 птиц, причем точность подсчетов мало зависела от использовавшейся оптики (очки, бинокли, телескопы…) и методов учета (по головам, десятками, сотнями или глазомерно – сразу в целом). Интересно, однако, что наиболее точно подсчитали куликов немецкие орнитологи, а вот англичане, а также обаятельные орнитологини обычно старались завысить их численность. К тому же женщины и в учетах птиц оставались непостоянными, показав самый большой разброс своих результатов (M=3640±3242; n=5).

Незнакомое для меня зарубежное Северное море, на которое я попал, разумеется, впервые, оказалось очень необычным, неожиданным, совершенно несравнимым с нашими южными и дальневосточными морями. Поэтому хотелось бы рассказать о нем чуть подробнее.

Берег Северного моря вдоль Голландии, Германии и Дании опоясывали исключительно ровные, обширнейшие песчаные мелководья, тянувшиеся вдоль побережья полосой в несколько десятков километров шириной – так называемое Waddenzee, или Wattenmeer. Уже в XII-XIII веках отмели в Германии начали постепенно осушать, чтобы увеличить площадь обитаемой суши. Мелководья огораживали длинными высокими дамбами, со временем они обсыхали, и на бывшем дне моря вскоре развивались луга, а после рассоления плодородных морских грунтов, на этих польдерах начинали возделывать и сельскохозяйственные культуры. Но местами и сейчас на обвалованных землях, прорезанных многочисленными дренажными каналами, остались еще соленые марши (болота), солончаки, засоленные озера, на которых гнездится много пеганок, а также шилоклювки и другие южные галофильные виды птиц. 23 октября мы встретили там даже одиночного фламинго. Как выяснилось позже, на побережье Северного моря с 1986 года начали размножаться «сбежавшие» из зоопарков чилийские фламинго, один из которых, вероятно, и наблюдался нами.

Большая часть польдеров используется в настоящее время под пастбища, разделенные колючей проволокой на фермерские участки, в центре которых, в 1-2-3 км друг от друга, располагаются одинокие хутора с большими, двухэтажными деревянными особняками, иногда –

под тростниковыми крышами, сделанные в так называемом фризском стиле, по соседству с которыми стоят огромные сараи-ангары для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции. Морской климат с теплой зимой и влажным летом позволяет травам вегетировать на польдерах в течение всего года. При этом интенсивность выпаса домашнего скота на них в целом невелика, и поэтому пастбища всё время выглядят ярко-зелеными, давая возможность круглый год кормиться на зеленях не только коровам, лошадям и овцам, но и диким гусям, в массе прилетающим сюда на зимовку из Арктики.

Необвалованные участки Ваддензее, как и тысячи лет назад, два раза в сутки заливаются водой, а затем дважды столь же ритмично обсыхают во время отливов. Поэтому ритм жизнедеятельности многих морских животных, да и многих людей, связанных с морем, подчинен здесь не солнечным часам, а лунному графику, с которым согласуются приливы-отливы.

Северное море. Ваттфледы во время отлива.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D1%82%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B5#/media/File:Wadden_Sea_Wilhelmshaven.jpg

При отливах отмели Ваддензее выглядят как бескрайние асфальтовые площади после дождя, с небольшими лужицами поверх мелкой подводной ряби на песчаном дне. По довольно плотному грунту можно ходить в коротких сапожках, и на экскурсии 25 октября мы за 6 часов во время отлива медленным шагом прошли «по морю аки по суху» около 10 км – от берега до ближайшего большого острова Лангенесс, наблю-

дая за куликами-сороками, поедавшими моллюсков, за кормившимися тулесами, пеганками и другими птицами.

Всё дно моря было покрыто кучками экскрементов нереисов и пескожилов, прятавшихся в своих глубоких норках; вокруг лежали «кости» каракатиц, раковины мидий, сердцевидок, различных улиток, привлекавших куликов и уток. Здесь же по дну моря была проложена узкоколейка, соединявшая остров с материком, по которой можно было «плавать» даже во время приливов. А по каналам, проложенным к устьям рек, даже в отливы ходили паромы и другие суда. Здесь же держались стаи ярких гаг, добывавших глубоко на дне фарватеров своих излюбленных мидий.

Северо-Фризские острова, тянущиеся вдоль побережья Германии, в большинстве чуть возвышаются над уровнем моря и, как и польдеры, покрыты зелеными приморскими лугами. Местами на них поднимаются невысокие, насыпанные людьми холмы, на которых тоже ютятся небольшие хутора. Землю для этих холмов около 300 лет назад начали возить с материка в корзинах на лодках, чтобы обезопасить жилые и хозяйственные постройки от затопления во время сильных штормов. Ровные же, тугие ветры дуют здесь практически не стихая, и эта особенность климата на побережье Северного моря обусловила в последнее время строительство многочисленных ветровых электростанций, сменивших старые ветряные мельницы. Белые бетонные столбы высотой 20-30 метров с длинными белыми лопастями пропеллеров стоят возле всех городков и хуторов, обеспечивая их энергетическую автономность. И группы машущих крыльями ветряков выглядят издали необычайно живописным зрелищем, напоминая летящие стаи каких-то загадочных крупных птиц.

Постоянные ветры на побережье вызвали появление здесь также своеобразного развлечения – соревнований по запускам воздушных змеев. И на окраине Бюзума, на дамбах у моря, можно было постоянно видеть курортников-любителей со змеями самой разнообразной конструкции, размеров и окраски, которые целыми днями парили высоко над берегом на длинных шнурах. Однако холодные ветры, особенно в море, сильно затрудняли наши наблюдения и учеты птиц, и, например, без плотной, прорезиненной голландской штормовки, которую мне любезно уступил Женя Сыроечковский, я бы, наверное, не выжил на долгой экскурсии по удивительным ваттфледам.

На некоторых дальних, наветренных островах, как, например, на Амруме, помимо приморских лугов, узкими длинными грядами вдоль западного берега поднимаются также мощные песчаные дюны, поросшие местами сосновым лесом. А безлесные пески покрывали незнако-

мые мне густые, высокие своеобразные злаки-пескоукрепители (*Spartina* sp.). В дюнах было много нор диких кроликов, на лугах с тростниками вдоль каналов кормились, не обращая внимания на людей, парочки или полигамные группы ярких охотничьих фазанов. Но сырой западный ветер, гнавший на остров крутые волны и соленые брызги, по-прежнему мешал вести наблюдения. Благо, что в национальном парке «Ваддензее» в разных местах на островах находилось несколько научных станций, в которых можно было погреться, перекусить и переночевать, пользуясь услугами молодых парней, проходивших здесь вместо службы в армии обязательную альтернативную службу.

Между всеми хуторами по нешироким, чистым асфальтированным дорогам ходили такси, которых можно было вызывать по телефону, и с их помощью в любое время дня и ночи жители, курортники и гости Ваддензее могли быстро добираться в любое место острова. С материком все острова соединялись также комфортабельными паромами. И жизнь здесь в одиноких хуторах выглядела не намного отчужденнее, чем в крупных современных мегаполисах.

* * *

Осенью 1993 года на встрече в Испании Грэм Такер пригласил меня еще на один степной «воркшоп» – по дрофе, который был запланирован на май 1994 года в Венгрии, в г. Тисафюред. Дорога в Венгрию шла через родную Украину, Киев, Закарпатье; виз туда пока не требовалось, и я решил, что новый вояж может стать еще одной интересной, познавательной поездкой, на этот раз – для знакомства с Венгерскими пуштами. Тем более что там планировали быть также В.Е. Флинт и еще ряд российских коллег, занимавшихся охраной дроф.

Вечером 24 мая на вокзале в Киеве меня встретил Александр Пекло, мы взяли билет до Ужгорода и отправились к нему домой, где просидели за разговорами до полуночи. Жизнь в Киеве в те годы всеобщей «перестройки» была нелегкой; украинским интеллигентам приходилось с трудом выживать в «купонном» мире, и дополнительным подспорьем к их скудному рациону иногда служила даже миска пойманных днем на Днепре мелких рыбешек – горчаков, которых мы потрошили на кухне.

А через день в г. Чоп за Ужгородом Венгерскую границу мне пришлось пересекать рано утром на местном автобусе, заполненном торговками, которые постоянно возили в Венгрию сигареты на продажу, чтобы заработать хоть что-то на пропитание своих семей. Водитель тогда едва втиснул меня в салон автобуса уже лишь через свою дверь. Но вскоре украинские таможенники высадили с десяток пассажирок, «располневших» за счет контрабандных сигарет, спрятанных под юбка-

ми, в брюках, за пазухой, и в автобусе сразу стало просторнее. Кто-то из женщин сунул мне в пустые руки два «дозволенных» блока сигарет, тем самым заработав себе потом еще несколько тысяч форинтов.

На границе простояли более двух часов, пока украинские, а затем венгерские пограничники и таможенники проверяли документы и досматривали багаж. За это время рассвело, рассеялись тучи, и занимался прекрасный весенний день. У Тисы всё утро пели соловьи, подавал голос речной сверчок и другие птицы, поднимая настроение от удачного начала путешествия. Но всё было еще впереди…

В ближайшем венгерском г. Захонь я вскоре взял билет на электропоезд до Будапешта и уже в полдень был там на вокзале. Сначала ехал с попутчицей из Чопа, и мы долго разговаривали, выяснив случайно, что один из ее родственников, Зиновий Осипович Петрович, был орнитологом, работавшим в заповеднике на юге Украины. Но вскоре я остался один среди венгров, никто из которых русского языка не понимал, хотя мадьярский звучал на слух весьма сходно с нашим. На южных россиян были похожи в большинстве и сами венгры: смуглые, круглолицые, курносые, полноватые – настоящие «кубанские казаки». Нередко встречались также раскосые «половецкие» лица. В общем, было видно, что на облик местных народностей заметное влияние оказали степные кочевники древней Скифии. Подтверждали это и скифские курганы, изредка встречавшиеся среди пушты.

Сама пушта представляла собой обширную, почти полностью распаханную степную равнину, расположенную в плоской, просторной котловине среди гор, в Паннонской низменности, которую с севера на юг пересекает река Тиса, начинающаяся в Карпатах у Говерлы и Петроса, знакомых мне еще со школьных лет. Когда-то пушта была заболочена, засолена и использовалась кочевниками в основном под зимние пастбища. Но впоследствии равнину осушили, прорыв дренажные каналы, постепенно распахали, затем засадили полезащитными лесополосами, и сейчас она, в общем, чем-то напоминает наши Кубанские степи. Лишь в районе г. Дебрецен, где был создан Хортобадьский национальный парк, названный по имени небольшой реки Хортобадь и расположенного на ней одноименного села, еще сохранились большие массивы целины с овцами, кошарами, солончаками, болотами и степными озерами, преобразованными сейчас в заповедные пруды.

Пастбища пушты были покрыты типчаковыми и полынно-типчаковыми травостоями с голыми пятнами солонцов и солончаков, но в последние годы из-за увлажнения климата стали зарастать мезофильным лисохвостом и превращаться в луговые степи. Для водопоя овец во многих местах среди степи были вырыты глубокие колодцы, воду из

которых черпали с помощью «журавлей», и эти долговязые «птицы» до сих пор придают характерный облик всей Хортобадьской пуште. Настоящих же журавлей летом там замещают многочисленные белые аисты, гнездящиеся во всех сёлах на опорах ЛЭП, на вершинах которых для птиц устроены специальные платформы. Аисты кормились здесь насекомыми и грызунами в сухой пуште или на выкашивавшихся люцерновых полях, порой собираясь в скопления до 50-100 особей и принося сельскому хозяйству ощутимую пользу.

В Венгрии, в основном на полях, обитает также большая популяция дроф, но их численность по ряду причин продолжает сокращаться: с 2294 птиц в 1981 году до 1363 в 1990 году (Farago, 1993). Наиболее крупные группировки дроф сохранились в Девааньe на западе Венгрии (393 птицы) и в Хортобади (80 птиц). Для поддержания их поголовья здесь осуществлялась большая государственная программа по искусственному разведению, в том числе в Хортобади был создан специальный центр, в котором ежегодно инкубировали 40-50 яиц дроф, изъятых из гнезд, а перед самым вылуплением цыплят насиженные яйца возвращали в гнезда, в которых самки всё это время продолжали сидеть на искусственных муляжах. Тем самым резко снижалась гибель яиц от тракторов, хищников, метеорологических факторов и других причин.

Вот в этом-то центре, расположенном примерно в 10 км от Тисафюреда, и проводился «воркшоп» по сохранению европейских дроф.

Приехав днем 26 мая в Будапешт, я не увидел на вокзале ни встречающих, ни каких-либо указателей. Выяснив, что в столице есть еще один вокзал, отправляюсь туда, но и там – пустота. Мне не смогли ничем помочь ни милиционеры, ни справочное бюро. Мало того, что никто не говорил по-русски, но никто не смог прочесть и письмо-приглашение на английском. Иногда же создавалось впечатление, будто некоторые венгры вообще не хотели со мной разговаривать.

Достав из портфеля карманный Атлас Мира, я с трудом разыскал на нем маленький пуансон – венгерский Тисафюред, решив добираться туда самостоятельно в надежде, что хоть там жители что-то знают о международной орнитологической конференции. Доехав на электричке до г. Корцаг близ Дебрецена, я пересел на «кукушку» – маленький поезд о двух вагонах, ходивший по полевой одноколейке, и к вечеру был в Тисафюреде на берегу Тисы. Но и там все мои поиски и расспросы оказались безуспешными. Наконец, один из местных парней догадался, что мне нужна гостиница, где могли бы размещаться приезжие орнитологи, и отвел меня в крохотный пансионат на окраине городка.

Здесь, наконец, служащие отеля отнеслись ко мне с пониманием, разобрав, вероятно, слова «International Conference» в моем приглашении.

Мне принесли таблетку анальгина, поскольку приступы головной боли, начавшиеся еще днем, усилились к вечеру чуть ли не до рвоты. Затем по справочнику разыскали номер телефона своей знакомой учительницы, знавшей русский язык и к тому же интересовавшейся местными достопримечательностями и слышавшей о питомнике по инкубации яиц крупных степных птиц, расположенном недалеко от Тисафюреда.

Незнакомка уже по-венгерски объяснила служащим отеля, что же мне нужно, и как связаться с тем самым инкубатором. Затем они дозвонились в Питомник и сообщили, что к ним приехал гость из России. А еще через полчаса к отелю на Джипе подъехал Имре Фатер, руководитель питомника, немного говоривший по-русски, и мы на ломаном русско-немецком смогли, наконец, установить диалог. Выяснилось, что на совещание из России смогла приехать лишь одна «Джулия», великолепно владевшая английским языком, что теперь проблем в общении не будет, и что все рады моему приезду.

Вскоре мы были на месте – в маленьком хуторке-кемпинге у автотрассы на Дебрецен. На веранде сидели знакомые – Ганс-Питер Коллар и молодой венгерский орнитолог Шандор Фараго, с которым мы встречались в Испании. Из-за стола поднялась также девушка со знакомыми чертами лица, которую я видел, как оказалось, в 1991 г. на Орнитологической конференции в Витебске. Это и была «Джулия» Антончикова из Саратова, где она, после окончания университета, работала в нашем известном Дрофином питомнике вместе с В.Н. Мосейкиным.

У дрофиного центра в Хортобади с Юлией Антончиковой

Тут же меня познакомили с молодым студентом – любителем птиц из Болгарии Димитром Георгиевым, неплохо говорившим по-русски. С ним вместе мы оказались затем в одном гостиничном номере и еще несколько дней экскурсировали совместно в окрестностях Тисафюреда, по Тисе и Хортобади. Димитр был неплохим орнитологом и

надежным другом. Позже мы переписывались несколько лет, но затем связь с ним прервалась, и его нынешней судьбы я, к сожалению, не знаю.

А Юля вскоре после возвращения в Россию трагически погибла в Саратове. Но ее борьбу за сохранение поволжских дроф продолжил ее муж – орнитолог-любитель Саша Антончиков, взявший себе в память о Юле и ее фамилию. Так что дело Юлии живо на Волге до сих пор.

Утром 27 мая из Испании приехал Борхе Херединa, руководивший нашим «воркшопом», и началась его работа. В первый день мы обсуждали состояние популяций дрофы в отдельных странах Европы. Со своими докладами выступили представители Болгарии, Венгрии, Словакии, Австрии, Германии, Турции, Португалии, Испании. Мы с Юлией совместно представили материалы по распространению и численности дрофы в России и Украине, а затем Юля долго и эмоционально рассказывала о своей работе по учетам, охране и разведению дроф в Саратовской области.

Весь следующий день был посвящен обсуждению и корректировке Плана действий по сохранению дрофы в Европе, подготовленного Г.-П. Колларом. Сначала неоднократно возникали дискуссии, работа шла медленно, но когда наиболее сложные, общие организационные проблемы были решены, дело пошло быстрее. А по вечерам мы смотрели интереснейшие видеофильмы о дрофах в Испании и Венгрии с необычайно эффектными сценами их токования, спаривания и яростных схваток самцов. Затем в баре слушали скрипку и клавесин, смакуя донской бальзам и душистый «Orhej», привезенный мне однажды в подарок из Бессарабии молдавскими родственниками. Шаболч Надь выставил как-то на дегустацию также свой национальный венгерский напиток «севориум» – кристально чистый, сверкавший в рюмках, но издававший непередаваемый сивушный аромат. В итоге его смогли допить до конца только англичане, привыкшие у себя на родине, наверное, к своему традиционному ароматному Виски.

И у меня при воспоминаниях о Хортобади в памяти рефреном обычно всплывают строки знаменитого венгерского поэта Шандора Петёфи:

Хортобадьская шинкарка, ангел мой!
Ставь бутылку, выпей, душенька, со мной!
Я из Дебрецена в Хортобадь пришел,
Путь из Дебрецена в Хортобадь тяжел.

В последний день для нас организовали экскурсию на двух лендроверах в Хортобадьскую пушту, где мы нашли двух дроф, токовавших среди люцерны, и долго наблюдали за ними в бинокли и зрительные трубы с печенежского кургана. Потом осмотрели заповедные пруды-

озера с большими колониями колпиц и бакланов, в том числе малых. Увидели мы также пару малых подорликов, осоеда и небольшую колонию кобчиков в заброшенном грачевнике. Вообще же врановые птицы оказались в Венгрии настолько редкими, что пришлось обращаться за разъяснениями к Шандору Фараго.

По его словам, прежде в Венгрии гнездилось несколько десятков тысяч пар грачей. Но затем с ними начали борьбу, раскладывая у колоний вареные куриные яйца с каким-то токсином, как это делал когда-то Б.А. Нечаев в Нижнекундрюченском охотхозяйстве для уничтожения врановых птиц, и грачей вскоре удалось ликвидировать. За все дни я увидел в Венгрии лишь несколько одиночек и пар, две стайки из 9 и 12 птиц, а также стаю до 50 особей, паривших в небе над пуштой. Еще более редкой оказалась там ворона, встреченная лишь однажды, а сороки сохранились в основном у озер среди пушты, где они гнездились, вероятно, в тростниковых зарослях. В лесополосах же вдоль железной дороги на 200 км пути между Дебреценом и Будапештом было отмечено всего 9 встреч с сороками.

Следует сказать, однако, что в последующие годы врановые птицы начали исчезать также по всей Украине и на юге России, причем без каких-либо пестицидов и преследования со стороны человека. Поэтому и в Венгрии их численность могла быть лимитирована, помимо специальной борьбы, очевидно, также еще и какими-то естественными факторами?

* * *

Первая моя поездка в Европу состоялась в 1992 году – на IV Международную конференцию по хищным птицам в Берлине. Служебный загранпаспорт и визу на этот вояж друзья из Ростовского противочумного института помогли мне тогда оформить без каких-либо проблем через Министерство иностранных дел России. Добирались мы в Берлин втроем с А.М. Пекло и А.В. Босаком, сотрудником Киевского пединститута, расставшись в Киеве, к сожалению, с В.В. Ветровым, оставшимся без немецкой визы. Долго, с приключениями, ехали на поездах через Брест, Польшу, Варшаву. В Берлине большая делегация раптологов из стран СНГ, приглашенных организатором конференции доктором Б.-У. Мейбургом, была размещена в бывшей резиденции «Штази», находившейся в пригороде. И особых позитивных впечатлений от этой поездки, кроме встреч с мрачным Рейхстагом, с Бранденбургскими воротами и Берлинской стеной, практически не осталось.

Запомнились, правда, впервые увиденные, совершенно необычные тогда для нас роскошные мультимедийные презентации докладов некоторых немецких коллег. Поразил также уровень обобщений и глубина проработки фактических материалов в выступлениях многих

докладчиков. Удивили вяхири, гнездившиеся прямо в центре Берлина на подстриженных липах по Унтер-ден-Линден. Лишь значительно позже эти птицы начали постепенно проникать и в города Восточной Европы. Щемяще-тоскливыми были, наконец, встречи на Польско-Белорусской границе с мелкотравчатыми контрабандистами из нашей развалившейся Державы. После неудачных попыток выехать со своим товаром в «Европу», они были вынуждены иногда расставаться с ним прямо на вокзале. Высыпали на шпалы сигареты. Выпускали из чемоданов живых степных черепах. И очень печально выглядело стадо бронированных среднеазиатских рептилий, целую неделю ползавших в привокзальном сквере в Бресте, пока мы жили в гостях у «Штази»…

Чтобы немного отвлечь уставших читателей от моих пессимистических мыслей, хочу привести здесь также веселые, с добрым украинским юмором, воспоминания гениального Александра Михайловича Пекло о той поездке за рубеж, написанные им по моей просьбе за пару ночей через 20 лет после нашего первого «штурма» Берлина.

* * *

Я послал тезисы на это совещание, но ехать не хотел (у меня был заказан билет на самолет до Берлина), так как не получил подтверждения об оплате своего пребывания в Германии. И тут в мою квартиру в Киеве «ввалились мои коллеги» (В. Белик, В. Ветров и Александр Валерьянович Босак по кличке «Рыжая Мочалка» – большой специалист по телеметрии хищных птиц мира) и сказали, что завтра надо ехать, что якобы кто-то говорил накануне с В.Е. Флинтом, и он сказал, что все получат по 500 условных единиц (то ли $, то ли марок, то ли шекелей).

Моя жена начала жарить котлеты, варить яйца и паковать в сумку хлеб с колбасой и консервами, чтобы облегчить нашу жизнь на совещании, вроде не в развитой стране Германии, а в одном из ее концлагерей для советских орнитологов...

Все решили ехать железной дорогой через Брест и далее электричками через Польшу в Германию (кому-то сказал какой-то студент, что так надежно и очень дешево). В. Ветров, приехавший утром, вообще считал, что получит визу в Германию в 1 день и вечером уедет поездом в составе перечисленной компании на Брест. У меня билета на Брест не было. Но всё решилось само собой!

Ветров получил вместо визы отлуп, а его уже купленный билет до Бреста достался мне. В сборочном ажиотаже моя жена вынесла сумку с горячей снедью на балкон остывать, и о её отсутствии в наших руках мы узнали уже только на вокзале за 30 мин. до отправления поезда. На группу из трех «исследователей Европы» (Белик, Пекло, Босак) из еды остался только кусок вареного сала (от вареного окорока, мясо

с которого Босак съел дома) и 1 бутылка водки.

Четвертым в наше купе сел поляк Стефан (повар из Киевского ресторана «Киевская Русь»). Мы с Виктором по крайне мере пытались спать, в отличие от Босака и Стефана, которые пили всю ночь и трепались на польском. Утренний приезд в Брест мог отрезвить даже пьяного! От перрона до здания вокзала, чтобы купить билет до Варшавы, нельзя было даже пройти.

Это было время больших товарных перемещений, когда в Польшу, чтобы заработать какую-то копейку, наши люди пёрли космическобольшие оклумки и разнообразные сумки, заполненные томатной пастой, автомобильными ключами, батарейками, посудой, армейскими кальсонами и т.д. и т.п.

Стефан, будучи уже опытным в плане отъезда из этих сумасшедших пенат, со словами «Сейчас всё узнаем!» юркнул в камере хранения в окно для сдачи чемоданов и был таков. Пока мы решали, как проникнуть в зал вокзала с кассами, так же неожиданно из того же окна для чемоданов появился Стефан и сказал, что проезд на всех будет стоить 100 долларов (по 25 за каждого, при этом за него должны заплатить мы). Делать было нечего. Мы согласились! Какой-то мужичок из вокзальной семьи пригласил нас на польском в то же легендарное окно для чемоданов в камере хранения, и через некоторое время, пройдя какими-то лазами, мы вошли с ним в пустой зал с турникетами для пересечения государственной границы и посадки в польскую электричку, идущую на Варшаву. Мы заняли места у турникетов и стали ждать. Через некоторое время в зал через открывшиеся двери хлынул поток людей, рвущихся в Западную Европу. Пограничники посмотрели наши паспорта и пропустили. Было видно, что они знали о том, что мы отправляемся в Варшаву без билетов и по блату.

Потынявшись в валютном магазине Дьюти Фри и даже приняв по 50-100 граммов какого-то зарубежного спиртного пойла в буфете магазина, мы пошли на посадку в электричку. Сели в светлое красивое купе одного из вагонов электрички и... ПОЕХАЛИ В ВАРШАВУ! И вот наш поезд переехал мост через Западный Буг! Сзади остался Союз Советских Социалистических Республик, впереди – маячила Зарубежная Европа. На первой станции Бяла Подляска вышел Стефан со словами, что если билеты на этом отрезке пути не проверили – уже не проверят, и лучше их уже не покупать. Что мы и не стали делать!

За 3–4 станции до конечной (Варшава-центральная) в наше купе зашел контролер в форме, взял под козырек и попросил у нас билеты. Как Вы сами понимаете, мы испытали чувства героев Золотого теленка. Каждый из нас (который накануне говорил, что у него ничего нет!)

вывернул из своих карманов по жмене монет разных стран мира от злотых Польши до пфеннингов Германии, франков Швейцарии и Франции и драхм Греции. Все это было высыпано в ладони Босака (единственного из нас, владеющего польским языком). После чего он и контролер «любезно» были вытолканы нами из купе в коридор. В купе воцарилась полная тишина, о которой говорят: «Или Милиционер родился, или Ангел пролетел!». Нарушил ее Босак, голова которого с бегающими глазами всунулась в купе и произнесла: – «Нужно еще 10 долларов!». Получив нужную сумму, он опять исчез.

После он будет рассказывать о себе, как о великом телепате Вольфе Мессинге, которому в безвыходном положении удалось успокоить и удовлетворить денежные желания контролера. Приехав в Варшаву, он что-то буркнул и на весь день до вечера убежал домой к своим польским родственникам, а мы с Виктором пошли смотреть ближайшие от вокзала улицы Варшавы, ее люд, местных алкашей, живописную Вислу, домик Шопена и прочие достопримечательности. Потом пришли обратно в здание вокзала и, присев на одну из лавочек для отдыха, задремали. Наш сон был неожиданно нарушен каким-то польским бомжем, который вылез из-под нашей лавочки, увидев, что в урну рядом кто-то бросил наполовину съеденное мороженное. Он его вытащил оттуда, достал деревянную палочку-ложечку и, что-то бормоча себе под нос, полез обратно под нашу лавку, где его (О!!!) ожидала его любимая женщина, которую он стал кормить этим мороженным.

Вечером пришел Босак, мы долго решали, как будем ехать дальше (пересадными электричками) или ночным поездом Варшава – Берлин. Победил я, и мы на поезде поехали в Германию. Я с радостью думал, что хоть высплюсь с Виктором за двое суток! Как бы не так! Босак лег на кресла, упершись ногами в раздвижные двери купе (сделав их тем самым НЕРАЗДВИЖНЫМИ), и сразу уснул богатырским сном с таким же ЧУДОВИЩНО БОГАТЫРСКИМ ХРАПОМ! Мы с Виктором пытались дремать, тормошили богатыря-телеметриста, но до утра так и не сомкнули глаз.

Приехав утром на центральный железнодорожный вокзал Берлина, мы выглядели довольно замученными, в отличие от Свежей и Улыбающейся морды Рыжей Мочалки, который сразу же, выйдя из вагона, побежал звонить своему другу Павлику (ныне живущему в Берлине). Я пытался найти в здании вокзала какое-то объявление о нашем Совещании, рисовал в своем воображении автобус с немецкими коллегами, которые встречают опоздавших коллег из братских стран Социализма, но скоро понял, что всё мимо рота! И тут решительно начал действовать Виктор. Он, одетый в полевую штормовку цвета хаки, наперевес со сво-

ей сумкой бросился к какой-то местной женщине и громко спросил: – «Sprechen Sie Deutsch? (Говорите Вы по-немецки?)». Витя! Да они тут все говорят на немецком, серьезно ответил ему Босак, идущий от телефонной будки. Дальше друзья под руководством Саши Босака (ранее уже бывавшего в Берлине) пошли покупать билеты на шнельбанн (скоростная электричка), чтобы добраться до городка Эркнер, на окраине которого, на базе университета им. Александра Гумбольдта, и проходило собрание по хищным птицам и совам мира.

Купив билеты, мы стали ожидать шнельбанн. В связи с тем, что по одним и тем же путям на вокзале в Берлине идут и поезда, и шнельбанны, и составы метро, новичку трудно сориентироваться, какой состав твой. Поэтому мне, более-менее знающему немецкий, приходилось подходить во время остановки к каждому, открывать раздвижные двери и спрашивать: – «Этот поезд идет в Эркнер?». Подойдя так где-то к 5 составу и задав вопрос на немецком, мне ответили – на русском: – «Идет, идет, заходите». Мы быстро загрузились в вагон, и состав тронулся. Парень и девушка, ответившие мне на русском языке, оказались нашими немцами родом из Украины и Молдавии. Мы познакомились с ребятами, и время за интересной беседой пролетело очень быстро. Парень сказал, что Вы уже приехали. Это Эркнер. Потом через окно показал на площадь и сказал, что нам нужно сесть на 43 автобус и ехать им до конца. Это и будет база Университета им. Александра Гумбольдта. Мы так и сделали. Автобус подошел очень быстро, мы сели в него и поехали... Но! Во всех более-менее нормальных приключениях так просто ничего не бывает!!!

ОКАЗАЛОСЬ, что 43 автобус имеет 2 маршрута (короткий и длинный). Нам нужен был (как мы потом уже поняли) длинный, а мы сели в короткий. Через несколько минут нас высадили где-то на окраине этого городка у небольшого парка и заброшенного, полуразрушенного дома. Мы стояли втроем, прижавшись спинами друг к другу (чтобы было теплей), под холодным дождем, закрываясь от него единственным зонтиком, и представляли (а время было обеденное), как наши коллеги с конференции совсем рядом от нас сейчас поедают поросят с гречневой кашей, разнообразные колбасы, и всё это запивают светлым немецким пивом. Часа через 2 пришел долгожданный 43-й с длинного маршрута, и мы буквально за 10 минут доехали до его конечной остановки, где (СЛАВА ВСЕМ СВЯТЫМ!) нас встретили немцы из оргкомитета совещания и на микроавтобусе отвезли в университетский городок. Наше настроение стало сразу прекрасным, когда мы, выйдя из автобуса, увидели идущих с обеда наших коллег В.Е. Флинта, В.М. Галушина, Диму Нанкинова, Сашу Абуладзе, Толика Давыгору и других. Обменявшись

радостными приветствиями, мы пошли регистрироваться, еще не зная, что основные приключения еще ВПЕРЕДИ!

Я подошел в небольшой комнате, где проходила регистрация участников совещания, к жгучей блондинке и подал ей свое приглашение. Она посмотрела его, нашла меня в списках, сделала пометку и улыбнулась мне! Но, к сожалению, улыбкой даже такой красивой женщины, как она, невозможно даже в Германии оплатить проезды на транспорте, питание и проживание в отеле... Я улыбнулся ей тоже, извинился и объяснил ей, что я с Украины, и мне должны выплатить еще какие-то деньги. Она вспомнила про немецкий орднунг (порядок) и напомнила мне, что регистрация участников конференции закончилась 17 часов назад (то бишь вчера), и деньги незарегистрировавшихся участников отданы другим людям. В частности, наши деньги отданы болгарам, которых приехало больше запланированного. Мы все остолбенели! Мы в Германии, денег нет, платить за жилье нечем, и продуктов нет.

В голове перебираю кучу вариантов и ничего не могу придумать. И тут вспоминаю про своего старого друга Вольфганга Баумгарта (Берлинца и орнитолога), с которым я познакомился более 5 лет назад через его сына, который учился в Институте народного хозяйства в Киеве, но никогда его не видел. Подхожу к Флинту – он его не знает, подхожу к немцам – они показывают, где его можно найти. Иду туда, представляюсь ему и рассказываю в подробностях (благо, он в совершенстве знает русский) о нашей проблеме. Выслушав меня, улыбаясь, он попросил нас подождать его в комнате регистрации, и сказал, что сейчас будет искать Мейбурга – президента конференции (стоматолога и любителя хищных птиц, который практически на свои деньги и организовал это совещание).

Где-то через полчаса Вольфганг вернулся с каким-то солидным немцем и представил ему нас. Мейбург поздоровался с нами, сказал, что все проблемы решаемы, и пошел в комнату регистраций к жгучей блондинке. Начал ей что-то говорить. Мы стали прислушиваться, стараясь понять, о чем они говорят. Блондинка открыла сейф, стоявший за ее спиной, и показала Мейбургу, что он пуст. Мейбург, поняв, что мы понимаем немецкий, перешел на английский, а потом просто закрыл дверь в комнату и остался с блондинкой наедине. Через пару минут он вышел к нам навстречу, улыбнулся, сказал битте, кайн проблем (пожалуйста, нет проблем!) и быстро удалился по своим делам. Блондинка из комнаты позвала нас к себе, открыла ранее пустой сейф, и мы увидели на одной из его полок пачку марок.

Триумф в наших душах пробудился мгновенно. Жизнь стала снова прекрасна и удивительна. Каждому из нас выдали по 400 марок, но тут же стали их забирать (уплата регистрационного взноса конференции,

оплата проживания, питания, экскурсий и так далее). Первым «разделили» Виктора! Только что человек был состоятелен и тут же стал гол, как сокол! Кроме того, его одного поселили в каком-то корпусе за лесом, далеко от основных корпусов, где проживали все члены совещания. Нет! Подумал я, так дело не пойдет. Я получил свои деньги, заплатил регистрационный взнос, а от всех благ и питания отказался. Конечно тяжело, но я продолжал оставаться состоятельным человеком, который может купить себе хорошую книгу о птицах и привезти домой подарки родным.

Я вышел из регистрационного пункта, придумывая, где жить и чем питаться, и тут увидел идущего болгарского коллегу Диму Нанкинова. Остановил его, объяснил ситуацию, да так настойчиво, что тут же Димой и другими болгарами был приглашен на проживание в их двухкомнатный номер, где мне был торжественно выделен для сна письменный стол (подушкой все дни конференции служил мне мой пластиковый дипломат). Поняв, что я умираю от голода, кто-то, уже не помню кто, подарил мне полукилограммовую банку свиной ветчины. Живем, с улыбкой подумал я и пошел поселяться к болгарам.

Весть о том, что Пекло остался без средств к существованию и голодает, облетела по «орнитологическому телефону» всех участников совещания из Советского Союза, и на следующий день мне в номер к болгарам все стали приносить еду. Цепочка людей шла из столовой ко мне в номер, выгружала из напузных сумок кто котлету, кто банан, кто кусок сыра, и потом шла по своим делам. Я НЕ УМЕР С ГОЛОДА! Хотя некоторые участники (не из нашей группы), не оплатившие питание, каждый день ходили в столовую и ели от пуза. Это заметили немцы. Несколько раз они приглашали меня в столовую, но мой категорический отказ сыграл мне только на пользу. Они по-человечески стали меня уважать!

* * *

Другой же мой визит в Центральную Европу – в Вену в августе 1994 года, на XXI Международный орнитологический конгресс, – больше всего запомнился мне в основном длительной, нервной борьбой за получение Австрийской визы, дававшей разрешение на выезд за границу. При этом мне удалось реализовать, наверное, один шанс из ста, что до сих пор вспоминается как мое высшее «спортивное» достижение! И поездка получилась важной во всех отношениях.

В тот раз я попытался оформить визу через посредническую фирму, занимавшуюся подготовкой таких разрешений, заранее сдал документы, но когда через две недели приехал в Москву, то оказалось, что в визе отказано из-за отсутствия одной справки. Пришлось самому

встать в длинную очередь к Австрийскому консульству, в котором из-за переезда на новое место и каких-то внутренних неурядиц прекратили прием всех документов. Время шло, а достучаться в закрытые ворота не получалось.

На следующий день, уже после отъезда в Вену всех московских коллег, я уж собрался, было, не солоно хлебавши, возвращаться домой, но всё же решил еще раз посетить консульство. И здесь в очереди неожиданно заметил невысокого монголоида с таким же, как у меня, приглашением в руках. Решив, что это кто-то из незнакомых мне среднеазиатских орнитологов, я подошел к нему, и тут выяснилось, что это действительно монгол – Д. Батдэлгэр, который недавно приехал на поезде в Москву и тоже не может получить визу в Австрию на Орнитологический конгресс.

Батдэлгэр был фактически моим ровесником, чуть помоложе. С 1980 г. он работал в экспедициях по Монголии с известными московскими орнитологами А.А. Кищинским, В.Е. Фоминым, Б.М. Звоновым. Но с 1988 г. из-за отсутствия средств научные исследования там резко сократились, и Батдэлгэру пришлось переключиться на изучение птиц сельскохозяйственных ландшафтов, выезжая в окрестности Улан-Батора на поезде. Его руководитель – А. Болд из Монгольской Академии наук, по словам Батдэлгэра, сам в поле уже почти не работал, на конференции не ездил и не особенно поддерживал инициативы своих сотрудников. Батдэлгэр же в последние годы – или на собственные сбережения, или на гранты организаторов – неоднократно выезжал за рубеж, пытаясь поднять свой научный рейтинг. Так он попал и в Москву, получив приглашение на свое имя, поскольку его именитых соавторов в Вену не пригласили.

Батдэлгэр, как и многие потомки Чингисхана, оказался очень верным, надежным, преданным другом. И мы вдвоем с ним смогли преодолеть потом все препоны на пути в Вену. Позже некоторое время мы поддерживали связь друг с другом, я следил за его научными успехами и дальнейшими приключениями во время поездок за границу, но затем связь, к сожалению, прервалась, и лишь недавно я узнал, что он умер в начале XXI века.

В Москве же я порекомендовал Батдэлгэру обратиться за помощью к монгольским дипломатам. И вот через час мы уже на «Смоленской», свободно ходим по пустому, никем не охраняемому и совершенно открытому Посольству Монголии. По просьбе Батдэлгэра консул быстро, правда – почему-то на русском языке, подготовил для него дипломатическую ноту в Австрийское консульство. И там нам, наконец, улыбнулось счастье: к воротам случайно вышел сам консул с перево-

дчицей, и мы смогли объяснить ему все наши проблемы. Он принял документы монгола, а заодно и мои, и нам в порядке исключения выдали приглашения в Австрийское консульство на следующий день за визами.

С утра 19 августа – я на Киевском вокзале в ожидании свободных билетов на поезд № 15 Москва – Будапешт «Тиса». Здесь вновь удача: освобождаются два забронированных кем-то места в СВ, и я беру их для себя и Батдэлгэра. Днем, в 15 часов, мы благополучно получаем долгожданные визы, и прямо из консульства отправляемся на вокзал. Но там новая проблема: монгола не пропускают по российскому билету в вагон. Иностранцам, оказывается, нужно брать специальный билет, очевидно значительно более дорогой. И лишь после моих долгих переговоров с проводником и начальником поезда, получив бакшиш, они впустили Батдэлгэра в наш вагон.

На XXI Международный орнитологический конгресс мы приехали поздно вечером 21 августа, к сожалению, опоздав на его открытие, когда в Президиум Конгресса выходил сам Эрнст Майр – автор фундаментальной книги «Зоологический вид и эволюция» – дальнейшего развития знаменитого труда Ч. Дарвина «Происхождение видов».

Зарегистрировавшись в Секретариате Конгресса, монгол, а заодно и я получаем «вид на жительство» в частной квартире геолога А. Боссева, уехавшего в отпуск на отдых в Пиренеи, а свое жилье предоставившего в безвозмездное пользование малообеспеченным гостям Конгресса из более восточных стран. У подъезда трехэтажного здания нас встречает сестра хозяина квартиры – хорошо говорившая по-русски полячка Марина, которая, по ее словам, собиралась в ближайшее время в Россию, в Магадан, на морскую биологическую станцию, и поэтому специально изучала русский язык. Она приносит нам постельное белье, воду, сахар и шоколад на ужин. И мы, наконец, можем немного перевести дух.

Двухкомнатная квартира, на взгляд требовательного российского бюргера, была, правда, необычайно убогая. Кроме стен, дивана, проигрывателя и полки с пластинками – практически ничего нет. Здесь только ночуют. Работают – на работе. Обедают – в кафе или ресторане. А дома можно немного расслабиться под любимую музыку Моцарта или Штрауса. Но утром в понедельник наша дорогая Марина вновь на пороге – с завтраком и даже с совершенно неожиданным презентом: 1000 форинтов на карманные расходы!

После этого началась наша рабочая неделя на XXI Международном орнитологическом конгрессе, полная интересных встреч, знакомств, разговоров, презентаций, экскурсий, купания в Дунае и вечерних застолий… Кроме напряженной программы с массой различных

симпозиумов и круглых столов, посвященных орнитогеографии, пестицидному загрязнению, проблемам орнитологии в Восточной Европе, изучению хищных птиц и др. – я много общался с В.Е. Флинтом, достойно выдержав его ночной тест с «Виски». Мы неоднократно ходили с ним по музеям, вдвоем бродили по городу у Дуная, знакомились с красивейшими венскими дворцами, с неповторимой, покрытой древней патиной Стефании-Домкирхой, говорили о жизни, истории, наших российских орнитологических проблемах.

В компании с нашим талантливым этологом Е.Н. Пановым, слегка полысевшим, согнувшимся за те 15 лет, что мы не виделись, но таким же энергичным и навязчивым, мы долго дискутировали об аналогиях в поведении человека и животных. Евгений Николаевич пытался, по-видимому, прояснить для себя некоторые вопросы зоопсихологии, разрабатывавшиеся в Австрии Конрадом Лоренцом и другими европейскими этологами, которые позже популярно изложил в своей известной книге «Непослушное дитя биосферы» В.Р. Дольник.

Вместе с В.М. Галушиным обсудили предстоявший двухлетний проект по инвентаризации гнездовий орла-могильника в России, финансирование которого планировалось со стороны европейских коллег-раптологов. В.М. Константинов, наш авторитетнейший руководитель Рабочей группы по врановым птицам, который недавно был избран в состав Совета ВАК, специально привез для меня автореферат своей диссертации, и мы коснулись с ним некоторых планов моей подготовки к защите. Хотя до нее оставалось еще более 4 лет…

* * *

Собственно, этой основной цели и были посвящены все мои многочисленные поездки на Конгрессы, конференции, совещания и т.п. Только на них, в дискуссиях с известными, авторитетными орнитологами можно было оттачивать свои идеи, обсуждать различные гипотезы, проверять выводы. Встречи с коллегами за рубежом одновременно открывали для меня и двери в Европу. В 1994 году я принял участие в подготовке своеобразной «Красной книги Европы» (Birds in Europe: their conservation status), в которой сделал описания двух наших степных видов птиц – степной тиркушки и кречетки. А затем, работая над Атласом гнездящихся птиц Европы (1997), мне пришлось обобщать материалы уже по 7 видам (орел-карлик, стрепет, степная и луговая тиркушки, каспийский зуек, зеленая щурка, желчная овсянка), причем редакторы поручали обрабатывать некоторые виды сразу нескольким авторам, чтобы мы могли ближе познакомиться друг с другом.

Интересно также отметить, что при обсуждении географических рубежей региона, который должен был охватить этот Атлас на востоке,

редакторы обращались ко мне за консультациями, и именно тогда удалось обосновать и настоять на необходимости включения в условные границы «Европы» трех закавказских республик – Грузии, Армении и Азербайджана, которые в предыдущем издании «Птиц Европы» (1994) не рассматривались. И вот ныне, в 2015 году, в Азербайджане проводятся уже первые Европейские Олимпийские игры!

Тогда же, в 1990-е годы, приходилось апеллировать и к общности орнитофауны Кавказа, и к религиозным мотивам, и к «асимметрии» границ Европы, в которую включали почему-то всю Турцию, но исключали Малый Кавказ, Закавказье. Хотя тогда мне хотелось, прежде всего, «не потерять» эти смежные с Южной Россией регионы на фаунистической карте, иметь оттуда свежую орнитологическую информацию, что позже в значительной мере оправдало мои надежды.

Кроме того, во время различных зарубежных поездок пополнялся мой багаж знаний, касающихся региональных ландшафтов и фаун, специальной литературы, методов и условий работы; на встречах завязывались новые знакомства с коллегами, обсуждались планы совместных исследований и др. Поскольку у нас в России из-за экономического кризиса в начале 1990-х годов такие встречи приостановились, поэтому и пришлось посещать зарубежные форумы.

Кроме Западной Европы, я неоднократно выезжал на очень интересные, плодотворные совещания Азово-Черноморской орнитологической рабочей группы на юге Украины, на встречи Рабочей группы по изучению и охране птиц бассейна Северского Донца в Донецке, Харькове и Луганске, на конференции Украинского товарищества охраны птиц (УТОП), членом которого состоял.

В начале 1993 года В.Е. Флинту удалось создать также Союз охраны птиц России (СОПР), который впоследствии способствовал эффективному объединению наших российских орнитологов, активизации полевых исследований, нашим регулярным встречам на конференциях, совещаниях и семинарах. Региональное отделение СОПР было организовано в мае 1995 г. и в Ростове, а в 1997 г. я подготовил его первый информационный бюллетень «Стрепет», надеясь со временем превратить его в специализированный научный журнал. К сожалению, это удалось осуществить лишь значительно позже, после юбилейной конференции 2002 года в Тебердинском заповеднике, где был официально учрежден журнал «Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики», начавший выходить со следующего 2003 года.

Кроме того, в Ставрополе в 1991 году Александр Николаевич Хохлов организовал издание ежегодника «Кавказский орнитологический вестник», на страницах которого тогда были опубликованы неко-

торые мои проблемные статьи по фауногенезу, орнитогеографии и другим вопросам. Затем начали выходить еще два солидных периодических орнитологических издания на Украине – «Беркут» с 1992 г. и «Бранта» с 1998 г., в редактировании и сотрудничестве с которыми приходилось принимать участие и мне.

В 1998 и 1999 гг., после длительного перерыва, благодаря энергичным усилиям А.Н. Хохлова и В.А. Тельпова, в Кисловодске были проведены две крупные международные конференции по хищным птицам и врановым Северной Евразии, возобновившие традицию наших регулярных научных форумов. В 2001 году в Казани состоялась, наконец, XI Международная орнитологическая конференция Северной Евразии, наследовавшая череду Всесоюзных орнитологических конференций. А затем уже все наши проблемы со своевременной презентацией своих оригинальных материалов, идей и гипотез в журналах и на конференциях в России окончательно исчезли.

Помимо собственных исследований в Ростовской области по программе Европейского орнитологического атласа, о которой речь шла ранее, во второй половине 1990-х годов начались также различные экспедиционные проекты под эгидой СОПР: «Инвентаризация гнездовий орла-могильника в России», «Поиски гнездовий тонкоклювого кроншнепа», «Инвентаризация и мониторинг Ключевых орнитологических территорий России», а также масштабные учеты коростеля, поиски вертлявой камышевки и другие, во многих из которых мне пришлось принимать самое непосредственное участие.

В итоге был собран, на мой взгляд, вполне репрезентативный материал для фундаментальных обобщений по орнитофауне степного Придонья, и в середине 1990-х годов я занялся их оформлением в виде докторской диссертации. Моим консультантом согласился быть Л.С. Степанян, с которым мы регулярно встречались, обсуждая свои научные проблемы, во время моих периодических визитов в Москву. Лео Суренович рекомендовал мне проведение защиты в головном научном экологическом учреждении России – Институте проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН в Москве, в диссертационном совете академика Е.Е. Сыроечковского, специализирующемся на охране природы и рациональном природопользовании. Эти вопросы в итоге были вынесены и в заголовок диссертации.

Оппонировать работу я попросил В.Е. Флинта, который с удовольствием согласился взяться за ее рецензирование. Он же предложил и кандидатуру второго оппонента – нашего авторитетного орнитолога Р.Л. Беме, знакомого и с фауной Южной России, и с орнитогеографией Палеарктики, которые анализировались в моей диссертации.

В самом конце 1997 года, во время одной из конференций, организованных в Москве Союзом охраны птиц России, я созвонился с Е.Е. Сыроечковским и получил разрешение на визит к нему домой. Помню долгую дорогу из МПГУ, где мы работали, и долгие поиски дома в холодном, промозглом городе. Пришлось извиняться за невольное опоздание, а потом ждать, пока Е.Е. Сыроечковский и Э.В. Рогачева завершали какую-то совместную работу, начатую в мое отсутствие. Но беседа с Евгением Евгеньевичем о моей диссертации, о ее содержании и результатах прошла в доброжелательном ключе. В итоге было дано согласие на защиту в совете ИПЭЭ РАН. Затем Е.Е. Сыроечковский порекомендовал также взять мне консультантом Э.В. Рогачеву. Однако позже, после обсуждения этого вопроса с Л.С. Степаняном, я настоял, чтобы соискателю, учитывая значительную разноплановость моей работы, разрешили всё же иметь двух консультантов: докторов наук Э.В. Рогачеву и Л.С. Степаняна.

Беседа с В.Е. Флинтом в кулуарах конференции

На апрель 1998 года была назначена предзащита, т.е. внутренняя защита диссертации в Лаборатории экологических основ охраны экосистем и управления популяциями животных, которой руководил Е.Е. Сыроечковский. Я привез в Москву все документы, свой толстый «кирпич», два десятка рисунков и таблиц, едва разместившихся в небольшом зале особняка на ул. Вавилова, 41, где находилась лаборатория Е.Е. Сыроечковского. Зал, на удивление, был переполнен не только сотрудниками лаборатории, интересовавшимися результатами моей работы. На предзащиту пришли также многие известные московские и приезжие орнитологи, среди которых помню Ф.Р. Штильмарка, Е.В. Ротшильда, Н.Н. Поливанову, В.А. Зубакина, А.Л. Мищенко, Е.А. Лебедеву и др.

После моего регламентированного выступления было задано много вопросов, кроме того, прозвучал ряд рекомендаций по поводу улучшения структуры доклада, по расширению спектра настенных ил-

люстраций, и опять пришлось корректировать название работы, в частности – наименование региона, который охватывали мои исследования. Л.С. Степанян, которому было поручено предварительное ознакомление с диссертацией, однозначно одобрил ее без каких-либо замечаний. Хотя какие-то вопросы у него, я полагаю, и были, но он, очевидно, мудро считал, что каждый исследователь имеет право на собственное мнение.

В итоге диссертация была рекомендована к защите. Ведущим учреждением предложили Московский государственный педагогический университет, а официальными оппонентами – В.Е. Флинта из ВНИИприроды, Г.Н. Симкина из МГУ и В.М. Поливанова из Тебердинского заповедника. Предварительно назначили дату защиты на декабрь 1998 г. Позже, однако, в ходе обычных в подобных случаях перетасовок в календаре работы диссертационного совета, ее сдвинули на февраль 1999 г., что позволило мне более обстоятельно подготовиться к штурму своей второй высоты.

Защита состоялась 17 февраля 1999 г. в ИПЭЭ РАН на пр. Ленина, 33. Большой актовый зал, высоким амфитеатром окружавший стол Председателя и трибуну, был заполнен почти доверху. На стенах разместилось уже более 30 таблиц и рисунков, пронумерованных теперь в сквозном порядке. Я уложился в отведенные мне регламентом 30 минут, ответил на многочисленные вопросы…

Дать объективную оценку своей работе мне самому трудно. Быть может, лучше сослаться на слова оппонентов. Наиболее детальный и развернутый анализ диссертации сделал, на мой взгляд, Г.Н. Симкин, с которым я лично практически не был знаком. Отзыв был написан в присущем Геннадию Николаевичу своеобразном эмоциональном стиле, и поэтому я приведу его здесь в несколько сокращенном объеме.

* * *

Докторский уровень рецензируемой диссертации определяется тремя фундаментальными проблемами, представленными к защите: 1) весьма объемистым и детальным анализом современного состояния фауны и населения птиц степного Придонья, 2) анализом исторических и зоогеографических связей фауны птиц с крупнейшими фауногенетическими комплексами Европейского сектора Палеарктики и 3) анализом путей формирования авифауны Придонья. Заключительные разделы диссертации посвящены вопросам мониторинга и прогнозирования возможных изменений структуры и феноменов динамики авифауны в ближайшие десятилетия.

Хотелось бы сразу отметить, что по тщательности сбора и обработки материалов, развития основных теоретических построений, во многих случаях далеко выходящих за границы и концептуальные ранги

изучаемых регионов, рецензируемая диссертация, на наш взгляд, заслуживает не только высокой оценки, но может быть охарактеризована как своего рода эталон современных работ зоогеографического и, что самое важное, фауногенетического плана.

Лично для меня эта работа стала убедительным свидетельством ошибочности широко распространенного в наши дни взгляда на узкорегиональные зоогеографические исследования как в принципе неприемлемую тематику для диссертаций докторского уровня. Рецензируемая работа прямо наоборот свидетельствует о том, что профессиональное мастерство, высокий уровень теоретических обобщений и практическая глубина видения проблемы именно такие ограниченные территории способна превращать в региональные модели высокой общенаучной и практической ценности.

Мне кажется, что публикация этой диссертации в виде монографии может стать событием исторического значения и даже воодушевляющим примером для молодых исследователей нашего времени. Весьма впечатляет и огромный (кажется более 200 наименований) список публикаций автора – случай беспрецедентный в моей практике рецензирования докторских диссертаций. […].

Первые три раздела работы: Природа степного Придонья как среда обитания птиц и Характеристика современного состояния фауны, основаны не только на огромном материале, но и по тщательности его изложения, осмысления и оценки с полным основанием могут быть отнесены к лучшим образцам научного творчества. Каждый из 11 разделов этой части: история освоения степного Придонья, антропогенное преобразование природной среды, экологические особенности ландшафтов, изученность региона, характеристика авифауны, биотопическое распределение и экологическая структура, сезонные аспекты, летнее население птиц по основным ландшафтам, кадастровая оценка численности выполнены с такой степенью насыщенности, в сущности, филигранной глубиной и продуманностью, что с полным правом могут быть оценены как законченные миниатюрные монографии высокого профессионального уровня. В каждом из разделов даже искушенный читатель найдет немало новых ценных и неожиданных данных.

Высокой оценки, на наш взгляд, заслуживает библиографическая культура автора. Как правило, безукоризненное знание текстов, конкретное и глубокое осмысление прочитанного и точное безукоризненное цитирование используемых источников. […].

Методологической основой 4-го, одного из важнейших разделов диссертации: «Зоогеографические связи и районирование Придонья» является концепция типов авифаун, разработана Б.К. Штегманом в 1938 г.

На мой взгляд, автор до тонкостей разобрался в сложной и часто недостаточно ясно излагаемой в основополагающих и сопредельных работах проблематике. Имея дело в основном с двумя типами авифаун Средиземноморским и Европейским, автор с завидной настойчивостью упорядочил немало противоречий в позициях других исследователей, в частности, выступавших против выделения Средиземноморского типа авифауны и фаун вообще.

Вслед за Е.В. Козловой диссертант разрабатывает ключевые вопросы дискретного фауногенетического и экогенетического анализа макротипологических группировок Б.К. Штегмана. Наиболее методологически весомым мы считаем два принципиальных момента: введение и разработку понятия фауногенетического пласта и фактически углубленное решение проблемы фауны Тетиса, только намеченной работами Б.К. Штегмана. […].

Очень насыщена фактическим материалом, идеями 5 глава «Пути формирования авифауны Подонья» (Подонье мне больше нравится, чем Придонье). На мой взгляд, блистательно собрана и обработана автором старая и новейшая литература палеогеографии и палеоклиматологии. История ландшафтов Европы рассматривается с завидной детальностью и взвешенностью фактов и ключевых этапов фауногенеза. Несколько неожиданной на первых порах кажется предлагаемая автором классификация фаунистических пластов. Вслед за Зозулиным и Лавренко автор выделяет реликтовый, ортоселекционный, трансформационный и миграционный пласты авифауногенеза изученной территории и распределяет по этим пластам намеченные им фаунистические комплексы.

Эта находка автора кажется нам весьма весомым вкладом в современную общую теорию фауногенеза. Ее практическое воплощение через сложные группировки видов представляется нам серьезным интеллектуальным ароморфозом, а не простым заимствованием идеи из области сопряженных наук. Не менее значительна и хронологическая привязка как самих пластов, так и их фаунистических комплексов. Естественно, что для взвешенного, серьезного анализа новой концепции автора потребуется немалое время и силы, но вводимые категории пластов по первому счету шокируют возможными тайнами и механизмами своего формирования. Их интеллектуальная теоретическая значимость может оказаться явлением универсальной значимости, открывающим новые пути в познание общих закономерностей и принципов фауно- и экоценогенезов.

С большим интересом прочитана мною глава антропогенного преобразования фауны, не столько насыщенная, сколько перенасыщенная конкретным фактическим материалом, во многих случаях неожи-

данным и уникальным. Покоряют своей неожиданностью, остротой группировки богатого фактического материала и смелых идей такие интереснейшие разделы, как «Спонтанный фауногенез текущего времени» и «Перспективы дальнейшего развития авифауны Придонья». Пожалуй, за всю немалую практику оппонирования диссертаций, в том числе и докторских, мне не приходилось держать в руках рукописи с такой неимоверной концентрацией фактического материала, изобилующего новизной, детальностью, конкретностью фактов и профессиональным изяществом мысли. […].

Оценивая работу в целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть ее высокий профессиональный уровень, фундаментальный характер общебиологического значения. По многоплановости постановки проблемы, тщательности ее проработки, далеко выходящим, на наш взгляд, за пределы полновесных докторских диссертаций последних лет, работа может стать заметным событием в отечественной зоогеографии и фаунистике. Она, как мне кажется, представляет собой весьма перспективную воодушевляющую модель для будущих разработок аналогичного плана. Необходима ее скорейшая публикация в виде полной монографии. […].

* * *

За этими красивыми эпитетами и метафорами Г.Н. Симкина не сразу можно разглядеть многолетний, порою довольно изнурительный полевой и камеральный труд по сбору и обработке материалов для диссертации. Дело в том, что орнитофауна степного Придонья, представляющего собой весьма обширный (более 100 тыс. кв. км, т.е. почти как вся Болгария!) и очень сильно освоенный агропромышленный регион России, вплоть до конца XX века была исследована сравнительно слабо. Несмотря на 200-летнюю историю ее изучения, отсутствовал даже простой, инвентарный видовой список птиц Ростовской области, а сведения о распространении и относительной численности касались представителей лишь нескольких таксономических групп, имеющих какое-то хозяйственное значение: веслоногих, голенастых, гусеобразных, чаек, куликов и ряда других.

При этом следует также иметь в виду, что фауна, всё биоразнообразие степных экосистем Южной России, вовлеченных человеком в хозяйственное использование одними из первых, испытали на себе чрезвычайно сильное антропогенное воздействие. Причем кардинальные, весьма глубокие и быстрые перестройки в биоценозах степной зоны продолжались весь XX век. И особенно чувствительными к антропогенным изменениям окружающей среды оказались птицы, уязвимые виды которых быстро сокращали ареалы и исчезали на трансформированных территориях, а экологически пластичные, наоборот, резко увеличивали

численность и расселялись в новых подходящих районах.

Поэтому для организации эффективной охраны редких птиц, для рационального использования промысловых видов, для регулирования популяций вредных животных были совершенно необходимы точные данные об их видовом составе и распространении, абсолютной численности, экологии и фенологии. И без постоянного изучения орнитофауны, без выяснения динамики численности и ареалов всех птиц, без своевременного выявления видов, нуждающихся в особой защите, эффективное осуществление охраны, использования и управления популяциями птиц оказывается серьезно затруднено или невозможно вовсе.

Динамика фауны и населения птиц, являющихся одной из наиболее изученных и доступных для наблюдения групп животного мира, служит также достаточно надежным индикатором состояния природных экосистем. Кроме того, постоянный мониторинг популяций птиц позволяет своевременно выявлять лимитирующие факторы, воздействующие на отдельные виды и сообщества в целом. А это является одним из важнейших условий разработки грамотной стратегии по сохранению уязвимых видов. Точные эколого-фаунистические данные необходимы, наконец, для успешного проведения различных зоогеографических, таксономических, эпизоотологических и других исследований в природе.

Наряду с обобщением фактических сведений о распространении, численности и экологии птиц, т.е. сбором кадастровой информации для различных природопользователей и природоохранных организаций, важное значение имеет также выяснение всех особенностей структуры и закономерностей территориального размещения различных орнитокомплексов в складывающихся ныне условиях. Это позволяет понять механизмы фауногенеза, давать его научные прогнозы и целенаправленно воздействовать на эти процессы в хозяйственных и культурных целях.

Таким образом, предо мною стояли задачи, связанные не только с изучением распространения птиц, но и с установлением их численности и мест локализации, с выявлением всех видов, нуждающихся в особой охране, а также с выяснением естественных и антропогенных факторов, лимитирующих распространение различных видов птиц.

Анализ всех этих сложных эколого-географических вопросов, предпринятый мною в диссертации, был основан во многом на новых принципах, с привлечением новых «измерительных инструментов» – экологических группировок, фаунистических комплексов, исторических пластов, которые, собственно, и привлекли особое внимание Г.Н. Симкина.

Действительно, новые методические подходы оказались весьма удобными и эффективными в работе, о чем свидетельствует опыт их применения как в Придонье, так и в других регионах, и другими иссле-

дователями. Отсюда, наверное, и те важные результаты, которые были получены в диссертации. Они позволили не только выяснить видовой состав орнитофауны, распространение всех видов и динамику их численности в степном Придонье, но и установить зоогеографические связи, т.е. исторические корни региональной орнитофауны, проследить пути ее формирования и изучить ее современные изменения в связи с воздействием самых разных исторических, экологических и антропогенных факторов.

Кроме того, был составлен исчерпывающий кадастр редких, уязвимых видов, нуждающихся в особой охране, выявлены их рефугиумы и разработана стратегия и тактика их охраны, основанная не только на заповедниках и Красных книгах, но и на отношении к животным самого человека. Наконец, что наиболее важно, был дан обоснованный прогноз дальнейшего развития фауны Южной России, который можно будет проверить в будущем и верифицировать сделанные выводы.

* * *

Уже 7 мая 1999 года ВАК РФ присудил мне ученую степень доктора биологических наук. А вскоре издательством Ростовского государственного педагогического университета, куда я перешел на работу незадолго до защиты, была опубликована и книга «Птицы степного Придонья» (Белик, 2000), подготовленная на основе диссертации. И в дальнейшем она, действительно, стала некоей моделью для многих исследователей при анализе региональных фаун. Единственное, что хотелось бы еще отметить, не оправдалось одно из замечаний другого оппонента – глубокоуважаемого Владимира Михайловича Поливанова, который счёл мое деление птиц на пять экологических группировок (Белик, 1992[*]) не совсем удачным.

Как показала практика последних десятилетий, это деление стало удобным лекалом для простейшего анализа фауны и сейчас очень широко используется многими орнитологами. А вот немного более сложные фауногенетические конструкции Палеарктической орнитофауны (Белик, 2006[**]), дающие возможность проводить более тонкий, более точный сравнительный анализ региональных фаун, осваиваются молодыми коллегами, к сожалению, пока недостаточно активно, с трудом.

---

[*] Белик В.П., 1992. Биотопическое распределение и экологическая классификация животных // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского.- Смоленск. - С.13-16.

[**] Белик В.П., 2006. Фауногенетическая структура авифауны Палеарктики // Зоологический журнал, т.85, № 3.- С.298-316.

"На базаре мудрость продавали
И давали старость к ней в придачу.
Люди проходили, но не брали,
Уходили молча, деньги пряча.
Глупость продавали на базаре,
Молодость давали к ней в придачу!
Люди подходили, покупали,
Убегали, позабыв про сдачу…"
(**Омар Хайям**)

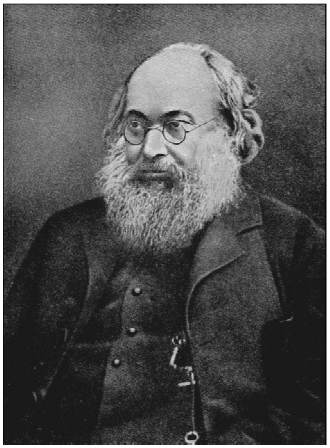
11. Корифеи

Путь в любой науке для всех нас обычно освещает яркий свет корифеев, их работа, идеи, планы… Конечно же и развитие российской орнитологии в течение многих десятилетий и столетий тоже направляла плеяда ярчайших звёзд первой величины, имена которых хорошо знают все наши орнитологи. Эти лидеры, все большие ученые такого уровня должны обладать, по мнению Чарльза Дарвина, рядом определенных личных качеств, среди которых самыми важными представляются «любовь к науке, безграничное терпение при долгом обдумывании любого вопроса, усердие в наблюдении и собирании фактов и порядочная доля изобретательности и здравого смысла» (Ч. Дарвин, Автобиография, 1957, с.153).

Первым, наиболее ярким воплощением истинной преданности нашей науке для меня всегда был **Николай Алексеевич Северцов** (**1827-1885**)*, магистерская диссертация которого «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии», готовившаяся в течение 10 лет и опубликованная в 1855 г., до сих пор не утратила своего важного научного значения. Сейчас эту фундаментальную работу мне часто приходится приводить в качестве примера нынешним выпускникам вузов – магистрам, а также молодым орнитологам – будущим кандидатам наук. После защиты диссертации Николай Алексеевич продолжил тяжелейшую, опасную в те времена экспедиционную работу по изучению птиц уже на далеких окраинах России – в пустынных низовьях реки Урал, в Западной Сибири и Средней Азии, на Тянь-Шане и Памире. Завершились тогда эти исследования по сути одной из первых

* См.: Дементьев Г.П., 1948. Николай Алексеевич Северцов. Зоолог и путешественник (1827-1885).- 2-е изд.- М.: МОИП.- 68 с.

в России, основополагающих зоогеографических работ «Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных» (1873), в дальнейшем надолго определившей зональный принцип в районировании Палеарктики.



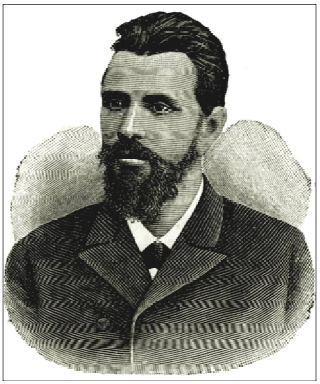
Не менее значимой фигурой в нашей орнитологии навсегда останется ученик Северцова академик **Михаил Александрович Мензбир** (**1855-1935**)*, магистерская диссертация которого «Орнитологическая география Европейской России», защищенная в 1882 г., открыла путь к познанию закономерностей формирования орнитофауны нашей огромной страны. А его последующие сводки «Птицы России» (1893-1895) и «Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа» (1900-1902) дали возможность изучать орнитофауну на просторах Державы многим поколениям российских орнитологов. К великому сожалению, повторное, расширенное издание «Птиц России», начатое М.А. Мензбиром в 1918 г. и охватившее уже также Туркестан и Сибирь, осталось незаконченным.

Кроме того, в 1916 году Михаил Александрович опубликовал первый выпуск «Фауны России», посвященный птицам, с подробной характеристикой семейства соколиных птиц и очень детальным анализом распространения и систематики крупных соколов России – сапсана, балобана, кречета, в том числе описанных им алтайских соколов. Но и эта сводка, к сожалению, тоже не была завершена.

Следует заметить, что сам Мензбир мало путешествовал с орни-

* См.: Росина Н.Я., 1985. Михаил Александрович Мензбир (1855-1935).- Л.: Наука.- 221 с.

тологическими целями по России, но он постоянно поддерживал очень тесные связи с многочисленными региональными орнитологами, регулярно снабжал их необходимой литературой, рекомендациями и советами, а взамен получал новые интересные, оригинальные материалы для своих обобщений. В то же время, являясь, по сути, академическим ученым, Мензбир был весьма строг к результатам своей научной деятельности и поэтому, наверное, ни разу не публиковался в очень популярном в его годы «Орнитологическом вестнике», собиравшем многочисленные фаунистические сведения со всей России.

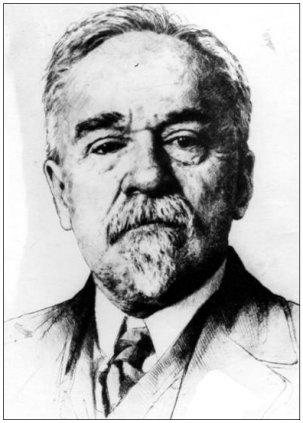


К тому же значительную часть времени Мензбиру приходилось уделять многочисленным общественным обязанностям. В 1906 году он был избран на должность помощника ректора Московского университета, но в 1911 году покинул его в знак протеста против произвола полиции при усмирении студенческих «беспорядков». Лишь в 1917 году Мензбир вернулся в университет и до 1919 года оставался его ректором. Кроме того, в 1915-1935 годах М.А. Мензбир был Президентом Московского общества испытателей природы.

Еще одним блестящим исследователем орнитофауны России в конце XIX – начале XX в. был ученик Мензбира академик **Петр Петрович Сушкин (1868-1928)**[*]. Закончив в 1890 году Московский университет, П.П. Сушкин начал работать у М.А. Мензбира на кафедре сравнительной анатомии и в 1898 году защитил магистерскую диссертацию «К морфологии скелета птиц. Череп *Tinnunculus*», которая была удостоена премии Академии Наук имени Кесслера. А в 1902 году он защитил док-

[*] См.: Штегман Б.К., 1972. Петр Петрович Сушкин (1868-1928). К столетию со дня рождения // Орнитология, вып.10.- С.408-419.

торскую диссертацию «К морфологии скелета птиц: 1. Сравнительная остеология дневных хищных птиц и вопросы классификации. 2. Сокола и их ближайшие родственники», в которой было обосновано своеобразие соколов, выделенных затем в отдельное семейство хищных птиц.



Стержнем же его дальнейших работ стал тщательный сбор и скрупулезный анализ материалов по фауне крупных регионов с их последующим зоогеографическим осмыслением. Для этого Петр Петрович сам организовывал длительные, многолетние экспедиции, в полях наблюдал и сам массово коллектировал птиц и других животных, а затем изучал собранные коллекции в музеях.

П.П. Сушкин оставил нам в наследство непревзойденные по глубине региональные фаунистические монографии с подробным анализом экологии птиц, тщательным разбором их таксономических особенностей, выяснением зоогеографических связей орнитофауны обследованных регионов. Это «Птицы Тульской губернии» (1892), «Птицы Уфимской губернии» (1897), фундаментальная сводка «Птицы Средней Киргизской степи (Тургайская область и восточная часть Уральской)» (1908), «Птицы Минусинского края, Западного Саяна и Урянхайской земли» (1914), наконец, крупная монография «Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии», два тома которой были напечатаны в 1938 г. уже после смерти автора.

В этом ряду стоят также «Зоологические области Средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны палеарктической Азии» (1925) – работа, наметившая региональные, типологические связи в зоогеографии сложного фаунистического узла на границе Сибири и Центральной Азии.

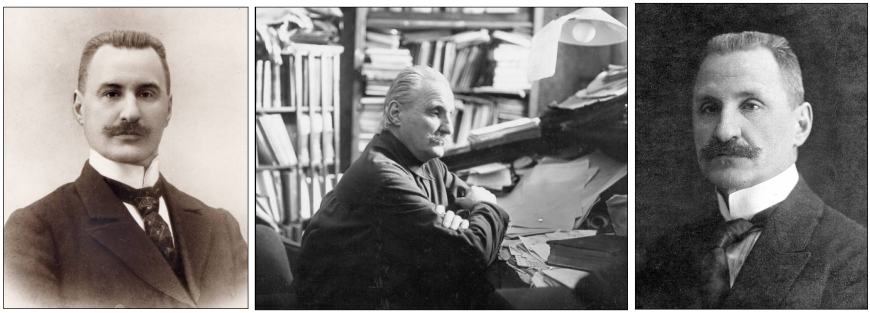
Легендарным орнитологом конца XIX – начала XX в. навсегда остался для всех нас в памяти также **Николай Алексеевич Зарудный** (**1859-1919**)*, всю жизнь проведший в экспедициях по различным регионам России и ближнего зарубежья. Начав в юношеском возрасте свои исследования в Полтавской губернии, статьи по орнитофауне которой не потеряли своего значения и поныне, позже Зарудный опубликовал фундаментальные работы по орнитофауне Псковской и Оренбургской губерний, а затем занялся изучением птиц отдаленных пустынных районов Средней Азии и Персии (Ирана). При этом он совмещал занятия своей орнитологией и массовое коллектирование птиц со служением в Русской Армии и всесторонним изучением географии и населения малоизведанных районов.

Поражает необычайнейшая работоспособность Николая Алексеевича, которому нередко приходилось путешествовать и собирать материалы в тяжелейших походных условиях безводных пустынь, в окружении вражески настроенных племен и вооруженных противников, а затем в кратчайшие сроки обрабатывать собранные сведения и готовить к публикации множество статей и заметок о птицах, а также многочисленные объемистые сводки по орнитофауне обследованных регионов, не говоря уже об официальных походных отчетах по непосредственной воинской службе.

В первой половине XX в. мировую известность получил еще один российский орнитолог и один из первых зачинателей дела охраны

* См.: Войлошников М., 2002. Сокровища Безмана.- Рязань.- 363 с.

природы в нашей стране, юрист по образованию – **Сергей Александрович Бутурлин (1872-1938)**[*]. Начав изучение птиц еще в юношеские годы на р. Суре в Симбирской губернии, где все нынешние орнитологи до сих пор необычайно высоко чтят имя Бутурлина, позже он уехал в Прибалтику и долгое время работал там мировым судьей в разных городах, совершая в летние месяцы длительные орнитологические экспедиции по Балтийскому побережью, северу России и Сибири. Сергей Александрович, в отличие от Мензбира, активно сотрудничал с «Орнитологическим вестником», регулярно выходившим в течение 1910-1917 гг. в Москве. Он получал через этот журнал массу свежей информации о птицах со всех регионов России и одновременно сам публиковал в нем новейшие результаты своих исследований.



С.А. Бутурлин: 1906 г.; 1930-е годы; 1918 г.
Фото из фондов Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова.

С.А. Бутурлин постоянно занимался также изучением орнитологических коллекций в Зоологическом музее МГУ и в других музеях России, обращая особое внимание на внутривидовую изменчивость птиц. Он впервые в России стал широко использовать триноминальную номенклатуру для обозначения подвидов, сам описал более 200 новых форм птиц, а всего им было опубликовано около 2000 статей о птицах, а также по вопросам охотоведения и проблемам охраны природы.

После вторжения в Лифляндию в 1915 г. немецких войск, Сергей Александрович отправил свою библиотеку и архивы на родину, в Карсунский уезд Симбирской губернии, а позже и сам был вынужден уехать из Прибалтики в Поволжье, где вновь организовал орнитологические исследования на р. Суре. Переселившись в начале 1920-х годов

[*] См.: Козлова М.М., 2000. Сергей Александрович Бутурлин (1872-1938).- М.: Наука.- 195 с.

в Москву, С.А. Бутурлин возобновил планомерную, скрупулезную работу по систематизации материалов о птицах России, которой он посвящал всё свое время, свободное от основной служебной деятельности. В результате всех этих многолетних исследований был подготовлен первый в России «Полный определитель птиц СССР», пять томов которого вышло в течение 1934-1941 гг. Но последний из них был выпущен уже после смерти Бутурлина его учеником Г.П. Дементьевым. За большие заслуги перед отечественной наукой С.А. Бутурлину в 1936 г., без защиты диссертации, была присуждена ученая степень доктора биологических наук.

Важнейшую роль в становлении российской орнитологии как регулярной, самостоятельной и самодостаточной науки, признанной обществом и государством, сыграл ученик Бутурлина – **Георгий Петрович Дементьев (1898-1969)**[*]. Свою деятельность Дементьев, как и Бутурлин, начал с изучения юриспруденции, что в какой-то мере способствовало, возможно, обеспечению безопасности обоих в 1930-е годы от страшных сталинских репрессий. В 1920-е годы, переехав из Петрограда в Москву, Г.П. Дементьев, с детства интересовавшийся птицами, стал регулярно посещать Зоомузей МГУ, где вскоре познакомился с С.А. Бутурлиным. А в 30-летнем возрасте он оставил свою работу в Наркомате социального обеспечения и перешел в Зоологический музей, где из орнитолога-любителя вскоре превратился в настоящего профессионала. В 1931 г. он возглавил отдел орнитологии и там, в сотрудничестве с Бутурлиным, принялся за систематизацию материалов по орнитофауне СССР.

В отличие от большинства других орнитологов, стремившихся за новыми птицами в природу, в дальние экспедиции, Г.П. Дементьев начал свою научную работу как «кабинетный ученый». В то время в России остро ощущалась потребность в специалистах, которые, находясь в центре, были бы в курсе всех орнитологических исследований, могли бы оценивать материалы, собранные в экспедициях, помогали бы советами и рекомендациями. Академик М.А. Мензбир был тогда уже тяжело болен, а С.А. Бутурлину приходилось много времени заниматься другими служебными делами. Поэтому появление в Зоомузее МГУ молодого орнитолога, не разъезжавшего по стране, оказалось весьма кстати для развития российской орнитологии.

Георгий Петрович в короткие сроки превратил Зоомузей в один из основных орнитологических центров СССР. В 1936 г. Г.П. Дементьеву без защиты диссертации было присуждена ученая степень доктора

[*] См.: Ильичев В.Д., 1977. Георгий Петрович Дементьев (1898-1969).- М.: Издво МГУ.- 64 с.

биологических наук, а в 1941 г. он стал профессором кафедры зоологии позвоночных МГУ. В совершенстве владея многими европейскими языками и хорошо зная зарубежную литературу, он смог быстро составить на русском языке фундаментальное, весьма полное, энциклопедическое «Руководство по зоологии» (1940), 6-й том которого посвящен птицам.

На мой взгляд, эта работа до сих пор является в нашей стране наиболее всеобъемлющим справочником по общей орнитологии. По оценкам же коллег, в этой сводке «поражают высокая культура слога, языка, мысли, четкая рубрикация, практически совершенное построение, столь же высокое исполнение указателей и списков литературы» (Симкин, 1988). Г.П. Дементьев вообще придавал большое значение изучению литературы. Он говорил: «Чтобы в науке пройти 5 мм вперед, нужно проделать многокилометровый путь по страницам». Поэтому Георгий Петрович особо ценил те работы, которые содержали большой библиографический аппарат.

В 1930-е годы, ставшие периодом формирования Дементьева как профессионального орнитолога, он в соавторстве с С.А. Бутурлиным опубликовал 5-томный «Полный определитель птиц СССР» (1934-1941), а в конце 1940-х, после Отечественной войны, вернувшись в Москву из эвакуации в Ашхабад, он вместе с другими орнитологами МГУ подготовил «Руководство по определению птиц» (1948; 2-е издание: «Определитель птиц СССР», 1964) и с этим же коллективом коллег сразу же приступил к созданию фундаментальной 6-томной сводки «Птицы Советского Союза» (1951-1954), за которую Г.П. Дементьев в 1952 г. получил Государственную (Сталинскую) премию, а в 1953 г. был награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

Нельзя не сказать также об огромной организационной работе Г.П. Дементьева по формированию эффективных научных структур в отечественной орнитологии. В 1935 г. он вместе с Б.М. Житковым и С.А. Бутурлиным организовал во Всероссийском обществе охраны природы орнитологическую секцию, получившую имя М.А. Мензбира и объединившую вскоре более 200 орнитологов. В 1956 г. он возглавил созданную в МГУ по его инициативе орнитологическую лабораторию. В 1962 г. на III Всесоюзной орнитологической конференции в г. Львове был создан Орнитологический комитет СССР, ставший предтечей Всесоюзного орнитологического общества, появившегося в 1983 г. уже после кончины Г.П. Дементьева, а позже переименованного в Мензбировское орнитологическое общество.

Седьмой звездой в российском орнитологическом созвездии стал для меня **Борис Карлович Штегман (1898-1975)**[*]. Родившись, как и Дементьев, в самом конце XIX века, он тоже в полной мере испытал на себе всю тяжесть эпохальных перемен первой половины XX века, будучи, к тому же, подвергнут арестам, ссылкам, унизительной дискриминации со стороны государства и коллег. Тем не менее, он выдержал все невзгоды судьбы и до конца жизни остался верен своей науке, своим человеческим идеалам!

Вот, например, как он незадолго до смерти отзывался о своем учителе Петре Петровиче Сушкине, одновременно подчеркивая и свою связь с ним, и преемственность поколений. «Вместе с тем в высшей степени заманчиво лицу, прошедшему длинный и не всегда легкий путь научного работника, на склоне лет попытаться охарактеризовать развитие научной мысли своего высокочтимого учителя, предопределившее и его собственное развитие. К этому прибавляется чувство глубокого пиетета к наставнику и желание показать нынешнему поколению орнитологов, как формировался ум одного из крупнейших специалистов нашей страны, деятельность которого означала эпоху в развитии орнитологии».

В 1917 г., после окончания гимназии, Б.К. Штегман поступил в Петроградский университет, в котором к 1922 году успел закончить лишь 2 с половиной курса, прослужив при этом еще 3 года в Красной Армии, в рядах которой сражался на Петроградском и Кольском фронтах. В 1921 г. Борис Карлович поступил в Зоологический институт препаратором в Отделение орнитологии, где сразу же нашел себе руководителя в лице П.П. Сушкина. И только в 1928 г., после его смерти, Б.К.

[*] Нейфельдт И.А., Юдин К.А., 1981. Вклад в науку ленинградских орнитологов Е.В. Козловой, Л.А. Портенко и Б.К. Штегмана // Филогения и систематика птиц. Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.102.- С.3-33.

Штегман получил должность научного сотрудника этого института, а в 1934 г. ему без защиты диссертации, по совокупности 46 опубликованных работ, присуждается уже ученая степень доктора биологических наук; тогда ожидалось также избрание Штегмана в члены-корреспонденты АН СССР. Интересно, что еще в 1930 г. Э. Штреземан в письме к Э. Хартерту заметил: «На востоке взошла новая звезда, этот Штегман будет новым Палласом».

Однако в 1938 г. Б.К. Штегмана арестовали по наговору, и лишь через полтора года он по счастливой случайности был освобожден из тюрьмы, но вскоре после начала Отечественной войны его, как и других советских немцев, выслали из Ленинграда в Казахстан. К сожалению, применение знаниям и способностям Штегмана нашлось там разве что в тростниковых джунглях Прибалхашья, где он 5 лет проработал смотрителем на ондатровых промыслах в дельте р. Или.

Воспоминания об этом мрачном периоде «научной» жизни Борис Карлович оставил в своей отдельной автобиографической книге «В тростниках Прибалхашья. Жизнь и приключения ссыльного натуралиста 1941-1946 гг.» (1951-2004). Книга эта тоже пережила не совсем простую судьбу. Она готовилась к изданию в 1951 г., но готовый тираж был конфискован цензурой (в книге якобы было «клеветническое изображение» условий жизни и работы советского учёного). К счастью, сохранился сигнальный экземпляр, который и был использован известным питерским зоологом П.П. Стрелковым для издания этой книги в 2004 г.

Б.К. Штегман в числе спецпоселенцев оставался в Казахстане до 1954 г., но и после реабилитации и возвращения в Ленинград ему было отказано в праве на работу в родном Зоологическом институте. И лишь

благодаря поддержке известного полярника И.Д. Папанина он смог поступить в Институт биологии внутренних вод в посёлке Борок (Ярославская область), где до конца жизни получал зарплату, фактически нелегально посещая ЗИН…

Особый вклад Б.К. Штегмана в орнитологию, помимо многочисленных статей и ряда фундаментальных фаунистических работ о птицах Байкала и Забайкалья (Stegmann, 1928, 1930, 1936), а также сводки о хищных птицах СССР (Штегман, 1937), состоит, прежде всего, в разработке и фактическом обосновании концепции типов фаун в монографии «Основы орнитогеографического деления Палеарктики» (Штегман, 1938). И эта книга, которой я постоянно пользовался в библиотеках еще со студенческих лет, особенно значима для меня стала сейчас, поскольку на ее форзаце рукой еще одного нашего корифея В.Е. Флинта было выведено: «Моему другу В.П. Белику на память о знаменательном дне защиты диссертации и в знак хороших перспектив в продолжение дружбы. 24.02.1999».

Вспоминая сейчас о наших корифеях, хотелось бы напомнить всем нынешним орнитологам также известный афоризм Н.И. Вавилова: «Жизнь коротка – надо спешить!». Эту заповедь исповедовали, несомненно, и все наши великие предтечи. Относится она, очевидно, и ко всем нам!

* * *

Известные всем корифеи развивали орнитологию не только в России, но и в соседних регионах бывшего Советского Союза: К.Ф. Кесслер (1815-1881), Н.В. Шарлемань (1887-1970), А.Б. Кистяковский (1905-1983) и М.А. Воинственский (1916-1996) работали на Украине; Г.И. Радде (1831-1903) и К.А. Сатунин (1863-1915) – в Закавказье; И.А. Долгушин (1908-1966) и А.К. Рустамов (1917- 2005) – в Средней Азии; Э.В. Кумари (1912-1984) в Прибалтике. О них сказано и написано много добрых, благодарных слов, и повторить все их сейчас нет возможности.

Большинство из упомянутых выше орнитологов остались для меня в далеком, таинственном прошлом, и знакомиться с ними мне пришлось в основном по их книгам, по воспоминаниям их современников. Г.П. Дементьева мне не суждено было увидеть по досадной случайности, поскольку в декабре 1968 г., когда я приехал из Ростова в Москву студентом 2 курса, Георгий Петрович, по словам сотрудников кафедры зоологии МГУ, болел, и его тогда не было в университете. С академиком А.К Рустамовым мы встречались несколько раз на различных конференциях, но только однажды удалось побеседовать, оказавшись в 1991 г. в Витебске на одном сидении в экскурсионном автобусе. Мы долго говорили о природе Туркмении, о зоогеографии пустынно-степных регионов, о типах фаун и фаунистических комплексах, жиз-

ненных формах и эколого-географическом изоморфизме, обсуждая вопросы, развивавшиеся в статьях Анвера Кеюшевича и интересовавшие меня тогда в связи с работой над диссертацией.

С профессором А.Б. Кистяковским я встретился лишь однажды в начале 1968 г. на кафедре зоологии Киевского университета, где мы вдвоем обсуждали самые первые результаты моей работы по изучению птиц Сумского Полесья. Александр Богданович познакомил меня тогда с библиографией по орнитофауне этого региона и дал понять, что до финиша мне еще весьма далеко. И действительно, только недавно мне удалось подвести некоторые итоги своих почти 40-летних наблюдений в Полесье. М.А. Воинственский же приоткрыл для меня дверь в свой мир науки, пригласив в 1985 г. к себе домой, где он, заболев, лежал в рабочем кабинете на койке. Михаил Анатольевич внимательно выслушал мой рассказ о работе над кандидатской диссертацией, усадив возле окна, чтобы видеть лицо и глаза, и после получасового разговора согласился принять мою работу к защите в Институте зоологии АН УССР, взяв на себя обязанности первого оппонента.

Более подробно мне хотелось бы рассказать о тех орнитологах, с которыми пришлось общаться, неоднократно встречаясь в Москве и других городах, которых я знал не понаслышке, с которыми мы часто обсуждали различные орнитологические проблемы и нередко вместе работали над их решением. Это В.Е. Флинт и Л.С. Степанян, которые тоже входят, несомненно, в плеяду наших наиболее ярких российских орнитологов, принявших эстафету у Дементьева и Штегмана для передачи ее будущим поколениям. Хотелось бы еще раз вспомнить здесь и о С.Н. Варшавском – удивительном человеке, тонком знатоке хищных птиц и потрясающем специалисте в области пустынно-степного природоведения, который до сего дня остается для меня незабываемым кумиром.

Первый Президент Союза охраны птиц России – Владимир Евгеньевич Флинт (1924-2004)*

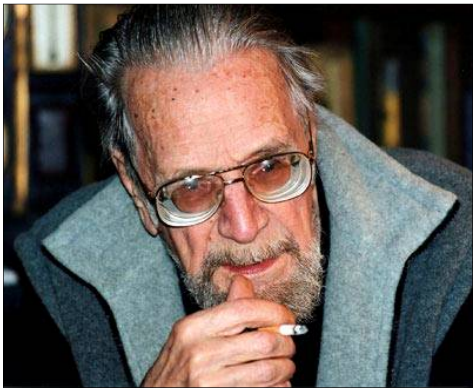
Все свои восемь долгих, богатых событиями десятилетий Владимир Евгеньевич Флинт неутомимо шел только вперед, только вверх, через тернии – к звездам. Разных «колючек» и кочек на его большом жизненном пути было предостаточно, но В.Е. Флинт шаг за шагом поднимался наверх, к своему заслуженному признанию. И его безвременная кончина стала для всех нас уходом в прошлое большой, богатой событиями, славной эпохи, в течение которой в нашей науке, в стране шел переход от простой инвентаризации живых природных ресурсов

* Опубликовано с изменениями: Галушин В.М., Белик В.П., 2004. Владимир Евгеньевич Флинт (14 марта 1924 – 23 марта 2004) // Стрепет, вып.2.- С.92-94.

к их сохранению и приумножению для потомков.

В адрес В.Е. Флинта было сказано немало добрых слов. Но боль в душе от этой потери не утихла даже спустя полтора десятилетия. Поэтому вспомнить о Владимире Евгеньевиче уместно и сегодня*.

Коренной москвич, выросший на Большой Ордынке, в потомственной, любившей природу интеллигентной профессорской семье, корни которой уходили далеко в глубь Америки и Наполеоновской Франции, Владимир Флинт уже с детства увлекся птицами, всерьез интересовался зоологией и в будущем видел ее своей главной профессией. Но дальнейший путь в науку прошел через войну, отнявшую из жизни четыре долгих, тяжких года. Закончил ее юный В.Е. Флинт танкистом в Чехословакии, и сейчас можно только удивляться и радоваться, что судьба была столь милостива к его бронированной махине.



14.03.1924 — 23.03.2004

Затем был послевоенный труд, вечерняя школа рабочей молодежи и, наконец, аттестат о среднем образовании. Поэтому научный старт получился затяжным: только в свои 24 года, в 1948 г., в год моего рождения В.Е. Флинт преодолел первый рубеж – поступил на биофак Московского университета. Судьба и здесь благоволила В.Е. Флинту, ниспослав ему замечательных учителей, профессоров С.И. Огнева, Г.П. Дементьева, А.Н. Формозова, В.Г. Гептнера, Н.П. Наумова, доцента Е.С. Птушенко, а в Зоомузее МГУ, где часто проходили занятия, работали

* См.: Банников А.Г., Бёме Р.Л., Галушин В.М. и др., 1985. Владимир Евгеньевич Флинт (к 60-летию со дня рождения) // Орнитология, вып.20.- С.203-207; Томкович П.С., 2005. Добрая память о Владимире Евгеньевиче Флинте // Информ. материалы Рабочей группы по куликам, № 18.- М.- С.5-9.

также С.С. Туров, Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг и др. Но сверстников у В.Е. Флинта было мало, их отняла война…

В университете В.Е. Флинт сразу же зарекомендовал себя перспективным, профессиональным орнитологом. Его студенческая курсовая работа, выполненная под руководством Г.П. Дементьева, была посвящена птицам Измайловского парка и получила высокую оценку специалистов. Достаточно сказать, что на нее до сих пор ссылаются все орнитологи, как на весьма значимый первоисточник по орнитофауне Москвы. Не меньшее научное значение имеет и дипломная работа В.Е. Флинта, посвященная изучению гаги на Белом море, которую он писал под руководством А.Н. Формозова.

После блестящего окончания МГУ будущий лидер отечественной орнитологии начал свою научную деятельность с преподавания в Московском городском пединституте имени Потемкина. Но через год, в поисках нового, В.Е. Флинт ушел в Институт эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи АМН СССР в аспирантуру к Н.П. Наумову. При этом Владимиру Евгеньевичу пришлось на время переквалифицироваться в грамотного, целеустремленного териолога, чтобы подготовить обе необходимые для дальнейшей успешной научной карьеры диссертации: кандидатскую «О зоологических основах эпидразведки» (1959) и весьма солидную докторскую «Пространственная структура популяций мелких млекопитающих» (1972), вышедшую позже отдельной монографией (Флинт, 1977).

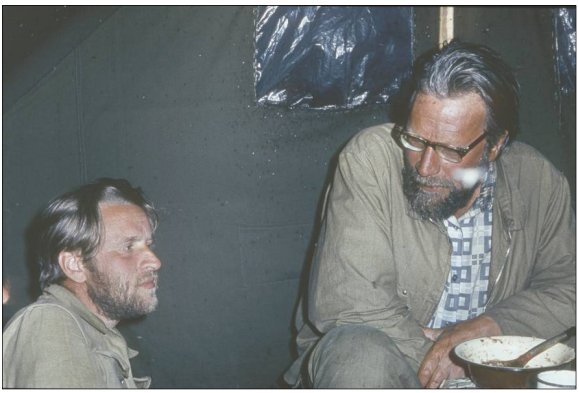
Одновременно В.Е. Флинт много путешествовал по самым дальним и неизведанным уголкам Советского Союза, изучая млекопитающих, накапливая материалы для своих диссертаций и одновременно наблюдая птиц и собирая свою знаменитую, одну из самых богатых в СССР, оологическую коллекцию, насчитывавшую 760 кладок! Препарируя для коллекции птичьи яйца, В.Е. Флинт иногда в шутку повторял: «Птенец – это окончательно и бесповоротно испорченное яйцо!». Орнитологи, мол, собирая кладки, дают птицам благую возможность «отдохнуть» от тяжкого бремени по высиживанию и выкармливанию птенцов. Тем не менее, поиски птичьих гнезд и детальное изучение поведения птиц возле них позволили В.Е. Флинту собрать уникальные научные материалы по биологии целого ряда тундровых куликов.

Препарирование яиц в экспедиции. 1973 г. Фото П.С. Томковича

Собранная В.Е. Флинтом оологическая коллекция позже была подарена Зоологическому музею МГУ. А в начале 1969 г., после того как в Музее освободилась ставка, Владимир Евгеньевич перешел на работу в этот Музей, вернувшись к своей любимой орнитологии. Здесь в течение 8 лет он плодотворно трудился, изучая распространение, экологию и этологию куликов, а также других птиц на крайнем северо-востоке России – на Индигирке, Чукотке, в Карякии и Анадыре – вместе с А.А. Кищинским, П.С. Томковичем и другими коллегами, с которыми поддерживал тесную дружбу всю свою дальнейшую жизнь.

Кулики стали тогда для В.Е. Флинта одной из наиболее любимых групп птиц. И именно их изучению была посвящена его научная тема, разрабатывавшаяся в Музее: «Экологические, этологические и морфофизиологические адаптации птиц к типу ландшафта на примере кули-

ков». В эти же годы, работая в Музее, В.Е. Флинт «открыл» важный организационный ресурс Московского общества испытателей природы, размещающегося в здании Зоологического музея МГУ. И на его базе Владимир Евгеньевич организовал в 1973 г. первое совещание по фауне и экологии куликов, опубликовав два выпуска его материалов. И эта традиция проведения регулярных тематических совещаний и конференций, посвященных изучению и охране куликов, а также журавлей, хищников и других групп птиц, с легкой руки Флинта продолжается до сих пор.



А.А. Кищинский и В.Е. Флинт. Чукотка, 1975 г.
Фото П.С. Томковича

В 1970-е годы, когда острые проблемы охраны природы приобрели особое значение для ученых, общественности и государства, в стране потребовались организаторы, способные построить современную систему сохранения исчезающих животных. И перед В.Е. Флинтом раскрылись тогда новые возможности приложения его организаторского таланта, его незаурядных способностей в сплочении многочисленных коллег. Он активно включился в эту деятельность, быстро завоевывая непререкаемый авторитет мудрого стратега и активного практика в области сохранения живой природы, став вскоре признанным лидером в деле охраны редких видов.

Более четверти века В.Е. Флинт реализовывал свои идеи, работая с 1976 г. в Центральной научно-исследовательской лаборатории охраны природы (ЦНИЛОП МСХ СССР), позже – ВНИИ Охраны природы, а ныне – ВНИИ Экология. Всемирное признание получила, например, блистательно проведенная им «Операция Стерх», которая положила начало всестороннему изучению и спасению от вымирания легендарного белого журавля – гнездового эндемика Сибири. Тем самым было

привлечено широкое внимание специалистов и мировой общественности к проблемам сохранения редких животных, заинтересовавшим в последние годы и Президента России В.В. Путина.

В.Е. Флинта постоянно волновала судьба всех журавлей, а также дроф и пернатых хищников – наиболее уязвимых, большей частью реликтовых представителей нашей фауны. И именно он был инициатором создания специальных рабочих групп по этим птицам, возглавив большие коллективы, которые и после ухода В.Е. Флинта до сих пор активно занимаются разработкой и осуществлением программ по изучению, сохранению и восстановлению популяций журавлей, дроф, хищных, гусеобразных, врановых и других птиц Евразии. На базе ВНИИ Природы был создан также питомник, в котором содержались, разводились, а затем выпускались в природу сапсаны, балобаны и другие крупные соколы.

В.Р. Дольник и В.Е. Флинт. 1979 г. Ашхабад.
Конференция по охране птиц, посвящённая памяти Г.П. Дементьева.

Итоги этой многогранной работы содержатся в одной из последних книг В.Е. Флинта «Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика» (2000). А блистательный пример научно-популярного изложения проблем охраны редких видов хищных птиц дан в его интереснейшей книге «Сокол на перчатке» (Флинт, Сорокин, 1999). Оба эти издания с дружескими дарственными надписями В.Е. Флинта хранятся в моей библиотеке.

Владимир Евгеньевич всегда был устремлен в будущее, постоянно находился в поиске новых теоретических, прикладных и организационных форм изучения и охраны птиц. В 1983 г. вместе с В.Д. Ильичевым и Е.Н. Курочкиным впервые в СССР они добились организации

при Академии наук Всесоюзного орнитологического общества, объединившего всех специалистов на просторах Северной Евразии. Но одно из главных достижений В.Е. Флинта на этом поприще – создание в 1993 г., вскоре после распада СССР, нового общественного объединения – Союза охраны птиц России, а также определение основных направлений его деятельности, формирование структуры, объединение когорты единомышленников, включение российских орнитологов и любителей в международную систему охраны птиц. Более десятилетия В.Е. Флинт стоял во главе Союза охраны птиц России: со дня основания и до декабря 2001 г. – как Президент, а в последние годы – в качестве его Почетного Президента.

Учредительный съезд Всесоюзного орнитологического общества. 19.02.1983. Фото Б.А. Казакова и А.Д. Липковича

Достижения В.Е. Флинта в деле изучения и сохранения животного мира хорошо известны. Свидетельство тому – его высокие общественные посты, широкое международное признание, мантия академика Российской академии естественных наук. В его активе – участие в создании Красных книг СССР и России. Он инициатор, редактор и автор ряда разделов в новой многотомной сводке «Птицы СССР» / «Птицы России и сопредельных регионов», издающейся с 1982 г. За выдающиеся успехи в области охраны природы, за разработку и практическую реализацию стратегии сохранения биоразнообразия В.Е. Флинт был награжден Орденом Дружбы Народов, а в Голландии получил почетный Орден «Золотой Ковчег» («Gouden Ark»).

Владимир Евгеньевич всегда был открыт и доступен для личного и творческого общения, всегда очень живо интересовался новыми достижениями фаунистики и экологии, музейного дела и зоологической библиографии, искусством содержания ловчих птиц и этнографическими находками. Он был готов обсуждать как большие проблемы зоологической науки, так и различные частные события в жизни наших

отечественных научных коллективов. При этом Флинт, сохраняя своё достоинство, обычно не спорил, но мягким, спокойным голосом настойчиво убеждал оппонентов логикой своего мышления, так что возражать ему, как правило, было нечем.

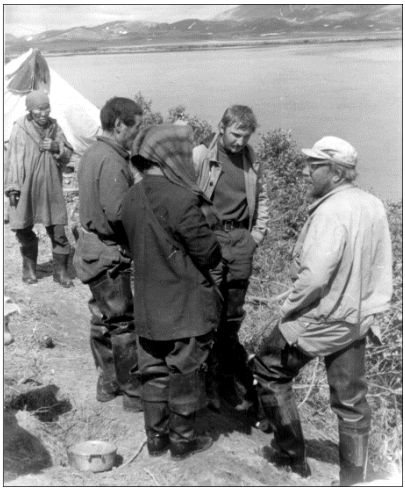
Коллектирование гнезд. Якутия. 1972 г. Фото П.С. Томковича

Обладая незаурядной памятью, В.Е. Флинт хранил связь нескольких поколений ученых-зоологов, долгие годы передавая всем нам по наследству крупицы нашей орнитологической истории. И при этом особенно бросалось в глаза глубокое уважение Владимира Евгеньевича ко всем предшественникам-орнитологам, навеки ушедшим в историю.

О человеческой простоте и непритязательности В.Е. Флинта в быту, в экспедиционных условиях, да и в аристократическом сообществе среди орнитологов ходило немало легенд. До самых последних лет Владимир Евгеньевич вместе со своим верным товарищем Рюриком Львовичем Бёме каждую весну ездил на охоту в Тверские леса – на глухариные и тетеревиные тока, на тягу вальдшнепа. И там двум почтенным, седобородым профессорам в течение недели приходилось регулярно ночевать в шалаше, в лесу у костра, коротая холодные ночи на глухарином току за рюмкой чая.

Рассказывают, что как-то на зоологической встрече в дальнем зарубежье интеллигентный Флинт, уставший от длительного дружеского застолья, извинился перед коллегами, расстелил на полу у стены газетку и спокойно прилег отдохнуть, а через полчаса, посвежевший, вновь сидел за столом в кругу восхищённых сей непосредственностью аристократов. При этом крепкий организм бывшего танкиста выдерживал такие нагрузки, что состязаться с ним в застольях решались лишь самые выносливые полевики. Следует также добавить, что В.Е. Флинт никогда,

ни при каких обстоятельствах не терял нить своей мысли, стержень любого разговора, и всегда очень четко, не спеша излагал свои воспоминания, результаты наблюдений, новые идеи и планы.



В экспедиции на Чукотке. Фото П.С. Томковича

Поражает разносторонность В.Е. Флинта – как в науке, так и в различных увлечениях. Он одинаково хорошо знал и орнитологию, и териологию, и герпетологию, изучал как распространение, так и экологию и поведение самых различных животных, уделял внимание проблемам их зоогеографии, активно разрабатывал теоретические и практические вопросы их охраны в природе и разведения в неволе. В.Е. Флинт в разное время вполне профессионально занимался также коллекционированием. Он собирал то марки с изображением фауны, то значки, то кактусы или охотничьи ножи. Об уникальной коллекции птичьих яиц и гнезд, собранной В.Е. Флинтом в экспедициях, уже упоминалось ранее. Владимир Евгеньевич собрал также поистине богатейшую домашнюю библиотеку зоологической литературы, и в последние годы очень переживал за ее будущее, настойчиво искал достойное место для ее дальнейшего хранения. И сейчас библиотека Флинта обрела своё пристанище в Московском зоопарке.

Последние годы жизни Владимира Евгеньевича были омрачены уходом из жизни его ближайшего друга Р.Л. Бёме, а также серьезной болезнью. Но, несмотря на очевидные страдания и физическую слабость, В.Е. Флинт до самого последнего дня был деятелен, встречался с коллегами, постоянно работал. На последней встрече в связи со своим

80-летием он высказал близким друзьям завещание: оставаться преданными науке, и несмотря ни на какие споры и разногласия укреплять единство своих орнитологических и природоохранных рядов. Кончина Владимира Евгеньевича стала огромной, невосполнимой потерей для всех наших зоологов, всех деятелей охраны живой природы. И во время его похорон даже на обветренных, грубых мужских лицах стояли скорбь и слезы…

Имя Флинта впервые стало известно мне еще в школьные годы, когда во время эпизодических поездок в Москву я начал собирать орнитологическую литературу, покупая в «Академкниге» на ул. Горького и в букинистических магазинах на Кузнецком мосту попадавшиеся там книги о птицах, прежде всего – сборники «Орнитология», издававшиеся в МГУ. Хорошо помню заинтересовавшие меня тогда статьи о свиристелевом сорокопуте и желтозобике, об экзотической тогда для меня фауне Тувы и Туркмении, опубликованные в «Орнитологии» в 1962-1967 гг. А потом в моих руках оказался полученный по подписке из Москвы справочник-определитель географа и путешественника, составленный в 1968 г. В.Е. Флинтом в соавторстве с Р.Л. Бёме, Ю.В. Костиным и А.А. Кузнецовым, в котором были перечислены сразу ВСЕ виды птиц СССР. Их списки я долго собирал еще в школьные годы, а здесь были даны еще и цветные рисунки всех видов! Эта книга, правда, уже без истрепавшихся обложек, путешествовала со мной в рюкзаке по России, Украине, Закавказью, Казахстану и Средней Азии почти до конца XX века, пока не была подарена начинающим студентам-орнитологам.

Впервые же увидеть В.Е. Флинта мне довелось издали лишь в 1977 г. – на моей первой научной конференции в г. Черкассы на Украине, где проходила VII Всесоюзная орнитологическая конференция. Через полгода я вновь случайно встретился с ним в Зоомузее МГУ в Москве, где в орнитологическом отделе он, непостижимым образом узнав меня, достал из своего коричневого кожаного портфеля оттиск с моими статьями в последнем выпуске «Орнитологии» и торжественно вручил мне с пожеланиями дальнейших успехов. А в 1991 г. в Витебске, на последней, X Всесоюзной орнитологической конференции, уже после защиты кандидатской диссертации, я смог, наконец, спокойно подойти к В.Е. Флинту с просьбой о консультации по поводу своей дальнейшей работы. При этом меня по-прежнему не оставляло чувство глубокого уважения и преклонения перед этим большим ученым.

Несколько сблизился я с Владимиром Евгеньевичем лишь после нашего долгого общения в 1994 г. на XXI Международном орнитологическом конгрессе в Австрии, где мы совместно с В.М. Галушиным и В.В. Ивановским часто встречались с В.Е. Флинтом в Конгресс-центре

императорского дворца Гофбург, а также в гостинице и на улицах Вены. И позже Владимир Евгеньевич уже с интересом прислушивался к моему мнению, иногда даже сознательно вызывал меня на разговор. Возможно, на него повлияли мои оригинальные собственные научные взгляды или самостоятельные суждения о некоторых наших орнитологах, о которых я как-то критически высказался в нашем разговоре.

Впоследствии, при визитах в Москву, я, по приглашению В.Е. Флинта, неоднократно посещал его дом, где обычно преподносил цветы его супруге Татьяне Львовне – дочери академика Л.А. Зенкевича, ласкал в прихожей красавца-гордона, а потом мы долго беседовали с Владимиром Евгеньевичем в полусумраке его рабочего кабинета, заставленного шкафами и стеллажами с книгами, а также многочисленными сувенирами из разных концов света, где ему пришлось побывать в течение жизни. Вернее, сидя у стола, я чаще слушал интересные, неторопливые рассказы Флинта о работе и жизни, о его родословной, об именитых друзьях и коллегах из ближнего и дальнего зарубежья…

Особенно же я благодарен Владимиру Евгеньевичу за его всемерную поддержку моей диссертационной работы в 1999 г. Несмотря на занятость и усталость, по его словам, от постоянных защит и оппонирования разных диссертаций в те годы, В.Е. Флинт с удовольствием согласился посмотреть мою работу и дать отзыв о результатах моих исследований, тем более что многие рассматривавшиеся в ней вопросы были в русле интересов самого Флинта. В его официальном отзыве было всего два незначительных замечания: о пустопорожности вычислений процентной доли разных отрядов птиц в составе фауны, с чем я, впрочем, был полностью согласен, а также о необходимости комплексного и в то же время индивидуального подхода к разработке стратегий сохранения разных видов.

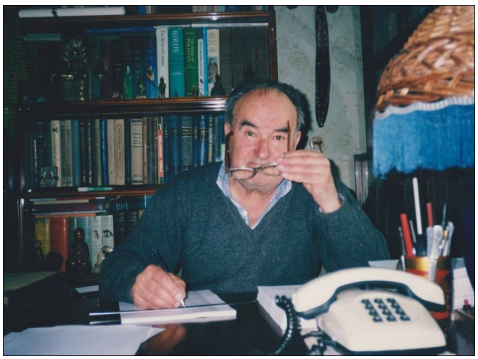
Вклад Владимира Евгеньевича Флинта в биологию и в охрану природы России, а также в формирование ее нынешнего научного потенциала настолько велик, что его фигура, несомненно, навсегда останется в памяти потомков. Это был добрый товарищ, мудрый наставник, стратегически мысливший ученый. Особенно наглядно свидетельствует об этом встреча, посвящённая памяти Владимира Евгеньевича, которая состоялась 13 марта 2014 г., в канун 90-летия со дня его рождения, в Зоологическом музее МГУ в Москве. На ней с яркими, эмоциональными докладами о жизни и деятельности В.Е. Флинта выступили его многочисленные друзья, ученики и коллеги, которые рассказали о его вкладе в защиту природы и охрану птиц, о его большой научной и организационной работе в СССР, в России и на международной арене.

Признание же выдающейся роли Владимира Евгеньевича в

развитии отечественной орнитологии и природоохранного движения в наши дни вполне логично приводит нас к идее, высказанной еще В.М. Галушиным, о необходимости присвоения имени В.Е. Флинта его детищу – Союзу охраны птиц России, что было признано и на юбилейной конференции СОПР в феврале 2018 года.

Лео Суренович Степанян (1931-2002)*

Один из наших крупнейших российских орнитологов – систематик, фаунист и зоогеограф Л.С. Степанян, с которым мне пришлось впервые встретиться в 1975 г. в Ростове на защите диссертации моего учителя Б.А. Казакова, выглядел для меня почти полным антиподом В.Е. Флинту. В моем представлении, как я уже говорил ранее, Лео Суренович был камерным виртуозом, не признававшим шумихи и праздного дилетантства «помощников», но привыкшим тщательно обдумывать, обыгрывать каждую деталь своих публичных речей и научных произведений. И точно так же, в камерной обстановке, в узком кругу почитателей, он любил неспешно беседовать, подолгу, с подробными комментариями и различными отступлениями, рассказывая о своих приключениях на Кавказе, в Средней Азии или Вьетнаме, где ему неоднократно приходилось работать в экспедициях.



Лео Суренович дома в рабочем кабинете за корректурой гранок

У Лео Суреновича было не так много близких друзей и учеников, но со всеми ими он всегда оставался предельно внимателен, корректен, обязателен, и при необходимости всегда помогал им советами, консуль-

* См.: Флинт В.Е., Галушин В.М., Курочкин Е.Н., Лебедева Е.А., 2003. Памяти Лео Суреновича Степаняна // Орнитология, вып.30.- С.240-242.

тациями, литературой, особенно если их интересы совпадали с тематикой его исследований. О пунктуальности Л.С. Степаняна свидетельствует тот факт, что в случае задержек с ответами на какие-то мои вопросы он иногда присылал в конверте короткую записку, в которой извинялся, ссылаясь на длительные экспедиции, и обещал подробно написать в ближайшее время. Л.С. Степанян всегда прислушивался к мнению своих друзей, обязательно учитывал в своих работах их фактические материалы и суждения. Одновременно он вполне лояльно относился к чужим взглядам, никогда не навязывал своего мнения, не злоупотреблял излишними наставлениями. Но мне Лео Суренович неоднократно, настойчиво повторял слова о необходимости скорейшего завершения затянувшейся работы над рукописью кандидатской диссертации, объясняя, что только она может открыть дверь в мир настоящей науки.

Многие из этих особенностей характера Л.С. Степаняна были связаны, очевидно, с его генеалогией, а также с глубинной сутью его работы фаунист и систематика-микроэволюциониста. Анализируя внутривидовую изменчивость нескольких сотен видов птиц, обитающих в Северной Евразии, ему приходилось всё время с головой погружаться в огромные массивы коллекционных материалов, хранящихся в Зоологическом музее МГУ и в других учреждениях, помнить все опубликованные описания, все характерные особенности – всех известных в Палеарктике подвидов. Исследователю было необходимо постоянно держать в памяти сразу всю картину географической изменчивости всех видов, и поэтому отвлекаться на светские разговоры во время каждодневного напряженного анализа было невозможно. Хотя в минуты отдыха Лео Суренович оставлял работу и с удовольствием попыхивал своей трубкой из английского вереска, пуская по орнитологическому отделу знакомый, непередаваемый аромат «Золотого руна».

Профессиональному фаунисту нужно было постоянно обновлять также огромный массив литературных данных, необходимых для характеристики ареалов всех видов, для выявления различных изменений в распространении отдельных птиц, связанных с их расселением и со всё более активными фаунистическими исследованиями в разных регионах СССР. И поэтому Лео Суренович каждую неделю обязательно приходил в библиотеку и внимательно просматривал там всю поступавшую туда специальную литературу, извлекая оттуда необходимые данные для ареалогии и других своих исследований.

В 1970-е годы, когда я приезжал в Москву обрабатывать свои сборы, определять подвидовую принадлежность добытых в Предкавказье птиц, мне нередко приходилось наблюдать, как Лео Суренович раскладывал на своем рабочем столе на хорах Зоологического музея десят-

ки и сотни тушек и целыми днями сортировал их по половым и возрастным признакам, затем – по географическим регионам, тщательно сверяя этикетки. И в этих длинных рядах казалось бы абсолютно идентичных птиц он искал незначительные региональные различия в оттенках оперения и размерах разных частей тела, выявляя характерные особенности уже описанных подвидов и признаки новых, неизвестных форм.

Генеалогией Л.С. Степаняна определялся, несомненно, его глубокий интеллект, характерный для многих представителей его нации. А его восточным менталитетом объяснялась, возможно, интеллигентная неторопливость и обстоятельность в делах, суждениях, разговорах, а также верность надежным дружеским связям, ироничность и некоторая отчужденность от окружавшей его толчеи. К штрихам характера Лео Суреновича можно добавить также его слабость к крепкому черному кофе, и дома обычно он сам с удовольствием колдовал над его приготовлением, а затем разливал из турки горячий, душистый кофе с пенкой в небольшие фарфоровые чашечки, долго сохранявшие жар огня и субтропический аромат этого напитка. Л.С. Степанян был небезразличен также к хорошему армянскому коньяку и тоже с удовольствием смаковал его в кругу друзей.

Родился Л.С. Степанян 19 марта 1931 г. в Ереване, но большая часть его жизни прошла в России. Побывать же на родине позже ему пришлось лишь однажды в экспедиции на Севан и в Дилижан зимою 1958 г., а единственную работу об орнитофауне Армении Лео Суренович опубликовал по сохранившимся в полевых дневниках материалам экспедиционных исследований Е.П. Спангенберга – по сути своего первого профессионального наставника (Степанян, Спангенберг, 1988). Хотя еще одна весьма ценная, большая статья, насыщенная оригинальными фактическими материалами и содержащая интересный орнитогеографический анализ, была написана Л.С. Степаняном также о птицах Зангезурского хребта, расположенного у Аракса на границе Армении и Нахичевани, где Лео Суренович побывал летом 1968 г.

Из Армении в 6-летнем возрасте Лео переехал с родителями в Кисловодск, а позже – в Ессентуки на КавМинВодах. Военные годы семья провела в эвакуации в Киргизии, но после Отечественной войны вновь вернулась в Ессентуки. Отсюда же, после окончания в 1950 г. средней школы, Л.С. Степанян уехал в Москву, где поступил на биофак МГУ, к тому времени самостоятельно получив уже весьма солидный багаж орнитологических знаний.

Впоследствии родители Л.С. Степаняна переехали в Сочи, и Лео Суренович в течение почти 20 лет, с 1957 по 1975 г., регулярно наведывался туда на зимних каникулах и в летние отпуска, коллектируя там

птиц в окрестностях города. Для этого им было «изобретено» нехитрое оружие в виде рогатки, стрелявшей мелкой дробью, с помощью которой Л.С. Степанян смог собрать в Причерноморье уникальные сведения о распространении и экологии корольков, пищух, бледной бормотушки и других птиц. По собранным в Сочи материалам позже им были описаны новые подвиды красноголового королька *Regulus ignicapillus caucasicus* (1998) и короткопалой пищухи *Certhia brachydactyla rossocaucasica* (2000); они легли также в основу ряда теоретических статей по генезису палеарктических птиц.

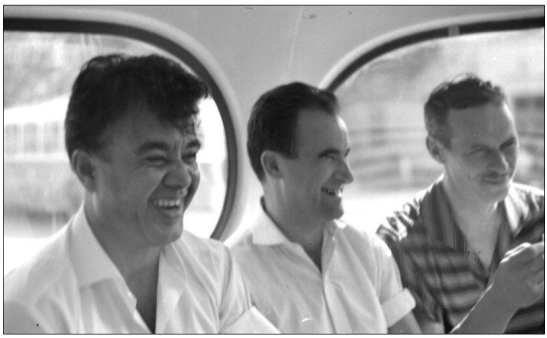
Московский университет и Зоологический музей МГУ были для Л.С. Степаняна начальной ступенью профессионального роста. Здесь он встретил своих первых учителей в орнитологии – Г.П. Дементьева и Е.С. Птушенко. Важную поддержку он получил тогда также в Зоомузее от обожаемого всеми студентами-орнитологами Е.П. Спангенберга, любовно называвшего молодого Степаняна «Лёвушкой». Можно полагать, что именно Евгений Павлович помогал Лёвушке в подготовке его первой научной работы, которая была написана на основе материалов, собранных еще в 1948-1950 гг. в школьный период.

Эта статья о биологии малого зуйка и перевозчика, которые и сейчас нередко гнездятся на галечниках Подкумка и других предгорных рек в районе КавМинВод, была опубликована в 1954 г. в солидном «Зоологическом журнале» и уже в студенческий период определила признание Л.С. Степаняна как профессионального орнитолога. Следует заметить, что Лео Суренович никогда не изменял орнитологии, своим любимым птицам, не опубликовав в течение жизни ни одной работы о других группах животных. Всего же из-под пера Л.С. Степаняна вышло около 230 научных трудов, в том числе 8 монографий.

Учеба в МГУ сопровождалась также активной экспедиционной работой, и в эти годы Лео Суренович успел дважды побывать на Тянь-Шане, посетил дельту Терека в Дагестане, Муганскую степь и Кызыл-Агачский заповедник в Азербайджане. Некоторые из этих поездок приносили интересный научный материал, быстро переплавлявшийся в резонансные на то время публикации в «Зоологическом журнале» и других центральных изданиях: о расписной синичке, арчовом дубоносе и других птицах. А после завершения учебы Л.С. Степанян поступил в Зоологический музей МГУ и еще два года проработал там вместе с Г.П. Дементьевым, Н.А. Гладковым, А.М. Судиловской, Е.П. Спангенбергом. Этот музей и позже всегда был «родным домом» для Лео Сурeновича, где он вплоть до конца 1970-х годов имел в отделе орнитологии постоянное рабочее место.

Второй ступенью роста стал для Л.С. Степаняна Московский

пединститут им. В.И. Ленина, сейчас – МПГУ, где под руководством С.П. Наумова и А.В. Михеева тогда формировался молодой, дружный, перспективный орнитологический коллектив. Здесь с 1957 по 1975 г., почти 20 лет, Л.С. Степанян преподавал на кафедре зоологии, регулярно выезжая также в длительные летние экспедиции на Тянь-Шань и Памир, в Бадхыз и Копетдаг, в Приуралье и на Арал, на Сахалин и Кавказ. Здесь же он подготовил свою кандидатскую диссертацию «Эколого-географический анализ авифауны хребта Терской-Ала-Тау (Тянь-Шань)», блестящая защита которой прошла в 1962 г. на биофаке родного МГУ.



И.А. Абдусалямов, Л.С. Степанян и А.А. Винокуров.
Август 1969 г., Ашхабад, V Всесоюзная орнитологическая конференция.
Фото А.Ф. Ковшаря

В 1975 г. Л.С. Степанян последний раз сменил место работы, перейдя по приглашению академика В.Е.Соколова в Институт эволюционной морфологии и экологии животных (ныне – ИПЭЭ РАН). В этот период Лео Суренович значительно расширил сферу своих интересов, занявшись регулярными экспедиционными исследованиями орнитофауны Монголии (1975-1976 гг.), Вьетнама (1978-1990 гг.), Северной Кореи (1989 г.), а также островов Океании, где он дважды побывал в 1976 и 1980 гг. в плавании на научном судне «Каллисто». Здесь же в ИЭМЭЖ на основе своей фундаментальной монографии «Надвиды и виды-двойники в авифауне СССР», опубликованной в 1983 г., Л.С. Степанян защитил в 1991 г. докторскую диссертацию.

В эти же годы продолжались его работы по инвентаризации фауны птиц СССР, ознаменовавшиеся последовательным появлением трех сводок, отражавших разную степень изученности орнитофауны Северной Евразии на трех временных этапах: «Состав и распределение птиц фауны СССР» (1975-1978), «Конспект орнитологической фауны СССР» (1990), а также «Конспект орнитологической фауны России и сопре-

дельных территорий (в границах СССР как исторической области)» (2003), опубликованный уже посмертно. Первая из этих работ сразу же принесла Лео Суреновичу заслуженное признание всего орнитологического сообщества, а последние две до сих пор служат исходной базой для современных фаунистических и систематических исследований птиц Северной Евразии.

Учредительный съезд Всесоюзного орнитологического общества. 19.02.1983. Фото Б.А. Казакова и А.Д. Липковича

К сожалению, Л.С. Степанян, твердо отстаивая принципы научной номенклатуры птиц, весьма нигилистически относился к их русским названиям, и его непоследовательная позиция по этому вопросу, не вполне обоснованные изменения видовых названий в опубликованных сводках до сих пор обсуждаются в орнитологических кулуарах. Так, пустынный сокол, названный в одной из статей шахином, в «Конспектах» получил имя рыжеголового сокола, хотя небольшое рыжеватое пятно видно у него только на затылке. Крайне необычный по внешнему виду и образу жизни клёст-еловик превратился в обыкновенного клеста, урагус назывался то длиннохвостым снегирем, то длиннохвостой чечевицей, один из наших луней именовался то камышовым, то болотным лунем, орёл-могильник стал почему-то могильником…

В то же время Лео Суренович согласился с моими доводами о необходимости публикации в «Конспектах» видовой синонимики, поскольку в недавнем прошлом – до появления Интернета и получения свободного доступа к электронным библиотекам – для многих наших орнитологов зачастую не было возможности выяснять значение устаревших названий, нередко встречающихся в публикациях XVIII-XIX веков. И в 2003 г., в последнем издании «Конспекта», у Л.С. Степаняна появились эти перечни основных латинских синонимов.

Нельзя не упомянуть здесь еще раз о проблеме «надвидов» и «видов-двойников», теоретическое и практическое осмысление которой Л.С. Степанян начал в отдельных статьях еще в 1960-е, а окончательно оформил свое видение этого вопроса в специальной монографии и в докторской диссертации в 1980-е годы. Креативное, творческое мышление, глубокое знание обширнейшей литературы по этим вопросам и скрупулезное изучение накопленных в нашей стране богатых коллекций позволили Л.С. Степаняну расшифровать и объяснить нам в этих работах одну из наиболее сложных задач систематики и таксономии птиц Палеарктики.

Изучая распространение, систематику и экологию птиц, Л.С. Степанян постоянно, во всех своих поездках активно коллектировал их, причем качество исполнения птичьих тушек у него было обычно на уровне искусства. Большая часть этих сборов поступала в Зоологический музей МГУ, но наиболее интересные, памятные экземпляры хранились у Лео Суреновича дома, в его «приватной» коллекции, и он любил показывать своих птиц гостям, сопровождая их просмотр эмоциональными комментариями. После первой «экскурсии» по этому домашнему музею мне особенно запомнился огромный бородач-ягнятник, лежавший на полке в бандаже из выцветшего сатинового платка, который пожертвовала Степаняну «ради науки» какая-то безвестная киргизская колхозница в горах Тянь-Шаня, где была добыта эта редкая птица. Мне она осталась памятна тем, что я тоже впервые в жизни увидел живого бородача именно на тянь-шаньском перевале в свою первую поездку в Среднюю Азию летом 1969 г.

В доме у Л.С. Степаняна иногда появлялись и живые птицы, добытые в экспедициях. В мае 1965 г. в ущелье р. Ширабад в горах Узбекистана он достал из гнезда оперившегося слётка шахина – своеобразного пустынного сокола, близкого родственника сапсана. Этот сокол долгое время оставался одним из наименее изученных видов хищных птиц СССР, и Лео Суренович взял его с собой в Москву для наблюдений за развитием, поведением, линькой оперения и другими биологическими особенностями. Эта самка шахина – Барбара, получившая имя в честь английского названия этого сокола *Barbary Falcon*, прожила в московской квартире более 10 лет, неоднократно летая самолетом из Москвы в Сочи «на летние каникулы» и обратно. А во время экспедиционных отлучек Лео Суреновича наблюдения за Барбарой дома вела его супруга Елена Николаевна, тоже наш известный орнитолог. Но однажды, когда Л.С. Степанян работал в Монголии, Барбара заболела, ей становилось всё хуже, и Лео Суренович, узнав об этом, тут же свернул свою экспедицию и срочно вылетел в Москву, будучи твердо уверен-

ным, что сможет спасти своего пернатого члена семьи. Но, увы, тогда он опоздал…

Познакомился я с Л.С. Степаняном благодаря протекции Бориса Александровича Казакова, который тоже занимался фаунистикой и внутривидовой систематикой птиц Северного Кавказа. Между этими орнитологами были дружеские отношения, они регулярно переписывались между собой, Лео Суренович помогал Б.А. Казакову в определении обширных сборов воробьиных птиц с Кавказа, в описании ряда новых подвидов. Столь же любезен Лео Суренович был и со мной после того, как я в 1974 г., по рекомендации Б.А. Казакова, обратился к нему за консультацией по поводу даурских жаворонков. А позже, когда мы встретились в Ростове, он с интересом осмотрел мои небольшие сборы птиц из Даурии, отметив, прежде всего, неплохое качество их препарирования. Хотя я, к сожалению, так и не смог достичь того совершенства в этом деле, которое отличало работы Бориса Александровича и самого Лео Сурeновича.

В первые годы моего знакомства с Л.С. Степаняном мы в основном переписывались, обсуждая разные вопросы подготовки моей кандидатской диссертации и других работ. Хорошо помню, как вспыхнули его глаза, когда я при одной из встреч показал ему фотографию хрустана и его гнезда, найденного моим однокурсником В.В. Данченко на Кавказе. Это была первая, совершенно неожиданная находка очень своеобразного аркто-альпийского кулика в наших южных горах, и Лео Суренович настоял на необходимости скорейшей подготовки статьи о его гнездовании на Кавказе, а затем помог и с ее публикацией в «Зоологическом журнале». Через руки Л.С. Степаняна «прошел» и ряд других моих работ: о находке канареечного вьюрка и горихвостки-чернушки в Сумском Полесье, о монгольском жаворонке и об инвазии саджи в Даурии. И Лео Суренович всегда максимально доброжелательно относился к моему языку и стилю изложения в этих статьях, почти не делая редакторской правки.

В 1970-1980-е годы мы изредка виделись с Л.С. Степаняном на различных орнитологических конференциях, а также в Зоологическом музее МГУ. Несколько раз мне довелось побывать тогда и в его доме на Фрунзенской набережной. А в 1990-е годы, когда появилась возможность приезжать в Москву более регулярно, мы постоянно встречались с Лео Сурeновичем, особенно в период работы над моей докторской диссертацией. Но вмешиваться в ее подготовку Л.С. Степанян из деликатности не считал возможным или нужным, полностью доверяя здесь моему опыту и знаниям. Однако позже, благодаря защите этой диссертации в 1999 г. в ИПЭЭ РАН, у Л.С. Степаняна, бывшего моим офици-

альным консультантом, появилась возможность получить в 2000 г. учёное звание профессора ВАК. При этом незадолго перед защитой неожиданно возникла дилемма – можно ли соискателю иметь двух консультантов. И решать ее пришлось тогда мне, обосновав и настояв на необходимости второго консультанта в моей многоплановой работе, что в итоге и позволило добиться включения имени Л.С. Степаняна в автореферат диссертации.

К сожалению, вскоре после этих событий здоровье Лео Суреновича пошатнулось. В 2001 г., несмотря на мою просьбу, он уже отказался от поездки в Казань на XI Международную орнитологическую конференцию, хотя еще продолжал интенсивно работать над обновлением «Конспекта орнитологической фауны России». Однако его выхода в свет Лео Суренович уже не дождался…

После Лео Суреновича Степаняна у всех нас остались на память о нем его многочисленные, очень содержательные, интересные статьи, его поистине эпохальные монографии и сводки, но самое главное – его обаятельный образ настоящего интеллигента, скромного, самобытного, большого Ученого и Человека.

Мир светлый праху Твоему, дорогой Лео Суренович!

Сергей Николаевич Варшавский (1909-1995)*

Минуло уже более 20 лет, как мы навсегда расстались с нашим известным зоологом Сергеем Николаевичем Варшавским, всю свою жизнь посвятившим изучению птиц и млекопитающих пустынно-степного пояса России и Казахстана. Немало времени и сил Сергей Николаевич отдал также Северному Кавказу и Предкавказью, где начинал свою научную и трудовую деятельность и много работал в последние годы своей жизни.

Родился Сергей Николаевич 29 сентября 1909 года в г. Витебске в Белоруссии – в семье военнослужащего, подполковника старой русской армии, а затем начальника штаба бригады Красной Армии, воевавшего против Юденича и белополяков. Там же в Витебске Сергей Николаевич закончил в 1928 г. среднюю школу. И уже в школьные годы, по воспоминаниям родственников, он начал интересоваться природой и животным

* Впервые опубликовано: Белик В.П., 2015. Светлой памяти Сергея Николаевича Варшавского (1909–1995) // Русский орнитол. журнал, т.24, Экспресс-выпуск № 1146.- С.1807-1817.

миром, вести дневники наблюдений по фенологии и орнитологии.

В 1931 году С.Н. Варшавский оказался на степном Юге и надолго связал свою жизнь с Ростовом-на-Дону, где до 1942 г. периодически работал то в Северо-Кавказском институте защиты растений, то в Противочумной системе. В этот период он успел получить также высшее сельскохозяйственно-биологическое образование в Институте зоологии и фитопатологии в Ленинграде, куда был командирован в 1935-1937 гг. из ростовского Института защиты растений. В 1939 г. он вместе со своей супругой Клавдией Тихоновной Крыловой получил грамоту ВАСХНИЛ за работы по рационализации и биологическому обоснованию газового метода борьбы с сусликами, а в 1940 г. был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ, позже – ВДНХ). В 1940-1941 гг. при Ростовском государственном университете С.Н. Варшавский сдал экзамен на ученую степень кандидата биологических наук и написал диссертацию, защита которой, к сожалению, не состоялась из-за немецкой оккупации Ростова в июле 1942 г. и гибели собранных материалов.

29.09.1909 — 20.05.1995

Хронология этого длительного периода, в начале которого была опубликована самая первая научная работа С.Н. Варшавского (1932) об осенних миграциях птиц на Нижнем Дону, а затем собраны обширные материалы о распространении пернатых на степном юге России, обработанные и опубликованные в основном лишь значительно позже, в 1952-1989 гг., требует более детального освещения. Это позволит полнее оценить географию полевых исследований Сергея Николаевича и область его научных интересов в тот период, отраженных в публикациях по фауне Нижнего Дона.

С.Н. Варшавский начал работу в Ростове в апреле 1931 г. препаратором и лаборантом в Северо-Кавказском институте защиты расте-

ний. Затем, с 1932 по май 1934 г., он работал зоологом Красноярского противочумного пункта в Цимлянском районе Ростовской области, проводя учеты сусликов и других грызунов и птиц в этом и в соседних районах Ростовской и Волгоградской области (Константиновский, Морозовский, Чернышковский, Суровикинский и др.) и периодически курсируя на пароходе по Дону в Ростов с непременными учетами птиц. В 1934-1935 гг. Сергей Николаевич возвращается в Ростов на должность научного сотрудника зоологического отдела в Институте защиты растений, а в 1935-1937 гг. проходит обучение в Ленинграде в биологическом ВУЗе.

Вернувшись из Ленинграда в Ростов, в 1937-1940 гг. С.Н. Варшавский продолжил работу зоологом в Северо-Кавказском институте защиты растений, занимаясь изучением экологии сусликов и разработкой методов борьбы с ними в энзоотичных по чуме районах. Именно этой теме была посвящена и кандидатская диссертация С.Н. Варшавского «Экологические особенности малого суслика, важные в противоэпидемической борьбе с ним», защищенная уже лишь после Великой Отечественной войны.

В 1940 г. Сергей Николаевич окончательно переходит на службу в Противочумную систему, с которой связаны все его дальнейшие успехи и достижения. Сначала С.Н. Варшавский работал старшим зоологом Зимовниковской противочумной станции, обследуя поселения сусликов в Сальских степях в Зимовниковском и окрестных районах Ростовской и Волгоградской области и Калмыкии (Семикаракорский, Мартыновский, Дубовский, Заветинский, Ремонтненский, Котельниковский, Малодербетовский и др.), а затем перешел в зоологический отдел Ростовского противочумного института, где руководил группой службы учета грызунов.

В сентябре 1941 г., в связи с началом Великой Отечественной войны, С.Н. Варшавский был призван по мобилизации в Красную Армию и направлен в кавалерийский полк, в станицу Морозовскую на Дону, а затем в г. Камышин на Волге. Но в феврале 1942 г. приказом ГКО Варшавский был освобожден от военной службы и вернулся в Ростовский противочумный институт.

Летом 1942 г., когда С.Н. Варшавский занимался в районе г. Элисты эвакуацией периферийной сети Противочумной организации, его бросил там, фактически забыл, по свидетельству самого Сергея Николаевича, начальник Зоологического отдела института. И осенью С.Н. Варшавский с семьей (жена Сергея Николаевича тоже работала зоологом-противочумником) был вынужден вернуться в Ростов. А в январе 1943 г., оказавшись на временно оккупированной территории, его вместе с женой и другими сотрудниками института принудительно вывезли

в Германию, где он до конца войны проработал рядовым чернорабочим.

Лишь благодаря случайной встрече с легендарным Н.В. Тимофеевым-Ресовским, который оказывал покровительство русским ученым, попавшим в Германию, Сергею Николаевичу и Клавдии Тихоновне удалось выжить в годы войны и вернуться на Родину. Воспоминания об этом мрачном периоде жизни Варшавских можно найти на страницах книги Даниила Гранина «Зубр», посвященной Н.В. Тимофееву-Ресовскому. Любопытные эпизоды встреч С.Н. Варшавского в Германии с бароном Лоудоном и известным немецким орнитологом Эрвином Штреземаном пересказывает в своем очерке также О.В. Митропольский (2009).

Вернувшись в 1946 г. из Германии в Москву, С.Н. Варшавский вскоре получил направление на только что созданную Араломорскую противочумную станцию, где с 1946 по 1955 г. исполнял обязанности старшего зоолога, а в 1955-1960 гг. – заместителя начальника станции по научной части. Годы, проведенные С.Н. Варшавским в Аральске, – особый, малоизвестный период в жизни Сергея Николаевича. Это было время напряженнейшей работы в очень трудных, опасных условиях, которое, однако, ознаменовалось успешной защитой кандидатской диссертации в 1947 г., а также сбором и публикацией многочисленных оригинальных материалов, посвященных грызунам, птицам, вопросам зоогеографии и эпизоотическим проблемам чумы в Приаралье.

Жизнь Араломорской станции наиболее эмоционально описала в своих воспоминаниях ее бывший сотрудник, врач Татьяна Николаевна Донская. С ее записками, которые с разрешения директора Противочумного института «Микроб» В.В. Кутырева были переданы Михаилом Михайловичем Шиловым в Саратовский филиал ИПЭЭ РАН, меня познакомил недавно Михаил Львович Опарин. И их можно привести здесь практически дословно, настолько они яркие и запоминающиеся!

* * *

Араломорская противочумная станция была открыта в г. Аральске на берегу Аральского моря в 1946 году после грандиозной вспышки чумы в посёлке Авань на острове Куг-Арал, на других островах и в прибрежных поселках. Инфекция тогда захватила практически все населенные пункты на северном и западном побережьях Аральского моря.

Аральск – маленький городок с населением 40 тыс. человек. При этом там жили люди 40 национальностей. Объяснялось это тем, что условия жизни в Северных Каракумах были предельно сложные: удаленность от цивилизованного мира, невероятная жара летом, холодные суровые зимы, частые песчаные бури (даже трудно сказать, когда они ужаснее – летом или зимой), постоянный дефицит пресной воды.

Маломощный водопровод обслуживал железную дорогу и только

2 часа в сутки подавал воду в две колонки для жителей городка. И вот характерная картинка для Аральска: зной, ветер перегоняет песок, на площади – необозримая цепочка из пустых ведер змейкой огибает всю площадь, огибает огромнейшую, никогда не просыхающую солончаковую лужу (собственно, она-то и составляет площадь) и скрывается где-то в одной из улиц (ряд глинобитных домиков) – это очередь за водой. Люди, владельцы ведер, прячутся от зноя где-то в тени. Сотрудникам противочумной станции воду развозили по домам на машине два раза в неделю по 7-10 ведер!

Все это явилось причиной того, что Аральск издавна стал местом ссылки. В свое время там отбывал ссылку Т.Г. Шевченко. В советское время, в 30-40-50-е годы, город заполнили высланные из родных мест чеченцы, татары из Крыма, калмыки, немцы, конечно же, неблагонадежные евреи и русские. Среди многочисленных ссыльных были люди образованные, интеллигентные, которые сослужили добрую службу для жителей города и окрестных поселков, аулов. Они работали преподавателями в местных школах. Больницы, лепрозорий заполнились квалифицированными медиками. Уже в 50-х годах, когда еще «не модно» было учить детей иностранным языкам, по местному радио Аральска шли передачи для школьников на нескольких языках. А географию в школе преподавал капитан дальнего плавания, доктор географических наук, профессор П.П. Тумм.

Шатер экспедиции на Аральском острове Барса-Кельмес
(рис. Т.Г. Шевченко, 1848 г.).
http://lib.exdat.com/docs/330/index-67401.html

Достаточно сказать, что выпускники не только Аральской школы, но и многих школ глухих аулов выдерживали конкурс абитуриентов (в те годы очень высокий) и поступали даже в столичные ВУЗы.

Вот в таком месте и была открыта в 1946 году Араломорская

противочумная станция. Возглавил ее Жучаев Андрей Алексеевич, типичный «выдвиженец», малообразованный, творческими способностями не блистал, но минимальным набором знаний обладал и рутинный «порядок» на станции поддерживал. Его заместителем по эпидемиологическим вопросам позже был назначен Сергей Николаевич Варшавский. Вокруг него и стало формироваться ядро блестящих специалистов-чумологов.

Под руководством Сергея Николаевича Варшавского в Аральске работали зоологи Шиловы Михаил Николаевич и Елена Сергеевна, Смирин Вадим Моисеевич, Ротшильд Евгений Владимирович, Беседин Борис Денисович, Дубянский Марк Андреевич, Марин Сергей Николаевич – все интереснейшие люди, личности далеко не ординарные*. Каждый из этих специалистов представляет собой индивидуальность как биолог, и каждый – высококлассный профессионал-чумолог. К этой группке потянулись специалисты ссыльной диаспоры – для них это была отдушина, где можно было вновь почувствовать себя интеллигентом и интеллектуалом. Такому стихийному сообществу потребовалась трибуна для официального общения.

На помощь пришел профессор Московского университета Николай Павлович Наумов, который на базе станции проводил грандиозные опыты по изучению эпизоотологии чумы, ее «элементарных очагов», а также по разработке методов оздоровления огромных территорий природных пустынных очагов чумы. С его помощью было учреждено Аральское отделение Московского общества испытателей природы (МОИП), старейшего научного общества России. Официальный статус позволил регулярно проводить заседания отделения, а доклады печатать в Бюллетене МОИП.

Активными членами отделения стали практически все представители местной интеллигенции: учителя и медицинские работники, местные ихтиологи и метеорологи, геологи и археологи. На заседаниях, помимо противочумных проблем, ставились интереснейшие доклады биологической, медицинской, географической и философской тематики: по охране природы, о состоянии природных очагов чумы в Приаральских Каракумах, о предварительных результатах опытов диспансерного обслуживания лепрозных больных, о возможности разумного регулирования уровня воды в Аральском море и др.

---

* Позже, после окончания медицинских институтов, в этот коллектив по распределению ВУЗов влился также ряд врачей, в том числе автор этих воспоминаний Т.Н. Донская. В 1964 году она переехала из Аральска в Саратов, в Институт «Микроб», где до начала XXI века трудилась в эпидотделе, отправившись затем на заслуженный отдых.

На основе проведенной профессором П.П. Туммом картографии Аральского моря (впервые после Т.Г. Шевченко) в прессе уже тогда, в 50-60-е годы, был поднят вопрос о необходимости принятия мер для спасения Аральского моря. К сожалению, этот голос не был услышан, хотя после публикации в Бюллетене МОИП на эту тему была опубликована большая статья в Литературной газете. Прошло время, шум умолк, а «жемчужина Каракумов» погибла, очевидно, безвозвратно.

Председатель созданного отделения этого старейшего русского научного общества С.Н. Варшавский, а после него М.Н. Шилов использовали малейшую возможность, чтобы зазвать на заседание общества интересного человека. Так, в 1963 году с огромным интересом был прослушан доклад академика О.Ю. Орлова из института биофизики АН СССР «Изучение цветного зрения животных». Своеобразным праздником всегда были фотовыставки и сообщения: «Подводные наблюдения на Арале», «Природа Приаралья», «Грызуны Приаральских Каракумов», фильм о жизни больших песчанок и др.

На заседаниях регулярно проводились обзоры биологических, медицинских, географических журналов, информации о симпозиумах, конференциях, совещаниях. Всегда были интересны сообщения о редких находках животных, археологических находках.

В начале 60-х годов, благодаря наступившей «оттепели», появилась возможность многим специалистам старшего поколения, кто не по своей воле задержался на этой Богом забытой земле, перебраться поближе к центру России. Первым в Саратов переехал С.Н. Варшавский. За ним потянулись и многие молодые. Они-то со временем и составили большую плеяду специалистов-чумологов в институте «Микроб».

* * *

После перевода в 1960 г. в головной, Саратовский противочумный институт «Микроб» и защиты в 1965 г. докторской диссертации «Ландшафты и фаунистические комплексы наземных позвоночных Северного Приаралья в связи с их значением в природной очаговости чумы», С.Н. Варшавский стал уделять много внимания разработке практических методов учета различных видов грызунов, картирования их поселений, борьбы с грызунами-носителями чумы, сбора и анализа погадок хищных птиц, своевременного выявления чумных эпизоотий. Ряд фундаментальных работ С.Н. Варшавского, написанных совместно с коллегами, был посвящен также общим вопросам географии природных очагов чумы и нерешенным проблемам длительного поддержания их энзоотичности. Одновременно Сергей Николаевич вместе с М.Н. Шиловым много ездил по Предкавказью и Кавказу, по Казахстану и Средней Азии, курируя и проводя консультативно-методическую работу

в подведомственных противочумных станциях: Элистинской, Дагестанской, Астраханской, Гурьевской, Араломорской, Ашхабадской и др.

Не забывал Сергей Николаевич в этот период и пернатых, особенно хищных птиц, которые являются истребителями грызунов и чуткими индикаторами их численности, позволяющими быстро и эффективно выявлять эпизоотийные очаги также по погадкам, с помощью серологических методов. Кроме эталонной коллекции черепов и костей различных видов грызунов, по которой можно было определять их остатки в погадках, изучать при этом питание хищников и выявлять конкретных носителей чумы, в зоологической лаборатории Института «Микроб» С.Н. Варшавский собрал также большую коллекцию погадок различных видов хищных птиц. И как-то по просьбе Сергея Николаевича я специально привозил ему для этой коллекции погадки европейского тювика, собранные у гнезд на Нижнем Дону.

Впервые я встретился с С.Н. Варшавским в 1983 г. в Москве на I совещании по хищным птицам. Помню, вместо заявленного доклада об орлане-долгохвосте – экзотическом индийском виде, практически исчезнувшем к тому времени на территории СССР, Сергей Николаевич предложил заслушать его новое, оригинальное, нигде не публиковавшееся сообщение о степном орле. Мол, что рассказывать, повторять то, что уже опубликовано в Материалах совещания? Ведь все коллеги и сами смогут познакомиться с этими фактическими сведениями.

И вот мы с еще большим интересом слушаем выступление С.Н. Варшавского о происходившей на его глазах драматической деградации ареала самого знакового вида Евразийских степей – степного орла на юге России. В этом выступлении воочию проявился весь характер Варшавского-Ученого: постоянный, активный поиск новой информации, скорейшая презентация важных обобщений, тактичное отстаивание личного мнения и своих представлений.

Очень интересной оказалась также многолетняя работа, посвященная изучению распределения и численности хищных птиц Северного Кавказа в связи с ландшафтными особенностями разных районов и трофической спецификой отдельных видов (Варшавский, Шилов, 1989). Ряд публикаций касался анализа изменений в распространении птиц степного юга России в течение XX в. (Варшавский, 1965, 1983, 1986; Варшавский, Крылова, Шилов, 1989). В последние годы жизни С.Н. Варшавский с коллегами подготовил сводку «Птицы Саратовской области», основанную большей частью на его собственных 30-летних исследованиях в Среднем Поволжье. К сожалению, она была опубликована в сокращенном варианте и очень небольшим тиражом (Варшавский и др., 1994).

До последних лет жизни Сергей Николаевич активно сотрудни-

чал с Московским обществом испытателей природы, постоянно принимал участие в различных съездах, конференциях и совещаниях зоологической и зоогеографической тематики, выступая на них с актуальными обзорами и обобщениями своих многолетних наблюдений и исследований. Достаточно сказать, что, несмотря на все трудности довоенного и послевоенного периодов, С.Н. Варшавский уже к 1946 г. опубликовал 16 научных работ, в 1960 г. имел уже 57 публикаций, а к выходу в 1988 г. на пенсию – более 260 работ, около четверти из которых были посвящены птицам.

Невысокого, сухощавого, слегка сутулого Сергея Николаевича даже в 80 лет трудно было назвать стариком, настолько ярко блестели его глаза, столь живой была речь, и очень искренним оставался его интерес ко всему новому. В его планах было много дальнейших интересных замыслов, связанных с обработкой материалов, собранных совместно с М.Н. Шиловым в Приаралье, в Поволжье и других регионах СССР в течение длительной жизни. В последние годы вдвоем с Шиловым Сергей Николаевич занялся систематизацией массовых сборов ощипов птиц из Гурьева, Челкара, Аральска для сравнительно-географического анализа питания перепелятника в период осенних миграций в пустынно-степной зоне Казахстана. В Саратове Сергей Николаевич увлекся изучением эколого-этологических особенностей трофики крачек и зимородка. Позже, попав с коллегами-чумологами в более северные районы Поволжья и познакомившись там со слепышом, С.Н. Варшавский сразу же начал разрабатывать перспективную тему влияния роющей деятельности этого грызуна на микроландшафты степных местообитаний.

Но жизнь распорядилась иначе. Вот выдержки из последних писем Сергея Николаевича: «…следом постигло меня ужасное несчастье – скончалась после не очень долгой болезни моя Клавдия Тихоновна. Умерла 3 мая – единственное утешение – не мучилась – заснула и не проснулась – отказалось работать сердце. Но это мало утешает – до сих пор нет сил осознать произошедшее. Не могу много думать и писать…». А через три месяца, 6 августа 1992 г., под колесами грузовой автомашины погиб Михаил Николаевич Шилов: «Не могу больше писать – путаются мысли, голова отказывается работать – ведь я только что потерял свою Клавдию Тихоновну, а теперь вот – и лучшего друга жизни».

Большую часть времени Сергей Николаевич проводил теперь на кладбище. Там на могиле жены он и умер…

Фактически вся жизнь Сергея Николаевича была отдана познанию природы, изучению различных животных, борьбе с опасными чумными эпизоотиями. Как специалист он был известен не только в своем

отечестве, но и далеко за его рубежами. Это был очень широко эрудированный ученый, умевший весьма точно вскрывать и объяснять различные экологические связи в природе. В докторской диссертации, а также в ряде фаунистических работ, выполненных в Северном Приаралье, С.Н. Варшавский проявил себя также как опытный биогеограф, четко показавший сущность зонально-ландшафтных границ и их динамическое состояние, связанное с влиянием изменчивых абиотических факторов. Сергей Николаевич был лучшим знатоком хищных птиц, населяющих степные и пустынные пространства Предкавказья, Прикаспия и Приаралья. В круг его постоянных интересов входили и врановые птицы – непременные спутники, конкуренты и жертвы хищных птиц, обеспечивающие последних также необходимой гнездовой базой. Не говоря уже о грызунах – различных сусликах, песчанках, тушканчиках, жизнь которых С.Н. Варшавский знал в совершенстве.

Сергей Николаевич был общительным, доброжелательным, обаятельным жизнелюбом, удивительно простым и скромным полевым зоологом, и вместе с тем очень порядочным и интеллигентным человеком. И, несмотря на значительную разницу в возрасте, с ним можно было легко обсуждать любые темы, дискутировать. Но в пылу самых жарких споров он никогда не позволял себе унижать собеседников, хотя упорно, принципиально и тактично аргументировал свои взгляды. Он всегда был доступен для молодых специалистов, никогда не отказывая никому в своих советах, консультациях и помощи. Очень показательна также обязательность Сергея Николаевича в словах, аккуратность в переписке. И поэтому я всегда с нетерпением ожидал его интересных, содержательных писем, легко узнававшихся по характерному мелкому, размашистому почерку.

Необходимо подчеркнуть также, что Сергей Николаевич обладал искрометным чувством юмора, не только помогавшим ему в самые тяжелые периоды жизни, но и скрашивавшим общение с ним на работе и в быту. Поэтому любые, даже самые мимолетные встречи с С.Н. Варшавским оказывались яркими событиями и запечатлевались на всю жизнь.

Память о Сергее Николаевиче – замечательном Человеке и Ученом – навсегда останется в сердцах всех тех, кому посчастливилось знать его и встречаться с ним в жизни. А лучшим памятником Сергею Николаевичу будут навечно служить его важные, очень содержательные труды о животных и природе степной России и пустынного Казахстана.

"Изведав мучения жажды,
я попробовал вырыть колодец,
чтоб из него черпали и другие".
(Э. Сетон-Томпсон)

12. И вновь в университет

К середине 1990-х годов экономический кризис добрался и до Противочумного института, стоявшего на страже здоровья россиян. Резко сократилось финансирование научных работ, ограничились экспедиционные исследования в Ростовской области, а Казахстан и Средняя Азия оказались вовсе за границей. Происходили изменения и в самом РПЧИ. М.Г. Протопопян, недавно защитивший докторскую диссертацию в Саратовском институте «Микроб», был неожиданно освобожден от заведования лабораторией и уволен из РПЧИ. А на его место назначили сына нашего известного в прошлом териолога, много лет руководившего зоологической лабораторией в послевоенные годы.

Новый зав. лаб. получил великолепное образование, был весьма одарен, и в РПЧИ его ждали, казалось бы, неплохие перспективы. Но проработав много лет в подчинении у М.Г. Протопопяна, он утратил принципиальность и благородство интеллигента, а затем потерял интерес и к науке, а вскоре его жизнь, к сожалению, трагически оборвалась. Мне же оставаться в этой новой среде стало невозможно, и я был вынужден во второй раз сменить место работы.

Михаил Викторович Ханин

Незадолго до ухода М.Г. Протопопяна из РПЧИ, нашу лабораторию навестил его сокурсник и мой давний товарищ по университету М.В. Ханин, который после выхода на пенсию А.Е. Моисеева в 1993 году возглавил реформированную кафедру ботаники и зоологии в Ростовском государственном педагогическом университете (РГПУ). Ему нужны были грамотные преподаватели-зоологи, прежде всего – орнитологи, поскольку при изучении зоологии позвоночных и проведении полевых практик на 2 курсе, а также при подготовке студенческих дипломных работ всегда очень большое место занимала работа с птицами. Преподававшая же прежде на кафедре зоологии РГПУ моя однокурсница Ю.Я. Мягкова (Кожевникова) перешла

на другую кафедру и к тому же давно сменила орнитологию на палеонтологию. Причем, занимаясь раньше в основном экологией птиц, детальным изучением их небольших групп, она недостаточно хорошо знала орнитофауну Ростовской области и Кавказа и, по словам М.В. Ханина, не смогла организовать на кафедре эффективное познание биоразнообразия позвоночных животных студентами.

Кафедра ботаники и зоологии РГПУ. 2002 г.
Стоят: лаборанты О. Максименко и Н. Шварцева, М.В. Ханин, В.П. Белик, С.Ю. Чередников, лаборант С. Калинина. Ниже: А.Ю. Матецкая, З.Г. Пришутова, С.В. Утянская, Т.Н. Пахоменко

Наша беседа с М.В. Ханиным завершилась тогда безрезультатно. Прежде всего, я был совершенно не готов к преподавательской работе, никогда даже не мыслил себе, что из этого может получиться что-то серьезное. К тому же я был занят сбором материалов для докторской диссертации, и переход на новое место работы мог затормозить мои исследования. Смущали и вероятные финансовые потери, имевшие в тот кризисный период «шоковой терапии» в России немаловажное значение в жизни.

Но через год, в 1995 г., я был вынужден уже сам идти к М.В. Ханину. И несмотря на закрывшуюся к тому времени вакансию в штатном расписании, он всё же нашел возможность принять меня на кафедру, сначала по совместительству, а с 1996 года – на основное место работы. Большую роль сыграл при этом, по-видимому, и декан факультета естествознания РГПУ Е.И. Сутягин. Как случайно выяснилось в беседе с В.М. Галушиным, Евгений Иванович был его сослуживцем по Афганистану. Они по-прежнему поддерживали связь друг с другом, и Владимир Михайлович мог из Москвы ходатайствовать тогда за меня. Во всяком случае, благодаря усилиям М.В. Ханина и Е.И. Сутягина, ректор

РГПУ академик А.А. Греков утвердил меня сразу доцентом, и мне не пришлось карабкаться еще много лет по ступенькам служебного роста.

Музей кафедры ботаники и зоологии РГПУ. Сидят Т.Н. Пахоменко, С.Ю. Чередников, Л.П. Маркова, В.П. Белик, С.В. Утянская, М.В. Ханин. Стоят А.Ю. Матецкая и лаборанты В. Трофименко и А. Лесниченко

Позже М.В. Ханин и ректорат РГПУ поддержали мое намерение заняться завершением докторской диссертации. Меня перевели на должность старшего научного сотрудника, временно сократив учебную нагрузку, а затем всемерно, всей кафедрой, помогали мне в оформлении рукописи и другой необходимой документации. Защита состоялась досрочно, и вскоре после этого, уже в 1999 году, меня избрали на заведование кафедрой.

А в 1995 году кафедра сразу же встретила меня очень доброжелательно, тем более что с некоторыми ее сотрудниками я был давно знаком по РГУ, в котором все они учились в разное время. Истинной душой коллектива был Михаил Викторович Ханин – очень грамотный, эрудированный, необычайно порядочный, интеллигентный преподаватель, уважавший коллег и студентов, понимавший тонкий юмор и шутки, умелый организатор, хорошо освоивший практическую педагогику, а в последнее время увлекавшийся также компьютерным программированием. Он достиг в этом деле неплохих результатов, много сил отдавал поддержанию в рабочем состоянии нашего кафедрального компьютерного парка и помогал осваивать его всем другим коллегам. В студенческие годы М.В. Ханин занимался энтомологией, однако после защиты кандидатской диссертации со временем постепенно отошел от научной

работы, а затем с удовольствием оставил и руководство кафедрой, всю административную работу, отнимавшую у него в последние годы всё больше времени, нервов и сил.

Б.А. Казаков, В.П. Белик, М.В. Сиденко и секретарь И.Г. Саенко в жюри зоологической секции на школьной научной конференции во Дворце пионеров Ростова-на-Дону, 1998 г.

Но во Дворце пионеров г. Ростова М.В. Ханин вместе с заведующей экологическим отделом С.З. Вишневецкой создал очень активный Клуб «Юнэк» (Юный эколог) и многие годы вёл там творческую работу со школьниками, проводя научные семинары, организуя увлекательные летние поездки в экологические лагеря, встречаясь с учителями-биологами из США, выезжая в Америку с преподавателями и учащимися по обмену опытом.

В летнем лагере клуба «Юнэк» в окрестностях Новороссийска, 1998 г.

В этом Клубе, в работе которого позже пришлось принимать участие и мне, у школьников воспитывалось неравнодушное отношение

к природе, интерес к науке, уважение к людям. В итоге многие из «юнэковцев» стали впоследствии известными учеными, организаторами, лидерами.

Я, как и весь коллектив кафедры, чрезвычайно благодарен Михаилу Викторовичу за его человечность, порядочность, душевность. Мы все глубоко переживали за него, когда нагрянула беда. Тяжелая болезнь почти не оставляла надежд, но Михаил Викторович мужественно, стойко переносил недуг и до последнего дня боролся с ним. И я как сейчас помню тот оглушительный шок, который испытал 17 августа 2007 года на одном из перевалов в экспедиции по Кавказу, когда телефон принёс совершенно нежданное известие о кончине нашего Ханина…

* * *

Коллектив нашей кафедры был небольшой, но дружный, доброжелательный, спокойный. У нас никогда не было никаких склок и конфликтов, никто никого не подсиживал, при необходимости всегда можно было рассчитывать на помощь коллег в замене занятий, в проведении лекций на время срочного отъезда и т.п. Мы вместе планировали и готовились к выездам на полевые практики, проводили праздничные вечера, отмечали дни рождения сотрудников.

Всего на кафедре в 1990-е годы постоянно работало до 10 преподавателей – 4 ботаника: садовод Л.П. Маркова, цветовод Т.Н. Пахоменко, альголог Т.В. Ластивка (Фуштей-Руднева) и флорист А.Ю. Матецкая; а также 6 зоологов: М.В. Ханин, В.Х. Грекова, С.В. Утянская, З.Г. Пришутова, С.Ю. Чередников и В.П. Белик.

Мою педагогическую работу на первых порах курировала В.Х. Грекова, которая вела курс зоологии позвоночных. Она специализировалась на изучении грызунов, начав заниматься ими еще в студенческие годы в РГУ под руководством В.Э. Мартино. В 1970 году Валентина Харитоновна защитила интересную кандидатскую диссертацию, посвященную экологии сони-полчка на Западном Кавказе, но в последние, предпенсионные годы уже практически не вела научных исследований.

Однако она по-прежнему оставалась очень принципиальным, строгим педагогом, не терпевшим халтуры, фальши и разгильдяйства среди студентов и коллег. Но в душе это был добрейший человек, и на праздничных вечерах, даже после ухода Валентины Харитоновны на заслуженный отдых, нас всегда ждали на кафедре чудеса ее кулинарного искусства, душистые домашние напитки и другие яства с дачного участка. В.Х. Грекова была однокурсницей Б.А. Казакова, все годы была близка с его дружным семейством, и поэтому мы часто общались с Валентиной Харитоновной, обсуждая общие темы. А в 1996 и 1997 гг. она любезно помогала вести занятия по зоологии, когда мне нужно было

выезжать весной в длительные орнитологические экспедиции.

После ухода В.Х. Грековой на пенсию, ее сменил Т.О. Барабашин, закончивший Ульяновский педагогический университет и в 2001 году поступивший к нам в аспирантуру. Успешно защитив в 2004 году диссертацию о хищных птицах Поволжья, он остался работать на кафедре, но его научные интересы постепенно сместились на гидробиологию, которой он занимался по совместительству в Азовском НИИ рыбного хозяйства (АзНИИРХ). Тем не менее, его обширные научные знания и экспедиционные навыки, коммуникабельность и организаторские способности до сих пор остаются востребованными в университете.

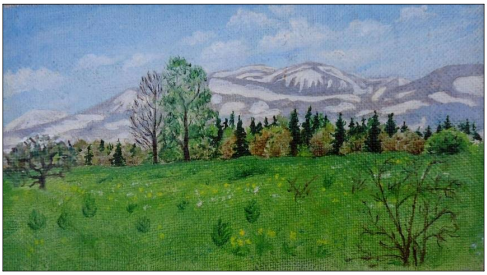
Мне же после В.Х. Грековой достался курс зоологии позвоночных. Для того чтобы сделать его интересным и понятным для студентов и одновременно уложиться в прокрустово ложе сокращавшихся учебных планов, мне пришлось досконально проштудировать все учебники и другую литературу о ланцетниках, асцидиях, круглоротых, рыбах и других позвоночных животных. Систематизируя все эти знания, я вскоре подготовил учебное пособие «Экологические факторы прогрессивной эволюции хордовых животных» (Белик, 2001, 2014), в котором постарался чётко, кратко и в то же время образно объяснить все прогрессивные и примитивные особенности и черты специализации представителей каждого класса хордовых, связанные с образом их жизни.

В пособии были описаны вероятные пути происхождения и дальнейшей эволюции хордовых и показаны закономерности их прогрессивного развития, обусловившего увеличение активности, подвижности и автономности и постепенное освоение всё новых сред обитания, всех имевшихся на Земле ресурсов, позволившего расселиться из морей в устья рек, в пресные водоемы, на их побережья, на сушу, в воздух, в Космос…

Доцент С.В. Утянская, со школьных лет специализировавшаяся под руководством А.И. Фомичева в энтомологии, после окончания РГУ и аспирантуры в Москве успешно защитила кандидатскую диссертацию, в Пединституте преподавала зоологию беспозвоночных, но за годы работы в РГПУ тоже фактически отошла от серьезной науки. И даже настойчивые советы ее старших, именитых коллег и друзей из Москвы, призывавших Софью Владимировну заняться подготовкой докторской диссертации, не изменили ее принципиальной позиции. Хотя как педагог, руководитель и воспитатель она достигла высшего совершенства, и после выхода на пенсию смогла организовать даже собственное образовательное учреждение для ростовских детишек. А в Пединституте она вместе с М.В. Ханиным и А.Ю. Матецкой осуществила разработку и реализацию очень интересного научно-

образовательного проекта «Виртуальный гербарий Ростовской области» (http://bg.sfedu.ru/Virt_Herb/plants/foto_g_11.html), который в последующем разошелся по всей России и стал прообразом для создания многих других аналогичных региональных гербариев.

З.Г. Пришутова. Хутор Крымский. 1995 г. Картон, масло, 19×14.



З.Г. Пришутова. Гора Абаго. 1998 г. Холст, масло, 26×15.

Наша замечательная Зинаида Григорьевна Пришутова была романтиком в науке и жизни, и к тому же еще и мастером на все руки. Она великолепно рисовала, занималась рукоделием, удивляла всех в Пединституте своими чудесами, которые появлялись у нее в руках на занятиях по изготовлению наглядных пособий по биологии. В студенческие годы в РГУ она начинала как орнитолог, изучая жизнь чаек на островах Маныча, позже защитила кандидатскую диссертацию по энтомологии, а в Пединституте преподавала зоологию позвоночных и еще длинный ряд других дисциплин, от которых не могла отказаться в силу своей необычайной обязательности и порядочности.

В начале 2000-х годов, при поддержке деканата и ректората РГПУ, мы начали реконструкцию нашего зоологического музея, и через несколько лет благодаря незаурядному таланту и золотым рукам Зинаиды Григорьевны этот демонстрационный Музей природы стал одним из лучших естественнонаучных музеев Ростовской области, в котором проводились десятки экскурсий из школ и других учреждений всего Ростова для знакомства с животным миром родного края.

Еще одному нашему зоологу, доценту С.Ю. Чередникову, тоже специализирующемуся в энтомологии, приходилось работать сразу на нескольких трудовых фронтах. Помимо преподавания в РГПУ, он являлся еще и сотрудником АзНИИРХа, а дома занимался воспитанием подраставших сына и дочери. Тем не менее, он находил еще какое-то время и на научную работу, сотрудничая с коллегами-энтомологами и периодически публикуя собранные материалы. Сергей Юльевич был также безотказным, надежным помощником во всех кафедральных делах,

и на него всегда можно было положиться, зная, что он никогда никого не подведет. У него было много интересов, он отличался разносторонностью и широкой эрудицией и мог браться даже за ведение наших ботанических курсов, когда поручить их было некому.

Я же в своей работе администратора всегда руководствовался двумя основными принципами: не мешать подчиненным и, по мере возможности, поддерживать их, защищать от различных посторонних воздействий и помех. Все наши преподаватели были опытными и сами хорошо знали своё дело, без всякого вмешательства грамотно выполняя всю работу. Залогом их нормальной трудовой деятельности было спокойствие, осознание того, что их не бросят, не подставят, что всю ответственность за кафедру, за принимаемые решения несу я, как руководитель. Что, в принципе, и должно быть в нормальных рабочих коллективах.

Единственное, что меня несколько смущало, я не мог собрать всех преподавателей кафедры в одну научную группу, которая могла бы заняться общей работой по единой программе. Наш небольшой коллектив был очень разнородный и по подготовке, и по интересам. И я не смог заинтересовать кафедральных специалистов даже в проведении простой инвентаризации биоразнообразия нашего стационара в хуторе Крымском, хотя там на полевых практиках ежегодно собирали значительные материалы по флоре и энтомофауне. К тому же большой опыт составления региональных флористических обзоров в свое время оставил один из бывших руководителей ботанического направления в Пединституте профессор Александр Павлович Балаш. Подобный пример для сотрудников был приведен также в нашем обзоре орнитофауны Доно-Донецкого займища, где располагался полевой стационар по проведению летних учебных практик (Белик и др., 2001).

Меня очень огорчало также отсутствие у большинства наших преподавателей особых творческих замыслов; мало кто из них стремился к высоким целям, к самосовершенствованию. Лишь Зинаида Григорьевна Пришутова «встрепенулась» после того как мы в 2001 году съездил с ней в экспедицию в наш заповедник на Маныче. С тех пор она начала проводить там интересные ежегодные исследования, причем развивала не только свою почвенную энтомологию, но освоила и геоботанику, и «коневодство» заповедных мустангов. Вместе с ней на Маныч постоянно выезжали группы студентов-помощников, собиравших материалы для своих дипломов, и со временем из них сформировался даже небольшой сплоченный коллектив, продолжающий самостоятельные исследования.

Причина определенной инертности преподавателей была связана,

как я думаю, с мрачным периодом 1990-х годов, который пришлось пережить многим вузам России. Нашим преподавателям, чтобы обеспечить свои семьи, всё время приходилось подрабатывать еще и в других местах, и поэтому времени на серьезную науку у них почти не оставалось. Кроме того, в вузах тогда практически прекратилось государственное финансирование научных работ, хотя Минвуз продолжал требовать у преподавателей их «научные отчеты». Иногда у нас не было средств даже на организацию учебных полевых практик, и преподаватели сами искали различные возможности для выезда со студентами куда-нибудь из Ростова, без оплаты командировочных расходов, за свой счёт.

Однажды, как рассказывал М.В. Ханин, он по своим каналам нашел для практики пустовавшее клубное здание в полузаброшенном лесничестве на песчаном берегу Среднего Дона – в красивейших Шолоховских местах. Приехав на автобусе в станицу Казанскую, проделав почти 400 км от Ростова, студенты с помощью местного охотоведа Михаила Петровича Дронова добрались до лесничества и разместились в клубе, за годы «перестройки» оставшемся, правда, без оконных стёкол. Всё было прекрасно: большая чистая река, песчаный пляж, сосновый лес с грибами, тишина. Но эйфория продолжалась лишь до вечера. А в сумерках из поймы поднялись несметные тучи голодных комаров, спрятаться от которых в полуразрушенном клубе оказалось невозможно. Промучившись в войне с комарами несколько ночей, студенты были вынуждены свернуть так интересно начавшуюся практику и повернуть в Ростов.

В середине 1990-х годов Пединститут за бесценок приобрел для проведения учебных полевых практик пустовавшее школьное здание в хуторе Крымском – тоже в одном из красивейших мест на Нижнем Дону, сравнительно недалеко от Ростова. Хутор этот расположен в Усть-Донецком районе – на высоких, овражистых крутосклонах коренного берега долины Дона, рядом с небольшой тихой речушкой Сухим Донцом – донским рукавом, обрамленным галерейными лесами, мощными обрывами и небольшими песчаными пляжами. И я лет пять ездил туда со студентами, попутно собирая материалы по орнитофауне Доно-Донецкого займища и его окрестностей. Но здание школы, остававшееся все годы без ремонта, за 20 лет постепенно разрушилось, сгнило, и сейчас туда даже официально запретили выезды на практику. Биологи же вновь фактически лишились положенной им по учебным планам летней полевой практики по ботанике и зоологии и теперь проводят ее в Ботсаду в городе Ростове. Но весной и осенью, уже без официальных разрешений, студенты и преподаватели продолжают самостоятельно ездить в хутор Крымский для сбора материалов к дипломным работам,

за грибами и ягодами, да и просто вспомнить дела своих давно минувших дней.

В первые же годы работы в Пединституте в качестве пособия для проведения студенческих практик нами был подготовлен полевой определитель гнездящихся птиц Ростовской области, в котором был описан 231 вид, обитавший на территории степного Придонья. В пособии указаны основные экологические характеристики каждого вида, его распространение в Ростовской области, полевые признаки и голосовые реакции, важные для диагностики птиц. Параллельно были приведены черно-белые рисунки всех видов, подготовленные М.В. Ханиным в фотошопе на основе различных атласов, а С.В. Утянская завершила грамотное макетирование этой методички (Белик, Ханин, Утянская, 1998, 1999 и др.). В результате получилась своеобразная «книжка-раскраска», в которой студенты отмечают все встреченные на практике виды, анализируют потом фауну и экологию птиц и одновременно раскрашивают рисунки цветными карандашами – по непосредственным наблюдениям в природе или по изображениям в цветных атласах или Интернете. Эти книжки остаются у студентов на память о практике, а также как пособие для их будущей работы в школах.

Определитель имел довольно широкий успех, и студенты пользовались им даже в соседних областях и вузах. Иногда и сами преподаватели, не знающие птиц профессионально, раскрашивали альбом для себя, чтобы всегда иметь под руками необходимый справочник. Орнитологами-любителями после этих практик стали даже некоторые наши ботаники.

Возглавив кафедру, мне в 2000 году удалось добиться в ректорате возобновления полевых практик на Кавказе, где в далекие уже 1980-е годы студенты Пединститута летом проводили в горах до полутора месяцев ежегодно, собирая гербарии, изучая птиц, грызунов и других животных. С помощью Р.А. Мнацеканова мы договорились с Кубанским университетом о размещении студентов на его базе «Камышанова поляна» на Лагонакском нагорье. И две недели, проведенные среди красивейших лесов и полян, скал и водопадов, рядом с Кавказским заповедником, куда мы однажды забрались ночью, тайком, остались в памяти студентов на всю жизнь. И они до сих пор с восторгом вспоминают услышанные там истории, скороговорки птичьих песен, знакомство с пещерами и гротами, свои собственные приключения.

В июне 2002 года мы провели полевую практику в Теберде, много экскурсируя по окрестным ущельям, часто общаясь с В.М. и Н.Н. Поливановыми, изучавшими птиц в Тебердинском заповеднике, встречались с его директором Д.С. Салпагаровым. А осенью вместе с ними

мне удалось организовать там юбилейную научную конференцию, которая была посвящена 20-летию создания Северокавказской орнитологической группы, возникшей в 1982 году по инициативе Поливановых. С той памятной встречи и были возобновлены регулярные совещания орнитологов Северного Кавказа, прервавшиеся в начале 1990-х годов после развала СССР и многочисленных военно-политических потрясений на Кавказе.

Еще один раз, в июле 2009 года, для проведения летней практики мы поднимались в альплагерь «Алибек», расположенный выше Домбайской поляны, на границе старых пихтовых лесов и субальпийских лугов, на высоте 1850 м над уровнем моря. Помимо многочисленных экскурсий в высокогорье, по моренам среди ледников и снежников, кроме купания в Турьем озере, еще не освободившемся от зимних льдов, мы воочию познакомились там также с бдительностью наших пограничников, задержавших одну из студенческих групп, отправившуюся в первый день в горы без специального пропуска.

В 2005 и 2006 гг. с помощью В.А. Тельпова мы нашли для проведения летней практики удобную базу в Кисловодске и два года выезжали туда, близко познакомившись с природой, флорой и фауной Мелового и Скалистого хребтов, окружающих курортный город. Ландшафты этого района оказались столь необычны для Кавказа, что я затем несколько лет специально приезжал туда для изучения фауны известняковых куэст, остепненных столовых гор и аридных котловин, населенных интереснейшими сообществами животных. Позже, благодаря опыту, приобретенному в Кисловодске, мне удалось обследовать почти весь Скалистый хребет – от Кубани до Терека – для инвентаризации Ключевых орнитологических территорий России. А в июле 2007 года мы целую неделю работали в палаточном лагере в окрестностях Кисловодска вместе с Уло Вяли, который специально приезжал сюда из Эстонии для филогенетических исследований малого подорлика.

В 2008, 2012 и 2014 гг. мы трижды выезжали в альплагерь «Таймази» в самых верховьях р. Урух в Северной Осетии, который я случайно обнаружил в 2007 г. во время своей экспедиции по Кавказу. Это была замечательная, рукотворная база Таганрогского радиотехнического института, который в 2006 году вошел в состав нашего Южного федерального университета. И мы воспользовались этой возможностью, чтобы поближе познакомить студентов с фауной и флорой высокогорий Центрального Кавказа, Национального парка «Алания». К сожалению, времени на полевые исследования студентов-биологов ректорат ЮФУ отводил в последние годы немного, но мы смогли увидеть там и грозные ледники Главного Кавказского хребта, и куэсты Скалистого хребта,

и средневековые склепы и сторожевые башни в дигорских селениях, а также знаменитое древнее капище в Задалесском дзуаре «Дигоризед» (Ангел Дигории) – с сотнями рогов оленей, с черепами вымерших зубров и лосей, описанными еще в работах А.Я. Гюльденштедта, Н.Я. Динника, Н.К. Верещагина (1959).

История Задалеска тесно связана также с самой трагической страницей истории Алании. В Задалеске великий подвиг совершила женщина, которую потомки почтительно назвали «Задалески нана» – «Мать Задалеска». В конце XIV века, когда орды Тамерлана сжигали целые поселения, истребляя народ Осетии, одна пожилая осетинка, Нана, как было принято называть женщин ее возраста, дабы не исчез с земли род аланский, пошла по сёлам собирать осиротевших детей, чтобы тайком увести их в горы. Собрала она сирот из 16 осетинских родов и тайными тропами ушла в лес, надеясь уберечь детей и сохранить нацию. Она кормила их дикими фруктами, различными кореньями, всем, что ей удавалось добыть. Наконец Нана с детьми попала в солнечную горную котловину, к Задалеску, в род Текиевых.

Вид на куэсту Скалистого хребта к северу от аула Задалеск, сложенную юрскими известняками, где находится дзуар Дигоризед в гроте на скалах, а также пещера Морги-лагат.
http://www.artamonova-vv.mwland.ru/LinkClick.aspx?fileticket=2CJqH7cykNY=&mid=3926&tabid=1356

Хозяева приютили детей. Кто-то предложил расселить их по семьям, но Нана не согласилась. Она спрятала детей на луговой поляне Морга на северной окраине селения, в пещере Морги-лагат – узкой трещине, закрытой сверху огромным валуном. Спустя несколько дней жители Задалеска нашли их. Они привели женщину в село, выстроили для нее и ее детей дом и в дальнейшем помогали им, как могли. Время

шло. Дети выросли. Девушки вышли замуж, юноши женились. Семья Нана разрослась, пустила корни, а сама она полюбилась жителям селения. Задалески нана жила до глубокой старости, а когда умерла, ее похоронили в особом склепе и стали чтить как святую.

В июне 2011 года мне удалось организовать еще один выезд небольшой группы студентов 2 курса на практику в посёлок Малый Утриш близ Новороссийска, на базу ИПЭЭ РАН, где давно ведется изучение поведения дельфинов. Наши студенты жили в палатках среди леса у самого берега моря, по соседству со студентами геофака МГУ, ежегодно проводящими там свои практики по зоологии. В клубе дельфинария ученые читали студентам лекции о своих исследованиях, а по утрам и вечерам мы много экскурсировали в лесистых ущельях и по скалистому побережью Черного моря в только что созданном заповеднике «Утриш», собирая гербарии и учитывая птиц. В результате был получен интересный материал по орнитофауне уникальных для Северного Кавказа субтропических ландшафтов Абрауского полуострова, частично обработанный и опубликованный. Но продолжить сотрудничество с Утришским дельфинарием ИПЭЭ РАН и завершить сбор материалов на Навагирском хребте нам, к сожалению, не удалось по ряду не зависящих от нас организационных проблем.

Дело в том, что целевое финансирование на полевые практики у нас отсутствовало, и каждый год нам приходилось фактически заново «выбивать» в ректорате деньги на проезд, проживание и питание студентов. Там по возможности нам шли навстречу, но иногда средств не хватало, и тогда мы были вынуждены вновь возвращаться в полуразрушенную школу в хуторе Крымском, где вплоть до 2014 года в середине лета регулярно проходили практики по зоологии беспозвоночных со студентами 1 курса.

Можжевеловые леса на склонах хребта Навагир на полуострове Абрау

Студенческий полевой лагерь в лесу на мысе Малый Утриш

Важность полевых практик, необходимых для подготовки квалифицированных ботаников и зоологов, эрудированных преподавателей биологии, в комментариях не нуждается. Организация же выездов на практику в различные районы Северного Кавказа, в том числе в заповедники и национальные парки, позволяет студентам расширить их географический и экологический кругозор, приобщиться к истории, культуре и обычаям разных народов, населяющих Южную Россию, а также укрепить здоровье на ежедневных учебных экскурсиях и в походах по горам. Студенты познают при этом разнообразие животного и растительного мира Кавказа и Предкавказья, знакомятся с уникальными экосистемами южных регионов России, с методами и результатами охраны нашей природы.

* * *

В период работы в Пединституте очень активно продолжались также орнитологические исследования, вышедшие теперь далеко за пределы степного Придонья и Предкавказья. Экспедиционные дороги прошли в эти годы по Заволжью и Южному Уралу, Западной Сибири и Алтаю, по Западному Казахстану и почти всему Северному Кавказу. Значительная роль в организации этих экспедиционных работ принадлежала Союзу охраны птиц России, под эгидой которого планировались и велись проекты по инвентаризации местообитаний орла-могильника, по поиску гнездовий тонкоклювого кроншнепа, по инвентаризации и мониторингу Ключевых орнитологических территорий России. Много лет мы работали на Северном Кавказе, в Придонье и Поволжье также вместе с В.В. Ветровым и Ю.В. Милобогом в совместных российско-украинских экспедициях, направленных на поиски балобана и изучение хищных птиц.

Результаты этих экспедиций отражены в многочисленных публикациях в журналах, сборниках и сводках, хорошо известных всем орнитологам России и зарубежья (Королевский орел, 1999; Ключевые орнитологические территории России, 2000, 2009; Ястреб-тетеревятник, 2003; Стрепет, 2003-2018; Птицы Северного Кавказа, 2004; Хищные птицы Северного Кавказа и сопредельных регионов, 2014; Степные птицы Северного Кавказа и сопредельных регионов, 2015; и мн. др.).

Рассказать здесь обо всех этих поездках нет возможности. Что-то из их результатов, а также некоторые впечатления, наблюдения и приключения на экспедиционных дорогах можно найти в последних разделах этой книги. Сейчас же кратко перечислю лишь их хронологию и маршруты.

В апреле-мае 1996 года мы вместе с В.В. Морозовым провели полтора месяца в степях Западного Казахстана, где в поисках тонкок-

лювого кроншнепа была обследована обширная территория от Чижинских разливов у подножия Общего Сырта и Камыш-Самарских озер в низовьях Большого и Малого Узеней до огромного соленого озера Челкар и песков Аккумы близ границы с Оренбургской областью. Эти исследования были организованы и финансировались Обществом охраны птиц Нидерландов благодаря моей публикации (Белик, 1994; Belik, 1994), в которой обосновывались возможные места обитания редчайшего, практически исчезнувшего вида, служащего символом Союза охраны птиц России. К сожалению, наши работы тогда не дали результатов, как и многочисленные последующие поиски других орнитологов в Казахстане и Западной Сибири. Лишь однажды 21 апреля 1996 года я видел пару очень похожих птиц, с криком пролетевших над Сламихинскими разливами у посёлка Фурманово на восток. Но из-за ограниченности во времени мы не смогли тогда детальнее обследовать весь этот чрезвычайно интересный и практически неизученный район.

В 2005 году новые работы, связанные с выяснением местообитаний тонкоклювого кроншнепа, были проведены на юге Западной Сибири – в Новосибирской области и Алтайском крае, где наша небольшая группа с участием местных коллег В.В. Николаева и А.Л. Мугако в течение более полумесяца обследовала многочисленные водоемы степных и лесостепных районов вплоть до границы с таежной зоной. Мы вели поиск выводков всех видов куликов, и у пойманных птенцов брали образцы растущих перьев для их химического анализа. Но и эти результаты, насколько известно, не дали обнадеживающих результатов. А тогда, завершив плановую экспедицию, я предпринял еще рекогносцировочную поездку в Горный Алтай, где смог познакомиться с интереснейшими ландшафтами и фауной южносибирских гор, проехать по знаменитому Чуйскому тракту, побродить с рюкзаком в тайге и по вершинам гольцов, покрытых горно-тундровой растительностью.

В 1996-1997 гг. нами были проведены три экспедиционных выезда по Придонью, Поволжью и Южному Уралу для поисков и учетов орла-могильника, или карагуша, находившегося тогда в 1 категории редкости Международной Красной книги. Летом 1996 года мы вместе с В.В. Ветровым обследовали лесостепные области в бассейне Дона и в Поволжье, а весной 1997 года – наиболее интересные районы на юге степного Придонья, где в Калачской излучине впервые была найдена реликтовая группировка этого вида. Летом же 1997 года мы полтора месяца провели в поездке по Заволжью и Южному Уралу, в результате чего было выявлено несколько особых, частично изолированных крупных популяций карагуша. Результаты всех этих работ, вместе с исследованиями других коллег, были обобщены в известном сборнике «Коро-

левский орел» (1999).

Помощником-костровым в этой экспедиции к нам примкнул мой друг В.В. Данченко, но доехав до Уфы, он был вынужден прервать поездку, и отправился домой в своё Заполярье, а самые интересные места Южного Урала увидеть, к сожалению, не смог. Тем не менее, его помощь, особенно в дождливом Поволжье, оказалась для нас как нельзя кстати. Скрашивали наши вечера у костра и его философские дискуссии. Правда, дневная работа на маршрутах отнимала у меня обычно столь много сил, что заряда бодрости на вечернюю философию уже почти не оставалось.

В 1998-1999 гг. я подключился к работам СОПР по инвентаризации Ключевых орнитологических территорий, в результате которых обследовал со студентами-зоологами РГПУ наиболее интересные местообитания редких видов по Дону, Северскому Донцу и Манычу в Ростовской и Волгоградской областях, а также в смежных районах Ставропольского и Краснодарского края и Калмыкии. Через несколько лет, в 2002 году, был проведен их повторный мониторинг, а также дополнительные исследования в новых районах, а в 2006-2007 гг. работы по инвентаризации и мониторингу КОТР развернулись на Северном Кавказе. Именно в этот период мне удалось детально познакомиться с орнитофауной слабо изученных районов по Скалистому хребту на Центральном Кавказе, но обширные материалы длительных пешеходных экспедиций по труднопроходимым горным ущельям и перевалам до сих пор остались, к сожалению, полностью не обработаны.

В 2001 г., при поддержке первого директора заповедника «Ростовский» А.В. Чекина, началось изучение орнитофауны, а также распространения и динамики численности редких видов птиц на озере Маныч-Гудило – в заповеднике и его окрестностях, проводившееся в течение 4 лет совместно с сотрудниками и студентами кафедры ботаники и зоологии РГПУ. В итоге в этом регионе в период 1986-1990-1999-2004 гг. мне удалось осуществить серию экспедиционных работ, которые показали существенные циклические и сукцессионные изменения, происходившие в ландшафтах долины Маныча и в ее орнитофауне. Результаты этих наблюдений были частично отражены в Трудах заповедника «Ростовский» (2002, 2004), но в дальнейшем специальные орнитологические исследования на Маныч-Гудиле мне пришлось прервать в связи с началом интенсивных работ на Кавказе.

А с 2007 года начались также многолетние работы в Волгоградской области, продолжающиеся до настоящего времени. Здесь в ходе мониторинга редких, «краснокнижных» видов птиц, который ежегодно организует областной Комитет природных ресурсов, а также при инвен-

таризации биоразнообразия ряда региональных Природных парков и некоторых неохраняемых территорий нам удалось обследовать практически всю Волгоградскую область, в том числе полупустынное Заволжье в районе озера Эльтон, где до последнего времени сохранялись местообитания редких, исчезающих степных птиц. Заодно в 2012 году мне пришлось дважды посетить также и Астраханскую область, где я провел специальные исследования орнитофауны в заповеднике «Богдинско-Баскунчакский» в пустынях Заволжья. Увы, в бывших экстрааридных регионах России шло интенсивное остепнение пустынь и олуговение степей, сопровождавшееся оттеснением на восток, в сторону Казахстана, границ ареалов многих ксерофильных видов птиц: степного орла, кречетки, каспийского зуйка, черного и рогатого жаворонков и др.

Но самое главное, что благодаря всем этим поездкам мне удалось, наконец, своими глазами увидеть характерные ландшафты и лично познакомиться с орнитофауной всех регионов Южной России, без чего было трудно проводить различные обобщения и экстраполяции, которыми приходилось непосредственно заниматься с начала 2000-х годов. Тогда при подготовке сводки о птицах Европы мне впервые было поручено провести оценку численности и популяционных трендов всех гнездящихся видов птиц, населяющих южные регионы России (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005). А позже в сотрудничестве со всеми ведущими орнитологами Южной России мы организовали составление полного реестра орнитофауны, а также провели ретроспективную оценку динамики видовых популяций птиц в каждом из регионов на юге России (Белик и др., 2003, 2006).

Помимо экспедиционных исследований, все эти годы по-прежнему приходилось часто участвовать также в работе различных конференций и совещаний, проходивших в России или по соседству на Украине. Но теперь участие в этих встречах сопровождалось не только презентациями докладов, с интересом ожидавшихся многими участниками форумов, что накладывало на докладчика ряд повышенных обязательств, но нередко и самой организацией таких встреч, редактированием и публикацией их материалов, что дополнительно отнимало много времени и сил.

* * *

Более или менее стабильная работа кафедры ботаники и зоологии РГПУ продолжалась до 2006 года. К сожалению, с каждым годом сокращался набор студентов, вызванный демографическим кризисом, который был обусловлен глубокими социально-политическими и экономическими потрясениями в России в начале 1990-х годов. Из-за резко ухудшившегося благосостояния большинства россиян, в те годы в нашей стране сильно снизилась рождаемость детей, а последствия этого

кризиса стали проявляться для вузов в 2000-е годы, когда подросло и достигло совершеннолетия поколение молодежи тех лет. Вследствие сокращения количества студентов сокращалась учебная нагрузка и, следовательно, – количество ставок в штатном расписании. В итоге кафедра ботаники и зоологии постепенно сократилась почти наполовину.

А в самом конце 2006 года по распоряжению Правительства РФ на базе четырех вузов Ростова и Таганрога появился новый, плохо управляемый монстр – Южный федеральный университет (ЮФУ). И это событие в какой-то мере оказалось символически связано с уходом нашего бывшего ректора РГУ Юрия Андреевича Жданова, 19 декабря 2006 года покинувшего грешную землю и оставившего своё любимое детище без попечения. Как говорил Е.П. Гуськов, закончился Юрский период – период быстрого развития, роста и утверждения статуса РГУ как одного из крупнейших вузов СССР. Создание ЮФУ ознаменовало начало развала РГУ и РГПУ, фактически завершившегося к 2015 году, когда с пафосом отмечали 100-летний юбилей РГУ, но поздравляли и чествовали почему-то совсем другой, еще несовершеннолетний ЮФУ…

Педагогический университет сначала был преобразован в институт, а через несколько лет ликвидирован вовсе. Затем ликвидировали и факультет естествознания – вместе со всеми его кафедрами, занимавшимися подготовкой грамотных преподавателей биологии и химии… Педагоги стали стране не нужны!

Но это уже совсем не история. Это нынешнее время, это современные реалии. И рассказывать о них суждено будет уже кому-то другому.

"Понимаешь, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чудак:
Я гоняюсь за туманом, за туманом,
И с собою мне не справиться никак".
(Ю.А. Кукин)

13. За редкими птицами

Какой ученый, какой орнитолог не мечтает стать первооткрывателем?! За этим нередко стоит престиж целых стран и различных институтов, научных школ и отдельных исследователей. Но часто первооткрывателями движет простое честолюбие: быть первым, прославиться, не стать простой посредственностью. И это, кстати, тоже один из весьма важных двигателей научного прогресса!

Первооткрывателями хотят стать и профессионалы, и любители, и даже простые бёрдвёчеры, я бы сказал – орнитологи-спортсмены, которые соревнуются между собой, кто больше увидит или сфотографирует птиц. И колесят они по всему белу свету, особенно в поисках редких видов пернатых…

При этом находки таких птиц нередко имеют очень важное практическое значение для сохранения исчезающих видов. Иногда об этих видах нет никаких известий десятилетиями, и тогда они заносятся даже в списки вымерших. Но иногда орнитологам улыбнётся фортуна, а исчезающим видам, благодаря последующим интенсивным исследованиям и срочной организации их охраны, выпадает счастье продолжить жизнь на Земле дальше!

Но открытия в Природе случаются сейчас всё реже: на Земле остаётся всё меньше мест, куда не забирался бы вездесущий, любопытный, настырный любитель или исследователь. Однако вал новых открытий в птичьем мире хлынул в последнее время из химических лабораторий, где чудеса новейших научных технологий позволяют сравнивать теперь не только размеры и окраску птиц, яиц или птенцов, количество и строение перьев, отдельных косточек и других морфологических особенностей, но и структуру белков, генома и тому подобных невидимых деталей, усматривая в них новые виды, роды, семейства и отряды птиц.

Тем не менее, Биология – это наука о Жизни. И без познания жизни животных и растений – обычных и редких, новых или давно известных видов – развитие этой науки невозможно. И орнитологам приходится еще очень много работать в Природе, чтобы выяснить особенности биологии того или иного вида, тем более – нового или редкого.

Для того чтобы разобраться в этих особенностях орнитологу нужно увидеть каждый вид, и не один раз, проследить за ним в разных ситуациях, в разное время и в разных районах. Только сравнение большого массива накопленных наблюдений, проведение каких-то дополнительных экспериментов в природе, в вольере или лаборатории позволяет выяснить, что же является общим, закономерным, что – частным, а что – случайным в жизни, в биологии этого вида.

Сбор таких наблюдений, их осмысление и составляло суть моих полевых исследований. При этом я всегда помнил, что каждый полевой день год кормит. Поэтому дневные маршруты продолжались обычно с раннего утра до ночи. Нередко бывало, что в течение дня, до захода солнца, я шел по маршруту, знакомясь с новыми районами, с их ландшафтами и населяющими их птицами. А затем, когда начинало темнеть, поворачивал назад, и уже по дорогам, часто – на «автопилоте», быстро шагал на базу, к дому, попутно учитывая ночных птиц – токующих филинов, авдоток, стрепетов, погонышей и заодно «прокручивая» в памяти все дневные наблюдения, проводя их первичный анализ и обобщение, чтобы затем занести в дневник не только факты, но и предварительные выводы.

Позже подобным образом планировались и экспедиционные автомаршруты, на которых я старался охватить за день максимум территории, получить побольше информации, а вечером у костра или в палатке при свете фонаря долго приводил в порядок собранные факты, мысли и заключения. При этом на всех маршрутах приходилось постоянно обдумывать и оптимальный путь, и рациональные методы поиска птиц, и замеченные особенности их экологии или поведения.

По мере возможности я старался избегать трудоемких и не всегда результативных поисков птиц или их гнезд, которые ведутся бездумно, на авось, самотопом… Вот несколько характерных картинок из полевых будней. Среди обширной заболоченной луговой низины нас встречает тревожным криком пара больших кроншнепов, поднявшихся откуда-то с гнезда. И мой напарник в поисках ценной находки начинает наугад топтать кочкарник, то удаляясь к противоположному концу пода, то вновь приближаясь и вызывая тревогу редких птиц. Я же прячусь в стороне за песчаным холмом и тайком, издали наблюдаю за кроншнепами, слежу за их поведением, за реакциями на человека, на пролетающих мимо ворон. В конце концов, птицы успокаиваются, а затем, скрытно перебегая от одной куртины злаков к другой, постепенно добираются до заветного гнезда на окраине низины и садятся на кладку.

Но и теперь малозаметное в траве гнездо легко потерять, поскольку точно заметить место его расположения и выйти к нему за 200-

300 метров на открытом, ровном поле не так-то просто. Вспомните, сколько времени и сил потратил Е.П. Спангенберг при безуспешных поисках своего первого гнезда степных журавлей-красавок![*] Мне же удалось довольно быстро выработать алгоритм таких поисков, и в дальнейшем я почти безошибочно подходил к гнездам красавок, кроншнепов и других птиц, замеченных в степи иногда с расстояния до полукилометра и более.

В другой раз мы с напарником долго шли по сыпучим бугристым пескам к небольшой низине, куда со всех сторон слетались кваквы, большие и малые белые, а также серые цапли, опускаясь там в непролазные кустарники пепельной ивы. И вот мы уже на берегу заболоченного лимана, залитого по пояс водой, с густыми зарослями тростника и ивняка, в середине которых находится большая колония цапель. В поисках птичьих кладок для Музея МГУ мой напарник с ходу врубается в крепи тростника, откуда поднимаются десятки птиц. Казалось бы, их гнезда там невозможно миновать. Но прошло около получаса ожидания, прежде чем из «джунглей» показался орнитолог – грязный, мокрый по пояс, опутанный до глаз паутиной и … с пустым рюкзаком.

Мне же с береговых песчаных барханов хорошо видно, куда садятся белые, куда – серые цапли. Я отдыхаю от трудного дневного перехода и соображаю, как лучше пробраться к их гнездам, а затем с трудом балансируя, перешагивая по перепутанным, качающимся стволикам кустарниковых ив, пробираюсь «посуху» в центр болота. Через 5-10 минут я уже среди колонии. Осмотрев там около трех десятков гнезд, беру несколько свежих кладок и доставляю их к берегу опростоволосившемуся коллекционеру.

На следующий день, в сквере у железнодорожного вокзала в небольшом захолустном городке, орнитолог выдул и промыл собранные для коллекции яйца, затем развел огонек у забора в углу и зажарил на костре яичницу, дабы добро не пропадало…

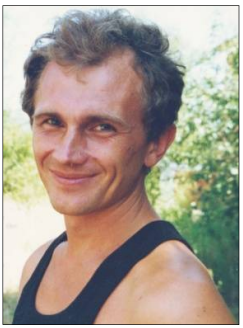
Некоторые профессионалы, досконально знающие экологию птиц, иногда сразу же могут определить, где следует искать гнездо того или иного редкого вида, не тратя времени на прочесывание лесных грив, на обследование скал, на топтание по болотам и т.п. И мне, например, не раз приходилось удивляться интуиции В.В. Ветрова, демонстрировавшего свои феноменальные навыки в поисках орлов-могильников, курганников, филинов и других хищных птиц!

Очень важное значение для орнитологов, особенно для фаунистов,

[*] Спангенберг Е.П., 1973. Птицы, зайцы, лисицы и прочие… - М.: Детская литература.- 191 с.

имеет наличие хорошего слуха, а также слуховой памяти. Иногда слух у исследователей бывает нарушен, и тогда они лишены возможности улавливать пение мелких певчих птиц, локализовать их в зарослях и определять по голосу. Поэтому такие орнитологи, в том числе и некоторые наши хорошо известные ученые, вынуждены заниматься обычно изучением только крупных птиц, определяемых визуально, а мелочь попадает в их поле зрения лишь случайно.

Виталий Ветров с отцом в Луганске.



В.В. Ветров. 1996 г.

При хорошем слухе орнитолог, как правило, автоматически фиксирует и выделяет, фильтрует в мозгу новые птичьи звуки даже на фоне городского шума, при спокойном разговоре и других посторонних занятиях. И этот внутренний, тонко настроенный детектор позволяет ему не пропускать редкие виды, случайно попадающие в сферу его внимания. Но нужно еще научиться определять все эти виды по голосу. Раньше разнообразные голосовые реакции птиц описывались в справочниках лишь небольшим набором сигналов: кряканье, карканье, щебетание, писк… Затем орнитологи научились условно передавать различные птичьи звуки посредством букв и фраз, иногда достигая в этом деле особой виртуозности. Можно вспомнить, например, птичьи скороговорки, записанные А.Н. Промптовым (1898-1948), А.Н. Сунгуровым (1900-1966?), И.Б. Волчанецким (1895-1980), А.С. Мальчевским (1915-1985) и др.

Совершенствуя свою память и знания птиц, мне тоже приходилось постоянно записывать звуки их позывок, тревожные крики и песни. Причем это нужно было делать сразу же в природе, по несколько раз прослушивая птиц и подбирая имитирующие их буквы, слова и фразы, поскольку уже через некоторое время точность звукопередачи быстро терялась. Эти записи, сделанные в разных местах, при встречах разных птиц иногда существенно различались, что отражало как индивидуальную изменчивость пения самих птиц, так и отклонения в восприятии

звуков при их прослушивании в разное время и в разных условиях. Но в сумме эти записи позволяли довольно хорошо представлять структуру, тембр, динамику и продолжительность песен у разных видов птиц. Они быстрее запоминались и облегчали их определение.

Во второй половине XX века на вооружение орнитологов поступили магнитофоны, пластинки с записями голосов птиц, что позволяло тренировать память и определять птиц по голосу, сохраняющемуся в памяти или на магнитофонной ленте. Наконец, в последнее время появилась возможность носить все эти записи с собой в мобильном телефоне и воспроизводить их в любое время, в том числе использовать для провоцирования птиц и их привлечения в лесу и других закрытых стациях.

В дополнение к биноклям и магнитофонам орнитологи обзавелись сейчас еще одним чрезвычайно важным инструментом для полевых исследований. Длиннофокусные цифровые фотоаппараты, появившиеся в распоряжении исследователей, позволяют теперь запечатлевать на цветных снимках точный образ и окраску всех видов, наблюдавшихся в природе, не только документируя эти встречи, но и обеспечивая их последующий анализ, сравнение, определение, консультации со специалистами. К тому же хорошая оптика дает возможность оставлять на память также высокохудожественные, неповторимые изображения разнообразных прекрасных птиц, в том числе редких, слабо изученных видов.

* * *

Что же такое редкий вид? Его имманентное определение, т.е. его внутренняя характеристика, удовлетворительная во всех отношениях, вряд ли возможна. Но очень четким является значение термина «редкий вид», как объекта, нуждающегося в особой охране, – понятие, которое часто используется в научной литературе, в том числе во всех «Красных книгах».

В России к редким, нуждающимся в охране птицам сейчас отнесены 123 вида (Красная книга РФ, 2000). При этом 25 видов из числа особо охраняемых птиц относятся к представителям отряда дневных хищных птиц, или соколообразных, как их еще недавно называли систематики. Как видим, хищные птицы, по сравнению с другими группами птиц, занимают весьма высокую долю среди всех созологически значимых видов (20%), хотя в составе орнитофауны России данный отряд составляет лишь 6%. Эти диспропорции обусловлены не только высокой уязвимостью и низкой естественной численностью хищных птиц вследствие их расположения на верхних этажах трофических пирамид, но отчасти и их несравненно лучшей изученностью.

Хищные птицы всегда привлекали пристальное внимание активно работающих орнитологов. Во многих регионах за хищными птицами

ведется тщательный, постоянный мониторинг. Поэтому их распространение, динамика численности, лимитирующие их факторы выяснены более или менее детально, и это позволяет вполне обоснованно включать многих хищных птиц в Красные книги.

Значительный интерес хищные птицы представляли и для меня. Совершенство их организации, эстетическая красота многих видов, сила и ловкость в активной охоте, сама их редкость, а также уязвимость в природе делают хищных птиц притягательными для наблюдений, для изучения, для поисков мер их охраны. И особое место в моих исследованиях занимали редкие виды хищных птиц, которые оказались изучены в России крайне недостаточно. Среди них можно назвать ястребатювика, карагуша, змееяда, черного грифа. В последние десятилетия очень редким стал также степной орел, который в прошлом был едва ли не самой многочисленной хищной птицей степной зоны. И наоборот, орланов-белохвостов, практически исчезнувших к середине XX века, сейчас размножилось столь много, что местами они формируют уже чрезвычайно крупные стаи и скопления.

Ниже речь пойдет, прежде всего, о моих поисках, об изучении именно этих видов. Мой опыт, я надеюсь, будет полезен другим орнитологам в их дальнейшей работе. Но кроме хищных птиц немало наблюдений было проведено мною также за степными птицами – стрепетом, большим кроншнепом, филином и др. Интересные встречи были и с некоторыми лимнофилами. Однако околоводными птицами я занимался сравнительно мало, и мои материалы по ним, в большинстве, не столь поучительны. Изначально это была сфера интересов Н.С. Олейникова, Б.А. Казакова, Н.Х. Ломадзе, И.М. Языковой, Ю.Я. Кожевниковой и других ростовских орнитологов. Поэтому на мою долю оставались лишь очень редкие, «экзотические» лимнофилы: хохлатый баклан, малый лебедь, серый журавль и некоторые другие виды.

Ястреб-тювик *Accipiter brevipes*

В 1979 году, собираясь в пойму Нижнего Дона, где предстояли длительные полевые работы, я очень надеялся познакомиться с загадочным тювиком. Этот вид был впервые описан для науки Н.А. Северцовым в 1850 году по наблюдениям на Верхнем Дону в Воронежской губернии. Но с тех пор в России с ним смог близко «пообщаться» только один ученый – Н.Н. Сомов в Харьковской губернии в конце XIX века. Остальные сведения о тювике представляли, в основном, описания случайных встреч с птицами или их гнездами и мало что добавили в копилку знаний видовой биологии. А в последние 20 лет сообщений, касающихся наблюдений тювика в природе, в специальной литературе практиче-

ски не было вовсе.

Это породило сомнения в обитании тювика в России и послужило поводом для его включения в Красную книгу РФ (1983) и во второе издание Красной книги СССР (1984). Но судя по сведениям С.Н. Варшавского (1965), в пойменных лесах Нижнего Дона в 1930-е годы тювик был обычным, фоновым видом. Вполне обычен он оставался здесь, по наблюдениям В.С. Петрова, и в 1960-е годы. Поэтому были все основания полагать, что тювика удастся найти и мне.

Однако 1979 год выдался не совсем обычным. На Нижнем Дону тогда прошел необычайно мощный, катастрофический весенний паводок, каких здесь не было ни разу со времён возведения Цимлянской ГЭС в 1953 году. Выезд в поле пришлось отложить до начала лета. Но и 12 июня, когда мы прибыли в Волгодонский район, пойма от края и до края была еще залита вешними водами. Паводок только начал спадать, показались гривы среди мелководных полоев в центральной пойме, но лишь местами можно было проехать в прирусловые леса, тянувшиеся широкой полосой по супесчаным валам вдоль берега Дона. А через неделю, 19 июня, произошел несчастный случай, в результате которого я был вынужден еще на полмесяца прервать свои работы.

Для повышения своей мобильности в залитой пойме я взял на конюшне верховую лошадь и на ней отправился к Дону. Это оказалась спокойная, покладистая жеребая кобыла, не в пример тем резвым скакунам, которые несколько раз убегали от меня в степи или сбрасывали с седла в предыдущие годы при исследованиях в Волгоградской области. В этот жаркий день я долго путешествовал на лошади по луговой центральной пойме, а затем в большом лесном массиве у Дона. В одном месте кобыла чуть не утонула в ерике, не в силах взобраться на высокий, крутой берег при переправе. И мне пришлось спасать ее, снимать седло, переносить на себе всю поклажу, а потом еще и искать брод, который, как оказалось, находился всего в сотне метров от нашей «переправы». А вечером, возвращаясь домой, мы медленно ехали по высокой дамбе, пока не наткнулись на ЛЭП-10 кВ, провода которой свисали поперек дороги.

Устав за день, особенно на переправе через ерик, я не стал спешиваться, а склонившись к луке седла, направил лошадь под проводами, надеясь спокойно проехать мимо. Как произошло короткое замыкание – не знаю. Очнулся я через полчаса-час, лёжа на земле. А рядом, буквально в полуметре, спокойно щипала травку моя верная Савраска. После удара током я полностью потерял память и потом долго соображал, что же произошло, где я нахожусь, куда ехать дальше? Рубашка на плече, прикоснувшемся к проводам, полностью сгорела. Обуглился боль-

шой кусок кожи. Но я был жив. И моя кобыла затем сама потихоньку довезла меня до станицы Большовской, до лазарета…

Как выяснилось позже из разговоров, ЛЭП в пойме была отключена, но в проводах мог накапливаться заряд так называемого «наведенного» электричества. Правда, мощность его напряжения была, вероятно, поменьше 10 кВ. К тому же за жаркий день, проведенный без воды и еды, из моего тела испарились излишние электролиты, да и копыта лошади изолировали меня от земли. Но в последующие годы я еще очень долго испытывал рефлекторную, непроизвольную дрожь в коже при виде любых скрученных алюминиевых проводов.

Теперь же работы в пойме пришлось продолжить лишь в июле, когда уже смолкло птичье пение, лес заполнили слепни, дождёвки, мухи-златоглазки (пестряки), установилась жара и духота, а между деревьями повсюду протянулись тенёта пауков… Орнитологи в наших степных краях в этот период обычно уже завершали свои полевые исследования и возвращались домой, в города. Поэтому-то, возможно, тювики и ускользали от их внимания или оставались неузнанными в лесах, тем более что и добытых птиц они нередко путали с перепелятниками. Мелких ястребков, которых нельзя было хорошо рассмотреть издали даже в бинокль, несколько раз встречал в июле и я. И лишь к концу этого месяца, когда у птиц начался вылет слётков, тювики, наконец, выдали себя характерным криком.

Самец и слёток тювика
Фото Е.В. Гугуевой

В пойменных лесах за месяц удалось найти 4 гнезда и еще несколько выводков. Я близко познакомился с экологией и поведением птиц, выяснил особенности их биотопического размещения и основные

полевые признаки. И в следующем году в Константиновском районе, ниже по Дону, было обнаружено еще 4 гнезда тювиков, а в 1981 году они оказались столь же обычны в Семикаракорском и Багаевском районах, где заканчивались пойменные леса Нижнего Дона. Позже, в 1982 году, еще больше тювиков было найдено на Среднем Дону и в низовьях Хопра, в 1983 году тювиков удалось обнаружить в Обливском районе на реке Чир, в 1984 году – в верховьях реки Иловли на юге Саратовской области, а в 1985 году – на Хопре у г. Балашова.

То есть, почти везде в подходящих районах тювик оказался обычным, а по сравнению со своим двойником – ястребом-перепелятником – даже очень многочисленным видом. А после того, как полевые признаки, методы поиска и характерные местообитания тювика стали широко известны и другим орнитологам, сведения об этом виде начали поступать также с Северского Донца, Средней Волги, Среднего Урала, со Ставрополья, из Калмыкии и других регионов России.

Однако при специальном повторном обследовании ряда гнездовых районов тювика на Дону и Северском Донце, проведенном в конце 1990-х годов, оказалось, что во многих местах эти птицы почти исчезли, сохранившись лишь там, где не было гнездовий ястреба-тетеревятника. Этот крупный, сильный и смелый орнитофаг, заселивший леса Придонья в 70-90-е годы XX века, практически полностью уничтожил здесь врановых птиц и голубей, служивших ему сначала основой кормовой базы в лесостепных районах, а затем был вынужден приняться за «наведение порядка» в популяциях редких птиц – стрепета, авдотки, а также и тювика.

Сейчас тетеревятник проник на гнездовье даже в полезащитные лесополосы сухого Приманычья на юго-западе Калмыкии и северо-востоке Ставрополья, где еще долго сохранялись грачевники и обитало много сорок. И в последнее время там тоже стали отмечаться следы хищничества этого ястреба на тювиках.

Взрослые самец и самка тювика

В Восточном Предкавказье тювик гнездился издавна, но, как и в Европейской части России, во второй половине XX века сведений оттуда о нем тоже практически не поступало. Лишь в конце прошлого века там вновь были обнаружены его гнездовья, а затем появились также сообщения о заметном росте его численности, причем поселения тювиков нередко располагались в садах и парках больших сёл и городов среди сухих степей. Особенно крупная группировка этих птиц была выявлена среди дачного массива на окраине села Дивное на северо-востоке Ставропольского края. В 2011 году, по нашим данным, там гнездилось до 17 пар на 100 га полузаброшенных садов, прорезанных полезащитными лесополосами и оросительными каналами с арыками среди насаждений. Но как сложится судьба этого поселения после появления поблизости тетеревятников – покажет теперь только время.

Интересно, что предкавказские тювики, в отличие от донских, оказались довольно скрытными, молчаливыми даже в период вылета слётков. Вообще же звонкий крик тювиков – характерное «тювйк-тювйк-тювйк-тювйк-…», от которого ястреб и получил своё звукоподражательное название, слышен в тихую погоду по утрам за 300-400 м. Голос птиц заметно различается у самцов и самок, а также у слётков; совершенно по-разному он звучит и в разных ситуациях: при тревоге, при атаках врага, при токовании или контактах птиц между собой, но в целом позволяет легко локализовать и определять тювиков у гнезд.

Птицы много кричат возле гнезд после вылета слётков – со середины июля до середины августа, обычно же с конца июля. Кроме того, непродолжительное время регулярный крик самок можно слышать в середине мая, в период строительства гнезд. Очень короткий период активности наблюдается также в конце апреля - начале мая, когда птицы в течение нескольких дней занимают гнездовые участки и формируют пары. В это время самцы летают со специфичным криком высоко над лесом, проделывая своеобразные воздушные эволюции, чтобы привлечь самок.

В остальное же время тювики довольно скрытны и молчаливы. Случайно заметив сидящую где-нибудь в ветвях птицу, караулящую добычу на поляне или опушке леса, наверняка определить ее можно лишь по черным, но не желтым, как у перепелятника, глазам. Следует, однако, заметить, что желтые глаза имеет также туркестанский тювик, или шикра, в переводе с хинди – «охотник», отважная ловчая птица, которую издавна использовали в Южной Азии для охоты на мелких пернатых, шедших на корм для больших, благородных соколов. Шикра распространен в Восточном Закавказье, а также в Средней Азии и Казахстане к северу до Эмбы. Но в последнее время появились непод-

твержденные сообщения о его встречах и в России. Поэтому нужно иметь в виду возможность его находок в Волгоградской и Астраханской областях, а также в Дагестане и Калмыкии, учитывая, тем более, активное расселение многих южных птиц на север в связи с нынешним потеплением климата.

Шикра во многом похож на наших тювиков, но его голос у гнезд, по наблюдениям в Прибалхашье, больше напоминает «мяуканье» слётков тетеревятника или крики канюка, что-то вроде «кíйиии, …, кíиийя, …, тíиив, …, тюююи, …, кюююя, …, мяяяу, …». Поэтому распространять на него звукоподражательное название нашего тювика не совсем корректно. У шикры хорошо заметна значительная разница в размерах самца и самки; они значительно более короткокрылые, чем наши тювики, совершающие продолжительные миграции на зимовку в Африку. Как тювик, так и шикра, в отличие от перепелятника, имеют резкие темные продольные пестрины на нижней стороне тела у слётков и молодых птиц. Для того и другого в добыче характерны рептилии, в отличие от орнитофага перепелятника. И увидев ястреба с ящерицей в лапах, можно почти наверняка судить о его видовой принадлежности.

Любопытно теперь, кто, где и когда подтвердит появление шикры на территории России?

Змееяд *Circaetus gallicus*

Змееяды – группа узко специализированных хищных птиц-герпетофагов, питающихся почти исключительно рептилиями. Это крупные, размером с орла, хищники светлой, почти белой окраски снизу и тёмной – сверху, с большими, жёлтыми, направленными вперед совиными глазами и с огромными крыльями, представляющими совершеннейший летательный аппарат-планер. Парящий змееяд, выписывающий над лесной поляной петли спирали, может за какую-то минуту, в несколько кругов, взмыть к самым облакам, и порою кажется, что птица даже сопротивляется мощной подъёмной силе крыла, стараясь держаться поближе к родной земле.

Охотящийся змееяд, вылетая в степь, поднимается на 100–200 метров в небо и, остановившись против ветра с широко раскрытыми крыльями, неподвижно зависает на одном месте – будто подвешенный на невидимой ниточке «воздушный змей». Оттуда ему видна каждая травинка, и змееяд с помощью своего необычайно острого стереоскопического зрения, раз в 40 превосходящего остроту глаз человека, высматривает в траве ползающих змей: полозов, медянок, гадюк. Стоит им попасть в поле зрения птицы, выдать себя неосторожным движением, и их участь решена. Змееяд не спеша, медленно спускается вниз, но и его

жертвы тоже не отличаются особой резвостью движений. Однако последний бросок хищника должен быть быстр и предельно точен, ибо змеи тоже могут защищаться, и если гадюка, например, успеет ударить змееяда своими зубами, то тогда конец и ему.

Фото С. Домашевского

Но вот упавший сверху хищник короткими, толстыми пальцами уверенно сжимает и душит змею, затем отрывает ей ядовитую голову и, заглотив наполовину добычу, с болтающимся из клюва змеиным хвостом спешит домой, к гнезду. Не обнаружив же внизу жертвы, охотящаяся птица перелетает на другое место и, зависнув, вновь всматривается в траву. И так с утра до вечера. Змей мало, они малоподвижны и малозаметны, и нужно много времени, чтобы выследить их и добыть пропитание себе, своей самке и единственному птенцу.

Змееяд со змеей у гнезда
Фото Р. Ватрасевича

Особенно тяжело змееядам пришлось в степи после суровой зимы 1969 года. Многие из старожилов помнят, возможно, ту зиму с длительными пыльными бурями, малоснежную и необычайно морозную, когда земля промерзла на 2-3 метра и покрылась сетью широких, ухо-

дивших в глубину морозобойных трещин. В тот год почти повсеместно вымерзли зимовавшие в земле змеи – степные гадюки, медянки и полозы, причём их численность не восстановилась местами до сих пор. И лишь ужи, меньше пострадавшие от морозов в своих тёплых, гнилых болотах, сейчас вновь стали более или менее обычны. Но они почему-то почти не пользуются вниманием змееядов в степной зоне.

В связи с малочисленностью степных змей, редки на Дону и змееяды. Посчитайте-ка, каких размеров должны быть у них охотничьи участки, если на лето семье хищников требуется до 1000 змей, а успешно охотиться на них, по расчетам специалистов, змееяды могут лишь в том случае, когда численность жертвы в 10-20 раз превышает потребности хищника. В центральных областях Европейской России, например, на площади в 270.000 км^2 обитает, по ориентировочной оценке орнитологов, вероятно, лишь около 50 пар змееядов, так что найти хотя бы одно из их гнёзд – большая удача.

Собираясь в 1982 году в свою первую экспедицию в Вёшки, я рассчитывал, кроме знакомства со своеобразными, уникальными ландшафтами Среднего Дона, также и на новые интересные встречи, на находки редких видов птиц. Надеялся познакомиться с серыми журавлями, о гнездовании которых там слышал давно, ожидал встреч с подорликами и балобанами, но о находке змееяда – редчайшей хищной птицы нашей страны – мог тогда только мечтать.

И вот он, Средний Дон, Вёшенская земля! Широкой лентой тянутся среди сухих степей пышные пойменные луга и леса. На правобережье высоко вздымаются меловые скалы и белогорья, изрезанные лесистыми буераками. А на левобережных террасах, уходящих далеко к северу, раскинулось необозримое песчаное море, то вздыбленное белопенными «бурунами», то слегка волнующееся на мертвой зыби, с островками аренных боров, дубрав и березняков.

В непроходимых ольшаниках Черни по утрам трубят журавли. Там же в заболоченном ольсе после долгих поисков удалось обнаружить гнездо больших подорликов. Балобанов же на Среднем Дону я так и не увидел. А вот змееяд был встречен уже на одной из первых экскурсий в аренных дубовых лесах на песках у границы с Волгоградской областью. Удача сопутствовала мне и дальше, и последующие поиски змееядов увенчались находкой их гнезда, правда, пока лишь в соседнем районе Волгоградской области – в дубовом байрачном лесу на берегах Хопра.

Гнездо я нашел совершенно случайно, наткнувшись на него при маршруте через редкий дубняк на пологом склоне. Заметив его в стороне, я решил сначала, что это старое, пустое гнездо какого-то хищника. Но подняв бинокль, обнаружил белые пушинки на стенках гнезда, а

также помёт птенца, однако определить его долго не мог. Лишь подойдя поближе, увидел крупное линное маховое перо необычной окраски, затем недалеко заметил несколько характерных рулевых перьев, и только тогда понял, что гнездо принадлежит змееяду. А когда обошел его с другой стороны, разглядел и затаившегося в нём полностью оперившегося птенца, следившего за мной своими огромными ярко-желтыми глазами.

Позже гнездовья змееядов мне удалось найти и в Ростовской области, но уже в аренных борах: недалеко от станицы Вёшенской, а также на реке Чир. Однако значительно чаще эти птицы встречались всё же в сухих степях Волгоградской области – в Калачской излучине Дона, по Медведице, Иловле и на правобережье Волги. Всего там было найдено 9 жилых гнезд змееяда, причем в 1998 году на Голубинских песках по левому берегу Дона, покрытых редкими раскидистыми соснами, я обнаружил сразу два гнезда за один день!

Как выяснилось при детальном изучении экологии змееяда, в степи он везде предпочитает долины больших рек с высокими, овражистыми правобережьями и широкими песчаными террасами с противоположной стороны, на которых уцелели от распашки значительные массивы каменистых и песчаных степей, населенных многочисленными змеями и ящерицами. Здесь же в сосняках на песках змееяды обычно устраивают и свои своеобразные, сравнительно небольшие и тонкие гнезда. Но при отсутствии подходящих раскидистых сосен птицы могут гнездиться также в старых, разреженных байрачных и нагорных дубняках на правобережьях рек.

Позже оказалось, что кроме нашей Волго-Донской популяции, приспособившейся к специфичным условиям степной зоны, в более северных районах ареала обитают змееяды, существенно отличающиеся своей экологией. В Полесье, например, где на супесчаных зандровых равнинах растут обширные густые боры, окаймляющие луговые поймы многочисленных рек, змееяды гнездятся, как правило, на старых соснах, на концах их мощных, широких горизонтальных ветвей – «лап». А охотятся они над окрестными лугами, вырубками и песчаными пустошами, высматривая обыкновенных ужей и медянок. Эти змееяды довольно обычны в Киевской и Черниговской областях Украины. Пару раз их гнезда мне приходилось встречать также в сумском Полесье – на севере Сумской области. При этом гнездо, осмотренное там осенью 1988 года вместе с В.Т. Афанасьевым, всё лето считалось принадлежавшим несколько похожим на змееяда орлам-карликам.

Еще севернее, в таежной зоне, змееяды обитают в основном на верховых моховых болотах, поросших редкими, низкими сфагновыми сосняками, где охотятся на многочисленных обыкновенных гадюк. По-

знакомиться с этими птицами мне удалось лишь однажды в августе 2010 года в Смоленском Поозерье. Работающая там наша ростовчанка Марина Сиденко нашла как-то гнездо змееяда, располагавшееся в островке высокорослого сосняка среди обширного болота. Но в последующие годы птицы куда-то исчезли, хотя обычно они по многу лет занимают постоянные гнездовые участки, лишь ежегодно делая поблизости новые гнезда.

Решив проверить этот участок, мы отправились туда по топкому моховику и, прошагав несколько километров в болотных сапогах, изрядно устали. Змеядов на болоте по-прежнему не было видно. Поэтому силы и оптимизм орнитологинь постепенно убывали, и мне пришлось самому отправиться на обследование лесного острова. Однако, еще не замкнув круг, я наткнулся на линное перо змееяда и тут же заметил его гнездо, скрытое в густой кроне у самой вершины сосны. Располагалось оно всего в 150 метрах от полуразвалившейся старой постройки. Рядом с гнездом, затаившись в ветвях, сидел слёток, тоже следивший за мной ярко-желтыми глазами. А через неделю этот выводок уже покинул гнездовой участок и был встречен нами неподалеку, у заброшенной деревушки, где змееяды охотились над пастбищами.

Еще одна своеобразная популяционная группировка змееяда сравнительно недавно была обнаружена на Абрауском полуострове на Кавказе под Новороссийском. Птицы заселяют там почти исключительно лишь можжевеловые редколесья на сухих каменистых склонах невысоких гор, причем гнездятся местами с очень высокой плотностью, привлеченные, вероятно, многочисленными змеями и крупными безногими ящерицами-желтопузиками.

Впервые охотившиеся вместе две пары змеядов были встречены там в начале августа 1998 году, затем я несколько лет выяснял их экологию и размещение на Абрау, пока, наконец, не обнаружил в 2010 году первое в Краснодарском крае гнездо этого вида, устроенное на плоской вершине высокого древовидного можжевельника. Наблюдая тогда за птицами, я заметил змееяда, пролетевшего низко над лесом и севшего на вершину дерева далеко на противоположном склоне долины. Тут же рядом начал махать раскрытыми белыми крыльями подросший пуховой птенец, выпрашивая добычу, которую ему принес взрослый змееяд. Передав корм, тот вскоре вновь улетел на охоту, а мне понадобилось еще почти три часа, чтобы добраться до этого гнезда и разыскать его в густых зарослях на крутом склоне.

Исследования на Абрау позволили выявить необычную черту экологии местных змеядов. В большинстве районов своего ареала они активны обычно в дневные часы, вылетая на охоту лишь после того, как

прогреется утренний воздух, и станут подвижными хладнокровные рептилии. На Абрау же, где днем в жару змеи, вероятно, скрываются от обжигающего солнца в убежищах, исчезают и охотящиеся змееяды. Поэтому летом здесь птицы часто летают, токуют, кричат лишь по утрам и вечерам. Дневные же их поиски в жарких предгорьях были, как правило, малорезультативными.

Змееяды нередко встречаются также в сухих горах Внутреннего Дагестана, где в 2002 году в котловине Орота тоже удалось выследить их гнездо, устроенное на вершине сосны под высокими известняковыми куэстами. Находилось оно, правда, довольно далеко, и поэтому обследовать его не удалось, да и не хотелось тогда беспокоить этих особо охраняемых птиц, чтобы их кладку не разорили хищники. В конце апреля на гнезде сидела самка, которая начала громко кричать, заметив высоко в небе самца с добычей, чем и выдала своё местонахождение. А вскоре и самец спустился к гнезду, в несколько приемов спикировав с большой высоты вниз. Передав самке корм, он вскоре улетел, и затем за три дня работы в котловине мы отметили его еще лишь однажды – охотившимся над каменистыми степными склонами у реки Аварское Койсу.

Довольно обычны змееяды и на Центральном Кавказе, особенно в районе Кисловодска. Наверное, неспроста поэтому символом этого города был избран змееяд, поймавший ядовитую змею. В сухих безлесных горах вокруг Кисловодска, действительно, встречается немало степных гадюк, а также полозов, медянок и других змей, и там обитает довольно крупная, частично обособленная популяция змееяда. Но, несмотря на все мои многолетние старания, обнаружить его гнездовья в этих горах я так и не смог. Лишь местному орнитологу-любителю Е.А. Парфенову, проживающему в Пятигорске и очень хорошо знающему окрестные горы, удалось собрать уникальные материалы по экологии Кисловодских змееядов.

Вообще же змееяд, помимо своей редкости, отличается еще и значительной для таких крупных птиц малозаметностью и скрытностью. Поэтому его поиски на обычных учетных маршрутах далеко не всегда дают достоверные результаты, которые нередко оказываются на порядок ниже реальных показателей. И если для Краснодарского края, например, в Красных книгах указывалось 6-8, а позже – 10-15 пар, то сейчас можно смело утверждать, что там гнездится не менее 60-80 пар, а в Дагестане обитает не 12-15, и даже не 25-30, а не менее 150 пар.

Малозаметность змееядов обусловлена, прежде всего, тем, что эти птицы держатся обычно на значительной высоте и с земли выглядят сравнительно небольшими по размерам. К тому же светлая окраска позволяет им сливаться с фоном неба, а небольшая подвижность и дли-

тельные остановки на одном месте еще больше затрудняют обнаружение охотящихся птиц. Наконец, весьма значительные по площади охотничьи территории, по которым перемещаются змееяды, не всегда позволяют вести длительные наблюдения за птицами и выслеживание их гнездовий.

Более заметны змееяды во время своего своеобразного токования, периодически совершаемого высоко в небе над гнездовыми участками. При этом птицы выполняют очень специфичный волнистый, гирляндовый полёт, раз за разом начиная быстро трепетать поднятыми высоко вверх крыльями. Частое мелькание белых пятен на исподе крыла является, очевидно, сигналом для самок и соседей, держащихся за много километров друг от друга. Но они бросаются в глаза и человеку, ведущему наблюдения за птицами.

Часто змееядов выдают также громкие, протяжные, как бы стенающие, очень характерные свистящие крики, слышные нередко за несколько километров. Но змееяды кричат обычно лишь при контактах друг с другом: при территориальных конфликтах, встречах самца и самки, призывах голодных птиц своим партнерам.

В заключение приведу несколько небольших историй к вопросу о скрытности змееядов. В конце апреля 2007 года мы проводили обследование одного из резерватов Волгоградской области, расположенного в низовьях реки Медведицы. На первой же экскурсии был встречен охотившийся, а затем начавший токовать змееяд, и я быстро «вычислил» место его вероятного гнездования – островок редких старых сосен на окраине песчаной террасы. Там сразу же было найдено и линное перо хищника, но все мои поиски гнезда оставались тщетными, хотя я осмотрел с ног до головы, кажется, каждую сосну. Через неделю, завершая работу, мы в третий раз, вместе с директором резервата и свитой его сотрудников, приехали в Атаманские сосны. Я вновь тщательно осмотрел весь сосняк, а директор нашел еще одно перо, утерянное змееядом. И мне пришлось еще раз прочесть лекцию о змееяде, о его неординарной экологической специализации и причинах редкости.

Подводя итоги, я показал на сосну, под которой мы стояли, и со словами: «Вот на таких густых, раскидистых деревьях змееяды и любят гнездиться», похлопал по ее стволу. И тут же из ее кроны, прямо над нами, сорвалась огромная белобрюхая птица, начавшая быстро набирать высоту над лесом. Только после этого мы с трудом смогли разглядеть гнездо, скрытое в густом переплетении ветвей.

Как шутили потом коллеги, получился удачный пример учета змееядов методом стряхивания птиц с деревьев.

В другой раз я проводил учеты птиц в островке средневозрастно-

го бора на песках близ станицы Вёшенской. В жаркий летний полдень, завершив работу, я развел на поляне костер, вскипятил чай и только тут заметил два желтых глаза, сверливших меня острым взглядом сквозь гущу ветвей. Оказалось, что среди плотных сосновых лап находилось гнездо змееяда с подросшим птенцом, которого охраняла самка, выдержавшая целый час, пока я ходил по лесу в поисках птиц и их гнезд, затем собирал хворост для костра, возился с чаем в 100 метрах от гнезда.

Фото К. Письменного

В таком же сосняке на песках по реке Чир другим летом я уже специально искал гнездо пары змееядов, наблюдавшихся там весной. Но осмотр густых деревьев, выстроившихся ровным рядом вдоль опушки леса, результатов не дал. Тогда мое внимание привлекла одиночная невысокая, но очень густая сосна, стоявшая на широкой поляне. Но и на ней ничего не было видно. Однако отойдя в сторону, я случайно заметил в бинокль белые пушинки, прилипшие к хвое на самой макушке дерева. Лишь после этого мне, наконец, удалось разглядеть среди зеленых ветвей белую голову птенца, сидевшего в гнезде, как в корзине, среди окружавших его со всех сторон сосновых лап.

Карагуш, или **орёл-могильник** *Aquila heliaca*

Один из самых крупных и красивых наших орлов – императорский, цезарский, Христов орёл, как его называют в европейских странах, у нас на Руси по давнему, досадному недоразумению стал почему-то мрачным, вульгарным «могильником» и под этим официальным названием вошел даже в юридические природоохранные документы, во все наши «Красные книги». Сейчас к нему скромно-стыдливо дописали «орёл-могильник», но эта приставка лишь немного приукрасила преж-

нюю абстрактную нелепость.

У татар, башкир, казахов и других тюркских народов этот орёл, в отличие от беркута – «божественной птицы», называется карагушем – «черной птицей». Это же имя – *Falco melanaëtus* – дал ему в 1758 году и основатель научной системы природы Карл Линней. Но из-за недостаточно четкого описания этого орла его название в дальнейшем не было признано европейскими зоологами, и поэтому значительно позже ему начали присваивать новые имена: *Aquila heliaca*, *Falco imperialis* и ряд других.

В России же в XVIII веке «в пустынях у Танаина», т.е. на Дону, экспедицией академика С.Г. Гмелина (1771, 1777) был добыт неизвестный доселе орёл, которого он вскоре описал по-латыни как *Aquila mogilnik*, S.G. Gmel., 1771. Позже этот вид под именем *Falco mogilnik* был включен в посмертное, 13-е издание Линнеевской «Systema Naturae» (1789), редактором которого был И.Ф. Гмелин – более успешный родственник С.Г. Гмелина, трагически погибшего 27 июля 1774 года в тридцатилетнем возрасте в плену у хана Усмея в Дагестане. А затем это название «русского орла», как его назвали в Европе, «заблудившись», перекочевало в русскую орнитологию.

Могильником орел был назван из-за своей привычки присаживаться, выслеживая добычу, на степные курганы – могилы древних кочевников, украшенные в прошлом «каменными бабами». Почти несомненно, что это был не императорский, а степной орёл, о чем я предположил еще в 1999 г. (Белик, 1999). Позже, в 2006 г., мною была дана более обоснованная аргументация происхождения этого названия (Белик, 2006). А затем в библиотеках удалось найти само первоописание *Aquila mogilnik*, в котором автор С.Г. Гмелин привел и его рисунок, сделанный с чучела добытой птицы (Gmelin, 1771).

Aquila mogilnik,
S.G. Gmel., 1771

Aquila nipalensis
http://payer.de/amarakosa2/amarak2010171.jpg

На рисунке хорошо видно, что это действительно молодой степной орел, широко распространенный и довольно многочисленный в Донских степях в прошлом. У него различимы щелевидные ноздри, очень широкий расщеп клюва, почти доходящий до заднего края глаза, а также короткий хвост, не достигающий концов крыльев. О возрасте птицы свидетельствуют яркие светлые каёмки на маховых перьях и их кроющих. Но у молодого карагуша низ тела всегда очень светлый, с широкими темно-бурыми продольными пестринами, а у степного орла на буром фоне обычно лишь просматриваются узкие стержневые штрихи.

Самый же важный признак, который был приведен в 13-м издании «Systema Naturae» (1789), это размеры птиц: длина тела у *Falco mogilnik* – 66,5 см, а у *Falco melanaëtus* – 83,7 см. Судя же по современным справочникам, длина тела степного орла равна 65-86 см, карагуша – 72-84 см, а беркута 76-93 см (Рябицев, 2001). Очевидно, таким образом, что *Falco mogilnik* S.G. Gmelin, 1771, никак не может быть синонимом нынешнего *Aquila heliaca* Savigny, 1809.

Оперившийся птенец карагуша в гнезде.
Башкирия, 22.07.1997

Для просвещенной Европы степной орел оставался неизвестным вплоть до середины XIX века, пока немецкие колонисты из Сарепты на Нижней Волге, занимавшиеся коммерческой таксидермией, не стали продавать чучела своих птиц в зарубежные музеи. Только тогда европейские орнитологи обратили внимание на отличия прикаспийских орлов от больших подорликов, за которых дотоле их обычно принимали. И в 1854 году редактор немецкого орнитологического журнала И. Кабанис предложил для них, не приводя никакого описания, просто на всякий случай, в качестве примечания к статье Ф.В. Бедекера, новое имя *Aquila orientalis* (Bädeker, 1854), использующееся с тех пор для обозна-

чения европейских, ***западных*** популяций степного орла. А полузабытый Гмелиновский «могильник» достался в качестве ярлыка черному орлу – карагушу.

Aquila nipalensis
http://elis-birds.narod.ru/images/2011/C6_2723.jpg

Aquila nipalensis
http://savesteppe.org/project/wp-content/gallery/photo1/img_1026_koval.jpg

Проведенные «раскопки» позволяют уточнить часть научной номенклатуры наших орлов. По безусловному правилу приоритета степному орлу должно быть возвращено, очевидно, его первое научное латинское имя *Aquila mogilnik* S.G. Gmel., 1771, тогда как нынешнему *Aquila heliaca* следует вернуть первоначальный линнеон *Aquila melanaëtus* (Linnaeus, 1758), т.е. черный орел. Его же русское название «могильник» в таком случае становится двусмысленным и однозначно ошибочным.

В качестве синонимов орла-могильника давно приводились разные имена: королевский орел, солнечный орел, но наиболее корректным, на мой взгляд, выглядит всё же «карагуш» – тоже черный орёл, имеющий одинаковое семантическое звучание с научным *Aquila melanaëtus*. К тому же оба названия наших настоящих, крупных орлов – беркута и карагуша – получают тюркские корни, этимология которых сейчас четко обозначена специалистами (Лебедев, Константинов, 1999).

Карагуш изначально был приурочен к лесостепным районам, где гнездился на деревьях, а охотился в степи на различных сусликов, врановых птиц и других животных средней величины. В степную зону, где абсолютно доминировал степной орел, карагуш спорадично проникал по пойменным, аренным и байрачным лесам, но здесь, по-видимому, никогда не достигал высокой численности. Это определялось и положением названных орлов в трофической пирамиде. Если степной орел

является типичным консументом II порядка, питающимся почти исключительно массовыми грызунами – малыми сусликами, то карагуш размещается на пол-этажа выше и должен иметь численность примерно на порядок ниже.

Действительно, в первой половине XX века, когда степной орел был еще довольно обычен на степном Юге (Варшавский и др., 1989), во всей Ростовской области – от Вёшек на Среднем Дону до Ергеней на границе с Калмыкией – было известно всего лишь около полутора десятков мест вероятного гнездования карагуша (Варшавский, 1983). А во второй половине минувшего столетия здесь отмечены только 4 его гнездовья: в 1970 г. В.В. Ивановский нашел гнездо в старом бору на песках Среднего Дона (Белик, 1995), а в 1981 г. С.Н. Варшавский описал гнездо, сделанное на одиночном сухом дереве в степной балке на западных склонах Ергеней (Варшавский, 1983). Еще два гнезда были обнаружены в 1990-е годы в сосняках по рекам Калитва и Чир (Белик, 1999). Сейчас, правда, благодаря охране численность карагуша на Дону, по-видимому, увеличивается за счет размножения птиц и их расселения из Ставропольского края, Калмыкии и, особенно, из Волгоградской области, где в последнее время сформировалась довольно мощная группировка этого вида, приуроченная к Калачской излучине Дона у границы с Ростовской областью (Белик и др., 2010).

Мой опыт изучения карагуша к середине 1990-х годов, когда планировался проект по инвентаризации его гнездовий в Европейской России, был, в общем-то, небольшой. Помимо двух найденных гнезд, я еще лишь несколько раз встречался с этим орлом в Волгоградской и Ростовской областях. Кроме того, еще несколько гнезд карагуша было осмотрено весной 1996 года в экспедиции по Западному Казахстану. Но со мною рядом был молодой, энергичный Виталий Ветров, который к тому времени уже детально познакомился с орлами в Придонецких борах на Украине, где сохранилась небольшая, обособленная популяция карагуша. И учитывая его опыт и талант полевого исследователя хищных птиц, я был уверен, что экспедиция пройдет успешно.

Однако к августу 1996 года обещанное финансирование проекта в Москву из Нидерландов так и не поступило, и мы вынуждены были отправиться в поездку фактически на собственные средства. Поэтому пришлось несколько скорректировать маршрут экспедиции и отказаться от обследования Симбирской лесостепи в Поволжье, где мною предполагалось, а О.В. Бородиным со своей дружной командой затем было блестяще подтверждено существование значительной реликтовой группировки карагуша.

В целом результаты нашей первой поездки оказались не очень

впечатляющими, что, впрочем, и не удивительно, учитывая значительную освоенность обследованного в 1996 году региона и критическое состояние донской популяции орла-могильника, относившегося в то время к I категории редкости в Международной Красной книге. Но в ходе экспедиции мы смогли побывать в знаменитом Хреновском бору, где были найдены два пустых гнезда, возле одного из которых всё же еще держались карагуши. Затем в Тамбовской области мы осмотрели южные лесхозы огромного Цнинского бора, поразившего нас своим угрюмым таежным обликом, лишь с некоторыми реликтовыми степными растениями. Орлов там мы не нашли, но по окраинам лесного массива, вполне пригодного для их гнездования, не исключен был и пропуск этих редких птиц. Зато порадовал Кузнецкий бор на востоке Пензенской области, где удалось локализовать несколько гнездовых участков карагуша. Однако ехать дальше на восток, в Ульяновскую область, в Приволжскую лесостепь, мы тогда не рискнули, упустив шанс познакомиться с крупной группировкой орлов, выявленной там позже.

С Виталием Ветровым в экспедиции за карагушами в 1996 году

Повернув к дому, мы обследовали Приволжскую возвышенность на юге Саратовской области, где было осмотрено несколько жилых и пустовавших гнезд карагуша. В Волгоградской области очень интересным оказался старый Даниловский бор на правобережных песках в среднем течении реки Медведицы, а затем мы попытались забраться с нескольких сторон также в «дремучие» Арчединско-Донские пески, давно привлекавшие мое внимание. Среди обширного песчаного массива гнездились змееяды, подорлики, орлы-карлики, орланы, однако карагушей, даже в старых сосняках, не оказалось.

Под конец экспедиции были обследованы еще обширные степи по глубоким меловым балкам в Калачской излучине Дона. И именно там, на пастбищах у сёл и кошар, где сохранились большие колонии сусликов, нам и удалось сделать маленькое открытие. В центре излучи-

ны мы обнаружили сразу несколько гнездовий карагуша и степного орла, встретили змееядов, балобана, а также ряд других редких видов птиц.

Кроме научных результатов, эта поездка дала нам возможность познакомиться с Хопёрским заповедником и его сотрудниками-зоологами – с тяжело заболевшим А.А. Золотаревым, а также с только начинавшим свои исследования И.И. Воробьевым, который показал нам в своем музее «беркута», оказавшегося молодым орланом-белохвостом. В Пензе мы встретились с В.В. Фроловым, который помог с поисками карагуша на реке Суре, а позже, в 1998 году, принял у себя в Управлении лесов Пензенской области наш небольшой научный форум, посвященный орлу-могильнику в России. В Саратове мы побывали в Областной охотинспекции в гостях у А.В. Хрустова и В.Н. Мосейкина, который тоже дал очень полезные консультации, касающиеся поисков карагуша в Поволжье.

Осенью 1996 года Союз охраны птиц России получил, наконец, обещанный грант на проведения нашего проекта, и было принято совместное решение использовать оставшиеся в этом году деньги на дополнительную весеннюю экспедицию в 1997 году. В апреле мы вместе с В.В. Ветровым выехали в Калачскую излучину, попутно обследовав также ряд старых боровых массивов по песчаным террасам рек на севере Ростовской области. Но здесь, к сожалению, кроме двух уже известных гнезд, мы больше ничего так и не нашли, тогда как Калачская излучина оправдала все наши надежды. Пока на деревьях не было листвы, гнезда орлов хорошо просматривались издали, и мы могли замечать их здесь в степи порой за 3-5 км. Поэтому учетная полоса заметно расширилась, и за неделю работ нами было найдено 4 гнезда и 1 гнездовой участок карагушей, 5 гнезд и до 10 гнездовых участков степных орлов и 2 гнезда орланов-белохвостов.

В последующие годы мы продолжали периодически посещать Калачскую излучину, проверяя известные и локализуя новые гнездовья орлов, а в 2010 году дважды провели специальное обследование этого района с целью полной инвентаризации карагуша. И если к 2009 году там было известно до 30 его гнездовых участков, то в 2010 году в Калачской излучине гнездилось уже не менее 40 пар.

Но тогда, в 1997 году, нас более всего интересовало Заволжье и Южный Урал, где тоже нужно было провести первичное обследование и поиски гнездовий карагуша. По непроверенным данным, в Приуралье и на Урале сохранились его довольно крупные группировки. Но ни ландшафты этих районов, ни экология гнездившихся там орлов нам совершенно не были знакомы, и работать предстояло во многом наугад.

В начале июля, завершив занятия в РГПУ, мы стали собираться

в экспедицию на Урал. Колесить с нами водителем согласился мой давний друг, казачий атаман Н.П. Швец, с которым много лет мы работали вместе в «Южгипроземе», обследуя Ростовскую, Волгоградскую и Саратовскую области. Позже, из-за экономического кризиса и развала этого института, Николай Петрович остался без работы и поэтому с удовольствием принял мое предложение. Подремонтировав старенький УАЗик, атаман на полтора месяца распрощался со своим юртом, и 8 июля мы выехали в путь.

В последний момент В.В. Ветров по личным причинам отказался от поездки, и я пригласил занять освободившееся место в нашем «козлике» своего друга, однокурсника Вячеслава Данченко, приехавшего в отпуск к родителям из Заполярья, куда он перебрался после Приморья. Но без Ветрова в машине первое время было неуютно, не ощущалось уверенности в успехе экспедиции. И лишь позже, когда появились первые результаты и накопился собственный опыт поиска орлов, ко мне пришло спокойствие.

Дорога от Ростова до Заволжья заняла у нас 4 дня, с ночевками на Чире, на высоких шиханах у Волги к югу от Камышина и на Змеёвых горах за Саратовом. По пути мы проверили два известных гнезда карагуша в Ростовской и Волгоградской областях, затем дважды удалось встретить птиц на лесистых Хвалынских горах на севере Саратовской области. Но в целом орлов в Поволжье оказалось немного. Оно больше запомнилось нам дорожной пылью да мощными грозами, во время одной из которых на Самарской Луке порыв сильнейшего шквалистого ветра чуть было не перевернул нашу машину на автотрассе. Из-за сплошной завесы этого дождя мы не смогли даже увидеть тогда знаменитые Жигулевские горы.

К вечеру 11 июля, миновав Куйбышевскую ГЭС, добрались до г. Тольятти на левом берегу Волги, где надеялись встретиться с известным местным экологом А.С. Паженковым. Но несколько дней назад он уехал в экспедицию на Урал, и мы остались без его помощи. За городом пришлось искать место для ночевки, благо, что здесь появилось много лесов, в том числе старые боры на террасах рек. И следующее утро – первое утро в Заволжье, занявшееся на опушке леса в балке Ташла, началось с нашего первого экспедиционного успеха.

Выбравшись в 5 часов из палатки, я долго рассматривал освещенные солнцем куртины старых сосен, разбросанные среди лиственного леса, поднимавшегося за балкой. Это было идеальное место для карагуша, однако птицы не появлялись. Но в километре ниже по балке, за одним из поворотов, я сразу же увидел мощную сосну с типичным гнездом карагуша на макушке, с которого тут же взлетел и сам орёл. А чуть

позже в километре выше нашего лагеря по этой же балке мы заметили еще одну пару орлов, вылетевших из леса. И там, после специальных поисков, было найдено второе гнездо, тоже размещавшееся на вершине сосны, стоявшей среди редких берез и дубов близ старой вырубки.

Первое гнездо карагуша в Ташлинском лесу в Заволжье.

Наблюдение за орлами со скал в верховьях реки Сакмары.

Покинув Ташлинский лес, так гостеприимно встретивший нас в Самарской области, мы направились дальше на север, к городу Димитровграду (Мелекессу) Ульяновской области, где планировали увидеть местного орнитолога Д.Ю. Карацубу, который в окрестностях города в лесах по реке Черемшан за последние годы нашел 5 гнезд «беркута». Однако попасть на Черемшан удалось только к вечеру. На полевой дороге мы почти на полдня застряли в большой луже, и только опыт В.В. Данченко помог нам выбраться из этой коварной ловушки.

После прошедших накануне сильных дождей в лощины на склонах нанесло много жидкого чернозема, смытого с полей. Первую из лощин мы благополучно проскочили с разгону, но во второй попали в промоину и застряли в грязи, которая поднялась почти до водительской кабины. Подъехавший к нам на счастье фермерский УАЗик протянул нас вперед на 1-2 метра, но затем начали рваться капроновые буксирные веревки, и «помощник» уехал восвояси. Оказалось, что в промоине под слоем грязи лежало бревно, в которое уперлись колеса, и сдвинуть машину с места стало невозможно.

Выход нашел бывалый Данченко, очевидно не раз попадавший в подобные передряги в безлюдной лесотундре Кольского полуострова. Он принес найденную недалеко трубу от завалившегося охотничьего аншлага, кувалдой забил ее глубоко в землю, надел на нее коловорот и стал рычагом-монтировкой потихоньку накручивать на него буксирный трос, постепенно, по 10-20 см, подтаскивая машину вперед. Так, раз за разом переставляя трубу, мы прошли по грязи еще 2-3 метра, а затем, почуяв под колесами землю, заработала и сама машина. Рассказываю об

этом случае в надежде, что наш горький опыт в будущем сможет помочь кому-то из таких же, как и мы, незадачливых путешественников.

Добравшись до Черемшана, мы смыли грязь и недельную дорожную пыль, поскольку до этого искупаться в Волге нам нигде так ни разу и не удалось, а затем направились в Димитровград. Но и здесь нас ждала неудача: Д.Ю. Карацуба возвращался из лагеря О.В. Бородина только на следующий день, но и после этого из-за отсутствия свободного времени не смог присоединиться к нам в экспедицию. Не оказалось в Заволжье, как ожидалось, и Олега Викторовича, который отказался от бесперспективной на его взгляд поездки на Черемшан и Майну и повторно отправился со школьниками в экспедицию в Поволжскую лесостепь, в свою «Долину Солнечных орлов».

Мы были вынуждены сами искать гнезда «беркутов», указанные на карте Д.Ю. Карацубы. Три из них удалось всё же найти, но все они оказались принадлежавшими карагушам. На первых порах, пока я не познакомился с этими орлами поближе, нам в Заволжье нередко помогала «Госпожа Удача». Так, одно из гнезд у Димитровграда мы искали в лесу несколько часов и уже решили покинуть гнездовой участок. Но тут на просеке неожиданно заглох мотор, и в тишине, выйдя из машины, я услышал крик орла и писк птенцов в гнезде, которое находилось на вершине двухсотлетней сосны всего в 20 метрах от дороги. Однако увидеть его, как оказалось, можно было только с луга, отъехав на полкилометра от леса.

А вечером того же дня, после долгих безуспешных поисков другого гнезда, мы решили, спасаясь от злых Черемшанских комаров, подняться к опушке леса на продуваемой вершине пологого холма, подальше от реки. В сумерках под старым дубом разбили лагерь, приготовили ужин, а затем я попробовал провести еще и ночные учеты сов. Но уже через километр мне пришлось повернуть назад и бегом бежать к дымному костру, спасаясь от тучи комаров, летевших за мной следом. Утром же, выбравшись из палатки, я неожиданно услышал клёкот орлят, доносившийся с огромного дуба, росшего рядом с нашим лагерем. В его кроне виднелась также борть для пчёл, а у ствола стояла лестница, но даже с ее помощью мне с трудом удалось взобраться к гнезду с парой оперившихся птенцов, устроенному на необычайно толстом дереве.

Дальше по экспедиционному маршруту в подходящих местах мы стали делать регулярные остановки, осматривая в бинокли лесные опушки, поднимавшиеся над лесом боровые гривы, одиночные старые сосны. Изредка удавалось сразу же разглядеть гнездо, нередко встречались сидевшие орлы, чаще же замечались охотившиеся вдали карагуши,

и тогда за ними начиналось длительное наблюдение в телескоп, пока птицы не садились в лес, как правило, недалеко от гнезда. Часто о появлении орлов сигнализировали стаи кормившихся в полях грачей, дружно, плотной тучей взлетавших в воздух, заметив приближающегося хищника.

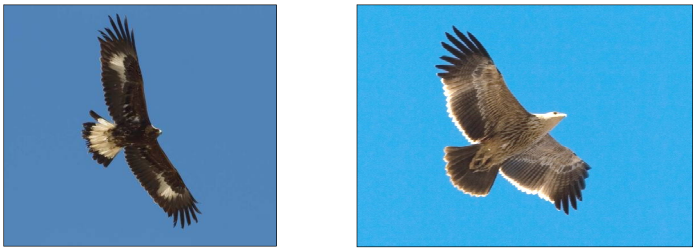
Локализовав гнездовой участок, иногда приходилось еще долго блуждать в густых зарослях, прежде чем я попадал к предполагаемому или даже к замеченному издали гнезду. В отдельных случаях гнездо выдавали крики полевых воробьев, селившихся в стенках мощных орлиных построек. А однажды лишь помёт птенцов на земле и кустах помог разглядеть гнездо орла, находившееся на вершине дерева прямо над головой в очень густом широколиственном лесу.

Во время остановок и «точечных» учетов нами отмечались все хищные птицы, но особое внимание обращалось на орлов. Причем нужно было чётко различать похожие виды, прежде всего карагуша и беркута. Их путаницу, как выяснилось недавно, допускали даже такие профессионалы, как Б.М. Житков и С.А. Бутурлин (1906), тоже ошибочно описавшие несколько гнезд «беркутов», найденных в Симбирской губернии. Взрослый беркут и карагуш действительно весьма похожи по окраске. Для последнего в качестве отличительного признака указываются белые пятна на плечах – «эполеты», но они развиты не у всех птиц и заметны не всегда, особенно в полете. К этому следует добавить также четкие различия орлов в голосе: громкое, гортанное карканье у карагуша и звонкий клёкот у беркута. Но слётки карагуша тоже регулярно издают похожие звонкие крики. Можно предполагать поэтому, что в ходе эволюции, приспосабливаясь к лесостепным ландшафтам, карагуш, по сравнению с беркутом, значительно сильнее изменился от общего для этих орлов предка.

Для беркута и карагуша очень характерен особый ювенальный наряд, позволяющий легко отличать их слётков и молодых особей друг от друга и от всех других видов орлов. Молодые беркуты имеют чернобелый, двуцветный хвост и яркие белые пятна посредине раскрытого крыла, а у молодых карагушей весь низ тела светлого охристого тона с широкими темными продольными пестринами. Возрастной диморфизм в окраске взрослых и молодых птиц у крупных орлов служит для защиты молодняка, несколько лет остающегося неполовозрелым, от агрессивного территориального поведения старых резидентов, которые не видят в молодых птицах, резко отличающихся по окраске, похожих на себя конкурентов. Но летом у своих гнезд они иногда всё же выпроваживают прошлогодний молодняк настойчивыми «подзатыльниками».

Наконец, для беркута и карагуша характерен еще один отличи-

тельный признак, на который прежде всего и следует обращать внимание при наблюдениях птиц в полёте. Карагуш держит раскрытые крылья в горизонтальной плоскости, чуть даже подгибая их на конце книзу, а у беркута они обычно слегка приподняты, как у луней, вверх. Эти детали морфологии орлов обусловлены, очевидно, особенностями их экологии.

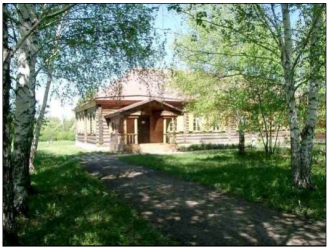


Молодые беркут (слева) и карагуш (справа) в полёте.
Фото И.И. Уколова и А.А. Караваева

Карагуш, как известно, адаптировался к обитанию в лесостепи с более сухим и теплым климатом, где днем формируются обычно восходящие термики, держащие орла в воздухе. А охотится он в основном на подвижных грызунов, быстро прячущихся в норах. Поэтому для него крайне важна способность к стремительным броскам на добычу, т.е. нужна большая масса тела при меньшей площади крыла.

Беркут же обитает в основном в более холодных и сырых районах – на севере в тайге или в высоких горах, и его длинные, широкие, приподнятые вверх крылья позволяют улавливать не только восходящие термики, но и боковые потоки воздуха, тоже поднимающие птицу вверх. Поэтому беркуты, например, в горах могут легко охотиться и в туман, и в сумерках, когда карагуши уже прячутся в укрытия. И атакуют беркуты не только сусликов, но и зайцев, таежных куриных птиц и другую крупную дичь, которая не всегда имеет возможность скрыться, что позволяет этим орлам преследовать ее более продолжительное время.

После поиска «беркутов» в Ульяновской области наша экспедиция продолжила путь на север. По Малому Черемшану мы поднялись в Татарстан и несколько дней путешествовали по его южным районам, а затем ненадолго заехали в Оренбургскую область, в Бугурусланский уезд. Там в селе Аксаково мы постояли у большого пруда, где когда-то ловил рыбу и охотился Сергей Тимофеевич, побродили по подворью его бывшей усадьбы, по старой липовой аллее вокруг сада и среди старинных сосен с опустевшим грачевником, поклонились могильным камням, под которыми покоились родители и брат С.Т. Аксакова.



Дом-музей С.Т. Аксакова в 1997 году и в настоящее время.
http://900igr.net/kartinki/izo/Aksakov/070-Muzej-zapovednik-v-sele-Aksakovo.html

После того как несколько лет назад ЮНЕСКО отметил Год Памяти С.Т. Аксакова, здесь тоже вспомнили о нём и занялись реставрацией его имения, восстановлением разрушенного в послевоенные годы деревянного дома, в котором прошли детские годы замечательного русского писателя. Во дворе Дома-музея плотничал Н.Ф. Финогенов – бывший председатель колхоза и «хранитель старины», рассказавший нам историю усадьбы. А разыскав в селе заведующую Музеем Надежду Николаевну, мы упросили ее провести с нами внеплановую вечернюю экскурсию и около часа бродили по залам Музея, разместившегося в бывшей школе, построенной на территории усадьбы. Музей был небогат, но в нем оказалось много интересных художественных полотен с портретами родственников и близких Сергея Тимофеевича.

Николай Федорович Финогенов – хранитель Аксаковских могил

Попрощавшись с Аксаковым, мы вновь отправились на север, но опустившийся вскоре вечер заставил нас разбить очередной лагерь, устроенный на поляне в стороне от дороги, среди березняков Бугульминско-Белебеевской возвышенности, и страстный любитель «тихой охоты»

Н.П. Швец занялся приготовлением жаркого из грибов, которые почти всё время в изобилии сопровождали нас по дорогам Заволжья.

Грибной завтрак с Н.П. Швецом и В.В. Данченко у костра

Доехав, наконец, до Башкирии – главной цели нашей экспедиции, мы провели там три недели, обследуя степи, лесостепные предгорья и горы Южного Урала. Это действительно оказался самый интересный и наиболее богатый на орлов регион. Кроме того, в памяти до сих пор стоят светлые, пахнущие мёдом рощи Башкирии, душистые цветущие поляны, полные целебных трав, своеобразные лиственничники в горах, невысокие скалистые хребты и ущелья, чистые реки и озера Южного Урала. По всему пути было много встреч с простыми людьми – и все они оставляли самые приятные воспоминания.

Перед экспедицией на Урал С.В. Быстрых любезно прислал мне из Перми некоторые картографические материалы по размещению гнездовий карагуша в Башкирии, собранные в предыдущие годы группой И. Карякина. Поэтому я старался проложить свой маршрут так, чтобы посетить в основном необследованные им районы. Но по реке Дёме пришлось проехать почти от истоков до устья, направляясь в Уфу, чтобы попрощаться там с В.В. Данченко, покидавшим нашу группу и уезжавшим домой, в Заполярье. И здесь сразу же бросилась в глаза нестыковка данных И. Карякина и наших наблюдений. Так, в верховьях Дёмы, где было указано несколько гнездовий карагуша, мы не встретили ни орлов, ни даже подходящих для них местообитаний. И лишь в самых низовьях реки, где появились целинные степные холмы и балки с байрачными лесами, сразу же показались и карагуши, и их гнезда.

Позже И. Карякин объяснял это недоразумение тем, что долину Дёмы обследовала отдельная группа из его команды, непроверенные данные которой и были включены в его публикации. В связи с этим со-

мнения закрадывались и в отношении других материалов И. Карякина, собиравшихся в большинстве неизвестными и безответственными любителями птиц, поставлявшими за деньги необходимую для «босса» информацию. А после того, как в работах И. Карякина коллегами была вскрыта откровенная фальсификация научных данных, отношение к нему изменилось у многих орнитологов России.

Игорь Карякин появился в российской орнитологии в конце 1990-х годов как ярко вспыхнувшая Новая звезда. Вначале мне импонировала его очень энергичная работа по изучению хищных птиц, в том числе орла-могильника, на Южном Урале, и я, не прислушавшись вначале к замечаниям знавших его коллег, по мере возможности старался поддержать его. Но вскоре многих орнитологов шокировали пять его солидных «монографий» о фауне птиц Башкирии, Пермской, Свердловской и Челябинской областей, а также о хищных птицах Южного Урала, опубликованные в течение всего 2 лет. Все они были написаны под одну гребенку, по примитивному шаблону, очень безграмотно и, самое главное, с массой грубых фактических ошибок.

Как выяснилось позже, со слов самого И. Карякина, он «отрабатывал» полученные гранты и, не гнушаясь, включал в книги непроверенные данные, попросту – фальсификацию, не имея, по-видимому, элементарных знаний по экологии некоторых описывавшихся в книгах птиц, например, сибирской кукши, не зная многих опубликованных работ.

Всего мы проехали по Заволжью и Уралу более трех с половиной тысяч километров, нашли там 33 гнезда орлов, в том числе 20 – в Башкирии, отметили множество других редких видов птиц. Всё это опубликовано в специальных работах. Поэтому сейчас, завершая свой рассказ, остановлюсь еще лишь на нескольких знаковых эпизодах.

* * *

В ходе нашей экспедиции было установлено, что численность орлов в Заволжье и на Южном Урале намного превышала популяции в Поволжье и Придонье. Мы часто регистрировали на маршруте по 1-2 гнезда в день, а 8 августа на Южном Урале были обнаружены сразу 3 жилых гнезда карагуша. Но этот рекордный день остался в моей памяти совсем по другому поводу.

Рано утром близ села Янтышево в верховьях реки Сакмары я заметил первое гнездо карагуша, устроенное на сосне высоко над рекой на скалистом гребне горного отрога. После проверки этого гнезда мы отправились на поиски другого, о котором нам сообщили местные жители. Вскоре удалось обнаружить и это гнездовье, сделанное на старом осокоре в глубине лесистого ущелья по небольшому левому притоку Сакмары. Дальше наш путь лежал вниз по Сакмаре. Но на карте автодо-

рога вдоль реки не была показана, и до устья реки Зилаир – крупного правого притока Сакмары – нужно было добираться кружным путём, делая две большие петли по горным склонам, с переправой через Сакмару по мосту у села Акназарово – примерно посредине между Янтышево и Зилаиром.

Что представляли собой горные водоразделы здесь в орнитологическом отношении – я не знал. Желательно было бы посмотреть их самому. Но в первую очередь нужно было обследовать долину Сакмары, где гнездование карагуша, да и других хищных птиц было более вероятно. И после долгих раздумий я принял весьма сомнительное в данной ситуации решение: отправиться вниз по Сакмаре пешком, благо, что она здесь была совсем небольшой речкой – в августе на перекатах по щиколотку. А водитель должен был ехать на машине сам – по указанным окружным дорогам до устья Зилаира, до которого вдоль реки по прямой было всего около 20 км.

Я был уверен в своих силах и не сомневался, что до вечера пройду маршрут, тем более – налегке, без рюкзака. Но о возможных происшествиях в горных условиях – и со мной, и с водителем, и с машиной – тогда почему-то не подумал, хотя путешествовать в одиночку в горах по технике безопасности не положено, тем более опасно расставаться с напарниками, успех работы каждого из которых непосредственно зависит друг от друга. Можно было хотя бы наметить промежуточное место нашей встречи у моста через Сакмару – на полпути до Зилаира. Однако об этом я вспомнил лишь позже, когда уже остался один… А в этот же день мы по плану должны были ночевать именно в устье Зилаира!

И вот машина с Н.П. Швецом отправилась по дороге вдоль ущелья наверх, а я, перевалив через горный отрог с ерниковыми сыртами наверху, потеряв при этом пару часов и изрядную долю сил, спустился к Сакмаре. И тут оказалось, что вдоль берега реки проложена автомобильная дорога, которая тянулась до самого моста, и можно было бы пройти этот маршрут нам вместе. Но поезд уже ушел…

По пути вдоль Сакмары встречаю еще одну пару карагушей – третью за этот день – и на поиски и обследование их гнезда трачу еще 2-3 часа. Лишь к вечеру добираюсь до моста. Остается еще с десяток километров. Причем путь теперь предстоит по берегу реки, по бездорожью. Но местные рыбаки успокаивают: всего-то шесть бродов – и будет Зилаир!

Однако вскоре начинает темнеть. Я считаю броды, которые становятся всё глубже: по колено, по пояс, по грудь… Уже сбился со счета. Время – к полуночи. Но вот, наконец, вдали засветились огоньки башкирского села Акъюлово на берегу Зилаира. Беспокоясь за Николая

Петровича, спешу к устью речки, кричу, но всё напрасно. В темноте ничего не видно…

Из-за комаров ночевать в лесу у реки без палатки невозможно. Поэтому возвращаюсь назад в село в надежде найти там место для ночлега. И на мое счастье под единственным фонарем в центре деревушки вижу группу мужчин, обсуждающих на своем языке какие-то деревенские дела. И после коротких объяснений, не особенно вникая в мои проблемы, понимая их, вероятно, просто на своем опыте, один из крестьян молча ведёт меня к себе в избу.

Разбуженная хозяйка быстро готовит мне ужин, правит в горнице постель. И я, безмерно устав за день, вскоре проваливаюсь в сон. Но уже на рассвете внутренний «будильник» и тревога за Н.П. Швеца поднимают меня с кровати. Оставив безымянным гостеприимным хозяевам записку с выражением искренней благодарности, вновь бегу к устью Зилаира. И какова же была моя радость при виде нашего УАЗика, стоявшего на широком галечном пляже на берегу Сакмары! И бравурной музыкой звучал доносившийся из машины богатырский храп атамана!

Утром у костра, у котелка с ухой из экзотических хариусов, Николай Петрович рассказывал о своих приключениях. В одном месте он чуть не заблудился, свернув на другую дорогу, но, благо, не рискнул спускаться вниз к реке по очень крутому грязному тракту, иначе потом мог бы вовсе не выбраться наверх. Затем, добравшись до Зилаира, он занялся любимой рыбалкой, и лишь к вечеру в его сознании тоже стали появляться тревожные мысли. Укладываясь спать, он достал транзисторный приёмник и стал записывать на магнитофон своё послание потомкам, мол, остался в горах один – без денег, без документов, без карт. Как возвращаться домой – не знаю. Если не вернусь – прошу считать меня коммунистом…

* * *

Завершив обследование Южного Урала, мы спустились по Сакмаре в степные предгорья, заехали в Оренбург в гости к моему другу А.В. Давыгоре, а затем повернули по долине реки Самары на запад, к Волге. Но добравшись до знаменитого Бузулукского бора, наш УАЗик не выдержал экспедиционного бездорожья. Благо, что там в лесхозе тоже работали порядочные, доброжелательные люди, которые поделились с нами своими запчастями, помогли с ремонтом машины. Однако продолжать обследование лесов дальше вниз по Самаре, к ее устью, мы не рискнули и вынуждены были взять курс домой. Но путь напрямик через степи по Оренбургской, Самарской, Саратовской, Волгоградской и Ростовской областям занял у нас еще три дня. Однако орлов в Поволжье было тогда по-прежнему еще очень мало.

Любопытно, однако, что через 13 лет, опять возвращаясь из Оренбурга в Ростов, на более современных машинах и в совсем другой компании, мы вновь попали на реку Большой Иргиз в Саратовской области и к вечеру совершенно случайно выехали на место своей предыдущей ночевки близ села Березово. Так что многое в нашей жизни может повторяться…

Мои исследования карагуша на этой экспедиции не завершились. В 2000-е годы очень много интересных материалов было собрано также на Северном Кавказе и в Предкавказье, затем – в Поволжье. Все они свидетельствовали о быстром росте численности, восстановлении популяций и расселении королевских орлов во всех этих регионах. Хотя некоторые группировки карагуша до сих пор еще остаются уязвимыми, а его прибайкальская популяция оказалась в последнее время даже вовсе на грани вымирания.

Как показывает анализ собранных данных, основным лимитирующим фактором для карагуша явился характер отношения человека к хищным птицам. Как только был введен запрет на их отстрел, появились Красные книги, началось активное просвещение населения и пропаганда охраны природы, в том числе птиц, вскоре были отмечены и положительные изменения в популяциях многих видов хищников. Этому способствовало также искусственное лесоразведение в степях, улучшившего гнездовые условия для карагуша, и сокращение порубок леса на пастбищах в горах в связи с переходом многих пастухов на использование природного газа.

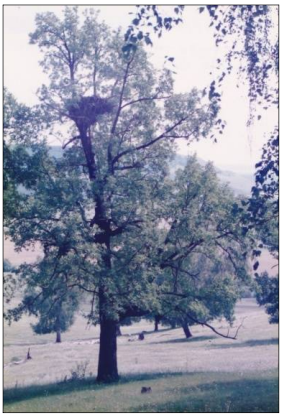
Вообще же многие коренные народы Поволжья, Южного Урала и Сибири изначально относились к карагушу благожелательно, а у бурят он считается даже священной птицей – Белоголовым орлом. И сейчас карагуш отвечает на это доброе отношение своей толерантностью к пастухам, к простым крестьянам. В Башкирии на Урале нам пришлось найти гнездо карагуша, которое располагалось рядом с археологическим лагерем, где всё лето велись раскопки. Под гнездовым деревом были поставлены скамейки, на которых в тени днем отдыхали люди, и, несмотря на их присутствие, на их разговоры, орлы продолжали спокойно кормить птенцов в гнезде!

Для Днепро-Донской и Поволжской популяций карагуша, выделенных нами по материалам проведенных экспедиций, существенную негативную роль могла сыграть также вырубка старых боров, поскольку эти птицы предпочитают гнездиться на самых вершинах старых, раскидистых сосен.

Очень важное негативное значение для орлов, особенно в прошлом, могли иметь и различные яды, применявшиеся для борьбы с вол-

ками, с грызунами, с вредными насекомыми. Очевидно, что именно чрезмерная химизация сельского хозяйства, а также продолжающийся отстрел орлов в Южном Китае, на местах их зимовки, и ведет к вымиранию прибайкальской популяции Белоголового орла.

Гнездо карагуша с птенцами возле археологического лагеря в Башкирии.



Многолетнее гнездо карагуша с тремя птенцами на дубе среди пастбищ в Башкирии.

Остальные же элиминирующие факторы – гибель на опорах ЛЭП, изредка еще отмечающееся браконьерство и разорение гнезд – сейчас успешно компенсируются за счет достаточно высокой продуктивности размножения орлов. Ухудшение же кормовой базы вследствие сокращения численности сусликов для карагуша, весьма пластичного в трофическом отношении, в большинстве районов, по-видимому, не играет существенного лимитирующего значения.

Поэтому можно надеяться, что королевский орел сейчас с оптимизмом смотрит в будущее. И как писал Ф.И. Тютчев, «*Пускай орёл за облаками Встречает молнии полёт И неподвижными очами В себя впивает солнца свет*!».

Степной орёл *Aquila nipalensis*

«Душный июльский полдень, безмолвные курганы, дрожащее марево над далёким горизонтом.

Давно смолкли поднебесные оркестры бесчисленных жаворонков, занятых сейчас выкармливанием подрастающего потомства. Но на смену им появились ещё более многочисленные кузнечики, цикады, сверчки, без умолку звенящие, стучащие и скрипящие в траве дни и но-

чи напролёт.

Выросли и разбежались из родительских нор молодые суслики. Оперились и начали пробовать крылья птенцы степного орла. И скоро, собравшись в заоблачной синеве, они будут часами парить над степью, явно наслаждаясь высотой. Однако эту картину, хорошо знакомую донским старожилам, сейчас можно наблюдать уже только местами – в безлюдных, засушливых районах на юго-востоке Ростовской области, где ещё сохранились большие массивы целинных степей и плотные колонии сусликов.

Портрет слётка степного орла. Заволжье, 05.07.2014

Степной орёл, будучи вытеснен человеком в полупустыни Прикаспия, оказался сейчас в угрожаемом положении. Следует, правда, заметить, что в Прикаспии – в Калмыкии и Казахстане – численность этих орлов достаточно высока до сих пор. Но на остальной территории некогда обширного, сплошного ареала остались лишь единичные пары, разобщенно гнездящиеся далеко друг от друга».

Самка степного орла с 4 птенцами. Заволжье, 05.07.2014

Прошу извинения у читателей за эту пространную цитату из своих же собственных сочинений. Впервые эти строки были написаны в далеком 1984 году, даже раньше – в газетной заметке 1981 года. Тогда эти размышления были еще вполне актуальны. Еще раз я рассказывал читателям о ситуации с нашим орлом в 2003 году, когда опасные тенденции в его популяциях наметились уже и в Калмыкии, но они были понятны тогда еще далеко не всем и не во всём.

Сейчас же степной орел исчезает повсеместно, даже в Казахстане, и уже многие исследователи бьют тревогу по этому поводу, пытаясь найти причины, организовать охрану этих редких, прекрасных птиц.

Мои самые первые встречи со степным орлом случились еще во время студенческих экспедиций 1969-1972 гг. по Куме. Более подробное знакомство с ним состоялось в 1978 году на Ергенях, а специально изучать его пришлось в 2003 году в приморских пустынях Калмыкии. В Ростовской области непродолжительные исследования, касавшиеся распространения и экологии этого орла, были проведены в экспедиции 1990 года, а затем в 1999 году на Ергенях, у границ с Калмыкией.

Кроме того, в 1983, 1996-1997 и 2009-2010 гг. распространение и гнездование степных орлов мне неоднократно пришлось наблюдать в Калачской излучине Дона в Волгоградской области. Очень интересные материалы по распространению, численности и экологии этих птиц были собраны в 2010-2015 гг. в Волгоградском и Астраханском Заволжье, где в 2014 году я даже специально занимался расследованием «детективной» истории с исчезновением степного орла. Наконец, в 1988 и 1996 гг. исследования были проведены в пустынях и полупустынях Западного Казахстана – в Гурьевской, а затем в Уральской области. Поэтому материалов для определенных выводов при проведении этого расследования у меня было вполне достаточно (Белик, 2004; Белик и др., 2015).

Наиболее показательная картина быстрой деградации популяций степного орла наблюдалась, наверное, в Богдинско-Баскунчакском заповеднике, в пустынях на севере Астраханского Заволжья. В 1999 г. он был там обычным, фоновым видом, а его общая численность оценивалась в 42 пары. Кроме того, летом там было встречено скопление из 70-80 холостых птиц (Букреев, 1999). Но в 2005 г. в заповеднике было найдено лишь 9 жилых гнезд, в 2006 г. – 4 гнезда, а в 2009 г. они там уже не отмечались (Амосов, 2010). В апреле 2012 года мне удалось найти в этом заповеднике лишь 1 гнездо степного орла, и еще несколько пар держалось у кошар в окрестностях резервата.

Численность степных орлов быстро сокращается и в Волгоградском Заволжье, где в самом начале XXI века обитало до 400-600 пар,

а их обилие в Приэльтонье колебалось в среднем около 3-4, а местами достигало 25 пар на 100 км^2. Сейчас же там гнездится от 2,1 до 2,5 пар на 100 км^2, а общая численность составляет всего около 200 пар.

Одно из основных объяснений причин падения численности степного орла состоит сейчас в массовой гибели птиц на опорах ЛЭП-6/10 кВ. Как известно, эта проблема существует уже давно, с 1970-х годов, когда в степях появились железобетонные опоры с металлическими траверсами (Шевченко, 1978). Причем погибают на этих ЛЭП не только степные орлы, но и многие другие виды птиц, в том числе карагуш, или орел-могильник, канюк-курганник и др. Но здесь важно отметить, что эти хищники не исчезают, а наоборот повсеместно увеличивают сейчас свою численность и расселяются по степи. И гибель этих птиц на ЛЭП может, вероятно, лишь замедлять рост их популяций, который особенно выражен в последнее время у курганника, очень близкого к степному орлу по своей экологии.

Степной орёл, погибший на ЛЭП в Заволжье. Фото А.В. Салтыкова.

Орёл на опоре ЛЭП, оснащенной защитным оборудованием. Фото А.В. Салтыкова.

Кроме того, следует заметить, что значительное сокращение протяженности ЛЭП-10 кВ, которое произошло в Приэльтонье в 1990-е годы вследствие экономического кризиса и исчезновения многих животноводческих ферм и кошар в степи, по свидетельству Г.В. Линдемана (2005), отнюдь не способствовало увеличению численности степных орлов. Да и сейчас эти орлы сохранились не там, где исчезли ЛЭП, а, наоборот, в тех местах, где остались хутора, где продолжается жизнь, пасется скот, а на пастбищах свистят суслики.

Гнездо орла в безлюдной степи Заволжья с одним птенцом. 05.07.2014.

Гнездо степного орла, упавшее с дерева, в придорожной лесополосе. 05.07.2014.

Так, у хутора Романенкова в Палласовском районе в 2014 году было найдено 7 жилых гнезд степного орла на площади всего 15 км^2. Подобные скопления орлов, может быть лишь чуть поменьше, мы неоднократно находили в Приэльтонье и вокруг других посёлков: Прудентова, Вишнёвки, Чекина и др. В то же время в обширных, совершенно безлюдных степях между озерами Эльтон и Булухта на 6 разных маршрутах общей протяженностью около 700 км в 2010-2015 гг. было встречено лишь 9 гнезд, что при полосе учета в 200 м составляет 1 гнездо на 15 км^2, т.е. примерно в 7 раз меньше, чем в окрестностях небольшого хутора. Причем в 2010 г. на этих маршрутах было отмечено 4 гнезда, в 2013 и 2014 гг. – по 2 гнезда, а в 2015 г. – лишь одно гнездо орла.

Чтобы разобраться в поставленной проблеме, нужно понять сначала, наверное, основные особенности распространения и экологии наших орлов. Их в России обитает 5 видов, не считая орла-карлика, который очень резко отличается и по размерам, и по окраске, и по голосу, и по экологии, и по своему поведению. Это быстрый, проворный, виртуозный охотник, добывающий не только сусликов в степи, но легко догоняющий также жаворонков в небе и даже дроздов в лесу! Он и отнесен систематиками к другой группе – к роду Длиннохвостых орлов *Hieraaetus*.

Среди настоящих орлов – степного, карагуша, большого и малого подорликов и беркута – последний тоже очень сильно отличается от всех остальных, кроме карагуша. Этот наиболее крупный и сильный горно-лесной вид в степях бывает в основном только зимой, хотя в Средней Азии нередко гнездится также в песчаных пустынях с саксауловыми лесами и другой древесно-кустарниковой растительностью.

Остальные орлы довольно схожи между собой, и различать их в природе не всегда так просто, особенно подорликов и степного орла.

Последнего вообще очень долго, до середины XIX века, орнитологи принимали за большого подорлика. Хотя в действительности этот орел по расцветке больше похож не на большого, а на малого подорлика. Но подорлики, как и карагуш, – лесостепные птицы, а первые – скорее даже лесо-луговые или лесо-болотные, охотящиеся на лугах и болотах на водяных полёвок, мышевидных грызунов, лягушек. Хотя на миграциях все они бывают и в степи, где в это-то время их часто и путают непрофессионалы.

Подорлики отличаются от орлов несколько меньшей величиной, но это, так сказать, лишь констатация факта. Реально же определять размеры птиц в природе, тем более в полёте, когда видишь редкого, одиночного орла, к тому же издали, отнюдь не так просто. При этом у орлов хорошо развит еще и половой диморфизм в размерах, так что бывает, что крупная самка большого подорлика почти не уступает в размерах самцу степного орла.

Подорлики отличаются от орлов также округлой, а не щелевидной формой ноздри. Но в прошлом систематики не обращали внимания на этот своеобразный признак, почему долгое время и объединяли большого подорлика и степного орла в один вид. Однако разглядеть форму ноздри, тем более у летящего орла, тоже далеко не всегда возможно. Хотя современные технологии позволяют делать и это – по качественным фотографиям, особенно по снимкам сидящих птиц.

Малый подорлик. Краснодарский край. 06.08.2012

Отличаются подорлики от степного орла и голосом. Если у последнего это в основном глухое карканье, то у подорликов обычно слышен звонкий клёкот. Большого подорлика иногда называют еще орлом-крикуном (на латыни – *Aquila clanga*), хотя на самом деле это всё же типичный «молчун». Лишь его птенцы-слётки действительно очень

крикливы, призывая в густом лесу родителей с кормом.

По окраске, как отмечено выше, на степного орла очень похож малый подорлик, у которого такие же поперечнополосатые маховые перья, тогда как у большого подорлика они очень темные, более или менее однотонно бурые. Хотя по полёту, по своему силуэту на степного орла больше похож именно большой подорлик, а у малого подорлика крылья, как у карагуша, более узкие и длинные. Правда, указанные выше признаки имеют некоторую индивидуальную изменчивость и не всегда позволяют наверняка определять всех этих птиц, даже держа их в руках.

Молодые же карагуши хорошо отличаются от остальных орлов своей очень светлой окраской низа тела, а взрослые, помимо более крупных размеров, имеют более темную окраску оперения, более длинный и узкий хвост, а также большую золотистую шапочку-корону на темени и белые эполеты на плечах. Хотя у степных орлов на спине тоже нередко появляются отдельные белые перья.

Различаются орлы также своей экологией. Все они – типичные дендрофилы, строящие свои гнезда на деревьях, а беркут – также на скалах. Но степной орел, перейдя к обитанию в открытых безлесных районах, приспособился гнездиться на кустах, на обрывах, на курганах и даже на ровной земле. Но при появлении деревьев он нередко переселяется на них, а в последнее время охотно использует для гнёзд также опоры ЛЭП. Причем при подъеме гнезд с земли вверх наблюдается некоторое увеличение плодовитости орлов, а также значительно повышается выживаемость их птенцов, недоступных для наземных хищников и степных пожаров.

Очень существенные различия наблюдаются и в питании орлов. Более мелкие подорлики вполне довольствуются мышевидными грызунами, ящерицами, лягушками, которых часто ловят, бегая по земле. Карагуш охотится на сусликов, молодых сурков, различных птиц средней величины и других животных. А вот степной орел – это типичный, облигатный сусликоед, хотя молодые, холостые степные орлы могут довольствоваться, по-видимому, и мышевидными грызунами. Взрослым же орлам, чтобы выкормить орлят, приходится всё лето добывать более крупных сусликов. Хотя, как говорится, голод – не тётка, и степные орлы иногда приносят в гнезда рептилий, птиц и даже хищников – степных хорьков. Но на таком рационе орлу долго не протянуть, и при исчезновении сусликов эти птицы тоже сразу же бросают свои гнездовые территории.

Так, на Сарпинской низменности в Калмыкии в 1955 г. обилие орлов достигало 13 жилых гнезд на 100 км^2, однако на следующий год, сразу же после массового истребления сусликов, оно снизилось до

2 гнезд на 100 км^2 (Семенов и др., 1959). А в Западном Казахстане в связи с уничтожением сусликов противочумными службами встречаемость орлов на обработанных территориях в 1959 г. уменьшилась в 18 раз, тогда как за их пределами увеличилась в 5 раз за счет перекочевки птиц (Шевченко и др., 1978).

Степные орлы выработали даже специфичные способы охоты на сусликов – подкарауливая спрятавшихся в норах зверьков в засаде под пучком ковыля или полыни. Вот как описывал их охоту в степи у Волги один из самых первых их исследователей – Николай Арцыбашев (1859), еще даже не знавший, что это был особый вид – степной орел. По словам этого наблюдателя, орёл «держится преимущественно в местах, населенных сусликами, которых он преследует весьма энергично. Я много раз был свидетелем хитрости, к которой орёл прибегает, чтобы поймать бедного зверька. Как только летающий орел заметит суслика, он быстро опускается на землю, но жертва в свою очередь заметила врага и скрылась в норку; однако орел не считает себя побежденным, приближается к тому месту, где скрылся зверек, взбирается на холмик со стороны противоположной норке и, устроив засаду, терпеливо выжидает. Опомнившись от страха, суслик отваживается высунуть свою мордочку и посмотреть по сторонам; затем, не видя ничего страшного, выходит совсем из норки; тогда орел, внимательно следивший за всеми его движениями, не медлит ни секунды и, как только его жертва отошла от норы, быстро занимает место у её входа, чтобы отрезать отступление и, не сомневаясь в успехе, с быстротою молнии бросается на ошеломленного страхом зверька.

Однако хитрость орла иногда ему не удается, но не потому, чтоб ему изменила ловкость в нападении, а когда он не примет предосторожности занять такое место, чтобы ветер дул на него от норки; суслик имеет отличное чутье и ни за что не выйдет из норы, если узнает о присутствии врага. Меня часто поражала глупость маленького животного; если орел сидит против ветра, и суслик не узнает о его присутствии своим обонянием, он выходит из норки без всякого недоверия, тупо смотрит на стерегущего его орла и, если последний не зазевается, дает ему схватить себя самым глупым образом»[*].

Позже орлы научились караулить сусликов со столбов, ожидая, когда те начинают выглядывать из нор после прохождения случайной машины или телеги. Зверек выбирается из норы и всматривается вслед удаляющемуся рокоту мотора, а орел в это время незаметно атакует его сзади.

[*] Перевод с французского М.А. Мензбира (1894, с.136-137).

Таким образом, основная причина снижения численности и исчезновения степного орла лежит, очевидно, в сокращении его кормовой базы, в вымирании сусликов. Но в то же время в полупустынных районах Заволжья, кроме территориальных птиц, сейчас всё лето регулярно встречаются скопления холостых орлов. Они держатся у пресных водопоев (прудов, каналов, заболоченных лиманов, артезианских скважин), переселяясь с места на место по мере высыхания этих водоемов. При этом обращает внимание редкость таких скоплений, отмечавшихся в первой половине XX в., и значительное увеличение численности холостых птиц в последнее время.

Так, в 1925-1928 гг. за 4 года работ в Волго-Уральском междуречье И.Б. Волчанецкий (1937) лишь однажды встретил стаю из 15 птиц. В середине XX в. стаи до 30-40 особей, состоявшие, в основном, из молодняка, появлялись у водоемов только в июле - августе (Шевченко и др., 1978), а сейчас скопления до 60-80 и более птиц встречаются уже с мая. Этот рост численности молодняка связан, возможно, с более высокой эффективностью размножения орлов, переходящих к гнездованию с земли на деревья.

Степные орлы на водопое в дневную жару у кошары в степи и на берегу лимана

Судя по результатам наших учетов, обилие холостых орлов в 2014 г. достигало 14-21 птицу на 100 км пути, что составляло около 40-60 % общей численности орлов, обитавших в Волгоградском Заволжье. Поэтому наличие огромного популяционного резерва в виде молодых и холостых, не гнездящихся птиц подтверждает, что причины негативной популяционной динамики степного орла скрыты не в элиминирующих, а в лимитирующих – трофических факторах. И отмеченное в литературе кажущееся омоложение гнездовых группировок степного орла (Карякин, 2013) связано не с высокой смертностью взрослых птиц, которая у крупных орлов, наоборот, примерно на порядок ниже, чем у молодых особей (Брагин и др., 2012), а именно с резким

увеличением доли молодняка в популяциях.

В связи с этим закономерно возникает второй вопрос: почему же сокращается кормовая база степного орла, почему исчезают суслики?

Я хорошо помню, как в 60-70-е годы эти зверьки свистели весной на всех пастбищах в окрестностях Ростова, Таганрога. Их колонии еще долго сохранялись здесь на лётных полях аэродромов. А на юго-востоке Ростовской области, на Ергенях, масса зверьков наводняла в те годы все целинные степи. Они постоянно шмыгали через дорогу перед проезжавшими машинами, столбиками стояли в траве у своих нор. Сейчас же целинные степи там сплошь, как оспинками, покрыты бугорками старых, заросших сусликовин.

Наш малый суслик, обитатель сухих степей и полупустынь Евразии, недавно уже попал в Красную книгу Ставропольского края. В Калмыкии и в Заволжье его большие колонии сохранились только местами. Лишь на стравленных пастбищах в окрестностях некоторых хуторов он обитает и в Калачской излучине Дона. В 80-90-е годы очень много сусликов было там также вокруг кошар в степи. Однако после того как в конце 1990-х кошары попали в огненное кольцо степных пожаров и были покинуты людьми, суслики вскоре покинули здесь свои колонии. А вслед за ними – и орлы. Огромные пожары охватили в те годы также степи Калмыкии и Заволжья. При этом от огня уходили не только люди и домашний скот. Но на пожарищах коренным образом менялся и исконно суслиный травостой.

Для суслика, как известно, жизненно важной является высота травостоя – не более 20 см, чтобы, встав столбиком, можно было оглядеться, проверить – нет ли поблизости хищников (Бируля, 1941). Кроме того, крайне важно наличие в травостое мятлика луковичного – очень питательного весеннего эфемероида, снабжающего грызунов калорийным кормом сразу же после выхода из спячки, до начала вегетации типчака и ковылей. Наконец, грызунам, как и другим травоядным животным, в том числе коровам и овцам, нужна в пищу соль, которую они получали из грунта на мочевых точках домашнего скота.

И вот, с исчезновением людей и домашнего скота, степи начали зарастать густым высокотравьем, непригодным для сусликов. Стал исчезать мятлик, поскольку необходимые ему оголенные участки почвы между дерновинами ковыля и типчака заросли густыми злаками и разнотравьем. Дождями вымыло из почвы соли…

Вдобавок в последние десятилетия в пустынно-степной зоне заметно изменился климат, начало выпадать больше осадков, что тоже ускорило олуговение степей и остепнение пустынь.

В итоге вытекает логичный вывод: нет ЛЭП – нет людей; нет лю-

дей – нет домашнего скота; нет скота – нет сусликов; нет сусликов – нет степных орлов.

В 2015 году степной орел был включен в число птиц, находящихся под критической угрозой исчезновения в Европе (European Red List of Birds, 2015). Но сохранить его без восстановления традиционного животноводства в сухих степях и полупустынях России и Казахстана будет невозможно!

А что же остальные орлы? Почему не исчезает без сусликов канюк-курганник, тоже специализирующийся в охоте за ними? Однако этот вид, имея более мелкие размеры, сейчас легко нашел себе замену в виде мышевидных грызунов, слётков жаворонков, рептилий, причем добывает не только ящериц, но иногда и степных гадюк, и даже огромных полозов. Кроме того, курганник избавился от сильного конкурента – орла и может занимать теперь даже его гнезда на деревьях и опорах ЛЭП.

Карагуш тоже оказался весьма пластичным в трофическом отношении и сейчас находит различную замену сусликам. Кроме того, он может летать на охоту очень далеко от своих гнездовий, и мне, например, приходилось наблюдать этих орлов, охотившихся в колонии сусликов на пастбище у хутора в 10-15 км от гнезд.

Малый подорлик, как и курганник, также довольствуется мышевидными грызунами, рептилиями и другой мелкой добычей и поэтому в последнее время, благодаря охране, смог начать восстановление своей численности и расселение за пределы бывших рефугиумов, в том числе в степные районы, вплоть до Калмыкии. А вот специализирующийся в охоте на водяных полёвок большой подорлик тоже, как и степной орёл, лишился своего основного корма из-за массового вымирания этих грызунов во второй половине XX века на значительных территориях лесостепной и степной зон. И поэтому этот орел до сих пор находится в очень уязвимом положении. Хотя на истории и современном состоянии его популяций сказывается еще ряд важных негативных факторов.

Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*

Высоко в поднебесье над донским займищем парит огромный орлан-белохвост – одна из крупнейших хищных птиц нашей страны, размах крыльев которой достигает иногда двух с половиной метров. Однако снизу орлан выглядит лишь маленьким тёмным пятнышком. И даже спустившись ниже, он не производит приличествующего ему внушительного впечатления: других птиц рядом с ним на этой высоте нет, а без сравнения установить его размеры с непривычки трудно. Поэтому-то орланы местами всё лето могут летать высоко над Доном, не привлекая к себе особого внимания охотников, рыбаков и пастухов, которые

порой даже не знают об их гнездовании в окрестных лесах. Тем более что свои гнезда эти птицы устраивают иногда в колониях цапель или в грачевниках, где они долгое время оказываются совершенно незаметны.

Высоко в поднебесье рассекают воздух широкие тёмные крылья с растопыренными на концах перьями-пальцами. Яркой искрой вспыхивает на виражах освещенный солнцем ослепительно белый хвост. Круг за кругом совершает птица в голубом небе, поднимаясь вместе с воздушным потоком к облакам. И только свежий ветер шипит в упругих перьях её крыла.

Там вверху – прохлада… А внизу открываются широкие дали займища с сетью ериков и музг, с блёстками озёр, обрамлённых густой камышовой зеленью, со старыми осокорниками и ветляниками у берегов Дона.

Там, среди леса, на вершине тополя или старой ивы устроено огромное гнездо орлана-белохвоста, в котором сидит пара подросших, уже оперившихся темнохвостых птенцов. Там же, над одним из озёр, летает другой орлан, высматривающий больных, всплывающих наверх сазанов, оставленных охотниками уток-подранков или молодых, неуверенно летающих цапель. С высоты хорошо видны и сами охотники, стоящие в камышах, и рыбаки, тянущие бредень, и колония цапель с сидящими на заломах тростника птенцами-слётками.

Но для парящей в небе птицы самое главное сейчас – гнездо с птенцами, которых ей надо зорко охранять всё лето. Затем – охотящийся супруг, носящий ей корм. А она, немного насытившись, потом уже будет наделять пищей и своих несамостоятельных недорослей.

Время от времени орлан-самец пикирует с высоты вниз, когтями выхватывает из воды золотистого сазана или карася и, тяжело махая крыльями, летит к лесу. Навстречу ему с высоты тут же спускается самка и, забрав добычу, спешит к сидящим в гнезде голодным птенцам. Самец же, сделав невысоко над гнездом один-два «круга почёта», вновь отправляется в займище, к озёрам, где, набрав высоту, продолжит свой охотничий маршрут.

Так, в заботах о потомстве, проходят долгие летние дни, месяцы. К июлю вылетят из гнезда птенцы. Но ещё всю осень, а иногда и зиму будут держаться они поблизости, встречая прилетающих родителей громким визгливым клёкотом и выпрашивая у них пищу. И лишь ближе к весне, когда длиннее станут дни и ярче солнце, выводок распадется и уйдёт кочевать по Дону, а взрослые орланы-белохвосты вернутся к своему прошлогоднему гнезду. Птицы подправят его, подновят сухими сучьями, выстелят травой, собранной на вытаявших из-под снега косогорах, и самка вскоре вновь сядет греть яйца. А ещё через месяц

с небольшим в гнезде появятся пушистые птенцы, и начнутся новые хлопоты – до конца лета.

Молодой орлан-белохвост.
Фото И.Г. Бабкина

Я всегда восхищался орланами, этими величественными, прекрасными птицами, и никогда не упускал возможности понаблюдать за ними, за их гнездами, за жизнью белохвостов. Хотя специально заниматься изучением биологии орлана-белохвоста мне не пришлось, тем не менее, за годы экспедиций по Дону, Волге и Уралу я смог познакомиться со многими десятками, если не сотнями его гнезд, выяснил его современное распространение на юге России, динамику численности этих птиц, многие особенности экологии. И меня всегда удивляла широта их адаптаций, их приспособлений к окружающей среде обитания. А со временем белохвост вообще стал для меня своеобразным символом легендарной птицы-феникса. Орлан, как когда-то и феникс, в конце XX века фактически восстал из пепла, возродился из небытия, хотя к середине XX века был почти повсеместно уничтожен алчными, неразумными людьми.

Начав в 1970-е годы повторную экспансию по Дону с заселения старых пойменных лесов, преимущественно в окрестностях богатых рыбой крупных рыбхозов, орланы вскоре пошли по малым рекам в степь, где рыбы не было вовсе, затем освоили полезащитные лесополосы, а сравнительно недавно приспособились к гнездованию на опорах высоковольтных ЛЭП, заменивших орланам старые, недоступные деревья. Наконец, в последние годы на Волге появились их гнездовья даже на прибрежных скалах!

Кроме того, в изобилующих кормом местах, как, например, на побережье Цимлянского водохранилища, эти еще совсем недавно ред-

чайшие птицы, по сути – отшельники, гнездившиеся, по свидетельству В.М. Галушина, в 100-150 км друг от друга, сейчас стали формировать почти настоящие колонии, размещая гнезда в лесах всего в 300-500 метрах одно от другого, с плотностью до 4 пар на 1 км^2!

Гнездо орлана на опоре ЛЭП в дельте Дона. В гнезде много «вяленой» рыбы. Птенцы прячутся от солнца в тени. 06.05.2012.

Гнездо орлана на «шпиле» в Щербаковской излучине Волги. 31.05.2007. Фото О.В. Мазиной.

Очень пластичны орланы и в кормовом отношении. По словам М.Н. Богданова, летом в степи они охотились на сусликов, сурков, дроф, стрепетов. В пойме Волги кормом служила в основном рыба, а осенью орланы переходили на добычу водоплавающих птиц. После замерзания водоемов хищники улетали в степь, где добывали зайцев, поедали падаль и др. Кроме того, в Поволжье наблюдали орланов, охотившихся даже на журавлей, а также «мышковавших» птиц – шаривших клювом в траве, расхаживая по полям.

Недавно, перелистывая в очередной раз фундаментальную магистерскую диссертацию Н.А. Северцова, написанную в середине XIX века и положившую начало развитию научной экологии, я случайно наткнулся на строки об орлане, которые объяснили мне многие особенности его адаптаций. Как писал Николай Алексеевич, «…нравы и образ жизни этой птицы разнообразны почти до бесконечности, потому что пределы изменений внешних условий, которые она может переносить, необыкновенно обширны, и малейшее различие в этих условиях уже отражается в образе жизни белохвоста» (Северцов, 1950, с.149-150).

Несмотря на свою поистине феноменальную экологическую пластичность, орлан-белохвост благодаря стараниям человека к середине XX века практически полностью исчез во многих районах своего обширного ареала. Так, если в середине XIX века эта птица, по сведениям Н.А. Северцова, была достаточно обычна на Верхнем Дону, гнездясь в пойменных ольшаниках, в борах на песчаных террасах рек и в степных

дубравах, то в начале XX века за 4 года орлана удалось встретить там всего лишь 2-3 раза. А в середине XX века в бассейне Дона сохранилось, по-видимому, только одно гнездовье орлана, находившееся под особой охраной в заболоченных лесах Хоперского заповедника.

То же произошло и на Волге. Так, в середине XIX века М.Н. Богданов считал орлана самым обыкновенным и многочисленным из орлов Поволжья, а через 100 лет в тех же краях было известно только одно его гнездо. И лишь в огромной, труднодоступной дельте Волги, изобиловавшей рыбой, сохранилась довольно крупная группировка орланов, насчитывавшая 150-200 пар. Вероятно, именно оттуда и началось восстановление волжской и донской популяций белохвоста, быстро откликнувшегося на прекращение борьбы с орланами как мнимыми «вредителями» рыбного и ондатрового хозяйства, а также на некоторое улучшение кормовой базы и сокращение загрязнения природной среды различными пестицидами.

Сейчас орланы изредка еще продолжают погибать под выстрелами браконьеров, особенно из числа богатых, но малогуманных любителей ядовитых украшений-чучел в своих апартаментах. Кроме того, сохранилась еще одна серьезная угроза для орланов – свинцовая дробь, остающаяся в телах подранков: уток, зайцев, диких кабанов и др. Однажды ранней весной у многолетнего гнезда орланов в дельте Дона я нашел больную, уже не летавшую, старую красивую самку с полностью атрофированными грудными, полётными мышцами. Грудной киль торчал у нее как форштевень у броненосца. Печально смотрели на меня светло-карие глаза.

Я забрал птицу с собой, надеясь чем-нибудь помочь ей дома. Но довезти ее до Ростова так и не удалось. Препарируя потом этого орлана, я обнаружил в его желудке крупную свинцовую картечину, которая, постепенно растворяясь в желудочном соке, вероятно и убила птицу, вызвав очень типичную для такого отравления дистрофию грудных мышц. Они были уже не в силах поднять и расправить огромные крылья, по весу почти не уступавшие массе туловища…

Хорошо помню свои первые встречи с этими птицами. Как-то еще в студенческие годы мы с Игорем Мацкевичем ранней весной ездили в поисках птиц на мотоцикле по пойме Дона в окрестностях Ростова. И вдруг прямо над нами в синем небе появился взрослый белохвост. Заметив его, мы долго стояли на обочине дороги, с восторгом наблюдая за птицей, по спирали ввинчивавшейся в небо, пока она не растаяла в синеве. Лишь ее белый хвост еще долго вспыхивал яркой звездочкой под весенним солнцем. Тогда мне еще даже не верилось, что орлана можно было увидеть прямо у Ростова…

Затем поздней осенью 1976 года в густом пойменном лесу на Среднем Дону близ устья реки Иловли в Волгоградской области я нашел крупное гнездо хищной птицы, размещавшееся в мощной развилке серебристого тополя. Поблизости держалась пара молодых птиц, и сомнений в том, что это было гнездо орлана, не возникало. Я и сейчас уверен, что тогда удалось встретить одно из первых гнезд орланов, проникших на Дон, вероятно, с Волги. Но коллеги из Москвы, помню, в то время только посмеялись надо мной, что гнездо, похожее на орлановo, мол, еще не обязательно должно принадлежать орлану.

Однако в 1978 году гнездовья нескольких пар орланов были обнаружены уже в старых, заболоченных подовых лесах среди обширных Цимлянских песков, а в 1979 году, после катастрофического весеннего паводка, прошумевшего в пойме Нижнего Дона, сюда, вероятно с Цимлы, проникло сразу до 4 пар орланов. Птицы быстро приспособились здесь к новым условиям – к зарыблённым прудам рыбхозов, к лесным цапельникам, к соседству с человеком. И затем начался стремительный рост численности и восстановление ареала белохвоста по всему бассейну Дона – вплоть до Воронежской и Липецкой областей, до верховий Северского Донца на Украине, до сухих степей Калачской излучины, до полупустынь Манычской долины и даже до пригородных лесопарков на территории города Ростова, где уже давно известны гнездовья как минимум двух пар орланов.

Вероятно в тот же период орланы двинулись из Астрахани и вверх по Волге, где постепенно с высокой плотностью заселили всю Волго-Ахтубинскую пойму. Так, только в ее верховьях, на территории Волгоградской области, сейчас гнездится до 80-100 пар, или 5-7 пар на 100 км^2. Уже к 1984 году по байрачным лесам на правобережье Волгоградского водохранилища орланы проникли до Саратовской области, а позже появились и в искусственных лесонасаждениях среди полупустынь Приэльтонья. Причем к началу XXI века белохвосты в Поволжье столь размножились, что в засушливых районах, пока там еще оставалось много сусликов, возле их поселений летом нередко встречались стаи холостых орланов численностью до 100-150 особей и более. Большие скопления молодых орланов держатся летом также в заболоченных лесах на побережье Цимлянского водохранилища, где в массе нерестятся караси. А на Кубани, на свалке у птицефабрики, однажды зимой наблюдалось сразу более 200 орланов – как стая африканских грифов.

Отрадную картину восстановления ареала и численности орлана-белохвоста на юге России, ярко демонстрирующую всем ученым очень важную роль Красных книг, пропаганды и просвещения населения в охране редких видов птиц, омрачает одно не совсем приятное эколо-

гическое следствие. Вместе с размножением и расселением белохвоста практически сразу же и повсеместно, по крайней мере, на юге России, стала исчезать скопа – более слабый трофический конкурент орлана. Уже в 1979 году мне пришлось наблюдать на Нижнем Дону клептопаразитизм орланов, отбиравших у скоп пойманную ими рыбу. Одновременно орланы занимали также гнездовые участки и даже гнезда скопы в глухих участках лесов, вытесняя ее в менее подходящие места, а затем и вовсе изгоняя из поймы.

Последнее гнездо скопы на Дону, в его дельте, было найдено в 1971 году В.В. Ивановским. В 1978 году скопы гнездились где-то на Цимлянских песках и в пойме Дона ниже Цимлянской ГЭС. Позже изредка еще поступали сообщения о летних встречах этих птиц в других районах по Дону. Но все мои самые тщательные, специальные поиски их гнездовий, предпринимавшиеся здесь в 80-90-е годы, а также в последнее время, оставались тщетными. По сведениям Г.М. Русанова, размножившиеся орланы вытесняют скопу сейчас даже в дельте Волги, изобилующей рыбой. Там, как известно, долгие годы сохранялась довольно большая, изолированная гнездовая группировка этих ихтиофагов, но в настоящее время скопа стала исчезать даже в Астраханском заповеднике. Нигде не удалось найти гнездовий скопы и выше по Волге – в Волго-Ахтубинской пойме и по берегам Волгоградского водохранилища.

Кроме скопы, орлан вытесняет из пойменных лесов еще одного очень редкого хищника – большого подорлика, который обычно тесно связан с густыми, заболоченными ольшаниками. Появление в них орланов, занимающих гнезда подорликов, ведет к их переселению в менее защищенные лесные участки, что наблюдалось нами, например, на Арчединско-Донских песках. Но размножаясь и расселяясь далее, орланы занимают затем и такие субоптимальные биотопы, не оставляя подорликам возможности для гнездования.

Каким образом, когда и где будет найдено равновесие на этой чаше очень чутких экологических весов – я пока даже не представляю. Но места для скопы в экосистемах южных рек сейчас, по-видимому, практически не осталось.

Черный гриф *Aegypius monachus*

Описанные выше хищные птицы – обитатели в основном равнинных ландшафтов, где я жил и работал все годы. Лишь карагуш и змееяд частично проникают также и в горы Кавказа. Поэтому в конце XX века, когда я приступил к полевым исследованиям на Кавказе, продолжилось изучение и этих птиц, в результате чего было собрано много новых интересных материалов по их распространению, динамике чис-

ленности и экологии в горных условиях.

Но здесь появилось еще несколько видов редких хищных птиц, с которыми прежде я почти не общался: сапсан, беркут, малый подорлик, бородач, стервятник, белоголовый сип, черный гриф. Все они тоже вызывали самый пристальный интерес, однако моё особое внимание среди них привлек последний вид – узко специализированный некрофаг, самый крупный из хищников Кавказа.

Дело в том, что большинство горных хищных птиц, которые были включены в Красные книги СССР и России, уже давно стали объектами специальных исследований местных зоологов – сотрудников многих заповедников, университетов и др. По некоторым из этих видов был опубликован даже ряд солидных работ, например, о сапсане, беркуте, бородаче, а также о белоголовом сипе, большие колонии которого были выявлены на Западном и Центральном Кавказе. А вот черный гриф оставался практически не изученным. Достаточно сказать, что за весь период фаунистических исследований специалистами на Северном Кавказе было найдено всего 4 гнезда грифа, и лишь два из них более или менее детально описаны, а о двух только упомянуто. Еще одно указание о давней находке гнезда грифа в Северной Осетии было явно ошибочным.

По учетам же С.Н. Варшавского, проведенным в 1970-е годы, численность сипов и грифов в горах Северного Кавказа была почти одинаковой, хотя в последние годы, по моим данным, грифов стало здесь всё же раза в три меньше. Однако в Красной книге России местная гнездовая популяция белоголового сипа была определена в 300 пар, а черного грифа – только в 10-15 пар. У сипа по всему Северному Кавказу были известны десятки колоний, и в некоторых из них насчитывалось до 40-60 пар, а у грифа зарегистрировано всего лишь 4 случайно найденных одиночных гнезда!

С подобными оценками не совсем увязывались и сведения по Закавказью, где, например, только в маленькой Грузии с ее лесистыми, малопригодными для некрофагов горами, было известно 40 пар сипов и те же 10-15 пар грифов. Противоречили этому и наблюдения в Калмыкии, куда весной, в период отёла сайгаков, «на дармовщину» с Кавказа слетались стаи некрофагов в десятки и сотни особей, в которых грифы уступали сипам в численности не более чем в 2-4 раза.

Здесь была какая-то загадка. И вот ее решение и стало для меня основной целью многолетних экспедиций по Кавказу.

Уже во время моей первой орнитологической поездки в Дагестан весной 2002 года удалось локализовать несколько гнездовий грифа в сосняках на скалистых хребтах, окружающих котловину Орота на реке Аварское Койсу. К сожалению, из-за жесткого дефицита времени взо-

браться на скалы и обследовать эти гнезда нам тогда не удалось. Но в конце июля 2004 года в экспедиции по Лабе и Урупу я нашел на Скалистом хребте еще одно гнездо черного грифа. Как и в Дагестане, оно было устроено на плоской вершине небольшой сосны, стоявшей на самом гребне отвесной скалы, подняться на которую без альпинистского снаряжения не было никакой возможности.

При этом оказалось, что гнезда грифов, сделанные на макушках сосен, снизу практически не видны, и их можно с трудом разглядеть только из отдельных точек. На Урупе, например, я долго, специально рассматривал скалу в бинокль с берега реки, и лишь случайно заметил голову птенца, выглянувшего из-за сосновых ветвей. Только после этого удалось кое-как рассмотреть и само гнездо.

* * *

В 2005 году, с началом экспедиционных работ на Центральном Кавказе, мое внимание сразу же привлекла река Малка, берущая начало на северных склонах Эльбруса и прорывающаяся через Скалистый хребет по совершенно дикому, непроходимому ущелью. По сведениям моего кисловодского друга Виктора Андреевича Тельпова, там на скалах тоже росли сосновые леса, и однажды на вершине сосны у гребня хребта он заметил даже крупное гнездо, которое могло принадлежать грифу. В том же районе, у горы Кинжал в Приэльбрусье, было найдено и одно из известных гнезд черного грифа. И по моим первым наблюдениям в горах, многие грифы после кормежки в предгорьях у Кисловодска тоже регулярно улетали в сторону Малки. Складывалось впечатление, что там могла находиться их колония, однако попасть туда мне удалось лишь в конце лета 2006 года.

Завершая тогда обследование гор Кабардино-Балкарии, пройдя незабываемые ущелья Черека, Чегема и Баксана, я планировал напоследок подняться на гору Кинжал, а затем спуститься по ее отрогу – хребту Гедмыш к Малке с тем, чтобы можно было сверху, с этого хребта, осмотреть противоположные склоны ущелья Малки с сосняками, в которых должны были, по моим расчетам, гнездиться грифы. Ниже, у аула Хабаз, через Малку на карте была показана переправа, и оттуда можно было направиться уже дальше, в Кисловодск к В.А. Тельпову – на финиш летних экспедиций.

На Кинжал я долго поднимался из Баксанского ущелья на случайной попутной машине с местным охотоведом. К вершине мы приехали уже поздней, безлунной ночью. Охотовед поведал, что на соснах под куэстами Кинжала действительно известны гнезда грифов, но показать их мне не мог, поскольку сразу же уезжал домой. А я остался в кромешной тьме вдвоем с чабаном-балкарцем, обитавшим со своими

отарами на кутане неподалёку от вершины. Как он ориентировался в темноте среди камней, кочек и промоин – для меня было непостижимо. Но мы, время от времени спотыкаясь, кое-как добрались всё же до его крошечной каменной хижины в неглубокой балке.

В домике стояла узкая кровать с ветхой постелью, маленький столик с чайником и стаканами и печка-буржуйка. А на стенах висели запасы провианта – сушеное мясо на бараньих ребрах. Чабан быстро развел печку и стал жарить на огне жирную грудинку. В хижине вскоре потеплело, и она наполнилась душистым, божественно аппетитным запахом. Постепенно у стола завязалась беседа – о жизни, о местных животных, о политике, об истории балкарцев и нынешних проблемах горцев. И потом мне стоило больших трудов успокоить дикого, заросшего щетиной старика, пустившего даже слезу после всех этих разговоров. Далеко за полночь чабан, прихватив бурку, отправился на улицу сторожить отары, а мне, как почетному гостю, уступил своё ложе в хижине.

Проснулся я на рассвете. Над Кинжалом стоял густой туман, сквозь который лишь временами проглядывал силуэт Эльбруса. Поднявшись наверх, к дороге, я долго ходил взад-вперед, наблюдая за альпийскими галками, горными коньками, белозобыми дроздами, перелетавшими и перекликавшимися неподалеку в тумане. Но вскоре взошло солнце, согрело воздух; туман стал быстро редеть, и над горами занялся теплый, тихий, погожий день.

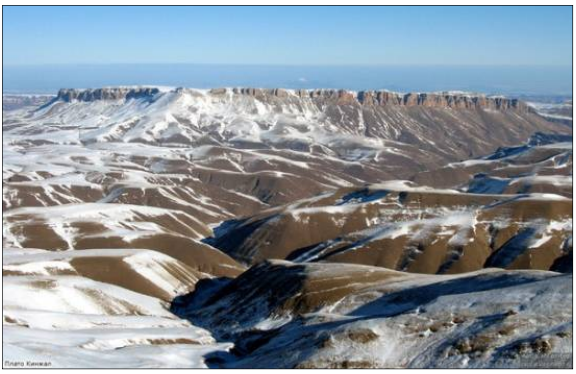
Кинжал – огромная столовая гора площадью около 30 квадратных километров, поднимающаяся почти на 3 км над уровнем моря. На ее платообразной вершине выделяются три высоты: Северный, Западный и Восточный Кинжал, однако разглядеть их среди пышных субальпийских лугов было нелегко. Откуда взялось у горы это оригинальное название – тогда я так и не выяснил*. Но иногда её путают с горой Кинжал, которая находилась в прошлом на Минеральных Водах и действительно напоминала лезвие кинжала, торчавшего из земли вертикально вверх. Балкарский же плоский Кинжал с трех сторон окружен грандиозными отвесными стенами куэст, под которыми далеко в глубине синеют ущелья Малки, Тызыла и других горных рек. Подходить к обрывам жутковато, хотя кое-где вниз спускаются потаенные тропы, а в одном

* Кинжал, по-балкарски – Канглы, т.е. «кровавая дорога». Это название связано с известной в истории Северного Кавказа кровавой «Канжальской битвой», которая произошла в 1708 г. между небольшими черкесскими племенами и войском крымского хана Каплан Гирея, насчитывавшим более 20 тысяч человек. Конница горцев под предводительством князя Кургоко Атажукина ночью неожиданно напала на татарский лагерь и полностью разгромила вражеский стан, уничтожив от 5 до 11 тысяч татар.

месте к реке Тызыл со скалы была сброшена даже веревочная лестница.

В прошлом на Кинжале выпасалось несметное количество домашнего скота, работал колхозный сырзавод – Хаймаши. Однако сейчас, кроме одинокой кошары, больше никого наверху не было видно. Лишь в конце лета сюда приезжают снизу за сеном, а осенью и зимой джигиты охотятся на туров.

Непроходимое ущелье реки Малки и западная куэста горы Кинжал



Южная куэста горы Кинжал. Вид со стороны Эльбруса

Распрощавшись с гостеприимным горцем, сфотографировавшись на память, я взвалил на плечи свой тяжелый рюкзак и отправился на север, к хребту Гедмыш. На следующий день удалось найти заброшенную дорогу, тянувшуюся по гребню этого хребта к Малке. Но ее ущелье было далеко в стороне и едва просматривалось сверху. Лишь к вечеру, когда дорога пошла вниз, приближаясь к реке, стали хорошо видны

сосняки на противоположном склоне. И уже с первой же открытой поляны я заметил внизу сразу несколько крупных гнезд, которые были устроены на вершинах сосен, покрывавших скалистые распадки и гребни. Теперь осталось только проверить их и уточнить, что они действительно принадлежат грифам.

Смущала, однако, возможность переправы через Малку. Даже в самом ее верховье, у подножия Эльбруса, в 2004 году я не смог форсировать ее вброд, а здесь – тем более! Правда, по словам местных жителей, в устье речки Гедмыш через Малку был переброшен Каменный мост – Таш-Кюпюр. Но судя по следам на давно неезженой дороге, им почти никто не пользовался, или через реку здесь переправлялись только верхом на лошадях.

Вскоре березняки на северном склоне хребта Гедмыш поредели. Справа показался весьма эффектный, высокий каскадный водопад Жетмиш-Суу*, не уступающий по красоте знаменитому Медовому водопаду у Кисловодска. А в самом устье р. Гедмыш взору открылся еще один невысокий, но мощный, бурный порог. Вот красочное описание этих водопадов в восприятии известного кабардино-балкарского краеведа В.Н. Котлярова.

«В Кабардино-Балкарии есть удивительный природный объект – водопад Гедмишх (Жетмиш-Суу), один из самых красивейших в Европе. С высоты более шестидесяти метров, опоясывая полукружьем скальной выступ, вниз несутся водяные потоки. Их периметр приближается к сотне метров. Гора покатая, с многочисленными гротами и каменными навесами, буквально изъеденная водяными струями, что придает ей сказочно-таинственный вид. Кроме того, она не хмуро-тёмная, как большинство других гор, ставших ложем для потоков, а многоцветная – ярко-кремовая, обрамленная изумрудьем свисающих то тут, то там вытканных мхами ковров. Разноуровневые струи неумолчно летят вниз – одни на десятки метров, другие значительно меньше, но только для того, чтобы, пробежав немного по отлогим склонам, вновь сорваться вниз, ведь Гедмишх – это каскад из множества водопадов и водопадиков, создающих удивительно цельную, искрометную и в то же время нереальную по своему волшебству картину.

Добавьте к этому водяную пелену, постоянно висящую над скалой, пелену, напоминающую густые шелковистые волосы, которые то и дело расчесывает гребешок, состоящий из солнечных лучиков-зубчиков, чтобы в какой-то момент заплести в них яркую семицветную ленту радуги…».

* Жетмиш-суу – семьдесят струй.

Кстати, в 2009 г. к Гедмышу проложили автодорогу для туристов, и любоваться этими водопадами могут уже любые желающие. Однако девственных уголков на Кавказе стало теперь еще меньше. К тому же с Гедмыша начали строить водовод для жителей степных районов Кабарды, что грозит уничтожением одного из красивейших водопадов Кавказа.

Спустившись с Гедмыша к Малке, бурной горной реки я, к удивлению, не обнаружил! Был слышен ее шум внизу по ущелью, а также далеко вверху. Тропа же подошла к узкой, в 1-2 метра шириной, расщелине, на дне которой, на глубине 10-20 метров, клокотал бурный поток, насквозь пропиливший плоскую конгломератовую плиту, которая стометровой плотиной перегородила днище ущелья. Через расщелину был переброшен пешеходный мостик – тот самый Таш-Кюпюр. И вот я на левом берегу Малки, у подножия базальтовых круч, покрытых наверху заветными сосняками.

Водопад Жетмиш-Суу – Семьдесят струй
http://www.risk.ru/blog/12953

Утром, поднявшись вверх, я осмотрел несколько гнезд, замеченных с вечера, но все они уже опустели, хотя пары грифов всё время кружились поблизости. Обследовать же сосняки всего кристаллического массива по Малке уже не было сил, да к тому же резко испортилась погода. Днем одна за другой налетели две мощные грозы, и мне пришлось быстро спускаться по тропе вниз к аулу Хабаз.

* * *

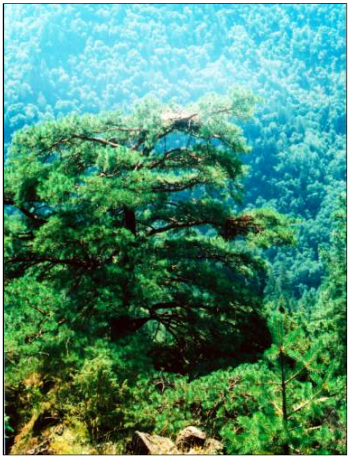
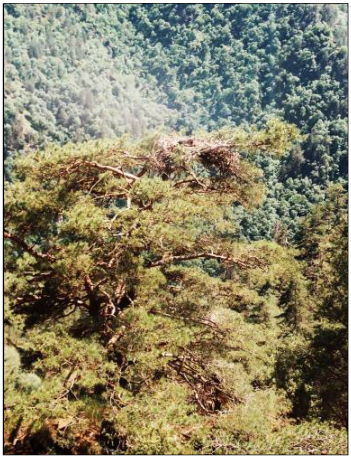
В следующем году я запланировал поход по Малке на июнь, когда в гнездах грифов должны были еще находиться птенцы. Необходимо было также детальнее осмотреть все сосняки с найденной колонией. Но, как и прежде, маршрут предстоял большой, многодневный, чтобы можно было познакомиться и с другими районами Приэльбрусья, где могли обитать грифы. Из Кисловодска через Маринский перевал

(Гум-баши) планировалось пройти по обширному субальпийскому плато Бечасын до Кубани, а затем по ее правому притоку Худесу, в верховьях которого С.Н. Варшавский когда-то тоже нашел гнездо грифа, подняться в Приэльбрусье и вновь через Бечасын идти к Малке, а дальше – по ее ущелью в аул Хабаз.

Как удалось выяснить, по Малке в советские времена проходил всесоюзный туристический маршрут, начинавшийся на турбазе «Долина Нарзанов» на реке Хасаут. Пешеходная тропа по Хасауту выходила к Малке, а затем вдоль ее левого берега, по расширявшемуся здесь ущелью, шла в низовья. Местами на скалистых склонах для страховки туристов по тропе были набиты альпинистские крючья и навешены перила из проволоки. Так что я надеялся пройти этот маршрут и осмотреть весь массив сосновых лесов с колонией грифов.

Однако сейчас заброшенная тропа во многих местах заросла или была размыта. Так, однажды, потеряв ее, я пробирался напрямик по крутому склону и чуть было не сорвался вниз, когда из-под ноги предательски выскользнул камень. В другом месте по бечевнику вдоль берега Малки я зашел к скальному прижиму, подмываемому глубокой, бурной рекой. Возвращаться далеко назад и искать потерянную тропу – не было ни времени, ни сил, и я решил подниматься с рюкзаком на скалу. Благо, что всё обошлось благополучно! А близ аула Хабаз был устроен настоящий памирский овринг: с десяток метров пришлось идти по узкому, шаткому настилу из жердей и досок, укрепленному на крючьях, вбитых в отвесную скалу прямо над бушующей внизу рекой. И пока я полз по оврингу, балансируя с рюкзаком, полевой сумкой и биноклем на плече, из души испарилось, наверное, немало адреналина.

В июньский поход на Кавказ со мной в помощники напросился орнитолог-любитель, приехавший из Украины. Это был крепкий здоровяк, в одиночку путешествовавший по Средней Азии и Камчатке, легко взбиравшийся на деревья к гнездам и на горные кручи, как пушинку поднимавший мой рюкзак. Правда, ему немного не хватало рассудительности. Пока было тепло и сухо, мы благополучно прошли Кубань, поднялись в верховья Худеса, а там в полдень нас накрыло несколько оглушительных гроз с дождем и снегом, спускавшихся на Бечасын с Эльбруса. Пришлось вброд переправляться через вздувшиеся холодные речушки. И тут-то мой «помощник» заныл, жалуясь, что ему нельзя простывать. А когда мы миновали Бечасын и спустились к Хасауту, который тоже нужно было несколько раз переходить вброд, он вовсе отказался идти вперед. И я был вынужден отправить его из «Долины Нарзанов» домой – через Кисловодск в Ростов и дальше по назначению. А мне ничего не оставалось делать, как продолжить поиски грифов самому.

Гнездо чёрного грифа, устроенное на вершине сосны, в 2006 и 2007 гг.

Добравшись в конце концов до сосняков на горе Уллу-Лахран, я быстро нашел там жилое гнездо грифов с птенцом, после чего неожиданно захандрил сам. Вспыхнувшая резкая боль в пояснице не позволяла сгибаться и разгибаться, и поэтому дальше, с трудом вскинув рюкзак за спину, я всё время шагал по тропе в вертикальном положении, не имея возможности обследовать окружавшие сосняки на крутых склонах. Но дойдя до Таш-Кюпюра, превозмогая боль, я всё же проверил еще одно из прошлогодних гнезд, в котором тоже оказался оперившийся птенец грифа. Попутно там было найдено также гнездо карагуша с птенцом, после чего по уже знакомой тропе я быстро направился в Хабаз.

* * *

Последний мой поход на Малку за грифами состоялся в июле 2013 года. В том году московские кинооператоры из Министерства природных ресурсов снимали научно-популярный фильм о грифах, но найти их жилое гнездо на Кавказе не смогли даже с помощью местных орнитологов и охотоведов. На Малке же одно из известных гнезд оказалось пустым, а другое исчезло, возможно, сброшенное с макушки сосны зимним штормовым ветром. И мне вновь пришлось отправляться в горы. Теперь, правда, был опыт и знание местности, появились к тому же хорошие карты и космоснимки Google Earth.

Из Кисловодска, где я остановился у В.А. Тельпова, мне удалось быстро добраться до Малки, спустившись с Кичмалкинского плато прямо к колонии, и уже на следующий день я нашел там гнездовой участок, а затем и жилое гнездо грифов. Но потом начались дожди, и один день,

как и в 2007 году, пришлось буквально с утра до вечера пролежать в палатке на берегу Малки, дремля под белый шум реки и периодические раскаты грома. Лишь 20 июля, как и было обещано В.А. Тельповым, выдался ясный, тихий и теплый день, и взобравшись с утра на высокий гребень одного из скалистых контрфорсов Уллу-Лахрана, сверху удалось разглядеть сразу 4 гнезда грифов. Правда, лишь в одном из них еще оставался птенец, к другому периодически прилетал слёток с родителями, а еще два гнезда уже опустели.

Таким образом, моя первоначальная оценка величины малкинской колонии грифов в целом подтвердилась. Можно считать оправданной и корректировку общей численности северокавказской популяции этого вида. Но где же гнездятся здесь остальные 50-100 пар черных грифов – предстоит еще выяснять, очевидно, будущим исследователям орнитофауны Кавказа.

Пользуясь возможностью, отмечу еще одну особенность поведения грифов, важную, быть может, для их дальнейших поисков. Как мне удалось выяснить, в первой половине лета, когда на Кавказе преобладает неустойчивая, ненастная погода, а грифы еще активно кормят птенцов в гнездах, они хорошо видны в небе под облачным слоем, причем летают весь день, с раннего утра, особенно же часто – в полуденные часы. Однако позже, во второй половине лета, когда устанавливаются ясные, солнечные дни, а птенцы покидают гнезда, грифы начинают полёты с 9-10 часов, но днем полностью исчезают из поля зрения, поднимаясь, вероятно, высоко в небо. Лишь к вечеру, спускаясь на ночевку или к гнездовьям, они вновь становятся заметными при обычных маршрутных исследованиях.

Как видно, каждый из редких видов птиц, будь-то тювик, змееяд или гриф, все требуют своих особых методов поиска и проведения полевых наблюдений. И только доскональное знание экологии и, особенно, этологии этих видов позволяет вести эффективные исследования и собирать необходимые для анализа материалы.

Хохлатый баклан *Phalacrocorax aristotelis*

Меня давно занимал вопрос, почему хохлатые бакланы гнездятся в Крыму, но рядом, на Кавказе, их нет? Хотя кормовая база у Черноморских берегов Кавказа была, в общем-то, та же, что и на побережье Крыма. Имеются вроде бы на Кавказе и условия для гнездования бакланов, по крайней мере – местами. Высокие скалистые обрывы по берегу моря, а также отдельные морские скалы-камни показаны на географических картах от Тамани до Геленджика и даже дальше к востоку.

Однажды я увидел на выставке фотографий удивительной красо-

ты Скалу-Парус, поднимавшуюся из моря в районе посёлка Джанхот близ Геленджика. Фото я взял домой, и оно несколько лет висело над моим письменным столом, всё время напоминая о возможности гнездования на этой скале ряда интересных обитателей Черноморских побережий. В конце концов, я выкроил время и добрался до Джанхота, чтобы проверить эту скалу. Черный, продырявленный пиратский Парус попрежнему уверенно плыл по волнам Черного моря, но к тому времени к нему через горы проложили автодорогу, и Парус стал местом паломничества сотен отдыхающих. Естественно, что никакой орнитологической экзотики я там уже не нашел…

Еще одна скала Парус была показана на карте в Керченском проливе у берегов Тамани – совсем рядом с Крымом. Место это было тогда, в общем-то, безлюдное и вполне подходило для хохлатых бакланов, гнездившихся поблизости на крымских берегах. Я стал собирать сведения об этом Парусе. Как оказалось, он и по расположению, и по своей природе очень походил на крымские скалы. А когда я узнал, что на этом Парусе летом регулярно наблюдались также и какие-то бакланы, – сомнения почти исчезли: в моем представлении это могли быть только хохлатые бакланы. Но это необходимо было еще доказать! Ведь в данном районе неоднократно работали краснодарские, ростовские и московские орнитологи, которые, однако, до сих пор регистрировали там только больших бакланов.

Скала Парус у пос. Джанхот.
http://anaparostour.ru/exc/djanhot-skala-parus/

Вскоре представился удобный случай побывать на Таманском полуострове. Туда отправлялась береговая экспедиция Азовского филиала Мурманского морского биологического института, и в его микроавтобусе рядом с научными сотрудниками нашлось место также для меня и нашей студентки Тани Карягиной. В августе 2003 года мы выехали из Ростова на юг. Миновав Кубанские плавни, первую остановку сделали на бесконечных песчаных косах, которые широким, высоким

баром опоясывали Темрюкский залив Азовского моря.

Здесь было довольно много различных околоводных птиц, которые после окончания гнездового периода, проведенного среди заросших тростниками многочисленных недоступных лиманов, теперь перед миграцией на зимовку собирались на почти безлюдных приморских косах. Но больше всего эти косы запомнились голодными комарами и огромными «плантациями» эфедры, ярко-красными от обильного урожая созревших ягод. Ядовитое, жесткое растение давало сочные и очень вкусные плоды, не востребованные здесь ни людьми, ни дикими животными!

Миновав гирла Кубани и город Темрюк, мы оказались на Таманском полуострове. Вскоре показались своеобразные, оригинальные по своей природе и происхождению грязевые вулканы, поднимавшиеся на юге, среди степных пастбищ, чередой сравнительно невысоких пологих сопок. Один из вулканов взорвался совсем недавно, и вниз по его склонам текла, как вулканическая лава, полувысохшая и потрескавшаяся на поверхности грязь. Обширные полынные пастбища в сухих, засоленных степях на склонах Таманских вулканов стали в Западном Предкавказье своеобразным рефугиумом, последним убежищем для степных журавлей-красавок, для дроф, стрепетов и авдоток, проникающих сюда из степного Крыма. Быть может, где-нибудь здесь сохранились еще и реликтовые кроншнепы?

Скала Парус на Тамани в Керченском проливе

Но вот, наконец, и легендарный мыс Ахиллеон. Это удивительное место, где в очень тесный узел сплелись легенды и быль, география и история древнего мира, средних веков и нынешних дней. Согласно древним преданиям, именно здесь родился великий герой Греции –

Ахилл, мать которого – богиня Фетида, или Тетис, супруга Океана, чтобы закалить сына и сделать его тело неуязвимым для оружия, окунула его, держа за пятку, в холодные воды реки Стикс в царстве мертвых, в Аиде, т.е. в Аду, расположенном в Адыгее, куда открывался вход через жерла таманских вулканов. Кстати, подобным образом родился и закалялся также и легендарный герой Савсорук, воспетый в адыгском эпосе «Нарты». Город, где жил и правил своим Мирмидонским царством Ахилл, изначально именовался Мирмидон, или Мирмикон, т.е. муравьиный город, названный так, возможно, из-за своей многолюдности. Позже Ахилла изгнали из города за его буйный, необузданный нрав, и он уехал к своему отцу Пелею в Грецию, а оттуда уже ушел на войну с Троей.

О происхождении Мирмидона существует древняя легенда, связанная с именем Зевса, который будто бы превратился в муравья и вполз в полюбившуюся ему Эвримедузу, от которой потом и народился будущий муравьиный народ – мирмидоняне. Про муравьиный город сохранилась также и древнерусская былина «О князе Волхве Всеславьевиче». В ней рассказывается, как князь с войском пошел войной на «Индейское царство». Некоторые ученые полагают, что это была страна Синдика, названная так по имени реки Синд, как в прошлом называлась Кубань. Столицей синдикетов иногда считают Анапу с ее Синдской гаванью, но, возможно, что ею был будущий Мирмидон. Войско Волхва покорило эту столицу лишь после того, как превратилось в муравьев и незаметно вползло в город. Не исключено, что в русской былине речь идет о разгроме синдов, после которого это индоарийское племя ушло в Сирию, а оттуда в Индию.

После Троянской войны и гибели могучего Ахилла, предательски поверженного женственным Парисом, любимцем Афродиты и Аполлона, который направил его отравленную стрелу в незащищенную, незакалённую пятку Ахилла, Мирмидон был переименован в Ахиллеон. Затем он стал греческой колонией Гермонассой. В Византийскую эпоху его называли Таматарха. А после разгрома Хазарского каганата в 965 году киевским князем Святославом Игоревичем здесь появилась русская крепость Тьмутаракань.

В 988 году сюда из Крыма пришел будущий креститель Руси князь Владимир Святославович, посадивший на престол Тмутараканского княжества своего сына Мстислава, который много лет владел также Керчью, Кубанью, Придоньем и Нижней Волгой. Затем вторгшиеся с востока половцы переименовали крепость в Матарху, наконец, турки присвоили ей имя Хункала, и лишь значительно позже она стала известной уже всем, «воспетой» М.Ю. Лермонтовым Таманью – «самым

скверным городишком из всех приморских городов России», рядом с которым, на солёной косе Тузла, ныне возводится рукотворное соединение Кавказа с Крымом.

Название же этой Тамани некоторые исследователи (напр., В.С. Чащин) выводят из индоарийского слова «тама» – «тьма», т.е. страна сумерек и мглы, царство Аида, ворота в которое открывались именно на Таманском полуострове в жерлах грязевых вулканов. Всё это, конечно, – лишь красивые легенды и гипотезы, за точность и достоверность которых я не ручаюсь. Они не имеют непосредственного отношения к истории о хохлатом баклане и вспомнились лишь в связи с мысом Ахиллеон, у которого начинался Керченский пролив – дорога в Крым. И здесь же на берегах пролива появились первые белые рифовые скалы. Но до белого Паруса нам предстояло посетить еще косу Чушку, с одной стороны которой плескалось настоящее море, а с другой – кишело комарами гнилое болото с грязевым вулканом «Блевако». Затем мы объехали Динской и Таманский заливы, окруженные бескрайними виноградниками с обильным урожаем чудных ягод, остановились в посёлке Сенном с его знаменитым винзаводом «Фанагория», и лишь после этого в море показался освещенный заходящим солнцем розовый Парус.

В бинокль были хорошо видны облепившие Парус бакланы, а также их гнезда на уступах скалы. Разглядеть птиц издали было трудно, но то, что это были хохлатые бакланы – теперь я уже не сомневался.

На следующий день надувной экспедиционный катер доставил меня на Парус, и я долго лазил по его крепким, колючим скалам, обследуя опустевшие уже гнезда бакланов. Парус оказался осколком древнего мшанкового рифа, выросшего на дне теплого, мелководного тропического моря Тетис. Со временем море отступило, рифы затянуло пылью и грязью вулканов, но затем они вновь погрузились в пучину морских волн и постепенно были отмыты ими от глины и грязи. И сейчас эти рифы вновь сверкают, как на иконе, белизной парусины на мысе Панагия, а также на соседней скале Парус, на окружающих ее многочисленных морских камнях.

После этой встречи с хохлатыми бакланами на Тамани я еще более убедился в острой необходимости, особенно для региональных орнитологов, хорошего знания природы и фауны всех соседних областей и стран, откуда всегда следует ждать появления новых расселяющихся видов. Некоторые же знакомые мне «местечковые» специалисты, читающие, порою, только собственные сочинения и практически не интересующиеся литературой по другим регионам, нередко обречены на прозябание, не имея возможности эффективно следить за изменениями в своей фауне.

Хохлатые бакланы в колонии. Фото М.М. Бескаравайного

Наглядный пример подобного рода дает сирийский дятел, который в XX веке быстро рассеялся с Балкан по Украине и России на восток, но из-за значительного сходства с родственным большим пестрым дятлом во многих регионах регистрировался с большим опозданием. Только когда сирийского дятла находили уже значительно восточнее, конкретные указания о необходимости его поисков и акцентирование внимания на диагностических признаках этого вида позволяли обнаруживать его иногда рядом с жильем местных исследователей, причем порою уже в достаточно большом количестве.

* * *

В мае 2004 года я с коллегами из Украины еще раз побывал на Тамани, посетил Панагию, посмотрел колонию бакланов на острове Парус. Численность птиц в ней как будто увеличилась, во многих гнездах были видны большие птенцы, т.е. размножение хохлатых бакланов шло успешно. В 2007 году данный вид включили в Красную книгу Краснодарского края, тем самым обеспечив его юридическую охрану. Но ему это, по свидетельству местных орнитологов, очевидно, не помогло. Увеличение потока отдыхающих на побережья Тамани и частое беспокойство птиц в гнездовой период в единственной колонии привело к сокращению численности и исчезновению хохлатого баклана. Хотя, быть может, по-прежнему ищут не там и не то?…

Малый лебедь *Cygnus bewickii*

Лебеди… Моя первая встреча с вольными, прекрасными птицами в их родной, воздушной стихии подробно описана в одной из первых глав, в которой вспоминаются мои университеты…

Но то были лебеди-кликуны, которые в небольшом числе прилетают из тайги и тундр на зимовку на южные моря, а весной летят вдоль

побережья Азовского моря и Нижнего Дона к своим гнездовьям. Позже, в 70–80-е годы, на Дону появилось довольно много лебедей-шипунов, начавших восстанавливать свою численность и расселяться по степным прудам и озёрам. А позже я несколько раз отмечал здесь же и малых лебедей – вовсе редких тундровых гостей.

Незначительно различаясь в деталях окраски и пропорциях тела, все они довольно хорошо отличаются по голосам. Шипуны – те не имеют звонкого, мелодичного голоса и лишь потревоженные у гнезда или возле птенцов изредка хрипло шипят. Но в полёте они производят сильный шум крыльями, и когда летит их стая, скрип мощных маховых перьев сливается в ритмичный гул, как будто где-то вдали работает тяжелый комбайн. Кликуна же, имеющего практически бесшумный полёт, всегда можно узнать по громким, чуть протяжным трубным крикам. А малый лебедь издаёт довольно похожее, звонкое «лебединое» гоготанье, лишь более короткое и чем-то напоминающее крики гусей. Поэтому отличить его от криков кликуна можно только при определенном навыке и, главное, специальной «настройке» слуховой системы.

Вспоминается случай, который произошёл в конце XX века в экспедиции на Камыш-Самарских озёрах в Казахстане. Проводя там весной учеты птиц, мы как-то разошлись по разным сторонам большого степного озера, причём я остался с биноклем, а коллега – местный специалист по водоплавающим птицам – взял с собой орнитологическую подзорную трубу. Вечером же, встретившись на экспедиционной базе, мы стали подсчитывать «улов», и оказалось, что у меня в учеты попало с полсотни кликунов и около сотни малых лебедей, до той поры никем там не отмечавшихся, а «спец» насчитал те же полторы сотни лебедей, но только одних кликунов.

Столичный начальник экспедиции, незадолго до этого организовавший научную дискуссию о неизвестных местах зимовок малого лебедя, был особо заинтересован в этой находке, подтверждавшей будто бы его гипотезу о каспийских зимовьях редкого, «краснокнижного» вида. Он пожелал лично убедиться в правильности моего определения и на следующий день отправился на озеро сам. И не доверяясь на слух, буквально всех птиц пересчитал по клювам в подзорную трубу. Пролётные лебеди, остановившиеся на отдых на степном озере, к счастью, оставались на своих местах, и моё определение птиц и оценка их численности полностью подтвердились.

Почему же малых лебедей не смог определить «спец»? Очевидно, он не был настроен на их поиск, по традиции принимая всех звонкоголосых лебедей за кликунов, не обращая внимания на небольшие различия в их голосе и окраске клюва. Я же сразу отметил характерный крик

малых лебедей, а затем уже постарался поближе подобраться к ним, чтобы получше рассмотреть окраску их клювов в бинокль.

Малые лебеди и лебеди-кликуны: две взрослые птицы и три «гадких утенка». Фото И.Т. Русева и А.И. Корзюкова

Малый, или, как его ещё называют, тундровый лебедь – улетает зимовать обычно на побережья Атлантики. Особенно много этих птиц скапливается зимой в Англии, в том числе – на прудах Слимбриджа, где орнитологом сэром Питером Скоттом, сыном известного полярного исследователя, погибшего во льдах Антарктиды, был создан питомник по разведению водоплавающих птиц. В Слимбридже всех «своих» малых лебедей хорошо знают в лицо, различая их по деталям желто-черного узора на клюве, и каждую осень ждут возвращения старых знакомых с их новыми семьями. Все птицы там, как впрочем и по всей Европе, пересчитаны и строго охраняются как орнитологами, так и всем местным населением.

Еще одна популяция тундровых лебедей зимует на востоке Азии, где их тоже ежегодно учитывают и тщательно охраняют. И вот когда, наконец, удалось подсчитать малых лебедей, обитающих в тундрах России, оказалось, что баланс гнездящихся и зимующих птиц не сходится. Было высказано предположение, что где-то на юге остаются ещё неизвестные зимовки этих лебедей, возможно – на Каспии, где вместе с шипунами ежегодно проводит зиму довольно много кликунов. А среди последних мог остаться незамеченным, «замаскировавшись» под кликуна, и малый лебедь.

Так что наша встреча с пролётными тундровыми лебедями на Камыш-Самарских озёрах в Северном Прикаспии косвенно как будто

подтверждала эту гипотезу. Но, быть может, зимовки тундрового лебедя начали формироваться также на Азовском и Чёрном морях? Ведь именно оттуда летят птицы вдоль Дона! Это предположение я высказал вскоре после их первых встреч на Дону. Однако подтверждение пришло только в последние годы.

Быстрое увеличение численности зимующих малых лебедей было детально прослежено специалистами на Балканах. По моей просьбе поисками этих птиц недавно занялись также орнитологи Украины, которые вскоре действительно обнаружили их в Причерноморье в скоплениях пролетных и зимующих кликунов, за которых обычно их и принимали. Но наиболее важной стала находка массовой транзитной остановки малых лебедей на озерах в Волго-Ахтубинской пойме на юге Волгоградской области, где весной и осенью на кормежку и отдых собирается иногда сразу до 1-2 тысяч птиц. Оттуда осенью они летят к Дону и дальше на запад, а весной – на восток, к Камыш-Самарским озерам в Казахстане. Правда, дальнейшие следы их миграционного пути там по-прежнему теряются.

В Волго-Ахтубинской пойме, судя по сохранившимся фотографиям, малые лебеди появлялись и прежде, но и там их, как обычно, принимали за кликунов. Однако осенью 2009 года туда для учетов птиц специально приехал В.В. Ветров, и им вместе с местными специалистами на одном из озер было обнаружено крупное миграционное скопление лебедей, не совсем похожих по голосу на кликунов. Консультацию орнитологам мне пришлось давать из Ростова, слушая перекличку лебединых стай по мобильному телефону.

Позже в Волго-Ахтубинской пойме был налажен регулярный мониторинг весенних и осенних миграций малых лебедей, в ходе которого удалось выяснить некоторые особенности экологии и фенологии пролета этого вида, а также проследить успешность его гнездования в северных тундрах по учетам численности «гадких утят» – буроватых молодых лебедей. Всё более частые встречи мигрирующих малых лебедей на юге России свидетельствуют, судя по всему, что в последнее время эти птицы стали предпочитать для зимовок южные моря, постепенно покидая пасмурную Западную Европу и холодную Атлантику.

Серый журавль *Grus grus*

Елань – совсем небольшая, в верхнем и среднем течении ничем не примечательная речушка на севере Ростовской области. Откуда пошло её название – никто не помнит. У сибиряков еланями называют чистые, солнечные поляны среди глухого леса. Быть может, и название нашей Елани связано с полянами, встречавшимися среди обширных

пойменных глухоманей и песчаных боров, одевавших её берега в далёком прошлом. А может быть, Елань происходит от слова «елень», как называли казаки водившихся когда-то в здешних лесах оленей.

Так или иначе, от реки Елани пошло название казачьего городка, а теперь станицы Еланской, основанной когда-то казаками на Дону в устье этой речушки-притока. Позже в бедной, полузаброшенной станице было создано Еланское лесничество – с его огромным заболоченным ольсом в урочище Черня и с обширными сосновыми посадками, которые покрыли примыкающие к станице песчаные буруны. Эти пески, разбитые многочисленными табунами, отарами и стадами домашнего скота в XIX веке, со временем пришли в движение и стали засыпать станичные огороды, сады, казачьи подворья. И чтобы остановить «буруны», на них стали высаживать кустарниковую иву-шелюгу, а затем сосну, восстанавливая на Среднем Дону уничтоженные предками естественные боры.

Я давно слышал о Елани, о Черни – уникальном уголке природы в низовьях этой реки. Давно хотел побывать в тех местах, посмотреть реликтовые ольшаники, понаблюдать в природе, на воле за серыми журавлями, обитающими в этих ольсах, послушать журавлиные песни, разносящиеся над окрестными лесами на утренних и вечерних зорях.

И вот однажды такая возможность представилась. Правда, впервые я попал туда в 1982 году уже поздно, в середине лета, когда в разгаре были птичьи хлопоты и многим из птиц было не до пения. Но и то, что довелось увидеть на нескольких экскурсиях в поисках журавлей в Черне и её окрестностях, произвело на меня очень глубокое впечатление и навсегда осталось в памяти.

Черня. Глухой, топкий ольховый лес в пойме Елани. Стоит он здесь испокон веков, не зная перемен. На месте срубленных деревьев-великанов почти мгновенно поднимается густая поросль, а через десяток-другой лет здесь, глядишь, опять тот же девственный ольшаник. Ни дорог, ни троп в глубь Черни нет. Летом она непроходима, и только зимой пробираются сюда лесорубы.

Из огромных торфяных кочек-коблов поднимаются вверх чёрные, голые стволы старых ольх, а между кочками хлюпает чёрная болотная жижа. Землю одевает буйная, сочная зелень болотного высокотравья, а небо закрывает плотный полог древесной листвы. В пасмурную погоду лес стоит сумрачный; со всех сторон вплотную сдвигается и угнетающе давит сплошная чаща чёрных стволов. Но выглянет солнце, и нежно-изумрудная мозаика листвы расцвечивает ольс, а высохшие ольховые стволы становятся серыми и тоже, отражая солнечные лучи, добавляют света под лесной полог.

Черня – царство слепней и комаров. Потревоженные, поднимаются они из травы и роем вьются вокруг, без умолку гудят над ухом. Едва успеваешь отмахиваться…

Черня – царство птиц. Такого разнообразия и обилия их не встретишь у нас больше нигде. Здесь, не сходя с места, можно услышать пение и крики до трех десятков различных их видов. Сочные флейтовые песни многочисленных соловьев, чёрных дроздов, садовых славок, иволг создают характерный звуковой фон сырого широколиственного леса.

Черня – родина серых журавлей, единственное, по-видимому, место в Ростовской области, где ещё в значительном числе гнездятся эти птицы…

Раннее утро. Лес встречает меня неприветливо. После ночного дождя сыро, трава и листва в обильной росе. Пасмурно.

Дорога вьется вдоль Черни по песчаным холмам, сбегающим к долине Елани. Шагая, напряженно вслушиваюсь, ожидая журавлиных фанфар. Однако они сегодня почему-то молчат. И вдруг где-то недалеко в лесу раздаётся громкий, низкий трубный крик, резкое «крррруу». Так непохоже на знакомое курлыканье пролётных журавлиных стай в небе, что я сразу даже не сообразил, что кричит журавль.

Еще несколько раз прокричала птица и смолкла. А я уже пробираюсь – где по кочкам, где по гнилым валежинам погибших и упавших на землю деревьев, где прямо по колено в воде – в глубь леса. Надеюсь, что мне всё же повезет, и я найду этого журавля. Но может быть, на этот раз и нет?

Сто метров, двести, полкилометра – уже давно не видно опушки. Где же искать журавлей? Они, как представлялось мне, должны жить на открытых полянах, на лугах, болотах. А здесь вокруг сплошной, густой лес!

Путь неожиданно преграждает болотистый ручей, и я, опасаясь возможных коварных ловушек болота, вынужден повернуть назад. Только теперь я уже не спешу. Внимательно осматриваюсь, вникаю в жизнь леса, в птичий хор.

Закуковала кукушка, и туманный росистый воздух над Чернью наполнился несмолкаемыми раскатами её эха. Почудилось даже, что нахожусь где-то в таёжном распадке.

Недалеко с надсадным треском обломалась и тяжело рухнула на землю, разбрызгивая в стороны грязь, намокшая под дождем старая, гнилая ольха. Стало даже зябко от прокатившегося по лесу гула.

Где-то в стороне послышалось журчание воды. Пробираюсь туда, а там, оказывается, ручей перегородила бобровая плотина, и через нее

небольшим водопадом со звоном сбегает вода.

Елань втекает в Черню небольшой речушкой, летом почти исчезающей на песчаных перекатах, а вытекает отсюда уже полноводной речкой, набравшей силы от многочисленных, питающих лесные ручьи ключей. И вот на Елани, а также на ручьях среди леса с недавних пор поселились бобры, устраивающие здесь свои норы, плотины, хатки.

Днём я ещё раз слышал далёкие крики журавлей, пробовал ещё раз забраться в Черню. Но опять ручей преградил дорогу. И лишь вечером, после расспросов, мне удалось, наконец, попасть в глубь Черни, на так называемые «пупки» – невысокие, навеянные ветром песчаные холмы среди заболоченного леса. Это, возможно, и были те самые елани – сухие, луговые поляны, которые когда-то и дали название местной речушке?

Здесь-то, на «пупках», я и увидел своего первого журавля. Недалеко, вероятно, находились его птенцы, и журавль охранял их спокойствие от четвероногих и пернатых хищников. Но держался он осторожно и, заметив человека, сразу же скрылся в старом топком ольшанике.

В последующие годы я еще не раз приезжал на Елань, обследуя Черню в поисках журавлей и других редких птиц. В начале мая 1998 и 1999 годов там удалось дважды найти журавлиные гнезда с неполными кладками, сделанные на невысоких плоских кочках среди воды на небольших прогалинах в старом ольшанике. А осенью, по рассказам старожилов, в окрестных полях собирается потомство местных журавлей, стаи которых достигают 50-70 особей.

Еще одно поселение серых журавлей позже было обнаружено в таких же заболоченных ольсах по Северскому Донцу выше города Каменска, вдоль границы с Украиной. И там однажды, экскурсируя вместе с В.В. Ветровым, я случайно нашел еще одно гнездо с однодневным птенцом и яйцом-болтуном, сделанное в виде плота из сухой осоки и стеблей хмеля на довольно глубокой воде между ольховыми коблами. Выше по Северскому Донцу, в Луганской и Донецкой областях, журавлей становилось побольше, а в Харьковской области местами они оказались даже вполне обычны. В.В. Ветров, занимавшийся изучением хищных птиц бассейна Северского Донца, одновременно вёл там также учеты и картирование поселений серых журавлей. Получив навыки их поисков в Ростовской области, он быстро разобрался в территориальном размещении этих птиц на Северском Донце и однажды принял участие в работе известной мелитопольской группы специалистов по журавлям под руководством С.В. Винтера.

Мелитопольцы, впервые приехавшие в Изюмскую Луку на юге Харьковской области для изучения серых журавлей, привезли с собой

целый ящик водки в качестве «призов» для местных лесников и пастухов, на помощь которых в поисках журавлиных гнезд рассчитывали в первую очередь. Однако уже на первом маршруте по изюмским борам они случайно встретились в лесу с В.В. Ветровым, экскурсировавшим там в поисках орлов-могильников. И он тут же на карте показал «спецам», где живут все местные журавли, научил их поискам гнездовых участков по крикам птиц и нашел первое журавлиное гнездо в заболоченных, заросших ольхой понижениях среди обширных песков, покрытых старыми борами. Так что все мелитопольские «призы» достались Ветрову со товарищи…

Фото А.Ю. Соколова

Похожие местообитания серых журавлей, впервые обследованные нами вместе с В.В. Ветровым в 90-е годы, сохранились также в Волгоградской области, где по Хопру, Медведице и кое-где в пойме и на песчаных террасах Среднего Дона распространены заболоченные ольшаники. Однако эти журавли, находящиеся в засушливых условиях на южной границе ареала, очень уязвимы к разным естественным и антропогенным воздействиям, и их изолированные популяции в Волгоградской области оказались весьма неустойчивыми и требуют повышенного внимания в плане организации специальной охраны.

Кроме «лесостепных» журавлей, на Нижнем Дону, Маныче и других степных водоемах, поросших тростником и рогозом, в прошлом, как удалось выяснить из старых рукописей и книг, обитала еще одна своеобразная – «степная» популяция серого журавля. Гнезда этих птиц еще в начале XX века находили на Маныче; до сих пор они обитают кое-где в Калмыкии. Мне же удалось близко познакомиться со степны-

ми серыми журавлями лишь в 1996 году в Западном Казахстане, где эти птицы гнездятся почти на всех заболоченных степных водоемах.

В конце апреля, когда у журавлей началась яйцекладка, они по утрам и вечерам дуэтами громко трубили на своих гнездовых участках среди Узенских, Балыктинских и Чижинских разливов, и поэтому регистрировать и учитывать птиц, слышных за несколько километров, было нетрудно. Но вот искать их гнезда, сделанные в обширных, труднопроходимых зарослях рогоза и тростника – в совсем непривычных для донских журавлей условиях, оказалось значительно сложнее. Тем не менее, мне дважды, на широких разливах Чижи-II, а также за рекой Урал на болоте в верховьях небольшой речушки Куагаш в истоках Калдыгайты, всё же удалось выследить их гнезда с кладками.

На весенних Чижинских разливах наш временный походный лагерь был случайно устроен неподалеку от гнезда журавлей, сделанного среди заросших невысоким камышом мелководий. И по утрам и вечерам, работая в лагере, я периодически замечал голову журавля, поднимавшуюся в одном и том же месте из зарослей и настороженно следившую за пришельцами. Там удалось быстро найти и гнездо, сделанное на небольшой прогалине среди камыша, выщипанного журавлями для строительства своего «дома». Он же представлял собой широкий, но невысокий плот из сухих стеблей камыша, опустившийся основанием до самого дна болота.

Другое гнездо журавлей удалось найти, заметив дорожки, протоптанные птицами с берега болота в глубь непролазных тростников. Гнездо было сделано из тонкого сухого тростника среди мелкой воды на совсем небольшой прогалине в густых, высоких зарослях. И журавлям приходилось иногда взлетать с него фактически вертикально вверх, поскольку разгоняться было совершенно негде. Обычно же они пробирались к гнезду и уходили с него, вероятно, по тропинкам, шедшим к песчаной террасе, где птицы кормились в степи.

Здесь же в безлюдных песках нередки были и волки, тропы которых тянулись вдоль кромки болота. Но крупные, смелые птицы, вероятно, могли постоять за себя и не особенно опасались хищников. Вольготно чувствовали себя здесь и звери. Проснувшись как-то на рассвете, я выбрался из своей палатки и потихоньку собирался в поход на поиски кроншнепов и журавлей, как вдруг метрах в 50 от лагеря увидел матёрого. Он медленно шел по тропе в нашу сторону, совершенно не замечая ни палаток, ни огромной машины, стоявшей прямо на его тропе.

Зверь подошел к лагерю уже на 20-30 метров, когда в палатке начал чихать и кашлять начальник экспедиции, почувствовавший утреннюю прохладу и болотную сырость. Волк как будто споткнулся,

опешил, не понимая, кто же это мог появиться здесь ночью, в его владениях, на его – волчьей – тропе? Он сел, долго смотрел на палатки, на неуклюже вылезавшего из них начальника, потом почесал за ухом и решил, что лучше всё же обойти этих чужаков стороной. Свернув в пески, он отошел метров на 10, еще раз остановился, как бы обдумывая неожиданно возникшую нестандартную ситуацию, а потом махнул хвостом и вскоре скрылся за песчаными буграми.

В таежной зоне Евразии обитает еще одна популяция серых журавлей, которые заселяют там в основном верховые сфагновые болота с клюквенниками, занимающие иногда обширнейшие пространства, но труднопроходимые, малоосвоенные и слабо обследованные. Мне приходилось искать журавлей на них в лесах Брянщины и Смоленщины, но удача сопутствовали лишь однажды в Латвии, где мы собрались в апреле 1993 года на конференцию, посвященную изучению черных аистов.

Кстати, этот редчайший вид, которого приходилось неоднократно встречать в горах Кавказа, на болотах Полесья и в некоторых других регионах, для меня до сих пор остается во многом загадочной птицей, хотя на экскурсиях в 1995 году в Испании мы с В.В. Ветровым сделали ряд очень интересных, необычных наблюдений над ее поведением и гнездованием. В Прибалтике же на учетах черного аиста лишь мне удалось найти его гнездо, но оно оказалось брошено птицами из-за беспокойства лесорубами, устроившими под гнездовым деревом свой привал. А вот о находке гнезда журавлей я там даже не думал. Но на короткой вечерней экскурсии в окрестностях Юрмалы, где проходила конференция, мы с киевлянкой Ириной Михалевич, приглашенной в Латвию в качестве переводчицы, на небольшом верховом болоте случайно спугнули журавля с гнезда, сделанного под невысокой, тощей сосенкой среди моховика.

Разнообразие природной обстановки, в которой приходится обитать серым журавлям как летом, в период гнездования, так и на путях миграций и в местах зимовок, сделало этот вид птиц весьма пластичным, быстро приспосабливающимся к новым условиям, к различным кормам, к разному окружению. Поэтому-то серый журавль является сейчас единственным видом этой, в общем-то, древней, реликтовой, малочисленной и весьма уязвимой группы птиц, который смог широко расселиться по Евразии и до сих пор поддерживает здесь достаточно высокую численность. А в некоторых районах, благодаря улучшению охраны птиц, серые журавли в последние десятилетия начали даже увеличивать свои популяции. Но они по-прежнему во многом зависят от человека, от развития его сельского хозяйства, наконец, от нашего доброго отношения к этим птицам.

Стрепет *Tetrax tetrax*

Серебрящиеся, уходящие к горизонту волны цветущего ковылка. Сурки-байбаки, сторожко стоящие столбиками у своих нор. Токующие на курганах и заброшенных сурчинах стрепеты.

Всё это в прошлом было чрезвычайно характерными элементами целинных южнорусских степей. Но в результате их распашки и радикального изменения природы степного юга, произошедшего в течение двух-трех последних столетий, и ковылок, и байбаки, и стрепеты для многих жителей южной России стали сейчас в значительной мере лишь символами, олицетворяющими безбрежные степные просторы, знойное летнее солнце и выгоревшее белёсое небо.

Ковыли, правда, местами ещё сохранились по склонам балок, на каменистых или песчаных участках или у опушек лесов – на степных целинках, по тем или иным причинам непригодных к распашке. И кудрявые букетики перистых седых ковылей сейчас ещё регулярно появляются в июне на городских перекрестках.

Степные байбаки, уцелевшие было лишь в заповедниках и заказниках, в последние десятилетия благодаря усилиям охотоведов тоже начали расселяться по целинным балкам, особенно на Верхнем и Среднем Дону и в Поволжье. И сейчас их можно наблюдать там нередко даже на окраинах хуторов, а местами они появились и в окрестностях крупных городов, например у Ростова.

Стрепет же хотя и распространён значительно шире байбака, однако встретить его, увидеть эту скрытную, немногочисленную птицу, а тем более услышать в сегодняшнем шуме автомобилей и тракторов удивительный токовый крик стрепета – его весеннюю брачную песню, стало сейчас очень сложно.

Токуют стрепеты обычно на утренних и вечерних зорях, когда в природе наблюдается особое, торжественное затишье и на сцену выходят все пернатые солисты. По утрам, когда неподвижный воздух напоён росистой свежестью, и слышимость резко увеличивается, крик стрепета хорошо различим за полкилометра и более. Но услышав его впервые, трудно поверить, что кричит птица, а установить её местонахождение ещё труднее.

Кажется, что короткий и отрывистый, приглушенный треск, время от времени раздающийся в степи, доносится откуда-то из куртины бурьянов в 50-100 метрах. Заинтересовавшись, подходишь ближе, а звуки доносятся уже из другой куртины или с голого солонцового пятна впереди. Отсчитываешь так одну за другой стометровки, но крик не приближается, а, наоборот, затихает, а затем и вовсе обрывается. Стоишь обескураженный. И вдруг недалеко из травы неожиданно взрывает-

ся крупная, величиной с курицу, птица пегой, черно-белой окраски и, описывая широкую дугу, улетает далеко в сторону, скрываясь в ковылях на соседнем увале. А в память о ней остаётся долго звенящий в ушах громкий вибрирующий свист, очень похожий на крик разбегающихся по тревоге сусликов.

Токующий самец стрепета.
Фото О.А. Першина

Вот он каков, стрепет! Это, оказывается, он и «трэкал» – токовал в траве, а затем, потревоженный, смолк и затаился. Но, не выдержав близкого присутствия человека, самец всё же взлетел, оглашая округу своеобразным свистом, производимым в полёте крыльями и оповещающим самку и других сородичей о близкой опасности.

Исконными местообитаниями стрепета были южные ковылковые степи, населенные сурками и сусликами, земляные холмики которых – сурчины и сусликовины – являлись излюбленными местами его токования и кормежки. Серебристые перья ковылка летом маскировали токующих белогрудых самцов, а листья, бутоны и семена разнообразных бурьянистых растений, обильно разраставшихся по весне на сурчинах, служили стрепетам основным кормом. Для них поэтому весьма благоприятными оказались также старопахотные залежи, зараставшие бурьянами. И на начальном этапе освоения степей, в период развития так называемого переложного земледелия, когда пашня периодически забрасывалась на несколько лет в перелог, в залежь, численность стрепета на Руси даже увеличилась.

Рост популяций стрепета происходил также в годы военных и экономических кризисов, когда в степях тоже появлялись большие мас-

сивы заброшенных полей – с разреженными, пятнистыми травостоями, расцвеченными пестрым разнотравьем. Но со временем, когда залежи покрывались густым, однообразным злаковым ковром, численность стрепетов в степях вновь сокращалась. Покидали они и заповедные степные территории, на которых исчезали сурки и суслики, а комплексный травостой сменялся монотонными, высокими и густыми ковыльниками из ковыля-тырсы и других крупных видов.

Однако стрепеты избегают в степях и низкотравных участков, где лишены защитных условий. Поэтому очень интенсивный выпас домашнего скота и полное стравливание степной растительности тоже сопровождались резким сокращением численности этих птиц.

Впервые я познакомился со стрепетами в 1971 г. в сухих степях Заманычья на юго-востоке Ростовской области и с тех пор постоянно искал встреч с ними, не в силах равнодушно слушать их первобытное токование и возбуждающий свист крыльев летящих птиц. В 1976 г. много стрепетов оказалось в Сальских степях, в 1977 г. их плотное поселение было обследовано на Нижнекундрюченских песках в низовьях Северского Донца, в 1978 г. мы специально учитывали этих птиц на Цимлянских песках, в 1982 г. довольно много их было на песчаных террасах Среднего Дона близ станицы Вёшенской, а в 1983 г. – на Чирских песках в Обливском районе.

Но затем мои экспедиционные работы надолго сместились в другие регионы: в Саратовскую область, потом в Казахстан, а когда в 1990-е годы я вновь занялся обследованием степного Придонья, оказалось, что значительные, обширные рефугиумы стрепета на песках в северных районах Ростовской области почти полностью опустели. Зато много птиц появилось в долине Маныча, заметно увеличилась их численность и в Сальских степях, а потом они вновь заселили также Ергени и полупустыни Калмыкии.

Как выяснилось при этом, в северных районах Придонья основной угрозой для стрепета стал ястреб-тетеревятник, начавший в 1980-е годы интенсивно заселять с севера боры на песках и леса по долинам рек. Он быстро уничтожил или разогнал там всех массовых врановых птиц, служивших ему основой кормовой базы, а затем принялся за степных экзотов, переквалифицировавшись из сугубо лесного хищника в лесостепного. Ястреб был совершенно неизвестен для многих местных обитателей, не имеющих поэтому эффективных адаптаций для защиты от его когтей, и хищничество тетеревятника приобрело в степях невиданный размах. Сейчас этот специализированный орнитофаг успешно охотится в степи также на сусликов; по соколиному, с большой высоты атакует в полях и городах стаи голубей; на бреющем полете над самой

землей скрадывает по вечерам токующих в песках авдоток и стрепетов; в сухих предгорьях Кавказа, прячась среди камней и скал, караулит кекликов, клушиц и других птиц.

В последние годы тетеревятник приспособился гнездиться даже в узких полезащитных лесополосах, расселившись к югу до самой Калмыкии. Так что сейчас и в степных районах на юго-востоке Ростовской области судьба стрепета тоже оказалась под вопросом.

Выраженный же рост численности стрепетов, наблюдавшийся в последние десятилетия в безлесных районах Восточного Предкавказья, Калмыкии и Нижнего Поволжья, был однозначно связан с глобальным потеплением климата, что благоприятно сказалось на этих птицах во время их массовой зимовки в степях Азербайджана. Раньше там регулярно случались очень суровые, многоснежные зимы, когда погибало множество птиц, и их популяции сокращались потом по всему ареалу. Именно этот фактор в основном и вызывал резкие периодические колебания численности стрепета, отмечавшиеся в прошлом во многих районах его гнездования.

Сейчас же зимние морозы в Закавказье стали редки, и выживаемость стрепетов зимой значительно увеличилась. Кроме того, в последний период в результате появления обширных залежей заметно улучшились гнездовые условия в сухих степях, а из-за резкого сокращения поголовья домашнего скота началось также зарастание степным травостоем сбитых полупустынных пастбищ. В значительной степени этому способствовало и нынешнее общее увлажнение климата. В связи с социально-экономическими реформами в благоприятную сторону изменились, вероятно, природные условия и в Азербайджане – на местах зимовок стрепета.

Как видно, на распространение и численность стрепета существенное воздействие оказывает множество самых разнообразных естественных и антропогенных факторов – как отрицательных, так и положительных. И как будут развиваться события в популяциях этого вида дальше – и на его зимовках, и в районах гнездования – судить сейчас сложно, поскольку мы еще слишком мало знаем и об их динамике, причинах и тенденциях развития.

* * *

С первой же своей встречи со стрепетами я всё время старался детальнее разобраться в особенностях их размножения в наших степях. Но, увы, птицы эти оказались у нас столь редкими и скрытными, что собрать сколь-нибудь репрезентативный материал по их гнездованию мне так и не удалось. Я многократно, в разных районах, обследовал их гнездовые территории, следил за токовавшими самцами и за самками в

брачный период, проводил анкетирование охотоведов и егерей. Но всё было напрасно.

Возможно, сказались первые неудачи, когда в 1976 г. самка бросила впервые найденное гнездо, которое только начала строить под кустиком ковыля у степной балки, а люцерновое поле по соседству, где токовало много самцов, и мы планировали провести там сплошное прочесывание в поисках гнезд, в начале июня неожиданно скосили на сено?

В 1982 г. в песках близ станицы Вёшенской было найдено еще одно гнездо стрепета, но уже лишь со скорлупками зеленоватых яиц, расклёванных многочисленными тогда грачами. В 2009 г. в степной балке на юге Волгоградской области удалось встретить выводок полуоперившихся птенцов, державшихся с самкой, вылетевшей из-под колес экспедиционного автомобиля. Стрепетят же, затаившихся в траве, мы искали там вчетвером фактически чуть ли не на ощупь.

Гнездо стрепета у озера Баскунчак. 25.04.2012

И лишь в 2012 г., уже в пустынях Заволжья на севере Астраханской области, где раньше и стрепетов-то не было, мне улыбнулась удача. Шагая по заповедной степи у соленого озера Баскунчак, я вспугнул самку, вылетевшую из травы из-под самых ног. И тут, наконец, я смог впервые увидеть живые, очень красивые, зеленовато-бирюзовые яйца стрепета, покрытые камуфляжем из бледных буроватых разводов. Но кладку скрывала столь совершенная маскировочная сеть склонившихся над гнездом травинок, что если бы не взлетевшая самка, то я скорее раздавил бы ее яйца, чем заметил их сверху.

Очевидно поэтому, что экспедиционные исследования – не лучший метод изучения экологии стрепета. Только на стационарах, регулярно наблюдая за знакомыми птицами, держащимися на постоянных гнездовых участках, на хорошо известной территории, можно, вероятно, рассчитывать на успех в этой работе.

Кроншнепы *Numenius* spp.

Эти птицы хорошо знакомы всем охотникам России. Кроншнепы представляют собой отдельный род очень своеобразных куликов. По сути – это одна из наиболее древних, реликтовых, исчезающих групп птиц, насчитывающая всего 8 видов во всем мире. Из них эскимосский кроншнеп, обитавший в Северной Америке, уже практически вымер. Та же судьба постигла и тонкоклювого кроншнепа, гнездившегося в России и Казахстане. Почти все остальные виды занесены в различные Красные книги и охраняются законом.

Мне в разное время пришлось встречаться с 5 видами: с широко распространенными в Евразии большим и средним кроншнепами, с обитающим в Сибири дальневосточным кроншнепом, а также с кроншнепом-малюткой, пролетные стаи которого нередко появлялись в степях Даурии в Забайкалье в 1970-е годы. Наконец, несколько раз я наблюдал на пролете также живых тонкоклювых кроншнепов, к выяснению судьбы которых и к поискам их гнездовий в Казахстане я был непосредственно причастен.

Речь об этом виде, а также о большом кроншнепе, тоже фактически исчезнувшем на юге России, и пойдет ниже.

* * *

Большой кроншнеп – самый крупный, почти с курицу, кулик весом до 1,2 кг, когда-то считавшийся великолепной охотничьей дичью. В переводе на русский язык «кроншнеп» значит коронованный, венценосный, т.е. королевский бекас (кулик). И добыть эту очень осторожную по осени птицу считалось когда-то высшим классом охотничьего искусства и везения. Сейчас же, однако, не то чтобы добыть, но даже увидеть кроншнепа у нас на степном юге – большая редкость.

Этот кроншнеп, как сказано выше, – не совсем обычный кулик, и спутать его с другими птицами весьма трудно уже благодаря длинному – до 15 см – клюву, круто загибающемуся на конце книзу. Окрашен кроншнеп сверху в буроватые тона, кроме белой поясницы, хорошо видной только в полёте, а снизу он белёсый, с тёмными пестринами. В полёте птицы издают очень громкий, низкий флейтовый свист, вроде протяжного «фууу-лит», по которому их можно обнаружить и опознать уже за километр и более. Собственно, из-за этого-то крика, воспринимаемого иногда как «куу-лик», долговязых и длинноносых птиц когда-то и прозвали в народе куликами. Крестьяне на Руси различали две «породы» куликов: степных, которых позже стали именовать немецким именем «кроншнепы», и болотных – веретенников, с прямым и длинным, как веретено, клювом. Название же «кулики» распространилось со

временем на всех длинноногих родственников кроншнепов и веретенников, а о его изначальном значении многие даже забыли.

Большой кроншнеп. Фото С.В. Корнева

Кроншнепы, весьма острожные на миграциях и зимовках, становятся очень активны и крикливы у своих гнёзд. По весне они много токуют, летая с красивыми звонкими трелями над степью на своих гнездовых участках. А при появлении опасности – сильно тревожатся, с криком подлетая вплотную к нарушителям спокойствия их гнёзд и птенцов.

Вот художественное описание типичного поведения кроншнепов у гнезд, сделанное в начале XX века на Нижнем Дону наблюдательным охотником. «Самец охотно помогает самке в высиживании яиц, но она его мало затрудняет этим, покидая гнездо лишь на самое короткое время для удовлетворения голода. Зато самец в это время является самым усердным сторожем и, завидевши человека издали, издает предупреждающий самку тихий звук и они, оба, пригнувшись к земле и вытянув шеи, бегут как можно дальше от гнезда и только тогда, поднявшись с земли, летят навстречу нарушителю своего покоя, стараясь отманить его от гнезда, зачастую садятся на землю и бегут в противоположную сторону, не переставая всё время издавать тоскливые ноющие звуки. Когда же убедятся, что опасность их на сей раз миновала, они, постепенно отставая, улетают в обратную от гнезда сторону и, сделав полукруг, возвращаются к нему. Если же видят, что их хитрость не удалась и человек подошел к гнезду, то они садятся невдалеке и сидя ждут окончательного разорения своей семьи, лишь изредка издавая те же звуки, но еще более грустные.

К хищникам, начиная от собаки и коршуна, кроншнепы относятся совершенно иначе; они со страшной яростью налетают на них и стараются наносить удары клювом и при этом звуки их голоса совершенно

иные, угрожающие.

Рано утром кроншнеп самец, не будучи ничем потревожен, поднимается и, делая около гнезда круги, поет свою незамысловатую, но звонкую и мелодичную песню, которая слышна очень далеко, и общий весенний концерт аккомпанирует ей. Песню кроншнепа человеку легко передать свистом, произнося в это время слог «кют»; первый раз он произносится длинно, второй короче, третий еще короче, после которого уже раздается трель, состоящая из того же слога, но повторяемого раз семь или восемь коротко и часто, лишь слегка протянув последний заканчивающий слог» (Балабин, 1909).

Для меня большой кроншнеп до сих пор остаётся во многом загадочной птицей, прежде всего из-за особенностей своего распространения и экологии. На севере, в таёжной зоне, он предпочитает гнездиться на лесных моховых болотах, в средней полосе обитает на сырых лугах, а на юге, судя по многочисленным свидетельствам конца XIX - начала XX столетия, он, не в пример большинству других куликов, почему-то являлся характерным обитателем ковыльных степей. Хотя по известному в экологии правилу смены стаций всё должно быть, казалось бы, наоборот.

Вот что писал С.Т. Аксаков* в «Записках ружейного охотника…», рассказывая о степных кроншнепах: «В молодости случалось мне много езжать по степным дорогам Оренбургской и Симбирской губерний, и целые стаи степных куликов, налетавших со всех сторон, бывало, преследовали меня десятки вёрст, сменяясь вновь прилетающими, свежими кроншнепами, по мере удаления моего от гнёзд одних и приближения к другим. Весь воздух наполнялся их звонкими, заливистыми трелями: одни вились над лошадьми, другие опускались около дороги на землю и бежали с неимоверным проворством, третьи садились по вехам».

Так было 100–200 лет назад. По наблюдениям орнитологов и охотников XIX - начала XX веков, большие кроншнепы в массе выводили птенцов в ту пору и в донских степях. Хотя во второй половине XX века, когда кроншнепы уже исчезли на степном юге, а старые конкретные сведения о них были не известны специалистам, высказывалось даже мнение, что этот вид вовсе не размножался на юге России. Хотя его гнездование в «армянских степях» в низовьях Дона предполагал еще С.Н. Алфераки (1910). А по записям его племянника М.М. Алфераки, которые остались в охотничьих дневниках этого орнитолога-любителя, недавно обнаруженных в американском музее, кроншнепов в 80-90-е

* Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии // Собрание сочинений, т.4. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. – 664 с.

годы XIX века было очень много также в Сальском округе на Маныче, однако в начале XX века они встречались в Манычских степях уже в небольшом количестве. Кроншнепы гнездились там и в целинной степи, и среди озимых хлебов – как в 5-6 верстах, так и в 100-200 м от прудов. Кормились они нередко вместе с чибисами по толокам, на скошенной степи или недалеко от солевозного шляха в 250 саженей шириной, а ночь и середину дня проводили на отмелях больших озер (Франкьен, Шергалин, 2010; Белик, Шергалин, Франкьен, 2012).

О былом распространении и причинах исчезновения большого кроншнепа в начале XX века писал также донской охотник В.И. Балабин: «Кроншнеп, как и стрепет, житель целинной степи и уменьшение его идет пропорционально увеличению распашки, что в особенности заметно в последние десять лет, когда распашка со страшной быстротой всё увеличивается, а целинные степи всё уменьшаются. По прилете они [кроншнепы] немедленно располагаются на своих излюбленных местах, на целинных степях или на очень старых залогах, которые поросли пыреем и ковылью, где сейчас же и приступают к постройке гнезда самого примитивного устройства. Им довольно для этого небольшой ямочки, которую слегка расчищают и устилают прошлогодней сухой травой и мелкими негрубыми стебельками. Где нет подходящих целинных степей, но есть сухие луга, они устраиваются и там, точно таким же образом».

Пролетели годы, минули десятилетия. И к настоящему времени кроншнепы остались нередки лишь на севере, в таежных болотах. Изредка они встречаются ещё на лугах в среднерусской полосе. На степном же юге, в европейской части России, кроншнепа на гнездовье сейчас практически не встретить. Лишь весною летят на восток, вверх по Нижнему Дону, немногочисленные птицы, исчезающие уже к середине апреля. А затем со средины лета в пойме Дона появляются стайки кочующих кроншнепов, направляющихся уже к местам зимовок.

Где же гнездятся эти птицы? Куда и откуда они летят? Все эти вопросы требовали детальных ответов, необходимых для организации эффективной охраны исчезающих кроншнепов. По непроверенным данным, в 1970-е годы они будто бы обитали еще среди Доно-Цимлянских песков – по сырым лугам в обширных долинообразных понижениях (подах) меж песчаных гряд. Но впервые попав туда в 1978 году уже лишь в конце июня, когда птицы давно закончили насиживание яиц и скрылись с птенцами в зарослях трав, подтвердить сообщения егерей об их гнездовании там мы не смогли.

В 1983 году мне вновь довелось побывать на Доно-Цимлянском песчаном массиве, где, наконец, пребывание кроншнепов было достоверно подтверждено находкой гнезда. Но птиц, по свидетельству мест-

ных жителей, тогда оставалось в песках уже очень мало: они оказались беззащитны перед ружьями браконьеров, а их гнёзда и птенцы – перед копытами многочисленных коров и овец, перед зубами пастушьих собак. За 4 дня в мае 1983 года мне удалось встретить в песках лишь 2 гнездовые пары этих удивительных куликов.

Вновь я попал на Цимлянские пески в мае 1993 года вместе с московскими орнитологами В.В. Морозовым и В.Г. Бабенко, и опять нам удалось обнаружить гнездовья кроншнепов, но теперь в совсем другом районе на территории Ростовской области. Мой добрый друг, егерь Цимлянского заказника Иван Семенович Дубовой, на кордоне которого, затерянном в песках вдали от цивилизации, мы прожили более недели, привез нас на своем тракторе-вездеходе на отдаленный заболоченный под – в урочище, где егерь регулярно наблюдал кроншнепов прежде. И там мы сразу же заметили этих птиц, а вскоре выследили и их гнездо в том же месте, где они жили и все прошлые годы.

Птенец большого кроншнепа. Бараба, 2005 г.

Наконец, в начале мая 2006 года, уже вооружившись детальными знаниями экологии большого кроншнепа, накопленными в двух экспедициях по северу Казахстана и югу Западной Сибири, где было найдено, соответственно, 11 гнезд и 4 выводка, я вновь приехал на Цимлянские пески, надеясь понаблюдать там за этим реликтовым видом. И теперь поиски оказались более продуктивными. За 5 дней мне удалось обнаружить 3 пары, в том числе 2 гнезда кроншнепов. Как выяснилось впоследствии, их численность на Цимле, по-видимому, стабилизировалась на минимальном уровне, и они заселяли там, как правило, постоянные урочища с наиболее оптимальными для обитания условиями (Белик, 2006).

Очевидно, что распашка целинных степей – основных гнездовых стаций большого кроншнепа на степном юге, а также стрельба птиц браконьерами возле гнёзд, когда эти кулики теряют свою обычную ос-

торожность, были основными факторами, которые привели к почти полному исчезновению кроншнепов. Сохраниться в степи они смогли лишь на обширных песчаных массивах, непригодных к распашке, труднодоступных для транспорта и слабо заселенных людьми. Первоначально представлялось, что для защиты последних уцелевших на Дону местообитаний большого кроншнепа было бы весьма важно скорейшее принятие необходимых мер по охране Доно-Цимлянского песчаного массива вплоть до создания там заповедника. Тогда же думалось, кстати, что это будет способствовать сохранению там ещё целого ряда редких и исчезающих в степной зоне птиц: стрепета, авдотки, скопы, орлана-белохвоста, тювика, кулика-сороки, пеганки, огаря, филина и других видов, обитающих на Цимлянских песках.

Однако наблюдения в степях Казахстана, проведенные весной 1996 года, показали, что довольно важное значение для кроншнепа имеет также присутствие в степи домашнего скота. Он в какой-то мере, возможно, обогащает кормовую базу для кроншнепов, привлекая различных насекомых-копрофагов в места своего выпаса. Однако главным было, несомненно, формирование коровами, овцами и лошадьми определенного типа травостоя, среди которого могли гнездиться и кормиться кроншнепы. Поэтому их гнездовья в казахстанских степях обычно были приурочены к периферии пастбищных участков вокруг кошар – на удаленных выпасах, где меньше сказывался хищнический пресс домашних собак, но еще не разрастался густой и высокий ковыльный травостой, малопригодный для обитания кроншнепов.

То же было и на юге Западной Сибири, где летом 2005 года мы встречали куликов в основном лишь по берегам озёр поблизости от сёл или животноводческих ферм, где травостой был изрежен, вытоптан и сбит домашними копытными, а у воды имелись участки открытого илистого грунта, на которых могли кормиться как взрослые птицы, так и их птенцы. Кроме того, в Кулундинских степях, кулики нередко встречались на солончаках по открытым, илистым берегам соленых озер, где тоже отсутствовали сплошные осоково-тростниковые бордюры. На тех же озёрах, берега которых заросли густым, высоким тростником, осокой или злаками, кулики везде однозначно отсутствовали.

Аналогичные преференции прослеживались и на Цимлянских песках, где кроншнепы заселяли пастбища близ хуторов или кошар, расположенных в подовых долинах с небольшими, мелководными водоемами. Там же, где скот покидал пастбища, вскоре начинали разрастаться жесткие высокие травы и кустарники, и кроншнеп на таких участках полностью исчезал. Поэтому охрана кроншнепа, да и многих других степных птиц путем создания абсолютно заповедных резерватов мало-

пригодна, а то и вредна вовсе. Особенно заметно это оказалось на Цимлянских песках, где из республиканского заказника, созданного в 1970-е годы на ростовской территории, был выведен почти весь домашний скот, но вскоре стали исчезать также и обитавшие там степные животные: тушканчики, стрепеты, авдотки, кроншнепы и др. Тогда как на песках в Волгоградской обл., где сохранились редкие хутора и кошары, эти виды регулярно встречались и в последующие годы.

В.В. Николаев с птенцом большого кроншнепа. Бараба, 2005 г.

А вот повсеместное запрещение охоты на все виды кроншнепов, а не только на включенных в Красные книги, было бы крайне необходимо. Очень важна, конечно же, и разъяснительная работа среди населения, среди охотников. Только так мы сможем уберечь от вымирания этих редких, интересных птиц. Особая специфика их биологии, экологии и этологии, как и реликтовость всей этой группы в целом, делают кроншнепов весьма уязвимыми для болезней, хищников, браконьеров, а крайне низкая плодовитость этих куликов, лишенных, в отличие от других куликов, возможности повторять свои кладки взамен погибших, не позволяет им компенсировать «непредвиденные» потери от рук человеческих.

Вот что писал по этому поводу всё тот же донской охотник в начале XX века: «Не могу умолчать об одном случае. Ехал я верхом с калмыком табунщиком рано утром и нечаянно наткнулся на гнездо кроншнепа …; когда я хотел остановиться, мой полудикий спутник мне заявил: «пойдем, бачка, он больной, грех его трогать, он родил себе дитё». А будь на его месте наш русский мужичок, далеко более культур-

ный, чем калмык – дитя степей, редкий не преминул бы свернуть самке голову, а яйца забрать» (Балабин, 1909). Поэтому-то, наверное, кроншнепы и сохранились лишь в степях, где жили полуграмотные скотоводческие народы – калмыки и казахи.

* * *

Еще более печальная участь досталась другому нашему кроншнепу – тонкоклювому, или малому, практически полностью вымершему в течение XX века, хотя прежде на миграциях и зимовках в южных странах он считался одним из наиболее массовых видов.

Тонкоклювый кроншнеп – это птица-символ, эмблема, логотип Союза охраны птиц России. Поэтому его сохранение было крайне важно для престижа солидной общественной природоохранной организации нашей страны.

Тонкоклювый кроншнеп

Тонкоклювый кроншнеп – это птица-загадка для всех орнитологов мира, поскольку ни особенности распространения, ни биология, ни причины вымирания этого вида фактически так и остались не выяснены до сих пор. Единственное, что точно установлено, – это катастрофическое падение численности тонкоклювого кроншнепа во второй половине XX века, поставившее этот вид на грань вымирания. Но ни точное время, ни место воздействия фатальных негативных факторов достоверно установить не удалось. Споры и обсуждение этих вопросов продолжаются и сейчас.

В настоящее время осталось, вероятно, всего несколько особей, в крайнем случае – несколько десятков этих птиц, которые изредка – в одиночку или небольшими стайками – встречаются на путях миграций в Прикаспии и Причерноморье, а также на зимовках по берегам Среди-

земного моря и в других регионах. При такой низкой численности любая случайность – нефтяная авария на берегу моря, ястреб, появившийся близ гнездовой колонии или в районе зимовок, или случайный выстрел браконьера – может враз оборвать цепочку поколений, по которой передавалась уникальная генетическая наследственность нашего кроншнепа.

Вымершие тонкоклювые кроншнепы в музее г. Нант, Франция
https://www.flickr.com/photos/hugotouze/7042250381

За 200 лет, прошедших со времени описания этого вида, лишь один человек – орнитолог-любитель В.Е. Ушаков из провинциального городка Тара в Западной Сибири смог сообщить немногочисленные достоверные сведения о гнездовании тонкоклювого кроншнепа, собранные им в начале XX века на таежных болотах во время своих охотничьих походов.

О гнездовании тонкоклювого кроншнепа в прошлом писали и некоторые другие исследователи, но подтвердить свои наблюдения точными данными больше никому не удалось. По сведениям М.М. Алфераки, в 80-90-е годы XIX века этот кроншнеп неоднократно отмечался на Маныче в западной части Сальского округа, где гнездился среди озимых хлебов вместе с большими кроншнепами. Однако в начале XX века его там уже не встречали. Малые кроншнепы резко отличались от больших своими размерами и «тонким, чистым, певучим голосом». Однозначно сказать, какой это был вид, сейчас, к сожалению, невозможно. Но среди пролетных птиц тогда часто добывали тонкоклювых кроншнепов, определявшихся по справочникам, что свидетельствует о значительной интенсивности миграций этого вида через Приазовье и Нижний Дон в начале XX века (Белик, Шергалин, Франкьен, 2012).

Где же гнездилась та масса тонкоклювых кроншнепов, которые в XIX веке ежегодно появлялись на средиземноморских зимовках, так и осталось неясно. До сих пор неизвестно, где же выводят птенцов и ны-

нешние «могикане». Неоднократные поиски их гнездовий в окрестностях г. Тара и на других таёжных болотах так и не дали никаких результатов.

И вот однажды, на заре становления Союза охраны птиц России, мы вдвоём с ведущим российским специалистом по куликам сидели в кабинете Зоологического музея МГУ на Большой Никитской в Москве и обсуждали проблему, где же всё таки может обитать наш символ – тонкоклювый кроншнеп. Я высказал тогда предположение, что логичнее было бы искать его не в тайге, а на степных болотах, интенсивная антропогенная трансформация которых во второй половине XX века, возможно, и вызвала падение численности всех кроншнепов, как и многих других степных птиц.

Павел Станиславович Томкович – обаятельный хозяин уютного, всегда заваленного книгами орнитологического кабинета – попросил меня детальнее обосновать эту гипотезу, и вскоре она увидела свет в научных журналах (Белик, 1994; Belik, 1994). А ещё через год европейские покровители нашего Союза охраны птиц, обеспокоенные исчезновением тонкоклювого кроншнепа не менее нас, нашли деньги и предложили нам организовать экспедицию в степи Заволжья и Приуралья для поиска гнездовий этой загадочной птицы.

За полтора месяца, что мы провели в западноказахстанских степях, было сделано немало интересных находок и орнитологических открытий. Однажды 21.04.1996 на разливах Большого Узеня мне повезло даже увидеть пару тонкоклювых кроншнепов, пролетевших надо мной на восток, но отыскать их гнездовий нам так и не удалось. Что было причиной – то ли невезение, что в подобных случаях, аналогичных поиску иголки в стогу сена, может иметь исключительно важное значение, то ли не совсем удачно спланированный маршрут экспедиции, то ли мои ошибочные заключения – сейчас судить трудно. Это смогут показать лишь дальнейшие исследования, если будут найдены, наконец, сохранившиеся гнездовья.

Но в результате наших поисков обнаружилась одна интересная закономерность. Несколько летних находок тонкоклювого кроншнепа, сделанных в конце XIX - начале XX века в степной зоне, оказались приурочены к песчаным массивам, где в заболоченных понижениях с пресными водами местами формируются специфичные осоковые болота переходного типа. Эту же приуроченность тонкоклювого кроншнепа к травянистым, а не к таёжным моховым болотам, позже выявил и специальный геоинформационный анализ, проведенный коллегами – орнитологами и географами.

А совсем недавно в результате геохимического анализа перьевых проб из музейных экземпляров тонкоклювого кроншнепа и перьев дру-

гих видов куликов, собранных нами в начале XXI века в Западной Сибири и Казахстане, удалось подтвердить приуроченность естественного гнездового ареала этого кроншнепа к степям Северного Казахстана и Южной России, как и предполагалось мною в самом начале (Белик, 1994)*. Интересно, что и лапы тонкоклювого кроншнепа с укороченным средним пальцем, значительно более коротким, чем у большого и среднего кроншнепов (Эверсманн, 1866), тоже свидетельствуют, по-видимому, о его адаптации к степным местообитаниям.

Оптимум ареала тонкоклювого кроншнепа прежде находился, очевидно, в южных степях между Волгой и Уралом, где эти птицы регулярно отмечались еще Э. Эверсманном. К востоку же от р. Урал тонкоклювый кроншнеп, судя по наблюдениям Н.А. Зарудного и П.П. Сушкина, встречался значительно реже также и в прошлом. Поэтому повторюсь сейчас еще раз, что наиболее вероятным районом, где могли обитать последние тонкоклювые кроншнепы, следует признать обширный, слабо освоенный массив Рын-песков на северной окраине пустынного Волго-Уральского междуречья, где в широких подовых долинах среди нарынов – длинных, узких песчаных гряд – местами встречаются влажные луговины, заболоченные участки, соленые озера и небольшие опресненные озерки. В недавнем прошлом орнитологи отмечали там и колонии каких-то кроншнепов, весьма похожих на тонкоклювых, однако провести детальное обследование этого района в 1996 году нам не удалось.

Кроме того, очень перспективным рефугиумом для тонкоклювого кроншнепа в степях Казахстана могли быть также обширнейшие Чижинские разливы на севере Волго-Уральского междуречья. Обильные талые воды, стекающие весной с Общего Сырта по рекам Чижа-I и Чижа-II, образуют там, на плоской равнине у подножия возвышенности, обширнейшие, труднодоступные весной временные мелководные полóи, площадь которых составляет до 10.000 км^2, т.е. превышает размеры некоторых европейских государств.

На гривах и островах среди разливов развивается степная растительность, а в понижениях с пресной водой – злаковые луга, осоковые болота и тростниковые и рогозовые заросли в самых глубоких западинах. Весной здесь настоящее царство пернатых: масса уток и куликов, гуси и журавли, чайки, камышевки, трясогузки и прочая мелочь. На разливах до сих пор ещё гнездится много больших кроншнепов, кроме того, в апреле 1996 года мы встретили там также пару считавшихся вымершими степных средних кроншнепов, державшихся на

* https://www.birdguides.com/articles/ornithology/slender-chance-of-curlew-rediscovery/

гнездовом участке.

К сожалению, во время экспедиции нам удалось заглянуть лишь на самый краешек Чижинских разливов, причём здесь был проведен всего один рабочий день. И поэтому детально обследовать их мы тоже не смогли. Разливы же эти требуют значительно большего внимания не только как возможное место гнездования тонкоклювых кроншнепов, но и как уникальный, необычный степной водоём с богатейшей фауной околоводных птиц.

Весьма возможно, что в прошлом ареал тонкоклювого кроншнепа был связан также с открытыми осоковыми болотами, наиболее характерными для лесостепной зоны. Отсюда при засухах птицы выселялись на север, в тайгу, появляясь, например, в Западной Сибири около г. Тара, а во влажные годы они откочёвывали на юг, в песчаные массивы пустынно-степного пояса.

В дальнейшем интенсивное хозяйственное освоение наиболее плодородной лесостепной зоны, которое сопровождалось, прежде всего, распашкой удобных земель, а также усилением выпаса домашнего скота на сохранившихся целинных участках, осушением заболоченных земель, распространением браконьерства и мощного рекреационного пресса вызвали как трансформацию естественных местообитаний тонкоклювого кроншнепа, так и его прямое уничтожение. Кроме того, массовая борьба с мышевидными грызунами в степях и на лесостепных болотах с помощью чрезвычайно токсичного фосфида цинка в середине XX века тоже могла вызвать повышенную смертность кроншнепов. И поэтому вполне вероятно, что до настоящего времени смогли дожить, прежде всего, те популяции, которые обитали или на степных осоковых болотах, о чем свидетельствуют некоторые особенности сезонных миграций сохранившихся птиц, или, наоборот, на крупных осоковых болотах юга таёжной зоны, слабо затронутых антропогенной трансформацией.

В таёжной зоне подходящие для тонкоклювого кроншнепа обширные осоковые луга сохранились на юге так называемого Большого Васюганского болота, расположенного в междуречье Иртыша и Оби на стыке Новосибирской и Томской областей. По данным почвоведов, когда-то здесь находился большой лесостепной остров, со временем – вследствие потепления и увлажнения климата – поглощенный таёжным болотом, занимающим сейчас около 20.000 км^2. Но на южных склонах водораздела, протянувшегося через центральную часть этого болота, благодаря наличию в погребенных степных почвах значительной концентрации кальция, доминирующее развитие получила сейчас осоковая, а не моховая растительность. По всей видимости именно такие гипново-осоковые болота когда-то и привлекали тонкоклювого кроншнепа на

гнездование в таежных районах.

Однако работать летом в подобных условиях, проводить там экспедиционные исследования, вести поиски гнездовий редких птиц чрезвычайно тяжело из-за отсутствия дорог и труднодоступности, удаленности от постоянного жилья, чрезмерной сырости и необычайного обилия гнуса. Поэтому Васюганье до сих пор остаётся практически не освоено и не обследовано орнитологами. И даже если тонкоклювые кроншнепы там всё ещё сохранились, обнаружить их можно, вероятно, лишь при особенно благоприятном стечении обстоятельств, т.е. попросту – при удаче, везении, что доступно только самым настойчивым.

* * *

Одной из наиболее сложных проблем, возникших при поисках тонкоклювого кроншнепа, оказалось его очень большое внешнее сходство с близкими видами, особенно со средним кроншнепом, что затрудняло визуальное определение птиц в природе. Этим отчасти объясняется и некоторая путаница в орнитологической литературе, касающаяся биологии и экологии тонкоклювого кроншнепа. Ошибки, иногда возникающие также при цитировании известных книг двух великих натуралистов России – Аксакова и Мензбира – заставили меня вновь обратиться к почтенным именам Сергея Тимофеевича и Михаила Александровича и с их помощью попытаться еще раз разобраться в различиях разных видов кроншнепов.

Тот, кто внимательно читал «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», написанные в середине XIX столетия С.Т. Аксаковым (1852), помимо красочных описаний оренбургских степей, наверняка обратил внимание также на интересный очерк о кроншнепе, или степном кулике. Сергей Тимофеевич, как всякий наблюдательный охотник, мог многое рассказать о любом виде охотничьих животных, встречавшихся на его родине в Оренбургском крае. Но их научные названия и определения были ему, очевидно, не всегда известны. Причем всё это в наибольшей мере проявилось, пожалуй, в описании кроншнепов.

Три вида кроншнепов, о которых идет речь в книге С.Т. Аксакова, – «большой», «средний» и «малый» – нередко были камнем преткновения и для орнитологов, пытавшихся включить сведения Сергея Тимофеевича в свои фаунистические сводки и анализы (Danilenko et al., 1996; Коршиков, 1999; и др.). Что же мы видим у С.Т. Аксакова? В 4-м томе Собрания его сочинений, в «Записках ружейного охотника...», печатавшихся по тексту третьего, последнего прижизненного издания (1857), указывается, что «Кроншнепы по величине своей разделяются на три рода: больших, средних и малых» (Аксаков, 1956, с.334). Большие – с тетерку или домашнюю курицу, средние – несколько поменьше,

а наиболее многочисленные из них малые – гораздо меньше, с домашнего голубя.

Ниже, детально описывая «среднего кроншнепа», С.Т. Аксаков приводит также некоторые его размеры: клюв = 2,5 вершка (11 см), крылья = 2 четверти с вершком (40 см), ноги = 1 четверть (18 см). Эти промеры птичьего крыла и ног делались явно «дедовским» способом: первые – «от плечного сустава до конца последнего пера» (Аксаков, 1956, с.334), а вторые, вероятно, – с учетом длины неоперенной части голени. Тем не менее, размеры клюва однозначно свидетельствуют, что это был не средний, а большой кроншнеп, скорее всего – его степная форма *N. a. orientalis*, тогда как «большим кроншнепом», судя по величине, а также по более темной окраске оперения и по гнездованию на лесистых болотах (Аксаков, 1956, с.335), был назван, очевидно, его северный подвид *N. a. arquata*. А «малым кроншнепом» у С.Т. Аксакова мог быть как тонкоклювый, так и средний, слабо различающиеся по своим размерам.

Однако надо думать, что С.Т. Аксаков держал в руках только один вид мелких кроншнепов, иначе бы он, как внимательный исследователь, различавший даже две очень близкие формы большого кроншнепа, смог бы разглядеть, очевидно, также и определенные различия в окраске между тонкоклювым и средним. Принимая же во внимание сведения более поздних исследователей Южного Приуралья (Эверсманн, 1866; Nazarov, 1886; Зарудный, 1888; Сушкин, 1897, 1908; Карамзин, 1901; и др.), можно с большой долей вероятия полагать, что это был, скорее всего, довольно обычный тогда в данном регионе средний кроншнеп, чем значительно более редкий там тонкоклювый.

М.А. Мензбир, широко цитируя «Записки ружейного охотника...» в своей сводке «Птицы» (1907), использует наблюдения С.Т. Аксакова для описания биологии всех европейских видов кроншнепов в целом. Но в Примечаниях к «Запискам...», выпущенным в 1909 г., М.А. Мензбир как их редактор, полемизируя с Сергеем Тимофеевичем, специально подчеркивает, что малый, или тонкоклювый кроншнеп в Оренбургской губернии встречается «положительно реже большого» (см.: Аксаков, 1956, с. 635).

Сам М.А. Мензбир в степных районах не работал и тонкоклювого кроншнепа в природе, очевидно, не видел, поэтому в своих книгах использовал лишь материалы других исследователей, прежде всего Н.А. Северцова, Н.А. Зарудного и др. В связи с этим следует указать на его ошибку в описании голоса кроншнепов, которая позже, по-видимому, неоднократно приводила к путанице в полевом определении этих птиц (см., например: Долгушин, 1962; Козлова, 1962). В сводках «Птицы

России» (1893, т.1, с.328) и «Птицы» (1907, вып.4, с.691) М.А. Мензбир почти дословно повторяет, что «у малого голос чистый и пронзительный, до некоторой степени напоминающий звон колокольчика; у среднего крик похож на крик малого, но голос гуще и не так протяжен».

В действительности же крик среднего кроншнепа – это продолжительная, быстрая, чуть стихающая к концу мелодичная свистовая трель типа «пи-пи-пи-пи-пи-пи» (или «пии-ри-ри-ри-ри»), несколько напоминающая звон колокольчика или крик самки кукушки (Э.В. Кумари, цит. по: Козлова, 1962). А голос тонкоклювого кроншнепа – это более короткий и резкий, 3-4-сложный отрывистый крик типа «би-би-бип» (или «пи-пи-пи»), довольно похожий на один из тревожных сигналов большого кроншнепа (Ушаков, 1912, 1925; Белик, 1990, 1994; Bojko, Nowak, 1996; Бойко, Новак, 1997; Коршиков, 1999; Zhmud, 2005; имитации, которые исполнял итальянец N. Peroni, 1989, и магнитофонные записи крика тонкоклювого кроншнепа, которые сделал в Марокко A. Gretton, 1990). Возможно, М.А. Мензбир случайно спутал описания позывок этих двух видов, заимствованные у кого-то из полевых исследователей? Или ошибки были в каких-то оригинальных работах?

Средний кроншнеп. Фото В.В. Ветрова

Особо следует остановиться на вопросе идентификации тонкоклювого кроншнепа в полевых условиях. Нередко приводимый в справочниках дифференциальный диагноз этого вида, основанный на его сравнении с большим кроншнепом, к сожалению, не дает возможности для его достоверного определения в природе. Малый и большой кроншнепы настолько различаются по общим размерам, длине и форме клюва и голосу, что сопоставлять их не имеет особого смысла. Это все равно, что искать различия между куропаткой и курицей.

Совсем другое дело – тонкоклювый и средний кроншнепы, имеющие сходную величину и пропорции тела и довольно похожие звуковые сигналы. К тому же степной подвид среднего кроншнепа *N. ph. alboaxillaris*, который близок к тонкоклювому также и по окраске оперения (со светлыми подкрыльями и с бледно-бурыми полосами по бокам темени), может встречаться вместе с ним как на миграциях и зимовках, так и в местах гнездования. И молодых тонкоклювых кроншнепов (с темными продольными пестринами по бокам тела) отличить в поле от *N. ph. alboaxillaris* очень трудно даже при визуальном осмотре (Протокол …, 2001).

Поэтому искать тонкие различия нужно именно между этими двумя видами. И основным признаком, позволяющим надежно идентифицировать тонкоклювого кроншнепа в полевых условиях, тем более – на расстоянии, являются звуковые позывки, несколько отличающие его от среднего кроншнепа. А после звуковой локации птиц можно уже пытаться выявлять и фотографировать их визуальные признаки, подтверждавшие бы определение.

Крик среднего кроншнепа, как уже отмечено выше, звучит в форме быстрой, продолжительной звонкой трели «би-би-би-би-би-би-би-…», постепенно затухающей к концу. Но у его степного подвида *N. ph. alboaxillaris*, по моим наблюдениям 29-30.04.1996 на Чижинских разливах в Западном Казахстане, трель была заметно короче и тише, чем у пролетных северных особей *N. ph. phaeopus*, хотя В.В. Морозов (1998) в Зауралье не обнаружил особых различий в голосе этих форм. Позывка же тонкоклювого кроншнепа, издаваемая обычно на взлете или в полете (Zhmud, 2005), – это короткая, 3-4-сложная монотонная трель «би–би–би–бип», более резкая, чем у среднего кроншнепа, и хорошо лоцируемая на значительном расстоянии.

Филин *Bubo bubo*

Эту таинственную, а для многих даже загадочную птицу мне приходилось наблюдать и в степях Забайкалья, и в пустынях Казахстана, и в горах Армении, и в песках Калмыкии. Многие сотни встреч, десятки найденных гнезд… Поэтому не знаю даже, что самое интересное из этих наблюдений, с чего же начать рассказ.

Но, наверное, самые яркие впечатления – это первые встречи с филинами в Придонье, где они заселяют свои наиболее характерные, типичные местообитания: крутые глинистые яры по бортам просторных степных балок с промоинами и ручьями, а также глубокие овраги на склонах речных долин. Казалось бы, найти там филинов не составляет труда. Однако, например, об их гнездовании в Ростовской области до

недавнего времени практически ничего не было известно, а случайная находка филина, погибшего в 1989 г. на опоре ЛЭП в Луганской области (Михалевич, 1992), была воспринята чуть ли не фаунистической сенсацией. Но через несколько лет В. Ветров, занявшийся выяснением экологии и особенностей распространения филина в Придонецких степях, в начале XXI века смог найти в Луганской области около сотни его гнезд и потом еще около 20 лет вёл ежегодный мониторинг размножения всех этих удивительных птиц.

Мне же удалось близко познакомиться с биологией филина в 1980-е годы во время продолжительных летних экспедиционных работ и многочисленных весенних экскурсий в Константиновском районе на Нижнем Дону, в Обливском районе на р. Чир и на правобережье Волги в Саратовской области. Позже много интересных встреч с филинами было и в других районах – в низовьях Северского Донца, на Маныче, в Волгоградских степях. Все они остались в памяти, подробно описаны в дневниках, в различных статьях и книгах.

Но самые-самые первые воспоминания еще раз перескажу ниже.

Степная весна только вступила в свои права. Ночные туманы и яркое дневное солнце согнали с полей снег. Прошумели в балках грязно-пенистые потоки. На выгонах пробились из земли иголочки изумрудной зелени, а среди бурой степи вспыхнули россыпи ослепительно жёлтых горицветов. И с утра до вечера высоко в синеве звенит хор бесчисленных жаворонков.

Но вот по далёкому степному увалу, подёрнутому розоватой вечерней дымкой, прокатилось и исчезло за горизонтом багряное солнце. Вспыхнул на небосводе Сириус. В отблесках заката, соперничая с Сириусом, медленно разгорается Венера – вечерняя звезда.

Однако вскоре гаснут дневные краски, смолкают дневные звуки, в открытый Космос улетучивается лучистое дневное тепло. И над притихшей степью, в сыром ночном воздухе повисает тончайший серебристый звон – то ли от схватывающихся ледком лужиц, то ли от заиндевевших метёлок прошлогоднего полынка, то ли от пульсирующей на виске жилки.

В эти, исполненные таинства, сумеречные полчаса просыпаются и вылетают из своих укрытий ночные охотники – совы. В это время начинаются их весенние брачные игры: бубнят в степных логах самцы болотных сов; на опушке байрачного леса гудит ушастая сова; далеко в старом пойменном лесу среди дуплистых осокорей и вётел зловеще хохочут неясыти.

Если очень повезёт, то иногда можно также заметить, как откуда-то из-под глинистого яра бесшумно выныривает внушительное лохма-

тое привидение и копнушкой усаживается на бровке обрыва над балкой. Покачавшись несколько раз из стороны в сторону, несколько раз присев, привидение замирает, а затем раскатисто, как в пустую бочку, ухает: «Хуу-бу».

В ответ на этот крик вдали из-за тёмного горизонта выглянула маслянисто-красная, смеющаяся физиономия Луны. Через полчаса она поднялась вверх, съёжилась, побледнела и призрачным светом залила стылую ночную степь. А привидение всё сидело над яром и время от времени ухало в тёмную даль.

Это начал токовать пугач, филин – самая крупная, самая сильная наша сова. Здесь под обрывом, в нише у коряжистого куста, находится его гнездо, и самка уже которую неделю, с момента появления первого яйца, сидит там, согревая и оберегая зародившуюся новую жизнь. А по ночам она слушает «пение» своего супруга, явно скучающего в ночной пустоте и зовущего её к себе. Ведь ещё совсем недавно они пели у гнезда дуэтом, оглашая округу зычным гулом и раскатистым, леденящим кровь хохотом. А теперь только это одинокое, немного грустное «хуу-бу».

За пением самец не забывает, однако, и о насущных заботах. Несколько раз за ночь он вылетает на охоту, ловит на пустырях крыс, выслеживает тушканчиков, хватает в лесополосах уснувших ворон, ищет вылезающих из зимних нор и спешащих к водоёмам родственниц жаб – чесночниц, а затем несёт их к гнезду – самке.

Около месяца ждут филины, пока из яиц у них появится потомство – белые, пушистые, беспомощные комочки. Ещё месяц филинята будут находиться в гнезде, после чего, подросшие и одевшие неряшливый грязно-охристый наряд, они разбредутся по обрыву, поодиночке прячась в зарослях и промоинах. В это время по вечерам, проголодавшись, они начинают издавать очень громкие, резкие шипящие крики, по которым их отыскивают родители с кормом. И лишь к концу третьего месяца жизни птенцы полностью оперятся и превратятся в настоящих филинов. Но ещё до осени близ гнёзд изредка будет слышен крик голодных слётков, выпрашивающих у взрослых птиц себе пищу.

А осенью молодняк покинет родителей и разлетится в поисках новых мест и новых знакомств. И в зябкие лунные ночи в степи вновь зазвучит уханье филинов: это молодые самцы занимают подходящие участки и зовут к себе самок. Встретившись, наконец, с себе подобными, они объединяются в пары и, уединившись где-нибудь в глухом буераке, проводят весь остаток жизни вдвоём у своего гнезда.

В период осенних кочёвок молодые филины улетают иногда очень далеко от своих гнёзд, появляясь порою в местах, где раньше их никогда и не видели. Нередко они залетают в это время даже в города.

Но большинство этих птиц погибает от рук браконьеров, стреляющих в филинов, как правило, случайно или ради жестокого любопытства. И мне, например, не раз приходилось слышать от лесников и егерей об обреченных подранках, брошенных людьми в лесах сразу же после очного «знакомства» с когтями филина.

Кроме браконьеров, филины очень чувствительны и к беспокойству со стороны человека. Но начавшаяся в России в 90-х годах XX века «перестройка» вызвала кризис нашего сельского хозяйства. В степях резко сократилось количество коров и овец, уменьшилось число пастухов с собаками. Тем самым, снизился фактор беспокойства для филинов и повысился успех их размножения. Благодаря этому в последние годы численность птиц начала заметно увеличиваться. Они стали всё шире расселяться в подходящих районах. И теперь токование филинов можно слышать иногда прямо на окраинах хуторов и сёл. Хотелось бы надеяться, что эта тенденция сохранится и после возрождения в наших деревнях всех былых сельскохозяйственных промыслов.

Здесь следует также сказать, что в связи с тем, что филины начинают насиживать свои кладки с появления первого яйца, их птенцы, вылупившиеся из последних яиц, отложенных через 5-7 дней, нередко оказываются очень маленькими и слабыми, по сравнению со старшими собратьями. И их обычно ждет печальная участь. Впрочем, для филинов и других хищных птиц эта особенность имеет весьма важное, вполне адаптивное приспособление, позволяющее им в случае непредвиденной голодовки сберегать своё потомство – выкармливать старших птенцов за счет младших. Но мораль человека воспринимает эту кажущуюся жестокость пернатых хищников как неестественную, и люди иногда забирают их беспомощных птенцов для выкармливания в домашних условиях.

Нечто подобное произошло и у В. Ветрова. Уже в первый год изучения филинов на Луганщине Виталий спас одного обреченного птенца, который вырос у него дома в великолепную самку – Филю, и через 4 года она сама приступила к гнездованию в домашней вольере. Вначале Филя спаривалась с самцом из зоопарка, но затем самца ей «заменил» сам Виталий. Филя очень любила его, по-своему ликовала, когда он заглядывал к ней в вольеру, нежно щипала его за уши, долго, тоскливо «угукала» в углу, когда он уходил. А при длительных отлучках Виталия самка возмущалась, ревновала и сердито кричала при его появлении. И тогда ее глухое «у-гуу» разносилось на весь двор.

Около десяти лет, каждую весну, Филя откладывала в «гнездо» – ямку на земле в углу вольеры – свежую кладку из неоплодотворенных яиц, но через месяц, при очередном обследовании гнездовий диких филинов, Виталий «спасал» ей нескольких обреченных пуховичков, и бла-

годарная самка усердно ухаживала за ними, самоотверженно выкармливая чужих потомков. В корм филинам обычно шли сбитые на автодорогах дикие и домашние животные, иногда для своих воспитанников Виталий добывал ворон, сорок и другую дичь на охоте, а при отсутствии попутного корма часто покупал в магазине цыплят.

Виталий Ветров с Филей.

Гнездо филина в нише скалы у оз. Баскунчак.

Такой «инкубаторский» суррогат однажды чуть не погубил весь выводок его филинов. При обследовании колонии серых цапель в пойменном лесу на Северском Донце, Виталий подобрал под деревьями несколько выпавших и погибших цаплят и вечером дал одного из них Филюхе. Она скормила его двум своим птенцам, а третьему филинёнку на ужин досталась ворона. Он выжил, а остальные двое утром погибли. Самка тоже попробовала этой «цаплятины», и у неё сразу же пропали материнские инстинкты, а вечером она слегла, и её едва удалось выходить.

Однако в следующий раз, когда в прифронтовом Луганске начались проблемы с продуктами, Филе по недосмотру достался городской голубь, больной аспергиллезом, и спасти её уже не удалось. Птица вскоре перестала есть, быстро ослабла и умерла у Ветрова прямо на руках.

"Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться!
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем,
Потому что всегда мы должны возвращаться".
(В.С. Высоцкий)

14. Познание Кавказа

Каждый географический регион, как известно, имеет свои особенности в ландшафтах, в растительности и фауне; населяют их также разные народы, каждый со своим языком, историей, культурой, обычаями. Особенно это относится к Кавказу, который сам по себе – неповторимая, уникальная горная страна, самый богатый и разнообразный регион России. Здесь что ни область, что ни ущелье, то свои природные, исторические и культурные памятники, мимо которых невозможно пройти, нельзя не заметить.

Достаточно сказать, что только в ущельях Дагестана проживает более 30 коренных народностей, говорящих на разных языках, имеющих свои особые традиции. Добавьте к ним чеченцев и ингушей, осетин и дигорцев, кабардинцев и балкарцев, карачаевцев и черкесов, адыгов с их многочисленными племенами, ушедшими, к сожалению, большей частью в историю.

В средней полосе России эти региональные различия выражены значительно слабее или почти отсутствуют и, например, переехав из Липецкой области в Воронежскую, Курскую или Орловскую, можно даже не заметить их границ, разве что появляются новые номера на машинах. На Кавказе же на границах вас везде встречают сейчас блокпосты и погранзаставы, мимо которых уже не проедешь. Ну и почти сразу же чувствуются различия в языке, хозяйстве, культуре.

Так, границу между Ставропольским краем и Кабардино-Балкарией в степи по реке Малке или Куре можно сразу же установить даже по численности летающих ласточек, в большом количестве гнездящихся в кабардинских сёлах, в которых до сих пор содержится много домашнего скота и размножаются насекомые, служащие для ласточек кормом. В Северной Осетии–Алании у дорог везде видны символы Георгия Победоносца – Святого Уастырджи, считающегося покровителем Осетии, а также всех путников, мужчин и воинов. В Чечне аксакалы до сих пор еще носят черкески с газырями и кинжалы на поясе, а в горах Дагестана нередко можно увидеть стройных девушек, поднимающих на голове большие кувшины с водой к своим саклям высоко на склонах.

Уходя в горы, в ущельях нередко замечаешь также разные, особенные реки: то хрустально-чистые Ак-су, то Кара-су с мутной водой, то бешеную Адыр-су. В памяти у всех посетителей Баксана остаются старые, светлые боры на древних моренах в Приэльбрусье. На Чегеме все хорошо знают удивительные водопады, на Череке – бездонное Голубое озеро у дороги среди скал высоко над рекой. А в высокогорьях – везде свои особые вершины, ледники, перевалы: Белалакая, Зуб Софруджу, пик Инэ в Домбае в Карачаево-Черкесии, знаменитая Безенгийская стена в Кабардино-Балкарии, Цейский ледник в Северной Осетии, Крестовый перевал в верховьях Терека, не говоря уже об Эльбрусе, Казбеке, Фиште…

В поисках редких птиц мне пришлось много поездить и походить по Кавказу. Фигурально выражаясь, я прошел почти весь Кавказ от Керченского пролива и Тамани до реки Самур в Дагестане на границе с Азербайджаном. Особенно детально в последние десятилетия был обследован Скалистый хребет, протянувшийся от реки Курджипс и плато Лагонаки в Краснодарском крае до Чечни и Дагестана. Это своеобразная горная складка, идущая параллельно Боковому и Главному Кавказскому хребтам, которая сложена не вулканическими базальтами и гранитами, а слоистыми осадочными известняками, образовавшимися в Юрский период 150-200 миллионов лет назад на дне тропического океана Тетис.

Складка эта, весь Скалистый хребет имеет только один уклон к северу – то весьма крутой на Центральном Кавказе, то сравнительно пологий – к западу от Эльбруса. А к югу хребет обрывается отвесными скальными стенами – куэстами, поднимающимися на Центральном Кавказе в заоблачные выси до 3500 м н.у.м. и местами имеющими высоту стен до полукилометра и более. Скалы эти неповторимы по красоте, и каждая из них имеет свои красочные местные названия: Ахмет-скала, Баранаха, Бермамыт, Кинжал, Каракая, Мехтыген, Хазнибаши, Ваза-Хох, Кион-Хох, Мат-Хох и др.

Вдоль этих куэст, между Скалистым и Боковым хребтами, почти на всём их протяжении тянется так называемая Северо-Юрская депрессия, отличающаяся более сухим, солнечным климатом и более ксерофильной горностепной растительностью с участием можжевельников, колючих шиповников, барбариса, держидерева и др. А к ущельям крупных рек, пересекающих эту депрессию, приурочены частично замкнутые аридные котловины, где располагается много селений горцев – адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев, находящих здесь зимой защиту от холодных северных ветров и бесснежные пастбища для домашнего скота. Здесь растут абрикосы, не вызревающие на

меньшей высоте у северного подножия Скалистого хребта; раньше в котловинах на террасированных склонах везде сеяли рожь, ячмень, овес…

Своими впечатлениями о путешествиях по различным регионам Кавказа, об их природных особенностях и фауне, о людях, живущих в этих краях, я и хотел бы поделиться с читателями напоследок. И начну я с Абхазии – страны, расположенной на южных склонах Большого Кавказа, на границе с Россией, где фактически впервые после 1 курса РГУ я начал в 1968 году свое познание Кавказа. Абхазия привлекла мое внимание также и в последние десятилетия, когда мне удалось собрать там интереснейшие зоогеографические материалы, в какой-то мере раскрывающие таинственную историю формирования своеобразной орнитофауны Колхиды.

Земля Обетованная*

Когда бог сотворил людей, он решил каждому народу дать свою землю. Но когда уже все территории были розданы разным племенам, к богу за своей долей явился абхазец. Бог сказал ему, что уже ничего не осталось, и спросил, почему он опоздал? Тот ответил, что у него были гости, и он не мог оставить их одних. Богу понравилось гостеприимство абхазца, и он отдал ему лучший участок Земли, который оставлял для себя.

С тех пор абхазцы и живут на Земле Обетованной… И у каждого перед домом – обязательно широкая поляна, на которой они могут принимать своих гостей.

Впервые я встретился с гостеприимной Абхазией и ее жителями в конце августа далекого уже 1968 года, когда после 1 курса университета на каникулах путешествовал по Кавказу. Вот наша электричка из Сочи пересекла Мзымту и Псоу, затем мы проехали Новый Афон, и машинист поезда по радио объявил, что приближается город Сухуми – столица солнечной, благодатной Абхазии.

Я провел тогда в городе всего пару дней, знакомясь с чудесной, в зелени и цветах, приморской набережной, с дендропарком, обезьяньим питомником, а потом вышел по Военно-Сухумской дороге вдоль р. Кодори к Клухорскому перевалу. И весь дальнейший путь туда меня сопровождали абхазцы, то подвозившие на своих машинах в горы, то привечавшие на ночь в низких пастушеских саклях, то бескорыстно снабжавшие необычайно вкусным ажарским хлебом, испеченным вперемешку с сыром.

* Опубликовано с изменениями: Белик В., 2012. Сотворение мира. Семь дней и семь встреч с Абхазией // Мир птиц: Информ. бюлл. СОПР, № 40-41.- С.29-31.

А мой однокурсник, с которым мы собирались ехать на Кавказ вместе, не дождавшийся меня и отправившийся в путь несколькими днями раньше, в это время собирал урожай на мандариновых плантациях у Сухуми, зарабатывая на дальнейшую дорогу к Клухору.

Второй раз я попал в Абхазию в августе 1977 года. В Сухуми, где вместе с Ростовским детсадиком отдыхал мой сынишка, тогда пришлось пробыть несколько дней. Вместе с сыном я вновь попытался проехать к Клухорскому перевалу, чтобы освежить в памяти впечатления юности, но непогода не позволила нам тогда даже полюбоваться горными вершинами. Однако в эти дни мне удалось ближе познакомиться с городом, с его жителями, историей и культурой.

Третья поездка в Абхазию состоялась в августе 1990-го, за год до войны, перекроившей карту Кавказа. Мы спокойно отдыхали тогда в палатках на Бзыби в ее низовьях и на берегу Черного моря в мирной Гудауте, среди многочисленных туристов из России, даже не подозревавших о грядущей перестройке и других социально-политических катаклизмах в СССР.

Незабываемой оказалась следующая наша встреча – с новой уже Абхазией, Апсны – пихтовой страной. Эту поездку в сентябре 2006 года организовал проректор Абхазского государственного университета В.И. Маландзия для участников Совещания Северокавказской орнитологической группы, по политическим мотивам вынужденно перенесенного из Сухума в Якорную Щель, в Сочи. Но, несмотря на неожиданные препоны, мы всё же прошли через пограничные кордоны, побывали на озере Рица, а затем на берегу Бзыби выпили за процветание Абхазии по бокалу терпкого «Апсны».

После этого, по приглашению В.И. Маландзии, в августе 2008 года я специально приехал в Сухум для знакомства с фауной Колхиды, случайно попав там в зону очередных военных действий. Экскурсируя тогда в окрестностях села Дранда к юго-востоку от Сухума, 9 августа я видел, как старенький МИГ поднялся с полузаброшенного аэродрома и ушел в свой последний полет в ущелье Кодора. Через несколько минут там вдали прогремел взрыв, похожий на мощный грозовой разряд, хотя на непривычно ясном предвечернем небе не было видно ни единого облачка.

На следующее утро под окнами нашего дома в центре Сухума прогрохотала колонна БМПэшек, далеко на рейде появились крейсеры и эсминцы, срочно пришедшие из Севастополя и прикрывшие Сухум с моря, а потом начались бомбежки в Кодорском ущелье, зловещее эхо которых долетало до Сухума. Время от времени высоко в небе с гулом пролетали звенья штурмовиков. И весь день ревели вдали тяжелые вер-

толеты, стелющимся полетом курсировавшие над морем из ощетинившейся Гудауты.

Когда же в Абхазии спало напряжение первых боевых дней, мы с Виктором Ильичем отправились в заповедник на Пицунду и Мюссерские холмы, поразившие меня тогда своей своеобразной природой. И вот в мае следующего года, воспользовавшись оказией, я опять приехал туда на несколько дней, уже пешком знакомясь с ландшафтами и птицами этого удивительного района.

Мюссерские холмы – это древняя подводная дельта Бзыби, сложенная сцементированными в брекчии речными песками и галечниками. Поднявшись после ледникового периода на 100-200 м над уровнем моря, неплотные брекчии этой дельты начали быстро размываться: с запада – современным руслом Бзыби, а в центре – дождевыми водами, сформировавшими причудливую сеть неглубоких ущелий и извилистых водораздельных гребней, покрытых ксерофильным субтропическим лесом.

Мюссеры, как и прилежащая к ним Пицунда, в отличие от влажной Колхиды, имеют засушливый климат, поскольку черноморские циклоны, идущие на север, формируют мощные кучево-дождевые облака обычно над наветренными склонами Гагрского и Бзыбского хребтов, над которыми теплый, влажный воздух, отражаясь, поднимается вверх и охлаждается, выливая излишки влаги на лесистые склоны. А циклоны, идущие с севера, падают с этих высоких хребтов вниз, нагреваются и высыхают, тают, так что до Мюссер и Пицунды не доходят и «атлантические» дожди, и над побережьем моря почти всё время сияет солнце, даже когда ближайшие горы окутаны густыми тучами.

В июле 2011 года, в свою седьмую поездку в Абхазию, мы провели очередные семь дней на этих Мюссерских холмах, на берегу Черного моря. Нас приютил Левон Альбертович Хамалян в армянском селе Агараки, раскинувшемся отдельными хуторами по ущельям и невысоким хребтам Мюссер на 10 км от моря до Сухумской автотрассы. Когда-то это село славилось своими табачными плантациями. Сейчас же в глубине Мюссер по хуторам сохранились лишь небольшие сады с виноградниками, с мандариновыми садами, с инжиром, хурмой, грецким орехом, лавровишней, мушмулой, фейхоа, киви и другими экзотами. А в прибрежных ущельях теперь формируется курортная зона, конкурирующая с Пицундой.

Чистейшее море с песчаными, галечными и каменистыми – на выбор – пляжами протянулось от Пицунды до Гудауты. Над берегами уютных бухт нависают невысокие песчаниковые скалы, а на скалах зацепились корнями живописные куртины пицундских сосен и земляничные деревья. Дальше в глубь ущелий с чистыми, прохладными ручьями

– грабово-дубовые леса с примесью бука, липы, съедобного каштана и др. Везде масса третичных реликтовых растений, в том числе земляничное дерево, гранат, лапина, древовидный вереск, единственный родственник которого встречается еще только в Южной Африке.

У подножия Мюссерских холмов рядом с армянским Агараки приютилось зеленое абхазское село Лидзава, а дальше раскинулся обширный Пицундский мыс – современная «дельта» Бзыби. Пицунда, как и дельты других крупных рек, отличается необычайным разнообразием ландшафтов. Вдоль берега моря, на высоком песчано-галечниковом баре, широкой полосой протянулась на много километров знаменитая Пицундская сосновая роща – девственный бор с густым подлеском из грабинника, скумпии, боярышника и сплошными колючими зарослями стелющейся по земле иглицы понтийской. Стволы многих вековых, мачтовых сосен затянуты плотной вечнозеленой драпировкой из плюща, а высоко вверху их венчают раскидистые узловатые кроны.

На переднем плане – Мюссерские холмы у Пицунды. Вдали – ущелье Бзыби.

Пицундская сосновая роща у Черного моря.

Вдоль опушки бора на прибрежных галечниках за годы «перестройки» и запустения поднялась многочисленная молодая поросль пицундской сосны. За сосновой рощей, на более влажных и плодородных почвах, тянется прерывистая полоса высокого густого самшитника – так называемой «кавказской пальмы», переходящая дальше в сухие супесчаные пустоши, используемые обычно под пастбища. А ближе к лесистым холмам расположена обширная заболоченная низина, куда сбрасывают свои воды многочисленные ручьи, текущие с Мюссерских холмов.

В XX веке эти болота были осушены, в Колхиде была ликвидирована малярия, и в сосновой роще на Пицундском мысу началось курортное строительство, вырос небольшой городок Пицунда, где в многоэтажных домах жил персонал многочисленных санаториев и курортов. Но в начале XXI века во время одной из бурь была разрушена насосная станция, откачивавшая воду из лагунного озера Инкит в море, и здесь вновь сформировались широкие разливы, окаймленные осоково-тростниковыми зарослями. Однако в 2010 г. мелиоративную систему на Пицунде восстановили, и сейчас на низменности опять преобладают сенокосы с сетью дренажных каналов, кишащих карасями и другой рыбой.

В июле 2011 г. наши ежедневные экскурсии охватили и Мюссерские холмы, и Пицундскую низменность, и всё морское побережье от устья Бзыби почти до речки Мюссеры. Птиц в это время здесь, по сравнению с маем 2009 г., оказалось значительно меньше, к тому же многие из них закончили размножение и смолкли, исчезли. Попрятались многочисленные бледные бормотушки, без умолку трещавшие весной в кустарниках; смолкли пеночки; в лесах уже не слышно было рулад черных дроздов и черноголовых славок; умолк и громкий, многоголосый хор южных соловьев. Тем не менее, нам вновь удалось увидеть в Абхазии ряд редких, интересных видов.

Всего в Пицунде мы учли 114 видов птиц, в том числе 72 гнездящихся. А с учетом наблюдений других исследователей – А. Нордманна, К.А. Сатунина, К.В. Лауница, Г.И. Бернацкого и др. – в Пицундо-Мюссерском заповеднике и его окрестностях в течение года можно встретить до 210 видов.

Где-то в Пицундском бору сейчас вновь гнездится, очевидно, черный аист, регулярно летающий над жилым городком на дренажные каналы среди лугов за кормом. У Бзыби опять наблюдался орлан-белохвост, но на этот раз молодой, неполовозрелый. На прибрежных скалах Мюссер мы нашли, наконец, сапсанов, гнездившихся там, вероятно, на заросших травой скальных карнизах. А в лесах на холмах мы встретили малого подорлика. Там же в старом дубняке вновь были найдены короткопалые пищухи, у водопада по тенистому ручью неожиданно встречена оляпка, на речушках в ущельях порхали горные трясогузки, а на сухих, открытых скалах местами пели горные овсянки. Не удалось обнаружить нам лишь красноголового королька, обитающего в сосновой роще, и змееяда, гнездование которого предполагалось на засушливых, изобилующих рептилиями Мюссерских холмах.

Так что у нас есть надежда побывать там в их поисках еще раз в будущем…

До скорой встречи, Апсны!

* * *

В последующие годы я еще неоднократно бывал в Абхазии, приезжая туда на отдых, проездом или специально в поисках птиц в Пицунде, на Мюссерах и на Гудаутской равнине, лежащей к востоку от Мюссерских холмов. В итоге, с учетом данных предыдущих исследователей, были собраны значительные материалы по орнитофауне этого небольшого, но очень разнообразного по природным условиям субтропического региона. Эти материалы со временем переплавились в большую, обзорную фаунистическую работу, посвященную современному состоянию фауны птиц Пицундо-Мюссерского заповедника и его окрестностей, а также в ряд статей, содержащих всесторонний анализ орнитофауны региона и истории ее формирования (Белик, 2015; Belik, 2017).

При этом удалось выяснить, что рецентная трансформация фауны Абхазии началась около 300 лет назад, примерно в середине XVIII века, и была связана в основном, очевидно, с постепенным освоением людьми лесистых и заболоченных колхидских ландшафтов, которое сопровождалось вырубкой и фрагментацией лесов и появлением на низменностях сухих открытых пространств (пастбищ, сенокосов, полей). Благодаря этому в Пицунду и Мюссеры сравнительно недавно смогло расселиться из Предкавказья и Закавказья много кампофилов, склерофилов и лесостепных дендрофилов, а также немало лимнофилов. Большинство из них прежде в лесистой, заболоченной Колхиде отсутствовало, придавая ее орнитофауне чрезвычайно упрощенный вид, отмечавшийся еще в XIX веке первыми исследователями Закавказья.

Нынешние же изменения климата, антропогенная и естественная трансформация ландшафтов, а также постоянные адаптационные процессы в популяциях птиц должны способствовать дальнейшему заселению Пицунды и Колхиды отсутствующими сейчас там видами, имеющими в этом регионе подходящие для гнездования местообитания. И можно предполагать, что активный период фауногенеза в Пицунде и на Мюссерах продлится еще примерно 100 лет. После этого их орнитофауна должна приобрести лесостепной облик, отчасти сходный с фауной Восточного Закавказья, но с выраженным доминированием лесных неморальных видов и сравнительно бедной лимнофилами. При сохранении нынешних климатических трендов следует ожидать также усиление экспансии в Колхиду ксеро-термофильных средиземноморских видов из Малой Азии.

Крымский Кавказ

Кавказ в представлении большинства россиян – это высокие лесистые горы, вечные снега на скалистых вершинах, бурные реки, высо-

когорные туры, улары, грифы… Но мало кто задумывался, что начинается Кавказ на Таманском полуострове, у Керченского пролива, где среди сухих степей поднимаются первые горные цепи … засохших грязевых вулканов с крымскими журавлями-красавками на их склонах. Здесь Кавказ окружают обрывистые, местами скалистые берега Черного и Азовского морей, здесь раскинулись многочисленные, обширные соленые лиманы-лагуны, отшнурованные от морей высокими песчаными барами-косами, а на пологих склонах невысоких сопок вместо лесов протянулись шпалеры бескрайних виноградников…

Здесь находится родина великого Ахилла, здесь спрятаны ворота в Ад – в подземное царство Аида, здесь у берега Керченского пролива приютился, по словам Михаила Юрьевича, «самый скверный городишко России», а сейчас здесь сооружают самый грандиозный Крымский мост…

А в полусотне километров к востоку, за Анапой, на склоны сухих, увалистых хребтов Навагир и Маркотх с берега моря вверх поднимаются своеобразные можжевеловые и фисташковые леса, почти в точности копируя горы Крыма.

Эти «крымские» пейзажи я помню с детства, когда впервые увидел их в дымке с борта теплохода «Георгий Седов» во время первой поездки в Геленджик, куда мы отправились из Таганрога вместе с отцом во время летних школьных каникул на отдых.

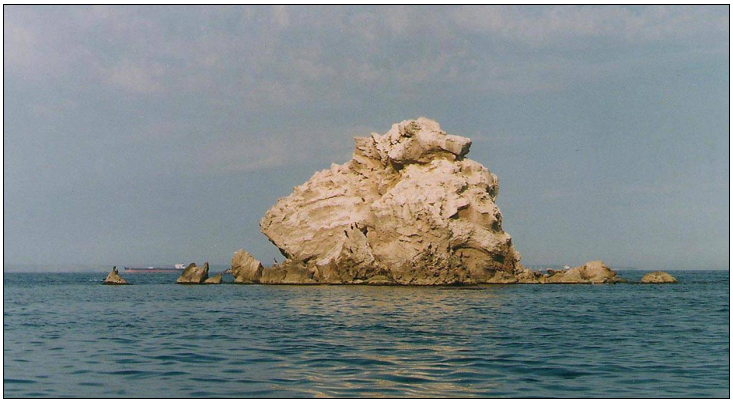
Позже я еще несколько раз приезжал в Новороссийск с друзьями-однокурсниками во время учебы в РГУ, несколько раз проезжал через Таманский полуостров по дороге в Крым. Но близко познакомиться с природой этого очень необычного уголка Северного Кавказа пришлось только сравнительно недавно, после ряда специальных экспедиционных поездок на Тамань и на Абрауский полуостров между Анапой и Новороссийском для изучения их фауны.

А первые встречи с этим Кавказом сохранились в памяти лишь как далекие солнечные видения. Позже запомнились иголки кактусов, которые мы выковыривали из босых пяток на поляне среди высоких можжевельников у подножия Маркотха. Хорошо помню голубое озеро Абрау в обрамлении лесистых сопок и бокал каберне в кафе на его берегу, а также раковины мидий на прибрежных камнях и неимоверно горьких актиний, которыми мы с незабвенным Вячеславом Данченко, моим другом-однокурсником, пытались утолять свой голод в устье речушки Дюрсо.

Тамань же из окна поезда и автобуса сначала не произвела особых впечатлений. Лишь переправляясь в первый раз через Керченский пролив на железнодорожном пароме, я впервые увидел буревестников,

проносившихся недалеко от нас над самыми волнами, там же единственный раз в жизни попробовал вяленого катрана – черноморскую акулу, необычный вкус которой не забылся до сих пор. Вторая поездка, когда пролив пришлось форсировать зимой, запомнилась страшной метелью, пургой, когда все дороги Ставрополья, Кубани и Тамани были заметены высокими сугробами снега, а противоположный берег Крыма совершенно скрылся за снежным занавесом, когда отменили паромы, и на причалах в Порт-Кавказе скопилось несметное количество пассажиров, желавших побыстрее добраться до вожделенного, но тоже заиндевевшего в мороз Крыма.

Только летом 2003-го, а затем в мае 2004 года я смог дважды проехать по Тамани с коллегами на экспедиционных автомобилях, ночуя в палатках на берегах Керченского пролива и в степи среди грязевых вулканов, дегустируя различные сорта винограда на плантациях и разыскивая морских коньков в зарослях водорослей по берегам заливов.



Скала Парус с колонией хохлатых бакланов
в Керченском проливе у мыса Панагия на Тамани

Многолетние исследования, проведенные в последние десятилетия на Тамани и в других районах Западного Кавказа от Анапы до Абхазии, принесли необычайно много весьма важного материала, необходимого для понимания особенностей и закономерностей генезиса местных фаун, прежде всего на юге России, а также для выяснения региональной специфики орнитофауны Кавказа, для ее зоогеографического районирования (Белик, 2013).

Так, в результате этих исследований выяснилось, что Таманский полуостров занимает совершено особое положение в зоогеографии степного Предкавказья. В условиях засушливого климата, при практи-

чески полном отсутствии пресных водоемов, здесь на склонах грязевых вулканов распространены обширные сухостепные пастбища, вокруг солёных лиманов лежат плоские пустынные солончаки, по балкам и крутосклонам местами встречается чахлая древесно-кустарниковая растительность. Вдобавок – протяженные скалистые побережья, разнообразные острова, песчаные косы, а вокруг – теплое море с дельфинами, кефалью и многочисленными чайками. В общем, этот небольшой сухой полуостров оказался богат на удивительные, экзотические ландшафты.

Несмотря на длительное, весьма интенсивное изучение птиц Таманского полуострова в последние десятилетия, здесь осталось также немало уголков, таящих еще и фаунистические сюрпризы. Свидетельство тому – недавние находки гнездовий хохлатого баклана, журавля-красавки и авдотки, представленных на Тамани крымскими популяциями, неожиданные встречи здесь таких же, очевидно, «крымских» дроф. Кроме того, сюда из Крыма заходит дикий сизый голубь, обитающий на скалах мыса Панагия, на пастбищах встречается полевой конек, отсутствующий в остальных степных районах Краснодарского края. Здесь возможно гнездование красноголового сорокопута, рыжепоясничной ласточки, стрепета, черноморской гаги, уже освоивших Крымский полуостров.

Вообще же в орнитофауне Тамани преобладают лимнофилы, прежде всего – облигатные колониальные обитатели изолированных островов (кудрявый пеликан, черноголовый хохотун, черноголовая чайка, морской голубок, чеграва, чайконосая и пестроносая крачки, а также кулик-сорока) и соленых, заболоченных маршей (морской зуёк, ходулочник, шилоклювка, луговая тиркушка и др.). Обычна на Тамани пеганка, обитающая на засоленных озерах и являющаяся выходцем из пустынь Казахстана, но здесь тоже связанная с популяциями степной Таврии, отсутствуя на других водоемах Прикубанья. Широко распространены здесь также различные склерофилы, гнездящиеся по береговым обрывам, но избегающие низменных районов Западного Предкавказья.

Следует, однако, заметить, что и Тамань оказывает сейчас определенное влияние на фауну Крыма, пропуская туда различные кавказские элементы: белохвостого черноголового чекана, черноголовую овсянку, чечевицу. А в ледниковый период в Крым через Тамань проникали, судя по ископаемым остаткам, даже горные виды: беркут, клушица, каменный и снежный воробьи, возможно – кеклик, обнаруженные в плейстоценовых отложениях Крыма.

Хотя узкий Керченский пролив, разделивший Крым и Кавказ, является существенной преградой для расселения некоторых сухопутных,

наземных животных. Так, эту преграду не смог преодолеть малый суслик, обычный в Крыму, в том числе на Керченском полуострове, но отсутствующий на Тамани. А вместе с ним в Крыму остались и его основные консументы: балобан, канюк-курганник и другие виды.

Очевидно, таким образом, Таманский полуостров в целом представляет собой типичный степной район, но существенно отличающийся по фауне от соседних Предкавказских степей вследствие заметного влияния Крымской орнитофауны. Влияние Крыма проявляется здесь не только на птицах, но и в других группах животных, в частности – на моллюсках (Пузанов, 1927), что свидетельствует, вероятно, об общем генезисе фауны Тамани и степного Крыма.

* * *

Очень своеобразным реликтовым анклавом пустынно-горной фауны выглядит на Кавказе также гористое побережье Черного моря между Анапой и Геленджиком – Абрауский полуостров, хребет Маркотх у Новороссийска и полуостров Дооб. Это так называемый Новороссийский зоогеографический участок, выделенный здесь еще И.И. Пузановым (1949). Ландшафты и растительность окрестностей Новороссийска в целом очень напоминают горный Крым, что и позволило фитогеографам отнести этот участок к Таврической провинции Средиземноморской подобласти (Гроссгейм, 1948).

Данная территория отличается засушливым климатом средиземноморского типа с очень сухим летом и более влажной зимой, а также широким распространением ксерофитных растительных формаций. Это фисташники в нижнем поясе гор, можжевеловые редколесья, распространенные до 200-300 м над уровнем моря, и мелколесье из дуба пушистого, грабинника, скумпии и держидерева, развивающееся на месте вырубленных фисташников и можжевельников, – так называемый шибляк или хмереча. Выше по склонам можжевельники сменяются сухими дубовыми лесами со скальным дубом, грабом и обыкновенной сосной, представленной здесь особой формой – сосной крючковатой. И только местами в глубоких влажных ущельях встречаются буковые леса с участием тиса, чубушника, клекачки и других мезофильных реликтовых видов.

Когда-то здесь росла, вероятно, также пицундская сосна, но сейчас на Абрауском полуострове она встречается редко, будучи вырубленной, по-видимому, в далеком историческом прошлом, и именно на ее месте затем разрослись древовидные можжевельники. Значительные массивы пицундской сосны сохранились лишь у Геленджика и дальше к востоку на крутых, сухих приморских склонах, труднодоступных для лесоразработок и удаленных к тому же от античных черноморских фак-

торий и древних поселений зикхов – первых насельников Западного Кавказа. Особенно крупный, старый массив такого леса – знаменитый Джанхотский бор – сохранился сейчас к востоку от Дивноморска, в низовьях р. Джанхот у с. Прасковеевка.

Старый можжевельник у моря на полуострове Дооб
и фисташка в Малом Утрише

В лесах из пицундской сосны, занимающей верхний ярус, под ее пологом растут и можжевельники, и дубы, и многие другие деревья и кустарники, которые оказались более устойчивыми, чем сосна, к антропогенному воздействию. Поэтому-то они и распространились на Абрауском полуострове, издавна испытывавшем интенсивное хозяйственное воздействие, особенно в районе Утриша близ Анапы – древнегреческой Горгиппии. Поэтому-то можжевеловые сообщества в заповеднике «Утриш», созданном недавно между Анапой и Новороссийском, являются вторичными и могут длительно существовать только при условии достаточно интенсивной антропогенной нагрузки. Поэтому-то ликвидация рекреационного, а тем более хозяйственного присутствия человека на заповедной территории со временем неминуемо приведет к резерватогенным сукцессиям, которые могут коренным образом изменить можжевеловые и фисташковые редколесья, причем и в негативном для созологии направлении. Эти тенденции уже и сейчас отчетливо видны в орнитофауне Западного Кавказа.

Горные хребты и кряжи на Новороссийском участке разделены рядом небольших рек с выработанными долинами (Сукко, Дюрсо, Озерейка, Цемес, Адерба и др.), а также многочисленными узкими щелями (ущельями), по которым текут небольшие ручьи, часто пересыхающие в низовьях. Поэтому пресной воды на галечных пляжах под скалистыми береговыми обрывами практически нигде нет, и лишь местами из-под скал сочатся еле заметные, пересыхающие летом роднички. Только Водопадная щель, находящаяся между обвальными мысами Большой и

Малый Утриш, заканчивается прямо на берегу моря высоким, довольно красивым водопадом «Жемчужный», под которым любят полоскаться в летнюю жару нудисты.

В связи с этим водопадом вспоминается одна история, рассказанная нам Вячеславом Данченко. Летом 1998 года мы работали в посёлке Широкая Балка под Новороссийском со школьниками из ростовского экологического клуба «Юнэк». Охотовед В.В. Данченко приехал к нам в свой отпуск с далеких северóв «вольнослушателем» и первую неделю принимал посильное участие в нашей работе, в познавательных экскурсиях по окрестным лесам. Однако затем ему надоело сидеть на одном месте в лагере, и он сам отправился на разведку вдоль моря на запад, к Анапе.

Несколько дней Вячеслав шел по береговым галечникам, периодически принимая то морские, то солнечные ванны. Мучимый жаждой, он добрался, наконец, до Водопадной щели и долго остывал там под нежными струями естественного душа, обильно поглощая прохладную пресную воду. Отдохнув, он решил взглянуть на сам ручей, взобрался на обрыв и, углубившись в лесистую щель, обнаружил там настоящую «клоаку» возле палаток нудистов, отчего ему даже стало дурно после только что принятой дозы «Жемчужного».

Водопад «Жемчужный» на Утрише весной и летом

Сильно загрязнены бытовыми отходами и реки, стекающие в море. Однажды после утомительного дневного маршрута мы со студентами поздно вечером вышли к Озерейке на Абрауском полуострове. Уже в полной темноте нашли укромное место на берегу реки под старыми тополями и ивами, но готовить ужин и пить чай уже не было сил, и мы, разбив палатки, вскоре уснули. А утром, собираясь в дальнейший путь, вскоре обнаружили, что вода в реке была столь грязная, что совершенно не годилась не только для чая, но даже купаться в ней было опасно.

Широкие долины рек в их низовьях освоены под сельскохозяйст-

венные угодья, а более пологие склоны гор заняты виноградниками. В устьях рек и широких щелей (балок), а также на оползневых террасах вдоль берега моря тянется цепочка курортных поселков, окружающих, кроме того, и озеро Абрау в горной котловине. И вредные продукты жизнедеятельности человека почти везде здесь утилизируются в реках, озерах и море естественным путём – микробами, медузами, различными раками и рачками и другими животными.

* * *

Анализ современной орнитофауны Новороссийского участка показал, что ряд склерофильных видов (сапсан, белобрюхий стриж, пестрый каменный дрозд, каменка-плешанка и испанская каменка) проникли сюда на скалы, очевидно, из Крыма, поскольку дальше к востоку их гнездовья на побережье Черного моря отсутствуют, вновь появляясь после широкой дизъюнкции лишь в горах ближе к Центральному и Восточному Кавказу. Но часть пустынно-горных видов могла расселиться к Новороссийску, вероятно, и с востока – в предшествующие ксеротермические эпохи или во времена широкого расселения горских народов с их интенсивным пастбищным скотоводством, вызывавшим сокращение площади лесов и иссушение горных склонов.

Зарастание горных пастбищ лесом, начавшееся во второй половине XIX века после выселения скотоводов-черкесов (адыгов), привело к сокращению размеров аридного Новороссийского района и к его изоляции от сухих гор Центрального Кавказа. Однако самобытность этого района подчеркивают не только обитающие здесь пустынно-горные виды, но и особый спектр дендрофилов, заметно отличающийся от фауны соседнего, лесистого Кубанского Кавказа. Здесь на приморских склонах гор, покрытых разреженными лесами из фисташки и древовидных можжевельников в сочетании с каменистыми степными участками, исчезают или резко сокращают свою численность такие лесные мезофилы, как вальдшнеп, лесная завирушка, крапивник, желтобрюхая пеночка, малая мухоловка, гаичка, московка, снегирь, но зато появляются лесной жаворонок, полевой конек, сорока, многочисленными становятся южные соловьи, козодои, сплюшки, весьма обычен среди можжевеловых редколесий змееяд, еще недавно на каменистых полянах гнездился степной жаворонок.

Часть склерофильных видов смогла проникнуть также с Кавказа в Крым, используя в прошлом Маркотх и Тамань в качестве экологического моста, однако разнообразие этих птиц в Крыму значительно ниже, чем на Кавказе. В горах Крыма сейчас гнездятся лишь белоголовый сип, балобан, степная пустельга, плешанка, испанская каменка, пестрый каменный дрозд, горная овсянка. Некоторые же из пустынно-горных ви-

дов, например, клушица, каменный и снежный воробьи, обитали в Крыму, по-видимому, в прошлом, расселившись туда с Кавказа при ледниковых похолоданиях и снижении субальпийского и горностепного пояса почти до подножия гор.

В то же время балобан, распространенный в XIX в. на Северном Кавказе до Кубани, в последующем здесь исчез, тогда как в Крыму, в том числе на Керченском полуострове, сохранился до сих пор, чему способствовала, вероятно, лучшая кормовая база за счет обычного там малого суслика. То же касается и степной пустельги, давно исчезнувшей на Западном Кавказе, но еще долгое время гнездившейся на скалах в Крыму.

Таким образом, пустынно-горная фауна Маркотха и Навагира генетически тоже тесно связана с Крымской фауной. И область расселения этих пустынно-горных видов в Крыму и на Западном Кавказе естественно выделяется в особый Эвксинский округ Сумерийской зоогеографической провинции (Белик, 2013).

* * *

Однако в последнее время приморская полоса Северо-Западного Кавказа начала испытывать чрезвычайно сильное антропогенное воздействие, сказывающееся на ее природе и на животном мире этого региона. Массовое курортное строительство на побережье Черного моря между Анапой, Новороссийском и Геленджиком, прокладка дороги в Крым, другие промышленные работы на Тамани – всё это сейчас существенно меняет естественные ландшафты Крымского Кавказа, а вместе с ними – и их фауну.

Следует заметить, что эти процессы активно протекали здесь в течение всего XX века и даже в XIX столетии. Так, К.А. Сатунин (1913) уже в начале XX века отмечал, что со времени путешествия Александра Нордманна по Черноморскому побережью Кавказа, то есть за прошедшие с тех пор 76 лет, на берегу моря «многое изменилось до неузнаваемости». Вырубка лесов на побережье, создание крупных санаторно-курортных комплексов, строительство цементных заводов в Новороссийске уже в XIX веке обусловили развитие соответствующей инфраструктуры, а в дальнейшем – быстрый рост приезжего населения и летнего потока отдыхающих. Затем эти явления только нарастали, особенно ускорившись во второй половине XX века, о чем наглядно свидетельствуют, например, многолетние наблюдения известного московского зоолога А.А. Иноземцева (1991) на Абрауском полуострове.

Описанные изменения природных условий на Черноморском побережье сопровождались также перестройкой орнитофауны. Например, в последние десятилетия только на Абрау нами было обнаружено

12 новых видов птиц, не отмечавшихся предыдущими исследователями, и в это же время здесь не удалось найти ряда видов, указывавшихся для фауны полуострова ранее.

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на состав фауны всего Северо-Западного Кавказа, оказалось облесение гор, начавшееся в середине XIX столетия после выселения черкесов в ходе Первой Кавказской войны. Впервые на этот фактор указал И.И. Пузанов (1949), но недостаток сравнительных материалов в тот период не позволил ему проанализировать влияние сильватизации на птиц Черкесии. Однако и сейчас значение спонтанного облесения гор почему-то почти не привлекает к себе должного внимания исследователей.

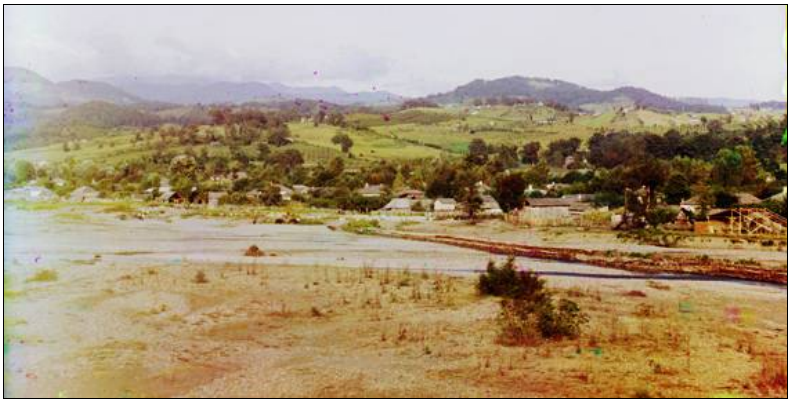
Черкесы, в течение тысячелетий жившие в горах в основном за счет скотоводства, вынуждены были постоянно поддерживать и расширять свои пастбища, вырубая лес; древесина использовалась ими также для строительства, для обогрева и приготовления пищи. Поэтому склоны гор Черкесии на значительном пространстве были оголены, что вело к смыву и высыханию почвы. Этому же, как и в Древней Греции, способствовал также массовый выпас овец и коз. Поэтому уже в самом начале новой эры Страбон отмечал, что местность, населенная зыгами (современные адыги, черкесы) «почти повсюду лишена деревьев и очень гориста, составляя уже часть Кавказа».

Наглядное свидетельство изменений в природе, происходивших в горах Западного Кавказа после прекращения интенсивного выпаса домашнего скота, дают архивные фотографии, сделанные С.М. Прокудиным-Горским в начале XX века в Сочи и Сухуме (http://prokudin-gorskij.narod.ru). При их сравнении с нынешним видом этих же мест хорошо видно, что тогда на склонах гор оставалось еще очень много открытых участков, которые сейчас уже полностью скрыли постройки и плотная садово-парковая зелень. То же происходило, очевидно, и в других районах Причерноморья.

С исчезновением пастбищ и с зарастанием полян и опушек густым высокотравьем, на Черноморском побережье стали исчезать многие ксерофильные кампофилы, лесостепные птицы (опушечники) и даже некоторые лесные виды, например, иволга. Даже на сухом Абрауском полуострове стали редки и спорадичны перепел, обыкновенная горлица, лесной конек, жулан, серая славка, обыкновенная и садовая овсянки. При этом большинство лесных неморальных видов благодаря расширению площади и старению лесов в Причерноморье в течение XX века уплотняли кружево своих ареалов и увеличивали численность.

Не менее важную роль в трансформации фауны играют и современные изменения климата. Их влияние на орнитофауну Крымского

Кавказа просматривается не столь наглядно, как антропогенное воздействие. Но, несомненно, только увлажнением климата, распространением и мезофитизацией лесов на склонах гор можно объяснить сокращение численности и исчезновение на Черноморском побережье таких видов как сплюшка, козодой, южный соловей, которые до сих пор еще довольно обычны лишь на сухом Новороссийском участке. Однако лесной жаворонок и славка-завирушка стали редкими уже и на Абрауском полуострове. А ксерофильных склерофилов, гнездящихся на скалистых береговых обрывах (белобрюхого стрижа, каменку-плешанку), можно рассматривать, возможно, уже как типичных реликтов, сохранившихся лишь в изолированных убежищах, рефугиумах на Новороссийском участке и на Тамани.



Долина р. Сочи близ своего устья в начале XX века.
(фото С.М. Прокудина-Горского; http://prokudin-gorskij.narod.ru)

Дагомыс в Сочи в начале XX века.
(фото С.М. Прокудина-Горского; http://prokudin-gorskij.narod.ru)

В то же время мезофильные лесные виды (крапивник, желтобрюхая пеночка, малая мухоловка, обыкновенная пищуха), в отличие от ксерофилов, наоборот, расширяют свои ареалы, заселив леса сухого Новороссийского участка на запад почти до Анапы. С современным потеплением климата связано, возможно, расселение на север и запад вплоть до Тамани бледной бормотушки. На Крымском Кавказе всё чаще регистрируются также залеты таких южных, термофильных видов как султанка, рыжепоясничная ласточка, красноголовый и маскированный сорокопуты.

Многоплановое воздействие на птиц оказывает курортное строительство. Во-первых, оно привело к застройке низменных участков берега Черного моря и вытеснению прибрежных птиц, гнездившихся и концентрировавшихся во время миграций в устьях рек, на мысах и косах: цапель, чаек, крачек, куликов и др. Во-вторых, курорты на побережье значительно улучшили кормовую базу для некоторых всеядных видов: сороки, серой вороны и ворона, а вслед за последним – и сапсана, гнездящегося в постройках ворона на скалах. Рост числа отдыхающих и, как следствие, увеличение количества пищевых отходов на побережье позволило значительно расширить масштабы кочевок крупных всеядных чаек.

Кроме того, курортное строительство расширило условия для гнездования многих птиц, прежде всего пластичных склерофилов, в городах и поселках на побережье. Благодаря этому вдоль берегов Черного моря в XX веке смогли расселиться сизый голубь, черный стриж, скворец, возможно – полевой воробей. Городская ласточка, гнездившаяся прежде колониями на береговых скалах и в скалистых «щелях» Крымского Кавказа, сейчас покинула естественные местообитания и переселилась на постройки в прибрежных и горных городах и поселках. Сравнительно недавно прошло быстрое заселение городов Черноморского побережья кольчатой горлицей. В городах и сёлах Тамани в настоящее время появилась синантропная популяция вяхиря, проникшего сюда из Крыма, где этот вид освоил урболандшафты в последние 15-25 лет. Но, к сожалению, история расселения большинства этих птиц, кроме кольчатой горлицы, нашими орнитологами прослежена слабо.

Особое место на Черноморском побережье Кавказа занимают хищные птицы, находящиеся на вершинах трофических пирамид и поэтому, как правило, редкие и очень чутко реагирующие на многие антропогенные и естественные воздействия, на различные изменения среды обитания. В результате прямого элиминирующего воздействия человека с побережья были вытеснены, прежде всего, крупные хищники: сначала скопа, затем орлан-белохвост. Сейчас же, благодаря особой

охране, хищные птицы вновь возвращаются на Крымский Кавказ, где нами найдены гнездовья сапсанов и змееяда, отмечены осоеды и малые подорлики.

Особая коллизия прослеживается на Абрауском полуострове в связи с восстановлением численности уничтоженного в середине XX века тетеревятника. Прежде, когда он гнездился на Абрау, там совершенно отсутствовали сороки, а серая ворона изредка встречалась только близ открытых степных пространств Тамани. Затем, в ходе борьбы с хищными птицами – мнимыми вредителями, тетеревятник был, вероятно, уничтожен охотниками и в середине XX века в районе озера Абрау ни разу не отмечался. А пока там не было этого хищника, сорока и ворона заселили почти весь Абрауский полуостров. Вслед за расселением врановых в середине XX века на Абрауском полуострове появились также потребители их гнезд – чеглок и ушастая сова.

В последние же годы тетеревятник на Абрау опять стал повсеместно обычен, тогда как сорока сейчас здесь практически исчезла. Весьма редко и только у жилых посёлков еще встречается серая ворона. Вновь практически исчезли на Абрау также чеглок и ушастая сова, не находящие себе сейчас мест для гнездования и, вероятно, уничтожаемые размножившимися тетеревятниками.

Как видно из этого небольшого, популярного изложения, даже краткое знакомство с аридным Крымским Кавказом, а также с историей фаунистических исследований в этом своеобразном регионе Южной России дает весьма интересные, важные материалы для понимания закономерностей формирования ее орнитофауны и птичьего населения в течение последних столетий под влиянием самых различных естественных и антропогенных факторов.

Началом рецентной трансформации орнитофауны Северо-Западного Кавказа следует считать середину XIX века, когда произошел переход от пастбищного скотоводства черкесов (адыгов) к современным формам хозяйственного использования Черноморского побережья. При сохранении нынешних климатических трендов и особенностей социально-экономического развития на Крымском Кавказе следует ожидать дальнейшее сокращение численности и исчезновение многих ксерофилов и гемиксерофилов и одновременное расселение лесных и околоводных мезофилов. Вероятно, может усилиться также экспансия на север у некоторых термофилов (султанки, широкохвостки, рыжепоясничной ласточки, бледной бормотушки, короткопалой пищухи, красноголового и маскированного сорокопутов, красноголового королька и др.).

В целом же орнитофауна Большого Кавказа сохранит, несомненно, свою зоогеографическую самостоятельность, оставаясь тесно свя-

занной с Крымом в рамках Крымско-Кавказской провинции Европейской подобласти Палеарктики.

Кислые Воды

Кисловодск когда-то ассоциировался в моем представлении с ясным, солнечным небом, с чистым горным воздухом, с тишиной и целебными нарзанами. Но сейчас, как оказалось, летом там нередки сильные дожди и грозы, особенно чуть повыше – в горах Приэльбрусья. А зимой над межгорной котловиной в безветренном воздухе иногда скапливается густая машинная гарь, смог. Заметно поубавилось там и тишины. Однако различные нарзанные источники по-прежнему бьют из-под Эльбруса как вокруг Кисловодска, так и в самом городе.

На Кавказские Кислые Воды – «аче су» на языке горцев Карачая – приезжали лечиться, как свидетельствует история, многие известные русские писатели, поэты, композиторы, художники. Здесь дважды в 1820 и 1829 годах отдыхал Пушкин, который под впечатлением от Кисловодска начал писать даже свой незаконченный «Роман на Кавказских водах». Здесь лечился Глинка, в памяти которого навсегда осталась лезгинка, звучащая в его опере «Руслан и Людмила». Кисловодск с самого детства очень любил Лермонтов, написавший здесь свою «Княжну Мери».

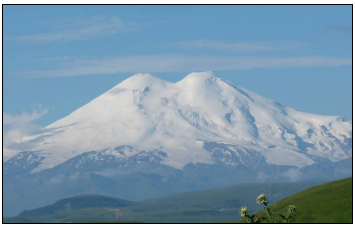
В 1874 году в Кисловодск впервые приехал знаменитый художник Николай Александрович Ярошенко. Свои первые впечатления о городе он отразил в серии пейзажей, вызвавших восторг публики, дотоле совершенно не знакомой с Северным Кавказом: «Близ Кисловодска», «Уголок парка в Кисловодске» и др. Одним из самых первых был его рисунок «У главного источника». А когда художник привёз в Петербург в 1884 году картину «Шат-гора (Эльбрус)», многие посчитали изображённую там удивительную панораму Кавказского хребта даже фантазией автора.

В полюбившийся Кисловодск Н.А. Ярошенко стал ездить каждое лето, а в 1885 году купил там дачу, названную «Белой Виллой», куда приезжали к нему в гости его многочисленные друзья: Репин, Куинджи, Нестеров, Ге, Рахманинов, Шаляпин, Станиславский, Менделеев и др.

В начале XX века на лечение в Кисловодск ездили и известные российские орнитологи: одессит А.А. Браунер, киевлянин Э.В. Шарлеман, москвич Г.И. Поляков, оставившие свои небольшие заметки о птицах этого курортного края. А в конце XX века Кисловодск стал чуть ли не орнитологической столицей Северного Кавказа, куда почти ежегодно приезжали на конференции и совещания, для проведения исследований и полевых практик многие орнитологи со всего Советского Союза.

В 1998 году, уже после трагического распада СССР и последовавшего затем социально-экономического кризиса, здесь в Кисловодске удалось, наконец, вновь возродить традиции регулярных встреч коллег со всей Северной Евразии, занимавшихся изучением пернатых хищников и врановых птиц на просторах бывшего СССР.

Картина Н.А. Ярошенко «Шат-гора».



Эльбрус над субальпийским плато Бичесын.

Инициатором многих из этих важных научных форумов был очень энергичный, честолюбивый Александр Николаевич Хохлов, активно работавший неподалеку – в Университете в Ставрополе, а воплощал их в жизнь Виктор Андреевич Тельпов со своими помощниками. К 1985 году Виктор Андреевич имел уже 10-летний опыт работы школьного учителя в Кисловодске, а затем фактически своими руками построил и с тех пор бессменно руководит там широко известной Кисловодской станцией юннатов. Не случайно поэтому Кисловодская станция была внесена в 2011 году даже в реестр «Лучших образовательных учреждений России».

Один из тех давних научных визитов в Кисловодск позволил и мне открыть для себя этот уникальный уголок Кавказа. А конференция 1998 года, посвященная изучению и охране хищных птиц Северной Евразии, особо запомнилась нашими неоднократными поездками и походами в горы: в ущелье Аликоновки к Медовым водопадам, в ущелье Хасаута к Долине Нарзанов, к скалам в широкой долине Кичмалки. Здесь мы организовали однажды даже «выездной» симпозиум, выступая со своими докладами у опушки молодого сосняка на склоне Кабардинского хребта, прямо под открытым небом – на стыке трех кавказских регионов России.

Там, на Кичмалке, начинается Ставропольский край, ландшафты которого на севере представляет Кисловодская котловина, а также хребты Джинал и Боргустан с весьма эффектными меловыми куэстами. На юге за Кичмалкой простирается Кабардино-Балкария с ее хорошо известной в прошлом Долиной Нарзанов. А на запад уходит Карачаево-

Черкесия, где находятся и Медовые водопады, и Бермамыт, и Эшкакон (Гришкина балка), где Ф.К. Лоренц в XIX веке изучал кавказских тетеревов. Там же расположены истоки Кумы и Кубани, а также множество других природных, исторических и культурных достопримечательностей. А далеко на юге, над остепнённым плато Скалистого хребта, поднимается белоснежный купол Эльбруса – та самая Шат-гора кисти Н.А. Ярошенко, или Мингитау, то бишь «Вечная гора» на карачаевском и балкарском, поровну поделенная между Карачаево-Черкесией и Кабардино-Балкарией.

В мае 2005-го я специально приехал к Виктору Андреевичу Тельпову в Кисловодск, надеясь продолжить изучение фауны Скалистого хребта, начатое в 2004 году в Краснодарском крае, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Я планировал еще раз посмотреть хотя бы со стороны на куэсты Бермамыта, на Гудгору, на Гумбаши (т.е. Голову Кумы), на другие вершины этого хребта. К сожалению, непогода не позволила выполнить все намеченные планы. Но мы долго гуляли, смотрели и слушали птиц тогда в великолепном Курортном парке – в крупнейшем в Европе рукотворном парковом ансамбле площадью около 1000 га, заложенном в 1823 году на сухих, каменистых южных склонах Джинальского хребта по приказу генерала А.П. Ермолова.

Здесь в Курортном парке в 1901 году впервые в России были проложены дорожки для лечебной ходьбы – терренкур, предназначенный для лечения сердечнососудистых болезней, заболеваний органов дыхания, пищеварения, а также опорно-двигательного аппарата. Прогулки по пологим, извилистым, ухоженным дорожкам терренкура в старинном парке и под скалами Джинала сами по себе доставляли большое удовольствие и оставляли незабываемые эстетические впечатления. У меня же после чрезвычайно нервной минувшей зимы в Ростове сдавало сердце, и я уже боялся, что это будет моя последняя поездка, поход в горы. Поэтому экскурсии по парку с Виктором Андреевичем, с его супругой Татьяной Николаевной и дочерью Викой, тоже занимавшейся изучением птиц, воспринимались тогда с чрезвычайной благодарностью.

Однако Курортный парк – не Скалистый хребет. И в один не очень солнечный день я с небольшим рюкзаком всё же отправился по пустынной автотрассе вдоль Подкумка вверх, к перевалу Гумбаши. Долгий, пологий, равномерный подъем по красивому скалистому ущелью, вдоль небольшой, но бурной реки от карачаевского аула Терезе до устья Карсунки не вызывал особых затруднений. Наоборот, сердце, как на терренкуре, постепенно входило в ритм шагам, успокаивалось. Успокаивала также весенняя прохлада, нежная зелень еще полупрозрачных ольхово-березовых лесов вдоль реки и на склонах гор, первые цветы

примулы-первоцвета, ветреницы, фиалки, мускари. И конечно же – редкие, интересные птицы: черные аисты, карагуши, грифы и сипы, клушицы, оляпки…

Ущелье Подкумка.

Подкумок в устье р. Карсунки.

Вернулся я домой, позабыв все свои зимние недуги. Горы оказались самым лучшим лекарем! Тогда же вспомнились еще два случая, когда я попадал в горы с патологическими отклонениями, а там буквально на глазах оживал. В первый раз мы выехали с сыном на Западный Кавказ в августе, жарким летом, когда я подхватил где-то в Ростове жестокий ринит, не проходивший в течение недели, даже больше. В горах же мы долго поднимались с рюкзаками по крутому лесистому ущелью вверх, пыхтя, потея, однако постоянный насморк не позволял нормально дышать и наблюдать птиц. В конце концов, мы добрались до красивой, глубокой ванны среди камней в русле прозрачного ручья и присели отдохнуть. Сын, раздевшись, нырнул в воду, чтобы остыть, смыть пот и дорожную пыль. Глядя на него, не выдержал и я. Холодная вода обожгла тело, но когда я выбрался на берег, обсох и согрелся на солнце, насморка как не бывало!

В другой раз, летом 2002 года, я заболел какой-то вирусной инфекцией, которой заразился, возможно, обследуя большой цапельник на болоте в пойме Дона. Не было физических сил даже на встречу с однокурсниками, отмечавшими тогда наш юбилей после окончания РГУ. Но затем неотложные служебные дела заставили меня уехать в Теберду, где проходили летнюю практику по зоологии студенты Пединститута. И в первый же день, чтобы не тратить время, пока у меня еще не начались занятия, невзирая на недуг, я налегке, с посошком, отправился в ущелье Джемагата на перевал Эпчик. Тоже был жаркий солнечный день, трудный, крутой подъем, напряжение мышц, пот на спине. Лишь к вечеру удалось взобраться под перевальный гребень, но дальше уже не было ни времени, ни сил. Однако вернувшись ночью в лагерь, я и в этот раз сразу же забыл о вчерашней тяжкой хвори!

Вспомнились строки: лечит ли время?

Время не лечит. Лечит не Время.
Это лишь памяти тяжкое бремя…
Лечат поездки и новые люди.
Лечит работа и трудные будни!

Да, время лечит, но только душевные раны. А вот физические недуги может вылечить только долгая дорога, напряженная работа, горы! И примеров тому немало. Да и нервные расстройства лучше всё же врачевать, наверное, тоже наедине с горами, в дороге, в работе…

* * *

В июне и августе я еще дважды приезжал в Кисловодск и тогда, как говорится, уже отвел душу в горах. Три недели, три самостоятельных многодневных похода с тяжелым рюкзаком позволили теперь вплотную познакомиться и с самим Скалистым хребтом, и с Северо-Юрской депрессией под его куэстами, и с необычным высокогорным плато Бичесын, о котором я был наслышан еще от своего кумира С.Н. Варшавского. В июне знакомым майским маршрутом вдоль Подкумка я быстро поднялся на перевал Гумбаши, а затем по дороге через Бичесын вышел к куэсте Гудгоры, где переночевал под кольцеобразной скалой-останцом Тешик-Таш (т.е. Дырка-камень по карачаевски), спрятавшись там в этой «дырке» от дождя. На следующий день удалось добраться до красивой базальтовой горы Мамычар – Медвежонок по карачаевски, поднимавшейся в верховьях ущелья Эшкакона, где я вновь попал под обложные дожди и туманы, и оттуда потом пришлось долго спускаться вниз по дикому, лесистому ущелью.

В августе же В.А. Тельпов сначала отвез меня на Кичмалку, откуда я пешком добирался до вершины Бермамыта, а затем долго спускался вниз по ущелью Хасаута. После этого из Кисловодска я отправился в абазинское село Красный Восток, поднялся оттуда в самые верховья Кумы и вдоль длинной, красивой Маринской куэсты прошел до перевала Гумбаши и дальше вниз по уже знакомому ущелью Подкумка…

В июне вновь была непогода. Мощные, страшные грозовые тучи, которые ежедневно спускали на Бичесын с Эльбруса свои широкие темные крылья после полудня, густейшие туманы, не позволявшие даже ориентироваться в горах, обложные дожди, когда приходилось иногда целыми днями лежать в мокрой палатке, поначалу заставили меня даже разочароваться в «солнечном» курорте Кисловодске. Но затем август подарил замечательную погоду, множество красивейших горных пейза-

жей, восходы и закаты у костра, встречи с пастухами-карачаевцами, массу интереснейших наблюдений над птицами Приэльбрусья.

Эльбрусская гроза над Бичесыном: вдали на западе куэста горы Гумбаши.

Маринская куэста с обвальными террасами.

Эти походы позволили мне запланировать на следующий год уже специальную программу исследований фауны Скалистого хребта, удачно совпавшую с работами по инвентаризации и мониторингу Ключевых орнитологических территорий Кавказа, начатыми тогда Союзом охраны птиц России. И всё лето 2006 года прошло в пеших маршрутах по горам Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, где располагались наиболее богатые в фаунистическом плане и, наверное, самые интересные районы Северного Кавказа.

К тому же благодаря помощи В.А. Тельпова мне удалось найти в Кисловодске удобную базу для проведения летних полевых практик по ботанике и зоологии. И в июне-июле 2005 и 2006 годов мы много экскурсировали в окрестностях этого города также со студентами, обследуя ущелья Аликоновки, Березовой, Ольховой и других рек, стекавших со Скалистого хребта, склоны не менее интересного Мелового хребта – Джинал и Боргустан, протянувшиеся с востока на запад к северу от Кисловодска, а также парки самого города-курорта.

Позже мне пришлось еще несколько раз возвращаться в горы у Кисловодска – для мониторинга и изучения первой колонии черных грифов, найденной в 2006 году в глухом ущелье Малки, для сбора материалов по генетике кавказской популяции малых подорликов, для поиска гнездовий исчезающего балобана, а также в других целях.

Особенно памятным оказался наш десятидневный маршрут через плато Бичесын, пройденный в июне 2007 года вместе с Валерием Малышком – орнитологом-любителем из Украины. Он неожиданно приехал ко мне в Ростов из Шостки, с моей родины, с просьбой показать ему наш Кавказ, его редких птиц: грифов, карагушей, подорликов и др. К тому времени Валерий уже был известен как весьма активный на-

туралист, много путешествовавший в поисках интересных птиц и их гнезд по России от Мурманска до Камчатки и от Калмыкии до Приморья, а также по Казахстану, Средней Азии и другим регионам. К тому же Валерий обладал недюжинной силой, как говорится – косая сажень в плечах, и мог физически помочь в тяжелом горном походе, в осмотре уже труднодоступных тогда для меня гнезд на высоких деревьях, на которые он легко взбирался, как медвежонок.

Я нашел Валерию палатку, ватник, что-то из походного снаряжения, и мы выехали в Кисловодск к В.А. Тельпову. Оттуда добрались до перевала Гумбаши, а дальше – пешком по обширнейшему, практически безлюдному тогда субальпийскому плато: сначала на юг к Кубани, а затем обратно на север, заодно обследуя лесистые ущелья Кубани, Худеса, Хасаута и Малки, окружающие Бичесын. И тут я заметил первые странности. На перевале Валерий докурил последнюю сигарету и выбросил пустую пачку «Примы», сказав, что решил бросать курить. Однако вскоре начались визиты ко всем пастухам, у которых он выпрашивал сигареты. Используя любой предлог, он старался завернуть к показанным на карте полузаброшенным поселкам в надежде найти там какой-нибудь магазин и купить курево.

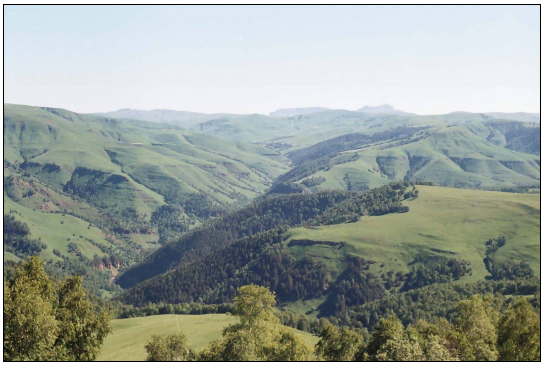
Из продуктов в рюкзаке у Валерия оказалась только коробка с сухим детским питанием, которое он разводил в холодной воде и пил на завтрак, обед и ужин. Ни котелком, ни чаем, ни сахаром он не пользовался, не говоря уже о крупах, тушенке и пр. Этот «ликбез» пришлось проводить уже на ходу. И оставалось только удивляться, как он раньше выдерживал на таком питании тяжелейшие маршруты по тайге, в горах Камчатки, пустынях Средней Азии и др.

В верховьях Худеса, когда мы поднялись уже почти к самому подножию Эльбруса и ежедневно принимали холодные грозовые души, а однажды нас накрыла там даже июньская метель, Валерий стал жаловаться на своё здоровье. Как оказалось, ему нельзя было застывать, мочить ноги в росе, в холодных ручьях и реках. И на одной из ночевок в брошенной кошаре он нашел дырявые кирзовые сапоги, которые первое время спасали его от росы. Но дальше, переправляясь через небольшую речушку, вздувшуюся после прошедшего дождя, Валерий долго бегал вдоль берега, примериваясь, где же ее можно перепрыгнуть, пока не угодил в яму чуть ли не по пояс. Хотя этот мутный ручей, как потом оказалось, можно было легко перейти по тропе вброд – чуть выше щиколотки.

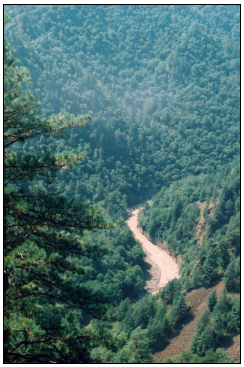
Когда мы пересекли, наконец, безлесное, дождливое плато и спустились в ущелье Хасаута к турбазе «Долина Нарзанов», согрелись там в недавно построенном деревянном домике-приюте для туристов,

передохнули и плотно пообедали в лесу у костра, Валерий немного приободрился. Оставался еще лишь один переход до Малки, где в сосняках на скалах гнездились грифы, и разговор шел в основном о них. Но чуть ниже приюта дорога закончилась, дальше пошла узкая тропа, а вскоре и она оборвалась у очередного брода через Хасаут. И тут Валерий взбунтовался. Он категорически отказывался еще раз лезть в холодную воду, предлагал вернуться в Долину Нарзанов и ехать оттуда к Малке вкруговую, на попутных машинах, хотя до нее оставалась всего-то пара километров по прямой.

Нам пришлось здесь расстаться, и затем я еще несколько дней сам пробирался по дикому, глухому ущелью Малки, по весьма трудным и опасным, давно заброшенным горным тропам, уже не надеясь на помощь друга у скальных бастионов. Хотя тот злосчастный брод на Хасауте оказался предпоследним, а дальше меня поливали уже только теплые дожди сверху.



Верховья Худеса. Вдали за Бичесыном видны Большой и Малый Бермамыт.



Ущелье реки Малки с высоты полёта чёрного грифа.

Но тот брод имел и свои более отдаленные последствия. Через год, в начале мая 2008 года, мы вновь оказались в Долине Нарзанов, но уже с украинскими орнитологами-профессионалами Виталием Ветровым и Юрием Милобогом, специально приехавшими на Кавказ в поисках хищных птиц. Нас приютили тогда на ночь на своем кордоне егеря местного Кабардино-Балкарского охотхозяйства, пообещавшие показать также гнездо грифа на сосне где-то на скалах в устье Хасаута.

Наутро, после завтрака, мы стали собираться в путь к этому гнезду. Но высоко в горах в мае лежало еще довольно много снега, шло его бурное таяние, и весенняя речка была грозной, не в пример июньской. Поэтому добраться до грифов пешком, пока на Хасауте еще не прошел

холодный весенний паводок, было крайне сложно из-за глубоких бродов. Поскольку на кордоне оказались всего две лошади, на которых можно было проехать вниз по Хасауту, украинские коллеги остались «дома», для меня же заседлали пожилую, покладистую лошадь, а на другой, без седла, охлюпцем, должен был ехать молодой егерь-балкарец. Насколько я знаю, это для горцев – обычная практика, и езда верхом без седла не вызывает у них особых проблем. А вот в седле…

И как только мы углубились по тропе в лес, сучковатые древесные ветви сразу же стали настойчиво цепляться за руки, за плечи, за голову, так что я едва успевал уворачиваться от их жарких объятий. А для ног и коленок еще болезненней были тиски деревьев, когда лошадь на узкой тропе раз за разом проходила рядом с их крепкими стволами. Вскоре мы благополучно миновали первый и второй брод, а перед третьим моя старушка заупрямилась, ни в какую не желая вступать в бешено бурлившую у копыт воду.

Егерь, ехавший впереди, вернулся назад и, стоя на другом берегу, вместе со мной долго понукал упрямую кобылу, но всё было напрасно. Тогда парень решил взять ее под уздцы, вновь направил свою лошадь через брод, и вдруг посреди речки его конь неожиданно споткнулся, оступившись на камне. Егерь, сидевший верхом без седла и стремян, вмиг с головой ушел под воду. Хорошо, что он по привычке крепко намотал поводья себе на руку и благодаря им удержался под конем, не был унесен бурным потоком вниз на грохочущие пороги, а затем лошадь вскочила на ноги и, рванувшись вперед, вытащила парня из реки.

Плато Бичесын: 05.05.2008. Вдали платообразная вершина г. Кинжал.

Долина Нарзанов: 06.05.2008. После купания в Хасауте.

О грифах тогда пришлось забыть. Мы быстро вернулись на кордон; мокрого, посиневшего от холода егеря переодели в сухую одежду, переобули, налили стакан водки «для сугрева», и он, преступив законы Корана, залпом проглотил это подручное лекарство. Вскоре синева на его щеках побледнела, вновь заблестели глаза, и мы, сфотографировав-

шись на память, уже со спокойной совестью смогли загружаться в свой джип и продолжать прерванный экспедиционный маршрут в поисках новых, ожидавших нас впереди приключений.

Осмотрев еще раз Хасаут и перевалив через Скалистый хребет по весьма крутой, каменистой дороге «Восьмерке», днем мы спустились к берегу Кичмалки, где решили передохнуть, пообедать и перед Кисловодском смыть с машины всю грязь, собранную в предыдущий день на заснеженном Бичесыне. И тут вдруг обнаружилось, что на украинском вездеходе пропал бортовой номер. Где, когда и почему он отвалился – было неясно, возвращаться назад и искать его по дороге – шансы тоже были невелики. И мы помчались в Луганск без этого номера – наудачу, мимо Ставрополя, Элисты, Волгограда, объезжая по грунтовкам посты ГАИ, но зато собирая в полях и степях очень интересные материалы о птицах Предкавказья и Поволжья. Однако все многочисленные приключения этого степного вояжа – уже за пределами данного повествования…

* * *

В июле 2007 года мы еще раз приехали к В.А. Тельпову, у которого тогда собралась большая экспедиция: из Ростова, Москвы, Волгограда и Таллинна. Работая в окрестностях Кисловодска в 2005-2006 годах, я обнаружил там довольно плотную популяцию малого подорлика, изучением которого специально занимался эстонский орнитолог Уло Вяли. И во время встречи на одной из конференций мы договорились с ним о проведении совместных исследований у Кисловодска по учету численности, изучению экологии и сбору материалов для выяснения генетических особенностей обособленной кавказской популяции этого вида.

По моей предварительной оценке в ущелье р. Аликоновки и по соседним балкам у Кисловодска могло гнездиться не менее 5-10 пар малых подорликов. Два их гнезда я нашел летом 2006 и весной 2007 года, но еще предстояли поиски остальных гнездовий, скрытых где-то в густых лесах по склонам балок и речных долин. В июле в этих гнездах должны были находиться уже подросшие птенцы, которых активно кормили взрослые птицы, и по их поведению, по полетам с кормом можно было вычислить расположение гнездовых участков и выследить сами гнезда.

Я пригласил с собой также своих студентов из РГПУ – Игоря Бабкина, который зарекомендовал себя в наших предыдущих экспедициях превосходным полевиком, хорошо знавшим хищных птиц, умевшим разыскивать их гнезда, а также Светлану Меткалову, которая могла бы помочь в обустройстве лагерной жизни. Виктор Андреевич помог нам добраться со всем лагерным снаряжением до Аликоновки, где мы и

укрылись на большой поляне среди леса в устье боковой балки, в стороне от людной туристской тропы, шедшей вверх к Медовым водопадам. У берега ручья соорудили кострище и кухню, на поляне студенты сделали баню, а вокруг поставили пестрый палаточный табор.

Уже в первые дни работы мы разыскали на Аликоновке большую часть гнездовий подорликов, почти выполнив намеченный планминимум по сбору генетического материала от их птенцов. Ула Вяли с Игорем продолжили затем поиски остальных гнезд, а мы занялись обследованием ущелья Аликоновки и ее притоков, где концентрировалось необычайно много хищных птиц. Здесь гнездились сапсаны и пустельги, беркуты и карагуши, канюки и змееяды, перепелятники и тетеревятники, бородачи и стервятники, а недавно появились и колонии сипов, не говоря уже о множестве других лесных, скальных, околоводных и даже степных птиц, обитавших на обширных лугово-степных пастбищах по плоским межбалочным увалам пологого северного склона Скалистого хребта, постепенно повышавшегося к югу.

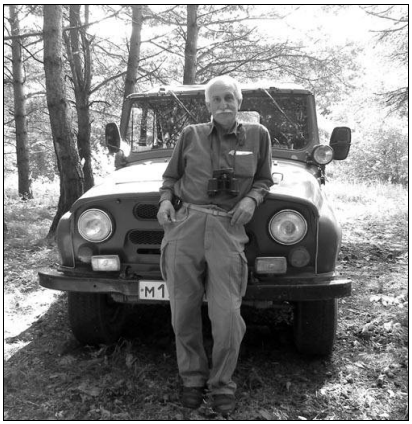
Наша работа уже подходила к концу, когда к нам в гости на поляну заявились молодые местные джигиты на лошадях. Позже они еще раз приехали сюда днем, когда мы разошлись по своим маршрутам, а в лагере на дежурстве осталась одна Светлана. Джигиты разузнали из разговоров с нею, чем мы здесь занимаемся, кто где разместился. И следующим вечером, когда мы собрались в сумерках у костра, кто-то тайком забрался в наш лагерь и вытащил из палатки рюкзак с вещами, а также мою полевую сумку с документами, деньгами, биноклем, навигатором и др. Хорошо что мы вовремя спохватились и не позволили «вычистить» остальные палатки, особенно жилище иностранца Ула Вяли.

Кострище на Аликоновке.

Сооружение походной бани.

Поиски грабителей в темноте результатов не дали. Мы с Игорем прошли по тропе вдоль ручья около километра, но ориентироваться в лесу даже с фонариками было трудно, а спрятаться там можно было за любым кустом, тем более хорошо зная эту местность. Удалось подобрать лишь фотоаппарат и кинокамеру, вывалившиеся из расстегнутого клапана рюкзака, когда воры убегали из лагеря.

Через несколько часов, когда мы, уже пережив первый шок, обсудив это происшествие, разошлись до утра по своим палаткам, к нам вновь нагрянули наши знакомые джигиты на лошадях и, узнав о грабеже, стали предлагать даже свою помощь в поисках воров, хотя было совершенно ясно, что это именно они и «похозяйничали» в лагере. Но понимая, что «не пойман – не вор», а искать воров даже с помощью местной полиции нам будет крайне сложно, я лишь высказал им, что главное для нас сейчас – найти хотя бы документы, иначе мы не сможем даже уехать из Кисловодска домой. И утром, встав на рассвете и еще раз обследуя окрестности, я вскоре обнаружил свою полевую сумку с паспортами, дневниками и другими документами в ручье у тропы недалеко от нашего лагеря.



Виктор Андреевич Тельпов.

В Кисловодске после экспедиции.

С деньгами нам немного помог Уло Вяли, сэкономивший часть своих командировочных ресурсов в нашей «домашней», калорийной кухне у костра, а также Ксения Любимова, которая привезла мне из Москвы финансирование СОПР, предназначенное для продолжения мониторинга кавказских КОТР. Благодаря этой помощи нам удалось купить новый рюкзак и другие необходимые вещи, В.А. Тельпов предоставил мне свой запасной бинокль, и после завершения работ у Кисловодска

мы продолжили экспедиционные работы в Приэльбрусье и на Скалистом хребте в Кабардино-Балкарии.

* * *

Следует сказать, что за все годы моих путешествий по горному Карачаю это был единственный случай, когда хозяева-горцы так негостеприимно обошлись с гостями. Хотя в те тяжелые годы «перестройки» в России, когда в горах было крайне трудно выживать без работы и денег, некоторые местные «товарищи» стали заниматься грабежом туристов, о чем ходило немало разговоров и даже публикаций в прессе. Однако у меня осталось, наоборот, очень много добрых воспоминаний о простых горцах-пастухах, которые спасали меня от дождей и гроз, делились своим кровом, наделяли в дорогу куском хлеба, сыра, мяса.

Помню, как в первую свою поездку в горы в 2004 году случайно встреченный на дороге кубанский милиционер, очень не вовремя прервавший мой маршрут вдоль Лабы, а затем предложивший подвезти до станицы Ахметовской, дружески предостерегал не особенно доверять карачаевцам. Но именно следующая встреча с ними – уже в долине Урупа – показала их необычайное гостеприимство. Карачаевец, ехавший в горы, сам остановил машину и подобрал меня, шагавшего с тяжелым рюкзаком за плечами, а затем устроил на несколько дней на своей кошаре, уезжая назад в село.

Позже, спускаясь как-то со Скалистого хребта в верховьях Кумы, я целый день пробирался по глухому, заросшему лесом и лишенному дорог и троп ущелью, а в узком каньоне среди высоких скал мне пришлось несколько километров брести прямо по воде, по руслу реки. Выбравшись к вечеру, наконец, в обширную сухую котловину выше села Красный Восток, я обнаружил голые, вытоптанные овцами каменистые склоны, обрамленные полуразрушенными скальными стенами, где фактически негде было даже спрятать свою палатку. Место же это было очень интересно в фаунистическом плане, тем более что здесь в середине XX века проводил исследования и учеты птиц известный зоолог из Ставрополя С.К. Даль. И мне хотелось поближе познакомиться с этим районом, посмотреть, что же изменилось там в фауне за прошедшее время.

Я долго переходил с места на место, выбирая укрытие для палатки и ожидая, когда же начнет смеркаться, пока поблизости не показалась отара овец. И пастух – молодой парень – сам подошел ко мне и предложил переночевать у него в доме. Перспектива холодной ночевки без костра, после двухчасового холодного моциона в Куме, не особенно привлекала меня. Поэтому пришлось любезно принять приглашение, и когда я пришел позже в село к этому, как оказалось – безработному

абазинцу Артуру Айсанову, на содержании у которого были жена и еще двое малых детишек, то был поражен необычайной чистотой его небольшого подворья, аккуратностью горниц в тусклом, приземистом доме, щедростью деревенского стола…

Однажды на плоской, безводной вершине горы Большé близ станицы Сторожевой пастух-карачаевец более километра догонял меня по дороге, петлявшей по степному плато над куэстой, чтобы отдать свою запасенную на день бутылку айрана, которую не догадался сразу предложить мне при встрече, когда я спросил у него, где здесь можно напиться, найти воду? К некоторым пастухам в их домики, например, на горе Бермамыт мне приходилось возвращаться в разные годы по несколько раз, и всегда я встречал там самое дружеское отношение с их стороны. Нередко пастухи сами настойчиво приглашали к себе за стол – попить чаю, пригубить праздничную рюмку, попробовать айран или свежий бешбармак.

Абазинцы Айсановы у своего дома.

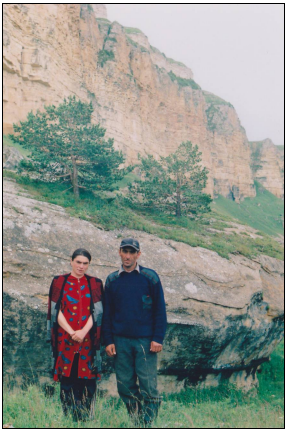
Чабаны-карачаевцы на горе Бермамыт.

Весьма неожиданным и приятным было знакомство с Мариной и Зауром Лепшоковыми, жившими летом в небольшой каменной хижине на коше под Маринской куэстой Скалистого хребта близ Карачаевска, а на зиму спускавшимися вниз, домой, в своё село Нижнюю Мару. Когда-то здесь в глухом ущелье реки Мары, по рассказам старожилов, горцы укрывались от кровной мести, иногда прятались разбойники, различные беглецы. Сейчас же вдоль оживленной автотрассы Кисловодск – Карачаевск, построенной в годы Великой Отечественной войны рвавшимися на Кавказ немцами, протянулись два больших села – Нижняя и Верхняя Мара. Их жители пасли скот в основном на субальпийских лугах Бичесына, на Скалистом хребте и под его куэстами – на высоких, древних обвальных террасах, покрытых луговыми травами.

На кошару к Лепшоковым я случайно зашел вечером, спасаясь от очередной большой грозы, надвигавшейся с Бичесына, со стороны Эль-

бруса. В разговоре за ужином выяснилось, что Марина работала учителем в местной школе, хорошо знала русский язык и литературу, историю родного края. И самое удивительное – она оказалась связана дальними узами родства с графской фамилией Шереметевых, сохранив в своем доме даже какие-то древние семейные реликвии этого рода. Потом мы еще долго переписывались с Мариной, я пересылал ей свои книги о природе для занятий с детьми в школе. Через пару лет, заехав в Мару, я надеялся еще раз увидеть эту удивительную женщину, но, к сожалению, тогда мы не застали ее дома.

Маринская куэста сверху.



Марина и Заур Лепшоковы под куэстой Скалистого хребта.

* * *

Все эти многочисленные походы и поездки в окрестностях Кавказских Кислых Вод позволили мне не только познать фауну Приэльбрусья, но и разобраться в особенностях природы этого необычного региона, в закономерностях формирования его своеобразных ландшафтов.

Когда-то давным-давно, еще в конце Мезозойской эры, в результате столкновения Африканской и Восточно-Европейской континентальных платформ, среди океана Тетис на месте будущего Большого Кавказа образовалась цепочка вулканических островов – что-то вроде нынешних Курил на Тихом океане. Затем этот архипелаг постепенно объединился в большой остров типа Японии, названный геологами Яфетидой в честь потомков библейского Иафета – одного из трёх сыновей Ноя.

Продолжая подниматься ввысь, Кавказские горы соединились, в конце концов, с соседними континентами, оказавшись зажатыми между

ними в виде обширной горной страны. Движения континентов при этом замедлились, вулканы – Эльбрус, Казбек, Кюген-Кая, Кум-Тюбе и др. – остыли, однако из-под них местами еще до сих пор бьют горячие нарзанные «гейзеры». И всё еще продолжаются на Кавказе периодические подвижки прочных кристаллических платформ, вызывающие при трении друг о друга сейсмическую вибрацию, а временами – то более, то менее сильные землетрясения.

А Сарматское море, раскинувшееся между Яфетидой и Евразийским континентом, в течение многих миллионов лет заполнялось океаническими осадками из извести, песка, мела и глины. Это море постепенно мелело, пока, наконец, окаменевшие осадки, скопившиеся на его дне, не поднялись на дневную поверхность в виде прочного, слоистого чехла, покрывавшего древние вулканические породы – граниты, базальты и т.п. Но поднявшись над морем, осадочный чехол стал быстро размываться дождями, реками и ручьями, а затем и ледниками – более интенсивно на дождливом западе и медленнее – на сухом Восточном Кавказе.

Первым был смыт верхний, еще не успевший окаменеть глинистый слой, который сохранился лишь местами в предгорьях в виде череды невысоких пологих гряд. Затем начали разрушаться более прочные меловые осадки, подстилавшиеся рыхлыми песчаниками. И эти два слоистых яруса из мелов и песчаников очень хорошо выражены сейчас именно в районе Кисловодска на хребтах Боргустан и Джинал, обрывающихся на юг высокими, крутыми куэстами и интенсивно выветривающихся в настоящее время. Здесь в толще песчаников повсеместно видны следы эрозии, в том числе различные ниши, гроты и отверстия, вымытые водой и выдутые ветрами.

Следующие осадочные слои из известняков и доломитов, лежащие под мелами, оказались более прочными, и их разрушение идет значительно медленнее. Толстые пласты известняков, пропиленные речными потоками, текущими в узких каньонах, полого поднимаются вверх в направлении Кавказского водораздела. Однако там, у подножия вулканических горных цепей, известняковые плиты были разломаны на куски рвавшейся из глубины магмой. И если в районе Пятигорска магматические потоки не смогли пробиться на поверхность земли через толстый осадочный чехол, застыв в жерлах несостоявшихся вулканов в виде высоких, крутых вспучиваний-лакколитов, то ближе к Эльбрусу, в частности, в верховьях Подкумка и Эшкакона, магматические дайки во многих местах вышли сейчас на дневную поверхность, образовав прочные базальтовые горы – Мамычар, Людмилу и др.

Дальше к югу, у северного подножия Эльбруса, потоки магмы

полностью разломали известняковый осадочный чехол, а обильные дожди, мощные реки и ледники в эпохи похолоданий снесли весь этот пролювий с гор, на большой площади обнажив прочные кристаллические породы и сформировав знаменитое плато Бичесын. В его центре возвышается и гора Бичесын, в переводе с карачаевского и балкарского означающая надгробие красавицы-княжны,

Кромка известнякового осадочного чехла в виде высоких куэст-эскарпов, протянувшихся на сотни километров вдоль подножия Бокового хребта, разрушается до сих пор, постепенно отступая на север. Здесь по-прежнему действуют атмосферные осадки, морозное выветривание и другие геологические факторы. Периодически огромные блоки известняка обваливаются в результате мощных землетрясений, образуя под куэстами высокие, крупноглыбовые обвальные террасы. Они хорошо выражены на Скалистом хребте во многих районах Северного Кавказа, свидетельствуя, очевидно, о каком-то грандиозном, разрушительном землетрясении, случившемся здесь много тысячелетий тому назад.

Огромное плато Бичесын, раскинувшееся в среднегорье на высоте 2000-2500 м н.у.м., имеет прохладный летний климат, волнистые, сравнительно пологие склоны и много пресных ручьев по неглубоким балкам, что оказалось весьма благоприятно для развития отгонного животноводства. И сюда, в Приэльбрусье, в течение многих тысячелетий пригоняли на лето свой скот – овец, коров, лошадей – местные народы: карачаевцы и балкарцы. И очевидно, что именно их длительная хозяйственная деятельность на Бичесыне привела здесь к почти полному исчезновению древесной растительности, использовавшейся на топливо, а также для сооружения кошей, кошар, хижин и др.

Но в конце XX века, когда пастбища на Бичесыне опустели, а затем здесь для приготовления пищи чабаны начали использовать природный газ, лес вновь стал постепенно подниматься из балок на прибалочные склоны. Однако на Бичесыне до сих пор абсолютно преобладают субальпийские луга, которые были освоены в разное время также рядом степных животных – степными гадюками, сусликами, карагушами, перепелами, жаворонками, чеканами, обитающими здесь буквально рядом с горными животными – турами и сернами, кавказскими тетеревами и уларами, беркутами, бородачами и сипами. Хотя после запустения пастбищ и развития на их месте густых, влажных высокотравных лугов, некоторые из степных видов вынуждены были покинуть Бичесын.

Пологие, плоские северные склоны Скалистого хребта – сырты, тянущиеся от Кисловодска почти до Бичесына, тоже оказались очень подходящими для пастбищного использования. Через них шли также

весенние и осенние перекочевки многотысячных отар и табунов с подгорных равнин на летние пастбища в прохладных среднегорьях Бичесына. Поэтому Скалистый хребет между Кубанью и Малкой вследствие его длительного пастбищного использования тоже почти полностью лишился лесов на северных склонах, а сохранившиеся здесь небольшие лесные массивы по балкам состоят в основном из быстрорастущих и быстро расселяющихся мелколиственных пород – березы, осины, ольхи и др.

К западу от Кубани, вплоть до р. Лабы, на Скалистом хребте карачаевцы тоже вели выпас скота, но менее интенсивный, чем в районе Бичесына, и поэтому там сохранилось больше лесов. А западнее Лабы, в Краснодарском крае, где скотоводство развито значительно слабее, Скалистый и Меловой хребты полностью покрыты широколиственными лесами. К востоку же от Малки крутые, изрезанные северные склоны Скалистого хребта менее пригодны для выпаса домашнего скота, и сейчас там в среднегорье тоже повсеместно распространены влажные широколиственные леса из дуба, бука, граба, липы и других пород, широкой полосой тянущиеся до Дагестана.

Таким образом, Кавказские Кислые Воды стали своеобразным проводником на юг, в высокогорья Приэльбрусья, различных элементов степной флоры и фауны. И, наоборот, через них по Скалистому и Меловому хребтам на север, на лакколиты Пятигорья, проникает ряд горных видов, в том числе бородач, белоголовый сип, сапсан, белобрюхий стриж и клушица из птиц, снежная и кустарниковая полёвки из млекопитающих (Верещагин, 1959).

Скалистый хребет на Центральном Кавказе играет также важную роль в формировании горно-степного пояса, хорошо развитого в сухом Дагестане на востоке Кавказа и узкой полосой протянувшегося вдоль куэст Скалистого хребта вплоть до Карачаево-Черкесии, а заканчивающегося у скал Мифаргута и Герпегема на р. Малой Лабе у посёлка Псебай в Краснодарском крае. Из Дагестана по Скалистому хребту далеко на запад расселяется также большая, своеобразная группа пустынно-горных склерофилов, экологически связанных с обрывами и скалами среди сухих пастбищ, на которых они обычно кормятся.

Аридные горно-степные ландшафты формируются в среднегорье под куэстами Скалистого хребта – в так называемой Северо-Юрской депрессии, которая тянется между Скалистым и Боковым хребтами, пересекая многочисленные долины крупных магистральных рек, стекающих с Главного и Бокового хребтов. Скалистый хребет является своеобразным экраном, барьером, перехватывающим влажные воздушные массы западных циклонов, идущих по равнинам Европы с Атлантики.

Эти циклоны оставляют часть своей влаги – туманы, дожди, снег – на наветренных северных склонах, а затем их влажный воздух, падая с высоких куэст вниз, сжимается и нагревается, высыхая при этом.

Поэтому в Северо-Юрской депрессии осадки выпадают реже, там больше солнечных дней, зачастую теплее, чем у подножия северных склонов Скалистого хребта, особенно зимой. Поэтому же в Северо-Юрской депрессии, в котловинах у рек, часто располагаются селения горцев и концентрируется много домашнего скота, особенно зимой, когда он спускается вниз с летних пастбищ, расположенных на субальпийских джайляу. А интенсивный выпас овец и коров ведет к уничтожению травостоя, что еще сильнее иссушает почву и приземный слой воздуха.

Однако в кризисные годы, когда численность населения и скота в горах резко сокращается, как это наблюдалось, например, в конце XX века, травостой на пастбищах восстанавливается, на заросших склонах лучше сохраняется влага, в высокой траве дольше держится утренняя и дождевая роса. Соответственно здесь увеличивается частота дождей, повышается общее количество летних осадков, что неоднократно отмечалось в начале XXI века и местными жителями, и мною.

Тем не менее, Кавказские Кислые Воды на северном склоне Скалистого хребта и Бичесын у подножия Эльбруса, как показали наши исследования, по-прежнему сохраняют свою биогеографическую специфику, свои особые растительные сообщества и фауну. Здесь происходит глубокое взаимопроникновение горных и степных видов животных, а также расширение ареалов пустынно-горных склерофилов далеко на север. И, наоборот, в горных степях между Кубанью и Малкой образуются широкие разрывы, дизъюнкции в ареалах некоторых требовательных, мезофильных лесных видов (Белик, 2013).

Горная Балкария

Первые воспоминания о Кабардино-Балкарии связаны у меня с нашей студенческой поездкой по Средней Азии, о которой рассказывалось ранее. Завершилась она, как помнит читатель, в городе Грозном. Но по пути из Баку в Грозный нам с Татьяной пришлось побывать еще и в Кабарде, на станции Прохладная. Дело в том, что, покупая в Баку билет до ближайшей станции, мы не учли того, что часть поездов, идущих в Ростов, минует Грозный, направляясь из Гудермеса до станции Прохладная по другой, северной ветке – через Моздок.

К тому же, забравшись в Баку в общий вагон пассажирского поезда и сбросив свой рюкзак на свободную полку, я выскочил на перрон за Татьяной. Но ее там почему-то не оказалось, и пока я бегал по вокза-

лу в ее поисках, наш поезд отправился в путь… И догонять его мне пришлось уже на следующем, скором поезде, на который меня, как отставшего пассажира, устроил дежурный по Бакинскому вокзалу. А Татьяна в Баку, как выяснилось позже, следом за мной незаметно зашла без билета в наш вагон и тихо пристроилась в первом же купе. И дальше она спокойно ехала там в общении с пассажирами, заодно охраняя мой рюкзак, лежавший на верхней полке.

На следующее утро, так и не догнав до Гудермеса «свой» поезд, я был вынужден дать на этой станции через дежурного по вокзалу телеграмму, чтобы мой багаж, т.е. рюкзак, сняли в Прохладной с поезда. Татьяна же, когда выяснилось, что поезд миновал стороной ее Грозный, и ей надо выходить в Прохладной, чтобы потом вернуться назад, стала при помощи попутчиков-пассажиров собирать наши рюкзаки на выход. Но тут на станции в вагоне появилась наша доблестная милиция и «конфисковала» у нее чужой, т.е. мой рюкзак – до встречи с его хозяином.

Когда, наконец, я добрался до Прохладной и встретился там с Татьяной, нам пришлось вдвоем идти в камеру хранения, объясняться и «выручать» свой багаж. Но в наших карманах к тому времени не осталось ни гроша – даже 15 копеек, чтобы оплатить его хранение. И какова же была наша радость, когда нам всё же пошли навстречу и отдали рюкзак, а затем, роясь в одном из его потайных карманов, я случайно обнаружил 25 рублей, спрятанных там, наверное, еще матушкой, когда она собирала своего блудного сына в дальний поход по Средней Азии…

Через несколько лет мне пришлось еще раз побывать в Кабардино-Балкарии, куда я специально ездил из Ростова за яйцом арктического кулика-хрустана, гнездо которого впервые на Кавказе летом 1972 года нашел в горах Балкарии мой друг Вячеслав Данченко. Но тогда я провел в Нальчике всего несколько вечерних часов и сразу же отправился оттуда домой, не оставив никаких впечатлений об этом стольном граде, хотя и в нем, как я узнал значительно позже, есть поистине замечательные места и удивительные природные уголки.

С горной же Балкарией я впервые познакомился в августе 2004 года, когда на летних каникулах рискнул сам, без помощников, отправиться с рюкзаком в высокогорья Приэльбрусья. Тогда мне удалось побывать в верховьях Баксана и Малки, а также посмотреть Баксанский каньон на Скалистом хребте. Эти три горных района Балкарии различались настолько, что выглядели как три совершенно разные страны, различающиеся и природой, и своей фауной. Особое впечатление осталось от Баксана – от его громадного, глубокого и тесного, необычайно крутого, лесистого ущелья на Боковом хребте.

Врезался в память его правый приток Адыр-су, т.е. «Дикая река»

на балкарском, начинавшийся хрустальным ручьем на просторных луговых джайляу под остроконечными ледниковыми пиками, у подножия которых в сосновом лесу приютились два альплагеря. А заканчивалась эта Дикая река мощным, бешеным потоком, прорывавшимся в устье через огромный скалистый «порог», на который туристов и автотранспорт поднимали в настоящем грузовом лифте-подъемнике. Запомнилось также солнечное, безмятежно спокойное пастбищное ущелье левого притока Баксана – реки Кыртык с ее многочисленными орлами, откуда через альпийский перевал Кыртык-Ауш (3242 м) я вышел к Малке в район высокогорного плато Бичесын. Но к теплым лечебным нарзанам Джалысу в самом верховье Малки у подножия Эльбруса я добрался тогда уже только к вечеру, когда горы затянули плотные низкие тучи, и ничего вокруг не было видно.

Застывший ледовый вулкан Эльбрус, высоко поднимавшийся над окружающими хребтами, днем обрастал, как обычно, огромными кучево-грозовыми облаками, которые затем расползались по ветру на десятки километров в стороны и до ночи закрывали все окрестные горы, поливая субальпийские пастбища Бичесына и громыхая над ущельями. И в тот вечер, найдя в густом тумане недалеко от дороги огромный валун на пологом склоне, я укрепил у его подножия свою маленькую палатку, заправил в котелке на утро «студенческую кашу» из гречки, залив пригоршню крупы студеной водой, и забрался в спальник.

Когда же на горы опустилась ночь, туман постепенно растаял, но на юге, в Грузии, еще долго бушевала гроза, и на фоне голубых вспышек молний раз за разом на мгновения проступал черный силуэт двуглавого Эльбруса, в полнеба закрывавшего, как ширмой, далекую Грузию. А затем стихла и гроза, над горами взошла Луна и осветила серебристым светом заснеженный купол Эльбруса, возвышавшегося над Бичесыном. Это была фантастическая картина: черные горы и скалы вокруг, далекий, белый шум реки, и фосфорическое сияние Минги-Тау под Луной…

Тихое, прохладное, безоблачное утро, яркое солнце на синем небе, и тот же величественный Эльбрус на юге. А на его гребне в бинокль была хорошо видна длинная, плотная шеренга альпинистов, которые медленно, равномерно, как на эскалаторе в метро, поднимались на фоне неба из седловины к западной вершине.

Обширное, холмистое плато Бичесын раскинулось на северо-западе за Малкой. Я планировал провести также еще и его обследование, а затем выйти в верховья Подкумка и оттуда – в Кисловодск. Но моста через Малку тогда еще не было, а перейти бурную реку вброд не удавалось. В поисках переправы я долго шел вниз по Малке, пока не

забрался в каньон, из которого лишь с большим трудом смог выбраться на отвесную скальную стену правого борта, а затем долго пробирался с тяжелым рюкзаком за плечами по узкому, острому, как нож, гребню, разделявшему ущелья двух соседних рек, выйдя днем, наконец, точно на место своей последней ночевки.

Вдали на севере виднелись высокие, отвесные куэсты горы Кинжал, или Кан-жол – кровавая дорога по балкарски. Где-то там – или на обширном плато на вершине столовой горы, или на холмах Бичесына у ее подножия – в 1708 году произошла знаменитая Канжальская битва, имевшая важнейшее значение в истории кабардинцев, балкарцев и осетин. Это было ночное сражение, в ходе которого конница горцев под предводительством князя Атажукина наголову разгромила пришедшее за данью огромное войско хана Каплан Гирея, состоявшее из крымских татар и турок. Отсюда, возможно, и название этой горы?

Скалистый Кинжал тоже манил меня к себе, но сил на далекий, трудный переход туда уже не оставалось. Пришлось на попутной машине вместе с балкарцами, две недели лечившимися в теплых купелях на Джалысу, спускаться в полузаброшенный горняцкий город Тырныауз, к Баксану, а затем – в теснину Баксанского каньона, который, как ворота, открывал путь из горной Балкарии в предгорную Кабарду.

Кабардино-Балкария населена двумя разными народами. Кабардинцы – фактически титульная нация этой республики – живут в предгорьях Центрального Кавказа и на подгорных равнинах по Малке, Баксану, Чегему, Череку, Тереку. Это потомки древнего народа – зикхов (зыгов), которые освоили западную половину Кавказа много тысячелетий тому назад и были известны еще древним грекам. О них, в частности, писал в своей «Истории» Геродот, а Страбон в «Географии» упоминал, что местность, населенная зыгами «почти повсюду лишена деревьев и очень гориста, составляя уже часть Кавказа». Из общего корня зикхов позже в разных районах выделилось несколько племенных объединений: адыги на западе, абхазы на юге, кабардинцы на востоке и черкесы, именем которых еще недавно называли иногда все эти народности, – в центре, в верховьях Кубани.

А балкарцы – потомки тюркских народов, пришедшие на Кавказ вместе с карачаевцами и ногайцами позже, в эпоху великих переселений восточных племён. Им достались менее плодородные земли в горах, где балкарцы освоили традиционный для тюрков образ жизни скотоводов, перейдя в глубине узких горных ущелий к оседлости в своих горных аулах. Аулы были разбросаны по речным долинам, преимущественно же в аридных котловинах Северо-Юрской депрессии под Скалистым хребтом, где зимы были менее суровые и снежные, и пастбища остава-

лись пригодными для круглогодичного выпаса овец и лошадей. В разных ущельях, частично изолированных друг от друга высокими хребтами, обособилось несколько балкарских племен: урусбиевцы – на Баксане, чегемцы – по Чегему, хуламцы и безенги – по Череку-Безенгийскому, собственно балкарцы – на Череке-Балкарском, или Восточном.

История балкарцев, в отличие от кабардинцев, весьма трагична. В годы Отечественной войны почти все балкарцы были выселены по наговору в Казахстан и Среднюю Азию, и горы Центрального Кавказа на десятилетие, с 1944 по 1956 год, практически полностью обезлюдели. Следы этого бесчестья сейчас видны в горах повсюду: на месте многих селений до сих пор лежат руины, груды развалин, оставшихся от каменных жилищ, сторожевых башен, склепов. От некоторых аулов сохранились лишь названия урочищ, например Актопрак на Чегеме, Хулам по Безенги и др. Пастбища в горах с исчезновением скотоводов стали быстро зарастать лесом, на глазах поглощающим заброшенные коши, развалины пастушьих хижин, каменные заборы. Сейчас совершенно заброшены в горах и поля, но во многих местах здесь до сих пор еще видны узкие зеленые терраски с кучами камней по межам, опоясывающие склоны гор, где когда-то сеяли ячмень, рожь, овёс.

Особенно пострадали, вероятно, селения в районе нынешней Верхней Балкарии на Восточном Череке. Когда-то там было около 20 небольших аулов: Зылги, Коспарты, Зарашки, Мухол, Шаурдат, Кюннюм, Чегет, Глашево, Курнаят и др., которые ютились на крутых каменистых склонах гор, тогда как плодородное днище речной долины и выположенные откосы использовались под поля и сенокосы. Сейчас же там – груды камней, могилы, обелиски с именами погибших женщин, стариков и детей. Большое село было воссоздано позже в долине Черека, вдоль которого оно протянулось более чем на 6 км, а прежние террасы на склонах местами засадили садами и огородами.

В Кабарде я практически не занимался орнитологическими исследованиями, и поэтому эту страну и ее народ знаю меньше. А вот в горной Балкарии после 2004 года мне пришлось провести несколько полевых сезонов, сначала обследуя Скалистый хребет, затем плато Бичесын и Малку, а в последние годы – изучая птиц Кабардино-Балкарского высокогорного заповедника. В итоге мне удалось поработать на склонах Эльбруса, побывать на многих перевалах, посмотреть древние ледники, пройти пешком ущелья всех основных рек Балкарии – Малки, Баксана, Чегема, обоих Череков, Сугана (Псыгансу) и Хазнидона – от их верховий до Скалистого хребта и выхода в предгорья. Исследуя горную орнитофауну, я попутно знакомился с ландшафтами Балкарии – пожалуй, самого интересного региона Северного Кавказа,

познавал историю и нынешнюю жизнь балкарцев – тоже одного из наиболее замечательных народов юга нашей России.

Множество встреч с горцами – с жителями отдаленных аулов, с пастухами в горах, с охотниками и охотоведами, с хозяевами турбаз и альплагерей. Дастарханы на склонах гор и берегах рек, застолья в домах, полуденные чаепития на пасеках, полуночные ужины в чёрных пастушьих хижинах… При этом необычная приветливость и доброжелательность, гостеприимство и уважительность, бескорыстие и порядочность горцев всегда вызывали только чувство благодарности и положительные эмоции. Еще в 2006 году, возвращаясь в середине августа в Кисловодск после длительной и довольно изнурительной экспедиции по сухому Скалистому хребту, я в приподнятом настроении шагал под жарким солнцем по пустынной дороге в степной долине и мысленно сочинял очерк для журнала о Балкарии и благородных балкарцах, о своих многочисленных впечатлениях, оставшихся после похода, о природе и птицах этих своеобразных гор.

Но тогда очерку не суждено было родиться. Спустившись в предгорья, я столкнулся с отвратительным случаем мародерства, который надолго отбил желание вспоминать необычайно интересную и результативную, но так неудачно завершившуюся экспедицию. Лишь спустя десяток лет, вновь забравшись в высокогорья Балкарии и подолгу общаясь там с коренными жителями, я понял, что то давнее, печальное приключение в Кабарде сейчас лишь еще более подчеркивает особенности характера и нравов настоящих горцев.

В связи с этим вспоминается один благородный случай, о котором рассказал Н.Я. Динник – наш знаменитый ставропольский нимврод-кавказовед, тоже исходивший с ружьем за плечами почти все ущелья Кавказа. В 1886 году, путешествуя в самых верховьях Черека-Балкарского, он поднимался на ледники Главного Кавказского хребта, и однажды вечером его застала там страшная буря, с грозой и ливнем. Заночевать пришлось в маленькой палатке, поставленной на полу среди пустой, полузаброшенной караулки – небольшой, дырявой хижины на высоте около 2500 м над уровнем моря. И, как писал Николай Яковлевич, «Ночью, во время нашего пребывания в караулке, произошло еще следующее обстоятельство. В самый разгар бури мы вдруг слышим за стеной караулки крик человека. Скорее всего можно было подумать, что это перекликаются какие-нибудь сванеты или имеретины, решившие воспользоваться такой темной и бурной ночью, чтобы угнать скот или напасть на караульщиков. Мы даже сочли нужным принять некоторые меры предосторожности. Минуты через две в дверях едва освещенной караулки показался человек огромного роста, закутанный башлыком и с

ружьем в руках. Только тогда, когда он заговорил с нами, мы узнали, что это Алаша Бейтулов, тот самый охотник, который обещал провести меня в ущелье Дых-су. Зная, что мы захватили с собою мало провизии, он, несмотря на ночное время и такую отчаянную погоду, явился к нам и принес ляшку тура. Нельзя было не удивляться его мужеству. Даже дикий зверь не станет бродить в такую страшную ночь!» (Динник, 1990, с.135).

Подобных историй можно вспомнить немало. Однажды летом 2006 года я сам поднимался на гору Кинжал со стороны Баксана, через долину Гюнделена, шагая с рюкзаком по длинной, пологой дороге, шедшей сначала по горнам степям, а затем по субальпийским лугам. Последние несколько километров проделал уже поздним вечером, в темноте, на попутной машине, шедшей на высокогорные пастбища из Гюнделена.

На вершине плато на дорогу в свет автомобильных фар вышел невысокий сухощавый старик-балкарец, пасший летом овец на джайляу. Горцы, водитель и пастух, минут 10-15 о чем-то говорили между собой на своем языке, затем машина развернулась и ушла назад, вниз, а мы остались в кромешной тьме вдвоем. Где-то внутри даже защемило чувство тревожной неизвестности…

Летний кош с маленькой каменной хижиной находился, как сказал мой новый знакомый Хусейн Етуев из Верхнего Куркужина, где-то недалеко в лощине у ручья в 50-100 м от нас. Но под тёмным звёздным небом, после ослепляющего света фар, ни коша, ни даже дороги к нему совершенно не было видно. Однако чабан, пригласив меня попить у него чаю, быстро побежал вперед, легко ориентируясь в темноте, а я, спотыкаясь о кочки, с трудом удерживая равновесие под тяжестью рюкзака, последовал за ним, медленно спускаясь вниз, на ощупь угадывая под ногами тропку.

Темный силуэт хижины возник впереди неожиданно. Затем внутри загорелась керосиновая лампа, осветив дверной проем. Наконец я смог сбросить свой тяжелый рюкзак на топчан, прикрытый сверху старым матрасом и каким-то тряпьем. В хижине едва умещались это спальное ложе, маленький квадратный стол у стены и табуретка с другой стороны. А напротив стола стояла чугунная буржуйка, окруженная кастрюлями, котлами и котелками, чайниками и другой закопченной кухонной утварью.

Через несколько минут в буржуйке запылали дрова, а еще через полчаса зашумел чайник, и за разговором началось полуночное чаепитие. Не ограничиваясь чаем, Хусейн вскоре достал с полки начатую бутылку, быстро оживившую диалог, а затем чабан вспомнил и о «деликатесе». Он снял с гвоздя большой кусок сухих бараньих рёбер,

неприметно висевших на темной стене у входа, напоминая внешним видом какой-то худой, ржавый колосник от древней печи, отделил ножом от него несколько ребристых долек, насадил их на железный прут и сунул в буржуйку на огонь.

Тут же на ребрах вздулись янтарные капельки жира и зашипели, падая в огонь. А по хижине стал расползаться непередаваемый аромат копчено-сушено-жареной баранины. Такой вкуснятины раньше я никогда еще не пробовал!

Баранина наконец-то принесла чувство насыщения, постепенно прошла тяжелая усталость в ногах и плечах. А разговор всё продолжался. Хусейна интересовало всё: и горы, и дикие туры, давняя история и современная судьба балкарцев, международные события, изменения климата на Земле и др. От него я впервые услышал об абреках, которые прятались во время Отечественной войны от отрядов НКВД в пещерах под куэстами Кинжала, а потом еще долго жили там после реабилитации балкарцев, не решаясь спуститься вниз, к людям.

Прерывать разговор хозяину никак не хотелось, уже началось «братание», и лишь далеко за полночь балкарец освободил мне топчан, а сам пошел на двор проверить овец…

Как обычно в походах, я встал на рассвете. Печка давно угасла, но в хижине на высоте 2800 м над уровнем моря еще теплилось тепло. Выбравшись наружу, я окунулся в кисейное молоко густейшего тумана – мохнатой тучи, окутавшей ночью вершину Кинжала. Были видны лишь овцы, еще дремавшие в кутане, да Хусейн, прикорнувший на земле у стены хижины под буркой. Ложе же в хижине в горах – только для почетного гостя! Мне стало даже неловко – и за неудобства, доставленные хозяину, и за вчерашние ночные страхи…

Но птицы уже проснулись. В тумане вокруг коша был слышен беспрерывный тревожный писк многочисленных горных коньков; из высоких бурьянов близ коша выпархивали потревоженные белозобые дрозды, издавая на лету характерный перестук кастаньет; здесь же у ручья тревожилась чечевица, запоздавшая в высокогорье с выводом птенцов, а у куэсты Кинжала с мягким журчащими трельками перелетали невидимые в тумане стайки альпийских галок…

Я отправился на вершину плато к дороге и долго ходил по ней взад-вперед вдоль обрыва куэсты, ожидая, когда взойдет солнце и растопит утренний туман. И как только Светило поднялось над горами, туман чуть посветлел, порозовел. Инфракрасные лучи, струившиеся сквозь тучи, быстро прогревали землю и воздух. И вот уже над головой появились голубоватые просветы, а вскоре исчезла, как тень, вся туманная кисея, и вдали на юге в небо вновь вознесся снежный купол Эльбруса.

Снизу ко мне поднялся Хусейн и пригласил к утреннему чаю. Продолжился прерванный ночью разговор, и балкарец чуть ли не со слезами на глазах стал уговаривать меня остаться еще хотя бы на один день. Но сфотографировавшись на прощание и собрав рюкзак, я был вынужден отправляться в дальнейший путь, так как впереди предстоял еще долгий маршрут на север вдоль куэсты Кинжала, а затем спуск по лесистому гребню Гедмыша вниз в ущелье Малки, к естественному каменному мосту – Таш-кюпюру, где я обнаружил тогда в сосняках на скалистых склонах ущелья первую на Северном Кавказе колонию черных грифов.

Ниже в балке я нашел потом теплый «душ» под небольшим водопадиком и долго отмывал там свои двухнедельные цыпки. Дальше тропа привела меня к скалам над бушующей Малкой, которые пришлось преодолевать по жутким «овринга́м» – узким, шатким мосткам, укрепленным на кольях, вбитых в отвесную скалу. Вскоре я вышел к аулу Хабаз, к нарзанным источникам ниже села, оттуда по дороге добрался до с. Каменномостское и дальше – в Кисловодск.

В походах я обычно всегда фотографировал своих новых знакомых, оставляя в дневниках их имена и адреса, а по возвращении домой печатал и рассылал им памятные фотографии. Правда, в ответ от них почти никогда ничего не приходило. Но это было вполне понятно и оправдано. Горцы жили в те годы в своих аулах достаточно скромно, да и не было особого времени на сантименты. Длительный выпас домашнего скота в горах вдали от родных стен; ручная заготовка сена на долгую зиму, отнимавшая чрезвычайно много сил и средств, поскольку работать часто приходилось на крутых горных склонах; хлопоты в садах и огородах при дворе… А женщины в аулах пряли шерсть и вязали толстые, теплые носки и свитера, готовили айран и сыры на зиму, пекли хычины и лакумы, а по праздникам варили сладковатую, пьянящую бузу…

Дастархан у с. Эльтюбю на Чегеме перед началом сенокоса.

Хусейн Етуев из с. Верхний Куркужин на пастбище у вершины горы Кинжал.

Свободное зимнее время часто посвящалось охоте. Охотились почти все мужчины-балкарцы. Охота давала им и какое-то подспорье в скудном семейном бюджете, и серьезную тренировку для поддержания хорошей физической формы. Последняя была очень важна для жизни и работы в горах, где требовалось много здоровья и сил при постоянных путешествиях по крутым склонам, при переправах через холодные, бурные реки. Меня нередко удивляла и восхищала способность балкарцев очень быстро и легко ходить по горам за отарами пасущихся овец. А на охоте в горах иногда случались и непредвиденные ситуации, когда нужно было принимать единственное верное решение, сообразуясь с собственным опытом.

Мой добрый друг из Верхней Балкарии Расул Туменов как-то рассказал о подобном «приключении» на охоте. Еще в детстве, охотясь в горах с отцом, он услышал от него наставление, что, спускаясь вниз по ущелью р. Гюльчи, ни в коем случае нельзя сворачивать на одну из троп, идущую вдоль реки и всегда казавшуюся прямой и хорошо утоптанной. Но уже значительно позже, когда Расул один возвращался однажды с охоты с добытым на хребте туром, тяжесть ноши и желание побыстрее спуститься вниз заставили его ослушаться того отцовского предупреждения. Удобная тропа манила к себе, и Расул решил сам проверить, почему всё же нельзя идти по ней домой, к Череку.

Охотник начал спуск вниз с тяжелым рюкзаком и ружьем за плечами. Но за одним из поворотов тропа внезапно оборвалась над отвесной скалой, под которой по камням неслась бурная, своенравная речка. Возвращаться назад, подниматься по крутой тропе вверх, к хребту с тяжелой ношей не было времени и сил. Не было и дороги вниз. Для диких туров, наверное, эта скала не представляла особых проблем, и они за многие годы протоптали по ущелью тропу, ежедневно спускаясь к солонцу близ устья Гюльчи. А перед Расулом встал выбор: что делать дальше?

В конце концов, он бросил вниз в реку свою шапку, чтобы ее смогли потом заметить внизу и найти затем место гибели охотника. После шапки в воду полетели ружье и рюкзак с туром, и, наконец, в реку на камни прыгнул со скалы сам Расул.

Когда в горах Балкарии в 1976 году был создан Кабардино-Балкарский высокогорный заповедник, предназначенный, прежде всего, для охраны и изучения кавказских и дагестанских туров, граница ареалов которых проходит, по наблюдениям Н.Я. Динника, А.А. Насимовича и других исследователей, именно в верховьях двух Череков, Расул поступил на работу в заповедник инспектором-наблюдателем и стал

одним из его лучших следопытов, обойдя с учетами копытных все ущелья от Сугана до Безенги и Чегема.

В его дневниках, сохранившихся еще с 1980-х годов, содержится много интересных, важных научных фактов: о распространении и численности туров, медведей, волков, рыси, о сроках появления их детенышей, о находках медвежьих берлог в пещерах на Скалистом хребте, о времени зацветания разных растений, созревании их плодов, появлении первого снега в горах… Но самым любопытным для меня было увидеть в его дневнике руководство наблюдателю-естествоиспытателю, аккуратно выписанное когда-то из натуралистического журнала на обложку одной из общих тетрадей, служившей Расулу дневником.

Приведу здесь еще раз это наставление, которым руководствовались первые сотрудники заповедника, хотя кто-то из нынешних натуралистов, наверное, тоже читал его и, возможно, до сих пор помнит эти важнейшие правила настоящего исследователя.

1). Наблюдай всё, что есть вокруг тебя в природе.

2). Все свои наблюдения точно записывай, что возможно – зарисовывай.

3). При записи точно обозначай место, время и условия наблюдения.

4). Будь беспристрастен и правдив в описании наблюдений.

5). Отмечай только такие наблюдения, в правдивости которых не сомневаешься.

6). Не делай поспешных выводов и заключений из своих наблюдений, не проверив их многократным наблюдением и, если возможно, тщательно поставленным опытом.

(Журнал «Биология в школе», 1987, № 5).

В 70-80-е годы на работу в горные заповедники на юге России – Кавказский, Тебердинский, Кабардино-Балкарский и Северо-Осетинский – пришло много молодых, энергичных зоологов, в том числе орнитологи, которые заложили основы нынешней базы данных по фауне высокогорий Кавказа. В Кабардино-Балкарском заповеднике в 1985 году начал свою работу Евгений Вуккерт – выпускник КБГУ, незаурядный исследователь, собравший поистине уникальные сведения о хищных птицах Кабардино-Балкарии. Но, к сожалению, в 1989 году, когда начались экономические проблемы в нашей стране, он вынужден был расстаться с заповедником, покинуть Кабардино-Балкарию, и многие его материалы так и остались не опубликованы. Часть из них сохранялась в ежегодной Летописи природы заповедника, но со временем некоторые тома этой Летописи были утеряны, а с ними исчезли и данные Е.А. Вуккерта. Тем самым более чем на 25 лет был прерван научный мониторинг живой природы заповедных гор.

Горы Балкарии привлекали мое внимание к себе тоже, прежде всего, благодаря разнообразию и обилию хищных птиц. Особенно много их было на Скалистом хребте и в так называемой Северо-Юрской депрессии под куэстами Скалистого хребта – огромными, смотрящими на юг обрывами, сложенными слоистыми известняками Юрского периода. На этих куэстах находится множество пещер, гротов, глубоких ниш, больших и малых уступов, полок и карнизов, где устраивают свои недоступные гнезда беркуты, бородачи, сапсаны, пустельги, филины и другие склерофилы.

Здесь же на отвесных скалах, ориентированных на юго-восток навстречу восходящему солнцу, согревающему по утрам холодный ночной воздух, в ущельях Гюнделена-Тызыла, Баксана, Чегема и двух Череков располагаются самые крупные на Кавказе колониальные поселения белоголовых сипов, в которых гнездятся десятки пар этих своеобразных некрофагов. Лишь в более коротких, начинающихся на Боковом хребте ущельях Сугана (Псыгансу) и Хазнидона, где в небольших котловинах под куэстами нет жилых селений горцев и где зимой не содержится домашний скот, сипы не имеют достаточной кормовой базы и поэтому не устраивают своих колоний. В остальных же ущельях вокруг многочисленных сёл, располагающихся в Северо-Юрской депрессии, всю зиму и весну на прогреваемых ярким солнцем бесснежных склонах выпасают овец, лошадей и коров, и для некрофагов всегда есть возможность отыскать падаль, необходимую им в суровый зимний период, когда сипы приступают к размножению.

В начале лета большую часть скота из Северо-Юрской депрессии и предгорий горцы перегоняют на субальпийские пастбища в верховья ущелий, но сипы в поисках пищи легко поднимаются туда из колоний по ветру или с теплыми восходящими термиками. В солнечные же дни они набирают огромную высоту и с помощью очень острого зрения контролируют обширные территории, паря в небе над облаками. При обнаружении пищи, остающейся после волчьих или медвежьих охот в горах, десятки птиц по первому же сигналу слетаются туда из всех соседних ущелий, ориентируясь на поведение сипов, парящих поблизости.

Аридная Северо-Юрская депрессия в Приэльбрусье стала также колыбелью для эндемичного горного суслика, найденного там еще в 1829 году зоологом из Санкт-Петербурга Э.П. Менетрие (1832). Проникнув когда-то со степных равнин Предкавказья на плато Бичесын через невысокие безлесные хребты в верховьях Кумы и Малки, суслики в Приэльбрусье освоили горные степи и со временем обособились в отдельный вид, а затем начали расселяться по степям в Северо-Юрской депрессии на восток и запад. Сейчас восточная граница ареала сусликов

спустилась уже в бассейн Черека-Балкарского, достигнув в последние годы среднего течения его левого притока – р. Чайнашки. А вместе с сусликами в Приэльбрусье расселился и его основной консумент – орёл-карагуш, тоже сравнительно недавно проникший в горы из Предкавказья.

Условия для жизни карагуша в Приэльбрусье в последнее время сложились столь благоприятные, что его обилие в горах местами поднялось до предельных значений. Как-то в мае 2009 года мы с украинскими коллегами-орнитологами решили провести учет орлов в Северо-Юрской депрессии в междуречье Чегема и Баксана, и всего за один час, проделав по автодороге около 25 км, нашли 9 гнездовий карагуша. Еще 3 жилых гнезда орлов, известных мне по предыдущим экспедициям, красовались недалеко друг от друга на высоких металлических опорах ЛЭП в широкой долине Баксана возле с. Былым. Плотность населения карагуша составила тогда там, в среднем, 20 пар/100 км^2, а учитывая возможный пропуск еще трех предполагавшихся гнездовых участков, могла достигать даже 25 пар/100 км^2.

Ежегодно размножаясь в Приэльбрусье, карагуш постепенно увеличивает свою численность и расширяет ареал на запад и восток, даже опережая сусликов. Так, в 2017 году эти орлы были найдены уже в ущелье Черека-Балкарского, пара держалась в ущелье Хазнидона, а несколько раньше карагуши были отмечены даже в долине р. Урух в Северной Осетии, где о сусликах даже не ведают. На западе же орлы достигли р. Уруп в Карачаево-Черкесии, а коллеги из Краснодара недавно нашли их гнездо по Урупу также в предгорьях Краснодарского края.

Помимо карагуша, горные суслики обеспечивают «безбедную жизнь» также беркуту. Причем, обладая значительно более совершенным летательным аппаратом, чем карагуш, беркуты могут охотиться с раннего утра и до вечерних сумерек, даже в туман и слабый дождь, тогда как карагушу для парения необходимы устойчивые восходящие потоки теплого воздуха – термики. Поэтому плодовитость беркутов в Приэльбрусье, где обитает много сусликов, значительно выше, чем в других высокогорных районах Кавказа, – до 2-3, а по опросным данным даже до 4 птенцов в гнезде, примерно в два раза превосходя по этому показателю и карагуша.

Кроме того, беркуты в Приэльбрусье освоили также еще один особый охотничий приём, редко отмечающийся у карагуша и, вероятно, более эффективный при охоте на сусликов. Орлы, поднявшись в термиках на значительную высоту, быстро пикируют к гребню горы или к перевалу и дальше, набрав скорость, стремительно несутся на бреющем полете над самой землей вниз по ущелью – вдоль лощин и увалов. Неожиданно появляясь из-за камней или бугров над пасущимися суслика-

ми, они на лету цепляли зазевавшихся зверьков длинными когтистыми лапами.

Но интересно, что в некоторых лесистых районах Приэльбрусья, в частности в самых верховьях Кубани у аулов Учкулан и Хурзук в Карачаево-Черкесии, беркутов стали вытеснять значительно более мелкие и слабые ястреба-тетеревятники. И там на горностепных пастбищах в последние годы приходилось часто наблюдать карагушей, подорликов и ястребов, охотившихся летом на многочисленных сусликов, но в горах почти не осталось беркутов, обычных в Приэльбрусье, по наблюдениям С.Н. Варшавского, еще в 1970-е годы. Как оказалось, зимой, после залегания сусликов в спячку, размножившиеся в лесах тетеревятники переходят на традиционную для них охоту на птиц средних размеров – голубей, кекликов, тетеревов, клушиц, со временем почти уничтожив их в горах и тем самым резко сократив кормовую базу для оседлых беркутов. Карагуши же, а также подорлики, улетающие на зиму в Африку, не испытывают здесь таких проблем с кормом и летом мирятся с соседством ястребов.

На сусликов, прежде всего на суслят, появляющихся летом из нор, в Приэльбрусье охотятся и другие хищные птицы, в том числе канюки, пустельги и даже огромные бородачи. Интересно, что в конце XIX века бородач в горах Центрального Кавказа был чрезвычайно редок, и, например, Н.Я. Динник за многие годы путешествий встречал его здесь лишь несколько раз на Эльбрусе, у с. Безенги, в верховьях Черека-Балкарского и др. За последние же 30 лет численность бородача в горах Кабардино-Балкарии увеличилась примерно в два раза, достигнув нескольких десятков пар, что связано как с охраной этих редких хищных птиц, включенных во все Красные книги, так и с более эффективной охраной горных туров в созданном здесь заповеднике. Увеличение же популяции туров в Балкарии значительно улучшило кормовую базу для всех некрофагов, питающихся трупами зверей, остающихся в высокогорных ущельях после зимних лавин.

Летом же бородачи, лишь немного уступающие грифам и сипам в размерах, зачастую вынуждены довольствоваться в основном костными остатками крупных копытных, погибающих от волков, болезней и других причин. Первыми на их мясо претендуют огромные черные грифы, нагло расталкивающие локтями плотные толпы многочисленных сипов, быстро слетающихся на падаль; последним обычно достаются потроха и вся остальная требуха, а бородачи часто сидят в стороне от них, ожидая окончания их трапезы. И только после того, как эти трупояды разлетятся, приходит очередь бородачей. Нередко им остаются лишь кости и шкуры, и поэтому в горах часто можно видеть бородачей, летающих с костями в лапах над каменистыми осыпями. В пикировании они с

большой высоты бросают найденную добычу на камни, а затем собирают и поедают на земле осколки костей, чтобы переварить в желудке хрящи, сухожилья, костный мозг и др. Но однажды в горах Балкарии был найден молодой бородач, который не смог разбить крупную кость и погиб, подавившись ею.

От бородача же, вероятно, погиб когда-то известный древнегреческий драматург – великий трагик Эсхил, которому, по преданию, пролетавший мимо орел уронил на лысую голову черепаху, очевидно, приняв череп грека за камень. Несколько похожий случай однажды произошел в Балкарии и с нами. В апреле 2017 года мы приехали в урочище Уштулу в самом верховье Черека для проверки гнезда бородачей, которое было найдено там в узком каньоне еще в 1986 году Е.А. Вуккертом. Выйдя из машины, мы стали осматривать в бинокли склоны ущелья, как вдруг над головой раздался резкий, свистящий шум, и буквально в 3-5 метрах от нас на дорогу упал огромный кусок позвоночника яка, погибшего от волков и полностью ощипанного сипами. А в воздухе в 20-30 метрах над нами медленно кружились два бородача: старая, красивая охристая птица – повыше и темная, годовалая особь – пониже. Кто из них бросил кость – осталось неизвестно. Но явно, что они целились в машину, приняв ее, вероятно, за огромный камень. А может быть и в наши лысины?

Кроме хищных птиц, в Балкарии меня интересовали и другие высокогорные виды пернатых. Здесь, как известно, сосредоточен самый высокий в России горный узел. Помимо Эльбруса, в Балкарии расположены вершины еще шести гор – 5-тысячников: Дыхтау (5204 м), Коштантау (5152 м), Пик Пушкина (5033 м) и Мижирги (5025 м) – на Боковом хребте в междуречье Черека-Безенгийского и Черека-Балкарского, а также Шхара (5068 м) и Джангитау (5058 м) – на Главном Кавказском хребте в длинной череде острых пиков знаменитой Безенгийской стены на границе с Грузией, в верховьях Черека-Безенгийского.

Два величественных скально-ледовых гиганта – Дыхтау и Коштантау – по высоте лишь слегка уступают Эльбрусу (5642 м), однако в окружении других столь же высоких, крутых, остроконечных вершин альпийского типа они едва выделяются на фоне неба, но считаются у альпинистов одними из труднейших для высотных восхождений. Поэтому-то на вершину Дыхтау впервые удалось подняться лишь в 1888 году английским альпинистам, а на Коштантау они взошли, по-видимому, только в 1899 году. В тот же период была покорена и Шхара, замыкающая с востока легендарную Безенгийскую стену, с которой в долину Черека спускается один из крупнейших долинных ледников Кавказа.

А вот пологий снежно-ледовый купол Эльбруса был покорен еще

в 1829 году карачаевцем Киларом Хачировым – одним из проводников кавказской экспедиции Российской Академия наук, в которой принимал участие Э.П. Менетрие. Сейчас же на Эльбрус каждый год сравнительно легко поднимаются сотни и тысячи альпинистов, а балкарец Чокка Залиханов из баксанского аула Тегенекли совершил на его вершину даже 209 восхождений, последний раз взойдя на нее в 1968 году – в день своего 110-летия.

Не случайно поэтому в высокогорьях Балкарии сосредоточены самые многочисленные на Кавказе популяции типичных пернатых альпийцев, вернее гималайцев. Здесь среди скал обычен эндемик Северного Кавказа улар, на свежих каменных моренах и осыпях нередка альпийская завирушка, местами встречается краснобрюхая горихвостка, в скалах у ледников гнездится большая чечевица. Однако последний вид до сих пор остается одной из наименее изученных птиц Кавказа. И поэтому сюда, в Балкарию, в верховья Чегема и Безенги, в 1986 и 1988 годах из Ленинграда специально приезжал наш известный орнитолог В.М. Лоскот, который в поисках больших чечевиц провел в палатках среди гор более трех с половиной месяцев. Но эта птица попрежнему очень труднодоступна для изучения, и за всю историю исследований фауны Кавказа здесь удалось найти лишь два ее гнезда: в 1980 году в Северной Осетии и в 1988 году в Балкарии, но и за ними понаблюдать не удалось из-за их гибели.

В конце апреля 2017 года после снегопада в горах Балкарии значительные стаи кочующих больших чечевиц были встречены нами в горной степи под куэстами горы Мехтыген близ с. Верхняя Балкария. В связи с этим появились предположения о возможности обитания этого вида в альпийском поясе на северных склонах Мехтыгена и других вершин Скалистого хребта, превышающих 3000 м над уровнем моря, где местами сохранились хорошо выраженные ледниковые формы рельефа. В начале июля много этих чечевиц держалось также в верховьях ущелья р. Хазнидон на древних, заросших моренах в долине реки ниже ледника Хазны-чиран, где они гнездились, вероятно, в ледниковых цирках на голых, безжизненных скалах.

К сожалению, экспедиционные условия не всегда позволяют найти ответы на возникающие вопросы, подтвердить некоторые предположения и рабочие гипотезы, поскольку исследованиям часто мешает непогода, дожди, ветры, нередкие в горах туманы. Поэтому по-прежнему неуловимыми для меня остаются стенолазы, довольно обычные в среднегорьях зимой и весной, а летом скрывающиеся, возможно, где-то у ледников, где раньше их встречали другие исследователи. Кроме того, в высокогорьях Балкарии еще предстоят поиски гнездовий редчайшей

краснобрюхой горихвостки, стаями появляющейся откуда-то осенью в среднегорье, в облепишниках по долинам рек.

И хотелось бы надеяться, что всё это еще впереди…

Правда, это тривиальное, риторическое «впереди» с течением времени нередко теряется в бытовом тумане. Но здесь мне хотелось бы сказать еще несколько слов о настоящих туманах, серьезно затрудняющих работу, особенно в горах. В густом тумане, когда видимость ограничена всего 10-20 метрами, трудно ориентироваться, шагая даже по знакомой дороге вдоль реки в ущелье. А каково на вершинах?

Однажды мы с сыном взобрались с севера, со стороны р. Бугунжа, на гору Сундук (2199 м), возвышающуюся на хребте Малый Бамбак над Уруштеном, за которым начинался Кавказский заповедник. Подъем по крутому травянистому склону не составлял особых сложностей, хотя пóта было пролито немало. На вершине – широкая ровная поляна, покрытая субальпийским лугом, небо над головой и горные хребты вокруг. Но тут на нас налетела одна из белых, пушистых тучек, начавших сгущаться днем над вершинами, и мы оказались в густейшем тумане. Помню, шагая по тропе, я увидел какой-то высокий постамент, темневший в молочной кисее впереди. Почудилось, что до него еще шагать и шагать, но через несколько шагов, не успел я отвести взгляд, как постамент «исчез». Обнаружился же он вскоре уже позади нас. Это оказался тур, стоявший на вершине горы всего в нескольких метрах от тропы…

Тропа через десяток шагов оборвалась, и всё скрылось в тумане. Куда идти дальше – неясно. На картах была показана дорога, проходящая где-то рядом с горой, но в какой стороне она? Мы попытались идти вперед, однако вскоре оказались у крутого обрыва, уходившего куда-то далеко вниз. Поиски старой тропы тоже не давали результатов. Хорошо, что через какое-то время порыв ветра разорвал на мгновение пелену тумана, и в просвет мы действительно увидели широкую, хорошую дорогу, шедшую по субальпийскому лугу далеко внизу под горой.

Быстро начав спуск по крутому склону, через десяток минут мы вышли из облачного слоя, и перед нами вновь открылась широкая панорама гор и вожделенная дорога, шедшая у подножия Сундука по хребту на восток – к горе Шапка и дальше к реке Малая Лаба.

В другой раз, работая недалеко в Кавказском заповеднике, я оказался сам на гребне горы Джуга (2976 м), куда поднялся утром с Биостанции «Джуга» в поисках уларов. Студенты остались внизу у большого карового озера, окруженного цветущим, необычайно красочным субальпийским лугом, с большим снежником на противоположном склоне и стадом серн, пасшихся поблизости. А вдали у вершины свистели улары. Птицы кормились там среди камней и скал, переклика-

лись, когда из-за облаков выглядывало солнце, и я долго сидел, наблюдая в бинокль за ними, а также за турами, стадо которых держалось по соседству на скалах.

Эти два вида животных, улары и туры, в высокогорьях всегда соседствуют друг с другом. Зоркие птицы летом и зимой сторожат туров, предупреждая их своим звонким криком о появлении опасности, а туры копытят снег на горных склонах, облегчая уларам доступ к корму – к траве под снегом. Иногда среди охотников можно услышать также фантастические легенды, объясняющие сожительство этих животных. Так, грузинский царевич Вахушти Багратиони в своей «Географии Грузии» рассказывал, что улары – шуртхи запасают для туров – джикви сено на зиму, пряча его среди россыпей камней и скал, а сами питаются помётом джикви. Хотя на самом деле сено в горах, достающееся иногда и турам, сушат себе на зиму небольшие снежные полевки, которых обычно не замечают охотники-сказочники.

Пока я следил за уларами, вершину Джуги заволокла густая туча. Туман скрыл все ориентиры. Исчезло озеро внизу, мимо которого шла тропа, исчезли улары и туры. И куда, в какую сторону идти, где нужно спускаться с гребня, сообразить мне, не зная местности, было крайне трудно.

Тропа на каменистом гребне не была видна, и я несколько раз прошел взад-вперед вдоль него, всё время утыкаясь в одном конце гребня в высокую отвесную скалу, а на другом – в очень крутые, скалистые ребра, уходившие куда-то вниз вправо и влево. Спускаться туда наугад не имело смысла, поскольку потом, ошибившись, подниматься назад было бы втройне тяжелее. Попробовал кричать в надежде, что меня услышат студенты у озера, но в ответ – тишина…

Наконец, осторожно шагая вдоль гребня в очередной раз, я заметил перышко улара на земле, которое приметил еще при подъеме наверх. Чуть ниже, у порхалища на турьей тропе, отпечатался след моего ботинка. И только тут я вздохнул с облегчением. Еще сотня метров вниз по пробитой турами тропинке на склоне – и я вновь под тучей.

Со старой ледниковой морены, подпрудившей каровое озеро, была хорошо видна Биостанция на опушке леса, а также тропа среди субальпийских лугов, ведущая к ней по увалу. И вдали на тропе еле видны были студенты, потянувшиеся на Биостанцию к обеду…

В Балкарии туманы часто «заползают» в ущелья снизу, из предгорий. Здесь нередко можно наблюдать, как молочно-белое облако, освещенное сверху солнцем, медленно протискивается через каньон на Скалистом хребте и постепенно поднимается по днищу ущелья вверх, расползаясь рукавами по боковым распадкам. В аридной Северо-Юрской котловине туман обычно тает, но очередные порции влажного

северного воздуха раз за разом заполняют всю эту котловину и, в конце концов, после полудня достигают верховий ущелья. Там туман поднимается вверх, конденсируется в капельки воды и исчезает, но вместо него сверху начинает капать редкий дождик. А через пару часов снизу вновь подходит очередной туманный вал.

При сильном северном ветре туманные валы иногда поднимаются над Скалистым хребтом и спускаются с его куэст в Северо-Юрскую депрессию красивыми, плавными «туманопадами». При падении тумана с высоких куэст происходит так называемое адиабатическое сжатие воздуха, он нагревается, и туманы быстро тают. Но влажный туманный воздух постепенно заполняет всё ущелье, и тогда горы надолго погружаются в серую мглу, начинаются обложные, моросящие дожди. Хотя над Северо-Юрскими котловинами и в это время в тучах нередко образуются «окна», через которые проглядывает солнце, и ими часто пользуются гнездящиеся неподалеку на скалах сипы, чтобы подняться в небо, преодолеть слой дождевых облаков и просушить под солнцем на ветру свои крылья.

Следует также отметить, что и южные ветры, которые несут влажные циклоны с Черного моря, из Грузии, тоже нагреваются и просыхают, пока спускаются вниз – с Главного Кавказского хребта в глубокую Северо-Юрскую депрессию. Но здесь, отражаясь от вертикальных стен Скалистого хребта, воздух резко взмывает вверх, быстро охлаждается, и тогда над гребнем этого хребта часто формируются мощные грозовые тучи. Однако дожди из них идут уже над северными склонами Скалистого хребта, почему они в Кабардино-Балкарии, а также в Северной Осетии покрываются широкой полосой густых, влажных широколиственных лесов из бука, граба, ясеня, липы и др.

Эти леса скрывают Балкарию от постороннего взгляда. И чтобы попасть в настоящие горы Кавказа, нужно преодолеть этот привлекательный зеленый пояс на склонах Черных гор, подняться на Скалистый хребет, и только тогда вам откроется вся красота и величие заснеженных вершин, скалистых ущелий, высокогорных пастбищ:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.
Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;

Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.
А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам…

Древняя Алания

Северная Осетия – во многом уникальный регион Кавказа. Осетию населяют потомки первых колонистов степной Евразии – скифов, которые в начале I тысячелетия до нашей эры впервые в истории научились седлать и ездить на лошадях и ринулись из сухих, пустынных нагорий Ирана-Персии в поход на север – в более плодородные степи Причерноморья. Но первая Скифская держава, протянувшаяся когда-то от Дуная до Каспия, позже распалась на ряд государств, и в Предкавказье обособились родственные скифам племена сарматов, а затем, уже в начале новой эры, в Центральном Предкавказье образовался союз аорсов и аланов.

После того, как в европейские степи вторглись с востока кочевые тюркские племена, аланское государство тоже пало под ударами татаро-монгольских войск, и его жители были вынуждены уйти с равнин в горные ущелья, заблокировав их многочисленными крепостями, боевыми и сторожевыми башнями, сохранившимися там поныне. Это переселение алан в горы в XII-XIII веках и положило начало формированию осетинского этноса, получившего своё название от грузинских слов «асы», или «осы», как назывались там аланы. И с тех пор осетины в течение нескольких столетий, фактически взаперти среди скал Центрального Кавказа, поддерживали свою самобытную культуру, свой язык и обычаи.

Удивительно, но за несколько тысячелетий, прошедших со времени прихода скифов на Кавказ, их потомки – осетины, оставшиеся здесь на относительно небольшой территории, в плотном окружении самых разных народов, до сих пор сохранили свой коренной иранский язык. На степных же просторах бывшей Скифии этот язык сохранился лишь в немногочисленных топонимах и гидронимах. Так, иранское слово «дон», то есть «большая река, вода», можно встретить сейчас и на Дунае, и на Днестре, и на Днепре, и на Дону. А в Осетии – что ни речка, то свой «дон»: Ардон, Фиагдон, Гизельдон, Хазнидон, Кармадон…

Очень своеобразный гортанный осетинский язык привлек внимание даже писателей-фантастов и, например, Джон Толкиен в сказочном «Властелине колец» широко использовал его, придумывая многочисленные, оригинальные названия своим мифическим городам и не менее

звучные имена забавным Хоббитам. И поэтому со страниц его книг действительно веет какой-то далекой, дремучей древностью!

Осетины одними из первых на Кавказе приняли христианство, а сейчас Осетия – единственный регион Северного Кавказа, где исповедуют эту религию, правда, перемешанную с элементами первобытного язычества. Но на средневековых башнях в горных ущельях Центрального Кавказа нередко еще можно увидеть изображения креста, Голгофы, несмотря даже на то, что пришедшая туда позже мусульманская вера жестоко боролась с «неверными».

Вот что писал по этому поводу Н.Я. Динник (1890, с.120-121), обследовавший в 1886 году верховья Черека в горной Балкарии. «Между теперешними балкарскими саклями, стоящими в архитектурном отношении очень низко, внутри аулов возвышается несколько старинных четырехугольных, довольно высоких башен. Они сложены гораздо тщательнее и представляют вообще более или менее солидные постройки. Одна из них находится в Кундюме, а другая около Шканты*. Обе они принадлежат Абаевым и построены еще в те времена, когда здесь исповедовалась христианская религия, доказательством чему служат следы изображений крестов на этих башнях. Мусульмане, впрочем, постарались уничтожить их. Мне рассказывали, что теперешний владелец башни, находящейся в Кундюме, Мисост Абаев, большой фанатик, желая уничтожить раскрашенное изображение креста, сделанное на значительной высоте, стрелял в него пулями до тех пор, пока совершенно не сбил штукатурку и не изгладил таким образом всякие следы изображения. Теперь многие балкарцы утверждают несправедливо, что крестов не было вовсе на этих башнях».

Язычество же осталось в культуре осетин с древних времен в виде преклонения перед своими многочисленными, популярными в народе божествами – дзуарам, которые «ведали» разными жизненными проблемами людей: удачей на охоте, хорошим урожаем на полях, ростом поголовья скота, страшными болезнями. Одной из таких хворей в горах Осетии, например, всегда была чума (емына), которая в XIII-XIV вв., в эпоху монгольского нашествия, охватила весь Кавказ. Так, во время одной из эпидемий чумы в Ингушетии «вымерла половина населения»,

* Оба эти аула располагались в районе нынешнего села Верхняя Балкария, но в середине XX века они были разрушены и от них остались лишь каменные руины. Кундюм с башней Абаевых, который сейчас именуется обычно Куннюмом, или Кунлюмом, в последние годы начали восстанавливать потомки его прежних жителей в качестве исторического музейного объекта (https://www.youtube.com/watch?v=dvBUzNp4W0g), а аул Шканты с башней Амирхана, устроенной на вершине огромного ледникового валуна, находился против Куннюма на правом берегу Черека.

эпидемии 1404-1405 и 1436-1447 гг. опустошили значительную часть Дагестана, а на рубеже XVIII и XIX веков чума унесла сотни тысяч жизней коренных горцев, и население Осетии к середине XIX века сократилось с 200 до 16 тысяч.

Поэтому эта страшная напасть, обожествленная в древности осетинами, приобрела в их сознании своего особого покровителя Рыныбардуага (рын – мор, болезнь; бар – власть; дауаег – божество), который испокон веков требовал себе жертвоприношений.

Большой пантеон богов в осетинской мифологии возглавлял единый верховный бог – невидимый небожитель, творец земли Хуыцау, часто именуемый также Хуыцауты Хуыцау, то есть «бог богов», которому подчиняются все другие боги, духи, святые. А посредником между небом и землей у осетин служил Уастырджи. Как видно, их религия весьма напоминала политеизм древних греков, но с переходом к единобожию и христианской вере.

Уастырджи в Осетии является покровителем воинов, мужчин и всех путников. В нартском эпосе он изображается в виде грозного воина в белой бурке, на белом коне. Уастырджи считается врагом воров, мошенников, убийц, но помогает честным, благородным людям. Спускаясь на землю, он появляется в облике нищего, проверяя людей, помогают ли они друг другу в нужде и горе. Женщины боятся произносить имя Уастырджи, говоря о нём иносказательно «лагты дзуар» – «бог мужчин», и не имеют права участвовать в празднествах, устраиваемых в его честь.

Святой Уастырджи у осетин обычно отождествляется с православным Георгием Победоносцем, считающимся покровителем всей Осетии. Здесь очень много различных святилищ, часовен и церквей, посвященных этому святому. Особенно запомнился мне обелиск Святому Георгию, находящийся южнее г. Алагир, где могучий бронзовый воин как бы вылетает на коне из огромной скалы, возвышающейся над Военно-Осетинской дорогой, которая идет вдоль левого берега Ардона в широком ущелье среди Лесистого хребта.

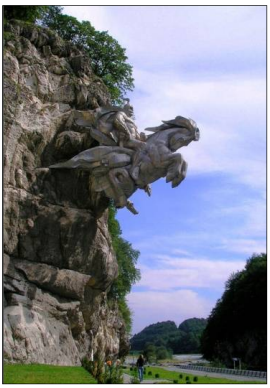
О жизни Георгия Победоносца существует множество легенд. Одно из самых известных его чудес – убийство змея (дракона), опустошавшего землю языческого царя в Бейруте. Как гласит предание, когда выпал жребий отдать на растерзание чудовищу царскую дочь, явился Георгий на коне и поразил змея то ли копьём, то ли молитвой, избавив царевну от смерти. Это явление святого способствовало обращению местных жителей в христианство. Очевидно, и для осетин принятие христианства стало когда-то символическим избавлением от страшного чудовища – татаро-монгольского нашествия.

Сейчас Георгий Победоносец – Уастырджи для осетин, что Иисус

Христос для православных. За него всегда произносят второй тост на традиционных застольях. Ни одно дело в Осетии не начинается без молитвы Уастырджи. И ее простой, незамысловатый речитатив можно нередко услышать сейчас здесь не только от верующих, но и от атеистов, интеллигентов, ученых, собирающихся в дорогу, в экспедицию, на сенокос или охоту:

Уастырджи, табу дын!
На куывтытæ нын айс!
Оменн, Уастырджи!
Зæдты хистæр!
Кæстæрты хъахъхъæнæг,
Хорз кæстæртæ сæ цы рауайа,
Ахæм арфæ сын ракæн!
Оммен, Уастырджи!
О фæндаджы Уастырджи!
На бæлццæтты фæндæгтæ нын рухс кæн!
Оммен, Уастырджи!

Уастырджи, хвала тебе!
Прими наши молитвы!
Оммен, Уастырджи!
Старший среди святых!
Заступник младших,
Да вырастут они достойными,
Благослови их!
Оммен, Уастырджи!
О, святой Уастырджи!
Пожелай нашим путникам доброго пути!
Оменн, Уастырджи!



Георгий Победоносец в ущелье Ардона.
http://masterok.livejournal.com/2582080.html
http://terra-z.com/archives/65803

В Осетии доныне широко практикуются не только молитвы богам, но и регулярные жертвоприношения, поклонение их языческим капищам, святилищам. Здесь очень много священных камней и лесных рощ, отдельных священных деревьев, куда в особые праздники наведываются жители местных селений, чтобы отметить появление долгожданных новорожденных, вспомнить удачные охоты, подготовиться к

уборке хлеба и к сенокосу в горах. Широко известна священная роща Хетага в окрестностях с. Суадаг на подгорной равнине близ г. Алагир. В Цейском ущелье осетины собираются в знаменитом капище, посвященном Рекому, чтобы обратиться к нему с просьбой послать богатый урожай, хороший сенокос и удачную охоту. Здесь в большом бревенчатом сарае, стоящем на поляне в сосновом лесу, откуда открывается вид на Цейский ледник, местные охотники и пастухи много веков приносили в жертву овец, варили и жарили мясо жертвенных животных, разливали традиционную, необычайно душистую араку, по вкусу и запаху схожую с шотландским виски.

Мне дважды довелось побывать в не менее знаменитом задалеском дзуаре Дигоризед, который был устроен когда-то в просторном гроте на высокой отвесной стене Скалистого хребта в дигорском ущелье по реке Урух-Ираф. Этот дзуар еще в XVIII веке посетил петербургский академик И.А. Гюльденштедт, нашедший среди охотничьих жертвоприношений несколько черепов исчезнувших позже зубров. В конце XIX века в пещере Олисай-Дон побывал известный кавказовед Н.Я. Динник, очень подробно описавший этот дзуар с остатками зубров и «верблюдов». Наконец, в 1947-1948 гг. сюда из Ленинграда, из Академии наук, дважды приезжала специальная экспедиция зоологов под руководством Н.К. Верещагина для изучения этого «музея» былой фауны Дигории.

Многовековые жертвоприношения в задалеском дзуаре Дигоризед – Олисай-Дон

Здесь, среди скопившихся за 400 лет жертвоприношений осетинскому богу охоты Овсати и Георгию Победоносцу – Уастырджи, зоологи нашли 661 череп оленей, которые были уничтожены в окрестных лесах еще в начале XX века, а также 78 черепов зубров и даже 6 лосей, исчезнувших на Кавказе уже в начале XIX века. Именно безрогие черепа самок лосей в прошлом и были ошибочно приняты Н.Я. Динником за

верблюжьи.

Дзуар Дигоризед жив и поныне. Как и прежде, в нем у очага с огромным котлом дважды в год, перед началом сенокоса, собираются за широким пиршественным столом охотники и пастухи из ближайшего аула Задалеск. В темном углу грота так же лежат груды черепов быков и овец, покрытых многовековым слоем пыли и копоти. На полатях под потолком у входа в пещеру высится огромная охапка ветвистых оленьих рогов; на шесте среди грота висит закопченный лик Уастырджи, а также многочисленные свежие амулеты местных дигорских родов. Но появились и признаки цивилизации: из аула к пещере протянут провод, и под ее потолком повисла электрическая лампа!

Однако сравнивая фотографии пещеры, сделанные в 1947 году и сейчас, отчетливо видно значительное разрастание деревьев и кустарников на скальных полках вокруг грота, а также на осыпях и крутых склонах у подножия куэсты Скалистого хребта. Это однозначно свидетельствует об уменьшении пастбищной нагрузки в горной степи в окрестностях Задалеска, о прекращении сбора дров для домашних очагов в связи с газификацией горных сёл, о многократном сокращении населения в здешних аулах в XX веке.

Задалеский дзуар Олисай-Дон в пещере на стене Скалистого хребта. Справа белеет башня, построенная на скалах в честь святой Нана Задалески, которая спасала аланских детей в пещере во время татаро-монгольского нашествия

Очевидно, численность населения в горах может сокращать не только чума. Не менее сильно сказываются на нем также различные социальные потрясения и перестройки. Так, в мусульманской Дигории на западе Осетии в первой половине XX века, в 1927 году, в многочис-

ленных аулах по ущелью Уруха жило 5557 человек, а в начале XXI века, в 2003 году, их осталось там в 5 раз меньше: 1097 жителей. Конечно, много жизней унесла Великая Отечественная война. Но и после, когда в Дигорию прорубили туннель в Скалистом хребте и проложили автомобильную дорогу, а в верховьях ущелья развернули строительство турбаз и альплагерей, население коренных горцев, увы, по-прежнему продолжает сокращаться, и к 2011 году составило всего 875 человек (Исаченко, Чижова, 2013). Уменьшается и количество дигорцев-мусульман, признающих свою национальную идентичность. Согласно последним переписям, в Осетии их осталось сейчас всего лишь около 200 человек.

А вместе с людьми сейчас быстро сокращается также поголовье домашнего скота, и, например, только за последние 20-30 лет стадо овец в Северной Осетии уменьшилось почти на 80 процентов: с 300 до 70 тысяч. Совершенно исчезли в горных долинах хлебные поля, широко распространенные здесь еще в первой половине XX века, а в конце XIX века покрывавшие все выположенные террасы возле Задалеска и вокруг многих других селений в горах Осетии.

Почти прекратился в горах очень трудоемкий, нерентабельный сенокос, и горные степи и субальпийские луга без выпаса и сенокоса постепенно зарастают кустарниками и мелколесьем. Даже в высокогорьях на турьих пастбищах наблюдается разрастание стелющегося казацкого можжевельника, сокращается площадь кормовых угодий. И эти тенденции всё отчетливее проявляются не только в Осетии, но и в соседних регионах Северного Кавказа.

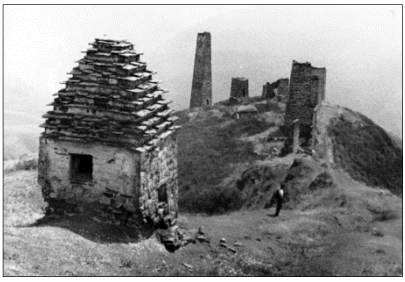
* * *

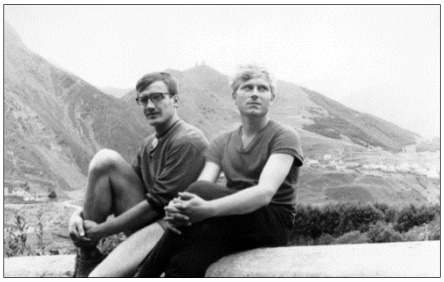
Впервые я попал в Осетию летом 1971 года, когда всех здоровых парней 4 курса Ростовского университета отправили на «стажировку» – на военные сборы в лагерь, расположенный в широком ущелье в пригородах столицы Северной Осетии города Орджоникидзе, ныне и прежде – Владикавказа. Два месяца, проведенные среди гор, в походах на Скалистый хребет, по Тереку, к Крестовому перевалу оставили очень много впечатлений и позволили собрать небольшой фаунистический материал. Правда, только недавно, после того как удалось найти малоизвестную, написанную еще в начале XX века статью Л.Б. Бёме о птицах окрестностей Владикавказа и гор Ингушии, я смог обработать свои дневниковые записи и сравнить их с данными Льва Борисовича, обнаружив значительные изменения в фауне птиц этого региона, которые произошли за прошедшие полвека.

У Владикавказа меня манил к себе, прежде всего, Скалистый хребет, с которым я уже чуть познакомился до этого в Чечне, его удивительная Столовая гора – Мат-Лоом или Мат-хох (2993 м) с большим

плоским, голым «столом» наверху, покрытая с севера густым широколиственным лесом, а на юг и на запад, к Тереку, обрывающаяся огромными скальными стенами. Здесь я впервые узнал, что такое аридная Северо-Юрская депрессия, которую закрывал от холодных северных ветров и дождевых туч Скалистый хребет. Поднявшись как-то на его перевал с севера, мы оставили на весь день внизу, в лагере, мокнуть под обложным дождем всех своих однокурсников, а сами загорали под солнцем, пробовали на пасеках горный мед, лазили по заброшенным средневековым башням в Джейрахской котловине, осматривали каменные склепы, в которых столетиями лежали нетленные мощи алан, высохшие на сквозняках в чистом, сухом горном воздухе.

В лагере у северного подножия г. Столовой

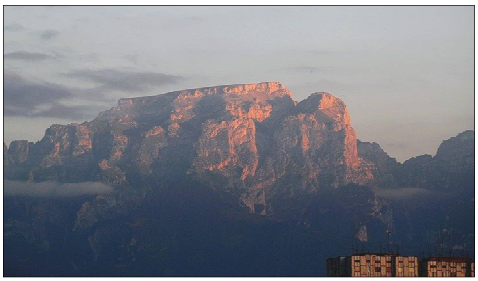




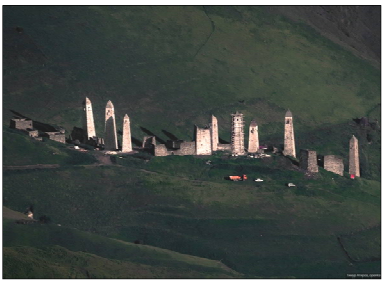
Склепы и башни в Джейрахской котловине. В ущелье Терека у с. Казбеги.

Позже, уже в XXI веке, целый «Городок мертвых» мне пришлось посетить также в ущелье Гизельдона у с. Даргавс, куда сейчас на экскурсии ежедневно приезжают десятки и сотни туристов из Владикавказа

и других районов. Около сотни больших и малых склепов самых разных размеров и формы – от простых «ящиков», врытых почти по самую крышу в землю, до высоких «пирамид» и «стогов» из каменных плит, стоят там на крутом степном склоне ущелья в той же аридной Северо-Юрской депрессии, издалека привлекая к себе внимание (https://vk.com/photo-15142053_286089935).

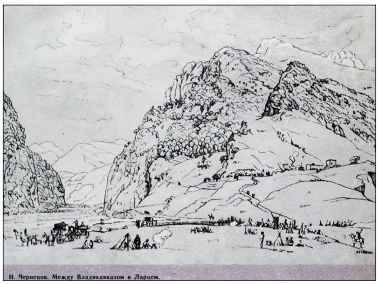


Столовая гора – Мат-Лоом – Мат-хох.

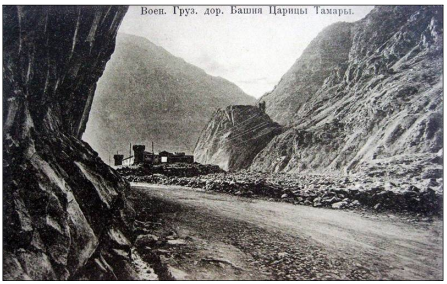


Башенный комплекс Эрзи ночью.

Но в другом месте, в бывшем бельгийском рудничном посёлке Фаснал в Дигории, на западе Осетии, древние склепы, разбросанные на самой окраине полузаброшенного аула рядом с жилыми домами, привлекали внимание в основном свиней и кур, искавших там среди побуревших мощей, костей и рваных саванов укрытия себе в жаркие летние дни. И в то же время здесь в горах нередко можно было слышать легенды о жителях селений, которые при нашествиях чумы, заболев, целыми семьями уходили, чтобы не заразить соседей, в свои родовые склепы, где и умирали, нередко сидя с младенцами на руках.



Балтинские ворота на Тереке.



Дарьяльское ущелье
с крепостью и Замком царицы Тамары.

Из того памятного, «военного» лета 1971 года вспоминаются еще три похода вверх по Тереку. В первый раз на разведку я отправился сам.

Планируя выйти на Военно-Грузинскую дорогу напрямик через горы, я забрался, не имея каких-либо карт, в дремучий лес на перевале, заваленный буреломом и изборожденный глухими оврагами, из которых пришлось с большим трудом выбираться потом фактически наугад. Спустившись, наконец, в долину Терека, я еще долго искал там переправу на левый берег, вдоль которого шла дорога на Крестовый перевал.

Миновав же Балтинские ворота на Скалистом хребте, я вновь оказался в той же аридной Джейрахской котловине с широкими галечниками по руслу Терека, со стаями клушиц, с криком летавших с места на место по горным пастбищам в поисках корма, с древней колонией сипов на окружающих скалах, которую нашел там еще в 1915 году Лев Борисович Бёме. А за посёлком Чми началось знаменитое Дарьяльское ущелье, в котором Терек уже бушевал, прыгая по камням и брызгая пеной, рокотал, перекатывая под водой огромные валуны и пробивая себе путь среди скал. С обеих сторон всё выше поднимались серые гранитные стены, сначала относительно пологие, покрытые лесом, затем всё круче, с куртинами старых сосен на скальных полках, а в районе села Верхний Ларс мрачное Дарьяльское ущелье приобрело совсем жуткий облик. Вот строки классиков с его описаниями:

Меж горных стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вкруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет…

А.С. Пушкин

Где Терек играет в свирепом веселье;
Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной…
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

А.С. Пушкин

Терек воет, дик и злобен,
Меж утёсистых громад…

М.Ю. Лермонтов

А вот описание Дарьяла, сделанное специалистами-геологами: «Долина Терека превращается в глубокий каньон шириной не более 100 м с почти отвесными стенами, сложенными кварцитами и диабазами. Высота склонов долины достигает 1000 м, вершины их иногда скрыва-

ются за облаками. Уклон дна русла настолько крут (8 м на 1 км), что вода мчится с большой скоростью, передвигая не только мелкие обломки, но и глыбы пород. Перекатываясь по дну, ударяясь о берега, сталкиваясь друг с другом, они создают такой шум и грохот, что заглушают человеческий голос. Вода в реке кипит и пенится как в котле» *(*http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/evgd/predislovie.htm*)*.

Н.Г. Чернецов. Дарьяльское ущелье. Чертов мост и замок царицы Тамары

В Верхнем Ларсе на берегу реки у дороги высился громадный валун с темными амбразурами дота, устроенного под камнем, у самой земли, в годы Великой Отечественной войны для защиты Военно-Грузинской дороги от фашистских войск. Сейчас здесь расположилась пограничная застава, и в тени валуна отдыхают лишь наши пограничники, а в прошлом этот «Ермоловский камень» изумлял и Пушкина, и Грибоедова, и Лермонтова, и многих других путешественников, ездивших в Закавказье по Военно-Грузинской дороге. Размеры этого гранитного монумента – до 15 м в высоту и до 15 тысяч тонн веса – внушали уважение даже у видавших виды ученых. Так, по мнению известного геолога, петербургского академика Г.В. Абиха, одного из основоположников изучения Кавказа, это самый большой эрратический, то есть ледниковый валун не только на Кавказе, но и во всей Европе. Он был принесен сюда когда-то давным-давно, очевидно, после очередного обвала Девдоракского ледника на восточных склонах Казбека, сходного с обвалом на леднике Колка в 2002 году. Возможно, падение таких «камешков» со скал на ледники и вызывает их катастрофические подвижки? Своё же название камень получил в честь грозного генерала А.П. Ермолова, героя Отечественной войны 1812 года, покорявшего в XIX веке Кавказ и усмирявшего горцев.

За Верхним Ларсом, выше по течению Терека, на берегу реки стояла небольшая казачья крепость середины XIX века, которая своими четкими геометрическими формами гармонично вписывалась в окружающие ландшафты узкого горного ущелья. А дальше за нею на высокой скале над Тереком сохранились развалины древней грузинской крепости, с легкой руки М.Ю. Лермонтова получившей лирическое название Замок царицы Тамары. Интересно, что высота этой скалы за последние 300-400 лет увеличилась примерно вдвое, то есть Терек за эти годы проточил камни под скалой еще на 12-13 метров вглубь.

Здесь ущелье начинает постепенно расширяться, дно его выполаживается, а за скалой «Пронеси, Господи!» Терек вновь растекается по широкому галечниковому днищу. С памятной скалы, где дорога, делая крутой поворот, проходила по узкому карнизу над отвесной пропастью около полусотни метров глубиной, был виден уже и Казбек, поднимавшийся над широкой котловиной. Но времени и сил на дальнейший путь туда уже не было. До Крестового перевала оставалось, как выяснилось позже, еще около 35 км, примерно столько же, сколько уже было пройдено за день.

Казбек, Девдоракский ледник.

Ермоловский камень с дотами в Дарьяльском ущелье.

Этот поход запомнился на всю жизнь еще одним уроком, о котором с тех пор я иногда рассказываю на совместных экскурсиях с друзьями, а также студентам на летних полевых практиках. Выйдя из лагеря утром после завтрака, я захватил с собой лишь четвертушку хлеба и до 3 часов дня сдерживал позывы жажды и голода. Но затем, не в силах больше преодолевать искушение при виде многочисленных чистых горных ручьев, я устроился у одного из родников, в один присест проглотил весь хлеб и вдоволь напился холодной воды. Однако после этого жажда, всё усиливаясь, не оставляла меня до вечера, так что я не мог пропустить уже ни одного встречного ручья.

Теперь-то я знаю причины таких мучений и в походах никогда не пью сырой воды, довольствуясь утренним чаем, а если есть котелок с собой – то горячим, сладким, душистым напитком у костра на дневном привале. Горячий чай, как известно (по-китайски «чай» и значит – горячий!), наиболее эффективно охлаждает тело, восстанавливает силы и утоляет жажду. Еще профессор МГУ Рюрик Львович Бёме говорил, что чай всегда должен быть горячим, крепким и сладким, как поцелуй любимой…

В следующее воскресение, ранним утром, мы отправились на Терек из лагеря уже втроем. Не надеясь на свои ноги, на автотрассе решили голосовать, и на попутках, с несколькими пересадками и с длительным ожиданием в пробке, пока крошка-трактор расчищал свежий горный обвал на Военно-Грузинской дороге, добрались до села Казбеги, ныне – посёлок Степанцминда уже в Грузии. Но Казбек и его ледники оказались на этот раз, к сожалению, скрыты в тучах. Еще одна пересадка, минуем село Сиони, затем Коби. За ним Терек резко ушел вправо, на запад, в сторону Казбека, а дорога нырнула в узкую, темную щель. Длинный, крутой подъем по серпантинам; замелькали снежники, сразу пахнуло холодом. Остановились на небольшой ровной площадке с несколькими автобусами и машинами: вместе с их пассажирами пьём чудесную воду из большого нарзанного источника. Затем еще 3 км, и вот, наконец, мы на Крестовом перевале, на высоте 2379 м над уровнем моря!

Далеко внизу видна Арагви, вьющаяся в глубоком, крутом ущелье; на окружающих склонах белеют пятна снега, а в памяти всплывают былые видения теплой, солнечной Грузии, Абхазии; на увале, далеко в стороне от дороги, едва виден большой, завалившийся на бок Крест…

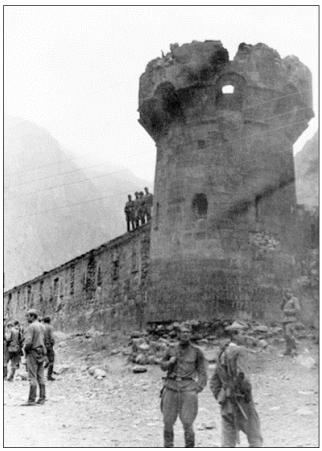
Сходив к нему, почтив старый Крест молчанием, перекусив затем оставшимися со вчерашнего вечера бутербродами, поворачиваем вниз. Нужно спешить, ведь вновь придется ждать, ловить на дороге попутки; до Орджоникидзе – еще 74 км. Однако в лагерь на этот раз мы попали вовремя, к вечерней поверке, успели даже поужинать…

К сожалению, после автомобильной поездки, к тому же в случайной, пестрой компании, впечатлений осталось не особенно много. В памяти сохранились лишь отдельные, наиболее яркие фрагменты, мимолетные кадры, проносившиеся перед глазами. Пеший же маршрут по Дарьялу долгие годы помнился потом до мельчайших подробностей. Но сейчас там многое уже изменилось. Ущелье перекрыла государственная граница, с многочасовыми очередями на таможне. Вдоль Терека проложили новую автодорогу; исчезла страшная «Пронеси, Господи!», о которой сейчас даже не вспоминают… А ведь не прошло-то еще и полвека!

Третий поход по Тереку состоялся в самом конце нашей «стажи-

ровки». После учений на полигоне, после прохладной ночевки под моросящим дождем в свежевырытых окопах, наш отряд на тяжелых бронемашинах долго преследовал условного противника, а затем в виде «головной походной заставы» продолжал развивать успешную атаку вверх по Тереку – до старой Дарьяльской крепости. Там – отбой, обед из сухпайков, осмотр древних фортификаций. А вечером колонна БТРов пошла назад, в село Тарское.

Крестовый перевал. 1971 год.



Русская крепость в Дарьяльском ущелье.

И как сейчас помню: тяжелые машины с выключенными двигателями медленно катятся вниз по крутой автотрассе, а в открытые люки несется из темноты грозный, несмолкаемый рокот Терека, перемалывающего на бесчисленных порогах огромные валуны.

Дарьял – одно из интереснейших мест на Кавказе, и побывать там, посмотреть на Терек, на стиснувшие его огромные скалы – стоит того. Но, например, Нарын в Средней Азии больше запомнился мне своим величием, а не злобой. Значительно красивее было ущелье Аргуна в Чечне, особенно на Скалистом хребте выше Шатоя, бывшего с. Советское. С другими, не менее замечательными памятниками природы Кавказа мне пришлось знакомиться позже, но о них – отдельный разговор. Что-то вспоминалось о них и в этих записках…

В конце июля, строго соблюдая местные осетинские традиции, я отметил в лагере первую годовщину со дня рождения своего сына. Ночью, на берегу небольшой речушки Камбилеевки у с. Тарское, мы с друзьями-однокурсниками жарили на вертеле в лесу местного дикого гуся, пели студенческие песни, сидя у костра, а заодно медленно, глот-

ками опустошали солдатскую фляжку араки, добытой в соседнем селе. Но потом запах этого экзотического напитка не выветривался из моей фляги не менее полугода – до следующей весны, до новых походов…

* * *

Второй раз я приехал в Осетию лишь через 35 лет, в 2007 году, для планового обследования Ключевых орнитологических территорий, проводившегося тогда Союзом охраны птиц России. Остановился в Северо-Осетинском заповеднике, в Алагире, в доме у Ю.Е. Комарова – одного из самых замечательных наших орнитологов. Юрий Евгеньевич с детства, со школьных лет влюблен в птиц, беззаветно предан своему заповеднику, где он трудится вот уже более 40 лет, окончив Тамбовский пединститут. Это очень скромный, очень обязательный, но весьма настырный трудоголик, всё свое время отдающий работе по изучению и охране природы и птиц Северной Осетии. Однако тогда тяжелая болезнь на время выбила его из колеи, и на помощь ему пришлось ехать мне.

Основное внимание, как и в Балкарии, было уделено Скалистому хребту, где мне удалось найти несколько колоний белоголового сипа, ряд гнезд и гнездовых участков бородача, стервятника, карагуша, беркута, сапсана, кавказского тетерева и других редких видов птиц. Кроме того, я смог подняться в верховья Ардона и Уруха, где немного познакомился с природой и птицами Южно-Юрской, или Центральной депрессии между Боковым и Главным Кавказскими хребтами, как оказалось, во многом напоминавшей Северо-Юрскую депрессию, только без грандиозных куэст Скалистого хребта.

На востоке я добрался тогда до Кармадонского ущелья, еще почти доверху заваленного льдом после памятного многим неожиданного схода ледника Колка в сентябре 2002 года. Такие катастрофы, приводящие иногда к человеческим жертвам, повторяются там периодически и хорошо известны с начала XX века. Обусловлены они спонтанными гигантскими ледопадами на очень крутых склонах Казбека и его западной «спутницы» – горы Джимары, в результате которых огромная масса льда при падении со скал превращается в крошево и затем в виде ледового селя с большой скоростью устремляется по ущелью вниз, за считанные минуты достигая Скалистого хребта. Только там, в узком каменном каньоне, как перед запертыми воротами, лёд может остановиться, образуя мощные, тающие десятилетиями завалы толщиной до 100-150 метров.

Попутно с изучением птиц и природы Осетии, я знакомился и с ее историей, осмотрев много средневековых башен и могильников в ущельях, а также развалины древних христианских храмов, языческие дзуары. Особое внимание привлекали цырты, нередко встречавшиеся

у дорог, особенно по ущелью Уруха в Дигории. Это были своеобразные придорожные поминальные памятники-стелы из каменных плит, поставленные родственниками воинов, погибших в разное время где-то в боях, в армии, в Великой Отечественной войне. На памятниках, помимо имени героя, иногда рисовали его цветные портреты, вырезали на известняке звезды, ордена и гербы СССР. И при виде таких монументов невольно задерживаешься, останавливаешься на дороге, снимаешь шапку, вспоминая ушедших…

К сожалению, тогда в Осетии мне почти не пришлось близко общаться с коренными горцами этого края. Здесь в очень крутых и узких ущельях было сравнительно мало пастбищ, скотоводство в горах оказалось развито значительно слабее, чем в соседней Балкарии, и поэтому кошары, летние коши и чабаны в высокогорьях встречались редко. Лишь в более широкой долине Уруха, у мусульман Дигории, домашнего скота было побольше. Там концентрировались и редкие птицы-падальщики.

Придорожные цырты в Дигорском ущелье.
Справа: https://my.mail.ru/mail/stalker-dig/photo/1186/1237.html
Фото В. Кривовида

Именно там я услышал и жуткую историю о молодом, талантливом парне из маленького аула Задалеска, поступившим на учебу в один из столичных вузов и в августе, перед началом занятий, приехавшим домой попрощаться с родными. Напоследок он решил пройтись также по знакомым с детства горам. Искали его в горах несколько дней, а когда нашли, ориентируясь на паривщую у скал стаю белоголовых сипов, от него остался только скелет, полностью обглоданный некрофагами.

Здесь, в самых верховьях Уруха, в 2007 году я узнал о существовании нескольких альплагерей, в том числе базы «Таймази», построенной руками преподавателей и студентов Таганрогского радиотехнического института, который буквально накануне объединился с РГУ и

нашим РПГУ в один вуз – Южный федеральный университет. Таганрогский альплагерь спрятался за лесистой горой Кубус, против вершины Таймази (3800 м), стоящей на Главном Кавказском хребте. А названа она была так, по местным легендам, в память о бродяге, конокраде Таймазе, который жил когда-то за хребтом в Грузии, скрываясь от преследований в лесу у подножия этой горы.

Лагерь «Таймази» был последним жилым анклавом в верховьях Уруха, расположенным на высоте 1900 м н.у.м. у верхней границы лесного пояса, среди сосняков и березняков, в окружении снежных вершин, субальпийских лугов и горных степей. Отсюда по окрестным ущельям и хребтам расходилось много дорог, троп, туристских и альпинистских маршрутов, позволявших быстро и сравнительно легко проникать в высокогорья, а также выезжать в среднегорные долины к историческим и культурным памятникам Дигории.

Переговорив осенью в ректорате ЮФУ, на следующий год я организовал выезд студентов в лагерь «Таймази» на летнюю полевую практику по зоологии и ботанике. В дальнейшем мы еще дважды поднимались в верховья Уруха, продолжая изучать фауну и флору высокогорий Центрального Кавказа, а также культуру и историю Северной Осетии. Экскурсируя из «Таймази», мы вместе со студентами еще раз посетили задалеский дзуар в пещере на Скалистом хребте, а также аул Махческ с многочисленными средневековыми башнями и посёлок Фаснал с развалинами дореволюционного бельгийского рудника и с многочисленными древними склепами вокруг. Однажды в Северо-Юрской депрессии удалось побывать в большом мертвом городе Галиат с развалинами средневековых языческих и христианских храмов. Близ лагеря мы обследовали старую, заброшенную разведочную штольню с летучими мышами – остроухими ночницами, прятавшимися днем под потолками пещеры.

Очень познавательными для всех нас были походы в маленький аул Куссу – самое верхнее жилое селение в ущелье Уруха, где мы знакомились с жизнью дигорцев, с древними родовыми башнями в их дворах. Хозяин одной из них 70-летний Максим Анзорович Кесаев не только провел нас к своей башне, но и показал своё подворье, где сохли волчьи шкуры, угостил студентов кислым молоком-обратом, познакомил с действующей моделью подъемника, с помощью которого при строительстве высоких башен когда-то поднимали на них огромные камни. Он занимался также столярным делом и резьбой по дереву, и в его мастерской собрался целый музей различных художественных поделок и домашней утвари: посуда, столы, табуреты, и даже несколько самодельных скрипок. Некоторые его изделия представляли большую

художественную ценность, и богатые заезжие купцы иногда предлагали за них даже очень приличный выкуп.

Чрезвычайно интересными оказались также наши походы в село Дзинага, в Караугомское ущелье, где находится один из крупнейших на Кавказе долинных ледников, тянущийся сейчас по днищу ущелья на 8 км. Ниже ледника еще на 4 км протянулся очень красивый сосновый лес, покрывающий древние ледниковые морены. В верховьях это ущелье заканчивается грандиозными ледопадами и снизу практически непроходимо. Альпинисты впервые преодолели его лишь сверху, перевалив через хребет со стороны Цейского ущелья и спускаясь затем по ледопадам на веревках. Поэтому-то «слепое» Караугомское ущелье и получило когда-то у горцев своё своеобразное название.

Максим Анзорович Кесаев в своей мастерской

Однако сейчас Караугомский ледник, как и все другие ледники на Кавказе, интенсивно тает, отступая всё дальше и выше в горы. За 120 лет, прошедших со времен Н.Я. Динника, длина Караугома сократилась примерно на 2,2 км, а за последние 40 лет, судя по топографическим картам, – на 1300 м. Язык ледника поднялся за это время с 1830 до 2070 м н.у.м. Прежде ледник подпирал своим телом высокие боковые морены, покрытые старым сосновым лесом, и на левой морене против ущелья р. Фастагдон среди этого леса располагалась красивая «Райская поляна», где устраивали свои лагеря многочисленные туристы и альпинисты, выходившие на штурм ледопада. Но после того как ледник отступил, морены оголились в виде огромных, голых конгломератовых стен из глины и камней, и мощный сель, сошедший 10 августа 1995 года из верховий Фастагдона, прорвал боковую морену, смыв почти всю Райскую поляну.

Сильно отступил и ледник Тананцете близ лагеря «Таймази». Из

мощного долинного глетчера, каким его застал в конце XIX века Н.Я. Динник, он превратился в ряд висячих ледников, зацепившихся на крутых скалистых северных склонах ущелья Танадона. И в жаркие летние дни, когда идет интенсивное таяние снегов, и на камнях под ледниками формируется жидкая «смазка», там можно постоянно наблюдать грозные ледопады. Огромные массы льда, нависшего над скалами правого борта ущелья, время от времени неожиданно соскальзывают вниз, раскалываются на части и грохочут, как пушечные залпы, падая с высоты, разбиваясь в пыль при ударах о камни и «стекая» затем по кулуарам к реке.

Когда-то, вплоть до середины XX века, в ущельях Караугома, Танадона и в самых верховьях Уруха у края ледников находились так называемые Вольные осетинские курорты, на которых летом лечились от туберкулеза и малярии жители, в основном женщины, приезжавшие со всей Дигории. Они жили в холодных деревянных балаганах под охраной нескольких джигитов, питались исключительно молоком, пили воду из нарзанных источников и ледниковых ручьев, а также гуляли и загорали на ледниках. Целебное молоко им давали коровы, которых больные приводили с собой или арендовали у местных жителей. Лечение чахоточных больных, по наблюдениям Н.Я. Динника в конце XIX века, шло будто бы вполне успешно. И поэтому уже летом 1930 года только у одного Караугомского ледника одновременно лечилось до 300-400 человек. Но во второй половине XX века интенсивное таяние ледников привело к их отступлению, к изменению природных условий на краевых моренах, к частым обвалам и селям, что и вызвало исчезновение этих вольных курортов.

В самых верховьях Уруха, который получил там, выше устья Караугомидона, новое имя Харесидон или Харвес, то есть «ивовая река», находится уникальное для Кавказа огромное верховое болото Чифандзар, занимающее площадь около двух квадратных километров. Оно расположено в субальпийском поясе на высоте более 2400 м н.у.м., в широкой плоской долине на месте запрудного озера, появившегося в результате грандиозного обвала со склонов соседних гор. Следы «запруды» сохранились там поныне в виде высокого вала из огромных каменных глыб, через который Харвес постепенно пропилил себе новое, нынешнее русло. И очень эффектно выглядит на этом завале голова каменного льва, чутко сторожащего тишину гор.

Запрудное озеро со временем было заполнено наносами из ледников и селевых потоков, и на его месте около 5 тысяч лет назад начало формироваться низинное болото, через которое еще в XIX веке было опасно ездить верхом, рискуя утопить лошадей. Но сейчас там поднялся плотный слой сфагнового торфа толщиной до 2-3 метров, постепенно

нарастающий сверху также за счет густых зарослей специфичных осок, тундровой пушицы, кустов карликовой ивы. Не исключено, что со временем перелетные птицы смогут занести сюда с севера и семена клюквы…

Еще одно небольшое сфагновое болото диаметром около 250 м образовалось на перевале Комыарт у горы Кубус, прямо над альплагерем «Таймази». Слой торфа достигает там 4,5 м, а начало его формирования в глубокой озерной котловине относится к концу ледниковой эпохи, 8-10 тысяч лет назад. Пружинящий, как настоящий зыбун, торф полностью покрыт здесь сфагновыми мхами, густыми дерновинами осоки и белыми кисточками пушицы, а из окружающего леса на болото забрели редкие чахлые березки и сосенки, чем-то напоминая уголок сибирской тайги.

Каменный лев, сторожащий верховое болото Чифандзар

Вообще же вся Северная Осетия представляет собой чрезвычайно богатый музей различных природных – геологических, географических, ботанических, а также исторических и культурных памятников, познакомиться с которыми воочию можно только в результате многолетних путешествий по этому интереснейшему краю. Я сам смог увидеть лишь самую малую толику чудес Алании. Но сейчас узнать о них, посмотреть многие из этих памятников со стороны можно также благодаря многочисленным сайтам с прекрасными цветными фотографиями и видеофильмами, с рассказами очевидцев и комментариями специалистов. Стоит только заинтересоваться…

И мне хотелось бы надеяться, что этот небольшой очерк хоть немного приоткрыл Вам дверь в мир древней Алании.

«Мой Дагестан»*

Я давно мечтал побывать в горном Дагестане, хотел воочию познакомиться с его удивительной, своеобразной природой, с гордым, умным и трудолюбивым народом горного края. Книга Расула Гамзатова «Мой Дагестан» появилась на моей книжной полке еще в студенческие годы, и я до сих пор время от времени перелистываю ее страницы. Много прочел я и других книг о Дагестане. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать…

Правда, в равнинных районах Дагестана и на берегу Каспия я бывал неоднократно. К морю у Махачкалы я попал еще в 1968 году во время своего «кругосветного» путешествия вокруг Кавказа, состоявшегося после окончания 1 курса РГУ, а затем мы ездили туда вдвоем с Вячеславом Данченко как-то в декабре 1971 года на охоту. По Куме вдоль границы между Дагестаном и Калмыкией я дважды проехал с экспедициями кафедры зоологии РГУ в мае 1969 и 1972 годов, когда учился на 2 и 5 курсах. Но разграничить тогда природу двух Республик, узнать, где были озера и пески Дагестана, а где Калмыкии, мне было суждено только позже, изучая дома карты Северного Кавказа.

В начале сентября 1991 года мы посетили также дельту Самура, где хотелось посмотреть дремучие субтропические леса в пойме реки, о которых я был много наслышан прежде. Кроме того, там несколько десятилетий работали орнитологи Московского пединститута во главе с А.В. Михеевым, изучавшие миграции птиц, их фауну и экологию в этом своеобразном районе на границе с Азербайджаном, и я надеялся на встречу с ними в их лагере. Однако нестабильная экономическая и политическая обстановка в России и на Кавказе в те годы заставила москвичей свернуть тогда свои исследования в Дагестане, и мы застали на Самуре лишь следы их опустевшего полевого стационара да воспоминания старожилов об их работе.

Все эти равнинные и приморские районы Дагестана были по своему интересны, но они не давали никакого представления о природе скалистых гор известнякового Внутреннего Дагестана – родины Расула Гамзатова, чем-то напоминающей своими ландшафтами Скалистый хребет на Центральном Кавказе. И вот весной 2002 года, благодаря необычайной любезности и гостеприимству моего друга, тогда докторанта Дагестанского университета Гаджибека Джамирзоева, моя мечта, нако-

* Опубликовано с изменениями: Белик В.П., Джамирзоев Г.С., Насретдинов Х., 2002. Обследование КОТР Дагестана // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., № 16.- С.18-20; Белик В.П., Милобог Ю.В., Ветров В.В., 2012. Совместные орнитологические исследования на Кавказе // Мир птиц: Информ. бюлл. СОПР, № 42.- С.6-7.

нец-то, осуществилась. По его приглашению я смог принять участие в орнитологической экспедиции по Дагестану, и в течение 12 дней, с 27 апреля по 10 мая, мы втроем с Гаджибеком и студентом-орнитологом Хаджаманом Исмаиловым посетили целый ряд интереснейших мест в горах и на побережье Каспия.

В памяти остались огромные известняковые утесы Внутреннего Дагестана и удивительный бархан Сарыкум у подножия гор, дикие пустынные предгорья и лесистые ущелья, могила Самуила Гмелина и древнее хазарское кладбище в ауле Марага. Но особенно запомнились встречи с замечательными людьми, простыми жителями Дагестана: на мосту через Аварское Койсу в котловине Орота, на озере Папас у моря к северу от Дербента, у лечебных источников на берегу Каспия, в чабанской сакле в горах и на совхозной кошаре близ Каякента, в праздничной школе Мараги на 9 Мая и в других местах.

Задачей нашей небольшой экспедиционной группы было проведение полевого обследования ряда Ключевых орнитологических территорий России (КОТР), выделенных в Дагестане в предыдущие годы, т.е. мониторинг их фауны, прежде всего поиск редких, особо охраняемых видов птиц. В силу погодных условий районы работ были ограничены приморскими низменностями, предгорьями и среднегорьями. В высокогорьях же из-за поздней весны в том году лежало еще много снега, и горные дороги и перевалы были закрыты. Погода не баловала нас и в «сухих и жарких» предгорьях Дагестана. Из 12 рабочих дней, проведенных в поле, 9 дней было с дождями, порой – беспросветно обложными. Лишь в первый и последний день, да иногда в дни переездов из одного района в другой припекало яркое солнце. Однако дожди в горах были теплыми, «благодатными» и не особенно мешали нашей работе.

Всего мы обследовали 7 ключевых орнитологических территорий: Туралинскую лагуну на южной окраине Махачкалы, которая образовалась в последние десятилетия в результате подъема уровня воды в Каспийском море; котловину Орота с типичными скальными ландшафтами Внутреннего Дагестана; озеро Аджи (Папас) на побережье Каспия между Махачкалой и Дербентом, интересовавшее меня своей богатой, разнообразной орнитофауной; лесостепные низкогорья в Каякентском заказнике к западу от пос. Каякент; уникальные для Северного Кавказа пустынные предгорья и низкогорья с типичными азиатскими бедлендами в низовьях р. Рубас между аулами Марага и Чулат; Беркубинскую лесную дачу в низовьях р. Самур на самой границе с Азербайджаном и огромный заповедный бархан Сарыкум в 20 км к северо-западу от Махачкалы.

За короткий период исследований нами было пройдено по Дагестану около 750 км на автомобилях и 170 км пешком. При этом было отмечено 194 вида птиц, в том числе 25 российских «краснокнижных» видов: кудрявый пеликан, малый баклан, колпица, каравайка, черный аист, белоглазый нырок, тювик, курганник, змееяд, степной орел, малый подорлик, орел-могильник, беркут, стервятник, бородач, черный гриф, белоголовый сип, балобан, сапсан, степная пустельга, султанка, авдотка, ходулочник, степная тиркушка, черноголовый хохотун. Еще несколько видов мы «пропустили», прошли мимо, не заметив их на экспедиционных маршрутах.

Из-за недостатка времени некоторые из указанных выше районов были осмотрены нами очень бегло, но, тем не менее, общие впечатления от этих экскурсий остались очень яркие. Особенно это касалось меня, знакомившегося с исключительно своеобразными ландшафтами горного Дагестана, с его интереснейшей фауной фактически впервые. Эта экспрессия была еще более усилена благодаря последующей поездке в горы Западного Кавказа, в Тебердинский заповедник, которая состоялась всего через 3 недели после посещения Дагестана и еще сильнее подчеркнула основные особенности природы и фауны Восточного Кавказа.

Следует сказать также, что почти все обследованные нами КОТ-Ры находились в удовлетворительном состоянии. Даже Туралинская лагуна, расположенная фактически в черте Махачкалы и осваивавшаяся под рекреационную зону, порадовала нас султанками (не менее 3-6 пар), ходулочниками, степными тиркушками, пролетными каравайками и пеликанами. Но в будущем она, к сожалению, вряд ли сможет сохраниться в первозданном виде среди быстро разрастающегося большого города.

Что важно также отметить, почти все черные аисты и белоглазые нырки, беркуты и орлы-могильники, грифы и стервятники, султанки и даже пестрые и синие каменные дрозды, красноголовые сорокопуты и снежные вьюрки, указывавшиеся ранее для обследованных территорий Гаджибеком (Джамирзоев и др., 2000), находились именно в тех местах, где они и должны были быть! Не смогли мы увидеть лишь кеклика – казалось бы банального для горного Дагестана вида. Но как выяснилось в последующие годы, эта многочисленная прежде охотничья птица сейчас оказалась на Кавказе под угрозой исчезновения, а в некоторых западных районах она не встречается уже вовсе! Однако виной тому были не столько браконьеры, сколько естественные трансформации природной среды, резко ухудшившие условия обитания для кеклика во многих ущельях Кавказа.

Не нашли мы на озере Папас также обещанных Гаджибеком савок,

хотя полностью осмотреть это озеро нам тогда не удалось, да и попали мы туда в не совсем благоприятное время. Однако эти интересные утки были вновь найдены там немного позже, через месяц после нашего визита, сохранив свою привязанность к этому озеру.

В дополнение к прогнозировавшимся видам птиц, экспедиция принесла и несколько новых, очень интересных и важных находок. Прежде всего, следует упомянуть степную пустельгу, три довольно большие колонии которой были впервые обнаружены нами в предгорьях у г. Буйнакска, близ пос. Каякент и пос. Белиджи. А сколько их осталось в Дагестане не найдено? Ориентировочно здесь можно было наметить еще не менее шести районов, перспективных для гнездования степной пустельги, что полностью подтвердилось в последующие годы.

Все найденные колонии пустельг располагались в старых постройках (заброшенный завод и полузаброшенные кошары) среди сухих пастбищ в степных предгорьях. Без специального обследования оценить точную численность птиц в колониях было трудно, но в общем она составляла не менее 40-60 пар. Часть птиц держалась у гнезд, наблюдались их копуляции, и в то же время поблизости охотилось довольно много одиночных пустельг в самочьем наряде, возможно – холостых неполовозрелых годовиков. В целом можно полагать, что Дагестан, как и предполагалось мною раньше (Белик, Давыгора, 1990; Белик, 2000), оказался очень важным рефугиумом, убежищем для степной пустельги, пережившей здесь глубокий популяционный кризис и лишь в последние десятилетия начавшей восстанавливать свой ареал и численность в степной зоне.

Несколько раз в разных районах – на плато между г. Буйнакском и котловиной Орота, у оз. Папас и у аула Марага – мы видели охотившихся крупных соколов, напоминавших балобанов. Однако полной уверенности в их определении у нас так и не сложилось. Некоторые из них привлекали внимание темной окраской, другие – сравнительно небольшими размерами. Не исключено поэтому, что на скалах в сухих горах Дагестана могли гнездиться также ланнеры, известные по нескольким находкам в соседнем Азербайджане. Но, к сожалению, нам так и не удалось обнаружить их гнездовий в Дагестане, понаблюдать за соколами вблизи. Не встречали ланнеров там и позже. Но вот другой «экзотический» хищник – средиземноморский алет, или сокол Элеоноры был обнаружен орнитологами в 2016 году у бархана Сарыкум близ Махачкалы. Однако выяснить характер его летнего пребывания вдали от родных берегов тоже так и не удалось…

Можно отметить еще нашу майскую встречу пары белохвостых пигалиц на оз. Папас. Характер их пребывания в Дагестане тоже остался

не установлен, но не исключено, что появление этих птиц здесь было связано с продолжением их расселения в Прикаспии, внимание на которое я обратил еще в конце 1980-х годов (Белик, 1989). В лесопосадках у бархана Сарыкум нами впервые был отмечен тювик, несколько гнезд которого орнитологи нашли там впоследствии. А среди пустынных, чрезвычайно эродированных низкогорий на юго-востоке Дагестана близ аула Марага – на дурных землях, «бедлендах» (или адырах, по-тюркски) – в начале мая несколько раз наблюдались только что вернувшиеся с зимовок и занимавшие гнездовые участки красивые красноголовые сорокопуты.

Здесь же мы чуть было не нашли загадочного короткопалого воробья. Однажды утром на скалистом, покрытом камнями и редкими кустиками держидерева склоне речной долины у села наше внимание привлекла своеобразная трель «цикады», а затем была замечена вспорхнувшая с камней птица, как мы предположили – короткопалый воробей. Однако наши продолжительные последующие поиски этих редчайших птиц оставались безрезультатными. И уже лишь перед самым отъездом на окраине аула вновь неожиданно послышалось интригующее пение. Но, подняв бинокли, мы обнаружили в деревенском дворе … цесарку.

Для меня как фаунисту было очень интересно познакомиться в Дагестане с многочисленными, плотными смешанными поселениями плешанок и испанских каменок, отличавшихся необычайным полиморфизмом окраски. Интересно было также знакомство с гнездовьями кавказской славки-завирушки в сухих горах и предгорьях, где она оказалась довольно обычна в густых колючих кустарниках держидерева, крушины Палласа и можжевельников среди каменистых пастбищ. При этом было важно отметить отсутствие заметных отличий в пении и поведении местных завирушек от типичных европейских *Sylvia curruca*. Там же в сухих горах была найдена и пустынная белоусая славка – маленькая, красивая птичка, встречающаяся обычно в кустарниках у водоемов на Прикаспийской низменности, которая неожиданно для нас облюбовала заросли колючего держидерева в горах…

Неожиданно любопытной для меня оказалась в горных лесах Дагестана также очень низкая численность настоящих дендрофилов. В обширных дубняках на южных склонах гор в течение дня порой нельзя было услышать даже зяблика. Лишь в более влажных старых буковых лесах на северных склонах появлялся характерный лесной орнитокомплекс, в том числе зарянка, черноголовая славка, полуошейниковая мухоловка, поползень и др. Но и здесь все эти птицы были немногочисленны, отражая, очевидно, ксерофильный облик всей природы Восточного Кавказа.

Но самое яркое орнитологическое впечатление от поездки по Дагестану оставили всё же хищные птицы. Такого их обилия, как здесь, сейчас нельзя встретить, пожалуй, больше нигде на Северном Кавказе. Где бы мы ни находились – в Махачкале или на гребнях хребтов Внутреннего Дагестана, на берегу Каспия или в полупустынных бедлендах – в поле зрения можно было постоянно видеть грифов или сипов, стервятников, беркутов или орлов-могильников, подорликов, бородачей, канюков или курганников, змееядов, различных ястребов и луней, сапсанов, пустельг и др. Особенно много хищников держалось в обширной степной Буйнакской котловине, где на сухих стравленных пастбищах сохранились большие поселения сусликов. Здесь, помимо упомянутой выше колонии степных пустельг, 1 мая проездом по автотрассе мы учли 6 карагушей и 2 беркутов, 3 курганников и 2 коршунов, самца и самку лугового луня, 2 сипов и 2 грифов. В различных районах Дагестана, даже при самом беглом, кратковременном обследовании, нам удалось найти жилые гнезда грифа, сипа, стервятника, беркута, змееяда, сапсана и др.

С хищными птицами связана, пожалуй, и одна из наиболее острых природоохранных проблем Дагестана, решить которую можно, вероятно, лишь при оздоровлении социально-экономической обстановки в республике. Дело в том, что хищники, прежде всего – их птенцы, стали предметом «бизнеса» для многих подростков, которые забирают слётков из гнезд и продают их на автотрассах на утеху заезжим «бизнесменам», различным перекупщикам или же гостям из других регионов, для многих из которых местные птицы – настоящая экзотика или диковина. К сожалению, эти покупатели редко представляют себе, что приобретая птицу на обочине дороги, они обрекают ее на мучительные страдания и неизбежную смерь в неволе.

Мне, как гостю Дагестана, хотелось бы специально отметить также необычайное гостеприимство горцев. Куда бы мы ни приезжали, везде перед нами широко открывались двери домов, на столах даже в самых бедных чабанских саклях тут же появлялись изысканные яства и напитки, гостя обязательно усаживали (или укладывали) на почетное место. Даже совсем незнакомые люди в горах в ответ на улыбку готовы были делиться куском хлеба и мяса.

Особое радушие мы встретили в доме у районного охотоведа Магомедтагира Папалашева в небольшом посёлке Ново-Каякент, который скрывался в садовой зелени между старыми пойменными лесами и Каспийским морем. Здесь же недалеко от посёлка, среди выжженной солнцем полупустыни, под прикрытием прибрежных дюн, раскинулось озеро Папас – обширная, удивительной красоты лагуна, насыщенная жизнью, гомоном пернатых. Это место, ставшее широко известным бла-

годаря исследованиям орнитологов из Дагестанского и Харьковского университетов, привлекает теперь всё большее внимание и ученых, и служб охраны природы.

Могила С.Г. Гмелина в с. Верхний Каякент.
Фото Л.В. Маловичко

Тут же на берегу моря прямо из песка бьют нарзанные источники, изливающиеся на вершинах маленьких «вулканчиков», а в своеобразных «банях» поблизости стоят наполненные теплой целебной водой глубокие ванны-колодцы. Наконец, неподалеку, в ауле Верхний Каякент, возвышается памятный монумент на могиле великого российского натуралиста, известного исследователя Кавказа Самуила Гмелина, похороненного в 1774 году на дагестанской земле…

* * *

Еще раз мне удалось побывать в горах Дагестана в мае 2009 года. Это была наша третья совместная Российско-Украинская экспедиция по Северному Кавказу – после 2004 и 2008 годов самый продолжительный и наиболее результативный маршрут, который прошел с 1 по 10 мая по 6 регионам России. Вместе с Виталием Ветровым из Луганска, Юрием Милобогом из Кривого Рога и Евгением Писанцом из Киева мы проехали около 3300 км по Ростовской области, Калмыкии, Ставропольскому краю, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, а также по равнинному и горному Дагестану, в котором провели 5 дней.

В этот раз нам удалось познакомиться с подгорными равнинами на севере Дагестана, обводненными за счет многочисленных оросительных каналов и покрытыми сетью лесополос и искусственных лесных массивов, фауна которых особенно интересовала меня. Затем мы пересекли всю огромную дельту Терека, замаскированную паранджой из галерейных пойменных лесов и кустарников, дважды побывали в пред-

горной Буйнакской котловине, за которой начинался Внутренний Дагестан, и еще два дня работали в скалистых горах, поднимаясь и спускаясь по головокружительным серпантинам из одного ущелья в другое от аула Леваши почти до Хунзаха.

Здесь в горах было много солнца, много огромных скал и сухих каменистых пастбищ, покрытых колючками держидерева *Paliurus spina-christi* – той самой христовой колючки, из ветвей которой был сплетён терновый венец Христа. А с перевалов и плоских известняковых плато открывались широкие белёсые дали с непривычными квадратными вершинами и вздыбленными зубчатыми стенами хребтов. С высоты птичьего полета были видны небольшие горные аулы, лепившиеся, как пчелиные соты, на крутых скалистых склонах гор. Иногда на дорогах встречались колонны броневиков, спешивших куда-то в ущелья для проведения контртеррористических операций, так удивлявших тогда моих украинских друзей.

Добравшись до Аварского Койсу, мы свернули вверх по ущелью, надеясь подняться до Главного Кавказского хребта, или хотя бы до аула Кособ, где летом работал сотрудник Дагестанского научного центра РАН Н.И. Насрулаев, изучавший экологию реликтового безоарового козерога. Там можно было познакомиться с природными условиями и фауной высокогорий Дагестана, но чем выше мы поднимались в горы, тем угрюмей становились скалы, всё сильнее сжимавшие борта ущелья. На Боковом хребте на вершинах появились снежные поля, сосняки на склонах уступали место березнякам, лето в ущелье сменилось холодной весной, и украинские коллеги, не знакомые с подобными ландшафтами, постепенно мрачнели. К тому же кончалось горючее в баках машины, заканчивалось время майских каникул, и немного не доехав до Кособа, мы вынуждены были повернуть обратно…

Основной целью всех этих наших поездок был поиск и учет численности хищных птиц, которыми занимались украинские коллеги. Прежде всего, нас интересовали редкие, особо охраняемые виды: орлы, грифы, бородач, стервятник, курганник, степная пустельга и др. В Дагестане мы очень надеялись увидеть также редчайшего, исчезающего на юге России балобана, гнездовой участок которого незадолго до этого был найден Хаджаманом Исмаиловым в Буйнакской котловине. Одновременно мы выясняли экологию, фенологию размножения, поведение, а также лимитирующие факторы, определяющие динамику ареалов и популяций хищных птиц на Кавказе. Попутно собирались также фаунистические материалы, на местах стоянок проводились учеты мелких видов птиц, поиски гнезд и другие исследования.

Материалы первых двух наших экспедиций по Кавказу нашли отражение в большой серии специальных совместных публикаций (Белик и др., 2004-2008) и в ряде других работ. Не менее интересные результаты были получены и во время последней поездки, особенно в Дагестане (Белик и др., 2011, 2017). Так, в Восточном Предкавказье нами были прослежены закономерности современного распространения степного орла и курганника. Первый из них в последние годы там практически полностью исчез, сохранившись лишь в небольших рефугиумах с колониями малого суслика, а курганник постепенно увеличивает свою численность и расселяется на запад. Лишившись сусликов, он осваивает теперь замещающие корма: мышевидных грызунов, ящериц и змей, слётков мелких птиц и др., а также переходит в новые биотопы: на опоры ЛЭП, на которых когда-то гнездились степные орлы, в лесополосы среди полей, на одиночные деревья и кустарники среди песков. Особая популяция в последние годы сформировалась в предгорьях Дагестана, где птицы освоили гнездование на скалах. Сейчас курганник интенсивно проникает в глубь сухих горных ущелий, и его гнездовья были найдены нами уже близ аулов Параул, Аркас и др.

В Дагестане продолжается рост численности и расселение степной пустельги, сотенные скопления которой были обнаружены, например, среди Ногайских степей в Ленин-ауле и Калинин-ауле, где под крышами небольших одноэтажных жилых домов часто гнездились по 5-10 пар вместе. Отдельные же пары и небольшие поселения степных пустельг прослежены на запад до аулов Боранчи и Карагас в Дагестане и сёл Абрам-Тюбе и Зункарь в Ставропольском крае.

Особенно же впечатляющими оказались современные тенденции в популяциях орла-могильника, или карагуша. Так, на равнинах и в предгорьях Дагестана, где еще недавно общая численность этого орла оценивалась всего в 12-15 пар, нами в последнюю поездку было выявлено около 20 ранее не известных гнезд, в том числе 12 гнезд – на равнине, одно – на склонах самого крупного в Европе, фантастического бархана Сарыкум в Дагестанском заповеднике в предгорьях близ Махачкалы, а остальные – в межгорных котловинах. Только за один день 5 мая мы обнаружили в Дагестане 7 жилых гнезд карагуша!

В горах Дагестана довольно обычными оказались также и беркуты. Всего за два дня на 400 км автомаршрута по горам Дагестана мы учли до 8 встреч с этими птицами, большинство из которых держалось явно на гнездовых участках. До этого же в Дагестане было известно всего 4-5 мест их гнездования. Два новых гнезда с птенцами, располагавшихся в 3 км друг от друга, были найдены нами на небольшом хребте в ближайших окрестностях г. Буйнакска и еще одно гнездо – в уще-

лье р. Халагорк близ аула Леваши. В то же время старое гнездовье беркута на огромной Белой скале, осмотренное нами в 2002 году в котловине Орота на р. Аварское Койсу, оказалось брошено из-за браконьерского изъятия птенцов.

Всего за время поездки нами было отмечено 25 видов хищных птиц. Однако главной цели всех наших экспедиций на Кавказ – поиска гнездовий балобана – не удалось достичь, к сожалению, и в этот раз. В районах последних известных его встреч в Буйнакской котловине мы не смогли даже увидеть этих птиц, хотя места для их обитания на некоторых хребтах у Буйнакска были вполне приемлемы. Причина нашей неудачи, возможно, – в недостатке времени или в невезении? Сказалась, очевидно, и непогода, сопровождавшая и на этот раз почти всю нашу поездку.

Хотя два дня в горах для экспедиционного маршрута по столь обширному и уникальному по своим природным условиям Дагестану – это практически ничто. Для тщательного обследования и поисков исчезающих видов птиц в Дагестане нужны недели и месяцы напряженной работы. Только тогда можно делать какие-то выводы и обобщения!

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть гостеприимство и доброжелательность дагестанцев. Хотя в этот раз мы жили в палатках, ежедневно собирая их по утрам, а по вечерам вновь разворачивая лагерь, и поэтому с местными жителями общались реже, тем не менее, все встречи с ними оставляли в памяти только самые добрые чувства. И незнакомые рыбаки, наделившие нас огромным сазаном и вязанкой вяленых кутумов на берегу Каспия в дельте Терека, и гаишники, несколько раз открывавшие нам дорогу, когда узнавали, что украинские ученые приехали к ним в гости для изучения их птиц, и мастера по ремонту машин, до полуночи возившиеся с нашим лендровером в ауле Чиркей в Буйнакской котловине, где Юра Милобог пропорол на камнях поддон картера, – все эти люди были искренни в своих чувствах, желая успехов нашей экспедиции.

Эта последняя авария в Дагестане была не менее памятна для нас, чем многие другие приключения в наших многочисленных экспедициях. Вечер застал нас тогда в г. Буйнакске, куда мы спустились с гор после беспросветного тумана и дождя, накрывшего нас на перевале. Здесь же было сухо, а у горной цепи, опоясывающей котловину с севера, выглянуло даже закатное солнце, и мы решили разбить очередной лагерь у подножия гор, чтобы с утра можно было понаблюдать за хищными птицами в колониях сусликов, еще раз поискать там балобанов.

Однако при парковке в сумерках Юра не увидел в траве большой камень, торчавший из земли, случайно наехал на него и пробил поддон

своей «Навары». Хорошо, что он сразу же заметил капли масла, появившиеся под машиной. Его реакция была мгновенной. Лагерь был тут же вновь заброшен в пикап, мы быстро выехали на трассу и помчались в ближайший аул, где Юра еще по дороге из Буйнакска машинально обратил внимание на вывеску мастерской по ремонту автомобилей. Приехали туда, когда из картера вытекло почти всё масло. Еще бы километр-два, и можно было бы оставлять машину в горах…

Дары дагестанцев в ауле на берегу Каспия.

Аул Аракани в котловине Орота.

Вскоре в стемневшем ауле нашли хозяина мастерской, поставили машину на яму и принялись за ремонт. Юра сам отрихтовал поддон, трещину в нём заклеил специальным клеем, залил масло в картер. И о, чудо! В полночь разбитая машина вновь выехала в путь! Но лагерь пришлось ставить теперь уже в полной темноте недалеко от аула, на обочине дороги, среди голой и сухой, выбитой овцами пыльной, каменистой степи, вдали от вожделенного хребта с его орлами, грифами и балобанами…

* * *

Когда-то давно, еще в начале XX века, была опубликована работа нашего известного кавказского орнитолога Льва Борисовича Бёме, в которой подробно описана зоологическая экспедиция по Аварскому и Андийскому Койсу от Буйнакска до Ботлиха, т.е. по Внутреннему, Известняковому Дагестану, проведенная в июне 1927 г. в течение 10 дней на конной линейке.

Ее маршрут прошел из г. Буйнакска через с. Казанище, аул Араказ (Аркас) и перевал Шашерек к аулу Аракани в ущелье реки Аварское Койсу, где многочисленные сакли горцев, как гнезда ласточек, до сих пор густо лепятся вокруг мечети на крутом склоне у самого подножия огромной Красной скалы. Затем, после долгого подъема на Хунзахское плато, зоологи спустились через аулы Харахи и Тлох к реке Андийское

Койсу, поднялись вверх по ее течению в обширную, засушливую Ботлихскую котловину и, наконец, посетили большое высокогорное озеро Эзень-Ам на Андийском хребте на границе Дагестана и Чечни.

Лев Борисович Бёме

После первого, памятного для меня знакомства в 2002 г. с горным Дагестаном (Белик и др., 2002), я смог познакомиться и с этой работой Л.Б. Бёме, после чего Известняковый Дагестан и его орнитофауна стали восприниматься для меня совсем по-другому. Мне захотелось самому взглянуть на те районы, где побывал Лев Борисович почти 100 лет назад, посмотреть, что же изменилось там за прошедшее время в ландшафтах, в животном мире. Особенно тянули к себе высокогорное Хунзахское плато и таинственная Ботлихская котловина.

Ботлих расположен на западной окраине Дагестана, и сразу же за ним, за Андийским хребтом, начинается совсем другой – влажный, лесистый Центральный Кавказ. Котловина эта, достигающая 10-15 км в диаметре, поражает своими значительными размерами, глубиной и засушливостью. Летние температуры воздуха здесь, на высоте около 1000 м н.у.м., поднимаются, в среднем, до 20-21°С; в среднем 67 дней в году здесь бывают засухи, а иногда они продолжаются до 106 дней. Зимой же температура, в среднем за январь, не опускается ниже минус 2°С, а иногда повышается до +18-22°С.

В средние века, вероятно, в результате какого-то грандиозного горного обвала, здесь на Андийском Койсу образовалась запруда, затем в пойме реки развились болота, а в XIX веке распространилась малярия. Сейчас же болото заполнили галечники, нанесенные реками с гор, среди галечников появились многочисленные мелкие протоки и затоны, и лишь местами по берегам остались камыши, луга, влажный пойменный лес и кустарники. А среди них в садах аварцев рядом с абрикосами зреют грецкие орехи, персики, хурма, виноград.

В Ботлихскую котловину неоднократно, начиная с В.В. Докучаева в 1878 г., приезжали исследователи, чтобы познакомиться с ее своеобразной природой, с почвами, растительностью, фауной. Первым из зоологов ее посетил, наверное, К.Н. Россиков (1884), а затем сюда в 1904 г. специально приезжал Н.Я. Динник (1905). Чуть позже здесь полтора летних месяца провёл молодой немецкий орнитолог Ф. Розенберг

(Rosenberg, 1907), в 1927 г. через Ботлих прошел маршрут экспедиции Л.Б. Бёме (1933), а в 60-е годы в Ботлихе дважды побывали также украинские орнитологи во главе с И.Б. Волчанецким (1973), изучавшим орнитофауну Дагестана.

И вот в середине августа 2018 г. нам с дагестанским зоологом Н.И. Насрулаевым удалось организовать свою подобную экспедицию, правда – по несколько иному маршруту. Начав с Ботлиха, мы через аул Тлох поднялись на Хунзахское плато, после чего, спустившись с огромной скальной куэсты по головокружительному серпантину вниз, проехали в верховья Аварского Койсу – в лесистый Сланцевый Дагестан и, наконец, через перевал Шашерек на 8-й день вернулись в Буйнакск. На пути были ночевки в палатках, в заброшенных высокогорных аулах, а также в гостях у аварцев в ауле близ Тляраты.

Эта августовская автомобильная поездка с длительными пешими экскурсиями у Ботлиха и Тлоха на Андийском Койсу и в районе аулов Кособ и Магитль на Аварском Койсу оказалась приурочена, к сожалению, фактически к «мертвому сезону», когда птицы уже закончили гнездование и прекратили пение, а часть даже улетела на зимовки. У большинства же мелких воробьиных птиц к тому же шла линька оперения, и они вели себя крайне скрытно. Достаточно сказать, что за 8 дней экспедиции нами было случайно замечено всего лишь около 10 черных дроздов, повсеместно обычных в лесах и садах Дагестана весной. Только однажды отмечено пение московки и желтобрюхой пеночки, а зяблики и лесные коньки не были найдены даже в сосновых лесах на склонах гор.

На дорогах в скалистых аридных котловинах были хорошо заметны лишь каменки – обыкновенные и плешанки; на горных тропах с каменистыми откосами регулярно вспугивались горные овсянки, да в кустарниках и по опушкам лесов появилось довольно много обыкновенных горихвосток, начавших, очевидно, сезонную миграцию. Однако всего за 8 дней на 50 км пеших маршрутов нами было отмечено до 70 видов, что довольно много для гор, тем более в конце лета. В июне же Л.Б. Бёме (1933) встретил на своем маршруте в горах Дагестана 91 вид птиц.

В целом наши наблюдения, при их сопоставлении с данными местного орнитолога Е.В. Вилкова (2007, 2008, 2010, 2013 и др.), проводившего многолетние августовские учеты птиц среди высокогорий и среднегорий в разных районах Дагестана, показали весьма низкое качество, невысокую достоверность результатов подобных позднелетних фаунистических исследований.

Наиболее же яркое впечатление, оставшееся от нашей поездки, – крайне суровые условия для жизни человека в высокогорных аулах, в глубине диких ущелий Дагестана, особенно в прошлом, когда к аулам

вели лишь узкие крутые тропы. История появления этих аулов, строительства монументальных каменных башен и жилых зданий, поражающих воображение своей мощью, уходит в многовековую глубь времен, когда единственным помощником человека были лошади и ишаки.

Развалины аула Росноб в ущелье Аварского Койсу.

В ущелье внизу – аул Кособ, в центре – аул Магитль, к которому идет автодорога, а ближе – Бусутли. Вдали на скалистом отроге – тропы к развалинам аула Росноб.

Сейчас же в Дагестане интенсивно развивается инфраструктура, с помощью современной техники строятся мосты через бурные реки, на склонах гор прорезаются новые автодороги, но зачастую это только способствует быстрейшему оттоку коренного населения из гор. В Тляратинском районе в ауле Магитль, например, куда в 1998 году была проведена дорога, сейчас из 18 семей остались четыре, а в соседнем Бусутли – из 4 семей уцелела лишь одна. Многие другие аулы, связанные с Магитлем только тропами, давно опустели, и о них напоминают только каменные развалины и величественные башни на гребнях горных отрогов.

О запустении гор свидетельствует также малочисленность домашнего скота. Горцы дружно пересели на авто, и лошади встречаются в их горах уже весьма редко. За всю поездку мы видели всего 2-3 большие отары овец, хотя часть из них в это время была, вероятно, на высокогорных пастбищах. У жилых аулов паслись лишь небольшие частные стада коров, вытаптывавших травостой среди кустарников и редколесий и позволявших кормиться там на земле кекликам, голубям, овсянкам и воробьям. Почти заброшено и орошение в горах, где на узких террасах по крутым склонам ущелий горцы разводят абрикосовые сады, а раньше повсеместно сеяли также пшеницу и ячмень. Когда-то полями было покрыто всё Хунзахское плато, а сейчас мы встретили на нём только одно небольшое поле с рожью на окраине аула Цада – родины Расула Гамзатова, да и то посеянное, возможно, в декоративных целях.

Котловина у аула Тлох с усыхающими абрикосовыми садами на террасах и зелеными – в пойме Андийского Койсу.

Абрикосовый сад на заброшенных земледельческих террасах близ аула Тлох.

Полное же исчезновение полей лишило многих зерноядных птиц калорийного корма, особенно необходимого им по холодам в осенне-зимний период. Несомненно, что это была одна из важнейших причин резкого сокращения численности сизых голубей в горах, в массе гнездившихся в прошлом на всех скалах, а сейчас встречающихся только отдельными парами или небольшими стайками в жилых аулах. Это же, вероятно, привело к резкому падению численности каменных куропаток, сохранившихся сейчас, в основном, возле жилых аулов в верховьях Аварского Койсу, где птицы пасутся зачастую на огородах и на вытоптанных скотом лужайках поблизости, а в аридных котловинах, лишившихся полей и водопоев, мы не слышали их вовсе. Возможно по этой же причине в горах почти не осталось клушиц, пару которых мы наблюдали лишь однажды близ аула Тлох. Почти повсеместно исчезли также каменные воробьи.

Когда-то Л.Б. Бёме писал, что на Северном Кавказе этих воробьев больше всего в Дагестане, и особенно много их в селениях на Хунзахском плато. Сейчас мы, действительно, встретили стаю из 20-30 каменных воробьев на окраине Хунзаха, но это была единственная встреча на 550 км пути, и сохранились воробьи там, возможно, лишь благодаря тому самому ржаному полю, находившемуся у аула Цада в 1-2 км оттуда. В горах мы ни разу не видели также домовых воробьев, большие стаи которых появились только в селениях среди обширной, степной Буйнакской котловины в предгорьях. Хотя стайки полевых воробьев изредка еще встречались по окраинам многих горных аулов.

За пределами Буйнакской котловины практически не было видно и ласточек-касаток. Почти не осталось в горах и сорок, отмеченных только однажды у с. Майданское в котловине Орота на Аварском Кой-

су. Заметно больше этих птиц стало лишь по лесополосам в Буйнакской котловине. То же можно сказать и о серой вороне, встреченной в горах всего 4 раза на свалках у аулов Тлох, Харахи, Чарах и Магитль.

Ржаное поле на Хунзахском плато возле аула Цада – родины Расула Гамзатова.

Аулы на плато под хребтом, опоясанные многочисленными заброшенными земледельческими террасами на склонах.

По-видимому, несколько лучше сохранились в Дагестане популяции хищных птиц. Здесь у аула Тлох на Андийском Койсу мы нашли еще одну довольно крупную колонию белоголовых сипов. По-прежнему регулярно наблюдаются массовые кормовые миграции этих птиц в разных горных районах. Особенно интенсивным был их выраженный пролет через перевал Шашерек из аридных котловин на Аварском Койсу к скотобойням в предгорьях на востоке Дагестана, который мы наблюдали на этом перевале также и в 2002 г. Регулярно и повсеместно встречались черные грифы, гнездящиеся в сосновых лесах на крутых склонах хребтов, но численность этих птиц сейчас в Дагестане, по меньшей мере, на порядок ниже, чем сипов. Нередки в горах бородачи, и на скалах у Хунзаха удалось даже найти их гнездовую нишу. Причем, если Ф. Розенберг в 1906 г. встретил бородача в горах лишь 3 раза за полтора летних месяца, Л.Б. Бёме в июне 1927 г. между Буйнакском и Ботлихом отметил всего 6 встреч за 10 дней, то в августе 2018 г. там же за 8 дней нами учтено уже 19 встреч с бородачами. Местами же мы регистрировали этих птиц до 3-7 раз за день. Дважды мы наблюдали стервятников, а также беркутов, но численность последних, по общему впечатлению, по-видимому, снижается, что обусловлено, быть может, сокращением кормовой базы.

Интересна находка выводка карагуша с несамостоятельным слётком далеко в глубине гор – в широкой аридной котловине у аула Тлох на Андийском Койсу. Орлы гнездились где-то в сосняке на склоне уще-

лья и могли охотиться как в котловине, так и на соседнем субальпийском плато, где находился ряд больших жилых аулов. Не исключено, что эти орлы расселяются в горы на место исчезающих беркутов?

Удивительная, неповторимая горная страна Дагестан приоткрыла нам в этот раз лишь некоторые свои тайны, еще раз показала необыкновенное гостеприимство горцев, их радушие. Но там осталось еще очень много неизведанных ущелий, дорог и троп, по которым хотелось бы пройти и проехать, особенно весной, в сезон птичьего пения. Где-то в горах скрылись от нас снежные и короткопалые воробьи, краснокрылые чечевичники и стенолазы, синие и пестрые каменные дрозды, рогатые жаворонки, мохноногие сычи, вальдшнепы, кавказские тетерева и улары…

Когда-то еще Чарльз Дарвин говорил, что человек должен периодически вдохновляться грандиозными картинами природы… Поэтому надеюсь, что впереди нас ждут новые встречи с горами Дагестана!

Вообще же сейчас можно с уверенностью говорить, что Дагестан – Ворота загадочного Востока – всегда ждет гостей: и орнитологов, и туристов, и просто отдыхающих, для которых всё лето на побережье Каспия греет солнце, зреют фрукты, слепит глаза чистый песок на пляжах, стоят курортные ванны с лечебной водой, работают различные мастерские и музеи…

"Ненастный день. Дорога прихотливо
уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
немых могил сторожевая цепь
среди хлебов загадочно синеет,
кричат орлы, пустынный ветер веет
в задумчивых, тоскующих полях,
да тень от туч кочующих темнеет".
(И.А. Бунин)

ЭПИЛОГ

Пользуясь возможностью, я хочу сейчас еще раз поблагодарить своих Родителей за то, что они подарили мне жизнь и открыли путь к ее познанию. Хочу поблагодарить также всех своих многочисленных Родственников – близких и дальних, с которыми мы встречались, общались, помогали друг другу в детстве, в юности и в зрелом возрасте.

Особая моя признательность моим закадычным друзьям детства – Влаке и Юхе Москаленко, с которыми мы много лет вместе открывали первые тайные тропы в природе, познавали птиц, путешествовали по Полесью, Карпатам, Тянь-Шаню, Дону…

Я чрезвычайно благодарен всем своим учителям – нашей любимой Антонине Павловне Лободе, воспитывавшей нас в школе первые 4 года, биологу Андрею Ефимовичу Бондаренко, знакомившему нас с живой природой Украины, физруку Андрею Степановичу Митченко, приучавшему побеждать на соревнованиях, географу Михаилу Трофимовичу Иванченко, поставившему мне «4» по географии, химику Надежде Ивановне Задко, готовившей нас к экзаменам в вузы, физику Надежде Антоновне Гармаш, историку Павлу Григорьевичу Макаренко, Лидии Федоровне Гончаренко, знакомившей нас с языком Гёте и Гейне, и всем остальным преподавателям школы № 8 города Шостки, которые помогали нам найти дорогу и выйти к свету знаний (см. сайт: zosh-8.at.ua).

Большое спасибо одноклассникам, особенно моему другу, запорожскому казаку Виктору Гуменному, с которым мы много времени проводили в школьные годы и изредка общаемся до сих пор, а также Свете Литвиновой, Люсе Вишневецкой, Тоне Фокиной, Томе Ворфлик, Люде Ольховик, Валере Мудраку, Юре Бочек, Борису Грачеву, Жене Корниенко, Коле Савченко, Сергею Гончаренко, Виктору Липкову, Николаю Халанскому и другим друзьям, с которыми мы когда-то вместе

готовились к занятиям, сдавали экзамены, ездили на картошку, ходили в лес за грибами, которые сейчас остались на родной, но ставшей вдруг «чужой» Украине.

Я очень признателен всем преподавателям Ростовского университета, которые прививали нам любовь к знаниям в студенческие годы, особенно нашим зоологам Николаю Сидоровичу Олейникову, Борису Александровичу Казакову, Нателе Халиловне Ломадзе, Владимиру Степановичу Петрову, Галине Пантелеймоновне Лукиной, Ефиму Ильичу Драпкину, Александру Владимировичу Пономаренко, Татьяне Григорьевне Шевченко, Евгению Петровичу Гуськову и другим профессорам и доцентам, без которых мы никогда не смогли бы стать профессионалами.

Не могу не вспомнить здесь замечательного университетского преподавателя-биохимика Сан-Саныча Синичкина, часто приходившего на наши НОКи на кафедру зоологии. Мы встретились с ним как-то в книжном магазине, где я стоял, листая толстый литературный журнал со стихами В.А. Солоухина. И потом при каждой нашей встрече он начинал декламировать запомнившиеся еще с того дня строки о волках, созвучные и моему миропониманию.

Мы – волки, и нас
По сравненью с собаками мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас убывало.

Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стона.
Но мы уцелели,
Хотя и живем вне закона.

Мы – волки, нас мало,
Нас можно сказать – единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звёздном.

Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые всё туже.

Вы смотрите в щёлки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы, в сущности, – волки,
Но вы изменили породе.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали

И льстить и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда.

Мне повезло учиться в нашей дружной университетской группе вместе с замечательными друзьями Игорем Мацкевичем, Володей Дехтой, Игорем Бояновичем, Анатолием Ковалевым, Володей Ковалевским, Виктором Богатыренко, Володей Хлобыстовым, Юрой Силаевым, вместе с удивительными, очаровательными девчатами Жанной Ляхницкой, Таней Жильцовой, Таней Дудкиной, Светой Дыбленко, Аней Пахотовой,

Аней Абрамовой, Наташей Прониной, Наташей Голубничей, Наташей Кулаковой, Олей Едаловой, Ниной Ермоленко, Кнарик Хаишбашьян, Людой Толстых, Галиной Настиновой.

Большое значение имела встреча в университете с Вячеславом Данченко, который с первого курса стал для меня ближайшим другом, спутником в многочисленных походах и путешествиях, оппонентом в спорах, помогавшим искать ответы на возникавшие вопросы.

Моя искренняя благодарность старшим коллегам – ушедшим на покой Корифеям – Владимиру Евгеньевичу Флинту, Лео Суреновичу Степаняну, Сергею Николаевичу Варшавскому, Владимиру Михайловичу Константинову, Владимиру Михайловичу Поливанову, помогавшим и поддерживавшим меня в период моего становления, способствовавшим моему росту. И особенно я признателен в этом плане нашему неувядаемому Владимиру Михайловичу Галушину – любящему людей и птиц дипломату и эрудиту.

Спасибо моим близким друзьям, с которыми мы вместе взрослели на орнитологических дорогах – Александру Михайловичу Пекло, Петру Арнольдовичу Тильбе, Владимиру Валентиновичу Ивановскому, дорогому Валентину Манцаевичу Музаеву и особенно Виталию Владимировичу Ветрову, застрявшему в блокадном Луганске.

Спасибо Вам всем за то, что Вы были, есть и будете в моей жизни, которая вела нас разными путями в начальные, средние и высшие школы, в нашу науку, в рядовые и начальники, в крепкие, и не очень, семьи, в оптимистическое будущее…

Я всегда был счастлив быть вместе с Вами, всегда радовался жизни, Вашим успехам, никогда никому не завидовал, считая, что каждый из нас сам выбирает свой путь и живет по своим правилам и интересам, как сам того заслужил.

Жизнь продолжается. Жизнь, как и дороги, бесконечна!

Важно только, чтобы на пути остался не прах забвения, а след, по которому могли бы идти потом и другие.

Пусть всё будет хорошо. Пусть будет мир.

Здоровья Вам и счастливого будущего Вашим детям и внукам!

Ну а всем молодым орнитологам, всем натуралистам желаю новых интересных дорог, новых путешествий, новых неожиданных встреч и открытий! Только на путях познания мира, изучая окружающую природу и наполняющую ее жизнь, решая их многочисленные загадки, можно получать бесконечное удовлетворение от самой жизни…

ВБ

Научно-популярное издание

Белик Виктор Павлович

МОИ ДОРОГИ

В поисках редких птиц, или познание удивительной Природы России

Подписано в печать 11.12.2018 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. лист. 34,53.
Уч. изд. л. 34,24. Заказ № 6782. Тираж 100 экз

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Важно,
чтобы на нашем земном пути
оставался не прах забвения, а торный след,
по которому могли бы идти и другие...

9 785927 530052